

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

ТОМЪ I

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ИЗУЧЕНІЙ НАРОДНОСТИ
и
ЭТНОГРАФІЯ ВЕЛИКОРУССКАЯ

А. Н. ПЫПИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., № 7.

1890.

(1689)

Въ настоящей книгѣ собраны многолѣтнія работы по исторіи изученій русской народности, первоначально помѣщавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ (1881—1888). Объединенныя здѣсь въ одно цѣлое, онѣ были вновь пересмотрѣны и въ различныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе значительно дополнены.

Русская этнографія только въ послѣднія десятилѣтія, почти только съ сороковыхъ годовъ, получила характеръ настоящей научной дисциплины: до тѣхъ поръ мы можемъ слѣдить только ея зародыши, первыя попытки, которыя, однако, во-первыхъ сохранили иногда и донынѣ цѣнность научнаго матеріала и во-вторыхъ имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ какъ ступени общественнаго самосознанія, приводившаго постепенно къ болѣе и болѣе глубокому пониманію собственнаго народа и его жизни и наконецъ подготавливавшего самую возможность точной, правильно постановленной науки. Въ эту прежнюю пору еще не было этнографіи какъ науки, но было несомнѣнное, часто глубоко серьезное стремленіе къ изученію народности, отражавшееся и на другихъ отрасляхъ знанія, какъ исторія, и на развитіи литературы поэтической, имѣвшей для русскаго общества великую воспитательную силу. Исторія этихъ стремленій должна составить необходимое начало исторіи самой науки: въ этомъ смыслѣ исторія русской этнографіи должна быть начата съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка, съ Петровской реформы и съ первыхъ изученій русской территоріи и населенія; здѣсь вообще впервые возникаетъ сознательная мысль объ изученіи народа и народности, развившаяся позднѣе въ общественную дѣятельность для народа и въ правильную науку.

Въ своемъ изложеніи мы останавливаемся на главнѣйшихъ фактахъ этой исторіи, именно на основныхъ явленіяхъ самой науки и на сопредѣльныхъ явленіяхъ литературы, вліявшихъ на ея движеніе: большія подробности, увеличивъ объемъ книги, сдѣлали бы ее менѣе доступной, — но мы желали бы распространенія историческихъ знаній о предметѣ, столь близкомъ интересамъ каждаго просвѣщеннаго человѣка, въ возможно большемъ кругу читателей, а не въ одномъ тѣсномъ кругу кабинетныхъ специалистовъ. Эти подробности необходимы, однако, для специалиста и для каждаго приступающаго впервые къ изученію предмета, и онѣ собраны въ другомъ трудѣ, приготовляемомъ мною къ печати: это — систематическое обзорнѣе русской этнографической литературы, въ формѣ библиографическаго указателя. Это обзорнѣе, какъ я надѣюсь, доставитъ изслѣдователямъ небезполезный подборъ фактовъ и справокъ, какового не могла бы дать собственная исторія науки, а для приступающихъ къ изученію предмета послужитъ руководителемъ въ обширной массѣ разнообразнаго матеріала, въ которомъ начинающій обыкновенно только съ трудомъ можетъ осмотрѣться, долго не имѣя возможности составить себѣ отчетливаго понятія о цѣломъ составѣ избранной имъ и полюбившейся науки.

Изданіе всѣхъ четырехъ томовъ настоящей книги я надѣюсь окончить въ теченіе года, и затѣмъ предполагаю приступить къ окончательной редакціи и изданію систематическаго обзорнѣя.

А. Пыпинъ.

Мартъ, 1890.

Въ своемъ изложеніи мы останавливаемся на главнѣйшихъ фактахъ этой исторіи, именно на основныхъ явленіяхъ самой науки и на сопредѣльныхъ явленіяхъ литературы, вліявшихъ на ея движеніе: большія подробности, увеличивъ объемъ книги, сдѣлали бы ее менѣе доступной, — но мы желали бы распространенія историческихъ знаній о предметѣ, столь близкомъ интересамъ каждаго просвѣщеннаго человѣка, въ возможно большемъ кругу читателей, а не въ одномъ тѣсномъ кругу кабинетныхъ специалистовъ. Эти подробности необходимы, однако, для специалиста и для каждаго приступающаго впервые къ изученію предмета, и онѣ собраны въ другомъ трудѣ, приготовляемомъ мною къ печати: это — систематическое обзорнѣе русской этнографической литературы, въ формѣ библиографическаго указателя. Это обзорнѣе, какъ я надѣюсь, доставитъ изслѣдователямъ небезполезный подборъ фактовъ и справокъ, какового не могла бы дать собственная исторія науки, а для приступающихъ къ изученію предмета послужитъ руководителемъ въ обширной массѣ разнообразнаго матеріала, въ которомъ начинающій обыкновенно только съ трудомъ можетъ осмотрѣться, долго не имѣя возможности составить себѣ отчетливаго понятія о цѣломъ составѣ избранной имъ и полюбившейся науки.

Изданіе всѣхъ четырехъ томовъ настоящей книги я надѣюсь окончить въ теченіе года, и затѣмъ предполагаю приступить къ окончательной редакціи и изданію систематическаго обзорнѣя.

А. Пыпинъ.

Мартъ, 1890.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

Введеніе. Стр. 1—15.

Глава I.—Общій обзоръ изученій народности и результатовъ ихъ въ современныхъ понятіяхъ. Стр. 17—50.

Стремленіе къ изученію народности, стр. 17.

Первыя проблески критическаго отношенія къ народной жизни: Котошихинъ, Крижаничъ, Посошковъ, стр. 19.

Значеніе Академій наукъ, 19. Дѣятельность Гер. Фр. Миллера, 20.

Московскій университетъ, 21.

Татищевъ, 22.

Времена имп. Екатерины II, 23. Новиковъ и Радищевъ, 25.

«Исторія Государства Россійскаго», Карамзина, 27.

Разысканія археографическія, 29.

Первыя этнографическія работы: Снегиревъ, Сахаровъ, Терещенко; Цертелевъ, Срезневскій, Максимовичъ и пр., 30.

Изученіе славянства, 31.

Новая историческая школа, Соловьевъ и пр., 33.

Основаніе Географическаго Общества; Второе Отдѣленіе Академій; новѣйшее развитіе филологій и этнографіи, 34.

Изученіе раскола, 36.

Результаты изученій — сближеніе общества съ интересами народа, 38.

Глава II.—Понятія о народности въ XVIII вѣкѣ. Стр. 51—77.

Поворотъ въ русской жизни послѣ реформы; два склада нравовъ и двѣ литературы, стр. 51.

Отношеніе новаго образованія къ народности, 57.

Псевдо-классицизмъ, пренебрегающій народностью, 59.

Другое теченіе, исходящее изъ живого бытового преданія, стр. 60, поддержаннаго литературными вліяніями, 64.

Чулковъ, 65. Собраніе народной пѣсенной музыки, Прача, 70.

Народныя оперы, 71.

Народныя обычаи, мнѳологія: Поповъ, Чулковъ, Глинка, Кайсаровъ и пр. 72.

Записи п'їсенъ, 75.

Начало историческаго знанія, 76.

Глава III.—XVIII вѣкъ. Научныя изслѣдованія Россіи.
Стр. 78—112.

Забытая дѣятельность XVIII-го вѣка, стр. 78.

Труды Петра В., относящіеся къ введенію науки и къ научному изслѣдованію Россіи, 79.

Вліяніе западной науки; географическія изысканія; труды Мессершмидта, стр. 82, Штраменберга, 84.

Расширеніе научнаго интереса къ Россіи въ Европѣ, 85.

Откуда набирались дѣятели русской науки? 87.

Поѣздки для обученія за границу, 88. Десницкій, 91.

Какъ прививалась наука? 92.

Дальнѣйшее расширеніе географическаго знанія: Кириловъ, Бюшингъ, Бакмейстеръ, Сергій Плещеевъ и пр., 95.

Географическіе словари: Полуинъ, Щекатовъ, 98.

Ученыя экспедиціи XVIII-го вѣка и трудности ихъ исполненія, 99.

Камчатская экспедиція: Берингъ, Стеллеръ, 101.

Сибирская экспедиція Миллера и Гмелина старшаго, 103.

Гмелинъ младшій, Фалькъ, Георги, Гильденштедтъ, 105.

Палась, 106.

Кириловъ, Крашенниковъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Иноходцовъ, Соколовъ, Зуевъ, Севергинъ, 108.

Глава IV.—XVIII вѣкъ. Наука и народность. Стр. 113—160.

Отношеніе науки къ жизни: рационалистическое и утилитарное; «Духовный Регламентъ»; Ломоносовъ, 113.

Обзоръ русскихъ ученыхъ путешествій. «Дневныя Записки» Лепехина, 119.

Озерецковскій, 124. Иноходцовъ, Севергинъ, 126.

Мѣстныя описанія. Рычковъ, 127. Крестининъ, Фоминъ, 128. Рубанъ, 129.

Значеніе ученыхъ экспедицій и вліяніе науки на развитіе національнаго самосознанія, 131.

Исторіографія прошлаго вѣка, 134. Татищевъ, 135. Историческіе труды Миллера, 142. Болтинъ, 147.

Глава V.—XVIII вѣкъ. Наука и народность: языкъ народный и литературный. Стр. 161—202.

Переворотъ въ литературномъ языкѣ со времени реформы, 161.

Ломоносовъ, 165; Тредьяковскій, 168.

Ученыя общества для рѣшенія вопроса о языкѣ; Россійское собраніе при Академіи наукъ; Переводческій департаментъ; Вольное Россійское собраніе, 172.

Протоіерей Петръ Алексѣевъ, 174.

Россійская академія, 177—192.
Княгиня Дашкова, 178.
Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, и пр., 180; Болтинъ, 185.
Отношеніе къ народному языку; языкъ областной, 186.
«Словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ», имп. Екатерины, 190.
Начало исторіи литературы: Коль, 192; Дамаскинъ Рудневъ, 194; Бауза, 196.

Образовательные результаты реформы, 196.

Глава VI.—Александровскія времена. Стр. 203—232.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка; отрицаніе его у Радищева и консервативная идиллія Карамзина, 203.

«Исторія Государства Россійскаго», 215.

Романтизмъ; этнографическіе интересы въ поэзи: Жуковскій, 218.

Научное движеніе; исторія и археологія; меценатство графа Румянова, 222.

Кирша Даниловъ и Калайдовичъ, 226.

Славянскіе интересы, 230.

Глава VII.—Н. И. Надеждинъ. Стр. 233—275.

Официальная народность, 233.

Биографія Надеждина, 234.

Литературные взгляды Надеждина: классицизмъ и романтизмъ, 237; исторія и романъ, 241; состояніе русской поэзи, 247; европеизмъ и народность, 248; историческая судьба русской литературы, 250; ея общественное положеніе, 256; литературная обработка малороссійскаго нарѣчія, 260; литературная народность, 261.

Прекращеніе журнала «Телескопъ», ссылка и новые труды Надеждина, 268.

Дѣятельность въ Географическомъ Обществѣ, 266.

Работы по расколу, 269.

Ходъ развитія, 271.

Глава VIII.—И. П. Сахаровъ. Стр. 276—313.

Биографія Сахарова, 276.

Историческія мнѣнія Сахарова, въ его «Воспоминаніяхъ», 283.

Понятія о народности, 288.

«Сказанія русскаго народа», 292—311.

«Мнеологія», 293; чернокунижіе, 296.

«Пѣсни русскаго народа», 300. Былины, 305. Сказки, 306.

Характеръ этнографическихъ работъ Сахарова, 311.

Глава IX.—Снегиревъ. Пассекъ. Даль. Стр. 314—355.

Официальная народность, 314.

Биографія Снегирева, 316.

Ученія работы: «Русскіе въ своихъ пословицахъ», 321. «Русскіе просто-народные праздники и суевѣрные обряды», 323. Лубочныя картинки, 325. Труды археологическіе, 326.

Вадицъ Пассекъ. Биографія, 329. «Путевыя записки», 332. «Очерки Россіи», 339.

Даль. Биографія, 340.

Труды по этнографіи, 343.

«Толковый Словарь», 345.

Пословицы, 341.

Повѣрья, 354.

Глава X.—Археологическое народолюбіе.—Начало малорусской этнографіи.—Вѣдннее положеніе народныхъ изученій. Стр. 356—389.

Журналъ «Маякъ» 1840—45 г., стр. 356.

Савельевъ-Ростиславичъ, 362.

Морошкинъ, 367.

Изученія малорусскія: кн. Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій; отношеніе Бѣлинскаго къ малорусской литературѣ, 372.

Вѣдннее положеніе этнографіи: недостатокъ правильной школы съ одной стороны, и съ другой стѣсненія цензурныя; взгляды гр. Уварова; положеніе Сахарова, Кивѣвскаго, Бодянскаго и пр., 376.

Глава XI.—Этнографическіе элементы въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ. Стр. 390—424.

Вопросъ о національномъ значеніи Пушкина, 390.

Частное значеніе его произведеній для изученій народныхъ: труды историческіе, 399; отношеніе къ этнографіи, 402.

Теоретическія понятія того времени объ искомой народности: Плетневъ, Рѣчь о народности, 410; Терещенко, 413.

Загоскинъ и Лажечниковъ, 414.

Даль, 416.

Лермонтовъ, Гоголь, 419.

Литература послѣ Гоголя; наступающій поворотъ въ изученія народности, 423.

ВВЕДЕНІЕ.

Имя *народа* теперь у всѣхъ на устахъ. Люди совершенно противоположныхъ возрѣній говорятъ о немъ, ссылаются на него въ подтвержденіе своихъ идей, выставляютъ заботу о „народѣ“ основаніемъ своихъ общественно-политическихъ мнѣній и плановъ. Въ то же время литература наполняется массой равнообразныхъ изученій народнаго быта, научныхъ и беллетристическихъ.

Какъ ни отрадно, повидимому, это обращеніе къ народу, оно и прежде могло иной разъ возбуждать недоумѣнія, а въ послѣднее время особенно наводитъ на печальныя размышленія *). Подъ видомъ любви къ народу слишкомъ часто прячется полное безучастіе къ его самымъ основнымъ интересамъ; мнимыми заботами о его благосостояніи прикрывается пренебреженіе къ нему, или прямо крѣпостническія вожделѣнія къ его экономическому и общественному порабощенію; или, даже при искреннемъ желаніи народнаго блага, это благо понимается нерѣдко самымъ превратнымъ образомъ, что опять можетъ кончатся только вредомъ для народа. Тѣмъ не менѣе, при всей отвратительности лицемѣрнаго злоупотребленія именемъ народа, при множествѣ злоупотребленія невѣжественнаго, въ этомъ распространеніи интереса къ народу есть однако другая, глубоко-искренняя и серьезная сторона, которая даетъ свѣтлыя надежды хотя на будущее. Несомнѣнно, въ этой лучшей сторонѣ сказывается, хотя бы въ начаткахъ, народно-общественное самосознаніе, предчувствуется великая историческая задача, предлагаемая обществу—и безъ рѣшенія которой грозитъ бѣдствіе самому національному существу: сознается нравственный долгъ образованнаго меньшинства къ народной массѣ и отсюда необходимость серьезнаго изученія.

---

*) Писано въ 1881 г.

Историческая задача общества ясна: это — стремиться къ тому, чтобы народъ избавился, наконецъ, хотя отъ крупнѣйшихъ тягостей своего нынѣшняго существованія; получилъ возможность правильнаго развитія своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и возможность выйти изъ умственного младенчества; сознать и осуществить свои общественные и политическіе идеалы.

Въ томъ смѣшеніи и противорѣчій понятій, о какомъ мы упоминали, фальшивое употребленіе имени народа не есть только результатъ политической злонамѣренности обскурантизма, но бываетъ и просто слѣдствіемъ недостаточнаго знанія. При множествѣ сдѣланныхъ изученій, онѣ далеко не усвоены обществомъ настолько, чтобы повліять на ходячія представленія, и до сихъ поръ не только въ массѣ такъ-называемаго образованнаго общества, но и въ литературѣ держится много старыхъ понятій временъ крѣпостныхъ и полицейскихъ, много предрасудковъ, недодуманныхъ положеній, или вообще нежеланія, или неспособности къ критикѣ, и этимъ пользуются обскуранты для тенденціозныхъ цѣлей. Съ другой стороны незнаніе народной жизни, недостатокъ изученій по нѣкоторымъ сторонамъ народнаго быта, или слабое вниманіе къ тому, что уже нѣсколько изучено, составляютъ источникъ ошибокъ и въ средѣ людей добросовѣстныхъ. Послѣдній идеализмъ, идущій изъ естественнаго желанія создать полное теоретическое и поэтическое воззрѣніе, прибавляетъ свою долю ошибокъ.

Въ числѣ подобныхъ предрасудковъ и заблужденій въ послѣднее время съ особенною назойливостью повторяется, въ искаженномъ видѣ, старая славянофильская теорія о совершенной исключительности русской народности, о зловредности Петровской реформы, будто-бы оторвавшей нашу исторію отъ народа и ему измѣнившей, о происшедшей отсюда „измѣнѣ“ народу всей нашей послѣ-петровской образованности, и т. д. Крайности старой теоріи были давно указаны и она потеряла убѣдительность для тѣхъ, кто способенъ къ здоровой исторической критикѣ. Но и до сихъ поръ эта точка зрѣнія находитъ себѣ приверженцевъ или подражателей заявленіями объ ея будто бы чисто „русскомъ“ направленіи, о представляемомъ ею „истинномъ“ патриотизмѣ, и спутываетъ понятія у многихъ, которые не умѣютъ отдать себѣ яснаго отчета въ ея смыслѣ.

Наши взгляды прямо противоположны этому ученію. Мы не думаемъ, чтобы съ Петровской реформой въ русской исторіи происходилъ перерывъ и измѣна, а напротивъ думаемъ, что въ ней совершалось прямое продолженіе и развитіе нашей исторіи; принятіе европейской образованности было не ошибкой, а необходимостью. Отдаленіе образованныхъ классовъ отъ народа, которое дѣйствительно

было и есть, во-первыхъ, происходило не столько отъ образованія высшихъ классовъ, сколько отъ подавленія низшихъ крѣпостнымъ и канцелярскимъ угнетеніемъ: образованіе, конечно, проводило извѣстную черту между народными слоями, но такая черта вездѣ и всегда неизбежна между людьми сословіями, прошедшими школу и не имѣвшими ея; такой черты не можетъ не быть между людьми, которые отличаются всѣмъ складомъ теоретическихъ понятій; во-вторыхъ, это отдаленіе началось даже раньше Петровской реформы, именно, когда начали пробиваться первые признаки науки (европейской, потому что другой не было и пока еще нѣтъ).

Было много говорено о томъ, что при всѣхъ тягостяхъ, которыхъ стоила реформа, именно къ ней сводится все, что въ послѣдніе два вѣка было сдѣлано цѣннаго для національнаго существованія и развитія: громадное расширеніе территории, приобрѣтенной для расселенія и дѣятельности русскаго народа; распространеніе практическихъ знаній, которое помогало этой дѣятельности; политическое значеніе Россіи въ средѣ европейскаго и азіатскаго сосѣдства; развитіе науки и литературы и проч.; было замѣчено и то, что многое бѣдственное въ нашей жизни оставалось отъ неполноты реформы, отъ реакціоннаго застоя и невѣжества, питавшихся воспоминаніями „самобытной“ старины XVII вѣка. Но одно историческое явленіе, великой важности, мало обращало на себя вниманіе,—что *новѣйшія образованность* и была именно могущественнымъ побужденіемъ и средствомъ къ достиженію того національнаго *самосознанія*, которое одно можетъ обѣщать полноту народнаго развитія—и представителями котораго покушаются теперь выставить себя тѣ самые, кто отрицается отъ Петровской реформы и клянетъ принесенную ею образованность.

Изученія *національннхъ*, именно изученія народа и народности, съ цѣлью научнымъ образомъ постичь характеръ и жизнь народа, какъ основу національности и государства, и указать истекающія изъ нихъ начала, особенности и современныя потребности общественнаго развитія—стали предметомъ вниманія ученыхъ и политиковъ только въ новѣйшія времена европейской образованности; національно-политическія движенія съ конца прошлаго вѣка сдѣлали теперь эти изученія и предметомъ общаго интереса, и вопросомъ науки.

Исторія новѣйшихъ вѣковъ стала тѣснѣе и чаще сталкивать народы въ дружескихъ и враждебныхъ встрѣчахъ; политическая мысль государственныхъ практиковъ и теоретиковъ выходила за предѣлы своего народа, искала общихъ принциповъ и усматривала племенные особенности; въ исторической наукѣ мало-по-малу выростала потребность дать рациональное объясненіе разбросаннымъ фактамъ исторіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ уже ставится вопросъ о философіи исторіи.

Восемнадцатый вѣкъ, при всемъ отвлеченномъ и космополитическомъ складѣ его общественныхъ теорій, встрѣтилъ въ исторіи вопросъ о „правахъ“, т.-е. другими словами, о племенныхъ отличіяхъ, о народности. Полигисторы, которыхъ было такъ много въ XVIII столѣтіи, стали обращать вниманіе на бытовныя черты, на народную старину, и дали начало тому археологическому и этнографическому собиранію, которое слагается въ нашемъ вѣкѣ въ правильную науку. Вниманіе къ народнымъ массамъ выросло и изъ научнаго интереса, и изъ либерально-филантропическихъ теорій вѣка и предшествій романтизма, и изъ возникавшаго внутренняго политическаго броженія европейскаго запада. Усилившіеся протесты противъ стараго феодализма, укрьпивъ политическое сознаніе въ „третьемъ“ сословіи, пролагали путь и для „четвертаго“, для идеи цѣлаго народа, свободнаго и равноправнаго. Европейскія событія нашего вѣка дали этому движенію еще болѣе крѣпкое основаніе и расширили его идею до господствующаго принципа,—съ одной стороны національно-политическаго, съ другой демократическаго. Быстрое развитіе культуры и экономической дѣятельности, сильныя столкновенія политическія потребовали вездѣ напряженія національныхъ силъ, которое еще ускоряло ростъ общественнаго мнѣнія и съ нимъ демократическихъ стремленій: требовалось возвысить производительность народныхъ силъ и по необходимости расширить народныя свободы и просвѣщеніе. Косвенное, но несомнѣнное вліяніе этого процесса оказалось у насъ въ освобожденіи крестьянъ. Параллельно съ движеніемъ демократическимъ, шло движеніе національностей, которое обнаруживалось возбужденіемъ національныхъ стремленій даже у такихъ племенъ (какъ многія славянскія), которыя уже не считались между живыми.

Это обращеніе къ идеѣ народа въ области политической и общественной сопровождалось въ литературѣ необычайнымъ оживленіемъ, цѣлымъ переворотомъ, который создалъ новыя направленія въ поэзіи и рядъ новыхъ спеціальныхъ отраслей въ наукѣ. Такъ называемый романтизмъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, демократической реакціей противъ аристократическаго псевдо-классицизма и велъ къ тому, чтобы дать въ литературѣ мѣсто почти нетерпимой дотолѣ народной жизни и народному творчеству. Романтическое движеніе, въ разныхъ отгѣнкахъ, охватило всю Европу. Литература измѣнялась въ содержаніи и въ формѣ; преобразовывался самый языкъ—въ богатыхъ, обработанныхъ литературахъ въ книгу проникали не только народный языкъ, но даже провинціальныя нарѣчія. Въ сознаніе общества входили этимъ путемъ представленія, прежде незнакомыя литературѣ, элементы еще недавно презираемые; общество знакомилось съ народною жизнью лицомъ къ лицу, въ ея самыхъ

скрытыхъ слояхъ и закоулкахъ; поэзія находила здѣсь богатые темы для мягкой, увлекающей идилліи и для потрясающей драмы и романа, питала общественное чувство благороднѣйшими внушеніями любви къ народу. Въ области науки интересъ къ народу произвелъ множество въ высокой степени любопытныхъ и поучительныхъ изысканій, которыя давали новый видъ исторіи и вносили новое пониманіе народной жизни въ общественное сознаніе. Таковы были изученія въ области исторіи, филологіи, этнографіи, антропологіи, миеологіи, языка,—какъ въ единичныхъ народностяхъ, такъ и сравнительно. Послѣднія десятилѣтія нынѣшняго вѣка принесли богатый научный матеріалъ, съ которымъ впервые становится доступнымъ внутренній смыслъ народной исторіи. Работа теперь въ полномъ разгарѣ, и новѣйшая наука ставитъ уже вопросъ о „народной психологіи“.

Таково было европейское движеніе, какъ видимъ, еще весьма недавнее.

Съ извѣстнымъ различіемъ въ частныхъ условіяхъ, параллельное движеніе къ освободительно-народнымъ идеямъ представляетъ и исторія нашей образованности со временъ реформы. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ реформа открывала новыя средства для внѣшняго государственнаго развитія силъ русскаго народа и, покинувъ старую національную исключительность (въ чемъ и видятъ мнимую „измѣну“ народу), расширила (хотя часто только съ своими тѣсно утилитарными цѣлями) притокъ образованія,—съ тѣхъ поръ въ средѣ *общественной* возникаетъ, въ дополненіе, а иногда и въ противоположность или исправленіе внѣшне-государственныхъ мѣръ, и постоянно растетъ самостоятельное стремленіе къ внутреннему національному сознанію, стремленіе усвоить и переработать новыя приобрѣтенія науки къ пользамъ народной массы, къ ея возвышенію умственному, нравственному и общественному. Какъ только образованность началъ устанавливаться, она старается освободиться отъ тѣсныхъ утилитарныхъ рамокъ, какія ей обыкновенно ставились, изъ книжной схоластики направляется къ жизни и къ народнымъ интересамъ. Литература XVIII-го вѣка, построенная заново на иностранныхъ образцахъ, съ каждымъ шагомъ однако все болѣе и болѣе входитъ въ жизнь, становится выраженіемъ ея лучшихъ движеній, преобразовываетъ старый искусственный книжный языкъ вліяніями живой народной рѣчи и т. д.

Эта образованность прошлаго вѣка, которую съ такимъ легкомысліемъ обвиняли въ отступничествѣ отъ народа, напротивъ, своими лучшими силами стремилась служить его просвѣщенію, матеріальному и нравственному освобожденію. Это была несомнѣнная *истори-*

ческая заслуга нашей образованности съ XVIII вѣка и донынѣ. Обвиненіе въ измѣнѣ, взводимое на нее, есть историческая клевета. И слѣдуетъ еще замѣтить, что эта задача, которую наша образованность прошлаго столѣтія ставила себѣ, была совершенно новая, гдѣ не было передъ ней стараго опыта и руководства. Московская Русь не дѣлала этого дѣла. Иной разъ приходилось встрѣчать и самыя серьезныя препятствія этому дѣлу, когда сама правительственная власть объ этомъ думала мало или прямо этому противолѣйствовала. Образованность XVIII вѣка начинала совершенно новое дѣло, всего чаще предоставленная самой себѣ, подъ Дамокловымъ мечомъ прозвела.

Насъ прервутъ иные негодующимъ замѣчаніемъ: какъ, древняя Русь не имѣла самосознанія, Русь, носившая въ себѣ ту глубину христіанской мысли, ради остатковъ которой только и существуетъ новая Россія; Русь, создавшая своей „національной“ политикой единство народа и сильное государство, самобытное и не слушавшееся Запада; Русь, не знавшая „средостѣній“; Русь, чувствовавшая себя какъ одинъ человѣкъ противъ всякаго недруга, политическаго и религіознаго, противъ католичества и „культуры“ Запада (вѣроятно уже тогда начавшаго прогнивать)? и т. д.

Да, дѣйствительно, древняя Русь и старая московская Россія не имѣли того самосознанія, о которомъ мы говоримъ. Старая, до-Петровская Россія относительно Россіи новой представляетъ то же различіе, какъ Европа среднихъ вѣковъ относительно новой Европы. Средневѣковая Европа также имѣла свое самосознаніе, какъ и древняя Россія, но это было самосознаніе совсѣмъ иного рода—инстинктивное, не доконченное, какъ сознаніе ребенка или юноши сравнительно съ сознаніемъ человѣка зрѣлаго или приходящаго въ зрѣлость.

Начать съ того, что средневѣковая Европа, какъ и московская Русь, не были способны къ понятію народной *цѣльности*, вслѣдствіе феодальнаго, или подобнаго, порабощенія и безправности народныхъ массъ. Эти массы были рабочая сила, которая считалась только какъ сила матеріальная, но пренебрегалась въ общественномъ смыслѣ, точно низшая раса: о нравственномъ ихъ правѣ не могло быть рѣчи; онѣ шли туда, куда ихъ вели, дѣлали то, что приказывалось. То, что можно было назвать національной идеей, могло относиться только къ классамъ привилегированнымъ. Въ средніе вѣка и въ Европѣ, и у насъ національность была гораздо меньше сознаніемъ, нежели чувствомъ и инстинктомъ. Въ цвѣтуція времена католицизма едва ли не выше всего стояло въ этомъ представленіи чувство религіозное: западная Европа къ чужому ей міру относилась какъ „христіанство“

(chrétienté) къ не-христіанству, именно къ византійской „схизмѣ“ и къ азіатскому магометанству; ея короли были „христіаннѣйшіе“ и „апостолическіе“. Древняя Русь такимъ же образомъ всего рѣзче противопоставляла свое истинное православіе „поганой латыни“ и „не-вѣрному бусурманству“. Народность эмпирически опредѣлялась языкомъ; но близость или даже полное единство народностей по языку не связывала ихъ, не внушала имъ политическаго стремленія другъ къ другу, какъ части стремятся къ объединенію въ цѣлое,—выше этого чувства стояло не только религіозное соображеніе (русскіе католики или униаты считались какъ будто совсѣмъ не русскими, — даже и не въ средніе вѣка католики французы истребляли своихъ протестантовъ, какъ враговъ), но даже просто политическая граница (западный русскій, хотя и православный, былъ для москвича „Литвой“, а южные русскіе „черкасами“). Въ Руси до-татарской національное сознаніе цѣлаго въ этомъ отношеніи было, пожалуй, яснѣе, чѣмъ во времена московскаго царства.

Другая черта неполноты національнаго сознанія была въ томъ, что національность сознавала себя въ тѣ вѣка лишь въ одиночествѣ, въ своихъ исключительныхъ предѣлахъ. Знали и противопоставляли себя только ближайшему сосѣдству — всего чаще враждебно, вслѣдствіе старыхъ и новыхъ военныхъ столкновеній, религіознаго различія; международное знакомство ограничивалось, кромѣ дипломатическихъ сношеній, вѣдомыхъ только власти, слабо развитыми торговыми связями, и при ограниченности или полномъ отсутствіи сношеній культурныхъ и образовательныхъ, народы мало знали другъ друга и не опредѣляли своей особенности въ этомъ отношеніи, или опредѣляли ее только голымъ отрицаніемъ всего чужого... Для старой Россіи все западно-европейское было безразлично „нѣмецкимъ“ или „фряжскимъ“: этотъ послѣдній терминъ дожилъ отъ далекой древности до самаго конца XVII вѣка, не получивъ ближайшаго опредѣленія! Изъ этого „нѣмецкаго“ и „фряжскаго“ извѣстны были лишь случайныя черты, и неизвѣстны — главнѣйшія; понятно, что старая національность не могла сознать себя относительно этого чуждаго міра, гдѣ однако совершались великія созданія мысли и художественнаго творчества,—которыя она должна была для своего собственнаго развитія (и послѣ чувствовала сама потребность) себѣ усвоивать...

Народное сознаніе или представленіе народа о своей жизни не оставались неизмѣнными или тождественными и относительно быта политическаго и общественнаго.

Обыкновенно говорится, что народъ самъ создаетъ формы своей государственности, и такимъ самымъ подлиннымъ и характеристиче-

скимъ созданиемъ русскаго народа считается въ славянофильской школѣ московское царство. Въ извѣстномъ смыслѣ эта теорія справедлива, но лишь въ цѣломъ и широкомъ, а не въ частномъ смыслѣ: англичанамъ отвѣчаетъ ихъ свободная конституція, туркамъ ихъ безобразная деспотія и т. п.; но, чтó, напр., соотвѣтствуетъ французамъ,—республиканское ли правленіе, которое они имѣютъ теперь; наполеоновская ли имперія, орлеанская или бурбонская монархія и т. д.? Дѣло въ томъ, что у народовъ, мало или совсѣмъ не развивающихся, государственныя формы могутъ оставаться неподвижны цѣлыми вѣками и поэтому считаются отвѣчающими народному характеру и потребностямъ,—такъ неподвижна турецкая деспотія; но формы европейскихъ государствъ не отличались вовсе этою неподвижностью, и сама англійская конституція, — очень прочная потому, что еще съ среднихъ вѣковъ обезпечивала удачно нѣкоторыя общественныя свободы,—постоянно, однако, развивалась и донинѣ развивается по возрастающимъ требованіямъ времени. Европейскія общества пережили нѣсколько весьма несходныхъ государственныхъ состояній; въ данное время, каждую временную форму государства приверженцы ея считали, конечно, единственной соотвѣтствующей характеру страны и народа. Въ наше время мы видимъ, что формы самыя естественныя, какихъ слѣдовало бы ждать по здравому смыслу, какъ объединеніе Италіи, достигаются только теперь послѣ тысячелѣтней исторіи, — между тѣмъ тридцать лѣтъ назадъ, не далѣе, считались совершенно естественными безсмысленный деспотизмъ въ Неаполѣ, папа съ французскими войсками въ Римѣ, австрійцы въ Миланѣ и Венеціи, и т. д. Наша исторія знаетъ не одну форму государственнаго быта: быть федеративныхъ земель, вѣчевыя народоправства, великія княженія, московское единовластительство по образцамъ византійскому и ордынскому, одно время съ полу-независимой іерархіей, имперію съ бюрократическимъ управленіемъ и крѣпостнымъ народомъ, имперію съ поставленными задачами широкой общественной реформы... Это былъ историческій процессъ, гдѣ отдѣльный моментъ выражалъ только наиболѣе настоятельныя потребности данной эпохи или преобладаніе того или другого общественнаго слоя,—и могъ бы считаться выраженіемъ цѣлой національной бытовой идеи лишь настолько, насколько удовлетворялъ потребностямъ *цѣлаго* народа. Могла ли считаться такой окончательной формой та, которая правила восточнымъ деспотизмомъ и основала крѣпостное рабство народа? Очевидно, что московская форма государства и общественнаго быта была форма историческая и тѣмъ самымъ временная; *возвращеніе* къ ней можетъ быть мечтой или необузданнаго политическаго фанатизма, или простаго невѣжества. Эта бытовая форма не можетъ слѣдовательно счи-

таться и самымъ подлиннымъ выраженіемъ русскаго народнаго характера, русской національности. Притомъ бытовья и политическія формы создаются не однимъ исконнымъ характеромъ и волей народа,—предполагая, что они остаются неизмѣнны,—но вмѣстѣ и принудительными внѣшними условіями, противъ которыхъ народъ иногда физически безсиленъ. Эти принудительныя условія являются не только отъ столкновеній съ другими племенами (какъ у насъ татарское иго и т. п.), но и въ самой внутренней жизни народа; извѣстная дѣятельная доля племени, предприимчивые князья съ завоевательной дружиной бывали, конечно, порожденіемъ народа, и масса, принявшая созданный ими порядокъ, подтверждала этимъ, что въ данную минуту не могла бы создать лучшаго порядка; съ теченіемъ времени, при этой невозможности, масса покорно привыкаетъ къ возникшей формѣ и, въ ограниченномъ горизонтѣ своихъ понятій, смотритъ на нее фаталистически; сама она и ея теоретики наконецъ принимаютъ ее какъ идеаль. Но и это теоретическое представленіе не совсѣмъ вѣрно съ фактами: созданіе государствъ не обходится безъ насилія. Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ похвалялись, что когда европейскія государства основывались завоеваніемъ, наше было основано призваніемъ; они забывали только, что преемники призваннаго на сѣверѣ Рюрика *завоевывали* (и даже „примучивали“) остальную русскую землю. Насиліе, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было неизбежно, для того, чтобы, хотя противъ воли извѣстныхъ частей племени, объединить его для внѣшней охраны цѣлаго; вѣроятно также, что въ другихъ случаяхъ насиліе было произвольно, т.-е. не нужно; но въ концѣ концовъ оно всегда укрѣпляетъ особые эгоистическіе интересы, династій, привилегированныхъ классовъ. Тѣ же историки похвалялись, что у насъ не было западныхъ сословій; западныхъ феодаловъ дѣйствительно не было, но съ первыхъ шаговъ нашей исторіи было привилегированное боярство, служилый классъ, который сталъ наконецъ для народа такимъ же землевладѣльцемъ и рабовладѣльцемъ, какъ западный феодалъ... Искать въ подобныхъ явленіяхъ выраженій подлиннаго народнаго духа, обязательныхъ притомъ и для дальнѣйшей исторіи народа, было бы странно.

Татарское нашествіе было громаднымъ фактомъ въ исторіи русской народности. Многіе изъ нашихъ историковъ (славянофилы, Соловьевъ) утверждали, что оно было только внѣшнимъ игомъ, которое не коснулось глубины народнаго существа; теперь, кажется, начинаютъ думать, что коснулось. Татары не вмѣшивались во внутреннія дѣла, не трогали, даже ограждали церкви; русскій человекъ не переставалъ считать татарина „поганымъ“ по преимуществу; но не даромъ обошлись поѣздки князей въ орду, присматриванье татар-

скихъ нравовъ и порядковъ; потомъ московскіе князья въ союзѣ съ татарами, и подкупая ихъ, дѣлали первые опыты знаменитаго „собиранія“; эти союзы и потомъ покореніе татарскихъ царствъ ввели въ русскій высшій классъ цѣлкомъ настоящихъ татаръ, князей и царевичей: стали входить даже иныя татарскіе обычаи. Московское единодержавіе было—деспотія съ очевидно восточнымъ характеромъ, полу-византійскимъ, полу-татарскимъ.

Московская форма, русская въ XV—XVII вѣкахъ, была нисколько не похожа на до-татарскую форму, которая въ свое время, до XV вѣка, была также самою русскою. Способъ объединенія государства былъ насильственный, и было бы чрезмѣрнымъ оптимизмомъ думать, что это насиліе уничтожило въ присоединяемыхъ земляхъ только одно негодное, исторически отжившее, и вводило только одно превосходное, исторически благодѣтельное. Довольно указать двѣ черты московской формы.

Она истребляла преданія и обычаи народнаго самоуправленія: государство было выстроено на настоящемъ крѣпостномъ правѣ, и подданный не даромъ назывался „холопомъ“—онъ былъ имъ въ дѣйствительности; московское управленіе было „московской волоки-той“; церковь XVII-го вѣка примѣнила тоже деспотическое начало къ дѣламъ народной вѣры. Понятіе о единомъ царствѣ покупалось дорогою цѣною. Порабощеніе личности было полное; необходимымъ слѣдствіемъ была порча нравственная, упадокъ личнаго достоинства, въ приказномъ людѣ—всеобщая подкупность, самоуправство со всѣми низшими, униженность передъ высшими и т. п. Но и „цѣльность“ не была достигнута вполне: народъ протестовалъ противъ насилія бѣгствомъ отъ государства на окраины въ казачество, разбойничествомъ, которое дошло до эпическихъ размѣровъ въ дѣяніяхъ Стеньки Разина, составившихъ, вмѣстѣ съ другими подобными, цѣлый особый циклъ народной поэзіи, которая здѣсь очень расходилась съ государственнымъ идеями Москвы. Въ то же время расколъ отрекся отъ государственной церкви, бѣжалъ въ лѣсныя дебри и въ теченіе двухъ вѣковъ велъ свою отдѣльную жизнь, не сообщаясь съ государствомъ.

То просвѣщеніе, хотя скромное, какимъ владѣла древняя Русь, въ Москвѣ упало. Писатель, котораго мудрено упрекнуть въ недостаткѣ любви къ русской старинѣ, посвятившій труды всей жизни на ея изслѣдованіе, г. Буслаевъ, нарисовалъ мало привлекательную картину московскихъ нравовъ съ большою примѣсью татарщины, и московской бѣдной книжности въ сравненіи съ той оживленной дѣятельностью, какая еще жила и развивалась въ старобытномъ Новгородѣ. Но дни Новгорода были сочтены... Скудость знаній заставила Москву еще въ XVI столѣтіи, даже для дѣлъ церковнаго ученія,

обратиться къ помощи православнаго иноземца, грека Максима, какъ позднѣе понадобились для капитальнаго, предпринятаго тогда дѣла, — исправленія искаженныхъ невѣжествомъ книгъ, — силы малорусской кievской школы. Для прикладнаго научнаго знанія всякаго рода пришлось еще съ XV вѣка прибѣгать къ усиленному вызову иноземцевъ, населившихъ въ Москвѣ цѣлую нѣмецкую слободу. Не то, чтобы въ высшемъ классѣ и въ самомъ народѣ не было влеченія къ книжному учению, но государство и иерархія, присвоившія себѣ право думать за всѣхъ, не считали нужнымъ позаботиться о правильной школѣ (до основанія славяно-греко-латинской академіи, которая сама была исключительно схоластической); своихъ людей ученыхъ или образованныхъ (кромѣ вызываемыхъ малоруссовъ) не было, — были только книжные начетчики, самоучки, бывалые люди. Мысль до того отвыкла работать, что само религіозное ученіе сводилось на вѣтшнее благочестіе, и народно-церковный расколъ не умѣлъ иначе опредѣлить своихъ желаній, какъ защитой буквы.

Московская форма, слагавшаяся въ XV—XVII столѣтіи, наконецъ возобладала въ различныхъ сторонахъ народной жизни; но видѣть въ ней законченное политическое выраженіе русской народности, полагать, чтобы даже въ тѣ вѣка и въ этой формѣ народъ вполне высказалъ свое самосознаніе, — есть историческая ошибка. Напротивъ, какъ мы замѣчали, это была временная, переходная форма народной жизни, и столь грубая, что пришлось бы отчаяться во всякой способности русскаго народа къ историческому развитію, еслибы приведенное мнѣніе оказывалось правдой. Московская форма, напротивъ, подавляла исконныя черты бытового русскаго склада, начала народнаго самоуправленія, первая связала народную жизнь приказнымъ чиновничествомъ, крѣпостнымъ правомъ, отсутствіемъ всякой заботы о школѣ. Высшіе классы были вѣрными слугами той формулы, которая должна была выражать національную сущность (и на дѣлѣ вовсе ея не обнимала), потому что этой службой охраняли свой собственный интересъ и свое господство надъ поработченными народными массами; но люди независимые и просвѣщенные бѣжали изъ отечества, какъ вн. Курбскій. Народъ подчинялся и жилъ въ умственной дремотѣ, мѣшая христіанскую религіозность съ воспоминаніями стараго языческаго преданія, создавалъ себѣ фантастическое представленіе о библейскомъ властителѣ, подкрѣпляя его реальнымъ, но весьма неточнымъ соображеніемъ, что этотъ властитель — единственная гроза на его угнетателей, и рядомъ съ этимъ въ своей собственной поэзіи идеализируя Стеньку Разина, превращая древняго Илью Муромца въ казачьяго атамана. Эти два слоя были раздѣлены почти не меньше, чѣмъ позднѣе общество XVIII вѣка отдѣлялось

отъ народа: старшій высшій классъ имѣлъ, правда, съ народомъ одну почту въ понятіяхъ церковныхъ (исключая раскола) и почти одно невѣжество, но въ общественномъ смыслѣ точно также считалъ народъ за безправную и служебную массу. Довольно единодушно было подъ конецъ московскаго періода, кажется, одно отрицательное предстанленіе: недобвѣріе, даже ненависть ко всему иноземному, которыя различаются у всѣхъ народовъ, принудительно открываемыхъ своимъ режимомъ отъ общенія съ другими народами и отъ науки. Эта крайняя исключительность, эта суевѣрная боязнь всего иноземнаго, эта подозрительность къ наукѣ, какъ дѣлу сомнительному и едва ли не бѣсонскому, была вовсе не вѣнцомъ чисто русской самобытности, — а только прискорбнымъ наслѣдіемъ тяжелой исторіи, слѣдствіемъ и имѣетъ новую причину невѣжества.

Если такимъ образомъ формы не остаются неизмѣнны, подвергаясь влиянію многообразныхъ историческихъ условій, и въ извѣстныхъ случаяхъ перестаютъ удовлетворять потребностямъ *цѣлаго*, то съ другой стороны не остается неизмѣннымъ и такъ-называемый „исконный“ народный характеръ, изъ котораго ихъ производятъ. Какъ въ одну данную минуту народъ въ разныхъ областяхъ, съ мѣстными и историческими особенностями, представляетъ различныя, иногда чрезвычайнаго рѣзкаго варіаціи типа, такъ въка исторіи, счастливо или бѣдственно, спокойныя или бурныя, свободныя или рабскія, просвѣщенные или невѣжественныя, налагаютъ на народность свой отпечатокъ, болѣе или менѣе глубокой, или совершенству ея, или нанося ей порчу, во всякомъ случаѣ видоизмѣняя, давая новыя черты характера, новыя понятія и потребности. Отсюда и необходимость развитія новыхъ формъ... Лучшее, здоровое можетъ пережить, но можетъ и не пережить историческихъ испытаній, и если оно бывало заглушено, не высказывалось потому, это не значитъ, чтобы оно не было прежде, и что оно не могло бы ожить при новыхъ условіяхъ.

Что московская государственная и бытовая форма не была ни полнымъ и правильнымъ выраженіемъ русской народности, ни окончательнымъ плодомъ народнаго самосознанія, объ этомъ самымъ знаменательнымъ образомъ свидѣтельствовала Петровская реформа. Что Петръ не былъ, какъ иные думали, вырождающъ изъ своего народа, а былъ именно его характернымъ и гениальнымъ дѣйтелемъ, въ этомъ не сомнѣвается никто, не потерявшій историческаго смысла. Его дѣятельность стала энергической реформой, часто безогляднымъ отрицаніемъ старыхъ идей и порядковъ, именно потому, что онъ, воплощая и сосредоточивая въ себѣ исторически созрѣвшія потребности *цѣлой* народности, вооружался противъ тѣхъ сторонъ пре-

ного быта, которыя связывали матеріальныя и умственныя силы народа, останавливали ихъ развитіе,—и чѣмъ упорнѣе были старыя преданія, тѣмъ упорнѣе онъ шелъ противъ нихъ. Съ него начинается новѣйшій періодъ русскаго національнаго самосознанія.

Задачи были громадны. Народъ долженъ былъ прежде всего установить свое внѣшнее политическое бытіе, и этой задачѣ Петръ Великій отдалъ большую долю своей дѣятельности. Другой заботой его было водворить въ Россіи европейскія знанія, но, какъ ни высоко цѣнилъ онъ самое знаніе, какъ силу, поднимающую людей изъ тьмы невѣжества, эта забота руководима была прежде всего утилитарными цѣлями государства. Непосредственно, положеніе самого народа не облегчилось при Петрѣ, напротивъ, тягости еще возросли, крѣпостное право усилилось,—то время вообще не задавало себѣ этого вопроса, даже къ концу столѣтія освободительная французская философія считала еще народную массу грубой служебной силой;—но, несмотря на то, нравственному вліянію Петровской реформы слѣдуетъ приписать одинъ изъ главныхъ толчковъ къ тому внутреннему общественному—и уже гораздо шире *сознательному*—движенію умовъ, которое развивало понятіе нравственной обязанности служенія обществу, и къ концу XVIII вѣка пришло къ убѣжденію о необходимости освобожденія. „Работникъ на тронѣ“; царь, пишущій и печатающій книги для образованія народа; царь, рѣзко отрицающій отжившія преданія,—это было нѣчто невиданное. Образованность, начинавшаяся подъ такими впечатлѣніями, получила опору въ могущественномъ примѣрѣ, и при всѣхъ, часто непреодолимыхъ, трудностяхъ она не отступала и продолжала дѣло Петра. Государственная задача велась правительственною властью; образованность бросила корни въ самомъ обществѣ и уже съ первыхъ шаговъ поставила вопросъ—о народѣ.

Образованность XVIII вѣка начинала совсѣмъ новое дѣло, котораго не готовила московская Россія. Дѣйствительно, то, что можно было назвать въ XVII-мъ вѣкѣ подготовленіемъ реформы, было отрывочно и безсвязно; въ литературѣ, нѣкоторыя новыя стремленія, навѣянные кievскими учеными, были слишкомъ случайныя и слишкомъ схоластическія. Первая свѣтская школа является съ XVIII вѣка и съ ней первыя начала настоящей не-схоластической науки; непосредственныя, хотя на первое время и нечастыя, связи съ западнымъ образованіемъ положили прочныя основанія научному интересу. Движеніе было еще въ зародышѣ, но шло уже по совсѣмъ иному пути: вмѣсто богословскаго направленія прежнихъ книжниковъ, вмѣсто первобытно-эпическаго міровоззрѣнія народной массы, новая образованность принимаетъ—и не могла не

принять—направленіе научнаго раціонализма и критики. Литература получаетъ совсѣмъ иной видъ и характеръ содержанія. Старая литература, официально признанная ученость и книжность, состояла почти исключительно изъ церковной письменности и архаической лѣтописи и велась на искусственномъ языкѣ, который давно уже становился народу чуждымъ; письменность на живомъ языкѣ народа, или болѣе близкомъ къ народному, состояла въ легендѣ и повѣсти, попадавшихъ на бумагу только въ качествѣ развлечения и забавы для любителей; поэзія чисто народная преслѣдовалась со времени введенія христіанства, сначала проваливаемая какъ поганое язычество, позднѣе осуждаемая какъ грубая потѣха, недостойная книжнаго человѣка, и до конца XVII-го вѣка не дала почти никакихъ ростковъ личнаго творчества. Новая литература, подъ тѣснѣйшимъ вліаніемъ западно-европейскимъ, вносила новое содержаніе съ новыми формами и заговорила новымъ языкомъ. Ея содержаніемъ стало, во-первыхъ, усвоеніе идей европейской образованности въ переводахъ и собственныхъ произведеніяхъ; во-вторыхъ, изображеніе русской дѣйствительности съ точки зрѣнія новыхъ пріобрѣтенныхъ знаній. Послѣ стараго періода, который зналъ почти только одну народную поэзію, не получавшую мѣста въ книгѣ, и одни сухіе зачатки школьнаго стихотворства, въ новой литературѣ впервые является художественное личное творчество, которому предстояло потомъ такое быстрое и блестящее развитіе; съ другой стороны, также почти впервые возникаетъ критическій взглядъ—необходимое орудіе, которымъ можетъ быть достигнуто дѣйствительное самосознаніе и отдѣльной личности, и общества. Этими двумя данными будущность литературы была опредѣлена. Въ языкѣ новая литература такимъ же образомъ оставила старый условный, полу-церковный языкъ, и все больше приближалась къ живой рѣчи общества и народа.

Съ этого времени идетъ совсѣмъ новый рядъ явленій внутренней національной жизни. Характеръ власти и положеніе подданныхъ не измѣнились: монархія Петра Великаго была деспотія, въ суровости не уступавшая XVI—XVII вѣку (отъ которыхъ эта суровость и была унаслѣдована), но она была своего рода просвѣщенной деспотіей, и это имѣло громадное нравственное вліаніе. Петръ Великій требовалъ ученья и службы отъ лѣниваго и тунеяднаго боярства; давалъ къ этому средства; объяснялъ свои взгляды и планы, отбросилъ условный языкъ прежняго времени и говорилъ реальнымъ и нагляднымъ языкомъ дѣла, и у него тотчасъ явились *убѣжденные* приверженцы. Умственный горизонтъ общества чрезвычайно расширился; съ устраненіемъ прежней національной исключительности, съ притокомъ иностранныхъ ученыхъ людей и книгъ, съ увеличеніемъ знаній,

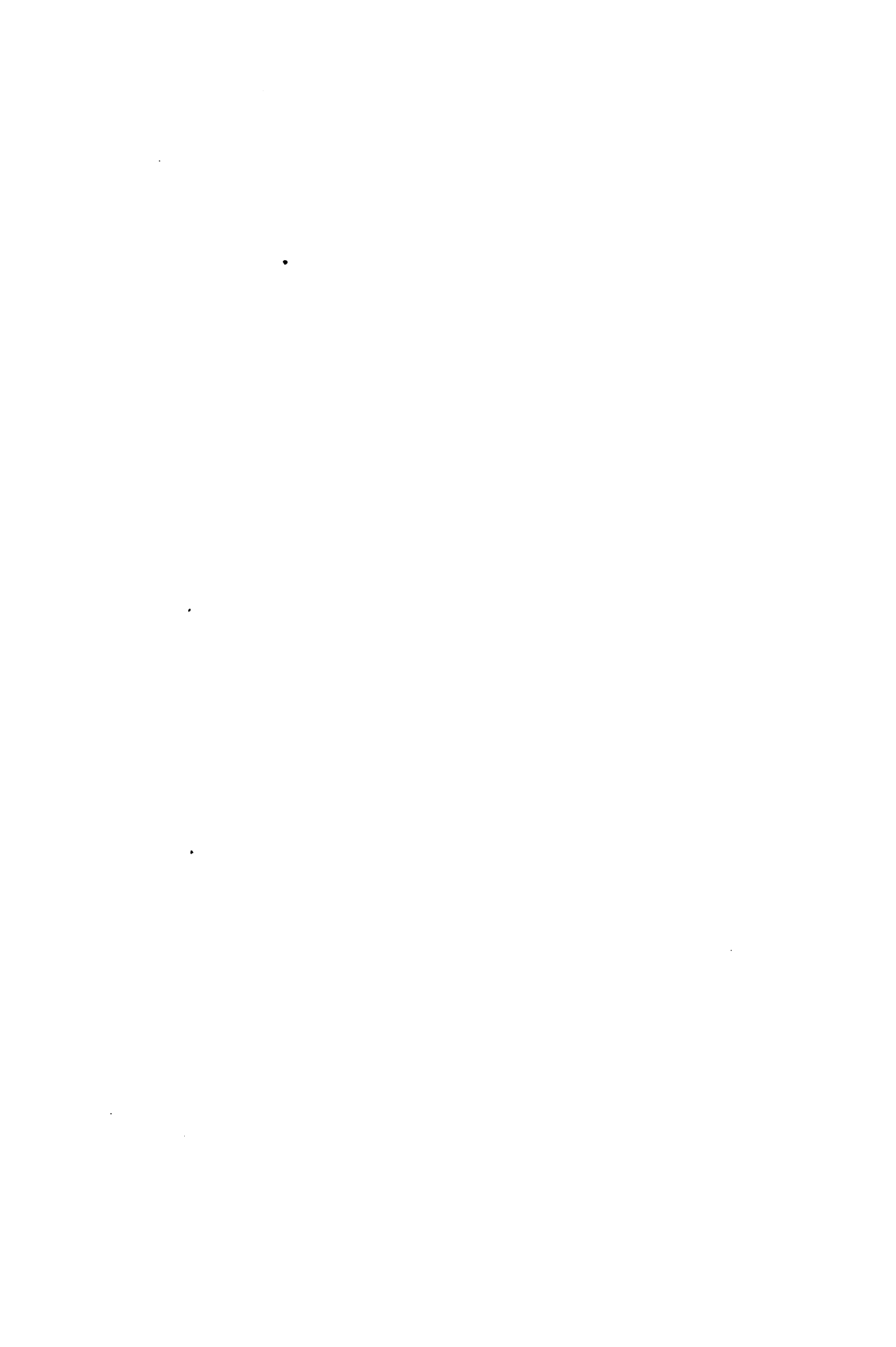
явилась возможность сравненія и критики; успѣхи внѣшней политики, блестящее подтвержденіе заботъ о флотѣ и арміи, торжество надъ Карломъ XII дали удовлетвореніе національной гордости; передъ обществомъ открывались, какъ никогда прежде, внѣшнія и внутреннія дѣла государства, и впервые съ московскихъ временъ возникаетъ дѣйствительное національное самосознаніе, опирающееся на знаніи,— правда, еще въ зачаточной степени, но опредѣленное.

Новая образованность, поставленная подобнымъ образомъ, не могла не возвысить своихъ интересовъ до интересовъ всенародныхъ. И дѣйствительно, какъ мы выше замѣчали, она отремится къ распространенію знаній въ обществѣ, къ изученію страны и народа, болѣе и болѣе сближается съ интересами народной массы, наконецъ, является защитницей ея человѣческихъ и общественныхъ правъ. Если въ наше время потребность въ изученіи народа, стремленіе къ распространенію просвѣщенія въ его средѣ, къ его матеріальному, нравственному и умственному освобожденію, становятся сознательной обязанностью всякаго серьезно мыслящаго человѣка, и во имя этой цѣли ведется столько ревностной и плодотворной работы,—то въ этомъ сказывается только послѣдній результатъ тѣхъ началъ, которыя положены были реформой, и тѣхъ трудовъ, которые предприняты были впервые образованностью XVIII вѣка и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжались.

Матеріалъ этнографіи—народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовый бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію „народности“. Обзоръ ея исторіи, къ которому приступаемъ, есть вмѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія.

ГЛАВА I.

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ИЗУЧЕНІЯ НАРОДНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЪ ИХЪ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПОНЯТІЯХЪ.

Факты, въ которыхъ сказалось стремленіе новаго образованія къ изученію народности и вмѣстѣ къ поднятію положенія народной массы,—словомъ, къ достиженію дѣйствительно цѣльной, сознательной національной жизни, къ тому, что называется народнымъ самосознаніемъ,—эти факты разсѣяны по всей исторіи нашего просвѣщенія послѣднихъ двухъ столѣтій. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ внѣшне-политическихъ и внутреннихъ государственныхъ событіяхъ, которыя возбуждали національный инстинктъ и тѣмъ прямо или косвенно дѣйствовали и на это образовательное движеніе, и соберемъ только указанія о томъ спеціальномъ научно-литературномъ стремленіи къ изученію и возвышенію народности, которое до сихъ поръ слишкомъ мало оцѣняли въ нашей исторіи прошлаго вѣка, да и нынѣшняго.

Это движеніе шло изъ одного источника, въ двухъ отдѣльныхъ, но близкихъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ постоянно расширявшемся фактическомъ изученіи народа въ разныхъ отношеніяхъ—историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ, нравственно-общественномъ; во-вторыхъ, въ также постоянно возраставшемъ стремленіи приблизить литературу къ непосредственной дѣйствительности, примѣнить приобретаемыя отъ западной науки и литературы знанія и нравственныя идеи къ русской жизни, дать литературному языку, долготѣ искусственно-книжному, болѣе живой народный характеръ, ввести въ литературу самую жизнь народа и ея интересы.

Если мы будемъ искать стимулъ, который возбуждалъ это движеніе, то найдемъ, что онъ былъ не иной какъ накопившаяся въ

русскомъ народѣ (и высказавшаяся въ извѣстномъ его словѣ) потребность просвѣщенія, анализа, совершенствованія, тотъ инстинктъ цивилизаціи, который былъ свойственъ русскому народу, какъ европейскому, а не азіатскому, и который въ теченіе многихъ вѣковъ или находилъ только скудную пищу и принималъ слишкомъ одностороннее и узкое направленіе, или даже совсѣмъ заглохался, а съ конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка нашелъ себѣ прочную опору въ *европейской наукѣ*. Понятіе науки было совершенно неизвѣстно старой русской жизни, мысль которой строилась исключительно на авторитетѣ и преданіи: бывали и тогда столкновенія мнѣній, споры политическіе, церковныя, но только въ предѣлахъ этого авторитета; у насъ „не было инквизиціи“, но еретиковъ жгли точно также, если они выходили изъ этихъ предѣловъ; вѣроятно, жгли бы и ученыхъ, еслибы только они были. И теперь наука не явилась вполнѣ свободною; но она была названа, за нею признано было право существованія, подъ извѣстными условіями она восхвалялась какъ образованіе человѣческаго разума и какъ государственная потребность, и дѣйствительно уже на первыхъ порахъ вносила въ умственную жизнь новую, неизвѣстную прежде силу—критическій анализъ. Разъ допущенный и воспринятый, онъ долженъ былъ развиваться самъ собою и все сильнѣе; это была, съ одной стороны, разлагающая, но съ другой великая *созидающая* сила.

Въ спорахъ о значеніи Петровской реформы (то, что они еще тянутся донныѣ, не говоритъ объ особыхъ успѣхахъ нашего просвѣщенія и показываетъ, что начала, выставленныя реформой, еще не закончили своего примѣненія въ русской жизни), обвиняемой въ измѣнѣ „народнымъ началамъ“, часто забывалось это обстоятельство, а оно весьма существенно. Приходятъ въ негодованіе отъ нарушенія стародавнихъ обычаевъ (которые, по справедливости, нерѣдко были въ самомъ дѣлѣ олицетвореніемъ застоя и невѣжества, приобрѣтенныхъ изъ Азіи), но надо было, наконецъ, подумать объ удовлетвореніи потребностей ума и здраваго смысла русскаго народа. Вновь появившаяся наука не могла не произвести внутренняго и вѣшняго, бытового разлада; она разлагала много старыхъ понятій, но давала основанія для новыхъ, логически болѣе сильныхъ. Проклинаютъ отдѣленіе образованныхъ классовъ отъ народа,—но социальное оно началось давно, и степень отдѣленія увеличивалась приниженымъ положеніемъ народа и невѣжествомъ, которое даже до послѣдняго времени намѣренно поддерживалось, конечно, не въ духѣ просвѣщенія, на которое указывала реформа. Недостатокъ образованія, доходящій до полнаго невѣжества въ обыденныхъ предметахъ знанія,—отъ чего бы ни происходилъ,—*не можетъ* мириться съ поня-

тіями научнаго происхожденія, было ли оно близкое или отдаленное. Вопросъ объ уничтоженіи этого раздѣленія рѣшается тѣмъ, что не должно оставлять народъ въ состояніи полу-дикаго невѣжества; и только выйдя изъ этого состоянія хоть нѣсколько, народъ можетъ подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ, и раздѣленію, какъ оно есть донныѣ; можетъ быть положенъ конецъ.

Исторія нашего общества съ XVIII вѣка представляетъ постоянный ростъ образованности и по содержанію, и по распространенію; вмѣстѣ съ тѣмъ—ростъ народныхъ изученій.

Первые проблески сознательнаго критическаго отношенія къ государственной и народной жизни встрѣчаются въ еще XVII вѣкѣ у писателей, которымъ болѣе или менѣе были близки интересы просвѣщенія. Таковъ былъ Котошихинъ въ своей книгѣ о Россіи; полурусскій Крижаничъ, ужасавшійся господствующаго въ Россіи невѣжества; человекъ изъ народа, Посошковъ, который, не выходя изъ преданій, чувствовалъ, однако, необходимость науки. При Петрѣ, вопросъ науки, хотя всего больше въ утилитарныхъ примѣненіяхъ, поставленъ былъ прямо, и основаніе Академіи наукъ въ Петербургѣ было въ этомъ отношеніи фактомъ великаго значенія. Академія была вмѣстѣ ученымъ и учебнымъ учрежденіемъ; такъ какъ своихъ ученыхъ еще не было, то для основанія дѣла приглашаемы были ученые иностранцы, въ числѣ которыхъ были знаменитыя европейскія имена (Эйлеръ, Бернулли, Делиль, Байеръ, Шлѣцеръ и друг.), и это имѣло свое вліяніе въ обществѣ, которому нужно было учиться уважать научное знаніе. Позднѣе, Академія стала черезъ мѣру нѣмецкой, но и при этомъ не осталась безъ великаго благотворнаго вліянія на русское просвѣщеніе,—она приняла и образовала многихъ русскихъ ученыхъ: въ средѣ ея дѣйствовалъ Ломоносовъ, въ ея кругѣ воспитались Крашенинниковъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Румовскій и пр.; къ ней примыкали и находили въ ней опору люди съ научными интересами, но къ ней не принадлежавшіе (Рычковъ, Татищевъ, Крестининъ и пр.); вообще она была представительствомъ науки, и для грубыхъ нравовъ прошлаго вѣка „де-сіансъ академія“ была по крайней мѣрѣ „вѣдомствомъ“, гдѣ наука имѣла свое официальное мѣсто и право.

Дѣятельность Академіи въ той области, о которой говоримъ, обнаружилась различными способами. Въ академіи началась первая строго научная разработка русской исторіи—могущественное орудіе національнаго самосознанія. Коль, Байеръ, Миллеръ, Шлѣцеръ, Стриттеръ, позднѣе Кругъ, Лербергъ.—и особенно Шлѣцеръ,—несомнѣнно приготовили дорогу Карамзину, не только непосредственными результатами своихъ изслѣдованій, но и еще болѣе своей исторической

критикой: ихъ методъ изслѣдованія приносилъ къ намъ прямо тѣ приемы, которые европейская наука выработывала долгими нѣками критическаго труда. Шлёцеръ и въ своей собственной литературѣ былъ однимъ изъ первостепенныхъ представителей исторической критики; въ той же мѣрѣ его научная сила сказала въ примѣненіи къ русской исторіи. По выраженію Погодина, вызовъ Шлёцера былъ „настоящее событіе въ русской исторіи или, по крайней мѣрѣ, въ ея критикѣ: Шлёцеръ, какъ Цезарь, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!“ Его восторгъ передъ Несторомъ, восторгъ, какого до тѣхъ поръ не высказалъ никто изъ самихъ русскихъ, безъ сомнѣнія многимъ внушилъ интересъ и уваженіе къ своей древности.

Въ связи съ этимъ шла другая работа, въ высокой степени важная для нашей исторіографіи—собираніе лѣтописей и вообще историческихъ источниковъ. Здѣсь глубокаго уваженія заслуживаетъ неустанная дѣятельность Герарда Фридриха Миллера, который былъ въ этомъ отношеніи предшественникомъ Новикова и Археографической экспедиціи. Это была опять работа совершенно новая. Старая московская Россія по-своему заботилась о русской исторіи, но у людей того времени выходила только огромная, но грубая компиляція: такіе труды, какъ Никоновская лѣтопись, составлялись механически, въ томъ же родѣ, какъ дѣлались лѣтописные своды въ XI—XII столѣтіи. Теперь самая задача историческаго знанія была поставлена совершенно иначе и рядомъ съ критической разработкой древней русской исторіи шло собираніе и изданіе историческаго матеріала, лѣтописей, актовъ и т. д. Работа опять начата была при Академіи: еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка изданъ былъ Радзивилловскій или Кенигсбергскій списокъ Нестора (принадлежавшій нѣкогда кн. Радзивиллу и находившійся въ Кенигсбергѣ, откуда былъ вывезенъ въ Семилѣтнюю войну), до изданій Археографической Комиссіи служившій главнымъ источникомъ для древняго періода; издана была Шлёцеромъ „Русская Правда“; изданы памятники старой исторической работы, какъ Никоновская лѣтопись, Степенная книга и проч. Многочисленные акты, собранные Миллеромъ, онъ помѣщалъ въ своихъ изданіяхъ, въ „Вивлюоникѣ“ Новикова, въ изданіяхъ „Московского Вольнаго Собранія“, и даже до послѣдняго времени матеріалы, собранные имъ во время 10-лѣтняго пребыванія въ Сибири (1733—1743), печатались въ изданіяхъ Археографической Комиссіи. Заботами Академіи, именно Миллера, изданы были прежніе историческіе труды, напимѣръ, „Россійская исторія“ Татищева, его же „Судебникъ царя Іоанна Васильевича“—уже послѣ смерти автора; „Ядро россійской исторіи“ Манкіева (Хилкова), „Географическій Лексиконъ россійскаго государства“ Полунина и др. Дѣятельный

Миллеръ, потрудившійся какъ немногіе и послѣ него для русской исторіи, обратилъ вниманіе на мѣстную исторію: кромѣ „Сибирской исторіи“, имъ начатой и по его матеріаламъ конченной академикомъ Фишеромъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько описаній подмосковныхъ городовъ и монастырей, и т. п.

Отъ Академіи идетъ въ прошломъ столѣтіи рядъ другихъ ученыхъ предпріятій—путешествій для изученія Россіи въ естественно-историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Это были опять первые въ своемъ родѣ труды, богатые результатами и по прямымъ полезнымъ указаніямъ о характерѣ и экономическихъ средствахъ разныхъ краевъ Россіи, и потому, что они опять возбуждали научные интересы по отношенію къ государству и народу и воспитывали общественное самосознаніе. Съ описаніями страны, ея естественныхъ произведеній, являются здѣсь начатки этнографическихъ наблюденій о русскомъ народѣ и инородцахъ, сообщаются указанія археологическія и т. п. Назовемъ имена Гмелиновъ, Крашенинникова, Палласа, Лепехина, Озерецковскаго, Георги, Фалька, Гильденштедта и пр.

Къ дѣятельности Академіи относится и основаніе перваго журнала („Ежемѣсячныя Сочиненія“, Миллера).

Все это возбуждало интересъ къ наукѣ, указывало необходимость изученія страны и народа, открывало въ исторіи вмѣсто безсвязнаго ряда событій, какимъ она представлялась прежде, послѣдовательный ростъ государства въ его отношеніяхъ съ другими народами, въ событіяхъ научало замѣчать проявленія національнаго характера.

Вліяніе европейской науки, ея точекъ зрѣнія и пріемовъ очевидно; оно шло и отъ дѣйствовавшихъ въ Россіи нѣмецкихъ ученыхъ, и отъ путешествій русскихъ за границу, и отъ европейской литературы. Новымъ сильнымъ проводникомъ европейскаго знанія сталъ (съ 1755) Московскій Университетъ. Здѣсь, какъ и въ Академіи, недостатокъ людей заставилъ въ первыя десятилѣтія прибѣгнуть къ приглашенію иностранныхъ ученыхъ, опять по преимуществу нѣмцевъ. Притокъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки, особенно гуманистическимъ и государственнымъ, и здѣсь оказывалъ свое дѣйствіе, возвышая уровень нравственно-общественныхъ понятій; но кромѣ того, въ средѣ самихъ иностранныхъ ученыхъ находились люди, дававшіе благотворныя указанія для изученія русской старины и народности,—люди, находившіе въ Россіи второе отечество и полагавшіе усердный трудъ на его изученіе. Назовемъ Маттеи, описавшаго древнія греческія рукописи Синодальной бібліотеки; многосторонняго ученаго Буле; профессора Баузе, который составилъ съ знаніемъ дѣла замѣчательное собраніе рукописей и древнихъ предметовъ,—это собраніе, сгорѣвшее въ пожарѣ 1812 года, заключало въ себѣ

настоящія драгоцѣнности, по отзыву знающихъ археологовъ, которые его видѣли ¹⁾. Модныя теперь нападки на „европейничанье“ (котораго именно въ XVIII вѣкѣ было гораздо больше, чѣмъ въ нашемъ) забываютъ, что среди нескладныхъ примѣровъ, какіе были неизбѣжны при полу-образованности (а для настоящей образованности государство дѣлало слишкомъ мало), дѣятели европейской науки сдѣлали тогда много самаго настоящаго добра, полагали благороднѣйшія усилія на пользу призывавшей или усыновлявшей ихъ страны, и могли сдѣлать это только въ силу своего европейскаго образованія. Результатъ, полученный изъ этой дѣятельности иноземцевъ въ Россіи или вообще изъ европейской литературы,—было благотворное возбужденіе умственной жизни въ русскомъ обществѣ, и только на этомъ пути возможно было достигнуть здраваго развитія государственнаго и народнаго.

Время Петра произвело сильное впечатлѣніе на умы, и уже вскорѣ это характеристически выразилось въ дѣятельности Ломоносова, который послѣ Петра былъ, вѣроятно, величайшимъ русскимъ умомъ XVIII-го столѣтія. Къ Ломоносову не осмѣливались касаться клеветы на наше подчиненіе европейской образованности; между тѣмъ Ломоносовъ былъ именно полнѣйшимъ представителемъ европейскихъ вліяній,—какъ нарочно, человекъ изъ самой подлинной народной среды, но великій почитатель реформы и европейскаго знанія. Онъ равно былъ дѣятелемъ чистой науки, и старался въ разныхъ отрасляхъ примѣнять ее къ русской жизни; образованіе его было чрезвычайно разносторонне,—въ философіи ученикъ Вольфа, естествоиспытатель, онъ ищетъ и законовъ русскаго языка, пишетъ русскую исторію и заботится объ „изученіи нѣдръ нашего отечества“, о „размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“. Эти заботы были естественнымъ внушеніемъ образованія, которое именно вооружало умъ просвѣщеннаго человека средствами разумнаго служенія своему отечеству и народу: это образованіе не казалось Ломоносову „чужимъ“, а такимъ, къ какому долженъ бы былъ стремиться каждый разумный человекъ, желающій своему отечеству пользы.

Старшій современникъ Ломоносова, Татищевъ, имѣетъ заслуженное имя въ исторіи нашей литературы и образованія, какъ авторъ „Исторіи Россійской“, перваго опыта цѣльной (въпріемъ, недоконченной) исторіи, писанной до Миллера и Шлёцера, но подъ вліяніемъ новыхъ понятій,—плода тридцатилѣтнихъ трудовъ. Его ученіе пришлось въ разгаръ реформы и было, по обычаю, специально-

¹⁾ Нѣкоторыя цитаты изъ него въ „Исторіи“ Карамзина; теперь извѣстенъ только каталогъ этого собранія.

техническое; два года онъ учился въ Германіи; не бывши гуманистомъ, онъ зналъ славнѣйшія произведенія философско-политической литературы, тогдашней и болѣе ранней, отъ Макиавеля и Пуффендорфа до Гоббса, Бэйля, Локка, Фонтенеля, и хотя отвергалъ ихъ крайнія мнѣнія и называлъ ихъ вредными, но въ своихъ взглядахъ религиозно-бытовыхъ и историческихъ обнаружилъ немалую долю рационализма. Его „Исторія“ еще носитъ отчасти характеръ лѣтописнаго свода, но уже совсѣмъ не похожа на старыя произведенія этого рода, потому что сопровождается факты прагматическимъ толкованіемъ. Въ своихъ новыхъ мысляхъ онъ былъ очень остороженъ, но взглядъ на народную жизнь былъ явно критическій... У приверженцевъ старины онъ прослылъ за безбожника.

Времена Екатерины II были въ прошломъ вѣкъ по преимуществу временемъ „европейничанья“, доходившаго до размѣровъ, которые становились странными; но въ эти же времена наиболѣе ярко высказалось стремленіе къ изученію народа и къ сближенію съ его жизнью и интересами. Странно, въ самомъ дѣлѣ, что императрица російской имперіи, обладательница абсолютнѣйшей власти, чрезвычайно къ ней ревнивая, державшая Шешковскихъ для нѣкоторыхъ отправленій этой власти,—обнаруживаетъ рядомъ съ этимъ великія сочувствія къ французскому литературно-философскому движенію, практической смисль котораго былъ, между прочимъ, отрицаніе абсолютизма. Эти сочувствія были увлеченіемъ живого ума, который искалъ новизны и оригинальности, понималъ и не могъ не цѣнить блестящіе и глубокіе таланты Вольтера, Дидро, д'Аламбера, который самъ хотѣлъ блеснуть примѣненіемъ идей, обходившихъ тогда всю Европу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ сочувствіяхъ бывала настоящая искренность, но едва ли сомнительно также, что былъ и холодный расчетъ: этотъ живой умъ былъ также достаточно трезвъ и холоденъ, чтобы идеи не могли переступить той границы, за которою стоялъ ревнивый абсолютизмъ,—здѣсь онъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ отвергалъ тѣ самыя идеи, которыя прежде превозносилъ. Думаютъ обыкновенно, что Екатерина II только въ концѣ царствованія отступила въ реакцію; но подобныя настроенія не трудно видѣть и въ первое десятилѣтіе ея правленія. Но какъ бы ни было съ ея личными взглядами и политикой, идеи, разъ заявленныя изъ самаго средоточія власти (какъ было въ „Наказѣ“), уже не могли быть остановлены и производили свое дѣйствіе. Вліянія европейской литературы (говоря относительно, по тогдашнему числу образованнаго класса) были сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онѣ шли черезъ книги, черезъ путешествія и личныя встрѣчи; съ начала французской революціи Россію стали наводнять эмигранты, между которыми

бывали люди высокаго образованія и нравственнаго характера. Задолго до наплыва эмиграціи, патріотическіе писатели жаловались на галломанію, бранили и осмѣивали людей, забывавшихъ отечественное для поверхностнаго подражанія, „отрывавшихся отъ народа“; но теперь „галломанія“ еще возрасла главнымъ образомъ, конечно, отъ недостатковъ самой русской общественности и отъ слабаго развитія школы. И позднѣе, знаменитый патріотъ 12-го года, Ростопчинъ (кажется, первый основатель „васнаго“ патріотизма), не могъ быть безъ французскаго языка; величайшій русскій поэтъ сказалъ однажды, что ему французскій языкъ ближе (*plus familière*), чѣмъ русскій. Нѣтъ сомнѣнія, что было въ галломаніи много явленій каррикатурныхъ и нелѣпныхъ,—какъ въ извѣстномъ классѣ они есть до сей минуты,—но въ лучшемъ меньшинствѣ образованнаго класса (между прочимъ, дѣйствовавшемъ и въ литературѣ) прочно утвердились ученія французской литературы „просвѣщенія“: ученія о нравственномъ достоинствѣ личности, о гражданской обязанности, о человѣколюбивомъ отношеніи къ народу, объ общественной справедливости. „Наказъ“, составленный подъ явнымъ вліяніемъ философіи „просвѣщенія“, съ буквальными заимствованіями изъ ея писателей,—при всемъ историческомъ недоумѣніи, какое возбуждаетъ теперь,—въ свое время, какъ правительственное заявленіе, поддержанное на дѣлѣ созывомъ депутатовъ, произвелъ впечатлѣніе на умы и долженъ былъ внушить или поддержать здоровыя общественныя понятія. „Наказъ“ служилъ имъ опорой и позднѣе, когда правительственная погода измѣнилась и объ идеяхъ „Наказа“ уже не было помину... Въ началѣ царствованія Екатерины поднятъ былъ вопросъ о справедливости и возможности освобожденія крестьянъ; въ концѣ необходимость освобожденія стала для многихъ убѣжденіемъ (хотя сама власть въ этомъ же періодѣ закрѣпостила сотни тысячъ свободнаго крестьянскаго населенія).

Большинство изъ упомянутыхъ выше ученыхъ историковъ и путешественниковъ дѣйствовали въ царствованіе Екатерины: изданіе лѣтописей, описанія Россіи увеличивали горизонтъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній; вырославшее политическое могущество Россіи расширяло національный патріотизмъ до степени, изображаемой поэзію Державина; этотъ патріотизмъ заставлялъ оглядываться на славныя дѣянія прошедшаго, на доблести русскаго народа и на его настоящее. Къ послѣднимъ десятилѣтіямъ прошлаго вѣка возникаютъ изученія народнаго характера и этнографической старины.

Сама Екатерина занялась исторіей; въ эти изученія она внесла тотъ рассчитанный оптимизмъ, съ какимъ вообще говорила о русскомъ народѣ и россійской имперіи и который долженъ былъ быть

ея политикой. Въ древней Россіи она видитъ уже правильную самодержавную монархію и, конечно, при этомъ взглядѣ очень свободно распоряжается фактами. Но исторически важно въ разсматриваемомъ нами предметѣ было то, что исторія получала здѣсь публицистическое примѣненіе, что въ ней искали связей съ настоящимъ, въ ней видѣлась провѣрка національной жизни. Рядомъ съ тенденціознымъ оптимизмомъ были и другія мнѣнія, не менѣ патриотическія, но болѣе правдивыя и строгія.

Самыми знаменательными представителями той стороны общественнаго мнѣнія, которая старалась критически выяснить положеніе вещей, были Новиковъ и Радищевъ. Первому посвящено было въ наше время много изслѣдованій, явилось нѣсколько новыхъ свѣдѣній о второмъ; но значеніе обоихъ все еще опредѣлено не вполне. Новиковъ, послѣ Ломоносова, едва ли не замѣчательнѣйшій представитель умственныхъ стремленій общества прошлаго вѣка какъ по настойчивости своихъ исканій и труда, такъ и по своей судьбѣ: сатирическій публицистъ въ началѣ своей дѣятельности, неутомимый издатель книгъ, историкъ и археологъ, мистическій философъ, онъ въ основѣ всего былъ горячій патриотъ, искавшій просвѣщенія для блага народа, подавленное состояніе котораго ему было видно. Его критическое отношеніе къ жизни касается уже самыхъ серьезныхъ предметовъ общественнаго и народнаго быта, какъ крѣпостное право, недостатки въ церковной жизни, испорченность чиновничества; его историческіе труды, „Вивліюэика“ и проч., надолго остались однимъ изъ капитальныхъ источниковъ для нашихъ историковъ; предполагали не безъ основанія, что вліяніе Новикова сказалось на комедіи Фонъ-Визина и на „Исторіи“ Карамзина ¹⁾.

Дѣятельность Радищева была подорвана катастрофой безжалостнаго преслѣдованія; нѣсколько печальныхъ истинъ, необдуманно высказанныхъ предъ людьми, неспособными признать ихъ, навлекли гоненіе, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Позднѣйшіе критики бросили въ него еще нѣсколько камней. Но каковы бы ни были частныя недостатки его книги, она осталась памятникомъ такого пониманія самой тяжелой народной бѣды, на которое съ отраднымъ чувствомъ можетъ указать историкъ, какъ на честный голосъ среди льстивыхъ и низкопоклонныхъ днѣирамбовъ. Нѣсколько страницъ въ его книгѣ—первая ясно поставленная картина крестьянскаго быта, которой продолженіе явилось только въ сороковыхъ годахъ, съ несмыслимыми осужденіями крѣпостнаго права въ литературѣ, и затѣмъ уже съ открытыми осужденіями съ конца пятидесятыхъ годовъ.

¹⁾ Незеленова, „Н. И. Новиковъ“. стр. 419—443.

Въ послѣднихъ двухъ десятилѣтїяхъ прошлаго вѣка возникаетъ, въ первыхъ, иногда замѣчательныхъ пробахъ, изученіе народныхъ обычаевъ, преданій, собраніе народныхъ пѣсенъ: это было не случайное дѣло простаго любопытства, а именно опредѣленное, хотя часто еще весьма неумѣлое желаніе розыскать народную старину, какъ исторически поучительный остатокъ древнихъ временъ. Таковы были въ особенности труды Чулкова, Новикова, Прача. Остатки древности возбуждали все больше историческое любопытство; еще во времена Татищева, въ кругу людей новаго образованія были любители старыхъ рукописей, теперь они являются чаще и съ большимъ пониманіемъ историческаго значенія памятниковъ старины. Однимъ изъ такихъ любителей былъ гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, по мысли котораго были собираемы лѣтописи изъ монастырскихъ библиотекъ. Цѣлый рядъ лѣтописей древнихъ и среднихъ временъ изданъ былъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Вопросы исторіи уже связываются съ современностью; между ними чувствуется тѣсная связь; сравнивается старое и новое, разыскиваются причины общественныхъ явленій, указываются ошибки, заявляются идеалы. Таковы слѣдующіе за Татищевымъ и Ломоносовымъ труды кн. Щербатова и Болтина, въ которыхъ видятъ зародыши славянофильства: ихъ смущали въ новомъ русскомъ обществѣ разныя неблагопріятныя явленія, которыя были отчасти неизбежнымъ слѣдствіемъ броженія, наступившаго послѣ реформы, отчасти дѣломъ неудачныхъ преэмниковъ Петра, и возникала мысль, что виновата была самая реформа. Съ другой стороны вѣрнѣе дѣлалъ это сравненіе стараго и новаго молодой Карамзинъ (въ „Письмахъ русскаго путешественника“) и другіе защитники новой Россіи, и развивается культъ Петра Великаго, начатый его современными приверженцами.

Оглянувшись назадъ на это историческое изученіе и на результаты его, нѣсколько опредѣлившіеся къ концу вѣка, мы видимъ, что уже и въ этомъ несовершенномъ видѣ историческое знаніе того времени было такимъ фактомъ общественной мысли; о которомъ не имѣло понятія общество до-Петровское. Это была настоящая реставрація исторіи, впервые сознаваемая. Въ первый разъ является мысль опредѣлить съ извѣстною точностью начала нашей исторіи, устанавливались факты ея внѣшняго и внутренняго теченія; научная критика выясняла ихъ связь и значеніе, давала истолкованіе древнимъ сказаніямъ, которыя старыми книжниками только механически повторялись и компилировались. Особая важность этихъ изысканій обнаруживается въ томъ, что многое изъ исторической старины, забытое въ московской книжности, являлось вновь на свѣтъ какъ настоящее *открытіе*. Такъ, открытіемъ была сама Несторова лѣтопись, когда ея высокое національно-историческое значеніе было объяснено Шлѣ-

церомъ; такими открытіями были столь важные памятники, какъ Русская Правда, завѣщаніе Владимира Мономаха, Слово о полку Игоревѣ; открытіемъ были собранны теперь акты, впервые подвергнутые критическому изученію; открытіемъ были многіе вновь приобрѣтенные факты этнографіи и археологіи; неслыханной прежде новостью было вниманіе къ произведеніямъ народной поэзіи; новостью были сопоставленія русскихъ событій съ исторією иноземныхъ народовъ и т. д. Никогда прежде исторія не понималась въ такой цѣлости и причинной связи стараго съ новымъ и прошлаго съ настоящимъ, не ставились вопросы о дальнѣйшемъ пути государственной и народной жизни; или никогда прежде эти вопросы не занимали умовъ въ такой мѣрѣ, какъ теперь, когда они становились близки большому числу образованныхъ людей. Словомъ, уже въ этомъ несовершенномъ видѣ историческихъ и общественныхъ изученій несомнѣнно совершался процессъ національнаго самосознанія, которому предстояло развиваться далѣе, все шире охватывая явленія народной жизни и яснѣе освѣщая ихъ средствами науки и возрастающаго общественнаго чувства.

Времена импер. Павла не были удобны для литературы; за то со вступленіемъ на престолъ Александра I возникаетъ усиленное движеніе по разнымъ отраслямъ историческихъ и народныхъ изученій, монументальнымъ и характеристическимъ завершеніемъ которыхъ была „Исторія государства Россійскаго“. Не будемъ исчислять научныхъ работъ, которыя шли одновременно съ трудомъ Карамзина и не мало ему содѣйствовали. Довольно припомнить имена трудолюбиваго митрополита Еягенія, Успенскаго, Тимковскаго, талантливаго и несчастнаго Калайдовича, Ермолаева, начинавшаго свое знаменательное поприще филолога Востокова, архивныхъ знатоконъ Бантышъ-Каменскаго и Малиновскаго и проч., наконецъ, знаменитаго графа Румянцова, который, вынесши изъ „западной“ образованности прошлаго вѣка страстную любовь къ русской исторіи, оказалъ ея разработкѣ великія услуги своимъ покровительствомъ ученому труду, своими великолѣпными изданіями, богатой бібліотекой, послѣ его смерти поступившей по его завѣщанію въ общественную собственность „на благо просвѣщеніе“, и который дониндѣ не имѣлъ себѣ достойнаго преемника въ нашей аристократіи. „Исторія“ Карамзина была первое широкое научное предпріятіе, которое на десятки лѣтъ стало руководствомъ въ дальнѣйшей разработкѣ и богатымъ запасомъ фактовъ, матеріаловъ и критическихъ разъясненій. Она была и сводомъ всего прежняго труда, и богатымъ складомъ новыхъ фактовъ, и программой. Карамзинъ завершилъ предъидущій періодъ историографіи, воспользовался всѣмъ его матеріаломъ, прибавилъ множество новаго

и, главное, поставилъ историческій вопросъ такъ широко, какъ до него еще не было сдѣлано: программа обнимала всѣ стороны исторической жизни—государство, церковь, народный обычай, преданія; въ эту программу уже легко приурочивались дальнѣйшія изысканія и связывались ею тѣ, какія уже были сдѣланы и въ ту минуту дѣлались.

Въ понятіяхъ общества, за немногими исключеніями, трудъ Карамзина сталъ первой національной исторіей. Таковъ онъ былъ въ глазахъ императора Николая, въ глазахъ Пушкина и общественной массы.

Но если „Исторія государства Россійскаго“ была явленіемъ высокой важности для развитія исторіографіи, то во многихъ частностяхъ она осталась произведеніемъ своего времени. Многія положенія ея не были приняты послѣдующей критикой; изображеніе „государства“ въ древнѣйшемъ періодѣ было невѣрно; въ изложеніи, легкомъ и привлекавшемъ читателей (что было чрезвычайно важно), еще слышался авторъ „Бѣдной Лизы“, и сантиментальное, мелодраматическое изображеніе древнихъ „россіянь“ не совсѣмъ отвѣчало исторической дѣйствительности. Съ этой стороны, отражавшей также общественныя теоріи Карамзина, трудъ его рано вызвалъ возраженія и меньше выдерживалъ критику, чѣмъ въ специально-историческихъ и археологическихъ изысканіяхъ, гдѣ онъ припоминается и доннѣ.— „Исторія“ стала выраженіемъ и опорой „официальной народности“ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Съ другой стороны, противорѣчіе, которое она встрѣтила при первомъ появленіи (въ мнѣніяхъ декабристовъ), не имѣло возможности высказаться правильно въ литературѣ, но не было лишено справедливости и осталось причиной предубѣжденія, сохранившагося надолго. Сущность противорѣчія была въ томъ, что Карамзинъ слишкомъ идеализировалъ государственность и, напротивъ, мало выяснилъ значеніе и положеніе народа.

Движеніе, начавшееся въ нашей исторіографіи послѣ выхода „Исторіи“, было чрезвычайно плодотворное. Изученіе исторіи, послѣ труда Карамзина, стало уже дѣломъ не патріотическаго любопытства, а обязанности для каждаго образованнаго человѣка: нужно было понимать свою исторію, чтобы можно было служить своему народу и обществу сознательно. Но труда предстояло множество, по разнымъ направленіямъ.

Размножаются ученые изслѣдователи, уже подготовленные школой Шлёцера и Карамзина къ строгой исторической критикѣ. Мы называли выше его ближайшихъ современниковъ. Отчасти при немъ же, и особенно послѣ него, работали—его противникъ Каченовскій, его критикъ и послѣ ревностный поклонникъ Погодинъ, Арцыбашевъ,

Д. Языковъ, Устряловъ, М. Соловьевъ, Бутковъ, Куникъ; нѣмецкій пріестъ Эверсъ; оріенталисты: Френъ, Шармуа, позднѣе Савельевъ, Григорьевъ; финнологи Шёгрень, Кастрень; въ противовѣсъ и дополненіе къ исторіи государства Полевой задумалъ, хотя не въ силахъ былъ исполнить, „Исторію русскаго народа“; въ тридцатыхъ годахъ начались историческіе труды Надеждина... Кромѣ исторіи собственно, оживленное движеніе начинается въ сопредѣльныхъ изученіяхъ старины и народности.

Существенною необходимостью было болѣе внимательное изученіе древнихъ памятниковъ письменности. Мы назвали выше Тимовскаго, Калайдовича, Малиновскаго, графа Н. П. Румянцова. Богатое собраніе рукописей Румянцова, составившее (съ другими коллекціями) Румянцовскій музей, находящійся нынѣ въ Москвѣ, было открыто для науки въ знаменитомъ „Описаніи“ Востокова, которое послужило сильнымъ толчкомъ къ изслѣдованіямъ древней русской литературы. Не менѣе богатое собраніе графа Ѳ. А. Толстого послужило главнымъ основаніемъ рукописныхъ богатствъ Публичной Библіотеки въ Петербургѣ. Собираніе рукописей стало привлекать больше и больше любителей и изъ людей богатыхъ, и изъ небогатыхъ ученыхъ, и послѣднимъ удавалось на скромныя средства собирать драгоценныя въ научномъ отношеніи бібліотеки рукописей: назовемъ собранія Дубровскаго и Фролова (въ Публичной Библіотекѣ) купца Царскаго (потомъ перешедшее къ гр. А. С. Уварову); Сахарова, Погодина („древлехранилище“, проданное имъ въ Публичную Библіотеку), Ундольскаго (нынѣ въ Московскомъ Музеѣ), Григоровича (тамъ же), Гильфердинга (позднѣе у Хлудова); въ новѣйшее время—гр. Уварова (въ Порѣчѣ), кн. Вяземскаго (въ Обществѣ любителей древней письменности), купца Хлудова, Тихонравова, Забѣлина, Барсова, А. Титова, Вахрамѣева и друг.

Но замѣчательнѣйшимъ предпріятіемъ относительно приведенія въ извѣстность и изданія историческихъ источниковъ была знаменитая археографическая экспедиція, устроенная въ тридцатыхъ годахъ по мысли Павла Строева, въ тѣ времена лучшаго бібліографическаго знатока книжной старины. Масса лѣтописей и всякаго рода историческихъ актовъ, собранныхъ въ официальномъ путешествіи Строева, послужила матеріаломъ для изданій Археографической Комиссіи, которая стала въ сороковыхъ годахъ новымъ, послѣ Карамзина, поворотомъ въ нашей исторіографіи, раскрывши громадный неизвѣстный прежде матеріалъ; въ то же время, какъ увидимъ, самыя изслѣдованія принимали новое направленіе съ развитіемъ новыхъ требованій историческаго знанія.

Одновременно съ успѣхами политической исторіи, установляв-

шейся Карамзинѣмъ, возникала отрасль изысканій, общавшая пролить свѣтъ на исторію племени. Это были изысканія филологическія, впервые съ научной точностью поставленныя Востоковымъ. Небольшое изслѣдованіе его (1820 г.) стало эпохой въ славяно-русской филологіи, такъ какъ онъ первый, почти въ одно время съ Гриммомъ, выставилъ историческое начало въ развитіи языка и указалъ основныя звуковыя пунеты, отъ которыхъ идетъ различіе славянскихъ нарѣчій между собою, и подлинныя древнія особенности языка церковно-славянскаго. Филологическая школа развилась уже позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, но основанія положены здѣсь.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ появляются первые труды по собственно-этнографическому изученію русскаго народа, имѣвшіе научное достоинство: собранія пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, преданій, описанія нравовъ и обычаевъ, старинныя, пароднаго искусства и т. д. Это были въ особенности труды Снегирева, Сахарова, Терещенка; множество пѣсеннаго и иного этнографическаго матеріала стало появляться въ журналахъ. Съ тридцатыхъ годовъ начались другія собранія, изданныя только впоследствии, какъ сборникъ П. Кирѣевскаго, предпріятіемъ котораго былъ заинтересованъ Пушкинъ; какъ собранія пословицъ и сказокъ Даля, какъ его „Толковый Словарь“, изданный имъ въ шестидесятыхъ годовъ, въ концѣ жизни.

Въ эту пору этнографическія изслѣдованія исходятъ уже изъ сознательнаго намѣренія изучить въ содержаніи народной поэзіи и преданій старинны истинный характеръ народа, въ его подлинныхъ выраженіяхъ—съ послѣдней цѣлью воспринять народную стихію въ складъ и интересы общественной жизни. Правда, чувствовалось это смутно, выражалось часто съ натянутою сентиментальностью въ мнимо-народномъ вкусѣ тогдашней официальной народности (особливо у Сахарова), съ недостаткомъ критики, но иногда съ немалымъ знаніемъ и искуснымъ объясненіемъ древности (особенно у Снегирева). Вообще, это были ещѣ первыя попытки собиранія, внутрення развитіемъ исторической науки, романтическимъ интересомъ къ старинѣ и ростомъ общественнаго сознанія. Настоящая научная точка зрѣнія на предметъ и приемы изслѣдованія еще далеко не выработана (въ этомъ послѣ помогла западная, особливо нѣмецкая наука); у ревнителей этнографіи попадались поддѣльныя, будто бы народныя произведенія (у Сахарова, въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго), разоблаченныя только въ послѣднее время, хотя вообще понималась уже и объяснялась необходимость изучать произведенія народной поэзіи въ ихъ подлинномъ видѣ. Но несмотря на молодость дѣла, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно велось съ замѣчательнымъ

умѣньемъ и на подкладкѣ цѣлой обдуманной теоріи (труды Петра Кирѣевскаго).

Къ изученію народа великорусскаго присоединялось ревностное изученіе малорусской старины и народности патриотами южнорусскими. Еще около 1820 г. издано было кн. Цертелевымъ первое собраніе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ; затѣмъ слѣдовали болѣе или менѣе богатые и оригинальные сборники Максимовича, Срезневскаго, Метлинскаго; въ сороковыхъ годахъ явилось замѣчательное по своему времени сочиненіе Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843; главнымъ образомъ, однако, малорусской).

Этнографическіе интересы особенно были усилены новымъ научнымъ движеніемъ, идущимъ также съ тридцатыхъ годовъ, — начавшимся изученіемъ славянскаго міра, западнаго и южнаго. Учрежденіемъ въ университетахъ кафедръ славянскихъ нарѣчій правительствомъ императора Николая, — какъ ни сурово вообще относилось оно къ умственной жизни общества, — оказало общественной образованности великую услугу, какъ подобную услугу оказало учрежденіе Археографической экспедиціи и комиссіи. Та и другая мѣра отвѣтила на возникавшую потребность; дѣло объ археографической экспедиціи началось по частной инициативѣ, славянскія изученія также начались раньше официальнаго признанія ихъ необходимости (Шишковъ, Востоковъ, Каченовскій, Калайдовичъ, Венелинъ, Срезневскій, Бодянский). Для основанія славянскихъ кафедръ въ университетахъ, въ концѣ 30-хъ годовъ послано было въ славянскія земли нѣсколько молодыхъ ученыхъ, которые уже дома были отчасти приготовлены къ этому поприщу упомянутымъ этнографическимъ романтизмомъ. Путешествіе развило у нашихъ первыхъ славистовъ этотъ романтизмъ до цѣлой теоріи, гдѣ первобытная архаическая, наивная народность какъ-бы противопоставалась искусственной цивилизаціи и ставилась для нея примѣромъ и руководствомъ. Эта теорія, отчасти близкая къ славянофильству, но во многомъ съ нимъ несогласная, внушена была зрѣлищемъ возрожденія славянскихъ народностей; никогда достаточно не объясненная этими первыми славистами въ прижизненіи къ общественной практикѣ, она была туманна, но принесла свою долю пользы: внушала любовь къ народу, учила цѣнить народную личность, хотя бы дѣйствительное прижизненіе этого поученія дало и не тотъ результатъ, какой предполагали бы первые слависты. Съ этими изученіями, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ русской литературѣ впервые точно были опредѣлены *этнографическія* отношенія русскаго народа къ остальному *славянству*. Эти отношенія, какъ извѣстно, обратили на себя вниманіе уже давно; еще съ

XVII-го вѣка у Крижанича высказана была политическая славянская теорія: онъ помышлялъ о возможности славянскаго союза, даже единства подъ главенствомъ Россіи. Эта политическая идея, оставшаяся у Крижанича одинокою и неясно мелькавшая потомъ въ теченіе XVIII-го вѣка, въ новѣйшее время, въ новой окраскѣ, повторилась у одного кружка декабристовъ; о ней напоминали политическія событія (какъ освобожденіе Сербіи); въ тридцатыхъ годахъ возникали цѣлыя панславистическіе планы (у Погодина). Другіе могли не дѣлать этихъ мечтаній, по крайней мѣрѣ откладывали ихъ на далекое будущее и руководились только интересомъ къ единоплеменнымъ народамъ и помышляли о нравственномъ союзѣ; но во всякомъ случаѣ было очевидно, что какое-нибудь здоровое слѣдованіе по этому пути возможно было бы только при ближайшемъ знакомствѣ съ этнографическими и историческими отношеніями: непосредственныхъ связей не было, мысль возникала изъ племенныхъ инстинктовъ; освѣтить ее могло только научное знаніе.

Изученіе славянства чрезвычайно благопріятно подѣйствовало и на разработку самой русской этнографіи, — собственно говоря, оно впервые дало ей настоящее основаніе, указавъ для древнѣйшей поры народности ея общеславянскую основу. Явилась возможность сравненія языка; сравненія мѣровъ, преданій, поэзій; сравненія бытовыхъ учреждений и обычаевъ и, въ концѣ концовъ, опредѣленія общеславянскихъ свойствъ русской народности и ея исключительныхъ особенностей. Съ другой стороны, знакомство съ славянскимъ возрожденіемъ указало примѣръ того благотворнаго дѣйствія, какое забота о народности можетъ оказать на національное самосознаніе племенъ, раскрывая для нихъ дорогу просвѣщенія, поднимая и матеріальныя, и нравственныя ихъ силы. Наконецъ, оно открывало для нашихъ ученыхъ литературы западнаго славянства, до тѣхъ поръ почти совершенно у насъ неизвѣстныя, но представлявшія уже немало замѣчательныхъ трудовъ по славянской древности и этнографіи (Добровскій, Шафарикъ, Копитаръ, Палацкій, Караджичъ и пр.).

Такимъ образомъ, расширеніе научной области все больше расширяло интересы народности въ общественномъ сознаниі; все болѣе раздвигался горизонтъ наблюденій, размножался матеріаль фактовъ, увеличивалось разнообразіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ должно быть изучаемо явленіе столь великое и сложное, какъ народная жизнь и народная сущность. Съ тридцатыхъ годовъ, когда такъ возросла масса историческаго матеріала, возникаютъ первые признаки научнаго движенія, которое развилось позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, и ввело новые способы историческаго изслѣдованія. Въ передовыхъ кружкахъ недолгое вліяніе Шеллинговой философіи смѣняется господ-

ствомъ гегеліанства: это философское направленіе—при всѣхъ односторонностяхъ, въ какія впадало у насъ, какъ въ Германіи—имѣло то благотворное вліяніе, что заставляло искать общихъ основаній въ исторіи народа или руководящей идеи, объяснять событія народной жизни не одними толкованіями тѣснаго прагматизма, но цѣлымъ складомъ основной народной сущности. Исторія переставала быть массой случайныхъ лицъ и событій, исполняющихъ ближайшія цѣли, а послѣдовательнымъ развитіемъ національной идеи. Къ той же эпохѣ относится новый непосредственный притокъ европейской, по преимуществу нѣмецкой науки, какъ путемъ литературы, такъ и путемъ прямого вліянія, черезъ новый рядъ молодыхъ ученыхъ, посланныхъ за границу готовиться къ занятію каедръ, въ особенности права и наукъ гуманитарныхъ.

Въ самой Германіи, то было время богатаго развитія историческихъ изученій, и наши ученые усвоивали научные методы или прямо изъ нѣмецкаго университетскаго источника, или изъ открывавшейся передъ ними литературы. Савиньи—въ исторіи права, Риттеръ—въ географіи, Раумеръ, Гервинусъ, Ранке, Лео и пр.—въ политической исторіи, Гриммъ—въ исторіи языка, въ народной мифологіи и поэзіи, въ археологіи права, Боппъ—въ сравнительномъ языковѣдѣніи, имѣли у насъ своихъ, иногда непосредственныхъ учениковъ. Свое значительное вліяніе имѣла научная литература французская, англійская,—и весь этотъ запасъ новаго знанія отразился на русскихъ изученіяхъ. Историческое пониманіе стало многостороннѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, критика источниковъ достигала замѣчательной тонкости, методъ изслѣдованія приобрѣталъ точность логической формулы; къ изученію русской старины и народности примѣнены были тогда только-что прочно утверждавшіяся новыя науки—сравнительное языковѣданіе и сравнительная этнографія.

Появленіе новой школы, опредѣленно заявившей себя въ сороковыхъ годахъ и развивавшейся до сихъ поръ, стало эпохой въ изученіи русской народности. Это были прежде всего труды Соловьева, Кавелина, Забѣлина, Калачова, Неволина, К. Аксакова, Вѣляева, Костомарова; въ области языка, мифологіи, народной поэзіи—Срезневскаго, Вилярскаго, Каткова; Буслаева, Афанасьева и пр.

Собраніе этнографическаго матеріала приняло въ послѣднія десятилѣтія размѣры по истинѣ грандіозные. Здѣсь благотворное вліяніе имѣло основаніе Русскаго Географическаго Общества; разрѣшеніе его было еще заслугой правительства имп. Николая для общественнаго образованія, какихъ не представили послѣдующія времена. Въ устройствѣ Географическаго Общества главнымъ дѣятелемъ былъ Литке, и особливо Надеждинъ; Надеждинъ и его сотоварищи сгумѣли

возбудить интересъ къ Обществу, которое вслѣдствіе этого и могло установиться въ широко дѣйствующее предпріятіе. Общество разослало программы для собиранія всякаго рода этнографическихъ свѣдѣній, получило массу матеріала, который появлялся въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ и въ періодическихъ изданіяхъ Общества. Рядъ ученыхъ экспедицій, устроенныхъ Обществомъ, далъ замѣчательные географическіе результаты относительно разныхъ краевъ нашего отечества; цѣльная географія Россіи собрана въ богатомъ „Географическомъ Словарѣ“ П. П. Семенова и его сотрудниковъ, и пр. За послѣдніе годы замѣчательнымъ трудомъ, обязаннымъ Географическому Обществу, были „Труды этнографической экспедиціи въ юго-западный край“, Чубинскаго, гдѣ собранъ богатѣйшій этнографическій матеріалъ. Общество стало наконецъ развѣтвляться: явился Кіевскій, Сибирскій (восточный и западный), Кавказскій, Оренбургскій отдѣлы, которые вели полезную мѣстную дѣятельность. Изъ нихъ, Кіевскій былъ закрытъ правительствомъ въ послѣдніе годы минувшаго царствованія, успѣвъ въ короткое время заявить себя важными этнографическими трудами.

Въ частности, собранія народныхъ пѣсенъ явились въ рядѣ замѣчательныхъ изданій. Таковы—обширный старый сборникъ Кирѣевскаго, съ дополненіями, изданный Безсоповымъ; сборники Шейна, пѣсенъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ; небольшіе, но любопытные сборники Якушкина, Варенцова; обширный галицко-русскій сборникъ Головацкаго; малорусскія пѣсни у Чубинскаго, Рудченка, Антоновича и Драгоманова. Множество небольшихъ мѣстныхъ собраній появлялось въ изданіяхъ Второго отдѣленія Академіи и (еще съ сороковыхъ годовъ) въ журналахъ; дѣтскія пѣсни, Безсонова. Новѣйшее время ознаменовано открытіемъ богатаго запаса еще живого и свѣжаго народнаго эпоса въ олонецкомъ краѣ; это—сборникъ Рыбникова, и въ особенности „Онежскія былины“, послѣдній, по истинѣ монументальный и драгоцѣнный трудъ Гильфердинга. Сказки были изданы Аванасьевымъ, Худяковымъ и др.; пословицы собраны Снегиревымъ, Буслаевымъ, Далемъ. Литература народныхъ картинокъ была излагаема Снегиревымъ и недавно замѣчательнымъ образомъ изучена Д. А. Ровинскимъ.

Въ послѣднія десятилѣтія всѣ указанныя и другія изученія сдѣлали новые обширные успѣхи. Мы можемъ здѣсь только отмѣтить труды—по археографіи: Срезневскаго, Бодянскаго, Горскаго, Быкова, Андрея Попова, Тихонравова, Викторова и др.; по языку: Срезневскаго, который между прочимъ составилъ обширный, нынѣ издаваемый по его бумагамъ, словарь древняго русскаго языка; Буслаева (историческая грамматика русскаго языка), П. Житецкаго

(труды по исторіи языка южно-русскаго), Соболевскаго, и въ особенности замѣчательныя грамматическія изслѣдованія Потебни; по объясненію средневѣковой поэзіи: Буслаева, Тихонравова, Кирпичникова, но въ особенности Веселовскаго и Ягича; по исторіи литературы и образованія: Тихонравова, Галахова, Порфирьева, Сухомлинова, Стоюнина, Миллера, Ефремова, Незеленова и др.; по исторіи церкви: Филарета Черниговскаго, митр. Макарія, Знаменскаго, Голубинскаго. Большое развитіе приобрѣла исторія бытовыхъ учреждений, гдѣ должно назвать, кромѣ многихъ изъ упомянутыхъ, имена Бѣляева, К. Аксакова, Тюрина, Кавелина, Калачова, Сергѣевича, Пахмана, Чичерина, Ф. Дмитриева и др.; особенное вниманіе изслѣдователей привлекла сельская община и вообще обычное право, обширная литература котораго была описана въ замѣчательномъ трудѣ Евг. Якушкина и пр.

Съ 1850-хъ годовъ въ интересахъ народовѣдѣнія, особливо по языку и народной поэзіи, много работало Второе отдѣленіе Академіи наукъ, когда въ это Отдѣленіе, образованное изъ бывшей Россійской Академіи, вступилъ Срезневскій. Съ тѣхъ поръ и донинѣ въ изданіяхъ Второго Отдѣленія явилось множество работъ по русской этнографіи, и въ послѣднее время въ особенности труды Александра Веселовскаго, составляющіе эпоху въ нашихъ изученіяхъ народной поэзіи, мифологии, древней письменной и живой народной легенды.

Одновременно со Вторымъ отдѣленіемъ Академіи большую массу матеріала и этнографическихъ изслѣдованій доставило Московское Общество исторіи и древностей, руководимое до второй половины 1870-хъ годовъ Бодянскимъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ возникъ новый дѣятельный органъ народныхъ изученій въ московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Множество полезныхъ работъ сообщаютъ спеціальныя изданія: „Филологическія Записки“, издаваемые въ Воронежѣ Хованскимъ, и „Р. Филологическій Вѣстникъ“, Колосова, потомъ Смирнова, въ Варшавѣ. Впослѣдствіи упомянемъ о массѣ матеріала, который появляется въ изданіяхъ провинціальной литературы.

Славянскія изученія въ послѣднія десятилѣтія также принесли большое количество цѣнныхъ трудовъ, нерѣдко важныя не только для русской литературы, но и для самого славянства. Эти изученія исходили отъ университетскихъ кафедръ или примыкали къ нимъ. Таковы труды: Срезневскаго, П. Лавровскаго, В. Ламанскаго, Макушева, Будиловича; Бодянскаго, Евг. Новикова, А. А. Майкова, Гильфердинга, Ботларевскаго, Дринова; Григоровича, Кочубинскаго, П.

Ровинскаго и цѣлаго ряда молодыхъ славистовъ, какъ Зигель, Брандтъ, Флоринскій, М. Соколовъ и др.

Не будемъ входить въ подробности тѣхъ изученій, которыя направлены были на экономическое и промышленное состояніе народа. Въ прежнее время эти изученія всего чаще исполнялись официально и бюрократическими приѣмами; но за послѣднія десятилѣтія, именно съ первой явившейся возможности касаться крѣпостного вопроса, онѣ стали предметомъ сильнаго общественнаго интереса и съ особенною любовью направились къ изученію собственно крестьянскаго быта, сказываясь и здѣсь стремленіемъ къ защитѣ народнаго интереса. Эта защита—факты которой (съ конца пятидесятихъ годовъ) будутъ причисляться къ благороднѣйшимъ страницамъ русской литературы, когда общество придетъ къ дѣйствительному самосознанію, къ настоящему разумѣнію національной жизни—была параллелью тому теплomu живому участію къ народной жизни, которое раньше обнаруживалось въ изученіяхъ народности, проникало лучшія работы въ этнографіи и, какъ дальше увидимъ, одушевляло также наиболѣе жизненные произведенія новой поэзіи. Съ этихъ политико-экономическихъ и общественныхъ изученій открывается тотъ основной мотивъ, на которомъ дониндѣ сосредоточиваются изученія, тревоги и идеалы нашей литературы. Вопросъ слишкомъ труденъ, многосложенъ, притомъ слишкомъ былъ спутанъ и затемненъ реакціей послѣднихъ десятилѣтій, но опытъ, часто, къ сожалѣнію, слишкомъ тяжелый, все больше выясняетъ дѣло и начинаетъ указывать пути, которыми вѣрнѣе можетъ быть достигнуто благо народное и общественное: сказываются недостатки крестьянской реформы, и между прочимъ тѣ, отъ которыхъ предостерегали задолго искреннѣйшіе изъ приверженцевъ реформы; правдивое изслѣдованіе вопроса въ настоящую минуту приходитъ уже нерѣдко къ положеніямъ, какія выставлялись уже за тридцать лѣтъ тому назадъ..

Изъ числа новыхъ изученій упомянемъ, наконецъ, одно, можно сказать, впервые возникшее съ конца пятидесятихъ годовъ, когда улучшившееся положеніе печати дало нѣкоторую возможность высказываться общественному мнѣнію и научному изысканію. Это—изученіе раскола. До пятидесятихъ годовъ, оно было, собственно говоря, недоступно литературѣ. Въ печати могъ находить мѣсто только взглядъ, господствовавшій въ администраціи свѣтской и церковной, а для нихъ расколъ былъ только предметъ неуставнаго гоненія. Здѣсь вполне держалась точка зрѣнія XVII столѣтія: расколъ былъ лжеученіе; церковь осуждала и проклинала его. Свѣтское правительство „изучало“ его официально, черезъ людей съ „особыми порученіями“, „совершенно секретно“, изучало какъ изучаетъ обвинитель, стараясь

разувать распространіе зла и его степени, розыскать главныхъ зачинщиковъ и пособниковъ, чтобы потомъ опредѣлить соотвѣтственныя кары и мѣры предупрежденія и пресѣченія. Церковное изученіе было чисто обличительное. Изученіе критическое и свободное не существовало. Когда оно стало, наконецъ, нѣсколько возможно, въ литературѣ тотчасъ высказалось иное отношеніе къ предмету. Во-первыхъ, точка зрѣнія историческая выясняла, что въ условіяхъ своего возникновенія расколъ не былъ вовсе такимъ злонамѣреннымъ преступленіемъ, каковымъ по преданію понимала его іерархія и за ней свѣтская власть, что онъ былъ естественнымъ порожденіемъ времени, во многомъ былъ *дѣйствительно* вѣренъ „старой вѣрѣ“ и „обряду“ XVI—XVII столѣтій, во многомъ былъ слѣдствіемъ скудости просвѣщенія, которымъ московская Россія вообще не была богата, не по винѣ народа;—словомъ, эта точка зрѣнія уже вносила историческое объясненіе и примиреніе. Другая точка зрѣнія вносила это примиреніе съ иной стороны: образованіе научало вѣротерпимости, указывало общественный вредъ и неразумность преслѣдованія современнаго раскола за его двухъ-вѣковсе преданіе, указывало нравственную неприглядность положенія вещей, гдѣ административное подавленіе раскола сводилось на грубые поборы низшихъ полицейскихъ чиновниковъ и духовенства съ раскольничьяго населенія, на отлученіе отъ общественной жизни людей, часто совершенно безбидныхъ, трезвыхъ и трудолюбивыхъ. Эта точка зрѣнія видѣла, что въ результатѣ преслѣдованія получалось только то, что съ одной стороны угнетались люди за искреннюю вѣру, съ другой — въ большинствѣ случаевъ интересъ церкви (если уже былъ этотъ интересъ въ преслѣдованіи) *продавался* за взятки, извѣстныя всѣмъ кромѣ правительства,—и не могла считать такихъ явленій полезными ни для правительства, ни для церкви. Наконецъ, для обѣихъ упомянутыхъ точекъ зрѣнія послѣдователи раскола были тотъ же русскій подлинный народъ и притѣсненіе его было тяжело по чувству „народности“, которая въ это же время была провозглашаема официально.

Обличительная церковная литература противъ раскола, начавшись въ XVII столѣтій, продолжалась почти неизмѣнно до послѣдняго времени. Въ „секретной“ литературѣ свѣтской, т.-е. чиновнической, извѣстны сочиненія Надеждина, Дала на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ; въ томъ же „секретномъ“ періодѣ изучалъ расколъ Мельниковъ, который съ такимъ успѣхомъ въ публикѣ изображаетъ его въ поэтизированныхъ картинахъ впоследствии. Въ числѣ новѣйшихъ обличителей особенно дѣятеленъ г. Субботинъ, сообщавшій, впрочемъ, много фактическихъ данныхъ. Обличеніе, доходившее до

скандала и, какъ говорили, до шантажа, имѣло представителя въ Ѳ. Ливановѣ. Съ другой стороны, образовалась уже теперь весьма обширная литература безпристрастныхъ историческихъ изслѣдованій начиная съ книги Щапова (1857) и до сочиненій Пругавина, Ѳедосѣвца и проч., гдѣ расколъ разсматривается, въ обличительнаго богословія, какъ широкое историческое явленіе народной жизни, старой и новѣйшей, какъ явленіе, развивающееся до сей поры и представляющее въ этомъ развитіи многія любопытныя, здоровыя и привлекательныя черты чисто-русскаго національнаго характера. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, защищая историческую и человѣчную сторону раскола, доходили наконецъ и до преувеличеннаго оптимизма... Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ впервые издано было нѣсколько сочиненій раскольничьей литературы, имѣющихъ историческое значеніе.

Вопросъ о вѣротерпимости относительно раскола возникаетъ нынѣ не въ первый разъ. Бывали примѣры, что тягость преслѣдованія смягчалась; старообрядцы находили заступниковъ между сильными людьми, съ помощью которыхъ получали нѣкоторую льготу. Въ самомъ обществѣ пробуждалось если не сочувствіе, то болѣе мягкое отношеніе къ этой ревности въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; мистики конца прошлаго вѣка относились сочувственно къ мистическимъ сектамъ раскола; въ первые годы царствованія императора Александра I положеніе раскола нѣсколько улучшилось. Но все это были отдѣльныя счастливыя случайности; въ царствованіе императора Николая всякія облегченія прекратились; общество не знало дѣла раскола, и еслибъ знало, не могло осмѣлиться о нихъ говорить. Въ настоящее время вопросъ вѣротерпимости становится болѣе и болѣе живымъ общественнымъ интересомъ и выясняется въ публицистической литературѣ—въ пользу примиренія старой церковной вражды, уничтоженія „раскола“ въ смыслѣ народно-общественномъ и государственномъ.

Этотъ длинный рядъ разнообразныхъ изученій народа, исходнымъ пунктомъ которыхъ было время Петра Великаго, указываетъ ясно всякому безпристрастному наблюдателю, что реформа, направившая умы подобнымъ образомъ, именно была обнаруженіемъ глубокой народной потребности, что она не отрывала отъ народа, когда естественнымъ и тотчасъ явившимся слѣдствіемъ ея было обращеніе къ народу и изученіе его, столь широкое и разнообразное, о какомъ понятія не имѣла московская Россія. Въ наукѣ, которая впервые при реформѣ получила право гражданства, искали во-первыхъ реальнаго знанія, необходимаго для насущныхъ потребностей общества и

государства, во-вторыхъ идеальнаго содержанія, расширенія понятій о природѣ и человѣкѣ; къ этому тотчасъ примѣнуло стремленіе приложить научныя знанія къ ближайшему сознательному изученію народа и къ его пользамъ.

Обращаясь къ литературѣ собственно, т.-е. къ содержанію нашей поэзіи, или того, что замѣняло поэзію, увидимъ явленіе, совершенно параллельное тому, что видѣли въ развитіи научной образованности. Мысль о народѣ, какъ основной стихіи государства, ради которой само государство существуетъ, возникаетъ съ первыхъ шаговъ новой литературы, и чѣмъ дальше, тѣмъ становится яснѣе, реальнѣе, шире; литература подходитъ все ближе къ народной жизни, ея содержанію и языку. Формы литературы были заимствованныя, какъ и формы научнаго знанія, потому что своихъ не было: старая литература не выработала формъ для подобнаго содержанія и для личнаго поэтическаго творчества, но извѣстно теперь, что стремленіе усвоить ихъ предшествовало Петровскому времени,—его можно заимѣть еще въ XVII вѣкѣ. Взяты были эти формы не у какого-нибудь одного народа (у „нѣмцевъ“), какъ подражаніе; онѣ приняты были какъ формы *общеевропейскія*, которыя въ самой Европѣ были наследіемъ отъ классическаго міра и прочно установились только съ эпохи Возрожденія. Кантемиръ беретъ форму у Буало, но и у Горация и Ювенала—изъ того же античнаго источника, изъ котораго черпали и литературы новой Европы.

Со времени Петра литература приняла тотчасъ совсѣмъ иной складъ содержанія, чѣмъ было прежде. Какъ извѣстно, самъ Петръ заботился о переводѣ на русскій языкъ книгъ по исторіи, политикѣ и другимъ общепользнымъ предметамъ; люди его школы: извѣстный Брюсъ, князь Дм. Мих. Голицынъ, Кантемиръ, Андрей Матвѣевъ, Савва Рагузинскій, заказывали переводы или переводили сами много капитальныхъ сочиненій стараго и новѣйшаго времени, и въ числѣ ихъ много книгъ именно политическихъ. Такъ были переведены въ тѣ годы книги: Гуго Гроція, Юста Липсія, Слейдана, Баронія, Пуффендорфа и т. д.; наконецъ и „Книга мірозрѣнія“ Гюйгенса, гдѣ налагалась система Коперника, которая въ древней Россіи была бы осуждена какъ злѣйшая ересь. Не всѣ эти книги были напечатаны, многія изъ нихъ оставались въ употребленіи частнаго кружка людей съ серьезною любознательностью, но онѣ свидѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о наступившемъ новомъ направленіи умственныхъ потребностей и запросовъ. Извѣстно далѣе, что Петръ и по русскимъ дѣламъ желалъ распространять политическія понятія и знанія. Проповѣдники времени Петра, его приверженцы, были публицисты, объявлявшіе и защищавшіе реформу съ церковной кафедрой, которая и

заговорила тогда послѣ многовѣкового молчанія; „Духовный Регламентъ“, приписываемый Теофану, но составляющій также (въ неизвѣстной пока степени) трудъ самого Петра, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ есть настоящая публицистика съ характерными, чисто литературными эпизодами. Это было очень ново и, разумѣется, любопытно для русскаго общества и—что мало обыкновенно замѣчается—эта забота Петра Великаго о воспитаніи политическихъ понятій отразилась потомъ на содержаніи развивавшейся литературы. Первые писатели, настоящимъ образомъ начинавшіе литературу XVIII в., и ихъ преемники постоянно уже затрогиваютъ эту тему—національный политическій вопросъ. Онъ долго еще возвращался въ литературѣ въ видѣ защиты и прославленія реформы, какъ великаго дѣла, давашаго истинное направленіе всей національной жизни,—и это было естественно: для большой массы все еще казалось, что въ старину было лучше, и надо было защищать просвѣщеніе, а кромѣ того, слѣдовавшее за правленіемъ Петра время слишкомъ часто отставало отъ великаго примѣра и объ этомъ примѣрѣ полезно было напоминать. Правда, уже вскорѣ эти разсужденія стали впадать въ рутинные панегирики и стихотворную лесть передъ каждой преержащей властью,—какова бы она ни была,—но осталось вниманіе къ политическому положенію народа, и изъ столкновенія мѣтній мало-помалу развивалась способность къ серьезной критикѣ общественныхъ дѣлъ.

Новыя идеи, явившіяся въ обществѣ изъ запаса европейскихъ знаній, требовали новаго литературнаго языка, потому что старый книжный языкъ, кромѣ того, что не былъ языкомъ живой рѣчи, не имѣлъ ни достаточнаго запаса словъ для выраженія предметовъ новаго знанія, ни стилистическаго строя, достаточно выработаннаго для передачи болѣе тонкихъ оборотовъ мысли. Это преобразование языка было великимъ, еще мало оцѣняемымъ двигателемъ національнаго сознанія, выражавшагося въ литературѣ. Оно впервые выводило литературу изъ прежней условной области въ реальную среду жизни и доставляло образовательнымъ идеямъ простое и близкое выраженіе. Понятно, что это совершилось не вдругъ; но самый языкъ Петровскаго времени, искусственный и необработанный, испещренный иностранными словами, повидимому, столь уродливый, въ сущности былъ все-таки выше гладкаго церковно-славянскаго стиля лучшихъ церковныхъ писателей XVII вѣка,—потому что построенъ былъ на живой рѣчи. Языкъ перваго стихотворенія, присланнаго Ломоносовымъ (какъ нарочно, изъ-за границы), поразилъ какъ что-то неслыханное и вмѣстѣ прекрасное: это именно было впечатлѣніе живого языка, явившагося въ книгѣ съ изящной формой, на какую

онъ былъ способенъ, но которой раньше онъ еще никогда не получалъ.

Съ успѣхами книжнаго образованія литературный языкъ все совершенствовался въ одномъ направленіи: каждый первостепенный писатель отмѣчалъ новый шагъ къ *сближенію съ языкомъ общества и народа*. Послѣ Ломоносова, Державинъ и фонъ-Визинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковский отрывали своими произведениями новыя эпохи въ исторіи литературнаго языка; онъ становился съ каждымъ поколѣніемъ все ярче, живѣе, богаче, подвижнѣе, и въ произведеніяхъ Пушкина наша литература пріобрѣла первостепенные образцы, которые донинѣ, черезъ полстолѣтія (и даже больше) остаются свѣжими, сохранившими для насъ все свое изящество — признакъ, что литература достигла въ языкѣ основнаго тона, схватила его *народный* складъ. Позднѣйшая литература разрабатываетъ уже подробности, обогащаетъ литературный языкъ еще неизученнымъ раньше матеріаломъ народной рѣчи, продолжаетъ его стилистическую и эстетическую обработку, расширяетъ для научныхъ цѣлей. Таково, въ этомъ отношеніи, значеніе писателей послѣ-пушкинскаго времени: Гоголя, Тургенева, Некрасова, Льва Толстого, новой плеяды писателей, посвящающихъ свой трудъ изученію и изображенію народнаго быта и, наконецъ, писателей въ области науки.

То же стремленіе къ изученію и воспроизведенію народнаго, какое мы видѣли въ научномъ движеніи и въ исторіи литературнаго языка, находимъ, наконецъ, и въ содержаніи поэтической литературы.

И здѣсь литература пришла къ народному не вдругъ, и это было понятно. Новая литература, которая явилась прежде всего изъ потребностей научнаго и практическаго знанія и затѣмъ естественно распространилась на область общественно-образовательную и поэтическую, въ своихъ европейскихъ образцахъ увидѣла совсѣмъ незнакомыя раньше идеи и новыя формы; а главное, мысль о собственно народной стихіи была еще слишкомъ далека, и въ первое время трудъ литературы былъ употребленъ на то, чтобы усвоить эти формы, воспринять идеи тогдашней образованности, найти для нихъ выраженіе на русскомъ языкѣ, на которомъ онѣ дотолѣ были неизвѣстны. Писатели XVIII-го вѣка гордились сами, и другіе ставили имъ въ заслугу, что одинъ написалъ первыя трагедіи, другой — комедіи, третій — оды, четвертый былъ первымъ баснописцемъ и т. д. Это была первая необходимая школа начинавшейся литературы. Далѣе, западная литература — въ тѣхъ сторонахъ своихъ, которыя дѣйствовали у насъ — занята была общими философскими вопросами, критикой нравственныхъ идей, отвлеченными вопросами о человѣческомъ обще-

ствѣ, и все это весьма естественно занимало первыхъ образованныхъ людей новаго общества,—хотя, конечно, въ весьма укороченномъ видѣ. Свой собственный вопросъ для русской литературы состоялъ, какъ мы видѣли, въ защитѣ реформы, т.-е. въ защитѣ той новой образованности, которой она открывала путь: народившаяся личная поэзія высказывала прежде всего идеалы не столько общественные или народные, сколько именно государственные, надежды на просвѣщеніе и величіе націи, на ея политическое могущество, и затѣмъ надежды, что она будетъ имѣть собственныхъ Платоновъ и Невтоновъ. Но у Ломоносова является уже глубокая забота о массахъ „россійскаго народа“ собственно. Ломоносовъ былъ человѣкъ перваго послѣ-Петровскаго поколѣнія. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершалась его дѣятельность, и идея о „россійскомъ народѣ“, именно объ его массахъ, продолжается въ сочиненіяхъ Новикова.

Косвеннымъ образомъ мысль о народѣ питала и та область литературы, которая посвящена была интересамъ образованнаго (по преимуществу дворянскаго) класса. Эта литература, во вкусѣ XVIII-го вѣка любившая нравоученіе, старалась смягчать нравы, внушать обязанности къ обществу и дѣйствительно въ этомъ успѣвала. Мало-помалу, несмотря на все господство крѣпостнаго права, нравственные идеи философіи прошлаго вѣка оказывали вліяніе на умы: были люди, которые серьезно задавали себѣ вопросы объ „обязанностяхъ человѣка и гражданина“, и въ послѣдней перспективѣ этихъ обязанностей, еще при Екатеринѣ, возникала мысль объ освобожденіи крестьянъ. Въ книгѣ Радищева теоретическія разсужденія перемежаются картинками изъ крестьянскаго быта, смыслъ которыхъ ясенъ.

Народъ начинаетъ тогда же привлекать литературу съ другой стороны. Въ то время, когда нѣкоторые любители сочли нужнымъ собирать народную поэзію, являются попытки передавать ее въ новой формѣ на народный ладъ (напримѣръ, у Карамзина), вводить въ поэзію черты народнаго быта (какъ у Державина), поддѣлываться подъ тонъ народныхъ сказокъ (у Чулкова), брать пѣвкомъ народно-бытовой матеріалъ для драматическихъ пьесъ (у Аблесимова) и проч. Народное не получало еще полнаго права въ литературѣ, ни какъ предметъ, ни какъ форма; все еще полагалось и по старымъ риторикамъ, и по псевдо-классической манерѣ прошлаго вѣка, что оно принадлежитъ къ „низкому слогу“, тогда какъ литература стремилась въ особенности къ „высокому“; народное считалось умѣстнымъ въ поэзіи шуточной и въ комедіи (которыя сами по себѣ допускали извѣстную вольность), въ идилліи и эклогѣ, гдѣ русскій воображаемый пастушокъ могъ съ успѣхомъ замѣнить такого же воображаемаго Дафниса и Титира;—но уже возникновеніе народныхъ этно-

графическихъ изученій показывало, что готовится иное воззрѣнiе; смутно чувствовалось, что именно въ народномъ хранится что-то необходимое для нравственной жизни общества и для самой литературы.

Сантиментальная школа сдѣлала шагъ въ этомъ направленiи. Съ романтизмомъ въ литературныхъ взглядахъ произошелъ цѣлый переломъ, сильно поднявшiй и роль народнаго элемента. Съ внѣшней стороны, романтизмъ уже вскорѣ вытѣснилъ натянутыя и жеманные формы псевдо-классическiя и тѣмъ далъ просторъ для новаго элемента, искавшаго мѣста въ литературѣ. Со стороны содержанiя романтизмъ, хотя большею частiю смутно понимаемый самими нашими романтиками, черпавшими его изъ трехъ разныхъ европейскихъ источниковъ, давалъ, однако, совсѣмъ иное настроенiе и складъ поэзiи: онъ расширялъ поэтическую область и вносилъ въ нее много такого, что могло бы привести въ негодованiе классика, и именно, гоняся за легендарнымъ и чудеснымъ, онъ входилъ въ народное чудесное и вообще въ народный бытъ: тамъ онъ находилъ желаемую оригинальность, простоту и новостъ красокъ, такъ непохожiя на монотонную натянутость псевдо-классицизма и т. д. Новое направленiе очень помогло выработкѣ легкой свободной формы, при которой въ свою очередь становилось легче овладѣвать новымъ матеріаломъ.

Произведенiя Жуковскаго были уже большимъ шагомъ послѣ Карамзина. Пушкинъ, какъ мы замѣчали выше, овладѣваетъ съ великимъ мастерствомъ народною формой и содержанiемъ (съ нѣкоторыхъ его сторонъ); его дѣятельность стала переломомъ въ развитiи нашей литературы. Съ Пушкина,—литературныя идеи котораго опять цитались западными источниками,—начинаются впервые правдивыя, хотя на первое время, конечно, неполныя, изображенiя народной жизни. Гоголь, воспитанный на впечатлѣнiяхъ народнаго быта своей родины и воспринявшiй наслѣдiе Пушкина, выполнилъ этотъ литературный переломъ глубокой истиной своихъ изображенiй; и правдивость этого реализма, которая донныѣ остается обязательной для русскаго писателя, существенно помогла вѣрному усвоенiю народнаго содержанiя. Однимъ изъ первыхъ писателей, въ которомъ удивлялись умѣнию схватывать черты народной жизни и языка, былъ этнографъ Даль; у него было дѣйствительно обширное знанiе народнаго языка и обычая, но онъ не оказалъ большого влiянiя въ литературѣ, потому что въ содержанiи рассказовъ ограничивался анекдотически занимательнымъ и не проникалъ въ наиболее серьезныя стороны быта, которыя тогда были еще закрыты отъ литературы. Въ новомъ поколѣнiи писателей, которые были школой Пушкина и Гоголя, отношенiе къ народному быту опредѣляется ясно. Уже Лермонтовъ, въ

великолѣпной пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ, далъ образчикъ глубокаго мастерства въ изложеніи народно-поэтической темы. У Тургенева, Некрасова, Григоровича, Писемскаго, потомъ у Потѣхина и др. является рядъ замѣчательныхъ изображеній народной жизни, проникнутыхъ сознательными сочувствіями къ народу и внимательнымъ изученіемъ. Произведенія этихъ „людей сороковыхъ годовъ“ шли въ параллель съ общественными стремленіями другихъ писателей той же школы—критиковъ и публицистовъ; со стороны своего общественного смысла, онѣ возникали отчасти подъ несомнѣннымъ вліяніемъ тогдашней западной литературы, и тѣмъ не менѣе еще не было въ нашей литературѣ поры, когда бы съ такою очевидностью высказались сочувствія образованнаго слоя къ интересамъ народной массы, стремленіе защищать ея права, поднять ее изъ матеріальнаго и нравственнаго униженія и порабощенія, и когда бы съ такимъ успѣхомъ усвоено было искусство литературнаго изображенія народной жизни. Произведенія пазваныхъ и другихъ писателей были для литературы великимъ приобритеніемъ, важнымъ не только по художественному, но и по воспитательному значенію для общества. Онѣ предваради эпоху освобожденія крестьянъ и въ своей области достойнымъ образомъ послужили великому дѣлу...

Дѣйствовавшее потомъ поколѣніе писателей продолжало трудъ этихъ предшественниковъ. Оно воспиталось подъ вліяніемъ общественнаго и литературнаго оживленія конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ, и его дѣятельность займетъ любопытную страницу въ исторіи русской литературы. Эти писатели—Рѣшетниковъ, В. Слѣпцовъ, Левитовъ, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Наумовъ, Назарьевъ, Нефедовъ и много другихъ—посвятили себя исключительно изученію народной жизни и дали рядъ произведеній различной художественной цѣны, но рисующихъ съ небывалою до сихъ поръ правдивостью и наглядностью народный бытъ. Видимо, народъ и его жизнь—господствующая мысль образованнаго класса, представляемаго литературой; и въ самомъ дѣлѣ, довольно самаго бѣглаго обзора современной литературы, чтобы увидѣть, что вопросъ о народѣ есть всеобщая дума, идеаль и забота. Всюду одинъ глубокой и тревожный вопросъ: имъ по преимуществу занята поэтическая дѣятельность современной литературы; имъ занята публицистика, земскія экономическія изысканія; ему посвящены историческія и этнографическія изслѣдованія. Въ этой массѣ современныхъ изображеній народная жизнь проходитъ передъ нами рѣдко въ свѣтлыхъ картинахъ, которыхъ къ сожалѣнію мало даетъ дѣйствительность, а чаще въ печальныхъ чертахъ его тягостей, и иногда, наконецъ, въ мрачныхъ до

трагизма вопросахъ объ отношеніяхъ этого народа къ обществу и государству.

Мы не упоминали до сихъ поръ о томъ, какую роль играли въ литературномъ развитіи народнаго интереса славянофилы.

Послѣдователи этой школы обыкновенно приписываютъ именно ей великую заслугу въ возбужденіи самаго вопроса и въ объясненіи основного характера русской народности, словомъ, въ славянофилахъ видятъ главнѣйшихъ и даже исключительныхъ представителей этого движенія.

Предшествующее изложеніе можетъ достаточно указать, что это вовсе не такъ, что начало движенія восходитъ къ писателямъ XVIII вѣка, и съ тѣхъ поръ постепенно развивалось. Славянофильская школа имѣла свою роль въ развитіи народныхъ изученій, но далеко не столь обширную, какъ говорятъ ея приверженцы. Школа есть произведеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и ея первые тезисы, какъ и у ея тогдашнихъ противниковъ, выросли изъ примѣненія къ нашему національно-историческому вопросу — нѣмецкой философіи. Школа заняла мѣсто въ литературѣ, когда нѣсколько даровитыхъ ея представителей выставили свою теорію, доведенную до послѣдняго предѣла исключительности. Крайность, высказанная рѣзко и, у нѣкоторыхъ писателей школы, съ большимъ талантомъ, вызвала ожесточенные споры, которые повели къ новымъ изслѣдованіямъ спорныхъ пунктовъ исторіи и народнаго быта. Въ этомъ возбужденіи была большая заслуга славянофильства. Но утверждать, что именно оно внушило даже своимъ противникамъ интересъ къ народнымъ изученіямъ и сочувствіямъ есть только историческій недосмотръ. У такъ-называемыхъ „западниковъ“, развитіе ихъ народнаго интереса идетъ отъ Ломоносова, Новикова, Радищева, декабристовъ, Пушкина, Гоголя, отъ вліяній европейской литературы; люди „сороковыхъ годовъ“, столько враждовавшіе съ славянофилами, какъ выше указано, самымъ яснымъ образомъ въ своихъ произведеніяхъ выразили глубокія народныя сочувствія. Эти сочувствія были въ воздухѣ, воспринимались и развивались какъ завѣтъ прежняго развитія, внушались множествомъ вліяній современной жизни, и славянофильская школа, напротивъ, не дала ничего, подобнаго тому богатому литературному развитію, какое представляется съ 40-хъ годовъ въ дѣятельности другой стороны, вызывавшей въ нихъ такую вражду. Откуда же споръ двухъ партій, тянущійся до настоящей минуты? Оттуда именно, что исходные пункты были различны. Различны были и результаты. Славянофильство съ самаго начала приняло складъ мистическо-консервативный, ихъ противники — реально-прогрессивный.

Славянофильство, вслѣдствіе внѣшнихъ и личныхъ условій своего развитія, получило своеобразный характеръ, очень сложный, — но далеко не такой, чтобы оно могло считаться сполна представительствомъ народности. Не всѣ черты школы принадлежали каждому изъ ея представителей, но въ цѣломъ школа носила на себѣ отпечатокъ условій своего происхожденія: она образовалась въ средѣ барства, довольно независимаго, чтобы не войти въ служебную колею Николаевскихъ временъ; по своему образованію и воспринятымъ теоретическимъ понятіямъ, она очутилась въ извѣстной оппозиціи съ тогдашними чиновническими властями, которымъ не нравились и казались подозрительны всякія, равно восточныя и западныя, проявленія самобытнаго общественнаго чувства; но въ то же время она стояла въ извѣстномъ барскомъ отношеніи къ народу, которому давала себя въ истолкователи и представители; состоя изъ москвичей, она отличалась крайнимъ московскимъ партикуляризмомъ, и наипрѣвѣе недовольство „порфиросной вдовы“ отплачивала ненавистью къ Петербургу; толчокъ и основанія къ философскому установленію своего ученія школа получила изъ гегелевской философіи, которая въ тѣ годы имѣла вообще большое вліяніе въ передовомъ литературномъ кружкѣ; и затѣмъ школа усвоила себѣ археологическіе идеалы, которыхъ, по-правдѣ, некуда приложить въ настоящей политической жизни и къ которымъ искренно былъ привязанъ развѣ одинъ Константинъ Аксаковъ, идеалистъ и мечтатель, и заявляла сочувствія къ современной бытовой народности, которая сознательно принимала, быть можетъ, одинъ только Петръ Кирѣевскій; многіе другіе изъ славянофиловъ знали и любили народъ не больше, чѣмъ многіе изъ „западниковъ“. Такимъ образомъ, школа представляетъ не какое-нибудь непосредственное откровеніе народности, происшедшее отъ мистическаго наитія народнаго духа, а сложность разнаго рода источниковъ, иногда народу совсѣмъ чужихъ; отсюда возможно было то явленіе, которое въ тайнѣ смущало многихъ, искренно ей вѣрившихъ, напр., что кн. Черкасскій, одинъ изъ столповъ школы, былъ въ то же время самымъ сухимъ и рѣзкимъ бюрократомъ, что газета „Русь“ свободолобіе и народолобіе старой школы могла мирить съ такою же бюрократическою наклонностью командовать народною жизнью, съ порядочнымъ общественнымъ обскурантизмомъ. Въ прежнее время крайняя несвобода нашей печати побуждала многихъ преувеличивать цѣну оппозиціонныхъ заявленій школы; потомъ, когда внѣшнее положеніе школы бывало вполне благопріятно, становилось ясно, что ея старая теорія была идеалистической фантазіей, совершенно непримѣнимою къ жизни, а въ рукахъ своего послѣдняго главы школа забывала даже свое прошедшее; „Русь“

иногда мало чѣмъ отличалась отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Школа не оставила прямыхъ продолжателей; у тѣхъ, кто выдаетъ себя за преемниковъ ея заслуги, именемъ народа можетъ прикрываться недвусмысленный обскурантизмъ и сомнительное народолобіе; ихъ противники не дѣлаютъ изъ народа ни ширмы, ни идола, но указываютъ на самыя дѣйствительныя тягости его положенія, матеріальнаго и нравственнаго, и думаютъ, что если желать, чтобы „народъ“ былъ рѣшающимъ принципомъ, онъ долженъ сначала выйти изъ покрывающей его темноты, и путь къ этому—не мистика, и возвращеніе „домой“, а общественная свобода и просвѣщеніе.

Безпристрастная исторія нашей общественной образованности послѣ Петра должна будетъ сказать, что эта образованность была не только не измѣнной, но, напротивъ, постояннымъ и успѣшнымъ стремленіемъ къ народу, къ сознательному единенію съ нимъ въ общей нравственно-общественной дѣятельности и просвѣщеніи. Истиннаго „единства“ не знала и старая Россія: единство тѣхъ временъ было единство безсознательной патриархальности, уже тогда отживавшей свой историческій періодъ; новая образованность искала единства сознательнаго, какое дается просвѣщеніемъ и участіемъ къ улучшенію быта народныхъ массъ, матеріальнаго и нравственнаго. Петровская реформа была первымъ рѣшительнымъ шагомъ на этомъ пути; самый путь былъ уже намѣченъ предыдущей исторіей: дальнѣйшее развитіе русскаго народа было немислимо безъ усвоенія существовавшей образованности, но первыя попытки были слабы, тѣсны, болзливны; Петръ повелъ дѣло съ чрезвычайной силой, даже насиліемъ, которыя явились какъ мѣрка созрѣвшей потребности. Эта потребность не всѣми, чувствовалась, и вслѣдствіе вѣкового застоя введеніе иноземной науки многими встрѣчено съ предубѣжденіемъ, даже ненавистью; но болѣе приготовленная часть общества примкнула къ реформѣ съ восторженными сочувствіями и къ гениальной личности преобразователя, и къ самому дѣлу. Доказательствомъ того, что сочувствія были искреннія, что въ нихъ сказывалось дѣйствительно чувство глубокой національной необходимости, служатъ всѣ дальнѣйшіе успѣхи образованія и литературы. Давно уже не было настойчивыхъ требованій власти; преемники Петра продолжали дѣло его вяло, часто только по необходимости, чтобы не уронить своего достоинства, отставая отъ славнаго преданія; государство ограничивало дѣло образованія цѣлями казенной надобности, и не разъ сурово напоминало, что не хочетъ знать широкихъ требованій мысли и знанія,—словомъ, чистый интересъ науки и обра-

зованія мало находилъ поддержки, а иногда встрѣчалъ уже и прямой отпоръ со стороны всемогущей власти; не мало предстояло бороться съ косностью большинства даже верхняго слоя общества; и несмотря на все это, образованіе росло не только числомъ людей, принимавшихъ известное просвѣщеніе, но и серьезностью содержанія. Образование стало заботой общества, а государство нерѣдко оставалось къ ней равнодушно, бывало и прямо враждебно: такъ, съ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, когда было основано нѣсколько новыхъ университетовъ, правительство заподозрѣвало ихъ науку (скромное повтореніе западной и немногія попытки своей), и съ тѣхъ поръ университеты никогда не пользовались особымъ расположеніемъ власти. Науку двигали и одушевляли общественныя силы. Правда, государство все-таки, для подготовки служилаго сословія, доставляло необходимѣйшія матеріальныя средства—основаніемъ школъ и т. п., но въ нихъ не было мѣста для свободной науки, и ея идея сохранилась и развилась только благодаря укрѣпившимся научнымъ потребностямъ общества. Такимъ же образомъ, литература, особенно въ послѣднее время, была чисто созданіемъ общественной силы; государство держало только надъ нею цензурную опеку, и какимъ тяжкимъ, часто невыносимымъ бременемъ была эта опека—известно достаточно. Тѣмъ больше была заслуга литературы, которая среди бюрократическихъ помѣхъ, успѣла выростить и сберечь свои лучшіе идеалы.

Исторія нашей образованности была чрезвычайно сложна, какъ и естественно было ожидать на переходѣ народа отъ патріархально-деспотическаго московскаго царства къ государству новѣйшаго склада, отъ невѣжества къ какому бы ни было, но образованію; притомъ государство, которое на первый разъ явилось намъ образцомъ, было известное „полицейское государство“... Все это должно было перебродить въ русскомъ обществѣ, и это броженіе отразилось множествомъ странныхъ явленій, увлеченій, ошибокъ, нелѣпой подражательности, грубости понятій и т. д. Оттого въ самой литературѣ всегда была особенно сильна склонность къ сатирѣ, отъ сатиры книжной до самой реальной, отъ временъ Кантемира до Салтыкова,—склонность къ такъ называемому отрицанію. Но за всѣмъ тѣмъ, въ образованности нашей съ самаго начала явились и доннѣ неотступно развиваются стороны вполне положительныя: въ общихъ понятіяхъ — постоянно укрѣплявшееся усвоеніе научнаго знанія, во внутренней общественной жизни—укрѣплявшееся сознаніе народнаго интереса. Это послѣднее прошло различныя степени, начиная отъ слабого пониманія этого интереса, поглощеннаго государствомъ, и отъ полной почти невозможности заявить самый вопросъ; оно прошло потомъ

разныя болѣе или менѣе узкія, даже фальшивыя точки зрѣнія, напр., когда знали только панегирики „доблестямъ“ русскаго народа и восхищались добродѣтелями Фрола Силина, или когда любили рассказывать о талантахъ „простого русскаго мужичка“, объ его „сметѣ“, дѣлающей ненужною школу, и т. п., или поддѣлывали русскую народность въ тонѣ чувствительно-патріархальномъ, обскурантно-мистическомъ и т. д.; и наконецъ, въ наше время, съ начатымъ разрѣшеніемъ главнѣйшей тягости, лежавшей на народѣ, приходитъ къ постановкѣ народнаго вопроса въ его дѣйствительномъ смыслѣ.

Было время, когда подъ напоромъ этихъ влеченій общества былъ официально заявленъ принципъ „народности“... Это заявленіе имѣло свое долю нравственнаго вліянія, ставя хотя неясную цѣль однимъ, воздерживая грубый эгоизмъ другихъ; но, заявленіе различнымъ образомъ само себѣ противорѣчило: начало „народности“—въ крѣпостной формѣ, было внутреннимъ противорѣчіемъ, и дѣйствительно вышло съ самыми грубыми его искаженіями. „Народъ“ этой точки зрѣнія былъ—нѣчто въ родѣ театральныхъ пейзажъ, стоящихъ на заднемъ планѣ въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, какъ фонъ для картины съ маркизами на первомъ планѣ, поющихъ пѣсни простодушнаго веселія и преданности; за кулисами съ этими пейзажами имѣли дѣло бурмистры и становые. Многимъ мнимымъ представителямъ народа и теперь хотѣлось бы такого или подобнаго порядка вещей, но крестьянская реформа и сопровождавшій ее ростъ общественнаго сознанія произвели иную точку зрѣнія. „Народъ“, въ отдѣльности отъ „общества“ (или отъ „сословія“), есть наибольшая масса цѣлой націи; это—не малолѣтніе, которыхъ всегда слѣдуетъ водить на помочахъ; имя народа никакъ не вывѣска того оракула, вмѣсто котораго, какъ въ известной баснѣ, говорилъ спрятавшійся за истукана ловкій шарлатанъ; „народъ“—это такіе же люди, какъ „общество“, люди христіански намъ равные; по освободившему ихъ закону—не рабы, а граждане; экономически—несущіе на себѣ главную государственную тяготу, своими трудами доставляющіе средства государству и обществу, но донныя крайне неустроенные, слишкомъ часто бѣдствующіе и имѣющіе все право на помощь и заботу для своего матеріальнаго обезпеченія и для своего просвѣщенія. Народное благо—высшая цѣль и критеріумъ государственной и общественной дѣятельности; но чтобы можно было сослаться на голосъ народа, чтобы знать дѣйствительное содержаніе народности, нужно, чтобы, она могла высказаться и быть сознанной; нуженъ бѣльшій просторъ для народной (земской) жизни и просвѣщенія, чтобы за истинную, подлинную народность не выдавались темные инстинкты временъ рабства и невѣжества. Въ настоящее время „народъ“ несомнѣнно пере-

живаешь критическую эпоху: по общему отзыву знающих наблюдателей, старый бытъ подъ вліяніемъ новыхъ условий отживаетъ и падаетъ, нарождаются новыя явленія экономическія и нравственныя, и въ пору этого кризиса особенно настоятельно требуется кромѣ матеріальной заботы и настоящее „народное просвѣщеніе“ и свобода для общественной мысли,—только это могло бы устранить печальныя явленія, которыя порождаются умственной безпомощностью массы и внутреннимъ броженіемъ общества. Съ другой стороны, отъ тѣхъ, кто берется говорить о потребностяхъ народной жизни, особливо говорить будто бы отъ имени народа, тѣмъ больше требуется честное отношеніе къ дѣлу и тѣмъ постыднѣе намѣренная ложь, рассчитанная на личную выгоду и интересъ. партіи.

• ГЛАВА II.

ПОНЯТІЯ О НАРОДНОСТИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Послѣ реформы, въ теченіе XVIII вѣка, произошелъ въ русской жизни слѣдующій поворотъ въ образовательномъ отношеніи. Въ прежнее время народъ и высшія сословія („общество“) составляли по складу своихъ понятій почти однородную массу—однородную по бытовому и идейному преданію, или по скудости свѣдѣній, не нарушавшей ни въ чемъ этого преданія, по безграничному суевѣрію, по недовѣрію къ научному знанію природы, въ которомъ видѣли волшебство и дѣйствіе нечистой силы;—кстати представителями этого знанія являлись иноземцы, заподозрѣнные впередъ за поганое латынство и люторство. Немногія исключенія въ этомъ порядкѣ составляли люди, усвоившіе кіевское образованіе или другими случайными путями успѣвшіе познакомиться съ пользой и интересомъ иноземной науки и ея безвредностью для душевнаго спасенія.—Съ появленіемъ новой школы, съ посылкой русскихъ молодыхъ людей въ ученье за границу, эти исключенія стали умножаться, и вскорѣ, еще при Петрѣ, образовалась хотя все не многочисленная, но уже ясно опредѣлившаяся группа людей новаго образованія. Въ этомъ особенно и состоялъ тотъ „разрывъ“ съ народомъ, въ которомъ полагается извѣстной школой преступленіе Петровскаго періода. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, что существенный „разрывъ“,—который бывалъ у насъ, какъ и у всѣхъ народовъ,—совершился гораздо раньше неравенствомъ состояній, которое давнымъ-давно было узаконено въ неравенство общественныхъ правъ; паденіемъ народныхъ учреждений; господствомъ приказнаго чиновничества; крѣпостнымъ правомъ. Различіе образованія, которое теперь (въ силу этого стараго неравенства) доставалось почти исключительно служилому сословію или высшему классу, увеличило, повидимому, разстояніе между ними, прибавило

разницу (понятій, производимую образованіемъ; но въ дѣйствительности, этой новый „разрывъ“ былъ знаменательнымъ историческимъ шагомъ къ общественному самосознанію, которому предназначено примирить общество и народъ, связать ихъ въ единое нравственно-общественное цѣлое. Въ освобожденіи крестьянъ мы видѣли уже одинъ великій фактъ этого историческаго процесса.

Современники и позднѣйшіе историки вообще изображали наступившій поворотъ какъ яркій контрастъ стараго и новаго, и контрастъ дѣйствительно былъ. Въ литературѣ, отражавшей событія, произошла также глубокая перемѣна. Литература, нѣкогда однородная, раздвоилась и распредѣлилась по разнымъ классамъ общества. Старая письменность въ образованномъ классѣ совсѣмъ забылась: здѣсь церковно-лѣтописный складъ старой книжности смѣнился новымъ складомъ содержанія, которое почерпалось изъ западной школы и литературы, и новымъ складомъ языка, который стремился къ сближенію съ языкомъ жизни; новая литература выросла подъ вліяніями новой свѣтской образованности, принадлежавшей по преимуществу высшему общественному классу, дворянству и чиновничеству, военному и гражданскому. Въ эту литературу перешли высшіе интересы научнаго знанія и поэзіи, выросшихъ подъ вліяніемъ новыхъ условий и возбужденій. Старая письменность продолжала храниться въ народномъ грамотномъ классѣ: купцы, посадскіе люди, грамотные крестьяне продолжали читать старыя душевспасительныя книги, почерпали историческія познанія въ „Хронографахъ“ и „Космографіяхъ“, увеселялись старинными повѣстями и сказками. Въ какой обширной степени старая письменность продолжала жить въ прошломъ столѣтіи, свидѣтельствуютъ массы ея памятниковъ разнаго рода въ спискахъ XVIII столѣтія и цѣлая литература народныхъ картинокъ, начало которыхъ восходитъ къ до-Петровской старинѣ.

Двѣ литературы, какъ два образованія и два склада нравовъ, были, конечно, крайнимъ контрастомъ *по существу*; этотъ контрастъ и признается обыкновенно какъ рѣзкій историческій фактъ. Но взглянувшись ближе въ дѣйствительность, въ этомъ представленіи надо сдѣлать весьма существенныя ограниченія и оговорки. На практикѣ противоположность не была такою крайнею, и вообще, реформа, круто проводившаяся въ области государственной и служебной, не такъ быстро овладѣвала нравами и обычаями. Историческое преданіе, запомнившее деспотическія мѣры Петра Великаго въ исполненіи его плановъ; дальнѣйшее распространеніе европейскихъ обычаевъ; новѣйшіе доктринерскіе споры о значеніи преобразования, — создали вообще преувеличенное представленіе объ этой сторонѣ періода реформы, и оно теперь только можетъ быть провѣрено, съ ближай-

шимъ изученіемъ тогдашней жизни. Въ самомъ дѣлѣ, переи́на въ нравахъ, даже въ наиболѣе образованномъ классѣ, была не такая быстра и глубока, какъ обыкновенно думаютъ; самое образованіе распространялось не такъ сильно и охватывало не такую массу людей, чтобы переи́на могла считаться столь внезапной и рѣшительной. Напротивъ. Извѣстно теперь, что самъ Петръ, при всемъ несомнѣнномъ желаніи переи́нать въ извѣстныхъ отношеніяхъ нравы, при всей ненависти ко многимъ явленіямъ старины, при всей несомнѣнной ломкѣ въ арміи, флотѣ, гражданскихъ учрежденіяхъ, школахъ, книжности,—что *потомъ* отразилось новыми формами общестственности и типами людей,—вовсе не былъ врагомъ бытовыхъ обычаевъ, гдѣ они не мѣшали его намѣреніямъ, и самъ соблюдалъ такіе обычаи. Его сподвижники перваго поколѣнія были приверженные исполнители его дѣла, но помнили, однако, хорошо старыя обычаи, окружавшіе ихъ повсюду внѣ казенной службы. Семейный и народный бытъ были исполнены этой старины, и послѣ насильственныхъ мѣръ Петра, направленныхъ только на нѣкоторые исключительныя старыя обычаи (какъ, на примѣръ, невѣжество и умственную лѣнь стараго боярства, азіатское заключеніе женщины, разныя кельпныя суевѣрія и предрасудки), на старину уже не было никакого особеннаго давленія кромѣ того, какое дѣлалось само собою, естественнымъ ходомъ развивавшейся новизны, потребностями общественной жизни и просвѣщенія. Второе и третье поколѣніе въ своихъ болѣе серьезныхъ представителяхъ были такими же русскими людьми по складу своихъ бытовыхъ понятій и не чувствовали разлада съ народностью, который имъ наязывали наши историки. Средина XVIII вѣка наполнена царствованіемъ Елизаветы; историкамъ оно представляется какъ время русской національной реакціи (т.-е. побѣды надъ придворной гѣмецкой партіей), хотя западное вліяніе продолжалось. Замѣчательнѣйшіе дѣятели литературы первой половины вѣка, величайшіе поклонники Петра, были самые несомнѣнные русскіе люди, напр., не только доморощенный самоучка Посошковъ, но Ломоносовъ, прошедшій заграничную школу и высоко ее чтившій, Татищевъ, котораго уже винили въ вольнодумствѣ, даже Кантемиръ и проч., писатели, усиленно работавшіе для введенія въ нашу литературу иноземнаго содержанія и стила. Чѣмъ больше разрабатывается біографія историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка, именно изъ того образованнаго дворянскаго класса, который считается по преимуществу „оторваннымъ“ отъ народа,—тѣмъ больше біографы находятъ ихъ людьми чисто-русскаго склада, съ воспитаніемъ, основаннымъ на впечатлѣніяхъ русскаго быта и преданія; они были болѣе специфически „русскими“, чѣмъ нынѣшніе образованные люди съ самими

славянофилами включительно,—такъ что навязывается вопросъ: въ чемъ же эти люди „оторвались“ отъ народа?

Если народъ становился все-таки дальше отъ высшихъ образованныхъ классовъ, то внѣшняя общественная причина этого была, какъ мы сказали, отношеніе этихъ классовъ къ народу, какъ помѣщиковъ и чиновниковъ къ крѣпостнымъ; и злоупотребленія первыхъ, вообще равнодушно принимавшіяся самою властью, стали главнымъ источникомъ народнаго раздраженія и недовѣрія къ барству; затѣмъ извѣстное образованіе произвело разницу понятій, гдѣ, перевѣсъ познаний былъ не на сторонѣ наивнаго и суевѣрнаго невѣжества; бывали, наконецъ, примѣры, что люди высшихъ классовъ дѣйствительно отрывались отъ народности до нелѣпой французоманіи, до незнанія русскаго языка,—но это составляло принадлежность исключительно той высшей общественной сферы, которая и донинѣ остается въ томъ же безучастномъ отношеніи къ русской жизни: извѣстное число великосвѣтскихъ хлыщей и барынь донинѣ живутъ въ состояніи межеумковъ, сохранившихъ изъ русской жизни только крѣпостническіе вкусы и, конечно, крайне далекихъ отъ настоящаго европейскаго просвѣщенія.

Словомъ, корень удаленія „общества“ отъ народа заключался въ крѣпостничество и въ томъ покровительствованномъ ему общественномъ режимѣ, который дѣлалъ сближеніе съ народомъ невозможнымъ для просвѣщеннѣйшихъ людей, на которыхъ этотъ упрекъ и не можетъ пасть. Болѣе просвѣщенные люди старались о смягченіи этого режима, въ чемъ и заключалась дѣйствительно важнѣйшая потребность общества. Новиковъ и Радищевъ погибли при злорадныхъ апплодисментахъ крѣпостниковъ. Власть не могла одобрять Чацкаго, но еще раньше подняли противъ него волю сами люди „общества“, конечно не въ силу того, чтобы приверженность къ иноземному оторвала ихъ отъ народа, а именно въ силу освященнаго закономъ крѣпостничества: они были націоналы, а Чацкій—приверженецъ запада.

Но вѣдь несомнѣнно же, скажутъ намъ, что общество наше не только XVIII-го, но и XIX-го вѣка, и почти до нашихъ дней, жило подражательностью, заимствованіемъ чужого, забывало національныя черты быта, народной поэзіи, искусства, нравовъ, и пр.? Да, но слѣдуетъ вдуматься въ разные мотивы и размѣры этой подражательности и оторванности.

Принятіе нѣкоторыхъ иноземныхъ обычаевъ было очень естественно, безобидно, наконецъ, благотворно, и во многихъ случаяхъ началось задолго до Петра. Если Петръ заводилъ ассамблеи, это былъ естественный протестъ противъ теремной жизни, которую мудрено

исторически и нравственно защищать: женщина пріобрѣтала свое личное право, вступала въ общество, ей становилось доступно образованіе, нравственное вліяніе въ семьѣ и обществѣ; ассамблея была не нарушеніемъ народнаго обычая,—народъ собственно не зналъ термина, составлявшаго принадлежность зажиточнаго класса,—а отмѣной привившагося обычая восточнаго. Перемѣна одежды, длинной восточной на короткую западную, могла быть непріятна насильственностью; но эта переи́на не впервые была сдѣлана Петромъ, и западная одежда опять смѣняла не только русскія, но и восточныя платья. Въ прежнее время, въ XVI вѣкѣ, у насъ прямо начинали входить восточныя моды, доходившія до бритья головъ и ношенія „тафьи“, татарской ермолки; бритье бородъ началось еще при Василии Ивановичѣ¹⁾.

Нѣкоторыя изъ нововведеній были таковы, что, составляя дѣйствительную потребность возникающей общественности, не могли найти для себя основанія въ соотвѣтственномъ русскомъ обычаѣ. Таковы были ассамблеи: въ быту русскаго боярства не было формы общественнаго собранія мужчинъ и женщинъ, общаго препровожденія времени. Театръ, установившійся въ XVIII-мъ вѣкѣ (собственно долго спустя послѣ Петра) впервые введенъ былъ—при самомъ дворѣ—еще во времена царя Алексѣя, въ разгарѣ московскаго царства, какъ примѣръ такой же нарождавшейся потребности, для которой не было опоры въ русскомъ обычаѣ: этотъ театръ при царѣ Алексѣѣ былъ иностранный. Совершенно такъ продолжался театръ въ XVIII вѣкѣ, когда при дворѣ держалась итальянская опера, французскіе спектакли, балетъ, къ которымъ только долго спустя присоединилась русская сцена,—и зрителей, придворныхъ, надо бывало обязывать подпиской къ посѣщенію театра. Съ тѣхъ поръ театръ оставался дворцовой монополіей, и теперь, когда національные вкусы очень развиваются, друзья искусства и приверженцы народа хлопочутъ о доставленіи этой *иностранной* затѣи народной публикѣ. Очень большая доля иноземнаго входила въ жизнь черезъ иностранное устройство арміи и флота; цѣлый запасъ иностраннаго входилъ черезъ школу, научныя знанія, наконецъ литературу. На огульный счетъ, все это была масса всевозможной иноземщины,—но гдѣ же было въ русской національной жизни что-либо, дававшее въ этихъ случаяхъ возможность обойтись безъ иноземщины? И необходимость ея достаточно указывается тѣмъ, что очень многія изъ всѣхъ этихъ нововведеній, чуть не всѣ, впервые, хотя слабо, возникали

¹⁾ Ср. разныя подробности у Костомарова, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ въ XVI и XVII стол.“, 3-е изд. Спб. 1887; Забѣлина, „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ“, 1862—69.

задолго до Петра. Новѣйшіе обличители реформы видѣли въ изобиліи иноземщины неуваженіе къ своей народности, но справившись съ фактами, мы убѣждаемся, что у людей реформы не только отсутствовала мысль объ униженіи своей народности, но, напротивъ, была прямая забота о возвышеніи „россійской славы“: иноземное было не цѣлью, а средствомъ, и люди реформы спѣшили только скорѣе имъ воспользоваться; борьба противъ стараго застоя была иногда суровая (по *старой* привычкѣ къ суровости), но велась она не противъ народности, а за нее, за ея возвеличеніе. Мысль о *русскомъ* благополучіи, о *русскихъ* успѣхахъ въ войнѣ, наукахъ, промыслахъ и т. д. была господствующая; за русскую народность не было ни малѣйшаго опасенія, не возникало о томъ мысли у самихъ дѣятелей, потому что дѣйствительно она всей силой національнаго характера, и въ частности цѣлой массой преданій, нравовъ и пр., господствовала надъ входившей иноземщиной, которая въ ея средѣ была небольшимъ процентомъ, сливавшимся и исчезающимъ.

Петръ сталъ *народнымъ лицомъ*, героемъ народной поэзіи; въ народныхъ представленіяхъ образовался новый типъ царя,—не царя-лѣтннца и полу-монаха XVI—XVII столѣтія, а царя энергическаго, дѣятельнаго, всюду проникающаго, дѣйствительно идущаго впереди своего народа.

Нападенія на раздражительность западу, на „галломанію“ тогдашняго общества стали ходячей фразой еще съ прошлаго вѣка. Но, свѣряя дѣло съ фактами, нельзя не увидѣть, что въ этихъ нападеніяхъ была значительная доля недосказанности, или прямо лицемерія, и у позднѣйшихъ историковъ, быть можетъ, еще больше, чѣмъ у современниковъ. Выше мы упоминали, что число слѣпыхъ раздражителей и настоящихъ „галломановъ“ было во всякомъ случаѣ не такъ велико, чтобъ они представляли опасность для національной жизни; качество „галломанства“ въ громадномъ большинствѣ было слишкомъ поверхностное, и оно заслуживало развѣ только водевильной шутки. Национальное чувство могло бы достаточно успокоиваться тѣмъ, что немудренныя обличенія „галломаніи“ (по новѣйшему, „европейничанья“) были чрезвычайно изобильны,—начиная отъ Фонъ-Визина и... до Достоевскаго, и находили всегда сочувствіе въ массѣ общества.

Мы видѣли, наконецъ, въ предыдущей главѣ, что все движеніе науки и литературы, т.-е. наиболѣе просвѣщенной части общества, шло именно къ изученію народности, къ ея осмысленію, къ историческому возстановленію ея прошлаго, къ пониманію настоящаго. Обращеніе къ западу и его знанію именно и дало первыя дѣйствительныя средства къ этому изученію; идеи западнаго просвѣщенія

сообщали болѣе гуманный взглядъ на народъ, учили уважать въ рабѣ человеческое достоинство, готовили мысль о необходимости освобожденія. Это была неизбежная ступень общественнаго и національнаго самосознанія, такъ-какъ послѣднее могло совершиться только на почвѣ критической мысли, а не наивно-эпической фантазій.

Возвращаемся къ отношеніямъ двухъ литературъ старой и новой. Судьба ихъ не могла быть иная. Новое общество, въ самыхъ серьезныхъ своихъ запросахъ, не могло найти пищи въ старой письменности; новая литература обращалась къ западному образованію, открывавшему *содержаніе*, о какомъ не имѣла понятія (или получала только слабые отдаленные намеки) старая письменность, и это содержаніе естественно привлекало людей новаго порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ обращенія къ западнымъ литературамъ не было средствъ приобрести тѣ *формы*, которыя были необходимы для болѣе широкаго литературнаго развитія: не было образцовъ для эпоса, романа, лирики, драмы,—какъ въ жизни не было формъ болѣе свободнаго общезжитія, интересовъ искусства и простаго техническаго знанія по вѣсьмъ его отраслямъ. XVII-й вѣкъ уже чувствовалъ эту самую потребность, что и выказалось давними неумѣлыми попытками усвоить западный романъ, драму, легкую повѣсть, комедію Мольера, а наконецъ, двумя-тремя удачными опытами самостоятельной русской повѣсти.

Какое же было въ частности отношеніе новаго образованія и литературы къ *народности*?

Вопросъ объ этомъ отношеніи спутывается обыкновенно тѣмъ, что новѣйшіе историки, обоихъ направленій, вносятъ въ сужденія о тѣхъ временахъ нынѣшнія понятія о значеніи народности и забываютъ объ условіяхъ, въ которыхъ начиналась дѣятельность литературы въ тѣ времена.

Прежде всего, въ тѣ времена вопросъ о народности, какъ ставить его теперь, совсѣмъ не существовалъ.

Настоящая основа нашего понятія о народности есть вовсе не мысль о возвращеніи отъ чего-то чужого къ своему, какъ это представляютъ славянофилы, — а мысль объ освобожденіи народа, о расширеніи его общественнаго права, о введеніи его интересовъ въ область гражданской жизни и просвѣщенія. Это—понятіе существенно новое, развившееся подъ многообразными влияніями и особенно подъ влияніемъ именно западной образованности, возвысившей чувство человеческого достоинства въ личности и чувство достоинства народнаго. На переходѣ отъ XVII къ XVIII столѣ-

тію, еще не очень далеко отъ среднихъ вѣковъ, не только у насъ, но и въ самой западной Европѣ, собственно „народъ“ былъ служебная масса, которая поставляла матеріальныя средства государства— и даже буквально поставляла, напр., припасы для царскаго двора— и не можетъ имѣть никакого притязанія на политическую и общественную равноправность ¹⁾. У насъ, это понятіе о народѣ было унаслѣдовано отъ московскаго царства, и Петръ, если отягчилъ положеніе массы, требуя болѣе службы для государства, то слѣдовалъ только прежнему направленію. Но отрицаніе народнаго обычая? Это была одна черта въ цѣломъ процессѣ реформы, а на реформу должно смотрѣть, какъ на борьбу двухъ историческихъ началъ, — и здѣсь *большинство* національной массы стало на сторонѣ, защищаемой Петромъ. Свидѣтельство—вся дальнѣйшая исторія Россіи. Новѣйшее стремленіе къ народности,—не въ понятіяхъ ограниченныхъ людей или фанатиковъ, а людей здравомыслящихъ,—было нимало не отрицаніемъ, а, напротивъ, ревностнымъ развитіемъ реформы. На счетъ реформы ставить обыкновенно господство нѣмцевъ при дворѣ и въ правленіи, преторіанскія безобразія прошлаго вѣка и т. д.; но эти факты относятся къ политическому безправію русскаго общества, а оно было дѣломъ давнимъ и вкоренившимся, и при этомъ ничтожество преемниковъ Петра легко давало возможность къ преторіанскому господству. Царствованіе Елизаветы считается возстаніемъ русской народности противъ иноземщины, но основное направленіе образованности не измѣнилось; это было время дѣятельности Ломоносова, безусловнаго поклонника и послѣдователя реформы.

Ни Петру, ни его приверженцамъ и послѣдователямъ, какъ мы говорили, не могла бы вмѣститься въ голову мысль, чтобы они были противниками русской народности; такая мысль показалась бы имъ безумной, и справедливо: именно русской народности посвящена была вся ихъ самоотверженная работа. Дѣло въ томъ, что понятіе народности, неизвѣстное тогда въ его специальномъ новѣйшемъ смыслѣ, совмѣщалось въ *національномъ чувствѣ*, и съ этой стороны дѣятели реформы, общество и самая народная масса были удовлетворены,

¹⁾ Намъ дѣлали упрекъ, что мы забываемъ о земскихъ соборахъ. Это было дѣйствительно прекрасное начало, но мы не вводимъ его въ *общія* очертанія стараго быта по слѣдующей причинѣ: земскіе соборы были историческимъ остаткомъ отъ прежней народоправной старины, къ истребленію которой стремилось московское единовластіе и, наконецъ, этого достигло. Это было не развивавшееся, а истребляемое, отживавшее начало,—отживавшее потому, что оно не могло себя защитить; начало патріархальное, которое по существу уже отрицалось московскимъ порядкомъ, а вовсе не было именно его достоинствомъ и достоинствомъ. Если земскіе соборы могутъ быть политическимъ идеаломъ, то лишь пройдя черезъ нѣны возрѣнія, въ формѣ сознательнаго, опредѣленнаго, а не патріархальнаго учрежденія.

исключая только періодъ бироновщины, когда господствовала придворная партія, поднятая, впрочемъ, самодержавною императрицей. Петръ Великій ни мало не думалъ превращать русскихъ въ шведовъ или голландцевъ; онъ просто желалъ, чтобы русскіе были не глупѣе шведовъ и голландцевъ. Какъ съ реформой, въ понятіяхъ ея приверженцевъ, отождествлялись успѣхи и слава „россійскаго народа“, такъ литература, среди явнаго и нескрываемаго подражанія нѣмцамъ, французамъ и проч., мечтала о томъ, чтобы русскіе, не уступая европейцамъ, имѣли *своихъ* Платоновъ и Невтоновъ, своихъ Расиновъ, Корнелей и даже Вольтеровъ. Убѣжденіе, что доморощенные Расины и Корнели были *самые русскіе*,— было полное, и въ доказательство являлись трагедіи съ Рюриками, Хоревами, эпическія поэмы съ Владиміромъ, Іоанномъ, баснословные романы изъ временъ русскаго язычества съ жрецами Перуна, комедіи, гдѣ рядомъ съ Скапинами простодушно ставились русскія имена, и т. д. Но мало-помалу въ чужую условную форму стала все больше пробиваться настоящая русская жизнь,—въ комедіи Фонъ-Визина слышались взятія прямо изъ дѣйствительности рѣчи, когда еще дѣйствовалъ Ломоносовъ, когда еще неизвѣстенъ былъ Державинъ. Начинались нападки на галломанію; нападавшіе не подозрѣвали, что сами были повинны въ ней, копируя французскія книги, но они замѣтили ее въ нравахъ и осудили, повинуюсь инстинктивному національному чувству.

Представленіе о народности, особенно господствовавшее въ литературѣ прошлаго вѣка, было окрашено псевдо-классицизмомъ. Французскій ложный классицизмъ имѣлъ свои высокія литературныя достоинства, но по пониманію народнаго элемента въ литературѣ онъ былъ крайне одностороненъ, и его свойства были перенесены къ намъ. Онъ относился къ народу равно фальшиво и въ исторіи, и въ современности: въ обоихъ случаяхъ онъ не понималъ простой реальной дѣйствительности. Въ исторіи, старыя времена представлялись писателямъ того времени или эпохой героической, на манеръ классической древности, какъ она понималась школой; или эпохой патріархальности, съ невинностью первобытныхъ нравовъ, на манеръ классической идилліи и эклоги; или эпохой невѣжественной грубости. Французскій псевдо-классицизмъ презиралъ свою національную старину, не знавшую изящнаго быта, говорившую „грубымъ“, не выдощеннымъ академіями языкомъ. Къ народу современному онъ былъ высокомерно равнодушенъ: въ этомъ народѣ смѣшно было искать героевъ, въ немъ допускали идиллическую патріархальность, а больше находили невѣжественную грубость и простоватость.

Въ этомъ псевдо-классическомъ взглядѣ на народъ не трудно

было бы прослѣдить отраженія многообразныхъ явленій западно-европейской жизни и образованности: отголоски феодальнаго презрѣнія къ народу, презрѣнія школьной науки эпохи Возрожденія къ *profanum vulgus*, литературной изысканности, пренебрегавшей грубостью народной рѣчи, и фактической подавленности народа. Этотъ взглядъ, приходившій къ намъ книжнымъ путемъ, находилъ и свои домашнія подтвержденія,—прежде всего, въ бытовыхъ условіяхъ, гдѣ народъ былъ крѣпостнымъ, „чернью“, гдѣ новая школа выдѣлялась отъ старины, какъ отъ невѣжества, и новыя нравы вводили чужую изысканность. Въ литературѣ того времени мы найдемъ изобиліе примѣровъ этого псевдо-классическаго представленія народности. Такъ оно повторилось въ историческихъ понятіяхъ о старинѣ и народности. Героическая подкраска древности дошла до самого Карамзина вмѣстѣ съ сентиментальной подкраской сельской „невинности“, „простыхъ нравовъ“ и т. п. Современный народъ въ ходячихъ понятіяхъ былъ народъ „подлый“, правда, не въ томъ отчаянномъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово теперь, но все-таки въ смыслѣ не очень одобрительномъ. Литература псевдо-классическая, занятая отвлеченными моральными идеями, поглощаемая усвоеніемъ образцовъ и имъ подчинявшаяся въ стилѣ и содержаніи, рѣдко вспоминала о народѣ; всего чаще онъ отсутствовалъ въ обиходѣ ея интересовъ, но если появлялись народныя фигуры, то или въ чертахъ крѣпостнаго быта, какъ подначальная масса, или въ шутивно-комическихъ, или, наконецъ, въ чувствительно-идиллическихъ.

Но рядомъ съ этимъ господствомъ псевдо-классицизма въ высшей литературной сферѣ, очень рано сказывается другое теченіе, еще мало прослѣженное, но заслуживающее вниманія. Школьная ученая литература не заглушила интереса къ народу, народному содержанію и формѣ. Въ разныхъ видахъ, съ различною силой, это влеченіе къ народному, стремленіе вводить его въ литературу, проявляется съ первыхъ шаговъ новой литературы, и указанный псевдо-классическій взглядъ сопровождается другимъ направленіемъ—въ народную сторону. Это не было именно направленіе сознательное, ясно опредѣляющее свои взгляды и цѣли; это былъ скорѣе инстинктъ, простое побужденіе народно-національнаго чувства.

Первымъ источникомъ этого направленія было естественное продолженіе бытового преданія.

Относительно XVIII-го вѣка есть не мало предубѣжденій, не мало фальшивыхъ восхваленій и осужденій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ преувеличенныя толки о внезапной измѣнѣ образованнаго класса народности, со временъ Петра. Напротивъ, дѣдовскіе нравы жили очень долго нерушимыми, и въ разгарѣ XVIII-го вѣка, фран-

цузскихъ вкусовъ двора и крупнаго барства, подъ иноземной внѣшностью, подъ иностранными названіями жили старосвѣтскія понятія, вкусы и обычаи и въ крупныхъ, и въ мелкихъ житейскихъ отношеніяхъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Общество нашего времени, при всемъ развитіи научныхъ изслѣдованій, стоитъ уже очень далеко отъ народнаго быта, преданій, поэзіи,—знаеть ихъ по книгамъ и настолько, насколько успѣло усвоить разъясненія ученой и поэтической этнографіи. Въ прошломъ вѣкѣ было еще столько простоты или грубоватости быта, что даже люди высшаго барства не бывали далеки отъ „народности“, знали, а иной разъ и раздѣляли, народныя понятія, суевѣрія, и услаждались народной поэзіей. Настоящій перерывъ бытового преданія совершился (очень постепенно) уже гораздо позднѣе Петра, въ теченіе XVIII-го вѣка, и въ то же самое время начиналось сознательное стремленіе къ восстановленію этой связи.

Сахаровъ, въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, говоря объ извѣстномъ сборникѣ былинъ, который приписывается Киришѣ Данилову, а по его мнѣнію сдѣланъ былъ въ Тулѣ Прокофіемъ Демидовымъ, такъ рассказываетъ о барскомъ бытѣ прошлаго вѣка, по собственной памяти и преданіямъ:

„Я зналъ и доселѣ знаю обыкновеніе тульскихъ бояръ собирать пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники,—такъ въ старину называли этихъ людей,—принимали на себя всѣ увеселятельныя должности. Они за деньги нанимались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку; простоять недѣлю на одной ногѣ; бѣгать на пристяжкѣ вмѣстѣ съ лошадыю; выпивать непомѣрное число воды. Всѣ рѣдкости записывались грамотнымъ дворовымъ челоувѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего по-смотреть на боярскія очи. Дворецкій предлагалъ боярину искусство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ. Въ скучные часы дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками... Таковы были въ старину увеселенія у И. въ селѣ Дѣдновѣ, у М. въ Яковлевскомъ, у И. въ Высокомъ, у М. въ Горенкахъ... Вотъ какъ составлялись сборники пѣсенъ и сказокъ“.

И дѣйствительно, біографіи и мемуары прошлаго вѣка, разныя случайныя и неслучайныя свидѣтельства тогдашней литературы, даютъ множество указаній, что при всемъ господствѣ крѣпостного права, дѣлившаго помѣщиковъ отъ крестьянъ точно два разныя племени, точно побѣдителей и побѣжденныхъ, старосвѣтскій помѣщичій бытъ былъ гораздо ближе, чѣмъ впоследствии, къ быту народному, къ старымъ правамъ и міровоззрѣнію. Учителя изъ дворовыхъ, „дядьки“ и няни стараго времени—до классической няни Пушкина—составляли всегдашнее посредствующее звено, черезъ которое этнографическія черты народной жизни цѣликомъ доходили до сословія, которое считаютъ теперь „оторваннымъ отъ народа западною культурой“, можетъ быть, дѣлая ему этимъ слишкомъ много чести.

Крѣпостное право безъ сомнѣнія влекло за собой множество всякихъ безобразій, отъ мелкихъ притѣсненій до крупной и (за рѣдкими исключеніями) безнаказанной уголовщины—но это принадлежало не къ „оторванности“, а къ самой русской почвѣ. Напротивъ, помѣщичій бытъ былъ своего рода продолженіемъ и примѣненіемъ стараго „Домостроя“. Напомнимъ одинъ фактъ, гдѣ это примѣненіе дошло до настоящей виртуозности. Во времена Петра Великаго, учился, еще юношей, „ навигацкому“ искусству въ Голландіи Вас. Вас. Головинъ. Впоследствии онъ жилъ въ деревнѣ, и здѣсь обставилъ свой помѣщичій бытъ курьезными обрядностями въ чисто-русскомъ складѣ, въ стилѣ „Домостроя“. У него было заведено, чтобы къ нему ежедневно являлись съ докладомъ всѣ деревенскія власти; каждый разъ ихъ впускала горничная съ обрядовымъ причитаньемъ: „входите, смотрите тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните-жь—смотрите накрѣпко!“ Начинались чинныя донесенія дворецкаго, ключника, выборнаго и старосты. Вотъ, на примѣръ, докладъ выборнаго: „во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли. Въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не садились и на чердакѣ не водились“. Староста оканчивалъ свой докладъ такъ: „во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, па землѣ трясенія не слышали и небеснаго явленія не видали“ и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Родословная Головинныхъ, собранная П. Казанскимъ, М. 1847; Пекарскій, Наука и литер., I, 142—143.

Въ деревенскомъ быту старѣйшій обычай хранился иногда одинаково обѣими сторонами. Помѣщики-домосѣды хорошо знали и сами исполняли требованія старины въ обычаяхъ благочестія, въ повѣрьяхъ и суевѣрьяхъ, увеселеніяхъ, въ вѣрѣ въ колдовство, и т. д. Въ быту хозяйственномъ помѣщики знали и уважали крестьянскій внутренній распорядокъ и обычай ¹⁾.

Напомнимъ еще классическую картину стараго барскаго быта въ „Семейной Хроникѣ“ С. Т. Аксакова. Герой хроники, въ которомъ еще слышится дикость временъ, когда русскими боярами и помѣщиками дѣлались настоящіе татары, князья и мурзы, есть такой же вѣрный послѣдователь „Домостроя“, какіе бывали вѣроятно въ XVI вѣкѣ, и съ этой стороны онъ ни мало не „отрывался“ отъ народа. Онъ не далеко ушелъ отъ народа и по образованію. „При общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ, и Багровъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но служба въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости“. Это была уже вторая половина XVIII-го вѣка! Онъ и его крестьяне совершенно понимали другъ друга, и по-своему были довольны Домостроевскимъ образомъ правленія,—по его смерти „никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали“: домъ онъ держалъ строго; онъ былъ очень добрый человекъ, по свидѣтельству автора, но при случаѣ „спуску не давалъ“, свою жену уже старухой таскалъ за волосы, дочерей бивалъ, его неудовольствія боялись какъ огня... Двоюродная сестра Багрова, очень богатая молодая помѣщица, „страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія (т.-е. деревенскія) игрища“, „всякаго рода русскихъ пѣсень она знала безчисленное множество“. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ уфимскаго захолустья въ деревенской жизни совсѣмъ дичали и, по выраженію автора, „обашкиривались“, — слѣдовательно „отрывались отъ народности“ совсѣмъ въ противоположную сторону, чѣмъ обыкновенно. Легко было бы размножить эти примѣры изъ бытовой жизни тѣхъ временъ. Напомнимъ еще образчики этого быта въ разсказахъ о старомъ фельдмаршалѣ Каменскомъ ²⁾, или въ недавно найденныхъ и изданныхъ запискахъ Толубѣва, который въ концѣ XVIII вѣка росъ, въ Орловской губерніи, среди полного господства патриархальной народной старины, сохранившейся вокругъ него въ полномъ цѣлѣту. Самыя записки—интереснѣйшій этнографическій матеріалъ ³⁾.

¹⁾ В. Семейскій, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1881, въ разныхъ мѣстахъ, объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами.

²⁾ Е. Ковалевскій, „Гр. Влудовъ“. Спб. 1866.

³⁾ Записки Никиты Ивановича Толубѣва (1730—1809). Рукопись изъ собранія А. А. Титова. Спб. 1889.

Образованіе дворянства въ прошломъ вѣкъ вообще было очень слабое; большинство были „люди неграмматичальныя и никакыхъ исторій отъ роду не читывавшіе“, какъ рекомендуетъ себя одинъ защитникъ крѣпостного права въ концѣ прошлаго столѣтія. Новыя обычаи, конечно, заходили и въ эту среду; но въ ней легко сберегались и старинныя нравы. Эта непосредственная связь съ народностью сохранялась и въ тѣхъ людяхъ этого круга, которые уже были „грамматичальны“ и дѣйствовали въ литературѣ. Читая старыхъ писателей, касавшихся народнаго быта не съ литературно-школьной точки зрѣнія, можно видѣть, что этотъ бытъ, его нравы и языкъ были имъ весьма достаточно извѣстны (напримѣръ, В. Майковъ, Аблесимовъ, Мих. Поповъ, Н. Львовъ и проч.).

Это непосредственное чувство народности и становилось безсознательнымъ противовѣсомъ псевдо-классицизму. Интересъ къ народу возбуждается въ то же время съ серьезной общественной точки зрѣнія, какъ въ извѣстномъ „Разсужденіи“ Ломоносова. Тредьяковскій, защищая тоническое стихосложеніе, считаетъ его наиболѣе свойственнымъ русской поэзіи, и доказательство находитъ въ народныхъ пѣсняхъ. Усердно, какъ и Ломоносовъ, переноситъ къ намъ псевдо-классическія правила и образцы, онъ въ то же время горячо вступаетъ за достоинство русской народной поэзіи, къ которой тогда многіе относились съ пренебреженіемъ. Тредьяковскій высказываетъ любопытное мнѣніе, что первыя народно-поэтическія произведенія принадлежали жрецамъ, и что складъ ихъ сохранился въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, между которыми есть очень древнія. „Народный составъ стиховъ есть подлинный списокъ съ богослужительскаго... Простонародное стихотворство, за подлостью ¹⁾ стихотворцевъ и матерій, отъ честныхъ ²⁾ и саномъ именитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и понынь суетно строптивые люди *зазирають неосновательно*, ежели кто народную старинную пѣсню приведеть токмо въ свидѣтельство на письмѣ“. Отвѣчая тѣмъ, кто говоритъ, что онъ взялъ новое стихотвореніе съ французскаго, онъ говоритъ: „поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный, отъ неискусства слагающихъ; но *сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее* разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, *паденіе* подало мнѣ непогрѣшительное руководство“... Онъ взялъ названія изъ французской версификаціи, но— „самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи“.

¹⁾ Въ тогдашнемъ смыслѣ: грубость, необразованность.

²⁾ Въ тогдашнемъ смыслѣ: людей высшаго сословія.

Въ самомъ разгарѣ псевдо-классицизма съ его античными героями, натянутыми формами, въ литературѣ продолжается эта наклонность къ „природной поэзіи“, къ простому народному содержанию. Когда нашъ псевдо-классицизмъ высокаго стиля вводитъ русскихъ историческихъ героевъ въ трагедію, пытается ввести русскую жизнь въ комедію, и т. д., популярная литература охотно останавливается на рыцарскомъ волшебномъ романѣ, восточной сказкѣ, шутливой повѣсти, которыя даютъ поводъ ввести въ книгу русскую баснословную старину, народную сказку, наконецъ, народную пѣсню. Еще нѣтъ прямого этнографическаго интереса или литературнаго нововведенія, но видимо чувствуется сила и красота народной поэзіи, затрогивающей непосредственное чувство, и возникаетъ желаніе ввести ее изъ круга любителей въ литературное обращеніе, наперекоръ школѣ. Нѣтъ яснаго представленія о старинѣ, котораго не давала и только-что начинавшаяся историческая наука, — но въ чудесныхъ повѣстяхъ съ охотой выводятся сказочные и былинные богатыри; старина восстанавливается при помощи фантазіи, и въ русскія темы прибавляются преданія, или клочки преданій и имена западно-славянскія, скандинавскія, литовскія, нѣмецкія, какія нашлись въ литературномъ обиходѣ.

Это направленіе обнаружилось очень рано. Новая образованность медленно одолѣвала старину и новая литература долго не могла установиться. Лишь около 1740 г. является первое стихотвореніе Ломоносова; въ 1755 основанъ Московскій университетъ; въ 1750-хъ годахъ начинается нѣсколько правильный русскій театръ; въ 1764 является первая комедія фонъ-Визина; въ 1770-хъ годахъ едва начинается Державинъ, и въ эти же годы является по своему времени замѣчательный пѣсенный сборникъ, гдѣ на ряду съ книжными пѣснями, какими увеселялась нарождавшаяся читающая публика, поставлены произведенія подлинной народной поэзіи.

Замѣчательнѣйшимъ работникомъ въ этой области былъ трудолюбивый, довольно талантливый писатель, Михайло Дмитріевичъ Чулковъ (ум. 1793), московскій студентъ и сенатскій секретарь, рассказчикъ не безъ юмора и видимо большой любитель народной старины и поэзіи. Труды его даютъ образчики тогдашнихъ этнографическихкихъ понятій.

Въ 1770—74 годахъ Чулковъ издалъ въ Петербургѣ „Собраніе разныхъ пѣсенъ“, въ четырехъ частяхъ. Второе изданіе этихъ пѣсенъ явилось, уже безъ имени Чулкова, въ шести частяхъ ¹⁾, — это такъ

¹⁾ „Новое и полное собраніе російскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ Пѣсни Любовныя, Пастушескія, Шутливыя, Простонародныя, Хоральныя, Свадебныя, Свят. этногр.

называвшійся „Новиковскій пѣсенникъ“. Сборникъ Чулкова заключалъ въ себѣ два разряда произведеній: во-первыхъ, пѣсни или романсы различныхъ тогдашнихъ авторовъ, по преимуществу или исключительно любовные, и во-вторыхъ, множество пѣсенъ чисто народныхъ (историческихъ и другихъ), которыя у него впервые были занесены въ печать въ такомъ изобиліи и въ подлинной народной одеждѣ. Книга, очевидно, пришлась по вкусу читателей: это доказывается скорымъ повтореніемъ изданій и появленіемъ другихъ сборниковъ, подобнымъ образомъ соединявшихъ пѣсни сочиненныя и народныя ¹⁾. Впослѣдствіи, такого рода пѣсенники размножаются, и постоянно видоизмѣняясь, доходятъ до нашего времени въ произведеніяхъ—по преимуществу московской книжной торговли, имѣющей главное гнѣздо на Никольской.

Въ 1780 г. Чулковъ началъ издавать свои „Сказки“ ²⁾. Въ „извѣстіи“, т.-е. въ предисловіи къ книгѣ, онъ замѣчаетъ, что „издать въ свѣтъ книгу, содержащую въ себѣ отчасти повѣствованія, которыя разсказываются въ *каждой харчевнѣ*, кажется, былъ бы трудъ довольно суетный“, но онъ уповалъ найти свое оправданіе въ слѣдующемъ соображеніи:

„Романы и сказки,—говоритъ онъ,—были во всѣ времена у всѣхъ народовъ; они оставили намъ вѣрнѣйшія начертанія древнихъ каждой страны народовъ и обыкновений, и удостоились потому преданія на письмѣ, а въ новѣйшія времена, у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, почтили оныхъ собраніемъ и изданіемъ въ печать. Помѣщенныя въ Парижской Всеобщей Библіоѣикѣ Романовъ повѣсти о Рыцаряхъ, не что иное какъ сказки богатырскія; и французская Bibliothèque Bleue содержитъ таковыя же сказки, каковыя у насъ разсказываются въ простомъ народѣ. Съ 1778 г. въ Берлинѣ также издается Библіоѣика Романовъ, содержащая между прочими два отдѣленія: Романовъ древнихъ нѣмецкихъ Рыцарей, и Романовъ народныхъ. Россія имѣетъ также свои, но оныя хранятся *только въ памяти*; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки Рускія, съ намѣреніемъ сохранить сего

точныя, съ присовокупленіемъ Пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ Оперъ и Комедій“. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780—81. Шесть частей. Затѣмъ „Собраніе разныхъ Пѣсенъ“ вышло „вторымъ тисненіемъ“ въ Москвѣ же, въ типографіи при театрѣ у Хр. Клаудіа, въ 1788.

¹⁾ Двѣ части, прибавленныя въ „Новиковскомъ пѣсенникѣ“, состоятъ только изъ пѣсенъ сочиненныхъ.

²⁾ „Рускія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныхъ и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти првключенія“. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова, 1780—83, 10 ч. Третье изданіе, сокращенное, въ 6-ти частяхъ. М. 1820.

рода наши *древности* и поощрить людей, имѣющихъ время, собрать все оныхъ множество, чтобъ составить Вивліоіеику Рускихъ Романовъ.

„Должно думать, что сіи приключенія Богатырей Рускихъ имѣють въ себѣ отчасти дѣла бывшія, и есть ли совсѣмъ не вѣрить онымъ, то надлежитъ сумнѣваться и *во всей древней исторіи*, коя по большой части основана на оставшихся въ памяти Сказкахъ; впрочемъ, читатели есть ли похотятъ, могутъ различить истинну отъ баснословія, свойственнаго древнему обыкновенію въ повѣствованіяхъ, въ чемъ, однако, никто еще не успѣлъ.

„Наконецъ, во удовольствіе любителей Сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ *никто* еще не *слыхивалъ*, и которыя вышли въ свѣтъ во первыхъ (т.-е. впервые) въ сей книгѣ“.

Это извѣстіе производитъ въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе; съ одной стороны, издатель обѣщаетъ повѣствованія, рассказываемыя „въ каждой харчевнѣ“, заключающія наши „древности“, хранящіяся „только въ памяти“,—но рядомъ ссылается на *Bibliothèque Bleue*, на рыцарскіе романы, и „въ удовольствіе любителей“ обѣщаетъ и такія сказки, которыхъ „никто еще не слыхивалъ“. Очевидно, здѣсь нечего искать подлинной народной старины. Этнографическаго пониманія не было; подлинная древность была почти неизвѣстна; за стариной признавалось значеніе только баснословное, и думали, что новѣйшій писатель можетъ смѣло пользоваться ею какъ матеріаломъ, можетъ исправлять и дополнять этотъ матеріалъ по своему усмотрѣнію. Чулковъ не усумнился, для сказочной реставраціи русской древности, взять себѣ въ образецъ „Синюю библіотеку“ и берлинское собраніе рыцарскихъ романовъ.

„Сказки“ Чулкова именно и наполнены чудесными разсказами въ этомъ вкусѣ. Богатыри не даромъ названы въ заглавіи и играютъ не малую роль въ его повѣствованіяхъ, отчасти вѣрную съ народной поэзіей, но гораздо больше произвольную. Въ началѣ книги Чулковъ посвятилъ имъ шутивное вступленіе, изъ котораго видно, впрочемъ, что онъ хорошо знаетъ ихъ героическія похождения.

„Мы опоздали выучиться грамотѣ,—говоритъ онъ,—и чрезъ то лишились свѣдѣнія о славнѣйшихъ нашихъ Рускихъ Иронъ въ древности, которыхъ довольному числу надлежитъ быть въ народѣ, прославившемся въ свѣтѣ своею храбростію, и котораго науки состояли въ одномъ только оружіи и завоеваніяхъ. Насильство времени истребило оныя изъ памяти, такъ что не осталось намъ извѣстія, какъ только со времени великаго князя Владиміра Святославича Кіевскаго и всея Россіи“. Этотъ монархъ прославился своими побѣдами, великолѣпіемъ двора, къ которому привлекалъ людей ученыхъ и могучихъ богатырей. „Войски его учинились непобѣдимы,

и войны ужасны; понеже сражались и служили у него славнѣйшіе богатыри: Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Илья Муромецъ и дворянинъ Заалешенинъ... Но и удивительно ли государю премудрому и имѣющему таковыхъ богатырей, покорять народовъ? Ибо въ старину сражались не по нынѣшнему: довольно тогда было одной силы и бодрости. Придетъ ли войско непріятелей отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ: всякій монархъ, не имѣющій большаго числа рати, долженъ откупаться златомъ, либо покоряться; но не такъ со Владиміромъ! Онъ посылаетъ лишь одного богатыря, и горе, горе наступающимъ!“ Авторъ приводитъ эпизодъ изъ *подлинной* сказки о Добрынѣ Никитичѣ, выѣзжающемъ въ поле на богатырскомъ конѣ, съ однимъ только слугою:... „богатырь гонитъ силу поганую—гдѣ конемъ вернетъ, тамо улица; онъ копьемъ махнетъ, вѣту тысячи; а мечемъ хватитъ, гибнетъ тьма людей“.—„Посему нѣтъ чуднаго, если изъ таковыхъ великихъ воинствъ, наступавшихъ на Россію, не спасалось ни души живой. Подобной несчетной силы, съ каковой въ старину цари персидскіе наступали на Грецію, мало бы было, чтобъ управиться съ нею одному богатырю. Не нужно-бъ было храбрымъ грекамъ терять жизнь свою, защищая Термопилы: довольно бы послать Чурилу Пленковича, и онъ, заслоня сей узкій путь щитомъ своимъ, поморилъ бы всѣхъ съ досады; ибо сломить его было дѣло невозможное. Жаль, что Александръ убрался съ свѣта заблаговременно; не нужно бы ему опиваться вина до смерти: было бы и безъ того кому унять его проказы; послать бы лишь Илью Муромца: онъ на конѣ своемъ поспѣлъ бы дней въ пять въ Индію, догналъ бы его и за Гангесомъ, и второча бы его къ сѣдлу своему, какъ славнаго Соловья Разбойника, привезъ въ славный Кіевъ градъ, гдѣ заставили-бъ его сухари толочь“, и т. д.

Первыя повѣсти рассказываютъ о князѣ Владимірѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Тугаринѣ Змѣевичѣ, но онѣ уже пересыпаны выдуманными приключеніями; затѣмъ героями сказокъ являются и Алеша Поповичъ, и Василій Богуслаевичъ, и Дворянинъ Заалешенинъ, и Баба-Яга, но рядомъ богатырь Сидонъ, Баламиръ, Гассанъ, волшебница Добрада, и даже польскій волшебникъ Твердовскій и пр., и большею частью плетутся совсѣмъ фантастическія исторіи въ духѣ волшебныхъ рыцарскихъ романовъ, безъ мѣста и времени. Мнимый колоритъ русской древности достигается тѣмъ, что въ сказкахъ явятся иногда: скинская царевна, обрскій или варяжскій князь, царица Динара, капище Лады; описывается заря такой картиной: „тьма удалялась и скрывала съ собою звѣзды, убѣгающія пришествія бога Свѣтовіда“, и т. п. Но Чулковъ зналъ сказочные и былинныя факты богатырской исторіи, которые иногда и приводятся

въ его книгѣ. Между прочимъ, сообщаетъ онъ, что у него самого было собраніе богатырскихъ пѣсень ¹⁾, и помѣщаетъ ноты одного былиннаго напѣва. Затѣмъ, среди фантастическихъ исторій являются „сказки народныя“, напрѣмѣръ, шуточный пересказъ, повидимому, подлинныхъ народныхъ сказокъ о воровскихъ продѣлкахъ ²⁾, и нѣсколько, правоописательныхъ повѣстей собственнаго сочиненія ³⁾.

Въ 1782, Чулковъ издалъ „Словарь русскихъ суевѣрій“, который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ ⁴⁾. Книга эта замѣчательна какъ первая чисто этнографическая попытка своего времени. Правда, между „русскими“ суевѣріями большую долю книги занимаютъ вѣрованія и обычаи всякихъ русскихъ инородцевъ,— татаръ, мордвы, чувашъ, камчадаловъ и пр., о какихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія въ тогдашней литературѣ путешествій; правда также, что русская міеологія излагается съ разными прикрасами, какія считались въ то время позволительными въ изображеніяхъ „древности“ ⁵⁾, но въ то же время собрано и аккуратно описано много дѣйствительныхъ народныхъ обычаевъ. Цѣну этихъ описаній достаточно указать тѣмъ, что многими указаніями изъ „Абевеги“ нашель возможнымъ пользоваться ученый нашего времени, Аванасьевъ, въ своихъ этнографическихъ работахъ, и особенно въ книгѣ: „Поэтическая воззрѣнія Славянъ на природу“.

Если обратить вниманіе на то, что во всѣхъ перечисленныхъ трудахъ русской писатель былъ почти совсѣмъ лишень руководства, какое въ другихъ отношеніяхъ доставляла тогда литература европейская, и напротивъ послѣдняя еще сбивала съ толку „Синими библиотеками“ и рыцарскими романами, то нельзя не оцѣнить этихъ попытокъ, гдѣ среди ошибочныхъ литературныхъ понятій вѣка просвѣчиваетъ стремленіе къ изученію народности, и сочувствіе къ народной поэзіи.

Не будемъ исчислять другихъ трудовъ Чулкова и подобныхъ имъ

¹⁾ „Къ крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай, погубило у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсень, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича“ (борьбы съ Тугаринимъ). „Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь“. Сказки, 1-е изд. I, стр. 138—139.

²⁾ Напрѣмѣръ, о ворѣ Тямшкѣ, о Цыганѣ, о племянникѣ Оомкѣ.

³⁾ О новомодномъ дворяннѣ, Два брата соперники, Досадное пробужденіе.⁴⁾

⁴⁾ „Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства и проч., сочиненная М. Ч.“ Москва, 1786.

⁵⁾ Ср. объ этомъ негодующія объясненія Сахарова, въ Сказ. р. народа, т. I, гдѣ собраны примѣры этихъ прикрасъ, иногда дѣйствительно нелѣпыхъ, идущихъ еще съ ХУІІ вѣка, съ Иннокентія Гизеля и Стрыйковскаго.

сочинений ¹⁾ и укажемъ еще другую книгу того времени, весьма замѣчательную по сознательному интересу къ народной поэзи. Это—очень извѣстное у любителей „Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ“ ²⁾. Въ рукописномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кирши Данилова, уже прибавлены были ноты для напѣва. Чулковъ упоминаетъ о своей сгорѣвшей рукописи съ былинными напѣвами. Прачь въ первый разъ издалъ значительный сборникъ вновь записанныхъ напѣвовъ лирическихъ пѣсень: такъ-называемыхъ протяжныхъ и скорыхъ, плясовыхъ, свадебныхъ, хороводныхъ, святочныхъ, наковецъ, малороссійскихъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ собраніе значительно размножено (до 150 пѣсень). Изданіе Прача, по отзыву знающихъ людей, есть весьма цѣнный опытъ изученія народной музыки. Прачь приступалъ къ дѣлу съ полнымъ пониманіемъ его важности: предисловіе (авторомъ котораго называютъ Н. Львова) посвящено опредѣленію музыкальнаго характера нашей народной поэзи, возможныхъ источниковъ нашей пѣсенной музыки (предполагаются источники греческіе); авторъ умѣетъ цѣнить старину, въ которой находится иногда и лучшіе музыкальные мотивы: особое „реченіе“ было употреблено на то, чтобы съ возможной точностью записать народную мелодію. „Сохранивъ, такимъ образомъ, все свойство народнаго Россійскаго пѣнія, собраніе сіе имѣетъ и все достоинство подлинника: простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками иногда страшной мелодіи нигдѣ не нарушены“. Это понятіе о неприкосновенности изучаемаго народнаго матеріала замѣчательно для конца XVIII-го вѣка. Прачу представлялось и широкое научно-музыкальное значеніе его изученій. „Можетъ быть,—говоритъ онъ,—не бесполезно будетъ сіе собраніе и для самой *филологіи*“... „Можетъ, сіе новымъ какимъ-либо лучемъ просвѣтить музыкальный міръ? Вольшимъ талантамъ довольно малой причины для произведенія чудесъ, и упавшая на Невтона груша послужила

¹⁾ Того же Чулкова: „Пересѣтшникъ, или Славянскія сказки“, 5 частей. Москва, 1783—85; 3-е изд. М. 1789.

— М. Попова: Славенскія древности, 1770—71; 2-е изданіе: Старинныя диковинки или приключенія славенскихъ князей, 1778; 3-е изд. 1793. Объ его мнѳологіи упомянемъ дальше.

— Вечерніе часы, или древнія сказки Славянъ древлянскихъ. М. 1787—88, 6 частей.

— Повѣствователь русскихъ сказокъ, и Продолженіе. М. 1787. 2 ч.

— Бабушкины сказки, Сергѣя Друковцова, М. 1778 (нискихъ сказокъ нѣтъ: только бесмысленно разсказанные анекдоты). И т. д.

²⁾ Спб. 1790. Второе изданіе, въ двухъ частяхъ, вышло въ 1806; третье въ 1815. 4^о.

къ открытію великой истинны“¹⁾... Указывая богатство и разнообразіе мелодическаго содержанія русскихъ пѣсенъ, Прачъ еще въ первомъ изданіи ожидалъ, что оно доставитъ богатый источникъ для музыкальныхъ талантовъ (даже иностранныхъ) и для сочинителей оперъ. Въ позднѣйшемъ изданіи онъ уже съ большей увѣренностью думаетъ, что композиторы, „воспользуясь не только мотивами, но и самою странностію (т.-е. оригинальностью) нѣкоторыхъ русскихъ пѣсенъ, посредствомъ изящнаго своего искусства, доставятъ слуху новыя пріятности и любителямъ музыки новыя наслажденія, чему уже съ большимъ успѣхомъ подали примѣръ господа Сарти, Мартини, Паскевичъ, Тицъ, Жарновики, Пальтау, Карауловъ (amateur) и другіе“²⁾.

Въ изданіи Прача, такимъ образомъ, является уже серьезная, теоретически обдуманная работа надъ русскими пѣснями.

Съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, одновременно съ первыми изданіями Чулкова, являются первыя „народныя“ оперы: „Анюта“ Михайлы Попова (поставленная въ первый разъ въ 1772 г., съ музыкой Ѳомина); „Мельникъ“, Аблесимова (поставленный въ 1779 г.); „Перерожденіе“ и „Гостинный дворъ“, Михайлы Матинскаго (1777, 1787), и др. Михайло Поповъ, одинъ изъ учениковъ знаменитаго актера Волкова, основателя русскаго театра, вывезенный имъ изъ Ярославля и учившійся въ шляхетскомъ корпусѣ, послѣ актеръ, затѣмъ секретарь при комиссіи о сочиненіи уложенія, человекъ изъ народа, извѣстенъ былъ своими пѣснями и отличался вообще направленіемъ „народнымъ“—въ тогдашнемъ стилѣ. Матинскій былъ крѣпостной графа Ягужинскаго, получившій на счетъ своего помѣщика основательное образованіе въ Россіи и потомъ въ Италіи. Біографія его неизвѣстна; но это, видимо, былъ человекъ даровитый; онъ много писалъ и переводилъ по научнымъ и литературнымъ предметамъ, и сочинялъ комедіи и оперы, въ послѣднихъ и текстъ, и музыку. Къ сожалѣнію, всѣ эти пьесы столь основательно забыты, что мы не можемъ сказать о томъ, въ какой мѣрѣ эти „народныя“ оперы имѣли народную пѣсенную подкладку; но съ литературной стороны, сочиненія Мих. Попова, Аблесимова и пр., хотя второстепенныя по достоинству, имѣютъ значеніе какъ попытки распространять въ литературѣ народную стихію недурными изображеніями народнаго быта. Современныя свидѣтельства единогласно говорятъ, что эти народныя пьесы и оперы вообще имѣли очень большой успѣхъ³⁾.

¹⁾ Пред. къ изданію 1790 г., стр. XI.

²⁾ Изд 1815 г., предисловіе, стр. V—VI.

³⁾ Желаніе усвоить русскія народныя черты драмъ и въ частности оперъ про-

Народность интересовала и съ другихъ сторонъ; начинаютъ обращать вниманіе и описывать народные обычаи, старину, собирать преданія, пословицы и т. п. ¹⁾ Правда, псевдо-классическій взглядъ, пренебрегавшій простою народностью по ея грубости, нерѣдко ее уродовалъ, по-своему прикрашивая ее (какъ, напр., Богдановичъ нелѣпо прикрашивалъ пословицы); тѣмъ не менѣе народная стихія становилась болѣе и болѣе привычной въ книгѣ; нѣкоторые писатели (какъ Фонъ-Визинъ, Новицовъ, Радищевъ, Чулковъ, М. Поповъ, Н. Львовъ, В. Майковъ и др.) еще въ концѣ XVIII-го вѣка умѣли хорошо передавать черты быта, народный языкъ. Все это прокладывало путь для дальнѣйшаго и болѣе сильнаго вліянія народной стихіи въ языкѣ и въ содержаніи литературы.

Впослѣдствіи, когда съ новыми успѣхами литературы требованія возросли и началась критическая этнографія, на эти попытки XVIII в. стали вообще смотрѣть съ пренебреженіемъ, вина ихъ за искаженіе или непониманіе народности и т. п. Такъ, въ особенности строго обличалъ ихъ Сахаровъ, отзывы котораго одно время были обычнымъ понятіемъ объ „этнографѣхъ“ прошлаго столѣтія. Успѣхи литературы осудили, конечно, старую манеру относиться къ народной поэзіи; но тѣмъ не менѣе нападки на писателей XVIII-го вѣка были преувеличены—на нихъ надобно было смотрѣть иначе. Нѣкоторые изъ нихъ совершали, безъ сомнѣнія, великія нелѣпости съ нашей точки зрѣнія, какъ напр., Поповъ въ своемъ „Описаніи славянскаго баснословія“ (1768), Чулковъ, Григорій Глинка въ „Древней религіи Славянъ“ (1801), Кайсаровъ (1807) и пр.; но ихъ незачѣмъ причислять къ ученымъ изслѣдователямъ, какъ они себя сами не причисляли,—кромѣ развѣ Кайсарова ²⁾. Они не претендовали на ученое изложеніе, даже не подозрѣвали, что подобные предметы должны быть трактованы только подъ условіемъ строгой критики, и думали напротивъ, что эта древность, о которой осталось такъ мало свѣдѣній, гораздо меньше входитъ въ область исторіи, чѣмъ поэзіи. Тогдашняя историческая наука,—не у насъ только, но

является и гораздо раньше: есть извѣстіе о „комедіи на музыкѣ“ Кошчева, поставленной въ 1740 годахъ, которая взята была авторомъ, „изъ древнихъ русскихъ сказокъ“; при Елизаветѣ въ головинскомъ „вольномъ театрѣ“ дана была комическая опера „въ русскихъ правахъ“: „Танюша или счастливая встрѣча“, текстъ которой былъ написанъ Дмитревскимъ, а музыка Ѳ. Г. Волковымъ.

¹⁾ Упомянемъ, напр., замѣчательный сборникъ пословиць прошлаго вѣка, изданный (въ „Архивѣ“ Калачова) г. Буслевымъ.

²⁾ Сочиненіе Кайсарова вышло сначала по-нѣмецки: Versuch einer slavischen Mythologie. Göttingen. 1804, потомъ по-русски, 1807. Объ источникахъ его мифологіи ср. Срезневскаго, „Чешскія глоссы въ Mater Verborum“, Сборн. русск. отдѣл. А. Н., т. XIX, стр. 120—121.

и на западѣ,—еще не умѣла понимать древности, едва начинала придавать значеніе произведеніямъ народной поэзіи, и если примыя свидѣтельства были скудны, научныя изысканія незрѣлы, то писателямъ популярнымъ, которыхъ привлекала старина, по тогдашнимъ понятіямъ оставалось дополнять воображеніемъ то, чего не давала исторія. Такъ они и дѣлали, и этого не скрывали. Поповъ прямо заявляетъ о своемъ трудѣ: „Сіе сочиненіе сдѣлано больше для *увеселенія читателей*, нежели для историческихъ справокъ, и больше для *стихотворцевъ*, нежели для историковъ“. Дѣйствительно, Херасковъ внесъ его описаніе древнихъ божествъ въ свою эпическую поэму „Владиміръ“, а послѣ Глинка вносилъ въ миеологію вычитанное у Хераскова и „морского царя“ описывалъ по Ломоносовской „Петриадѣ“. Во введеніи къ своей книгѣ Глинка также прямо заявляетъ: „Описывая произведенія *фантазіи* или *мечтательности* (такъ онъ считалъ древнюю миеологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять *собственною* подь *древнюю* *стать* *фантазією*... Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ“—говоритъ онъ, и собирается дополнить недостающее „по законамъ соображенія или мечтанія“. Онъ не стѣснялся въ дополненіяхъ, и между прочимъ помѣстилъ въ книгѣ гимнъ Перуну, отсутствующій у историковъ и сочиненный имъ самимъ „подь древнюю статью“:

„Боги велики, но страшень Церунъ:
Ужась наводитъ тяжела стопа“, и т. д.

Извѣстно, что одинъ не очень хитрый поддѣльщикъ тѣхъ временъ сочинилъ на мнимо-старомъ языкѣ гимнъ Баяна, найденный въ „свиткѣ перваго вѣка“, вмѣстѣ съ нѣсколькими „произреченіями пятаго столѣтія новгородскихъ жрецовъ“: были люди, которые не рѣшались отвергать его подлинности; Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи ¹⁾. Волхвъ „Злогоръ“, упоминаемый въ гимнѣ, послужилъ героемъ для стихотворенія Державина (1813). Державинъ не одинъ разъ бралъ темы изъ русской старины—какъ

¹⁾ Въ первомъ вѣкѣ писали въ такомъ стилѣ (по переводу Державина):

„Не умолчи, Боянь, снова воспой:
О комъ пѣлъ благо тому.
Суда Велесова не убѣжать,
Славы Славяновъ не умалить.
Мечи Бояновы на языкъ остались;
Память Злогора волхвы поглотили.
Одну воспоминаіе, Сквеу пѣснь.
Златымъ пескомъ тризны посплемъ“.

Ср. Соч. Державина, въ изданіи Грота, Ш, 137.

онъ ее понималъ, и любопытно (и совершенно послѣдовательно), что его привлекали не подлинныя черты ея, а именно тѣ извращенія, какія производились этнографами „для увеселенія читателей“¹⁾.

Далѣе. Сахаровъ по обыкновенію свысока говоритъ о сборникѣ Чулкова, и винить его, что онъ издавалъ пѣсни съ готовыхъ списковъ, а не „самъ собиралъ ихъ, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ“ и пр. Въ предисловіи къ пѣснямъ Чулковъ жалуется, что имѣлъ плохія рукописи, — „такъ что индѣ ни стиха, ни *римома*, ниже мысли узнать имѣ было можно“; если говорится о *римомахъ*, значитъ, рѣчь шла о пѣсняхъ литературныхъ, бывшихъ въ обращеніи и которыя издатель не всѣ бралъ съ печати. Какъ именно добывалъ онъ народныя пѣсни, онъ не говоритъ: весьма возможно, что онъ воспользовался ходившими по рукамъ сборниками; возможно также, что немало ихъ онъ зналъ и самъ изъ живой народной пѣсни.

Какъ бы ни было, хотя бы Чулковъ и печаталъ пѣсни съ готовыхъ списковъ, мы имѣли бы любопытный фактъ, что интересъ къ народности былъ такъ уже распространенъ къ 70-мъ годамъ прошлаго вѣка, что издатель имѣлъ въ распоряженіи массу пѣсень, записанныхъ любителями (тексты Чулкова нерѣдко замѣчательны). Почти половина сборника Чулкова занята пѣснями народными (по счету Сахарова, изъ 800 всѣхъ пѣсень—336 народныхъ; онъ поставлены обыкновенно особо). Сахаровъ былъ болѣе справедливъ къ Чулкову, когда говорилъ, что „предпріятіе его было самое значительное: онъ первый осмѣлился къ новымъ пѣснямъ тогдашнихъ *знаменитыхъ писателей* присоединить и старыя народныя“. Главной цѣлью Чулкова было дать книгу для любителей пѣсни, какъ увеселенія; народныя пѣсни уже и раньше служили этой цѣли въ извѣстныхъ кругахъ грамотнаго общества, но Чулковъ желалъ распространить ихъ еще болѣе и его большая литературная заслуга состоитъ въ томъ, что онъ не усумнился поставить ихъ рядомъ съ твореніями „знаменитыхъ писателей“—псевдо-классиковъ, пренебрегавшихъ народными пѣснями, и впервые издалъ много, иногда прекрасныхъ, текстовъ²⁾.

¹⁾ Объ его псевдо-классическомъ взглядѣ на русскую народную поэзію, ср. Сочиненія, III, 92 и др.

²⁾ Чулковъ послужилъ отчасти и г. Безсонову (въ изданіи „Пѣсенъ“ Кирѣвскаго): Безсоновъ справедливо защищаетъ его отъ нападокъ Сахарова, который самъ производилъ надъ памятниками народной поэзіи гораздо худшія искаженія, нежели Чулковъ. См. „Пѣсни“ Кир., вып. 5, стр. III—XIII, CXXI—CXXIII и др.

Въ этихъ и подобныхъ начаткахъ этнографическаго изученія народности, наши любители прошлаго вѣка руководились только собственнымъ инстинктомъ — т.-е. тѣмъ національно-народнымъ чувствомъ, въ недостаткѣ котораго обыкновенно упрекаютъ литературу XVIII-го столѣтія. Историческое мѣсто этихъ попытокъ въ развитіи литературной народности опредѣляется тѣмъ, что онѣ въ разгаръ псевдо-классицизма идутъ (хотя безъ явнаго протеста) противъ него, примыкая къ той народно-поэтической струѣ, которая продолжала жить въ народѣ и въ самомъ „обществѣ“ путемъ непосредственнаго бытового преданія,—и вводя наконецъ въ печать тотъ народно-поэтической запасъ, который хранился въ памяти и въ записяхъ любителей.

Этихъ записей извѣстно теперь довольно много отъ XVII в. ¹⁾, есть указанія и на XVI столѣтіе. Съ тѣхъ поръ идетъ непрерывавшееся рукописное преданіе до сборника Кириши Данилова, и до сборника былинъ съ нотами, который былъ у самого Чулкова, и до тѣхъ рукописей, съ которыхъ онъ печаталъ свои пѣсни. Не переводилось и устное преданіе: сказочники (которыхъ держали бывало при московскомъ царскомъ дворѣ), пѣвцы былинъ, духовныхъ стиховъ и пѣсенъ, дѣйствуютъ и по сіе время, а въ XVIII-мъ вѣкѣ повидимому занимались своимъ дѣломъ какъ настоящей профессіей и вовсе не въ одной простонародной средѣ ²⁾,—какъ „потѣшники“, описываемые Сахаровымъ, были повидимому прямыми продолжателями старинныхъ скомороховъ.

Это народно-поэтическое преданіе становилось теперь достояніемъ литературы.

Чтобы справедливѣе оцѣнить это обращеніе къ народности и съ нею къ бытовой старинѣ, должно вспомнить, что собственно историческая наука очень немного помогала этому движенію. Самой этой наукѣ старина представлялась чрезвычайно темною. Историки дошлѣщеровскіе или до-карамзинскіе блуждали въ разсказахъ о скивогахъ, сарматахъ, мосогахъ и т. п., считая скивовъ и сарматовъ чуть не за чистыхъ русскихъ; о временахъ болѣе достовѣрной исторіи повторяли Нестора и, не менѣе того, Стрыйковскаго, и только рѣдкіе изъ нихъ имѣли смутное представленіе о той связи, которая —черезъ вѣка историческихъ перемѣнъ—соединяетъ далекую древ-

¹⁾ Ср. Л. Майкова, „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народ. пѣсенъ и былинъ“, въ Журн. М. Народн. Просв. 1880, ноябрь; „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ“, въ „Запискахъ“ Акад. Н., томъ XL, приложенія, № 5. Спб. 1881.

²⁾ См. Ровинскаго, Русскія народн. картинки. Спб. 1881, V, 100 и слѣд.; ср. книгу А. Фамилцина: Скоморохи на Руси. Спб. 1889.

вость съ новой народностью. Нарождающемуся историческому знанію приходилось уразумѣвать и разъяснять другинь, еще неше сѣдущимъ, самыя элементарныя положенія и требованія научной критики, устанавливать основныя вѣщныя факты исторіи.

Возьмемъ два-три прикѣра.

Татищевъ (онъ умеръ въ 1750, но книга его вышла только въ 1768—84 г.), приступая къ дѣлу, долженъ былъ посвятить длинное „предъизвѣщеніе“ объясненію первоначальныхъ помысловъ объ исторіи, объ ея научной и практической пользѣ, и защищаться тутъ-же отъ людей, которые, вознакопившись съ его книгой въ рукописи, успѣли усмотрѣть, что онъ „православную вѣру и законъ опровергалъ“, что заставило его прибѣгнуть къ защитѣ новгородскаго митрополита Амвросія.

Въ главѣ „о идолослуженіи бывшемъ“, гдѣ можно бы было ожидать свѣдѣній о мнѣологической старинѣ,—заботой Татищева, какъ и другихъ историковъ прошлаго вѣка, было только собрать всякія упоминанія о языческихъ божествахъ славянъ и русскихъ. Татищевъ и собираетъ ихъ изъ всякихъ источниковъ, старыхъ и новыхъ, какіе только могъ добыть. О западномъ славянствѣ онъ знаетъ извѣстія средневѣковыхъ латинскихъ лѣтописцевъ—Гельмольда, „Саксограмматика“: изъ новыхъ цитируются у него: Фабріусъ въ „Исторіи міра“, Кранцій въ „Вандаліи“, Германнъ Гедерихъ въ его „Лексиконѣхъ древностей и мнѣологическомъ“, Арикіель... Относительно собственно русскаго „идолослуженія“, Татищевъ полагаетъ, что у русскихъ были тѣ же божества какъ у западныхъ славянъ, а „о которыхъ Несторъ описалъ, то всѣ суть званія сарматскія или варяжскія“: свѣдѣнія о русскомъ „идолослуженіи“ онъ беретъ изъ Нестора, изъ Стрыйковскаго ¹⁾, указываетъ на трудъ Дмитрія Ростовскаго ²⁾. наконецъ, замѣчаетъ: „въ Берлинѣ, памятую, напечатана была о сихъ книжка подъ именемъ *Московитинше религія*, токмо я ея нынѣ достать не могъ“; далѣе, рассказывается о идолахъ у скивоовъ, и проч. Словомъ, дѣло шло только о томъ, чтобы, худо ли хорошо ли, собрать (фактическія свѣдѣнія.—да и здѣсь были затрудненія, которыя трудно себѣ вообразить. Оказывается, что находились суетвѣрные невѣжды, которые заподозрѣвали эти разсужденія о древнемъ „идолослуженіи“: „отъ такихъ безумныхъ,—говоритъ Татищевъ,—нужно предостерегаться, чтобы объявленное мое о мерзости идолослуженія не приняли за то, что яко бы я оное съ почитаніемъ святыхъ мужей или иконъ равняю (!), на что кратко можно отвѣтствовать словами свя-

¹⁾ Въ книгѣ 4, гл. 4, изъ русскаго древняго лѣтописца сказуется“.

²⁾ Который, по его словамъ, пространно объ этомъ писалъ, но въ печати Татищевъ этого не видѣлъ.

таго Павла: кое соравненіе есть Христа съ Веліаромъ“¹⁾. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ Татищевъ рекомендовалъ поклоненіе Перуну, Хорсу или Мокошу! Неудивительно, что въ началѣ главы объ „идолослуженіи“ находится философическій трактатъ объ идолопоклонствѣ вообще.

Но Татищевъ чувствовалъ, что есть связь древности съ новымъ обычаемъ, и въ концѣ перваго тома помѣстилъ особую статью „о чинахъ и суевѣріяхъ древнихъ“, т.-е. обычаяхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ. Въ тѣ времена, какъ онъ писалъ свою книгу, мысль о томъ, что „чины“ должны входить въ исторію, какъ объясненіе событій, рѣдко кому приходила въ голову; и здѣсь опять Татищеву надо было давать общія объясненія. Правда, описаніе „чиновъ“ очень несовершенно²⁾; но любопытно, что историческая этнографія уже затрогивается въ этихъ первыхъ трудахъ прошлаго вѣка. Писатели популярныя дѣлали изъ этнографіи предметъ литературнаго „увеселенія“, но и они предчувствовали болѣе глубокое значеніе предмета, а серьезные историческіе писатели къ концу вѣка уже ясно видѣли всю пустоту произвольнаго раскрашиванія старины³⁾. Многія страницы въ книгѣ Болтина имѣютъ уже положительную цѣнность для историческаго изученія народности и приготавливаютъ къ научной критикѣ карамзинскаго періода.

¹⁾ Исторія Россійская, т. I, Спб. 1768, стр. 18—19.

²⁾ Рядомъ съ русскими, между прочимъ, описываются и „чины“ инородцевъ,— какъ послѣ въ „Абевегѣ“ Чулкова.

³⁾ Напримѣръ, Болтинъ пишетъ о „Досугахъ“ Михайли Попова (Спб. 1772), которымъ, между прочимъ, пользовался Леклеркъ: „Г. Поповъ, будучи въ древностяхъ славянскихъ мало свѣдущъ, внесъ въ свою баснословію все, что ему ни поналось безъ разбору, и многія такія вещи подъ статью боговъ помѣстилъ, кои никогда славянами боготворими не были“ и проч. („Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка“. Спб. 1788, I, 98).

ГЛАВА III.

XVIII-й вѣкъ. Научныя изслѣдованія Россіи.

Забывтая дѣятельность XVIII-го вѣка. — Труды Петра Великаго, относящіяся къ научному изслѣдованію Россіи.—Вліяніе западной науки.—Географическія изысканія; первые атласы Россіи. — Ученныя экспедиціи. — Путешественники XVIII-го вѣка, нѣмецкіе и русскіе.

Обратимся къ дѣятельности нашей науки въ XVIII-мъ столѣтіи по изученію русской территоріи и народа.

Главные факты распространенія школъ и ученыхъ учрежденій прошлаго вѣка довольно извѣстны. Исторія его высшихъ учебныхъ и ученыхъ учреждений немногосложна: двѣ духовныя академіи, академія наукъ съ ея „академическимъ университетомъ“, затѣмъ университетъ московскій и российская академія—вотъ всѣ учрежденія, въ которыхъ находили мѣсто интересы высшаго научнаго знанія. Въ ихъ дѣйствовали иногда отдѣльныя ученныя силы, особенно иностранцы, которыхъ зазывали еще съ конца XVII-го столѣтія. Любопытенъ вопросъ именно о томъ, какъ дѣйствовала вновь явившаяся съ Запада наука: откуда брались ея русскіе адепты, какъ новая наука воспринималась ими, какъ относилась она къ русскому содержанию, оставалась ли чужда ему или, напротивъ, умѣла его понимать и служить ему? Намъ столько наговорили о томъ, что XVIII-й вѣкъ былъ оторванъ отъ русской народности, рабски подчинялся Западу и т. д., что по многимъ отношеніямъ было бы важно отдать себѣ болѣе точный отчетъ въ умственныхъ движеніяхъ и интересахъ того времени. Восемнадцатый вѣкъ былъ нашимъ ближайшимъ историческимъ предшественникомъ и многіе изъ нашихъ народныхъ интересовъ несомнѣнно коренятся еще въ трудахъ и стремленіяхъ образованныхъ людей XVIII-го вѣка. Познакомившись съ ними, мы должны будемъ убѣдиться, что уже въ то время являлись многія изъ

тѣхъ мыслей и тѣхъ изученій, заслугу которыхъ мы часто приписываемъ своему времени. Изученіе этого прошлаго не только избавить насъ отъ заблужденія, но разъяснить и исторію самыхъ вопросовъ: мы найдемъ, что они старѣе, чѣмъ намъ обыкновенно кажется, что наше нынѣшнее дѣло—не совсѣмъ наше собственное изобрѣтеніе, а часто только дальнѣйшее развитіе того, что было начато раньше насъ людьми другого вѣка; что трудности, съ которыми мы встрѣчаемся, лежатъ вовсе не тамъ, гдѣ мы ихъ ищемъ, что мы напрасно отдѣльваемся отъ нихъ ссылками на XVIII-й вѣкъ, который-де оторвался отъ народа и задалъ намъ мудреную задачу возстановленія этой связи, или прячемся отъ вопроса за фразами о западной наукѣ, которая будто бы помѣшала намъ остаться вѣрными своему народу и предаваться самобытному творчеству. Заглянувъ въ исторію, не трудно убѣдиться въ фальшивой безсодержательности подобныхъ жалобъ. Не западная наука отрывала насъ отъ народа и не реформа была источникомъ тѣхъ общественно-политическихъ тягостей, которыя пришлось переносить и сознать нашему времени; напротивъ, только наука доставила намъ возможность болѣе широкаго общественнаго и національнаго самосознанія, и только ея широкое дѣйствіе облегчить намъ выходъ изъ этихъ тягостей.

Петровская реформа и труды Петра для русскаго просвѣщенія вызвали въ старину и до нашего времени безконечное множество панегириковъ, и въ самомъ дѣлѣ нельзя не изумляться этой дѣятельности, которая распространялась на разнообразнѣйшіе предметы и потребности національной жизни и полагала глубокія основанія дальнѣйшаго развитія. Историки Петра рассказали и объ его трудахъ на пользу школы и образованія. Учреждая элементарныя цыфирныя школы и техническія училища: „ навигацкое“, инженерное, артиллерійское и пр., онъ позаботился объ основаніи учрежденія, которое обезпечило бы интересы высшей науки и послужило рассадникомъ ученыхъ силъ на самой русской почвѣ. Безпристрастные наблюдатели давно замѣтили, что у Петра вовсе не было пристрастія къ самимъ иноземцамъ, что, напротивъ, они были для него только средствомъ къ развитію русскихъ силъ, что это были въ его глазахъ только учителя, нужные на время, а затѣмъ вовсе нежелательные. И дѣйствительно, онъ гонитъ русскихъ въ школу, какъ (замѣтимъ для успокоенія славянофиловъ) гоняли ихъ при Ярославѣ; онъ обзывалъ иностранныхъ мастеровъ брать русскихъ учениковъ; Академія наукъ, основанная по его плану, должна была служить не только для цѣлей самой науки, но и для образованія ученыхъ русскихъ. Но вопросъ, нужно ли было введеніе западной науки, отвѣчала уже старая Москва, когда населила Нѣмецкую слободу вызванными изъ-за границы тех-

никами, докторами, иноземными офицерами, когда вызывала изъ Кіева ученыхъ богослововъ, схоластическихъ философовъ и стихотворцевъ. При Петрѣ несравненно шире понята была государственная и народная важность науки: она была нужна не только для просвѣщенія умовъ, но для здраваго отправленія самого государственнаго хозяйства. Нужны были хорошо организованные арміи и флоты, нужно было знаніе горное, инженерное, промышленное и т. д.; государству нужно было сосчитаться въ своемъ хозяйствѣ, опредѣлить и начертить свою территорію, узнать ближе свои народы—для Россіи особенная и нелегкая задача; нужно было наконецъ узнать свою исторію, правильно устроить средства народнаго образованія. Старая Россія не давала для этого средствъ, и обращеніе къ содѣйствію западной науки было по здравому смыслу неизбѣжно, чтобы сами русскіе научились пользоваться средствами знанія для многоразличныхъ потребностей своего отечества. Нужна была наука со всѣми ея теоретическими основами и практикой, какъ онѣ были понимаемы у народовъ, имѣвшихъ тогда науку. Надобно было призвать знающихъ людей, совѣтоваться съ авторитетными учеными, и Петръ не ошибся въ выборѣ, когда совѣтовался съ Лейбницемъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей того вѣка. И по сосѣдству, и по обилію ученаго люда, наибольшее число профессоровъ и учителей доставила тогда Германія. Вызовы ученыхъ нѣмцевъ въ Академію наукъ и въ московскій Университетъ не всегда бывали удачны; но число удачныхъ было, вѣроятно, гораздо больше, а нерѣдко въ числѣ приглашаемыхъ бывали люди съ большими научными заслугами и съ честнымъ, просвѣщеннымъ отношеніемъ ко взятой на себя обязанности. Многіе приобрѣли европейскую славу своими трудами на русской почвѣ и надъ русскимъ содержаніемъ: назовемъ имена Миллера, Шлѣцера, Палласа, Гмелина и т. д. Понятно, что иноземные ученые приносили науку въ той формѣ, какъ они сами знали ее на своей родинѣ, съ тѣми общими идеями, на какихъ она тогда строилась, и съ той внѣшностью, какую она имѣла. На современный взглядъ наука, являясь въ такомъ видѣ, съ формами схоластическими, устарѣлымъ языкомъ, терминологіей, странно переводившейся на русскій языкъ, можетъ, пожалуй, показаться чѣмъ-то чуждымъ, что произвольно и насильственно навязывалось русскимъ умамъ, что не имѣло связи съ жизнью и народностью. Но слѣдуетъ наконецъ понять, что это была историческая форма науки, которая въ тѣ времена и не имѣла иныхъ идей и иного выраженія; она являлась къ намъ съ тѣмъ содержаніемъ и въ той одеждѣ, въ какихъ жила на западѣ. Перелагаясь на русскій языкъ, эта наука получала новую долю какой-то чуждой странности отъ трудности перевода: въ самомъ дѣлѣ русскій языкъ отъ Никоновской лѣтописи, или даже

отъ Симеона Полоцкаго, не могъ вдругъ легко перейти къ изложенію теорій естествознанія, философскихъ и риторическихъ тонкостей и т. п. Потребовалось потомъ цѣлое столѣтіе на то, чтобы нашъ литературный языкъ преодолѣлъ всѣ трудности передачи сложной научной техники и художественнаго выраженія. На первое время онъ часто бывалъ совершенно безсиленъ передъ этими задачами, въ научной терминологіи употреблялъ цѣликомъ иностранныя слова, греческія, латинскія, даже нѣмецкія и французскія ¹⁾, или передавалъ ихъ, какъ Богъ послалъ, славяно-русскими выраженіями, для нашего времени тяжелыми, уродливыми и смѣшными. Неудивительно и это послѣднее: въ началѣ XVIII-го вѣка сами нѣмцы были въ подобномъ затрудненіи—нѣмецкій языкъ считался еще неспособнымъ къ передачѣ высшихъ литературныхъ научныхъ понятій; его замѣняла латынь и даже французскій языкъ, и послѣдній не только въ высшемъ свѣтскомомъ быту, но и въ области науки. Частію съ нѣмецкимъ и французскимъ, частію съ латинскимъ языкомъ наука пришла въ первое время и къ намъ; на этихъ языкахъ шло нерѣдко преподаваніе въ „академическомъ университетѣ“ въ Петербургѣ, и въ университетѣ московскомъ; почти до нашихъ дней дожила схоластическая латынь въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, и латинское преподаваніе классиковъ въ университетахъ. Западныя литературы со временъ Возрожденія и вплоть до XIX-го столѣтія были переполнены латинскими книгами по всякимъ отраслямъ науки: по-латыни писали не только Коперникъ, но Лейбницъ и Ньютонъ. Можно себя представить, что появленіе науки въ подобной формѣ, на чужомъ языкѣ или въ грубомъ невразумительномъ переводѣ, испещренномъ чужими словами, должно было быть очень дико для тѣхъ, кому приходилось знакомиться съ нею въ первый разъ; люди Петровскаго времени бывали въ положеніи простаго чловѣка, которому приходится выговаривать слова чужого языка. Эта первая трудность, естественная и неизбежная, какъ трудно всякое усвоеніе новаго знанія, скоро однако стала исчезать сама собою, по мѣрѣ ознакомленія съ предметомъ; языкъ привыкалъ овладѣвать новыми понятіями, находить для нихъ простое, легкое, живое выраженіе. Знакомство съ наукой въ обществѣ все больше отнимало у нея ту непонятную, отталкивающую виѣшность, которая поражала на первый разъ; у Ломоносова и другихъ русскихъ академиковъ, наука уже успѣла выработать себѣ правильное выраженіе на русскомъ языкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что школьникамъ Петровскихъ временъ прихо-

¹⁾ Сколько нѣмецкихъ словъ принято было въ терминологіи чиновнической, это извѣстно; но забавно, что сама академія наукъ очень долго щеголяла подъ названіемъ „де-сіянсь академія“.

дилось въ первое время очень жутко отъ неумѣлости самихъ первыхъ педагоговъ; нелегко было и тѣмъ, кого Петръ разсылалъ для науки за границу, какъ тому князю Голицыну который, будучи посланъ, уже не молодымъ, учиться навигацкой наукѣ, недоумѣвалъ, какъ ему быть: „наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знаю учитьца языка, не знаю науки“. Но собирая черты того времени, можно не разъ убѣждаться, что трудность усвоенія науки была все-таки для тогдашнихъ новичковъ не такъ велика. Ученыхъ людей было немного, немного было ученыхъ учреждений, — да въ большинствѣ немного было и охоты къ ученью,—но тѣ, которые брались за науку и имѣли удовлетворительныхъ учителей, часто поражаютъ своими быстрыми успѣхами. Въ биографіяхъ тогдашнихъ ученыхъ можно найти не мало примѣровъ, что юноши 18—20 лѣтъ становились уже разумными помощниками своихъ профессоровъ въ ученыхъ трудахъ и экспедиціяхъ, когда въ наше время они въ эти года едва получаютъ аттестатъ зрѣлости (т.-е. собственно, незрѣлости, потому что съ нимъ они только-что получаютъ право приступить къ настоящему высшему образованію): многіе изъ нихъ были люди изъ низшихъ классовъ, и во главѣ ихъ—Ломоносовъ.

На что же направлялась вновь введенная наука; какъ она принималась своими адептами; какіе приносила результаты? Чтобы общить наглядный примѣръ и войти въ фактическое изложеніе предмета, приведемъ нѣсколько подробностей изъ Петровскихъ временъ о первыхъ прямыхъ воздѣйствіяхъ западной науки.

Извѣстно, какимъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ отличались теоретическіе и практическіе интересы самого Петра, сколько личной заботы положилъ онъ для перваго введенія элементарныхъ знаній и высшей науки. Исторія всей русской науки возводится къ его времени, и часто къ его собственной личной инициативѣ.

Съ первыхъ годовъ основанной по его плану Академіи наукъ въ нее приглашены были ученые разныхъ специальностей: математики, физики и астрономы; классическіе филологи, историки, оріенталисты. Работа всѣхъ ихъ была необходима и для утвержденія теоретической науки на русской почвѣ, и вмѣстѣ для выполненія разныхъ практическихъ задачъ, важныхъ для государственныхъ цѣлей. На эти послѣднія было особенно обращено вниманіе Петромъ Великимъ.

Для устройства государства практическая помощь науки становилась необходима, какъ сложныхъ раціональныхъ приѣмовъ требуетъ большое, правильно поставленное хозяйство. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ явилось опредѣленіе самой государственной территоріи. Этой надобности стремилось удовлетворить уже московское государ-

ство разными описаніями (на глазомѣрѣ) и „Книгой Большому Чертежу“. Книга эта заключала много свѣдѣній, но онѣ состояли только въ номенклатурѣ мѣстностей и были совершенно лишены той точности, какая нужна для правильной картографіи и которая доставляется только астрономическими опредѣленіями мѣстностей и геодезическими измѣреніями. При Петрѣ впервые начаты были эти геодезическія работы: по разнымъ краямъ Россіи разосланы были геодезисты „для сочиненія ландкартъ“ съ тѣмъ, чтобы послѣ изъ ихъ „партикулярныхъ“ картъ составить „генеральную карту“. Впослѣдствіи эти работы съ новыми дополненіями были изданы въ 1726—1734 годахъ подъ латинскимъ заглавіемъ: *Atlas imperii Rossici* и пр.; это былъ первый правильный атласъ Россіи. Второй атласъ изданъ былъ Академіей наукъ въ 1745 году въ большой коллекціи подробныхъ картъ ¹⁾. Къ Петровскимъ временамъ относятся и первыя ученые экспедиціи: одного ученаго иностранца Петръ Великій взялъ съ собою въ персидскій походъ; другой изслѣдовалъ съ естественно-научной точки зрѣнія восточную полосу Россіи (и между прочимъ открылъ нынѣшнія Сергіевскія минеральныя воды); третій, наиболѣе извѣстный, докторъ Мессершмидтъ, совершилъ первое ученое путешествіе по Сибири. Съ этимъ докторомъ Мессершмидтомъ (1685—1735) былъ заключенъ контрактъ, въ которомъ онъ обязывался ѣхать въ Сибирь для занятій: а) географіею страны; б) натуральной исторіей; в) медициной, лѣкарственными растеніями, эпидемическими болѣзнями; д) описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею; е) памятниками и древностями, ф) вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Все это Мессершмидтъ взялъ на себя, не имѣя помощниковъ, на очень скромныя средства, и труды его были по истинѣ удивительны: онъ собиралъ растенія, самъ набивалъ чучелы попадавшихъ ему птицъ и дѣлалъ съ нихъ рисунки; на каждомъ значительномъ мѣстѣ, если показывалось солнце, бралъ высоту полюса, составлялъ карты и т. д.; въ то-же время онъ собиралъ сибирскія древности, хлопоталъ у сибирскихъ властей, чтобы ему доставляли всякія „къ древности принадлежащія вещи, якобы языческіе шейтаны (кумиры), великія мамонтовы кости, древнія калмыцкія и татарскія письма и ихъ праотеческія письмена; такжеже каменные и кружечныя могильные образы“. Наконецъ онъ былъ оріенталистъ, искалъ монгольскихъ рукописей, собиралъ слова изъ языковъ сибирскихъ инородцевъ и первый понялъ историческую важность ихъ сличенія и т. д. Труды Мессершмидта въ

¹⁾ *Russischer Atlas, welcher in einer General-Charte und neunzehn Special-Charten das gesamte Russische Reich und dessen angränzende Länder, nach den Regeln der Erd-Beschreibung und neuesten Observationen vorstellig macht.* St.-Pet. 1745.

свое время не были изданы ¹⁾; сдѣланныя имъ коллекціи сохранились въ Академіи наукъ. По его донесеніямъ, списки которыхъ также сохранились въ академической бібліотекѣ, можно составить себѣ понятіе о трудностяхъ, какими сопровождались его изысканія; онъ жалуется, между прочимъ, что изъ русскихъ ему „не обрѣтается“ помощниковъ, и просилъ, чтобы ему дали помощника изъ шведскихъ плѣнныхъ, какихъ было тогда не мало въ Сибири и которые вообще не разъ съ пользой служили самимъ русскимъ властямъ (и въ Сибири, и во внутренней Россіи), какъ люди со свѣдѣніями. Такимъ помощникомъ и для Мессершмидта оказался шведъ Таббертъ: взятый въ плѣнъ послѣ полтавскаго сраженія, онъ провелъ около 13 лѣтъ въ Сибири, гдѣ отчасти и работалъ съ нѣмецкимъ ученымъ; вернувшись впоследствии домой, онъ получилъ тамъ дворянство и фамилію Страленберга и подъ этимъ именемъ издалъ въ Стокгольмѣ очень извѣстную въ свое время книгу: „Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia“ (1730). При Петрѣ была предпринята и гораздо болѣе отдаленная экспедиція: въ 1719 году отправлены были два геодезиста изъ „навигаторовъ“ для описанія Камчатки; между прочимъ, имъ велѣно было сдѣлать разысканіе—„сошлася ли Америка съ Азією, что надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюдь и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить“. Хотя имъ и не удалось рѣшить вопроса, сошлася ли Америка съ Азією, Петръ остался доволенъ трудами навигаторовъ и незадолго передъ смертію написалъ новую инструкцію объ осмотрѣ сѣвернаго берега, исполнителемъ которой, уже послѣ его смерти, былъ извѣстный капитанъ Берингъ.

Этотъ интересъ къ географическимъ работамъ у Петра Великаго былъ возбужденъ, какъ предполагаютъ, въ особенности знакомствомъ его съ учеными французской академіи во время путешествія 1717 года, когда онъ самъ былъ избранъ въ члены этой академіи. Эти работы были однимъ изъ первыхъ примѣровъ прямого вліянія „западной науки“; результатомъ была обоюдная польза: въ европейской наукѣ явились новыя географическія свѣдѣнія, у русскихъ прибавилось знанія своего отечества, и возникалъ собственный научный опытъ ²⁾.

¹⁾ См. о нихъ у Палласа: „Neue nordische Beiträge“. St.-Pet. 1782, Bd. III: Messerschmidts siebenjährige Reise in Sibirien. Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., I, стр. 350—362.

²⁾ Впоследствии Миллеръ такъ отзывался о значеніи заботъ Петра о русской картографіи: картографія Россіи, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Петра Великаго, чрезъ посылку по губерніямъ геодезистовъ и труды оренбургской экспедиціи, „приведена къ такому совершенству, что почти уже мало къ нимъ прибавленія по-

Эти двѣ стороны научнаго знанія проходятъ и во множествѣ послѣдующихъ трудовъ, исполненныхъ иностранцами (особливо нѣмцами) и русскими учеными въ теченіе XVIII вѣка. Русскій народъ впервые вступалъ въ образовательное общеніе съ Европой: русскіе ученые и нѣмцы, работавшіе въ Россіи и для Россіи, слѣдовали примѣру Петра — сообщать „ученому свѣту“ разнообразныя свѣдѣнія о Россіи, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ становились достояніемъ и русскаго образованія. Это время представляетъ вообще замѣчательный въ исторіи науки эпизодъ усиленнаго взаимодѣйствія, до сихъ поръ еще не вполне изслѣдованный и оцѣненный. Избитое представленіе о „подчиненіи Западу“ есть только одностороннее преувеличеніе одной части совершавшагося тогда историческаго явленія. Если Петръ прорубилъ въ Европу окно, то въ это окно кинулись смотрѣть и сами европейцы; если мы искали въ Европѣ *необходимыхъ* намъ знаній, то и для Европы Россія впервые какъ бы открывалась. Новыя сношенія простирались не только на интересы политическіе, промышленныя, торговые, но и на благороднѣйшіе интересы научнаго знанія. Основаніе школъ, приглашеніе ученыхъ въ академію, призывы иностранцевъ на разныя техническія службы произвели громаднѣйшій наплывъ образованныхъ иноземцевъ въ Россію ¹⁾.

Эти силы были, конечно, неравномѣрнаго качества, но, вообще говоря, было много людей съ хорошими знаніями, съ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и, наконецъ, было не мало людей съ замѣчательными достоинствами. Случалось, что Академія находила своихъ дѣятелей между такими, безъ ея вызова пріѣзжавшими учеными ²⁾. Эти иноземцы иногда оставались въ Россіи недолго, на срокъ своихъ „контрактовъ“ (потому что часто ихъ дѣйствительно

требно, ибо и въ чужестранныхъ государствахъ, гдѣ науки уже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ процвѣтаютъ, чуть могутъ похвалиться такимъ придежнымъ раченіемъ въ сочиненіи своихъ ландкартъ“. Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 339—340. См. также „Записки Геогр. Общества“, 1849, кн. III, статья Бэра о заслугахъ Петра Великаго по части распространенія въ Россіи географическихъ знаній.

¹⁾ Укажемъ для образчика рядъ именъ въ одной спеціальности. Въ книгѣ Я. Чистовича: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883, приведенъ алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Здѣсь были люди всевозможныхъ европейскихъ націй: нѣмцы изъ всѣхъ концовъ и университетовъ Германіи, нѣмцы русскіе, голландцы, шведы, французы, англичане, шотландцы, португальцы, греки, поляки, датчане и пр., наконецъ русскіе, учившіеся за границей и дома. Подобное разнообразіе мы встрѣтимъ и во многихъ другихъ спеціальностяхъ, для которыхъ въ прошломъ столѣтіи иноземцы были приглашаемы или пріѣзжали сами, напр., въ дѣлѣ военномъ, морскомъ, инженерномъ, горномъ, и проч.

²⁾ Такъ принятъ былъ въ академію Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Гмелинъ-старшій.

нанимали, какъ учепыхъ рабочихъ, на извѣстное время и для извѣстнаго дѣла), но часто оставались въ Россіи на всю жизнь, принимали русское подданство, усвоивали русскій языкъ и дѣйствовали въ русской литературѣ. Ихъ труды имѣли вообще двоякую цѣль—обогащеніе общей науки, и пользы русскаго государства и просвѣщенія: поэтому работы ихъ (и не только иностранцевъ, но и русскихъ) писались на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, а когда представляли интересъ общедоступный, выходили также по-русски. Русскіе академики свои труды подобнаго рода издавали на русскомъ языкѣ.

Съ другой стороны, для европейской науки вновь открывшаяся Россія представила величайшій интересъ. Путешествія западныхъ европейцевъ въ Россію или чрезъ Россію начинаются чуть не съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи: страна, ея жители, ихъ нравы, исторія возбуждали живѣйшее любопытство. Знаменитое путешествіе Герберштейна было уже трудомъ съ сознательными научными цѣлями: извѣстно, какимъ важнымъ источникомъ оно осталось до сихъ поръ для нашихъ ученыхъ историковъ. Довольно еще назвать Мейерберга, Флетчера, Олеарія, чтобы указать, съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относились образованнѣйшіе западные люди къ изученію Россіи. Петровская реформа сдѣлала и для европейской науки новое открытіе: съ облегченіемъ сношеній, съ первымъ приближеніемъ къ европейскому образованію стала чрезвычайно расти иностранная литература о Россіи, наполняющая теперь огромный отдѣлъ „Russica“ въ нашей Публичной библіотекѣ. Иностранными силами, частію по русской инициативѣ, частію независимо отъ нея, сдѣлано было множество разнообразныхъ изученій. Ученыя работы, издававшіяся въ Россіи на иностранныхъ языкахъ, прямо дѣлались достояніемъ европейскихъ литературъ; въ то-же время переводились замѣчательнѣйшіе труды, выходившіе по-русски,—такъ вскорѣ послѣ своего появленія переведены были знаменитыя путешествія Крашенинникова, Лепехина, Рычкова; на нѣмецкомъ языкѣ является первый научный комментарий и высокая оцѣнка древнѣйшаго русскаго лѣтописца у Шлѣцера, съ котораго начинается вполне научная разработка русской исторіи. Въ самой Германіи ученые люди посвящаютъ неутомимый трудъ на изученіе географіи, исторіи и этнографіи Россіи, какъ знаменитый Бюшингъ, издатель первой научно составленной географіи Россіи и извѣстнаго „Магазина“, наполненнаго богатымъ матеріаломъ для русской исторіи. Описанія путешествій, совершенныхъ нѣмецкими учеными на русской службѣ, появлялись по-русски и переводились на другіе европейскіе языки: французскій, англійскій, итальянскій, и въ этихъ переводахъ выдерживали иногда по нѣ-

скольку изданий. Русскія ученые имена еще въ XVIII столѣтїи приобрѣтали европейскую извѣстность, какъ имена Ломоносова, Крашениникова, Лепехина; работы старыхъ русскихъ ученыхъ цѣнятся и новѣйшими учеными авторитетами. Словомъ, это было дѣйствительное общеніе въ лучшихъ стремленіяхъ научнаго знанія. Дальше увидимъ, какимъ одушевленіемъ бывали проникнуты и наши нѣмецкіе академики, и русскіе ученые, когда въ своеобразныхъ явленіяхъ русской природы и жизни имъ открывалось новое, прежде невѣдомое, поле научныхъ наблюденій.

Откуда набирались эти силы новой русской науки? Обыкновенно говорятъ, что къ новому образованію, а затѣмъ къ разнымъ крайностямъ подражанія иномезному, имѣли пристрастіе только высшіе классы (т.-е. собственно дворянство), которые при этомъ забыли о народѣ и вслѣдствіе того оторвались отъ него. Дѣйствительно, высшіе классы всего больше принимали это образованіе, и это было совершенно естественно: и въ старой московской Россіи это былъ высшій слой народа, откуда набирались царскіе приближенные и совѣтники; они еще тогда ставились властью надъ народомъ, за свою службу надѣлялись помѣстьями (и жившими на нихъ людьми). По справедливому понятію Петра, новое ученье было той же службой государству; кого же было привлечь къ ней прежде всего какъ не тѣхъ, кто, владѣя помѣстьями, обязанъ былъ службой? Самъ—человѣкъ рабочий, Петръ ненавидѣлъ тунеядство и былъ совершенно правъ, когда расталкивалъ лежебоковъ и заставлялъ недорослей учиться. Мало-по-малу недоросли привыкали учиться, хотя и долго спустя, во времена Екатерины II, было много дворянства безграмотнаго (какъ это видно, напримѣръ, изъ исторіи Комиссіи о сочиненіи уложенія), слѣдовательно, нимало не зараженнаго европейскимъ просвѣщеніемъ. Но все-таки это новое образованіе принималось вовсе не однимъ дворянствомъ; было еще сословіе, которое также естественно привлекалось къ ученію, именно духовенство, искони владѣвшее грамотностью. Еще съ конца XVII вѣка, съ основанія Славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ, оно стало знакомиться, по кievскому примѣру, съ высшей наукой, и, хотя эта духовно-академическая наука слишкомъ часто была сухой схоластикой, тѣмъ не менѣе она все-таки вводила въ новый міръ научныхъ понятій. Ученое духовенство XVIII вѣка уже сильно отличается отъ своихъ предшественниковъ въ до-Петровской Москвѣ (крайніе примѣры того и другого въ началѣ столѣтїя,—напр., извѣстный священникъ Лукьяновъ, путешественникъ ко святымъ мѣстамъ, или Теофанъ Прокоповичъ—раздѣлены пѣлою пропастью), и дало теперь своихъ представителей не только въ церковную, но и въ свѣтскую образованность. Въ новыя

школы правительство, въ Петровскія времена и послѣ, брало и дворянъ, напр., изъ дѣтей „солдатъ“ гвардейскихъ полковъ (преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго), которые часто бывали дворянами, брало учениковъ духовныхъ семинарій, которые бывали всякаго званія. Наконецъ, опять напомнимъ о Ломоносовѣ, этомъ величайшемъ изъ всѣхъ дѣятелей новой науки въ XVIII столѣтіи, который вышелъ изъ самаго подлиннаго крестьянства. Пересматривая біографіи ученыхъ людей прошлаго вѣка, проходившихъ петербургскую академическую гимназію и „университетъ“, мы находимъ такіе примѣры: Румовскій—сынъ священника, учился сначала въ семинаріи; Лепехинъ—сынъ солдата семеновскаго полка, дворянинъ; Озерецковскій—сынъ священника, учился въ семинаріи; Котельниковъ—сынъ преображенскаго солдата, изъ школы Теофана Прокоповича; Протасовъ—сынъ семеновскаго солдата, учился въ той же школѣ; Соколовъ—сынъ сельскаго пономаря; Иноходцовъ—сынъ преображенскаго солдата; Севергинъ—сынъ „вольнаго человѣка“, придворнаго музыканта, и т. д. Если прибавить примѣры изъ біографій русскихъ писателей прошлаго столѣтія, мы найдемъ такое же разнообразіе общественныхъ положеній: доходило до того, что бывали писатели—крѣпостные, и писатели не безъ достоинствъ. Какъ выше замѣчено, усвоеніе науки, видимо, не сопровождалось у ея молодыхъ adeptовъ никакимъ страданіемъ ихъ національнаго чувства: нѣтъ факта, который бы указывалъ на какое-нибудь ненормальное „отрываніе“ ихъ отъ народа. Напротивъ, они преспокойно учились и у русскихъ, и у нѣмецкихъ учителей, выучивались по-латыни или по-нѣмецки, слушали академическія лекціи, ѣздили за границу, усердно отдавались потомъ научнымъ трудамъ „для чести и пользы своего отечества“ и между прочимъ съ великой любовью занимались изслѣдованіями народнаго быта, промысловъ, обычаевъ, преданій и т. д. Далѣе приведемъ примѣры.

Высшее образованіе въ академическомъ и московскомъ университетахъ и другихъ заведеніяхъ очень часто завершалось посылкой за границу; къ концу столѣтія многіе отправлялись сами въ заграничныя, особливо нѣмецкіе университеты: когда императоръ Павелъ по вступленіи на престолъ велѣлъ вытребовать домой русскихъ подданныхъ, учившихся въ иностранныхъ университетахъ, то оказалось, что въ Лейпцигѣ было 36, въ Іенѣ 65 учившихся русскихъ. Путешествія бывали обыкновенно не такъ продолжительны, чтобы переѣзжать русскихъ въ иностранцевъ, но, конечно, не мало облегчали знакомство съ состояніемъ ученыхъ идей времени и укрѣпляли ту благородную солидарность, которая соединяетъ людей разныхъ обществъ въ одномъ интересѣ достоинства человѣческой мысли и знанія. Эту

последнюю черту не трудно замѣтить въ біографіяхъ и самыхъ сочиненіяхъ нашихъ ученыхъ прошлаго вѣка. На „ученый свѣтъ“ ссылается не разъ Ломоносовъ, когда хочетъ сильнѣе доказать свою мысль или рекомендовать свой совѣтъ, и эти ссылки бывали очень основательны: „ученый свѣтъ“ давалъ правильное объясненіе явленій природы, указывалъ вредъ какого-нибудь ходячаго обычая или нецѣльность суевѣрія, давалъ полезныя практическія указанія и т. д. „Ученый свѣтъ“ дѣйствовалъ не на однихъ специалистовъ, но и вообще на образованныхъ людей, и кромѣ науки спеціальной дѣйствовала литература вообще, въ томъ числѣ литература поэтическая. По поводу вліянія западной поэтической литературы въ нашемъ XVIII-мъ вѣкѣ, историки расточали много обвиненій, осуждая подражательность нашихъ писателей; но если не останавливаться на ложной, по нынѣшнему взгляду, условности внѣшняго приѣма, составлявшей общую черту вѣка, и вникнуть въ содержаніе идей этой литературы, нельзя не признать за ней большой образовательной цѣны. Еще болѣе такого вліянія оказывала (конечно, въ кругу наиболѣе образованныхъ людей) та литература, которая прямо ставила вопросы о судьбѣ народовъ, о происхожденіи обществъ, о правахъ человѣка и гражданина и т. д. Если подводить итоги умственной жизни нашего общества въ прошломъ вѣкѣ, то, очевидно, наибольшее вліяніе Запада надо отнести къ этимъ двумъ сторонамъ его содержанія: чистой наукѣ и общественнымъ теоріямъ. Понятно, что эти вліянія были совершенно законны: въ общей надобности просвѣщенія соглашаются и сами обскуранты, и русскій народъ, если не во имя человѣческаго достоинства, то во имя собственной практической пользы долженъ былъ столько же, сколько всякій другой, знакомиться съ науками, развивавшими его мысль, дававшими правильное понятіе о природѣ и т. п. Что касается до теорій нравственно-общественныхъ, то у человѣка, вступившаго на путь образованія, нельзя было бы отнять права интереса къ существеннымъ вопросамъ объ обществѣ и о человеческой личности, а рѣшеніе этихъ вопросовъ у первостепенныхъ писателей тогдашней европейской литературы часто поражало глубиною и человѣчностью мысли, которая продолжаетъ иногда дѣйствовать и до нашего времени. Въ глазахъ тогдашнихъ образованныхъ людей, въ Европѣ и у насъ, эти произведенія были высшимъ достигнутымъ тогда результатомъ человеческого знанія и только законное невѣжество можетъ относиться свысока къ трудамъ людей, какъ мыслители XVIII-го вѣка, какъ Бэйль, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, или какъ представители чистой науки—Ньютонъ, Лейбницъ, Эйлеръ и т. д. Всѣ эти вліянія окружили ту первую образованность, которая возникала

въ средѣ русскаго общества, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она имъ подпадала,—это было просто вліяніе логической мысли, и вліяніе логики едва ли должно быть сочтено противонароднымъ. Для образованныхъ людей прошлаго вѣка не было сомнѣнія въ благотворномъ вліяніи принятой ими западной науки; имъ не приходило въ голову заподозрить ее потому, что она—западная. Это послѣднее придумано уже нашимъ временемъ. Правда, моралисты XVIII-го вѣка жаловались на введеніе чужеземныхъ нравовъ, на французское воспитаніе,—но теперь обобщаютъ эту жалобу, или ненависть, на все принятое отъ запада образованіе. Но должно, наконецъ, положить границу между различными фактами. *Разныя моды* могли заимствовать, и на дѣлѣ заимствовали, *разныя вещи*—и дурное, и хорошее. Если свѣтское общество брало моды и испорченные нравы, это не значило, что была дурна и вредна заимствованная наука; если для свѣтскаго тунеяднаго общества шла изъ западныхъ свѣтскихъ образцовъ новая порча, изъ науки выросли здравыя человѣческія понятія, обезпечивались успѣхи общественности и образованія...

Опредѣляя западныя вліянія прошлаго вѣка, наши историки отмѣчали разные ихъ періоды и источники, — указывали, напр., вліянія шведскія и голландскія при Петрѣ, позднѣе—нѣмецкія (къ которымъ причисляется и бирюзовщина), далѣе періодъ галломаніи и т. д. Но эти опредѣленія бывали обыкновенно слишкомъ случайныя, и въ нихъ смѣшивались совсѣмъ разныя вещи, напр., морская или военная практика, канцелярское управленіе, наука и школа, свѣтскіе обычаи, литературные вкусы и т. д. Если обращать вниманіе не на одну беллетристику или свѣтскія моды и т. п., то мы найдемъ, что напр., въ самомъ разгарѣ такъ-называемой „галломаніи“ оказываются, напротивъ, очень сильныя вліянія нѣмецкой и англійской литературы. Вообще вліянія основныхъ западныхъ литературъ такъ переплетаются, что довольно трудно, или даже невозможно, указать имъ какіе-нибудь опредѣленные періоды или точный кругъ дѣйствія—тѣмъ болѣе, что къ концу столѣтія въ самой европейской литературѣ происходило уже сильное взаимодѣйствіе: въ нѣмецкой школѣ, въ Лейпцигѣ, наша молодежь напивалась Гельвеціемъ и Монтескьё, Карамзинъ вычитывалъ у Лессинга высокое уваженіе къ Шекспиру и т. д.

Въ нашей научной литературѣ прошлаго вѣка можно постоянно встрѣчаться съ многоразличными вліяніями европейской науки, всего больше едва ли не нѣмецкой, которую особенно распространяла и „де-сіансъ академія“; но въ результатахъ мы напрасно искали бы какого-нибудь спеціального нѣмецкаго или иного вліянія: приобрѣтался научный методъ, но національность нашихъ ученыхъ не тер-

пѣла никакого ущерба. Бывали примѣры особаго вкуса и наклонности къ извѣстнымъ явленіямъ европейской жизни и науки, но они взаимно уравновѣшивались и умѣрялись здравымъ смысломъ и чувствомъ дѣйствительности: чужой авторитетъ не становился вѣрой, но будилъ собственную мысль и заставлялъ присматриваться къ своей жизни. Приведемъ для примѣра нѣсколько словъ замѣчательнаго юриста прошлаго вѣка, профессора московскаго университета, Десницкаго (ум. 1789).

Посланный по обычаю за границу для довершенія своего ученаго образованія, Десницкій слушалъ лекціи въ Глазговскомъ университетѣ: онъ получилъ здѣсь степень магистра свободныхъ наукъ, затѣмъ доктора правъ, причемъ получилъ и привилегію гражданства, званія особенно почетнаго для иностранца. Воспитавшись на англійской наукѣ, Десницкій ревностно изучалъ англійскія учрежденія и проникся къ нимъ величайшимъ почтеніемъ; вслѣдствіе того онъ уже тогда относился съ большою критикою къ нѣмецкимъ метафизическимъ теоріямъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ „англомановъ“.

Десницкій съ великимъ уваженіемъ говоритъ объ Англіи, выработанныхъ ею здравыхъ началахъ политической и общественной жизни, объ ея высокой образованности, ея трудовой предпримчивости. „Нѣтъ въ подсолнечной нынѣ,—говоритъ онъ,—таковаго растущаго, выкапываемаго и животворящагося въ трехъ натуры предѣлахъ, котораго бы могущество британской коммерціи не достало. Британцы, возлюбленные сынове страшныхъ волнъ, открылись свѣту великими въ предпріятіяхъ, счастливыми въ совершеніяхъ, страшными во браняхъ, преславными въ побѣдахъ, неутомимыми въ трудахъ и съ цѣлымъ несравненнымъ свѣтомъ въ отважности. Британія возсіяла аки солнце; явилась благодать на горахъ—на берегахъ британскихъ; увѣнчалъ Богъ труды сего народа, и слава громкая пронеслась о немъ до конца земли“. Эту славу британцы добыли тяжелымъ трудомъ и непоколебимымъ уваженіемъ къ *правамъ разума* и къ *святости закона*. „Вольность и собственность,—говоритъ онъ,—написанныя на лицѣ почти у всякаго британца, какъ природныя права, имѣютъ закономъ предписанный предѣлъ, за который вредная наглость и своеволие перейти не могутъ. Судіи не смѣютъ и не могутъ въ законѣ беззаконствовать. Привести правосудіе въ такое совершенство, чтобы судителю закона и дѣлъ совѣтъ возможности не было къ злоупотребленію закона, есть такая премудрость правленія, которою кромѣ великобританскаго никакой еще другой изъ древнихъ, ни изъ нынѣшнихъ народовъ праведно похвалиться не можетъ“. Напротивъ, Десницкій мало сочувствуетъ Германіи и ея

наукѣ и смѣется надъ схоластической метафизикой нѣмецкихъ юристовъ, которые—„могутъ выдумывать столько юриспруденцій, сколько имъ угодно. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ я имѣлъ случай читать, усматривается, что нынѣ вездѣ почти правоучительная философія не совсѣмъ къ дѣлу ведетъ. Юриспруденція же натуральная преподается или совсѣмъ старинная, обыкновенно нынѣ называемая казуистическою, или другая, не лучше прежней, сочиняется вновь, и вся почти выбранная изъ римскихъ правъ“. Указавъ образчикъ такой схоластической казуистики, Десницкій продолжаетъ: „въ такомъ лабиринтѣ они ищутъ общаго всѣмъ натуральнымъ правамъ начала. Суть и другія *principia juris naturalis*, которыя изысканы больше для меридіана нѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ. Сей родъ ученыхъ тщеславнѣйшій въ своихъ изобрѣтеніяхъ“¹⁾.

Словомъ, въ результатѣ научныхъ вліяній западной школы оказывалось вовсе не „рабское подчиненіе“, а такое же усвоеніе знанія, какое совершается всякимъ *новичкомъ* и въ собственной школѣ. По необходимости, первымъ приѣмамъ учились на чужомъ языкѣ, но тотчасъ уже является забота создать научное изложеніе на русскомъ языкѣ. На первый разъ это изложеніе было угловато, нескладно, но это было неизбежнымъ слѣдствіемъ того, что старина ничѣмъ, или почти ничѣмъ, не облегчила трудности передачи неизвѣстныхъ рапѣ научныхъ понятій и терминовъ; съ теченіемъ времени эта нескладность сглаживается, по мѣрѣ того, какъ научная техника становится дѣломъ болѣе знакомымъ, и языкъ науки все болѣе сливается съ живою рѣчью общества. Это образованіе научной терминологіи идетъ параллельно съ развитіемъ новаго литературнаго языка, которое

¹⁾ По всей вѣроятности Десницкій былъ тотъ неизвѣстный „англоманъ“, который доставилъ въ Вольное росс. Собраніе при московскомъ университетѣ переводъ александрійскими бѣлыми стихами монолога Гамлета: „Быть или не быть?“ напечатанный въ „Опытѣ Трудовъ“ Вольнаго Собранія (1774—83). Переводчикъ жаловался въ письмѣ, что русскіе стихотворцы слѣшкомъ робки въ употребленіи метафоръ, и указываетъ на образецъ въ Шекспирѣ и другихъ англійскихъ поэтахъ. Самый переводъ замѣчательнъ для своего времени простотой и вѣрностью подлиннику. „Англоманъ“ рѣзко и вѣрно осуждаетъ французскіе переводы, напр., переводы Вольтера, и думаетъ, что „говорить на французскомъ языкѣ такъ, какъ Шекспиръ говорилъ на англійскомъ, почти невозможно, а на русскомъ можно ему, по крайней мѣрѣ подражать, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранить“. На письмо „Англомана“ отвѣчалъ профессоръ Барсовъ ссылками на древнихъ риторовъ и слѣдовавшаго имъ Ломоносова, которые остерегали противъ „безмѣрности“ метафоръ, и съ своей стороны, по примѣру Ломоносова, совѣтуетъ искать силы слога въ церковномъ языкѣ; этотъ источникъ, многимъ неизвѣстный или презираемый, однако много изобильнѣе „предъ новѣйшими, часто не весьма чистыми потоками“. См. Биограф. Словарь моск. профессоровъ, М. 1855, I, стр. 56, 297 и слѣд.; Сухомлинова, Исторія Росс. Академіи, т. V (Сборникъ Р. отд. Акад., т. XXII), 1881, стр. 5—7.

вообще представляет чрезвычайно интересное явление роста языка съ обогащеніемъ понятій, и естественная послѣдовательность этого роста даетъ наглядное доказательство жизненности самого историческаго факта, который его вызвалъ. Какъ сильно было именно стремленіе усвоить чужую науку русской жизни и заставить говорить ее на русскомъ языкѣ, можно видѣть во множествѣ случаевъ, когда ученые и писатели прошлаго вѣка говорили о своемъ трудѣ въ „насажденіи науки“ въ Россіи. Мы постоянно встрѣчаемся здѣсь съ выраженіемъ желанія, чтобы трудъ ихъ послужилъ на пользу русскому просвѣщенію, на славу и честь російскаго народа, чтобы російскій народъ сравнялся въ просвѣщеніи съ другими „славными націями“, чтобы російская земля рождала собственныхъ Платоновъ и Невтоновъ,—какъ въ то же время поэтическая литература хлопотала о томъ, чтобы поскорѣ завести своихъ Малербовъ и Буалò, своихъ Корнелей и Расиновъ. Обыкновенно смѣются надъ этими хлопотами и считаютъ ихъ явнымъ доказательствомъ рабства мысли; но если сопоставить ихъ съ упомянутыми сейчасъ заботами объ усвоеніи обществу самостоятельной науки, не трудно видѣть, что въ основѣ лежало не подчиненіе, а именно стремленіе къ независимости, желаніе противопоставить чужой славѣ и авторитету свои, жить собственными, а не чужими силами. Въ литературѣ это желаніе выразилось очень простодушно, и она поторопилась наскоро испечь своихъ Малербовъ и Расиновъ, надъ которыми послѣ столько смѣялась; но не забудемъ, въ какомъ состояніи образованія и при какихъ литературныхъ antecedentesъ все это дѣлалось: новая литература находилась буквально въ младенческомъ состояніи; ея дѣятелей можно было сосчитать по пальцамъ; она еще ломала языкъ, чтобы сдумать сказать новыя возникавшія понятія.—немудрено, что ея стремленія переходили въ желаніе сравниться съ данными образцами и авторитетами. Не забудемъ, что французскій псевдо-классицизмъ господствовалъ и надъ такой старой и сильной литературой, какъ германская, въ которой едва начиналась тогда дѣятельность Лессинга. Чтобы увѣриться въ настоящихъ стремленіяхъ литературы, надо обратиться къ тѣмъ писателямъ, которые по своему труду и дарованіямъ и должны считаться настоящими ея представителями. Таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ стоитъ такъ высоко, что на него не посягаютъ укорины XVIII-му столѣтію; его труда не осмѣливаются отвергать ни явный обскурантизмъ, ни—нѣсколько беззаботное вообще на счетъ исторіи, народничество. Но таковъ же былъ, и раньше Ломоносова, Татищевъ, самый коренной русскій человѣкъ, хотя великій почитатель „Баила“ (Baule) и Пуффендорфія. Таковы были, послѣ, молодые ученые путешественники по Россіи, какъ Лепехинъ, питомецъ

нѣмецкой школы, немного рационалистъ и скептикъ, и однако самый непосредственный русскій патриотъ. Таковъ былъ англоманъ Десницкій, котораго, однако, новые историки науки признали „отцомъ природной русской юриспруденціи“¹⁾. Таковъ былъ Болтинъ, который, начитавшись французскихъ философовъ, былъ однако строгимъ хранителемъ національныхъ преданій, чуть не народникомъ среди XVIII вѣка...

Мы касаемся здѣсь исторіи русской старой науки лишь съ той стороны, гдѣ она трудилась надъ изученіемъ русской страны и народовъ. Наперекоръ расточаемымъ нынѣ фразамъ о разрывѣ съ народностью, самый простой обзоръ фактовъ убѣждаетъ, что съ первыхъ своихъ шаговъ наша наука высшей практической цѣлью ставила именно изученіе Россіи, ея природной области, ея прошлаго и ея народной жизни. Нѣтъ смысла говорить о разрывѣ тамъ, гдѣ собиралось первое точное знаніе о географіи своей страны, о свойствахъ ея природы, ея удобствахъ и неудобствахъ для человѣческой жизни; гдѣ впервые начиналось критическое изслѣдованіе народнаго прошлаго, собирались его памятники и письменные остатки; гдѣ изучался русскій народъ въ разныхъ краяхъ его громадной территоріи, описывались его нравы, составлялось первое сознательное понятіе объ его цѣломъ; гдѣ являлась первая широкая мысль объ изученіи различныхъ формъ его языка; впервые заносимы были въ книгу произведенія его поэзіи и т. д. Было бы любопытной темой сравнить въ этомъ отношеніи понятія русскихъ людей XVII и XVIII столѣтій. Русскій человѣкъ XVII вѣка зналъ обыкновенно только свою тѣсную ближайшую обстановку и не помышлялъ о такомъ знаніи своего отечества, къ какому стремилось XVIII столѣтіе; онъ былъ грубый эмпирикъ, который безъ помощи иноземца не умѣлъ оцѣнить богатствъ своей собственной страны, нуждался въ чужеземномъ руководствѣ для всякаго нѣсколько сложнаго промысла, для торговли и даже для военнаго дѣла; не зналъ въ сущности своей исторіи, потому что о старинѣ получалъ только смутныя понятія изъ древней лѣтописи, уже на половину невразумительной, или изъ исторіографическихъ опытовъ въ родѣ „Синописа“, изъ исторіи ближайшей зналъ факты, не освѣщенные критикой; народное чувство было въ немъ сильно, но часто это былъ только фанатическій темный инстинктъ, которому въ чужомъ народѣ видѣлись „поганые“ (хотя бы и христіанскіе католики или протестанты), которому казалась богопротивнымъ волшебствомъ наука, и который отталкивалъ въ ней средства своего умствен-

¹⁾ См. Біогр. Словарь моск. проф. I, 297.

наго и матеріальнаго успѣха. Восемнадцатый вѣкъ питаль много своихъ грубыхъ заблужденій, но по крайней мѣрѣ онъ сталь на вѣрный путь научнаго знанія, которое одно могло вывести его изъ патріархальнаго мрака въ сознательную общественную и народную жизнь.

Въ исторію литературы обыкновенно не входитъ изложеніе исторіи науки и распространенія образовательныхъ свѣдѣній. У насъ есть по этому предмету только отдѣльныя (и даже немалочисленныя) работы, не сведенныя однако къ общей исторической мысли. Между тѣмъ для точнаго пониманія хода нашей литературы, какъ „отраженія общества и народа“, именно важно было бы сопоставлять ее съ исторіей образованія и научныхъ познаній. Въ переворотѣ понятій, отличающемъ XVIII вѣкъ, важную роль играло именно это распространеніе знаній черезъ новыя школы и учебныя книги, черезъ иностранныя пособія и собственныя работы. Когда новая поэзія заговорила о величій „дѣлъ Петровыхъ“, когда новая литература поднимала вопросъ о російскомъ народѣ и его просвѣщеніи, объ исправленіи нравовъ и т. д., всему этому предшествовала школьная наука, политическія свѣдѣнія, о сообщеніи которыхъ народу впервые заботился Петръ Великій, и всякіе книжные и практическіе иноземные образцы. Если представить себѣ всю массу внесеннаго этими путями знанія, часто абсолютно необходимаго для практическихъ нуждъ государства и народа, это одно могло бы внушить болѣе правдивое отношеніе къ нашимъ предкамъ прошлаго столѣтія, положившимъ много добросовѣстнаго и самоотверженнаго труда для блага отечества; оказалось бы при этомъ и другое,—что воспринятое знаніе не было однимъ подражаніемъ и, напротивъ, усвоивалось органически, возбуждая самостоятельную и плодотворную дѣятельность...

Итакъ, при Петрѣ Великомъ положено было начало изученіямъ географическимъ. Упомянутая задача, данная отъ самого Петра его первымъ „навигаторамъ“—отыскать, сошлась ли Азія съ Америкой,—весьма характерно указывала, что Россія въ эту сторону не знала конца своихъ владѣній... Первые учебники географіи, какъ, напр., „Географія или краткое земного круга описаніе“, напечатанная повелѣніемъ царскаго величества въ 1710 году, свидѣтельствуютъ о тѣхъ крайнихъ затрудненіяхъ, какія встрѣчала передача на рускомъ языкѣ географической терминологіи: не было словъ для обозначенія техническихъ названій, и они очень часто оставались просто безъ перевода ¹⁾). Съ новыми работами по этому предмету

¹⁾ См. примѣры въ книгѣ Пекарскаго и также въ сочиненіи Л. Весина: „Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ (1710—1876)“, Спб. 1877. Эта обширная книга, состав-

были ишли; прибавить къ нему, и въ географической терминологии мало-по-малу убавилось число иностранных словъ и передача восточныхъ выговоровъ облегчилась. Въ числѣ учебниковъ географіи, издаваемыхъ въ повелѣніемъ Петра, была между прочимъ книга Беренда Баренца знаменитаго ученаго XVII вѣка, котораго Гумбольдтъ въ своемъ „*Замѣткѣ*“ называетъ великимъ географомъ. Съ этихъ поръ новые книги впервые правильно вошли въ русскую школу, и вообще въ общественный запасъ русскаго народа. Съ основаніемъ Академіи наукъ развитіе географическихъ знаний получаетъ и твердую научную основу: географія обставляется тѣми науками, изъ которыхъ она черпаетъ свои теоретическія основанія, какъ астрономія, физика, математика и разныя отрасли „*натуральной исторіи*“. Мы упомянемъ о первомъ научно составленномъ атласѣ, изданномъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Кирилловымъ и Академіей наукъ. Въ Россіи впервые начинаютъ астрономическія наблюденія и опредѣленія широтъ, безъ которыхъ немислима точная географія тѣхъ странъ, дождавшихся до Березова, и др. с. впервые начинаютъ наблюденія физическія и собираются данныя для опредѣленія климата, воды и т. д.: наблюденія естественно-научныя, историческія, географическія, собраніе экономическихъ свѣдѣній, сломить все та масса матеріала, какая требуется для точнаго географическаго описанія страны. Во второй половинѣ столѣтія изложенія географіи, и особенно русскою, получаютъ правильный систематическій видъ: она дѣлится какъ отдѣльныя изслѣдованія, научныя путешествія, общія курсы предмета, широкія описанія, наконецъ, географическіе словари. Нѣмецкіе ученые работаютъ параллельно и рядомъ съ русскими. Такъ, однимъ изъ наиболее заслуженныхъ географовъ былъ немецкій коллекторъ, какому такъ много произвѣдши въ Россіи — Антонъ-Фридрихъ Бошингъ (1724 — 1793). Родомъ извѣтъ изъ Галле въ университетъ въ Галле: въ 1748, въ качествѣ младшаго учителя въ домъ датскаго посланника Ливара, онъ отправляется въ Россію и, по возвращеніи въ Германію въ 1750, началъ рядъ ученыхъ работъ, изъ которыхъ главной было „*Замѣткѣ*“. Въ 1754 г., Бошингъ получилъ профессуру физики въ Геттингенѣ, но, навлекши себѣ враговъ своимъ свободнымъ протестантизмомъ, оставилъ въ 1759 профессуру и во второй разъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ оставался настоятелемъ при императорской церкви св. Павла. Въ Россіи онъ прожилъ до 1765, и за-

---

ны изложены въ маломъ трудѣ, къ описанію Губнаго острова относится обзоръ путешествія. Нѣсколько разсказовъ о томъ путешествіи, какъ, свидѣнія о томъ краткій обзоръ географическаго описанія вообще, путешествій и изслѣдній, авторъ далъ въ маломъ трудѣ для исторіи русскаго образованія.

тѣмъ по приглашенію Фридриха II занялъ мѣсто совѣтника консисторіи и директора гимназій въ Берлинѣ. Кромѣ „Землеописанія“¹⁾, гдѣ имѣла мѣсто и Россія, Бюшингъ оказалъ великую услугу изученіямъ Россіи знаменитымъ „Магазиномъ“ (Magazin für Historie und Geographie, 25 томовъ, Гамбургъ, 1765—93), который дониндѣ остается богатымъ, неисчерпаннымъ источникомъ важныхъ свѣдѣній о Россіи. Въ самой Россіи географическія работы все больше расширяются. Такими были труды Татищева, о которыхъ упомянемъ далѣе, историко-географическія и натуралистическія экспедиціи академикомъ. Въ 1759, Академія наукъ, предполагая составить новый атласъ Россіи, возымѣла мысль собрать подробныя свѣдѣнія о всей имперіи черезъ правительствующій сенатъ (которому въ тѣ времена она была подчинена въ высшей инстанціи). Когда послѣдовало согласіе сената, въ Академіи составлены были вопросы, на которые должны были отвѣчать провинціальныя канцеляріи. Въ январѣ 1760, сенатъ разослалъ въ провинціи указъ съ академической программой, въ тридцати вопросахъ. Въ теченіе семи лѣтъ собралось значительное количество отвѣтовъ, хотя не всѣ и не одинаковаго достоинства, и Академія постановила издать изъ нихъ точную выборку. Такъ составились „Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Росс. Имперіи“, изданныя подъ редакціей Лудвига Бакмейстера (4 ч. Спб. 1771—1774). Любопытно, что въ то же время подобную мысль возымѣлъ Шляхетный кадетскій корпусъ. Для собранія свѣдѣній онъ употребилъ то же средство: воспользовавшись академической программой, онъ расширилъ ее для своей цѣли нѣкоторыми новыми вопросами, и въ декабрѣ 1760 она также была разослана сенатомъ. Понятно, что отвѣты были отчасти тождественныя, но иногда болѣе подробныя; Шляхетный корпусъ подѣлился ими съ Академіей и Бакмейстеръ воспользовался ими для своего изданія²⁾. Къ концу столѣтія являются уже хорошо составленные учебники, напр., книга московскаго профессора Харитона Чеботарева (1776); „Обозрѣніе Россійскія Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи“, флота капитана Сергѣя Плещеева (четыре изданія, 1786—1793), и др. Любопытно „Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта... Россійская имперія описана статистически, какъ никогда еще не бывало“ (5 ч., Спб. 1795), которое было „сочинено и почерпнуто изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ...

¹⁾ О различныхъ русскіяхъ переводахъ изъ него см. у Веснина, стр. 28—39.

²⁾ Вѣроятно, исполненіемъ этого плана (впрочемъ недоковченныя) была „Полятическая географія, сочиненная въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ для употребленія учащагося въ ономъ корпусѣ шляхетства“, 1758—72, о которой см. въ книгѣ Веснина, стр. 25—28.

учёными росіянами“. Правда, вѣрнѣйшіе источники повели авторовъ и къ большимъ недѣлостямъ, напр., въ разказахъ о славянской древности, но въ книгѣ собрано было и много полезныхъ свѣдѣній ¹⁾).

Появляются, наконецъ, географическіе словари. Первый трудъ этого рода составленъ былъ (до буквы К) еще въ первой половинѣ столѣтія Татишевымъ,—но одно время затерялся и изданъ былъ уже только въ 1793. Академикъ Миллеръ издалъ „Географическій лексиконъ Россійскаго государства“, составленный любителемъ, воеводой города Вереи, Ѳеодоромъ Полунинымъ и значительно дополненный самимъ Миллеромъ (М. 1773). Затѣмъ географическій словарь Россіи явился въ многотомномъ трудѣ Льва Максимовича, послѣ еще болѣе размноженномъ въ изданіи Аванасія Щекатова. Это были уже цѣлыя обширныя предпріятія, богатые историческими и географическими данными о разныхъ краяхъ и мѣстностяхъ Россіи ²⁾. Словарь Щекатова, составленный весьма трудолюбиво по официальнымъ даннымъ и по книжнымъ свѣдѣніямъ, въ свое время и послѣ служилъ нашимъ историкамъ обильнымъ источникомъ справокъ по исторической географіи и вообще оставался у насъ незамѣненнымъ до „Географическаго Словаря“ г. Семенова и его сотрудниковъ, изданнаго Географическимъ Обществомъ.

Но замѣчательнѣйшимъ фактомъ въ развитіи географическаго изученія Россіи былъ длинный рядъ ученыхъ путешествій, начинающихся со временъ Петра и по его инициативѣ. По основаніи Академіи наукъ, когда ея внутренніе порядки нѣсколько опредѣлились и явился достаточный запасъ русскихъ ученыхъ силъ въ ея ученикахъ, ученые экспедиціи стали однимъ изъ основныхъ предметовъ ея заботъ. Эти путешествія были дѣломъ до тѣхъ поръ небывалымъ: впервые изъ правительственнаго центра направлены были

¹⁾ Объ этихъ учебникахъ, подробности у Весива, стр. 49, 53, 79 и слѣд., 413—414. Объ „ученыхъ росіянахъ“ у Неустроева, „Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1708—1802“. Спб. 1875, стр. 534.

²⁾ „Новый и полный географическій словарь Россійскаго государства, собранный Львомъ Максимовичемъ“, 6 ч. М. 1783—1789. Новая обработка этого труда, въ семи томахъ, явилась въ 1801—1808 году. Первая часть озаглавлена такъ: „Географическій словарь Россійскаго государства, сочиненный въ настоящемъ онаго видѣ“. М. 1801, 4°,—безъ имени составителей на заглавномъ листѣ, но посвященіе императору Александру подписали: всеподданнѣйшіе надворный совѣтникъ Максимовичъ и коллежскій регистраторъ Щекатовъ. Вторая часть имѣетъ очень длинное заглавіе: „Словарь Географическій Россійскаго государства, описывающій азбучнымъ порядкомъ географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически всѣ губерніи, города и ихъ уѣзды, крѣпости, форпосты, редуты“ и пр. „Собранный А. Щ.“ М. 1804. Съ третьяго тома и до конца ставится имя одного Аванасія Щекатова.

въ разныя и между прочимъ отдаленнѣйшія края государства ученые люди, которымъ поручалось собирать всевозможныя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, о природѣ и нравахъ, объ историческомъ прошломъ и современномъ характерѣ и трудахъ населенія, его достаткахъ и недостаткахъ и т. д. Это были люди, не облеченные властью, но люди знающіе и просвѣщенные, цѣль которыхъ была научное изслѣдованіе, предназначенное для пользы правительства и общества. Находясь тогда подъ высшимъ вѣдѣніемъ сената, Академія въ этихъ дѣлахъ обыкновенно получала отъ него внимательное содѣйствіе: путешественники получали достаточныя денежныя средства, подготовленныхъ сотрудниковъ изъ студентовъ академическаго университета и другихъ необходимыхъ помощниковъ, снабжаемы были сенатскими указами и т. д.; но имъ все-таки приходилось бороться съ большими затрудненіями. Не говоря о трудностяхъ самаго пути въ далекихъ, мало населенныхъ краяхъ, по дикимъ мѣстностямъ, путешественникамъ приходилось иногда встрѣчаться съ весьма недружелюбными мѣстными властями (напр. сибирскими воеводами), защищать отъ нихъ свое дѣло, испытывать неудобства отъ канцелярскихъ проволочекъ, когда притомъ донесеніе въ Академію или въ сенатъ шло туда и обратно по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, подвергаться придиркамъ и доносамъ, даже „слову и дѣлу“. Не легко было и собираніе научныхъ свѣдѣній, когда на мѣстѣ приходилось имѣть дѣло съ людьми невѣжественными или просто полудикими. Не легко было (какъ и по настоящую минуту) собираніе этнографическихъ свѣдѣній: если въ академіѣ подозрѣвали чиновника, это заставляло относиться къ нему опасно и подозрительно.

Было бы слишкомъ длинно рассказывать исторію этихъ многочисленныхъ странствій, въ которыхъ съ самаго начала рядомъ выступали и нѣмецкія, и русскія научныя силы. Мы ограничимся общимъ указаніемъ и остановимся ближе на нѣсколькихъ эпизодахъ *русскихъ* путешествій, которые могутъ характеризовать отношеніе нашей науки прошлаго вѣка къ народному вопросу. Послѣ путешествій Мессершмидта, предприняты были изслѣдованія сѣверо-восточнаго края Азіи и Камчатки экспедиціями Беринга, Стеллера и Крашенинникова; далѣе большая сѣверная экспедиція для топографической съемки всего сѣвернаго берега Сибири; далѣе сибирская экспедиція Миллера и Гмелина-старшаго, къ которой относятся также труды академика Фишера; наконецъ, замѣчательныя экспедиціи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, гдѣ работали знаменитый Палласъ, Георги, Фалькъ, Гильденшtedтъ, Гмелинъ-младшій, затѣмъ русскіе ученые, какъ Лепехинъ, Озерец-

ковскій, Иноходцовъ, студенты Соколовъ, Зуевъ, Кошкаревъ, далѣе Севергинъ и др.

Какихъ трудовъ и опасностей стоили иногда эти путешествія, объ этомъ могутъ дать понятіе нѣсколькихъ примѣровъ. Нечего говорить о томъ, какъ тяжки были полярныя экспедиціи или странствованія въ Камчатку и по (неизвѣстному еще) Охотскому морю, въ сибирскихъ пустыняхъ, восточно-русскихъ степяхъ. Многіе изъ изслѣдователей заплатили за свое дѣло жизнью. Берингъ, сдѣлавши свое открытіе, что Азія не сошлась съ Америкой, потерпѣлъ кораблекрушеніе и умеръ отъ лишеній на необитаемомъ островѣ Охотскаго моря, куда спасся со своими спутниками. Стеллеръ, который былъ въ числѣ спутниковъ Беринга и во время путешествія долженъ былъ выносить всякія притѣсненія отъ враждебнаго ему капитана, провелъ жестокую зиму на томъ же островѣ послѣ кораблекрушенія, не переставая дѣлать ученныя наблюденія; потомъ, въ Сибири подвергся клеветному доносу, вслѣдствіе котораго уже на возвратномъ пути въ Россію былъ арестованъ въ Соликамскѣ для отправки подъ конвоемъ обратно въ Иркутскъ для допроса; на пути догнало его оправданіе, и предпринявъ снова обратную дорогу въ Петербургъ, онъ умеръ въ Тюмени послѣ девяти-лѣтняго путешествія (1737—1746). Гмелинъ-младшій, возвращаясь изъ своего путешествія по юго-восточной Россіи и Персіи, былъ захваченъ татарами и умеръ въ плѣну въ 1774. Исторія трудовъ астронома Ловица и его спутника и сотрудника Иноходцова была рядомъ подвиговъ самоотверженія на пользу науки. Странствуя въ степяхъ нижней Волги, ученые подвергались всевозможнымъ лишеніямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—рассказываетъ біографъ Иноходцова,—съ ранней весны и до поздней осени, Ловицъ и Иноходцовъ дѣлались обитателями песчаныхъ степей, поселялись въ палаткахъ, окружали себя научными снарядами и работали неутомимо, подвергаясь разнаго рода невздамъ и одолевая всякія затрудненія. Самыя приготовленія къ ученнымъ работамъ требовали многихъ усилій. Нигдѣ въ окрестностяхъ нельзя было найти мастера для устройства и починки инструментовъ, и Ловицъ долженъ былъ самъ обратиться въ рабочаго и дѣлать все собственными руками. Трудно исчислить всѣ бѣды, большія и малыя, которыя насылались на нашихъ путешественниковъ и силою негостепріимной природы и враждебною волею людей. Палящій зной степей, доходившій въ срединѣ лѣта до тридцати-пяти градусовъ въ тѣни, и въ противоположность ему весенніе и осенніе холода дѣйствовали разрушительно на здоровье, такъ что палатка астрономовъ часто обращалась въ лазаретъ. Степные вѣтры заносили песками наблюдательные пункты, поражая и глаза, и легкія наблюдателей. Едва

только наладили они свои инструменты и горячо принялись за дѣло, надъ степью разразился страшный ураганъ, снесшій палатку и разметавшій всѣ инструменты. Но еще горшая бѣда угрожала въ будущемъ, и шла уже не отъ природы, а отъ людей, которыми впрочемъ владѣла въ ту минуту стихійная сила. Все Поволжье было заволновано пугачевцами ¹⁾. Извѣстно, что Ловицъ былъ захваченъ и убитъ пугачевцами въ 1774 году. Иноходцовъ едва спасся отъ той же участи.

Переходя къ самымъ путешествіямъ, мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ странствій и частныхъ научныхъ результатовъ; намъ важно указать ихъ общее значеніе и личное отношеніе ученыхъ къ своему дѣлу, отношеніе научное и нравственное ²⁾. Если гдѣ имѣютъ смыслъ слова: преданность наукѣ, служеніе пользѣ общества и народа, то они именно съ полнымъ правомъ могутъ быть употреблены о трудахъ нашихъ путешественниковъ прошлаго вѣка, русскихъ и не-русскихъ.

Таковъ былъ названный сейчасъ Георгъ-Вильгельмъ Стеллеръ (1709—1746), извѣстный своими путешествіями въ Камчаткѣ въ связи съ экспедиціей Беринга. Молодой нѣмецкій „гелертеръ“, натуралистъ и медикъ, Стеллеръ попалъ въ Петербургъ случайно, посланный сюда изъ-подъ Данцига съ больными русскими солдатами; въ Петербургѣ, живой, веселый и ученый Стеллеръ полюбился Теофану Прокоповичу, черезъ котораго вступилъ въ отношенія съ Академіей наукъ. Въ 1737 г. онъ по „контракту“ съ Академіей причисленъ былъ къ камчатской экспедиціи и отправился въ путь. Гмелинъ-старшій, съ которымъ Стеллеръ познакомился уже въ Сибири, въ описаніи своего путешествія рассказываетъ, какъ онъ былъ радъ назначенію Стеллера. „Мы очень обрадовались,—говоритъ онъ о себѣ и Миллерѣ,—что этотъ даровитый человѣкъ, послѣ краткаго пребывания у насъ, достаточно показалъ, что онъ былъ въ силахъ совершить такое великое дѣло и добровольно самъ предложилъ себя для выполненія его“. Гмелинъ замѣчаетъ „откровенно“, что если бы онъ, Гмелинъ, взялся за это предпріятіе, т.-е. путешествіе въ Камчатку, то экспедиція обошлась бы ея величеству гораздо дороже, такъ какъ онъ не удовлетворился бы такими скромными средствами, какими удовольствовался Стеллеръ. По рассказамъ Гмелина и по официальнымъ свѣдѣніямъ, характеръ Стеллера представляется въ очень оригинальныхъ и привлекательныхъ чертахъ человѣка простого, трудолюбиваго, подвижнаго и беззавѣтно-преданнаго своему дѣлу,

¹⁾ Исторія Росс. Академіи, III, стр. 194—195.

²⁾ Исторія этихъ путешествій въ собранна въ цѣлое; но въ отдѣльности многія изъ нихъ пересказаны въ академическихъ исторіяхъ Певарскаго и Сухоманова.

притомъ человека съ недюжинными дарованіями ученаго. „Мы могли — продолжаетъ опять Гмелинъ, — сколько намъ было угодно представлять Стеллеру о всѣхъ чрезвычайныхъ невзгодахъ, ожидавшихъ его въ этомъ путешествіи, — это ему служило только бѣльшимъ побужденіемъ къ тому трудному предпріятію, къ которому совершенное имъ до сихъ поръ путешествіе (отъ Петербурга до Енисейска, гдѣ онъ встрѣтился съ Гмелиномъ) служило только какъ бы подготовкою. Онъ вовсе не былъ обремененъ платьемъ. Если кто принужденъ возить съ собою по Сибири хозяйство, то оно должно быть устроено въ такихъ малыхъ размѣрахъ, въ какихъ только это возможно. У Стеллера былъ одинъ сосудъ для питья и пива, и меда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Онъ имѣлъ одну посудину, изъ которой ѣлъ и въ которой готовили всѣ его кушанья; причемъ онъ не употреблялъ никакого цовара. Онъ стряпалъ все самъ, и это опять съ такими малыми затѣями, что супъ, зелень и говядина кладались разомъ въ одинъ и тотъ же горшокъ и такимъ образомъ варились. Въ рабочей комнатѣ Стеллеръ легко могъ переносить чадъ отъ стряпни. Ни парика, ни пудры онъ не употреблялъ, и всякій сапогъ, и башмакъ были ему въ пору. При этомъ его нисколько не огорчали лишенія въ жизни; всегда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и чѣмъ болѣе было вокругъ него кутерьмы, тѣмъ веселѣе становился онъ. У него не было печалей, кромѣ одной, но отъ нея онъ хотѣлъ отдѣлаться, и, слѣдовательно, она служила ему болѣе побужденіемъ предпринимать все, чтобы только забыть ее. Видѣтъ съ тѣмъ мы примѣтили, что, не смотря на всю беспорядочность, высказываемую имъ въ его образѣ жизни, онъ, однако, при производствѣ наблюденій былъ чрезвычайно точенъ и неутомимъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, такъ что въ этомъ отношеніи у насъ не было ни малѣйшаго безпокойства. Ему было ни почемъ проголодать цѣлый день безъ ѣды и питья, когда онъ могъ совершить что-нибудь на пользу науки ¹⁾“.

Встрѣтившись въ Сибири съ сотрудникомъ Беринга, капитаномъ Шпангебергомъ, которому велѣно было отправиться къ берегамъ Японіи, Стеллеръ очень желалъ участвовать въ этомъ путешествіи и, объясняя въ просьбѣ къ сенату свои ученые планы, о самомъ себѣ выражался: „я, какъ силу, здравіемъ, а паче несказаннымъ желаніемъ ко всякимъ трудностямъ и трудамъ какъ водою влекомъ, и притомъ намѣренъ я въ тѣхъ новозобрѣтенныхъ мѣстахъ побывать, понеже безъ того едва быть можетъ чтобъ туда кто не былъ отправленъ“. Изъ приведеннаго разсказа Гмелина видно, что это не

¹⁾ J. G. Gmelin's Reise durch Sibirien, Göttingen, 1751—52, III, стр. 175—183.

...инившись
 моряка не
 ни морепла-
 зимовать на
 ванномъ послѣ
 дь и всякія ли-
 дѣкаря, то по-
 сь для топлива и
 ихъ трудовъ и на-
 ѣдованіе de bestiis
 новаль въ Камчаткѣ,
 ни о способахъ мѣстнаго
 (рана, безъ хлѣба) на са-
 —говорить Стеллеръ,—не
 только чрезъ четыре недѣли
 наго корму, нанявъ одного
 льствовалъ меня тѣмъ кор-
 а и могъ знать, что у нихъ
 (какъ и нынѣ случилось) ска-
 маошнему обыкновенію корму ни-
 (д. 1).

...или Федора Ивановича Миллера
 іриі, географіи и научно-популярной
 минать неоднократно. Приѣхавши въ
 по вызову Коля, Миллеръ усердно при-
 1732 году издалъ первый томъ своего
 русской исторіи „Sammlung russischer Ge-
 чалъ извѣстное сибирское путешествіе, про-
 ть (1733—1743). Охоту къ сибирскому путе-
 нь капитанъ Берингъ, съ которымъ Мил-
 знакомъ, и обстоятельства помогли осуществиться
 путешествіе оказалось далеко не легкимъ, но „ни-
 имѣлъ я,—говорить Миллеръ,—повода рассказываться
 лости, даже и во время тяжелой моей болѣзни, кото-
 въ Сибири. Скорѣе видѣлъ я въ томъ какъ бы

...Стеллера печатались послѣ его смерти въ академическихъ „Компен-
 „Neue nordische Beyträge“ Палласа и отдѣльными книгами; Beschrei-
 dem Lande Kamtschatka... herausgegeben von J. B. S. (cherer). Frankf.
 1774; Reise von Kamtschatka nach Amerika mit Bering. Ein Pendant
 Beschreibung von Kamtschatka. St.-Pet. 1793. Его біографія въ „Исто-
 Академіи Н.“, I, 587--616, тамъ же отзывы новѣйшихъ ученыхъ о достоинствахъ
 Стеллера.

предвзрѣленіе, потому что этия путешествіемъ вперане сдѣлался *вылезшимъ россійскому государству*, и безъ этихъ страстній и нѣ было бы трудно добыть прибрѣтенныя имъ знанія⁴. Въ какомъ настроеніи приступалъ онъ къ своему ученому дѣлу, о томъ даетъ понятіе слова его въ русскомъ рукописномъ описаніи сибирскаго путешествія. Путь по рѣкѣ Иртышу былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ во всея его странствія. „Въ то время,—говоритъ онъ о себѣ и Гмелинѣ,— были мы еще *въ жаромъ жару*. ибо неспокойствіи, недостатки и опасности утрудить насъ еще не могли. Мы заѣхали въ такія страны, которыя отъ природы своими преимуществами многія другія весьма превосходятъ, и для насъ почти все, что мы ни видѣли, новое было. Мы водилино зашли въ *малолесной цѣпчанинъ сертосрада*, гдѣ по большей части растутъ незнаемыя травы:—въ зѣринецъ, гдѣ мы самыхъ рѣдкихъ азіатскихъ звѣрей въ великомъ множествѣ передъ собою видѣли:—въ кабинетъ древнихъ азіатскихъ кладбищъ и тамо хранящихся разныхъ достопамятныхъ монументовъ. Словомъ—мы находились въ такой странѣ, гдѣ прежде насъ еще никто не бывалъ, который бы о сихъ мѣстахъ свѣту извѣстіе сообщить могъ. А сей поводъ къ *произведенію новыя измысливаній и изобрѣтеній въ наукѣ* служилъ намъ неннаго какъ съ крайнею пріятностію⁴. Не обилие, конечно, безъ такихъ вещей, которыя должны были очень охлаждать жаръ: кромѣ трудностей пути пришлось испытать разныя каверзы отъ сибирскихъ начальствъ, напр. въ особенности отъ сибирскаго губернатора Плещеева; но это не помѣшало Миллеру собрать изъ сибирскихъ архивовъ громадный историческій матеріалъ. Этотъ матеріалъ послужилъ основаніемъ для первой сибирской исторіи, начатой Миллеромъ и продолженной академикомъ Фишеромъ, и впоследствии служилъ для изданій самого Миллера и другихъ ученыхъ: изъ этого матеріала черпали князь Шерботовъ въ своей „Исторіи“, Новиковъ въ своей „Древней Визлїонкѣ“, вождѣ издателя Румянновскаго „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“: этотъ матеріалъ не былъ истощенъ даже нѣмѣйшей Археологической комиссіей. Мы скажемъ дальше объ историческихъ понятіяхъ Миллера и упомянемъ здѣсь еще только объ его историко-географическихъ изслѣдованіяхъ во внутренней Россіи, примикающихъ къ категоріи мѣстныхъ изысканій⁴.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ именъ въ этой области изслѣдованій было имя Іоганна-Георга Гмелина старшаго (1709—1755). Сынъ вѣнскаго аптекаря, хорошаго натуралиста, Гмелинъ очень молодымъ кончилъ курсъ въ тѣбингенскомъ университетѣ, защитилъ тамъ

⁴ Царскій. Изв. Акад. Н. 1. стр. 418—424.

двѣ медицинскія диссертациі и 18-ти лѣтъ пріѣхаль, по совѣту одного изъ первыхъ академиковъ, Вильфингера, въ Петербургъ, гдѣ для него тотчасъ ашлось ученое дѣло при Академіи. Въ 1731, онъ сдѣланъ былъ профессоромъ химіи и натуральной исторіи, а въ 1733 назначенъ въ сибирскую экспедицію, продолжавшуюся десять лѣтъ и гдѣ товарищемъ его былъ Миллеръ. Это путешествіе составило ученую славу Гмелина: результатомъ его было донинѣ высоко цѣнимое специалистами сочиненіе о сибирской флорѣ и описаніе самаго путешествія. По окончаніи путешествія Гмелинъ недолго оставался въ Россіи и вернулся на родину въ Тюбингенъ, гдѣ ему была предложена профессура. „Путешествіе“ Гмелина, которымъ къ сожалѣнію мало пользовались русскіе изслѣдователи, замѣчательно по богатству свѣдѣній о мѣстномъ бытѣ, до внимательности и точности разнообразныхъ наблюденій, любопытныхъ тѣмъ болѣе, что онѣ дѣлались въ такое время, когда еще не изгладились воспоминанія о первомъ завоеваніи Сибири и замѣтна была враждебность между русскими и туземцами. Свое сочиненіе Гмелинъ предпочелъ напечатать за границей, и по мнѣнію новѣйшаго историка Академіи наукъ прекрасно сдѣлалъ, потому что тогдашняя мелочная придирчивость, съ какою смотрѣли въ Россіи на все печатное, не позволила бы ему сохранить своего труда неприкосновеннымъ. По выходѣ въ свѣтъ, книга Гмелина не преминула вызвать въ Россіи строгія осужденія, и въ Академіи былъ поднятъ вопросъ о разсмотрѣніи этого сочиненія, чтобы розыскать, „что въ немъ излишняго, непристойнаго и сумнительнаго находится“¹⁾.

Очень извѣстны также труды Самуила-Георга Гмелина-младшаго (1744—1774). Это былъ племянникъ Іоганна-Георга, такъ же рано начавшій свою ученую карьеру: въ 1763 онъ получилъ докторство въ Тюбингенѣ, въ 1767 приглашенъ въ Петербургскую Академію, а въ слѣдующемъ году, одновременно съ Палласомъ, Лепехинымъ, Фалькомъ и другими, началъ свое путешествіе по юго-востоку Россіи, закончившееся смертью въ плѣну. Онъ странствовалъ по Дону, Волгѣ, по южному и западному берегу Каспійскаго моря²⁾.

¹⁾ Flora Sibirica, 4 т., St.-Pet. 1747—1769; Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, 4 т., Göttingen, 1751—1752. Голландскій переводъ 1752—1757; французскій 1767. Англійское извлеченіе въ сборникѣ, извѣстномъ намъ по нѣмецкому переводу: Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen in einem ausführlichen Auszuge etc. Aus dem Engländischen übersetzt, 19 т., Berlin, изд. Миллера, въ 1760—1770-хъ годахъ. Здѣсь т. V, 1767: Reisen durch Sibirien aus denen Beschreibungungen Gmelins und Müllers, стр. 63—249. Біографія у Пекарскаго, Исторія Акад. Н., I, стр. 481—457.

²⁾ Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche, 4 т., St.-Pet. 1770—1784. Извлеченіе въ томъ же Sammlung der besten und neuesten Reisebe-

Назовемъ далѣе академика Іоганна-Петра Фалька, рокомъ шведа, принявшаго участіе въ большой экспедиціи 1768-го года и умершаго въ семидесятыхъ годахъ ¹⁾; трудолюбиваго Іоганна-Готтфрида Георги ²⁾; А. І. Гильденштедта, который принялъ участіе въ той же экспедиціи 1768, проѣхалъ центральную и юго-восточную Россію и много странствовалъ по Кавказу ³⁾; наконецъ, названнаго ранѣе Іоганна-Эбергарда Фишера (1697—1771), путешествовавшаго въ Сибири въ 1739—1747.

Но, быть можетъ, величайшая заслуга въ этихъ путешествіяхъ и описаніяхъ Россіи принадлежитъ знаменитому Палласу (1741—1811). Петръ-Симонъ Палласъ, сынъ берлинскаго медика, очень рано заявилъ свои научныя силы; юношей 19-ти лѣтъ онъ защищалъ въ лейденскомъ университетѣ свою диссертацию по зоологін, которая

---

schreibungen, Miliusa, т. XII, 1774 и т. XVIII, 1773, и также въ *Sammlung russischer Reisen, oder Geschichten der neuesten Entdeckungen im russischen und persischen Reiche, etc. Aus den kostbaren und seltenen Werken Pallas, Gmelin, Georgi Lerechin, Falk etc. ausgezogen.* 6 томовъ, Bern, 2-te Ausgabe, 1795. Русскій переводъ: Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества, въ 1768—1771—1771; 4 части, Спб. 1773—1785; 2-е изд. первой части, 1806.

¹⁾ *Beiträge zur topographischen Kenntniss des russischen Reichs*, 3 т., St.-Pet., 1785—1786; *Reise in Russland. In einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von J. A. Martyni-Laguna.* Berlin, 1794. Русскій переводъ: Записки путешествія Фалька, съ приложеніемъ двухъ атласовъ, въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи“, изд. Акад. Н., 7 ч. Спб. 1818—1825.

²⁾ *Bemerkungen einer Reise im russischen Reich im Jahre 1772*, St.-Pet. 1775; то же—in den Jahren 1773 und 1774, тамъ же, 1775; *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten*; 4 вып., St.-Pet. 1776—1780; то же: *Russland, Beschreibung* и проч. два тома, Leipzig, 1783; французскій пер. Спб. 1776; *Versuch einer Beschreibung der Residenzstadt St.-Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend.* 2 тома, Спб 1790; 2-е изд. Рига, 1793; французскій пер. Спб. 1793; *Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs*, 7 томовъ. Königsberg, 1797—1802. Русскіе переводы: *Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ*, пер. съ нѣм., 3 части, Спб. 1776—1777; 2-е изд., испр. и доп., 4 части, Спб. 1799; *Описаніе столичнаго города Санктпетербурга*, 3 части, Спб. 1794.

³⁾ *Betrachtungen über die natürlichen Produkten Russlands. zur Unterhaltung eines beständigen Uebergewichts im auswärtigen Handel.* Frankf. und Leipz. 1778; *Reisen durch Russland und im caucasischen Gebürge.* Herausgegeben von Pallas, 2 тома, St.-Pet. 1787—1791; *Reisen nach Georgien und Imerethi.* Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und mit Anmerkungen begleitet von Jul. von Klaproth; Berlin, 1815; *Beschreibung der Kaukasischen Länder.* Aus seinen Papieren umgearbeitet von Jul. Klaproth, Berlin, 1834. Русскій переводъ Германа: *Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, изъ путешествія академика Гильденштедта чрезъ Россію и по кавказскимъ горамъ*, 1770—1773, Спб. 1809. Въ свое время обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ путешествіяхъ сообщались Бакмейстеромъ въ его „*Russische Bibliothek*“.

произведа въ ученомъ мірѣ большое впечатлѣніе. Ученая дѣятельность его дала ему мѣсто между величайшими естествоиспытателями прошлаго вѣка; его изслѣдованія распространялись на самыя разнообразныя отрасли естествознанія, касаясь самыхъ глубокихъ теоретическихъ его основаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ на предметы этнографіи и исторіи, гдѣ имъ затронуто было не мало важныхъ и новыхъ вопросовъ. Вызванный въ Россію въ 1768 году, Палласъ отправился тогда же въ сибирское путешествіе, гдѣ ученымъ предстояло тогда любопытное наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца. Въ результатъ этого и другихъ путешествій Палласа по Россіи и иныхъ изслѣдованій явился длинный рядъ трудовъ, доставившихъ его имени европейскую славу и послужившихъ богатымъ вкладомъ въ физическое, этнографическое и историческое изученіе Россіи ¹⁾. Для нашихъ ученыхъ путешественниковъ того времени молодой Палласъ былъ уже авторитетнымъ руководителемъ.

Перечисленныя предпріятія и другія путешествія, совершенныя русскими учеными и къ которымъ мы теперь перейдемъ, имѣли великое значеніе и для науки вообще, и въ частности для интересовъ русскаго просвѣщенія и практической государственной пользы. „Путешествія,—говоритъ Риттеръ въ „Землеописаніи Азіи“,—путешествія, которыя, вслѣдствіе Мессершмидтова, петербургская Академія, не щадя издержекъ, устраивала, при вспомошествованіяхъ императрицъ Анны, Елизаветы и Екатерины II, должно причислить къ самымъ

¹⁾ Не касаясь его специальныхъ сочиненій по естествознанію, какъ знаменитая „Flora rossica“ 1784—1788), „Zoographia rossio-asiatica“ (1811) и друг., назовемъ лишь тѣ, которыя представляютъ болѣе общій интересъ:

Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, 3 тома, St.-Pet., 1771—1776 (нѣсколько изданій, нѣмецкихъ и французскихъ 1788—1794; итальянскій переводъ 1816; извлеченія: въ Voyages en Sibérie, Berne, 1791, и въ упомянутыхъ сборникахъ—Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen, Милуца, т. XII, 1774, и т. XIX, 1774, и въ Sammlung russischer Reisen, Bern, 1795); Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, 2 тома, St.-Pet., 1776—1781; 2-е изд. Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1779; Betrachtungen über die Beschaffenheit der Gebürge und die Veränderungen der Erdkugel, besonders in Beziehung auf das russische Reich. St.-Pet., 1777; 2-е изд. 1788; французскій пер. 1777; Neue nordische Beiträge, 7 томовъ, St.-Pet. и Leipzig. 1781—1796; Tableau physique et topographique de la Tauride, St.-Pet. 1795, потомъ 1796, 1798; нѣм. пер. St.-Pet. 1796; Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793—1794, 2 тома, Leipzig, 1799—1801, 2-е изд. 1803; нѣсколько изданій французскаго перевода 1799—1801, и англійскаго, 1802—1803. Русскіе переводы: Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, пер. съ нѣм. Ѳедора Томанскаго и Василія Зуева, 5 томовъ, Сиб. 1773—1778; 2-е изд. 1-го тома, 1809; Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области, пер. съ фр. Ивана Рижскаго, Спб. 1795.

блестящимъ и усиленнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи... Это обширное государство только посредствомъ такихъ путешествій могло достигнуть до самопознанія и самосознанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ подданныхъ ¹⁾“. Это значеніе ученыхъ экспедицій XVIII вѣка было тѣмъ болѣе важно, что въ нихъ съ самаго начала принимали дѣятельное участіе русскія силы. Въ ряду ихъ упомянемъ прежде всего тѣхъ Петровскихъ геодезистовъ, которые работали надъ сочиненіемъ первыхъ русскихъ ландкартъ. Выше мы называли издателя перваго географическаго атласа Россіи, Кирилова. Это былъ сенатскій оберъ-секретарь Иванъ Кириловичъ Кириловъ; о патріотической ревности его приводимъ слова Миллера, который называетъ его главнѣйшимъ двигателемъ дѣла о второй камчатской экспедиціи Беринга. „Кириловъ былъ великій патріотъ и любитель географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Онъ былъ знакомъ съ капитаномъ Берингомъ, который, вмѣстѣ съ двумя своими лейтенантами, Шпангебергомъ и Чириковымъ, изъявилъ готовность предпринять второе путешествіе. Кириловъ составилъ записку о выгодахъ, которыя могла изъ того извлечь Россія, и присоединилъ притомъ другія предположенія о расширеніи русской торговли до Бухаріи и Индіи, что потомъ подало поводъ къ возникновенію извѣстной оренбургской экспедиціи, которою онъ самъ начальствовалъ и при которой онъ умеръ въ 1737 году“ ²⁾.

Назовемъ дальше Степана Крашенинникова (1712—1755), автора знаменитаго описанія Камчатки: въ 1733 онъ, будучи студентомъ Академіи, отправился въ извѣстную сибирскую экспедицію, въ 1736 поѣхалъ въ Камчатку, куда не могли отправиться сами академики, и возвратился въ Петербургъ въ 1743 ³⁾.

¹⁾ „Землеуѣдніе Азій“, пер. Семенова, II, 344. Ср. Исторію Росс. Акад. II, 247; IV, стр. 4 и слѣд.; Щапова, Соц.-педагог. условія умств. развитія рус. народа, Спб. 1870, стр. 170 и слѣд.

²⁾ О Кириловѣ см. Пекарскаго, Жизнь Рычкова, стр. 5 и сл.; Исторія Акад. Н., I, 320; Устрялова, Исторія Петра В., I, стр. LIX; Свенске, Матеріалы для исторіи составленія атласа рос. имперіи, изданнаго Имп. Академіею Наукъ въ 1745 году. Спб. 1866 (изъ IX тома „Записокъ Ак. Н.“); Вестужева-Рюмина, Біографія и характеристики. Спб. 1882, стр. 38 и сл.

³⁾ „Описаніе земли Камчатки“, издаво Миллеромъ съ его предисловіемъ и двумя картами, 2 ч., Спб. 1755, 2-е изд. 1786, 3-е изд. въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи“, ч. I, Спб. 1818. Англійскій переводъ, Gloucester, 1764; нѣмецкій (сдѣланный съ англійскаго), Lemgo, 1766 (два изданія); французскій переводъ, Lyon, 1767, и другой, 1768; голландскій, Haerlem, 1770. Измеченіе въ Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen, Миллуса, т. V, 1767, стр. 250—301. Отзвы тогдашнихъ иностранныхъ ученыхъ о Крашенинниковѣ см. у Пекарскаго. Исторія Акад. Н., I, 608, 611.

Въ 1768 году Академіей предпринятъ былъ обширный планъ ученыхъ экспедицій во всѣ края Россіи, для изслѣдованій естественно-научныхъ, этнографическихъ, археологическихъ и т. д. Эти экспедиціи составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ во всей исторіи Академіи наукъ и вообще въ исторіи русскаго образованія. Экспедиціи направились на сѣверъ, востокъ и югъ Россіи, въ края вообще мало извѣстные, а на востокѣ и югѣ едва только присоединенные къ Россіи; исполнителями были авторитетные ученые нѣмецкіе и русскіе. Знаменитѣйшимъ дѣятелемъ этихъ экспедицій былъ Палласъ, затѣмъ Георги, Фалькъ, Гильденштедтъ, Ловицъ, затѣмъ русскіе — Лепехинъ, Озерецковскій, Зуевъ, Иноходцовъ, Соколовъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ русскихъ путешественниковъ былъ Иванъ Ивановичъ Лепехинъ (1740—1802). Сынъ семеновскаго солдата, Лепехинъ учился въ академической гимназій и университетѣ до 1762 г., затѣмъ посланъ былъ въ страсбургскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1767, занимаясь разными отраслями естествознанія и медициной; онъ получилъ тамъ степень доктора медицины и въ 1768, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ избранъ въ адъюнты, а въ 1771— въ академики. Въ то же время онъ началъ свои путешествія, изъ которыхъ одно продолжалось съ половины 1768 до половины 1772, а другое сдѣлано было въ 1773. Результатомъ были многотомныя „Дневныя Записки“, которыя составили его главную ученую и литературную заслугу. На разнообразномъ ихъ содержаніи мы остановимся дажѣ ¹⁾.

Другимъ замѣчательнымъ путешественникомъ былъ Ник. Як. Озерецковскій (1750—1827). Сынъ сельскаго священника, онъ учился въ троицкой семинаріи, въ 1767 былъ вызванъ въ академическій университетъ и уже въ слѣдующемъ году, въ качествѣ студента Ака-

¹⁾ Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ російскаго государства, въ 1768—1771 годахъ, 3 ч. Спб. 1771—1780; 2-е изд. тамъ же, 1795—1814; 4-й томъ „Записокъ“, заключающій путешествіе 1772, изданъ уже послѣ смерти Лепехина, Спб. 1805—*Humanissimo Lereschinii genio sacrum*. Печатаніе 4-го тома начато было самимъ Лепехинымъ и доведено до 80 страницъ, по смерти его рукописи не нашлось, и съ 81-й страницы идетъ разсказъ Озерецковскаго (до 419; дажѣ, дѣль отдѣльными записки, Крестинина и Фомина). Последнее изданіе записокъ Лепехина въ книгѣ: „Полное Собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Академіею Наукъ“, выстѣ съ соч. Крашенинникова и Фалька, Спб. 1818—1825, 7 ч. Дажѣ: „Словарь минералогическій, на нѣмецкомъ, російскомъ и латинскомъ языкахъ“, изданный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, Спб. 1770. Нѣмецкій переводъ „Дневныхъ Записокъ“, 3 тома, Altenburg, 1774—1788. Извлеченія въ *Sammlung russischer Reisen, Bern*, 1795. Подробныя свѣдѣнія о жизни и ученой дѣятельности Лепехина въ Исторіи Росс. Акад., Сухомянова, т. II (Сборникъ Академіи, т. XIV), стр. 157—299 и др.

деміи, сдѣлался спутникомъ Лепехина на все время его странствій, 1768—1773. Годы 1774—1779 Озерецковскій провелъ за границей и продолжалъ свои естественно-научныя занятія сначала въ Лейденѣ, потомъ въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи въ Россію въ 1779, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1782 академикомъ. Во время путешествія съ Лепехинымъ Озерецковскій не разъ совершалъ по его указанію самостоятельныя поѣздки и вообще объѣхалъ много мѣстностей на юго-востокѣ и сѣверѣ Россіи, отъ Архангельска до Астрахани. Впослѣдствіи онъ дѣлалъ другія путешествія на Ладожское и Онежское озера, къ верховьямъ Волги, въ Новгородскій край, и въ описаніи своихъ поѣздокъ собралъ очень много важнаго матеріала естественно-научнаго, этнографическаго и историческаго ¹⁾.

Астрономъ и физикъ Петръ Борис. Иноходцовъ (1742—1806), сынъ преображенскаго солдата, учился въ академической гимназій и университетѣ, потомъ посланъ былъ за границу и, вернувшись, принималъ участіе въ большой академической экспедиціи, въ которой онъ странствовалъ вѣстѣ съ Ловицомъ по востоку и юго-востоку Россіи, на Уралѣ и Волгѣ, въ 1769—1775. Мы упоминали выше, что Ловицъ былъ убитъ во время этого путешествія; Иноходцовъ едва спасся отъ подобной участи заблаговременнымъ бѣгствомъ. Впослѣдствіи Иноходцовъ совершилъ другую большую поѣздку въ 1781—1785 по разнымъ краямъ европейской Россіи для астрономическаго опредѣленія мѣстностей. Его работы были весьма разнообразны, простираясь на астрономію, геодезію, физику, минералогію, географію, а также на исторію и этнографію ²⁾.

Натуралистъ и медикъ, Никита Петр. Соколовъ (1748—1795), сынъ сельскаго пономаря, учился въ семинаріи, и только-что поступивъ въ академію студентомъ, назначенъ былъ вскорѣ въ оренбургскую экспедицію, „подъ команду“ профессора Палласа, и провелъ въ этой экспедиціи шесть лѣтъ, до 1774 года. Затѣмъ онъ былъ посланъ за границу, откуда вернулся въ 1780, получивъ въ Страсбургѣ степень доктора медицины; въ 1783 онъ былъ назначенъ адъюнк-

¹⁾ Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, Спб. 1792; Описаніе Коли и Астрахани, Спб. 1804; Обзорніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути, Спб. 1808; Путешествіе на озеро Селигеръ, Спб. 1817. Подробныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Озерецковскаго въ Исторіи Росс. Акад., т. II, стр. 299—388, 525—542, 574—582.

²⁾ Не упоминая объ его спеціальныхъ работахъ, отмѣтимъ его статьи: О различіи и измѣненіи климатовъ, Мѣсяцословъ на 1779; статьи историческія и этнографическія въ Мѣсяцословахъ на 1789, 1790, 1796. Біографія его въ Исторіи Росс. Акад., т. III („Сборникъ“, т. XVI), стр. 168—264, 364—430.

томъ, а въ 1787 членомъ Академіи. Въ экспедиціи Соколовъ былъ дѣятельнымъ и разумнымъ помощникомъ своего профессора. Задача была не изъ легкихъ. Молодой профессоръ и еще болѣе молодой сотрудникъ его должны были вынести не мало опасностей и лишеній, и Палласъ отдаетъ великую похвалу трудамъ и характеру своего помощника, которому не разъ поручалъ отдѣльныя путешествія и наблюденія. Путевыя записки Соколова въ извлеченіяхъ вошли въ книгу Палласа, гдѣ многія страницы, по указанію послѣдняго, принадлежатъ Соколову. Путешествіе, какъ мы сказали, было не легкое. „*Блаженство видѣть натуру* въ самомъ ея бытіи,—говоритъ Палласъ,—гдѣ человѣкъ весьма мало отъ нея отшибся, и ей учиться служило мнѣ за утраченную при томъ юность и здоровье изряднѣйшимъ награжденіемъ, котораго отъ меня никакая зависть не отыметъ“! Онъ не разъ говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, какія переносилъ Соколовъ, странствуя въ непроходимыхъ дѣбряхъ, горахъ и безводныхъ пустыняхъ Урала и Западной Сибири ¹⁾).

Упомянемъ еще „Путешественныя записки Василья Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году“, Сиб. 1787. Зуевъ прежде уже дѣлалъ путешествіе по Россіи и Сибири „подъ предводительствомъ г. Палласа“. Въ 1781 Академія наукъ поручила ему изслѣдованіе края, не затронутаго прежними экспедиціями, а именно главнымъ предметомъ, ему порученнымъ, былъ осмотръ вновь пріобрѣтенныхъ тогда мѣстъ между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, устьевъ Днѣпра и его лимана съ около лежащей страной. Въ „Запискахъ“ Зуева разсѣяно также немало интересныхъ потребностей: таковы, напр., свѣдѣнія о духоборцахъ (онъ называетъ ихъ „духовѣрцами“), цыганахъ и цыганскомъ языкѣ, описаніе (только наружное, впрочемъ) изслѣдованнаго теперь Чертомлыцкаго кургана, и пр.

Назовемъ, наконецъ, Вас. Мих. Севергина (1765—1826), дѣятельность котораго переходитъ уже и въ XIX столѣтіе. Сынъ „вольнаго человѣка“, придворнаго музыканта, Севергинъ учился въ академической гимназійи и университетѣ, въ 1785 былъ посланъ за границу и по возвращеніи избранъ былъ въ 1789 адъюнктомъ, а въ 1793 академикомъ. Натуралистъ по специальности, онъ занимался въ особенности минералогіей. Севергинъ былъ ученый весьма трудолюбивый, и главной его заботой было именно примѣненіе добытыхъ наукою свѣдѣній къ русскому содержанію и распространенію этихъ свѣдѣній въ обществѣ: „единая изъ обязанностей академика есть собранныя наукою свѣдѣнія распространять въ Россійскомъ государствѣ“,

¹⁾ Биографія его въ Ист. Росс. Акад. III, стр. 123—168, 341—356.

въ чему стремились и вообще всѣ наши ученые, постоянно заботившіеся не только о теоретическихъ интересахъ науки, но и о ближайшей пользѣ соотечественниковъ. Севергинъ предпринималъ нѣсколько путешествій: въ 1802 по западному краю, въ 1803 въ Новгородской, Псковской, Витебской и Могилевской губерніяхъ, въ 1804 въ Финляндіи ¹⁾.

---

¹⁾ Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства, или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802, 1803 и 1804 годахъ, 3 ч. Спб. 1803—1805; Обзоръніе Россійской Финляндіи, Сиб. 1805. Біографія въ Исторіи Росс. Акад., т. IV, стр. 6—185, 389—395.

ГЛАВА IV.

XVIII-й вѣкъ. Наука и народность.

Отношеніе науки къ жизни, рационалистическое и утилитарное: „Духовный Регламентъ“; Ломоносовъ.—Обзоръ русскихъ путешествій: Лепехинъ, Оверецковскій, Соколовъ, Иноходцовъ и пр.—Сильный интересъ къ народному быту.—Возникновеніе трудовъ по мѣстной исторіи и этнографіи.—Вліяніе новой науки на развитіе національнаго самосознанія.—Историческая литература: Татищевъ, Миллеръ, Болтинъ.

Перечисленныя нами путешествія русскихъ ученыхъ восемнадцатаго вѣка представляютъ въ особенности любопытный матеріалъ для сужденія о томъ, въ какое отношеніе новая наука становилась къ русской жизни и старымъ преданіямъ.

При Петрѣ В. и въ теченіе всего XVIII-го вѣка вообще разумному человѣку не приходила въ голову мысль о какомъ-нибудь противорѣчій между наукой, взятой съ Запада (ея не откуда больше было взять), и нашимъ народнымъ духомъ; тогдашніе образованные консерваторы говорили только о дурныхъ нравахъ, именно нравахъ свѣтскаго общества, которыхъ не слѣдовало заимствовать—не у Запада, а специально изъ французскихъ обычаевъ, какъ испорченныхъ. Полагалось напротивъ, что наука намъ необходима, потому что окажетъ пользу въ жизни народа и государства и послужитъ къ возвышенію народнаго духа; ясно было ея противорѣчіе съ суевѣріемъ, но никто не думалъ, что это будетъ противорѣчіе съ духомъ цѣлаго народа.

Отношеніе науки къ жизни опредѣлилось съ первымъ ея появленіемъ въ русскомъ обществѣ. Это было отношеніе рационалистическое и утилитарное. Первое знакомство съ наукой указывало несостоятельность множества традиціонныхъ понятій о природѣ и человѣкѣ; наука не могла обойтись безъ этого указанія, стараясь замѣнить не-

правильный понятія правильными, тѣмъ болѣе, что понятія неправильныя были часто и прямо вредными. Біографія Петра представляетъ множество анекдотическихъ примѣровъ, гдѣ онъ наглядно объяснялъ пользу науки; мысль объ этой пользѣ повторяется безпрестанно въ его распоряженіяхъ и въ самомъ законодательствѣ. „Извѣстно есть всему міру,—говорится въ Духовномъ Регламентѣ,—какая скудость и немощь была воинства російскаго, когда оно не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ Первый, обучилъ оно изрядными регулами. То же разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче то же разумѣть объ управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію“, и т. д. Съ этимъ понятіемъ пользы соединялось у Петра и раціоналистическое значеніе науки. Петръ былъ у насъ одинъ изъ первыхъ, появившихъ систему Коперника. Извѣстно, какъ во время путешествія онъ былъ заинтересованъ знаменитымъ готторпскимъ глобусомъ, сработаннымъ въ половинѣ XVII столѣтія подъ надзоромъ извѣстнаго путешественника Олеарія. Петръ выразилъ желаніе имѣть глобусъ и былъ чрезвычайно радъ, когда этотъ глобусъ ему подарили. „Практическій умъ государя,—говоритъ одинъ изъ историковъ его времени,—тогда оцѣнилъ всю пользу, какую могъ приносить глобусъ для нагляднаго изученія системы Коперника, а Петръ, несмотря на возгласы современныхъ ханжей, былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей и распространителей ея въ Россіи“¹⁾. Раціонализмъ составляетъ вообще существенную черту въ умственномъ характерѣ Петра и, кромѣ другихъ историческихъ условій, объясняетъ многое въ его отношеніи къ старой русской церковности, съ которою такъ тѣсно связывалась русская старина. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ этого отношенія служитъ „Духовный Регламентъ“, составленный, кажется, при гораздо большемъ участіи самого Петра, чѣмъ до сихъ поръ думали. „Духовный Регламентъ“ довольно неожиданно, какъ мы сейчасъ видѣли, объясняетъ пользу науки для церковной жизни указаніемъ этой пользы въ воинскомъ дѣлѣ, и необходимость новаго церковнаго поученія подкрѣпляетъ примѣрами народнаго суевѣрія, противнаго здравому смыслу и вреднаго для самой чистоты религіознаго чувства. Въ церковныхъ правилахъ мы находимъ такимъ образомъ и любопытный этнографическій матеріалъ. Въ исчисленіи дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію „духовнаго коллегіума“, между прочимъ говорится:

¹⁾ Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. XXXV, прим.

„Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой (приводится примѣръ изъ житія Евфросіа Псковскаго о сугубой аллюдіи)... Обаче духовному управительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть, и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людямъ представлять, наипаче, когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуплмъ разсуждать, но что либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится.

„Собственно же и прилежно розыскивать подобаетъ оныя вымыслы, которые челоуѣка въ недобрую практику или дѣло ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ, напримѣръ: не дѣлать въ пятокъ и правднованіемъ проводить, и сказуютъ, что Пятница гнѣвается на непраднующихъ и съ великимъ на оныхъ же угроженіемъ наступаетъ... Суть симъ же подобныя ученія, которыя и честнѣйшимъ лицамъ за ихъ простоту вѣроятнo быти мнятся, и потому вреднѣйшая суть; и таковое Кіево-печерскаго монастыря преданіе, что погребенный тамо челоуѣкъ, хотя бы и безъ покаянія умеръ, спасенъ будетъ“...

„Могутъ обрѣстися нѣкія и церемоніи непотребныя, или и вредныя. Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ), и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкоей пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попь народу рздаетъ на благословеніе. Розыскать, такъ ли дѣется и вѣдаютъ ли о семъ мѣстѣ оныхъ епископи. Аще бо сія и симъ подобныя обрѣтаются, ведутъ людей въ явное и стыдное идолослуженіе.

„О мощахъ святыхъ, гдѣ какія лвятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и семъ наплутано; напримѣръ, предлагаются чуждыя нѣкія: святаго первомученика Стефана тѣло лежитъ и въ Венеціи на предградіи, въ монастырѣ Бенедиктинскомъ, въ церкви святаго Георгія, и въ Римѣ въ загородной церкви святаго Лаврентія; такожъ много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италіи, и пныхъ симъ подобныхъ безъ числа. Смотрѣть же, вѣсть ли и у насъ таковаго бездѣлія.

„Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ, службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утренняя или вечерняя, на части разобранна, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются...

„Вельми срамное и сіе обрѣталося (какъ сказуютъ): молитвы людямъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать. Для памяти сіе пишется, чтобъ иногда отвѣдать, еще ли сіе дѣется. Но здѣ не нужда исчислять вся неправости, словомъ рещи что либо именемъ суетвѣрія наречися можетъ, си есть лишнее, ко спасенію не потребнее, на интересъ только свой отъ лицемеровъ вымышленное, а простой народъ прельщающее, и аки спѣжнне заметы, правымъ истинны путемъ итти возбраняющее“¹⁾.

Эта явная антипатія къ народной вѣрѣ въ чудесное, поклонность объяснять происхожденіе народныхъ суетвѣрныхъ преданій намѣрен-

¹⁾ Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Спб. 1869, т. I, стр. 6—7.

нымъ вымысломъ лицемѣрныхъ людей, находившихъ въ томъ „свой интересъ“ (что, правда, нерѣдко и бывало) — все это черты чисто рационалистическія и они остались характерной особенностью взглядовъ XVIII вѣка.

Прямимъ продолженіемъ этой точки зрѣнія была дѣятельность Ломоносова. Онъ былъ человѣкъ религиозный, но въ большой степени рационалистъ: научная истина и вмѣстѣ практическая польза были постоянной мыслью его трудовъ не только ученыхъ, но нерѣдко и поэтическихъ. Онъ столько же, какъ составители „Регламента“, зналъ обиліе невѣжества въ русской жизни, подозрительное недовѣріе и вражду къ наукѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ объяснялъ права и пользу знанія и сожалѣлъ о недостаточности этого знанія въ русскомъ народѣ. Нѣтъ надобности приводить много примѣровъ,—болѣе или менѣе извѣстныхъ; ограничимся двумя-тремя указаніями. По поводу астрономическаго явленія (прохожденія Венеры черезъ солнце), наблюдавшагося въ Академіи въ 1761 г., онъ защищаетъ науку отъ подозрѣній невѣжества и рассуждаетъ о согласіи естествознанія съ религіей, обращаясь къ „благоразумнымъ и добрымъ людямъ“, приводя слова Евангелія, ссылаясь на исторію науки и на Василія Великаго. Религія и наука, каждая имѣютъ свою область. Богъ далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величіе, въ другой—свою волю; первая—видимый міръ, по которому человѣкъ можетъ познать Божіе всемогущество „по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія“; вторая—священное писаніе. Истолкователи послѣдняго—великіе церковные учителя; а что касается до перваго, то „въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій *суть таковы, каковы* по оной книгѣ (т. е. по священному писанію) пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителевъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи и химіи“. Итакъ дѣятель науки приравненъ Ломоносовымъ ни болѣе, ни менѣе какъ къ пророку и учителю церкви: и въ наше время немногіе рѣшатся такъ высоко ставить значеніе науки. Ломоносовъ не дѣлаетъ никакой уступки изъ этого права науки и въ другую сторону—въ сторону народнаго невѣжества, которое теперь такъ усердно стараются смѣшать съ „народнымъ духомъ“. Давая свой отвѣтъ ревнителямъ православія, онъ не забылъ и людей, „не просвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ“. „Не рѣдко,—говоритъ онъ,—легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродяція по міру

богаделенки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ объ имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, хотя сугорбась. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе за собственное его суетмысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣеть“. Но любопытнѣйшее изъ сочиненій Ломоносова въ этомъ отношеніи есть знаменитое „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи російскаго народа“, отъ котораго къ сожалѣнію сохранилась только одна часть. Ломоносовъ ставитъ существенный вопросъ народной жизни—самое сохраненіе и размноженіе этой жизни, и наука привела его къ строгому осужденію многихъ формъ стародавняго обычая: онъ не имѣлъ никакихъ опасеній, что этимъ будетъ поколеблена нерушимость „народнаго духа“. Ломоносовъ не замаскировывалъ ничѣмъ слабыхъ сторонъ народнаго преданія и прямо отвергалъ его, когда оно противорѣчило здравому смыслу и пользѣ самаго народа. Таковы его разсужденія о вредѣ для народной жизни, „отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящемъ“, какъ напр. о нечѣпости крестить младенцевъ въ ледяной водѣ, о заговѣньяхъ и розговѣньяхъ и т. п. Онъ сурово обличаетъ „невоздержаніе и неосторожность съ установленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и *имѣющими видъ нѣкоторой святости*. Паче другихъ именъ пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только переменнымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны доказываютъ то ясно. Розговѣнье тому жъ подобно. Да и дивиться не для чего“. Розговѣнье представляетъ картину необузданнаго обжорства и пьянства, которому предаются бывшіе постники, „какъ съ привязу спущенныя собаки“. „О, истинное христіанское пощеніе и празднество! не на такихъ ли Богъ негодуеть у пророка: праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!“ Бросается въ глаза сходство взглядовъ Ломоносова съ тѣмъ, какъ относился къ подобнымъ обычаямъ „Духовный Регламентъ“.

Литература XVIII-го вѣва нерѣдко возвращалась къ темъ предрасудковъ и невѣжества не только простого народа, но средняго и дворянскаго, и самаго духовнаго сословія, и, какъ бы ни были раздражательны формы и каковы бы ни были другіе недостатки этой литературы (слишкомъ часто бичевавшей „маленькихъ ворюшекъ для

одномъ бытъ: по пути нашъ ученый обращаетъ вниманіе на геологическія свойства края, уйдетъ со станціи впередъ и собираетъ растенія и насѣкомыхъ; встрѣтившись и познакомившись съ крестьяниномъ-охотникомъ, добываетъ черезъ него разныя породы звѣрей и птицъ, и за страницами описаній мѣстной природы и ландшафта, любопытныхъ растеній, бабочекъ, птицъ и рыбъ, слѣдуютъ рассказы о крестьянскомъ земледѣліи и промыслахъ, подробныя описанія мѣстныхъ производствъ, наконецъ, бесѣды съ хозяевами-крестьянами, у которыхъ остановился, и гдѣ конечно выступаютъ на сцену всякіе деревенскіе интересы, радости, а чаще заботы—и все это совершенно понятно нашему путешественнику, не требуетъ для него никакихъ толкованій, какъ будто онъ самъ давній деревенскій житель, которому все это давно знакомо; при случаѣ онъ дастъ полезный совѣтъ и замѣтитъ въ дневникѣ, какими мѣрами можно было бы помочь какой-нибудь крестьянской бѣдѣ и неустройству. Судя по рассказу, и самъ путешественникъ не внушалъ народу недовѣрія, съ нимъ охотно бесѣдовали, развѣ кому-нибудь приходило въ голову увидѣть въ немъ „чиновника“—качество, въ какомъ онъ самъ не желалъ являться народу. Наконецъ, онъ интересовался историческими преданіями и народными повѣрьями, и собралъ не мало матеріала, любопытнаго для историка и этнографа. Это простое отношеніе къ предмету изученій сказывается на самомъ языкѣ „Записокъ“; онъ очень простъ и тогда, когда авторъ говоритъ о предметахъ научныхъ, и тогда, когда онъ переходитъ къ обыденному крестьянскому житію. Онъ можетъ даже удивить однимъ свойствомъ, котораго, пожалуй, не ждали бы отъ ученаго петербуржца прошлаго вѣка: это—большое знаніе народной рѣчи; авторъ въ простомъ рассказѣ употребляетъ такія народныя слова, которыя далеко нельзя назвать общеупотребительными и которыя однако не казались ему неудобными въ ученой книгѣ.

Таковъ общій литературный характеръ „Записокъ“. Самое направленіе писателя отличается именно тѣмъ же рационалистическимъ и утилитарнымъ характеромъ. Лепехинъ интересуется народными понятіями, но его взглядъ на ихъ содержаніе есть взглядъ критическій: онъ любопытенъ ему въ интересѣ научномъ; онъ записываетъ ихъ, какъ мѣстную бытовую черту, необходимую „для познанія російскаго народа“, но не думаетъ видѣть въ нихъ существо народности. То время было по преимуществу разсудочное, и рядомъ съ передачей исторической легенды, народнаго повѣрья и примѣты, является критическая оцѣнка—со стороны разумности повѣрья, достовѣрности преданья, или неразумности и недостовѣрности, и это было тѣмъ естественнѣе, что путешественникъ видѣлъ всѣ эти народныя

представленія во-очію и на практикѣ: онъ, наприм., объясняетъ естественнымъ путемъ плавающіе острова въ озерѣ Поганомъ, съ которыми соединялась историческая легенда; объясняетъ непрактичность традиціонныхъ врачебныхъ средствъ, употребляемыхъ народомъ, ошибочность или неполноту иныхъ народныхъ примѣтъ надъ явленіями природы и т. п., но точно также объясняетъ ихъ правильность, когда онъ вѣрно подмѣчаютъ происходящее въ природѣ. Точно также путешественникъ говоритъ и съ самимъ народомъ. Въ его литературной манерѣ сказывается обычный стиль прошлаго вѣка, и вмѣстѣ особенности его личнаго характера. Онъ обстоятельно передаетъ подробности путешествія, снабжая рассказъ размышленіями по поводу встрѣченныхъ фактовъ и случаевъ, небольшими правописательными картинками и т. п. Юмористическая складка, которая была въ характерѣ его ума, находила себѣ пищу въ иныхъ встрѣчахъ съ захолустной жизнью, съ деревенскими и городскими оригиналами, въ дорожныхъ приключеніяхъ.

„Записки“ Лепехина отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ предметовъ, на которыхъ останавливалось его вниманіе: не говоря о томъ, что относится специально къ естествознанію и имѣло свою важность для изученія природы нашего отечества, остановимся лишь на томъ, что касалось изученія народа. Рѣдкій путешественникъ нашего времени можетъ представить такое разнообразіе свѣдѣній естественно-научныхъ, бытовыхъ и этнографическихъ; наука, конечно, специализируется, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сожалѣнію, становится тѣснѣе и горизонтъ отдѣльнаго наблюдателя. Современный натуралистъ рѣдко подумаетъ объ археологіи и этнографіи; этнографъ рѣдко владѣетъ точными понятіями о свойствахъ почвы, о климатическихъ условіяхъ, имѣющихъ, однако, существенное вліяніе на самый складъ мѣстнаго быта. На все это одинаково распространялась ученая любознательность Лепехина, и вездѣ онъ является просвѣщеннымъ наблюдателемъ, способнымъ опредѣлить значеніе подобныхъ условій. Въ старомъ городѣ его интересуютъ остатки древности, и онъ умѣетъ отчетливо рассказать о нихъ; въ деревнѣ выслушиваетъ народныя преданія и повѣрья, провѣряетъ ихъ мѣстными данными, указываетъ различные роды и способы крестьянскаго труда; на Волгѣ опишетъ волжскія суда и способы плаванія; встрѣтивши какіе-нибудь заводы, кожевенные, мыловаренные, сѣрные и т. п., подробно рассказываетъ о тѣхъ приемахъ, съ какими ведется дѣло, сличаетъ съ такими приемами въ другихъ мѣстахъ, указываетъ ихъ удобства и неудобства; расскажетъ, какъ поступаютъ крестьяне въ случаяхъ скотскаго падежа (онъ встрѣчалъ ихъ очень часто) и постарается отыскать причину бѣды; расскажетъ народныя примѣты относительно

погоды, болѣзней и т. п., объяснить ихъ дѣйствительную или вѣроятную подделку, или укажетъ ихъ несообразность; опишетъ народные обычаи, расскажетъ о встрѣченныхъ имъ инородцахъ, остановится на объясненіи ихъ быта, нравовъ, вѣрованій, одежды и т. д. Два, три образчика дадутъ понятіе о его манерѣ, гдѣ не разъ проглядываетъ добродушная шутка и юморъ, которые не мѣшаютъ ему дать точное понятіе о дѣлѣ. Вотъ, напр., его рассказы о народномъ врачествѣ и знахарствѣ. — Во время пребыванія во Владимірѣ путешественники между прочимъ набрали травы, называемой „царь-трава“ или „большой прикрьть“:

„Дворница, старуха пожилая, которая въ городѣ, какъ мы послѣ спровѣданія, за сродницу Эскуляпову почиталася, увидя копенку травъ, спрашивала у насъ: на какую потребу мы травы собираемъ? Но какъ мы ей отвѣтствовали, что мы никакого другого къ тому предмета, кромѣ любопытства, не имѣемъ, и силы сихъ травъ не разумѣемъ, то она столь была ободрена нашимъ отвѣтомъ, что не оставила и похулить нашего предмета, и возгордяся своимъ знаніемъ сказала: и золото въ рукахъ незнающаго грязь. Потомъ взяла царь-траву, и называя ее земнымъ сокровищемъ, отрадою болящихъ, и проч., вознамѣрилася быть нашимъ Иппократомъ. Это царь-трава — продолжала она, — трава надъ травами, угодная во многихъ болѣзняхъ, отъ утробы, водяной болѣзни, отъ матки, когда она засядетъ въ горлѣ; отъ паралича, отъ всякой нечисти. Я бы безъ сумнѣнія навелъ страхъ читателю, естли бы привелъ здѣсь толкованія почтенной вашей бабушки на помянутыя болѣзни. Но какъ бабушка начала на своемъ безмѣнѣ развѣшивать приемы, то и у насъ стали волосы дыбомъ, и вышедъ изъ терпѣнія, осмѣлилися попротивурѣчить Эскуляповой сродственницѣ. Споръ нашъ съ начала обоюду былъ нарочито горячъ; но бабушка скоро опѣшила. Одержанная нами побѣда весьма была намъ непріятна: ибо никто болѣе бабушку къ разговору склонить не могъ, и мы нашею неосторожностію лишились случая испытать сокровенная Владимірской врачевницы. Она еще болѣе находилася въ трусости, когда отъ бывшихъ у меня солдатъ спровѣдала, что я принадлежу такъ же къ числу врачей, и стороною старалася насъ увѣрить, что рассказывала слышанное, а сама никого не лѣчитъ. Сей случай сдѣлалъ меня осторожнымъ, чтобы никогда не скакаться докторомъ между чернью, но употреблять мой академическій чинъ.“

„Хотя такое лѣченіе, сравнивая съ записками и примѣчаніями врачей, кажется быть убійственнымъ: однако должно и то взять въ разсужденіе, что ежели бы наша бабушка часто своимъ лѣченіемъ отправляла на тотъ свѣтъ, то бы безъ сумнѣнія скоро потеряла себѣ довѣренность. Можетъ статься, что крѣпость сложенія нашихъ простолюдиновъ въ состояніи понестъ и ядовитое лѣкарство; и всякъ, кто предосудительныхъ мыслей о ядовитыхъ тѣлахъ не имѣетъ, безпрекословно со мною согласится, что многія, называемыя отъ насъ ядомъ, могутъ въ рукѣ разумнаго быть божественнымъ лѣкарствомъ, только бы онѣ не были развѣшаны по бабушкиному безмѣну“¹⁾.

Старый обычай былъ въ тѣ времена еще такъ силенъ, что нашъ

¹⁾ „Дневныя Записки“, Спб. 1771, т. I, стр. 16—18.

представленія во-очію и на п-
 ственнымъ путемъ пла-
 рыми соединялась у
 традиціонныхъ вр-
 бочность или нег
 природы и т. п
 когда онѣ вѣу
 путешественн
 турной ман-
 особенност
 дробност
 встрѣче
 картиг
 рактг
 холг
 дог

п
 т

СЛАВЯН:
 «...у владимирской
 врачемъ, однако люди въ бо-
 незаконно ко врачеванію рож-
 ворожей и прочая. На сколько
 себя въ опасность жизни, не
 оданѣ изъ чиновныхъ отставныхъ
 упомянуть не дозво-
 словоохотливъ. Рассказывая многія свои
 какъ всякъ легко понять можетъ, не
 до нашихъ врачей, при которой, съѣли бы
 ученіемъ прибрѣтенное искусство врачев-
 бабушки своей лѣчебникъ и неудобо-
 бытъ соучастниками его премудрости, безъ дальнаго
 открытъ сокровенная своего наслед-
 по Алаторской до-
 (Lithium foliaca), которую
 не знаю что, сорвалъ и остановился говорить:
 для того, что она заставляетъ плакать нечистыхъ
 духи. Когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ неприязненные духи
 выгнать домовыхъ дѣдушекъ, кикиморъ,
 которой нечистые стрегутъ
 кладу, которой нечистые стрегутъ
 примѣромъ, хотя онъ
 сколько можно представить себѣ
 до ворожей. Ко-
 по пригоркамъ растущая, по-
 должно знать всякому
 Дымомъ ея когда окурить ружье, то пн-
 какъ отъ Владимирской врачев-
 и т. д.

И затѣмъ идетъ на цѣлхъ шести страницахъ перечисленіе ле-
 карственныхъ травъ, дѣйствіе которыхъ объяснял арзамасскій зна-
 харь и къ которымъ Лепехинъ прибавилъ ихъ ботаническія названія.
 Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ народнымъ старымъ „травни-
 комъ“ или „зеленикомъ“ еще въ живомъ употребленіи, и любо-
 пытно, что находимъ его въ дѣлѣ у „чиновнаго офицера“. Останав-
 ливаясь въ деревнѣ, нашъ путешественникъ обстоятельно описы-
 ваетъ способы крестьянскаго труда, рассказываетъ бытовыл повѣрья,
 деревенскіе нравы и обычаи, и если бы повѣйшіе народники больше

¹⁾ Дѣйствующее лицо изъ комедіи Сумарокова „Тресотниусъ“, — офицеръ-
 хвастунъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 72 и слѣд.

знакомы были со старой литературой, они увидѣли бы, что Лепехинъ больше ста лѣтъ тому назадъ описывалъ бытовныя формы, которыя, по ихъ мнѣнію, чуть ли не въ первый разъ ими открыты. Укажемъ, напр., на описаніе деревенской помочи (I, стр. 129—130): рассказавъ о помочи обыкновенной, Лепехинъ упоминаетъ и другой ея родъ, который „всякой похвалы достоинъ“ и называется сиротскою или вдовьею помочью. Лепехинъ рассказываетъ о дѣлѣжѣ пашни, уборкѣ хлѣба, устройствѣ одоньевъ и овиновъ, постройкѣ избъ, и, встрѣчаясь въ восточныхъ краяхъ Россіи съ инородческими племенами, даетъ любопытные факты объ ихъ отношеніяхъ съ русскими. Плавая по Волгѣ, онъ выслушиваетъ народныя легенды (любопытная легенда о Царевѣ курганѣ, I, стр. 234—235) и старается провѣрить ихъ фактическими наблюденіями. Дальше упомянемъ объ его археологическихъ и историческихъ замѣткахъ, которыя остаются любопытны и нынѣ.

Однимъ словомъ, мы видимъ въ Лепехинѣ умнаго наблюдателя, съ простымъ здравымъ отношеніемъ къ дѣлу, разносторонне подготовленнаго къ изученію, которое онъ предпринимаетъ, вовсе не чуждаго народной жизни и не имѣющаго понятія объ „оторванности“, которую хотятъ навязать ему услужливые потомки. Научное знаніе, съ которымъ онъ обращается къ народной жизни, есть такое простое знаніе природы, исторіи, человѣческаго труда, въ которомъ онъ и вообразить не могъ какого-нибудь противорѣчія съ народнымъ духомъ, и онъ очень естественно примѣняетъ его къ различнымъ явленіямъ русской жизни и природы. Какъ ученый и какъ человѣкъ своего времени, онъ былъ, конечно, раціоналистъ; иначе и не могло быть; но онъ записалъ розсказни Эскулаповой родственницы или офицера-знахаря въ Арзамасѣ, какъ потому, что это была любопытная черта народнаго быта, такъ и потому, что ему уже видѣлась важность этихъ фактовъ для науки, хотя настоящая этнографическая наука въ то время еще не существовала. Народная жизнь не представляла какой-нибудь особенной новости для Лепехина, человѣка самаго петербургскаго и воспитавшагося на самой западной наукѣ: явленія этой жизни были любопытны ему, какъ ученому, иногда бывали ему новы, какъ уроженцу другого края и человѣку другихъ занятій, но вовсе не были сюрпризомъ. У себя дома онъ былъ окруженъ тою же русской жизнью; тогдашняя городская (даже столичная) жизнь отличалась еще большою патриархальностью, была переполнена старинными нравами и народнымъ обычаемъ: на городскихъ улицахъ справлялись деревенскіе праздники и шли кулачные бои; служилое дворянство было въ большинствѣ наѣзжее, привозившее въ своей дворнѣ деревенскіе элементы и не прерывавшее связей съ деревнею;

въ быту средняго класса (какъ теперь въ извѣстной части купечества и мѣщанства) свято хранились дѣдовскіе пріемы, и Лепехинъ могъ бы знать Эскулаповыхъ родственницъ въ самомъ Петербургѣ. Немудрено, что въ „Запискахъ“ видно хорошее знаніе народнаго языка: въ самомъ его разсказѣ встрѣчаются термины, иногда, вѣроятно, неизвѣстные новѣйшимъ народникамъ.

Деревня время Лепехина живетъ вполне патриархальною жизнью, но въ средѣ помѣщиковъ уже принимаются техническія знанія и научная любовязательность. Таковъ былъ въ то время извѣстный П. И. Рычковъ, котораго Лепехинъ посѣтилъ въ его заволжскомъ имѣніи.

Озерецковскій былъ спутникомъ Лепехина въ качествѣ студента и участникомъ его работъ, и его собственныя путевыя записки составлялись въ томъ же духѣ и по той же программѣ. Въ это время онъ уже исполнялъ самостоятельно особыя поѣздки, и многія описанія его вошли въ составъ „Записокъ“ Лепехина. Это былъ опять натуралистъ, археологъ и этнографъ; интересъ научный опять соединяется съ вопросами практической пользы. Отмѣчая характеръ мѣстности, описывая флору и фауну, онъ собираетъ мѣстныя географическія названія, статистическія свѣдѣнія о народныхъ промыслахъ и нерѣдко даетъ любопытныя бытовыя картинки, которыя могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для исторической этнографіи. При собираніи свѣдѣній Озерецковскій поступалъ вообще съ большою осмотрительностью: онъ собиралъ ихъ отъ свѣдущихъ мѣстныхъ людей и знатоковъ края изъ всякихъ классовъ общества, сличалъ данныя и старался провѣрять ихъ собственными наблюденіями. Дальше мы упомянемъ объ его историческихъ наблюденіяхъ, а здѣсь ограничимся двумя-тремя образчиками бытовыхъ описаній, относящихся къ Олонецкому и Новгородскому краю.

„Въ селѣ Видлицѣ былъ я въ праздникъ Иліи пророка. По окончаніи обѣданъ, женскій полъ разбрелся по кладбищу, церковь окружающему, и каждая женщина, поклонясь со знакомою ей могилою, обнимала оную обѣими руками. То же самое дѣлали онѣ и между собою при свиданіи одной съ другою: охватывались только руками, а не цѣловались. Такое повѣрье во всей странѣ сей есть общее. Другое обыкновеніе—строить въ деревняхъ и въ лѣсу часовни, ставить въ нихъ образа, изъ конхъ всегда бываетъ одинъ мѣстный, то-есть такой, которому предпочтительно передъ другими часовня посвящается. Большая часть часовенъ посвящены Иліѣ пророку и святителю Николаю...

„Въ Старой Русѣ среда и пятница дни весьма непріятны и тягостны отъ бродягъ, приходящихъ въ городъ изъ всего округа не просить, а требовать милостыни отъ всякаго дома, по заведенному тамъ обыкновенію. Не успѣетъ хозяинъ или хозяйка дома одѣлать копѣйками мужиковъ, бабъ, дѣвченокъ, ребятишекъ и пр., какъ тотчасъ приходятъ къ окну другіе канюки, которымъ нѣтъ счету, сколько ихъ по середамъ и пятницамъ въ городѣ таскается. Въ

другі дни ихъ не бываетъ. Бродяги сіи не отходятъ отъ дому, развѣ отгонить ихъ тѣмъ, когда позовешь мужика покопать въ огородѣ землю, а женщину или дѣвку вымыть полъ въ горницѣ...

„Во время ярмарки на Валаамѣ, деревенскія женщины и дѣвки ранѣе всѣхъ отъ сна пробуждались, и вставши, немедленно бросались къ водѣ, чтобъ мыться. Дѣйствіе сіе продолжается у нихъ не мало времени, потому что онѣ, во-первыхъ, полощутся водою, потомъ моются мыломъ, которое смывъ, натираются бѣлилами, и натираются, стоятъ или сидятъ на судахъ безъ всякаго дѣйствія, давая время бѣлиламъ хорошенько вобраться въ кожу. Послѣ сего бережно смываютъ ихъ съ лица, и какъ многія изъ нихъ зеркаль не имѣютъ, то смотрятся въ воду, и съ помощью сего зеркала уравниваютъ на себѣ подложную бѣлизну, которую, наконецъ, прикрашиваютъ румянами; надѣваютъ на себя кумачные сарафаны и повязываются алыми платками или лентами, и тогда уже съ судовъ своихъ сходятъ. Многіе безъ сумнѣнія уборку сію похуляютъ, особливо за излишнее употребленіе бѣлилъ, которыя составляютъ изъ вредной свинцовой извести; но поелику деревенскія женщины убираются такимъ образомъ только во время ярмарки, а въ домахъ у себя въ дни большіе праздники, то бѣленье сіе ни мало лицъ у нихъ не портитъ, а доказываетъ, напротивъ того, ихъ опрятность, веселось духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Изъ сего ясно также видѣть можно, что въ нравахъ ихъ грубости нѣтъ, и что народъ, который цечется о убранныхъ, весьма способенъ къ принятію просвѣщенія, ему приличнаго“.

Отъ путешественника не укрылись и такія черты нравовъ, которыя свидѣтельствовали о самоуправствѣ и грабительствѣ чиновнической братіи и о загнанности народа:

„При устьѣ Большой Инцы,—говоритъ онъ,—жилъ одинъ только крестьянинъ, который, испужавшись ночного моего прѣзда, въ клѣти своей, за одною только отъ меня перегородкою, вслухъ совѣтуется съ женою своею, чѣмъ меня подарить. По окончаніи совѣта, который весь я слышалъ, приноситъ онъ мнѣ рублевикъ съ боязнью, со страхомъ, чтобъ я малымъ его подаркомъ не огорчился. На вопросъ мой, за что даетъ онъ мнѣ рубль, отвѣчалъ онъ, чтобы я его не обидѣлъ. — Пооди съ твоимъ рублемъ, сказалъ я; мнѣ обидѣть тебя незачто. — Когда мужикъ вышелъ отъ меня въ сѣнцы къ женѣ своей, и отдалъ ей рубль, то она сказала: другому офицеру пригодится. Такимъ-то образомъ бѣдные люди отъ проѣзжающихъ безчинниковъ тамъ откупаются“.

По своему взгляду на вещи, ученому и житейскому, Озерецковскій былъ человѣкъ той же школы. Такъ, напр., онъ смотритъ на монастыри и на расколъ: въ одномъ случаѣ онъ руководится соображеніями пользы и вознагражденія за труды, въ другомъ—побужденіями вѣротерпимости, которая мало придаетъ значенія внѣшнимъ формамъ религіознаго чувства. Рассказывая о Валаамскомъ монастырѣ, жизнь въ которомъ, за исключеніемъ одной годовой ярмарки, представляетъ почти абсолютное уединеніе, Озерецковскій прибавляетъ:

„Потому валаамскій монастырь наиспокойнѣйшимъ можетъ быть убѣжищемъ для такихъ людей, кои въ обществѣ исполнили долгъ чловѣка и гражданина, и тѣмъ заслужили, чтобъ оно позволило имъ препровождать остальную

жизнь въ совершенномъ спокойствіи, не требуя отъ нихъ больше никакого служенія. Но грѣшно бы было, если бы такое спокойствіе безъ разбору давалось людямъ, обществу не служившимъ, которые однимъ только отрицаемъ отъ міра право на то снискиваютъ“. Монастырь на Черемнецкомъ озерѣ, близъ Луги, имѣетъ „собственное земледѣшество, скотоводство и рыбную ловлю. Разумѣется, что монахи сами ни земли не папуть, ни скота не пасутъ, ни рыбы не ловятъ, а отдаютъ угодыя свои крестьянамъ; сами-жъ живутъ какъ помѣщики, имѣя прывыгодныя мѣста, на какихъ лежатъ всѣ въ Европѣ монастыри, которыхъ многое множество“ и т. д.

Раскольники, по его мнѣнію, — „такіе же христіане, какъ я и всякъ мнѣ подобный, во думаютъ, что особливими своими обрядами въ богослуженіи лучше угождаютъ Богу; у всѣхъ сего рода людей спасеніе души есть главная причина ихъ заблужденій“ ¹⁾.

Не будемъ останавливаться на описательныхъ трудахъ названнаго выше академика Иноходцова: довольно сказать, что въ нихъ опять господствуетъ та же программа, какую мы видѣли у Лепехина, но съ бѣльшимъ количествомъ свѣдѣній географическихъ и статистическихъ. Иноходцовъ посвящаетъ также не мало труда на разысканія историческія и сообщаетъ не мало подробностей о мѣстномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, препровожденіи времени, такъ что его описанія причисляются къ лучшимъ этнографическимъ трудамъ нашей литературы прошлаго вѣка ²⁾. Такимъ же характеромъ отличаются путешествія академика Севергина, гдѣ опять среди естественно-научныхъ описаній разсѣяно не мало любопытныхъ этнографическихъ и бытовыхъ данныхъ и т. д. ³⁾.

Въ то же время, когда Академія предпринимала рядъ ученыхъ экспедицій въ разные края Россіи, интересъ къ изученію своего отечества развивается въ средѣ частныхъ лицъ, и эта сторона тогдашней описательной литературы опять чрезвычайно любопытна исторически, какъ фактъ самостоятельнаго общественнаго интереса къ дѣлу. Ученые путешественники въ самыхъ далекихъ заголустыяхъ встрѣчали людей съ научною любознательностью, съ хорошимъ и разностороннимъ знаніемъ своего края, отъ которыхъ имѣ случилось

¹⁾ Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 66 — 68, 78 — 80, 109—110; Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 33—34, 41—42; Путешествія Лепехина, ч. IV, стр. 92 и проч.; Сухомлинова, Ист. Росс. Акад. II, 329—334.

²⁾ Ист. Росс. Акад., т. III (Сборникъ, т. XVI, 1877), стр. 217—233, 430.

³⁾ (Сухомлиновъ, тамъ же, т. IV (Сборникъ, т. XIX, 1878), стр. 55 и слѣд. Отмѣтимъ, напр., разказы о городахъ Торощѣ, Порховѣ, Валдаѣ; замѣчанія о финскомъ населеніи въ западномъ краѣ, гдѣ одну изъ причинъ умственной и физической подавленности этого населенія Севергинъ очень основательно видитъ въ крѣпостномъ правѣ и т. п. Но при описаніи русско-польскихъ провинцій ученый академикъ имѣетъ наивность говорить о „шизматикахъ“, не подозревая, что это просто—русскіе православные.

получать весьма полезную поддержку. Въ литературѣ второй половины столѣтія является новый разрядъ сочиненій, посвященныхъ именно мѣстнымъ изученіямъ. Не входя въ подробности этой литературы, укажемъ нѣкоторые факты. Однимъ изъ первыхъ дѣятелей этой мѣстной литературы былъ извѣстный Петръ Ивановичъ Рычковъ (1712 — 1777). Сынъ купца, водившаго дѣла съ иноземцами, Рычковъ не прошелъ никакой правильной школы, но владѣя хорошо нѣмецкимъ языкомъ (которому отецъ хотѣлъ выучить его для торговыхъ дѣлъ), нашель службу сначала въ купеческой конторѣ одного иностранца, а вскорѣ и казенное мѣсто бухгалтера въ таможнѣ. Въ этой же должности онъ отправился въ 1734 г. на службу въ „оренбургскую экспедицію“, которую начальствовалъ названный нами раньше Кириловъ, а за нимъ Татищевъ, извѣстный историкъ. Оба начальника были просвѣщенные люди, проникнуты великою ревностю къ изученію отечества, и подѣ ихъ вліяніемъ Рычковъ усердно занялся изслѣдованіемъ края, гдѣ проходила его служебная дѣятельность. Онъ дослужился до чиновъ и деревень, былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи наукъ и дѣятельнымъ писателемъ по исторіи оренбургскаго края, и по различнымъ вопросамъ торговой и хозяйственной практики. Много его сочиненій помѣщено было въ „Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ“, Миллера, съ которыми онъ велъ дѣятельную переписку, въ „Трудахъ“ тогда только-что основаннаго Вольнаго Экономическаго общества, отъ котораго получалъ медали; было наконецъ и нѣсколько отдѣльныхъ изданій. Труды его обратили на себя вниманіе и въ нѣмецкой литературѣ, въ которой былъ въ тѣ годы вообще большой интересъ къ изученію Россіи ¹⁾).

Труды Рычкова имѣютъ свои немалые недостатки, и именно недостатковъ критическаго отношенія къ источникамъ, свидѣтельствующій объ отсутствіи правильной школы; но они важны по обилію свѣдѣній—самъ Палласъ началъ-было переводъ „Оренбургской топографіи“. Мѣстная исторія была, по мнѣнію Рычкова, необходима: „общая исторія всей Россіи,—говоритъ онъ въ предисловіи къ своей „Казанской исторіи“,—чтобъ быть ей полною и совершенною, по вели-

¹⁾ „Исторія Оренбургская“ помѣщена была въ „Сочиненіяхъ и переводахъ“, изд. Миллера, 1759; „Топографія Оренбургская, то есть обстоятельное описаніе Оренбургской губерніи“, 2 ч. Спб. 1762 (нѣмецкіе переводы: пастора Газе въ Бюшингоуъ „Магазинъ“, V, 1771, и Ролле, Рига, 1772); „Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ“, Спб., 1767 (нѣм. переводъ, Рига, 1772); „Введеніе къ астраханской топографіи“ и пр. (книга слабая), М. 1774. Наконецъ, Рычковъ составилъ записки объ осадѣ Оренбурга Пугачевимъ, и оренбургскій „Топографическій лексиконъ“.—послѣдній затерялся. Биографія въ книгѣ Пекарскаго: Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. Спб. 1867.

кости имперіи и по множеству ея провинцій, изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній“... Сынъ Рычкова, Николай, также работалъ въ этой описательной литературѣ. Записанный въ полкъ мальчикомъ, онъ 21 года уже вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, въ 1767 г., и въ томъ же году опредѣленъ „въ команду г. профессора Палласа“, т.-е. въ составъ его ученой экспедиціи. Рычковъ-младшій не имѣлъ настоящей подготовки, но добросовѣстный и усердный работникъ, онъ собралъ много полезныхъ свѣдѣній по исторіи и этнографіи сѣверо-восточнаго края Россіи, а позднѣе о киргизъ-кайсацкихъ степяхъ ¹⁾.

Еще болѣе, чѣмъ Рычковъ-старшій, были самоучками два усердные труженика по мѣстной исторіи архангельскаго края — Крестининъ и Оминъ. Вас. Вас. Крестининъ (1728—1795), „архангелогорскій гражданинъ“, повидимому самоучка, представляетъ тѣмъ болѣе любопытный примѣръ серьезной любознательности и упорнаго труда, положеннаго имъ на изученіе своей родины. Его отецъ изъ бѣдныхъ сиротъ Холмогорскаго посада вышелъ въ первостатейные купцы и занималъ важныя посадскія должности въ Архангельскѣ (напр., былъ бургомистромъ), но потомъ потерялъ состояніе, и Крестининъ-сынъ не былъ богатъ и жилъ собственными трудами. Онъ также занималъ разныя посадскія должности, бывалъ посадскимъ старшиной, архивариусомъ въ магистратѣ, мѣщанскимъ писаремъ; впоследствии, за свои службы по выборамъ онъ получилъ званіе „степеннаго гражданина“. Можно замѣтить, что онъ зналъ по-нѣмецки и по-латыни. Среди провинціального захолустья и невѣжества собрался въ Архангельскѣ въ 1760-хъ годахъ небольшой кружокъ людей, на которыхъ отозвалось просвѣтительное вліяніе времени. Душою этого кружка былъ Крестининъ, къ которому присоединился молодой купецъ Александръ Оминъ и еще два-три человѣка, между прочимъ прокуроръ Нарышкинъ. Они возымѣли мысль завести нѣчто въ родѣ историческаго общества для изученія своего края; но обстоятельства мало благоприятствовали ихъ работѣ: захолустное невѣжество всегда съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ смотритъ на такія попытки умственнаго труда; любители исторіи, какъ говорятъ, прослыли вольнодумцами и даже „фармазонами“. Въ 1768 они просили разрѣшенія пересмотрѣть мѣстные архивы, но получили отказъ, а въ 1770-хъ

¹⁾ „Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Николая Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства 1769 и 1770 года“ и „Продолженіе Журнала“, Спб. 1770—1772; „Дневныя записки путешествія кап. Ник. Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 году“. Спб. 1772. Нѣмецкій переводъ всѣхъ записокъ, Рига, 1774. — Объ авторѣ ихъ въ той же книгѣ Певарскаго, стр. 114, 125 и слѣд.

годахъ архивъ губернской канцеляріи, гдѣ было, безъ сомнѣнія, много важныхъ остатковъ старины, сгорѣлъ. Между тѣмъ общество распалось, но Крестининъ продолжалъ трудиться; великой нравственной поддержкой послужило ему знакомство съ Лепехинымъ и Озерецковскимъ, которые заѣхали въ архангельскій край въ 1771 году. Ученые путешественники получили отъ Крестинина много важныхъ указаній и, благодаря имъ, онъ впоследствии сдѣланъ былъ корреспондентомъ Академіи наукъ.—Ревностнымъ поискамъ Крестинина удалось собрать много важнаго историческаго матеріала, не только по исторіи края, но и по далекой русской древности. Такъ, онъ доставилъ для „Древней Россійской Вивліюэки“ Новикова цѣлый рядъ замѣчательныхъ памятниковъ, извлеченныхъ имъ изъ старой Кормчей, какъ, напр., Уставъ князя Владимира о церковныхъ судахъ и о десятинахъ, дополненіе къ нему вел. кн. Ярослава Владимировича и новый важный текстъ Русской Правды. Впоследствии, въ IV-мъ посмертномъ томѣ путешествія Лепехина напечатано было Озерецковскимъ нѣсколько двинскихъ грамотъ съ объясненіями Крестинина; другія работы помѣщалъ онъ въ академическихъ изданіяхъ, какъ „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія“ и мѣсяцесловы. Наконецъ Крестининъ издалъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій по исторіи двинскаго края ¹⁾.

Упомянутый А. И. Өминъ, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка публичный нотаріусъ въ Архангельскѣ, составилъ описаніе Бѣлаго моря, былъ также корреспондентомъ Академіи наукъ и членомъ Вольнаго Экономическаго Общества ²⁾.

Для мѣстныхъ описаній Россіи много работалъ плодовитый собиратель Вас. Григ. Рубанъ (1739—1795). Онъ учился въ кievской, потомъ въ московской славяно-латинской академіи и московскомъ университетѣ, издавалъ нѣсколько журналовъ и много писалъ по исторіи и статистикѣ Малороссіи; въ своихъ „Любопытныхъ мѣсяцесловахъ“ (съ 1776) онъ помѣстилъ много матеріаловъ для мѣстной исторіи (рописи губерній или намѣстничествъ, съ показаніемъ числа

¹⁾ „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ“, ч. I (доведено до конца XVII вѣка). Спб. 1784; „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ“, Спб. 1785; „Начертаніе исторіи города Холмогоръ“, съ двумя таблицами, издаво академикомъ Озерецковскимъ, Спб. 1790; „Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ“, Спб. 1792.

²⁾ Описаніе Бѣлаго моря съ его берегами и островами вообще, и пр. Спб. 1797. Біографическія свѣдѣнія о Крестининѣ и Өминѣ см. въ журналахъ: „Малыя“ 1844, № 10, стр. 54, и „Финскій Вѣстникъ“, 1845, т. VI, стр. 195; далѣе „Архангельскія Губ. Вѣдомости“, 1858, № 43, ст. Гр. Заринскаго, и 1871, № 58—73, въ статьяхъ П. Е. (Ефименко): „Что сдѣлано для исторіи крайняго сѣвера и что слѣдуетъ сдѣлать“, о Крестининѣ и Өминѣ въ № 60—62.

провинцій и городовъ; описанія епархій и т. п.); издалъ описанія Петербурга и Москвы и т. д. ¹⁾. Въ Малороссіи, присоединеніе которой не было еще слишкомъ давнимъ фактомъ, мѣстный интересъ подобныхъ изученій связывается еще съ воспоминаніями о недавней исторической особености, съ чувствомъ особености этнографической, и мѣстная исторія вызвала рядъ отчасти замѣчательныхъ работъ, которыя, впрочемъ, въ то время обращались больше въ рукописяхъ и изданы были уже къ нашему времени. Такова, напр., замѣчательная книга Шафонскаго, изданная уже въ наше время ²⁾: это—по-истинѣ драгоценный матеріалъ для изученія южной Россіи, своей мыслью и исполненіемъ не уступающій лучшимъ работамъ новѣйшихъ статистиковъ народнаго быта. Таковы были историческіе труды Ханенка, Симоновскаго, Ригельмана и др. Изданы были еще въ прошломъ столѣтіи „Записки о Малороссіи, ея жителейхъ и произведеніяхъ“, Якова Марковича (ч. I, Спб. 1798).—Упомянемъ еще отдѣльные географическіе труды Засѣцкаго, московскаго профессора Дильтея, Миллера, Павла Сумарокова и др. ³⁾.

Наконецъ, большая масса описательныхъ, географическихъ и историческихъ работъ помѣщалась въ „Мѣсяцесловахъ“, издававшихся Академіей наукъ. Эти статьи были потомъ соединяемы въ особомъ сборникѣ, составляющемъ весьма цѣнный историко-географическій матеріалъ ⁴⁾.

¹⁾ Землеописаніе Малыя Россіи, Спб. 1777; Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, въ 1703 по 1751 годъ, сочин. Андрея Богданова, дополнено и издано В. Рубаномъ, Спб. 1779; Описаніе императорскаго столичнаго города Москвы, Спб. 1782; Всеобщій и совершенный Гонецъ и Путеводитель, или полный повсемѣстный російскій и повсюдний европейскій дорожникъ, 2 части, Спб. 1791.—О Рубанѣ, см. Филарета, Обзоръ дух. литературы, кн. 2, изд. 2-е Черниговъ, 1863, стр. 126—128; Ист. Росс. Акад. I, стр. 304—308.

²⁾ Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи, сочиненное Аванасіемъ Шафонскимъ, въ Черниговѣ, 1786 года. Кіевъ, 1851.

³⁾ Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи, и частно о городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ, и о состояніи онаго по нынѣ, собранъ Алексѣй Засѣцкій, М. 1780; Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о російской имперіи, часть 1-я: О тульскомъ намѣстничествѣ, соч. Филиппа Дильтея; на російскомъ и французскомъ языкахъ, Спб. 1781; Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, соч. Герарда Миллера, Спб. 1791; Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году, соч. Павла Сумарокова, М. 1800. О географическихъ работахъ Дильтея, см. въ „Биографическомъ словарѣ моск. профессоровъ“, т. I, стр. 309—310.

⁴⁾ Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разныя годы, издано Академіей наукъ. 10 частей, Спб. 1785—1798.—Объ этой литературѣ мѣстныхъ описаній см. еще въ книгѣ В. Семева: Крестьяне въ царствованіе имп. Екат. II, Спб. 1881, стр. XLV.

Вся эта литература описаній Россіи, отмѣченная здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ, составляетъ именно произведеніе реформы и „петербургскаго періода“, и не требуетъ особенныхъ объясненій то, какое значеніе принадлежитъ ей въ вопросѣ развитія нашего національнаго сознанія. Русскому народу привелось, еще въ незавершенномъ складѣ самаго государства, раскинуться на такіа громадныя пространства, что вопросъ національнаго сознанія получалъ у насъ особенную черту, незнакому другимъ народамъ. Нѣмцу, французу, англичанину старыхъ временъ не трудно было освоиться со всѣми краями своего отечества, составить понятіе объ его цѣломъ и варіаціяхъ страны и населенія. У насъ было не то. Не только въ старое, но и въ наше время только очень рѣдкимъ людямъ удавалось своими глазами видѣть разные концы государства, населенные к русскими, и не-русскими, совершенно непохожіе одинъ на другой по всѣмъ условіямъ почвы, климата и быта: отдѣльныя части государства разъединялись громадными пространствами, трудностью сообщеній, наконецъ національностью, языкомъ, религіей, всей прежней исторіей,—но съ этимъ разъединялось конечно и сознаніе. Мѣстныя населенія жили особнякомъ, чуждыми другъ другу, а вмѣстѣ чуждыми тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ возбужденіямъ, которыя проистекають изъ болѣе тѣснаго общенія. Правда, были сильныя элементы объединенія: безграничный авторитетъ власти, централизація управленія, одна вѣра и языкъ огромнаго господствующаго большинства; но при недостаткѣ общественно-бытового соединенія и взаимодѣйствія національная жизнь самого большинства оставалась въ какомъ-то бессознательномъ туманѣ подъ властью инстинктивныхъ побужденій преданія и случайностей. Если въ административномъ смыслѣ отдѣльные края Россіи становились въ старину настоящими сатрапіями подъ самовольнымъ и грабительскимъ правленіемъ воеводъ, отъ которыхъ жители—„сироты“ бѣжали съ своими „животишками и дѣтишками“, или на которыхъ они слезно (и всего чаще бесплодно) жаловались въ Москву, то подобный разбродъ долженъ былъ отражаться и въ умственной жизни народа, въ стихійномъ складѣ народнаго сознанія. Тѣ живыя силы, какія не могли отсутствовать въ народѣ, силы ума, таланта, любознательности, пропадали отъ недостатка школы и недостатка общенія: имъ не на чемъ было развиваться и горизонтъ суживался. Въ то время какъ въ европейской литературѣ совершались уже великія приобрѣтенія научнаго знанія, у насъ не было признаковъ научныхъ понятій о природѣ, ни географическаго знанія своей страны, ни сознательнаго пониманія своей исторіи. Петровская реформа внесла великую двигательную силу—научное знаніе. Только съ этимъ приобрѣтается болѣе или

меѣе точное представленіе о дѣйствительности народной жизни, ея условіяхъ, ея внѣшнемъ и внутреннемъ складѣ, которое указываетъ народу возвышенныя цѣли просвѣщенія и вызываетъ къ жизни умственныя силы и поэтическое творчество народа. Мы привели слова знаменитаго европейскаго ученаго, который въ нашихъ старыхъ путешествіяхъ XVIII вѣка видѣлъ не только великое обогащеніе науки, но знаменательный фактъ національнаго самосознанія. Дѣйствительно, эти работы первыхъ русскихъ изслѣдователей были дѣломъ никогда ранѣе небывалымъ: онѣ заключали въ себѣ начало новыхъ внутреннихъ отношеній общества и народа, освѣщенныхъ научнымъ знаніемъ и сознательной общественной мыслью. Вотъ еще слова историка русской науки прошлаго вѣка, гдѣ указывается великое значеніе трудовъ нашихъ ученыхъ какъ для чистой науки, такъ и для прямыхъ потребностей русскаго общества. То поколѣніе русскихъ ученыхъ,—говоритъ онъ,—которое дѣйствовало во второй половинѣ прошлаго столѣтія, образовывалось подѣ непосредственнымъ вліяніемъ Ломоносова и продолжало преданіи его дѣятельности; черезъ это посредство оно продолжало преданіе Петровской реформы.

„Румовскій, Котельниковъ, Протасовъ получили свое научное образованіе подѣ руководствомъ Ломоносова; Лепехинъ и Иноходцовъ были учениками Румовскаго и Котельникова; Озерецковскій, Соколовъ, Севергинъ образовались подѣ благотворнымъ вліяніемъ Лепехина, и т. д. Названныя нами поколѣнія русскихъ ученыхъ, отъ Ломоносова до Севергина, связаны между собою основными началами своей научной дѣятельности и литературнымъ преданіемъ, вытекавшимъ изъ жизненныхъ условій времени и историческаго хода русской образованности.

„Всѣ эти ученые принадлежали, подобно Ломоносову, къ математикамъ и натуралистамъ и, также подобно ему, расширяли кругъ своей дѣятельности, перенося ее въ область чисто литературную. Такое же явленіе замѣчается и у другихъ народовъ, будучи естественнымъ слѣдствіемъ тогдашняго состоянія наукъ и образованности въ Европѣ. Заслуги нашихъ ученыхъ признавались и признаются какъ современными имъ свѣтилами науки, такъ и позднѣйшими судьями (отзывы Палласа, Леонарда Эйлера)...

„Русскимъ ученымъ восемнадцатаго столѣтія приходилось, подобно Ломоносову, прокладывать путь къ водворенію у насъ науки и защищать права ея въ борьбѣ съ невѣжествомъ, равнодушіемъ и предрасудками. Сама жизнь заставляла Ломоносова такъ часто и такъ горячо доказывать, что наука не враждебна религіи; что изученіе законовъ природы не умаляетъ, а возвышаетъ религіозное чувство, и что великій грѣхъ возставать на науку и задерживать ея свободное развитіе. Одинъ изъ учениковъ Ломоносова, Протасовъ, подробно объяснялъ значеніе слова „природа“ съ цѣлью опровергнуть обвиненіе, возводимое на науку, что будто бы она приписываетъ природѣ и ея законамъ ту силу и то всемогущество, которыя неотъемлемо и нераздѣльно принадлежать божеству. Подобная же мысль проглядываетъ и въ доказательствахъ важности и значенія той или другой науки, приводимыхъ ея представителями...

„Вторая половина восемнадцатаго столѣтія ознаменована пробужденіемъ

въ русскомъ обществѣ самосознанія. Въ литературѣ оно выразилось въ дѣятельности Новикова—въ содержаніи и направленіи его журналовъ, въ изданіи памятниковъ исторической жизни русскаго народа, и т. д. То же стремленіе къ самопознанію обнаруживается и въ ученыхъ путешествіяхъ по Россіи, предпринятыхъ съ цѣлью ознакомиться съ естественными и бытовыми особенностями Россіи. Еще Ломоносовъ доказывалъ необходимость путешествія по Россіи для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, для производства метеорологическихъ наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ для собранія лѣтописей, и т. п. Такъ же широко задуманы и достойнымъ образомъ исполнены путешествія по Россіи, совершенныя Лепехинымъ, Иноходцовымъ, Озерецковскимъ, Соколовымъ, обогатившія науку новыми данными и положившія твердое начало всестороннему наученію Россіи.

„Русскіе академики, отъ Ломоносова до Севергина, трудились для водворенія знаній въ Россіи, для поднятія умственнаго уровня русскаго общества и для народнаго образованія. Съ этими цѣлями они составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя, общедоступныя, статьи въ повременныя изданія, и т. д. Членамъ Академіи наукъ и Россійской академіи принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ, наука впервые заговорила у насъ на родномъ языкѣ—событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе родного языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ“

„Грудясь для науки и просвѣщенія, наши ученые, отъ Ломоносова до Севергина, отзывались на требованія общественныя, и не мало содѣйствовали внесенію въ общество просвѣтительныхъ началъ. То, что написано Озерецковскимъ по поводу университетовъ и цензуры, проникнуто такимъ уваженіемъ къ правамъ разума и къ свободѣ изслѣдованія, такимъ сочувствіемъ къ наукѣ и литературѣ, что должно быть по всей справедливости отнесено къ лучшимъ произведеніямъ тогдашней, не только русской, но и вообще европейской, публицистики“¹⁾.

Такимъ образомъ, научное изслѣдованіе Россіи шло рядомъ и въ одномъ духѣ съ лучшими стремленіями литературы. Общественная мысль все болѣе останавливается на положеніи народа, на характерѣ его понятій, на степени его образованія или невѣжества, на его матеріальныхъ и умственныхъ правахъ и потребностяхъ. Въ 1760-хъ годахъ возникла мысль объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1780-хъ годахъ, когда правительство еще не было напугано французской революціей и сохраняло прежнія просвѣтительныя намѣренія, предпринятъ былъ замѣчательный планъ народнаго образованія и основаніе „народныхъ училищъ“, для которыхъ издана была извѣстная книжка: „О должностяхъ человѣка и гражданина“. Указателемъ того, къ чему приходила общественная мысль, служить книга Радицева, которая

¹⁾ Исторія Росс. Академіи, IV, стр. 2—5.

любопытнымъ образомъ приняла тогда форму такихъ же „дневныхъ записокъ“, какъ путешествія нашихъ ученыхъ.

Тотъ же общій характеръ, какой имѣли труды нашихъ ученыхъ въ области естествознанія и описанія Россіи, гдѣ даже натуралистъ становился этнографомъ и затрогивалъ жизненные вопросы быта, повторяется и въ развитіи нашей исторіографіи.

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробности развитія нашей исторіографіи съ ея спеціальной технической стороны: какъ возникали первыя научныя работы по русской исторіи, собирались ея памятники, начиналась историческая критика, дѣлались первыя опыты ея систематическаго построенія и т. д. Обо всемъ этомъ есть довольно свѣдѣній въ литературѣ ¹⁾. Развитіе научной исторіографіи само по себѣ составляетъ знаменательный фактъ въ судьбѣ нашей образованности: съ этимъ получалась первая возможность уразумѣнія прошедшаго, которое до тѣхъ поръ было доступно только чрезъ посредство компилятивнаго набора фактовъ, или сырого, полу-забытаго, полу-понимаемаго преданія. Исторіографія прошлаго вѣка успѣла сдѣлать, говоря безотносительно, не очень много. Занятая въ особенности вопросами о началѣ государства, первыми поисками матеріаловъ и ихъ первоначальнымъ разборомъ, она не оставила цѣльнаго труда и, кромѣ опыта Шлёцера, не успѣла даже намѣтить цѣльнаго плана: Карамзину пришлось быть первымъ строителемъ русской исторіи. Тѣмъ не менѣе историки прошлаго вѣка имѣютъ великую заслугу: какъ названные выше ученые натуралисты и путешественники впервые приводили въ извѣстность и въ сознаніе общества самую территорію отечества, ея природу, населеніе, формы народнаго быта, такъ историки впервые собирали забытые памятники старины, пытались внести связь въ *disiecta membra* историческаго преданія, понять ихъ историческій смыслъ. Тѣ и другіе одинаково старались на мѣсто грубаго и неполнаго эмпиризма поставить точное знаніе, отдать себѣ отчетъ въ прошлыхъ и настоящихъ

¹⁾ См. Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина, А. Старчевскаго, Слб. 1846; Общія понятія о хронографахъ вообще и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ бібліотекахъ слб. и моск., Н. Иванова, Казань, 1843; Н. М. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи, М. Погодина, 2 т., М. 1866; „Современное состояніе русской исторіи какъ науки“ (Моск. Обзоръ, 1859, кн. I, въ началѣ статьи); отдѣльныя изслѣдованія о нѣмецкихъ и русскихъ историкахъ прошлаго вѣка, напр. Соловьева—о Миллерѣ, Шлёцерѣ, Болтинѣ и др; Нила Попова—о Татищевѣ; А. Н. Попова—о Шлёцерѣ; Бестужева-Рюмина—о Татищевѣ и Шлёцерѣ; Сухомлинова—о Болтинѣ; Нежеленова—объ историческихъ трудахъ и изданіяхъ Новикова; Добролюбова—о „Собесѣдникѣ“ и историческихъ трудахъ имп. Екатерины II, и т. д.

фактахъ народной жизни, уразумѣть ея нужды и найти средства къ ихъ удовлетворенію. Словомъ, это былъ умственный переворотъ, логически да и фактически слѣдовавшій изъ реформы,—потому что первые начатки историческаго знанія, какъ и описаній Россіи, восходятъ ко временамъ Петра, къ трудамъ его собственнымъ и его непосредственныхъ выучениковъ. Итакъ, не касаясь частныхъ вопросовъ исторіографіи прошлаго вѣка, остановимся лишь на нѣсколькихъ примѣрахъ того общаго настроенія, въ какомъ совершались работы тогдашнихъ историковъ, и гдѣ мы опять встрѣтимся съ самыми непосредственными вліяніями западной науки и ихъ отраженіемъ въ русскихъ умахъ.

Здѣсь опять бросаются въ глаза два явленія: во первыхъ, что дѣйствительное вліяніе западной науки тотчасъ обращается въ разумное примѣненіе къ русской жизни и содержанію, и во-вторыхъ, что люди, наиболѣе серьезно принимавшіе это вліяніе и работавшіе въ его смыслѣ, оставались однако такими русскими людьми, какихъ только можно желать. Въ исторической литературѣ таковы были два замѣчательнѣйшіе писателя прошлаго вѣка на этомъ поприщѣ, Татищевъ и Болтинъ. Тотъ и другой ревностно старались усвоить себѣ замѣчательнѣйшіе труды европейской науки въ области исторіи, любили опираться на западные авторитеты и брали у нихъ много готовыхъ мыслей и фактовъ; но это не помѣшало имъ съ одной стороны быть отличными знатоками русской жизни, а съ другой—сохранить всѣ тѣ черты ума, какія считаются особенностями русскаго ума, и оставаться горячими приверженцами своего русскаго. Общій характеръ ихъ научнаго взгляда былъ тотъ же, какой мы отмѣчали у ихъ ученыхъ современниковъ: и тотъ, и другой—раціоналисты, какъ истія дѣти прошлаго вѣка; у обоихъ ревностная забота воспользоваться указаніями западной науки для русскаго просвѣщенія и народной пользы.

Биографія Вас. Никитича Татищева (1686—1750) была очень подробно разработана нашими историками ¹⁾. Довольно сказать, что

¹⁾ Нилъ Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, М. 1861; Пекарскій, Новныя извѣстія о Татищевѣ, Спб. 1864, и его же книга о Ричковѣ, Спб. 1867; В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка, въ „Биографіяхъ и характеристикахъ“, Бестужева-Рюмина, Спб. 1882 (стр. 1—175).

Въ 1886 г. вспоминалось двухсотлѣтіе рожденія Татищева, и по этому случаю явилось нѣсколько новыхъ работъ по его биографіи и объясненію его литературной дѣятельности:—„Первое водвореніе въ Москвѣ греколатинской и общей европейской науки. Рѣчь, читанная въ засѣданіи Имп. Общества исторіи и древн. Росс. 19 апр. 1886 г. въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія перваго русскаго историка, В. Н. Татищева“, Ив. Е. Забѣлина, въ „Чтеніяхъ“, 1886, кн. IV, стр. 1—24.

— Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686—1750). Рѣчь, произ-

онъ получилъ образованіе въ Петровской школѣ: это образованіе было научно-практическое, такъ что интересъ къ описанію Россіи и изученію ея исторіи, наполнившій его литературную дѣятельность, былъ развитъ въ немъ не самой школой, а именно духомъ времени, возбуждавшимъ въ серьезныхъ умахъ пытлиую любознательность. Служба заводила его въ разные края Россіи, въ разныя отрасли управленія, и наблюдательность дала ему большой опытъ и практическое знаніе жизни. Пріятельство съ Теофаномъ Прокоповичемъ и другими учеными людьми, вѣроятно, помогло ему освоиться въ историко-философской литературѣ. Онъ съ великой ревностью сталъ заниматься русской исторіей, собиралъ гдѣ только могъ историческіе памятники, лѣтописи и т. п. Его „Исторія Россійская“ была собственно не исторія, а лѣтописный сводъ, но этотъ сводъ уже совсѣмъ не былъ похожъ на произвольныя старыя компіляціи. Собирая лѣтописныя извѣстія, Татищевъ постоянно сопровождаетъ ихъ критическимъ разборомъ, опредѣляетъ степень ихъ вѣроподобности и останавливается на томъ, какое, по его мнѣнію, наиболѣе отвѣчаетъ условіямъ времени. Татищевъ старается возстановить фактъ съ его дѣйствительнымъ смысломъ, понять его происхожденіе и послѣдствія. Вместе съ тѣмъ,—и это въ особенности интересно,—онъ старается опредѣлить себѣ самый характеръ времени, политическія и общественныя формы государства и ихъ различное вліяніе.

Это былъ не только пріемъ первоначальной критики, но уже высшій, такъ сказать, философскій взглядъ на исторію. Откуда онъ взялся? Конечно, Татищевъ не вынесъ его изъ своей артиллерійской и инженерной школы, а приобрѣлъ изъ чтенія въ кругу образованнѣйшихъ людей той эпохи, подъ вліяніемъ того умственного толчка, который былъ данъ реформой. Любознательность Татищева была именно чертою времени. Петръ уже старался развивать политическія понятія, употреблялъ для этого и официальныя объявленія, „вѣдомости“ и „реляціи“ о государственныхъ событіяхъ, и газету, и народные праздники, и церковную проповѣдь, наконецъ литературу: по его инициативѣ, и даже при его личномъ трудѣ, впервые стали печататься книги о политической исторіи, о государственномъ управленіи, — появляется въ русской одеждѣ Самуиль Пуффендорфій съ

вес. въ торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года, чл.-корр. Н. А. Поповымъ—въ Журн. Мин. Просв. 1886, июнь, и отдѣльно, Сиб. 1886.

— В. Н. Татищева Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Съ предисловіемъ и указателями Николая Попова, въ „Чтеніяхъ“, 1887, кн. I, и отдѣльно, М. 1887.

— Духовная Василія Никитича Татищева. Издана подъ наблюденіемъ члена Казанскаго Общества археологій, исторіи и этнографіи, Андрея Островскаго. Казань 1885,—при „Извѣстіяхъ“ названнаго Общества, и друг.

его „Введеніемъ“ и книгой „О должностяхъ челоѣка и гражда-
нина“; является „Театронъ или позоръ историческій“, Стратемана и
т. п. Въ связи съ этимъ, въ рукописяхъ того времени является цѣ-
лый рядъ переводовъ изъ политической и философской литературы
того времени, гдѣ мы встрѣчаемся съ неслыханными дотоѣ на рус-
скомъ языкѣ именами извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ и фило-
софовъ: такъ находятя здѣсь знаменитая книга Гуго Гроція „О за-
конахъ брани и мира“; того же Пуфендорфа „О законахъ естества
и народовъ“; Бесселя—„Политическаго счастья Ковачъ“; Юста Липсія
—„Увѣщаніе и приклады политическіе“; другія „Увѣщанія полити-
ческія“ Гвиччардини (подъ именемъ „господина Гвичкеардина“); раз-
ные „Дискурсы политичны“ и т. п.; являются въ печати и въ руко-
писяхъ переводы книгъ Аполлодора, Квинта Курція, Тита-Ливія,
Баронія, Мавро Урбина, Іоанна Слейдана и т. д. ¹⁾. Эта литература
Юстовъ Липсіевъ, Пуфендорфовъ, Гвиччардини и проч.; печатные
переводы Петровскаго времени; цитаты тогдашнихъ писателей —
даютъ понятіе о литературныхъ интересахъ образованныхъ людей
той эпохи и, въ ихъ числѣ, Татищева.

„Исторія Россійская“ Татищева имѣетъ необычную для нашего
времени форму. Это—соединеніе сухого лѣтописнаго свода, представ-
ляющаго матеріалъ, и многочисленныхъ примѣчаній, въ которыхъ за-
ключается критическая и объяснительная работа автора. Эти при-
мѣчанія останавливаютъ на себѣ вниманіе двумя чертами: во-пер-
выхъ, обиліемъ указаній на иностранную литературу, которою авторъ
пользовался; во-вторыхъ, массой разнаго рода историческихъ и прак-
тическихъ свѣдѣній, собранныхъ имъ самимъ и свидѣтельствующихъ
объ его старательномъ изученіи Россіи. Въ книжкѣ Пекарскаго о
Татищевѣ напечатанъ между прочимъ каталогъ его библіотеки, ко-
торый даетъ понятіе о разнообразіи его любознательности; резуль-
таты чтенія оказываются и въ цитатахъ. Онъ знаетъ греческихъ и
римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ лѣтописцевъ (въ русскихъ
переводахъ или по чужимъ указаніямъ); его справочными книгами
были: Вальха—Лексиконъ философскій; Буддея—Лексиконъ истори-
ческій; Гейнсіуса или Мартиньера—Лексиконъ географическій; Лек-
сиконъ святыхъ; Лексиконъ математическій; Іохера—Лексиконъ уче-
ныхъ; извѣстный Лексиконъ критическій „Баилевъ“; наконецъ, общія
руководства, какъ Фабріуса—Исторія міра; Себастіана Мюнстера—
Космографія; Варенія—Генеральная географія (въ русскомъ пере-

¹⁾ Изъ такихъ книгъ составлена была старинная библіотека, находящаяся нынѣ
въ Толстовскомъ собраніи Публичной Библіотеки, и принадлежавшая князю Д. М.
Голицыну, одному изъ „верховниковъ“. Ср. объ этомъ въ книгѣ Д. Корсакова, „Во-
дареніе имп. Анны Іоанновны“. Казань, 1880, стр. 289 и далѣе.

водѣ); Вольфа—Мнѣніе о естественныхъ приключеніяхъ; историческія книги де-Ту, Слейдана, *Theatrum Europaeum*; Имгофа — Залъ историческій, и проч. По русской и славянской древности онъ знаетъ книгу Фриша о глаголитѣхъ, Клюверія о скивахъ и сарматахъ, примѣчанія Бержера о путешествіяхъ Платона-Карпини, Асцелина и Рубруквиса, переведенныя на русскій языкъ; знаетъ путешествія по Россіи Олеарія, Страленберга, сочиненія Миллера, Рычкова; далѣе, всякія спеціальныя исторіи: древне-германскую, кельтическую, сибирскую, калмыцкую и т. д. Въ предметахъ философско-политическихъ онъ ссылается на Пуффендорфа—О должностяхъ челоѣка и гражданина; Локка—Правленіе гражданское; на книгу Макіавеля (существовавшую въ русскомъ переводѣ), на „Гобезіева“ Левіаана, на сочиненія Декарта, Ньютона, Галлея и т. д. Книги въ родѣ послѣднихъ Татищевъ читалъ, или по крайней мѣрѣ цитировалъ съ большою осторожностью; ихъ философское, натуралистическое, или историческое содержаніе нерѣдко очень мало, или совсѣмъ не подходило къ обычнымъ русскимъ понятіямъ: въ глазахъ тогдашнихъ охранителей Татищевъ, какъ челоѣкъ, обращавшійся съ подобными вещами, и безъ того приобрѣлъ репутацію вольнодумца или даже безбожника; поэтому, называя Макіавеля или Гобезіа, онъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что это писатели „вредительные“, которыхъ нужно читать съ осторожностью, но самъ онъ видимо любилъ ихъ почитывать.

Съ другой стороны, Татищевъ былъ весьма разностороннимъ самостоятельнымъ наблюдателемъ. Для своей книги онъ успѣлъ собрать обширный матеріалъ старыхъ рукописей, между прочимъ такихъ, которыя исчезли потомъ и сохранились теперь только въ его указаніяхъ и извлеченіяхъ, какъ напр. знаменитая Іоакимовская лѣтопись и разныя отдѣльныя лѣтописныя извѣстія. Въ то же время онъ собралъ множество бытовыхъ фактовъ современной ему жизни, такъ что въ разнообразномъ практическомъ знаніи Россіи съ нимъ, какъ и съ Болтинымъ, пожалуй, не сравняются кабинетные исторіографы нашего времени. Такъ,—разсказываетъ его біографъ,—онъ роется въ архивахъ, покушаетъ рукописи на площадяхъ у разносчиковъ; читаетъ у кн. Д. М. Голицына письмо царя Михаила Ѳеодоровича къ Ѳеодору Шереметьеву, у князя А. М. Черкаскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ И. Бор. Черкасскому; развѣзжая по уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; спрашиваетъ поясненія слова: татарь—у бухарцевъ; о томъ же спрашиваетъ Дондукъ-Даши, его абугелюнга; черезъ оренбургскаго ассесора Рычкова разспрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ, и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же

требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваша, черемисы толкуютъ ему свои собственные имена; о томъ же спрашиваетъ онъ вогуличей черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Мееодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулу, Пронѣ, и посылаетъ съ тою же цѣлью офицеровъ и геодезистовъ; евреи ему показываютъ свои библіи въ сверткахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія надъ солнечными затмѣніями, записываетъ себѣ на память годы, когда было сѣверное сіяніе, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записываетъ различныя повѣрья и т. д. „Много бы можно было собрать подобныхъ подробностей и мелкихъ, иногда случайныхъ, чертъ изъ жизни Татищева; онъ весь—вниманіе и любопытство, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для пополненія запаса своихъ свѣдѣній“¹⁾. Подобныя черты личнаго и ученаго характера мы найдемъ далѣе у Болтина. Какъ сравнить съ этимъ историковъ новѣйшихъ, которые зарываются въ кабинетахъ и архивахъ, и могутъ писать исторію Россіи, не интересуясь фактами живого народнаго преданія и быта...

Вліяніе иноземной литературы отразилось на самыхъ задачахъ, которыя ставилъ себѣ Татищевъ. Въ тогдашнемъ состояніи едва начинавшаго образованія, при новыхъ заботахъ, предстоявшихъ болѣе сложному государственному управленію, въ виду настоятельныхъ потребностей научнаго знанія, Татищевъ понялъ, что первые необходимыя труды должны быть направлены на собраніе русской географіи и исторіи. Это было непосредственное примѣненіе и продолженіе Петровскихъ идей; работы Татищева частію совпадали съ только-что начавшейся тогда дѣятельностью Академіи наукъ, но частію и предшествовали ей. Онъ составляетъ замѣчательное „Предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи російской“, которое было внесено въ Академію и уже начало-было приносить свои результаты. Это была цѣлая обширная программа вопросовъ по предметамъ исторіи, географіи и народнаго быта, задача для цѣлыхъ экспедицій (какъ позднѣйшія академическія экспедиціи), для труда цѣлыхъ поколѣній ученыхъ; вопросы не были голословны—имъ предшествовало объясненіе великой важности историческаго и географическаго знанія для цѣлей государства и для всякаго просвѣщеннаго человѣка: во-

¹⁾ Н. Погова, „Татищевъ и его время“, стр. 434—435.

просы сопровождались объясненіемъ самаго способа собиранія свѣдѣній, напр., среди народа (что могло бы быть полезно и въ настоящее время); не были забыты такіе предметы, какіе составляютъ теперь заботу археологій и этнографіи; было наконецъ предостереженіе о томъ, чтобы не поддаваться ложнымъ показаніямъ или хвастовству. Обращеніе съ западными учеными энциклопедіями внушило Татищеву мысль составить подобный трудъ о Россіи: таковъ былъ его „Лексиконъ Россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій“; такова, наконецъ, была и его „Россійская Исторія“.

Положеніе людей новаго образованія въ Петровскомъ и послѣ-Петровскомъ обществѣ было не легко. Общество первой половины прошлаго столѣтія, мнимо оторванное отъ старыхъ началъ, напротивъ, въ громадномъ большинствѣ было такъ крѣпко къ нимъ привязано, что первые шаги научнаго изслѣдованія и простой любознательности были окружены чрезвычайной подозрительностью. Если Ломоносову и его ученикамъ приходилось защищать право и невредность науки, то въ началѣ столѣтія, когда начиналъ свои работы Татищевъ, эта защита была еще необходимѣе. Этому предмету посвященъ вновь открытый и чрезвычайно любопытный трудъ Татищева: „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ“¹⁾. Разговоръ даетъ чрезвычайно любопытныя черты тогдашняго умственнаго состоянія общества, той заботы, кака я лежала на первыхъ любителяхъ науки. Это была забота объ укрѣпленіи въ русской жизни того знанія, въ которомъ они видѣли кровную потребность русскаго народа, необходимѣйшее условіе его благосостоянія, и которое надо было защищать отъ озлобленныхъ враговъ, ссылавшихся (какъ и донынѣ!) на мнимое преданіе и мнимыя особенности этого же народа.

Знакомство съ философско-политическими произведеніями ХУП и начала ХУІІІ вѣка ярко отразилось на историческихъ взглядахъ Татищева. „Байль“, „Гобезій“, Христіанъ Вакхъ и другіе подобные писатели внушили Татищеву большое недовѣріе ко всякому древнему баснословію и наводили на простыя реальныя толкованія событій; онъ остается, и считаетъ нужнымъ выставять себя человѣкомъ религіознымъ, но не пропускаетъ случая возставать противъ своекорыстія и „выдумокъ“ духовенства, какъ любили говорить объ этомъ тогдашніе скептики и раціоналисты. Разсужденія этого рода имѣютъ у Татищева двоякую цѣль—не только объяснить старыя событія, но

¹⁾ Изложеніе въ „Біографіяхъ и характеристикахъ“, Бестужева-Рюмина, стр. 69—71. 99 и слѣд., а затѣмъ полное изданіе Никола Попова.

и подѣйствовать на современниковъ; изъ исторіи онъ выводитъ и правоученіе. Вотъ, напр., одно изъ его разсужденій о суевѣрїяхъ: „Ужасно и прискорбно было Нестору писать суевѣрствіе народа, немущаго нимало ума и просвѣщенія, но рассудя по настоящему въ христіанахъ именующихся, что имѣя законъ божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, не меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей къ знанію закона божія непрілежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія за истину почитающихъ; но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благоправію, яко соль обубавшая ни сами хотятъ законъ божій разумѣть, ни народъ обучать, я еще того тягчѣе, когда слышимъ предапія и узаконенія человѣческія, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное передаютъ“. Въ другомъ примѣчаніи Татищевъ говоритъ: „Здѣсь Несторъ сказыетъ о нѣкоихъ волхвахъ, или обманщикахъ, съ пространствомъ, частью сумнительно, частью къ исторіи не касается, того ради я сократилъ, а въ концѣ обстоятельно положилъ. Сіе недивно, что тогда народъ, не имѣющій довольнаго ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ, или паче сущимъ вракамъ, вѣрилъ; но удивительнѣе видимъ нынѣ, сколько есть суевѣрныхъ, которые безумныхъ ханжей или пустосвяттовъ разказы и враки паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, яко то именующіеся старовѣры, или паче сказать, пустовѣры, христовщина каковой то былъ безумный и мерзкій законъ, славный пустосвятъ и плутъ Андрюшка, и другіе, не говорю о подлѣхъ, но знатныхъ женъ и мужей суевѣрныхъ, сколько въ безуміе привели, и къ своему богомерзкому соборищу приобщили. Я сіе не пишу въ обличеніе и поношеніе впадшихъ въ такія мерзости; ибо они могли уже, или могутъ покаяться; но паче для тѣхъ, которые впредь таковыхъ ханжей услышатъ разказы, чтобъ себя отъ вѣроятности остерегли, а паче прилежали умъ свой святымъ писаніемъ, въ немъ же мы вѣримъ животъ вѣчный приобрѣсти, и вольными науки просвѣтитъ, и не токмо себя, но и другихъ, отъ таковыхъ паденій охранить“¹⁾.

Татищевъ направляетъ свое обличеніе суевѣрїя не на однихъ старовѣровъ специально, но и вообще на людей стараго вѣка, охра-

¹⁾ Исторія Росс. Татищева, кн. II, примѣч. 134. Ср. другія выписки, характеризующія Татищева со стороны его церковныхъ, философскихъ и политическихъ мнѣній, въ книгѣ Н. Попова, стр. 464 и слѣд.

нявшихъ дѣдовскія суевѣрныя преданія, и такихъ людей было въ его время множество въ самомъ высшемъ и „образованномъ“ классѣ.

Отраженіемъ чтенія европейскихъ писателей были у Татищева разсужденія о духовенствѣ, къ которымъ онъ возвращается многократно, приписывая духовенству съ самыхъ первыхъ поръ стремленіе къ властолюбію, къ захвату земель и имущества, къ вліянію на свѣтскія дѣла. Въ событіяхъ старыхъ временъ онъ вообще старается отыскать практическія причины и побужденія дѣйствующихъ лицъ, старается понять въ исторіи дѣйствительную жизнь. Не всѣ его опыты раціоналистической критики бывали вѣрны, приложенія заимствованнаго взгляда бывали поспѣшны; но во всякомъ случаѣ въ замѣчаніяхъ его было много разумнаго, и стремленіе видѣть въ исторіи не одну далекую чуждую легенду, а дѣйствительную жизнь прошлыхъ вѣковъ было вѣрнымъ приступомъ къ научному пониманію дѣла. Наконецъ, несмотря на всѣ заимствованія отъ иностранныхъ авторитетовъ, Татищевъ остается чисто русскимъ человѣкомъ, вполне пропитаннымъ особенностями русской жизни; его господствующая особенность есть не столько разсужденіе ученаго, опирающагося на многочисленныхъ изслѣдованій, сколько сильный здравый смыслъ практическаго человѣка, опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ; характерную черту времени и людей его круга практическихъ дѣльцовъ, составляетъ и то, что Татищевъ, какъ можно видѣть по приведенной выпискѣ,—очень небрежно относился къ языку, и безъ того неровному и необработанному въ то время. Онъ пишетъ иногда полуграммотно.

Возвратимся теперь къ историческимъ трудамъ Миллера. Одинаковость положенія дѣла вызывала у нѣмецкаго ученаго тѣ же представленія о необходимыхъ научныхъ работахъ, какъ было у Татищева. Тотъ и другой одинаково думали о необходимости собранія матеріала, историко-географической энциклопедіи: какъ Татищевъ собиралъ свой географическій и гражданскій лексиконъ, такъ Миллеръ трудился надъ дополненіемъ и изданіемъ географическаго словаря Полунина; какъ Татищевъ составлялъ упомянутое „Предложеніе“ о собраніи историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній о Россіи, такъ Миллеръ предъявлялъ свои проекты объ учрежденіи при Академіи „департамента россійской исторіи“¹⁾. Планъ этого учрежденія, составленный Миллеромъ вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1744 году, замѣчательнымъ образомъ предупреждаетъ ту мысль, съ какою почти сто лѣтъ спустя была предпринята Археографическая экспедиція, а по обширности предполагавшихся работъ идетъ и го-

¹⁾ Пезарскій, Исторія Акад. Н., т. I, стр. 388—342.

рядомъ дальше. Понятія нашихъ историковъ XVIII-го вѣка о задачахъ историческаго знанія, конечно, не имѣли уже ничего общаго съ теологической точкой зрѣнія старыхъ историковъ-лѣтописцевъ. Исторія перестаетъ быть для новыхъ изыскателей рядомъ случайныхъ событій, объясняемыхъ путемъ религіознаго фатализма; напротивъ, они ищутъ въ ней внутренней связи событій, соединенныхъ какъ причина и слѣдствіе, и думаютъ (какъ Миллеръ), что она есть „зерцало человѣческихъ дѣйствій, по которому о всѣхъ приключеніяхъ нынѣшнихъ и будущаго времени, смотря на прошедшія, разсуждать можно“. Положеніе историческаго писателя было въ тѣ времена окружено очень серьезными трудностями, но эти трудности не ослабили у Миллера строгаго понятія объ исторической правдивости. „Все заключается въ трехъ словахъ,—писалъ онъ объ обязанностяхъ историка:—быть вѣрнымъ истинѣ, безпристрастнымъ и скромнымъ. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя. Я не требую, чтобы историкъ разсказывалъ все, что онъ знаетъ, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которыя нельзя разсказывать, и которыя, быть можетъ, мало любопытны, чтобы раскрывать ихъ предъ публикою; но все, что историкъ говоритъ, должно быть истинно, и никогда не долженъ онъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести“... ¹⁾ Біографы Миллера разсказываютъ о томъ, какъ тяжело давалась ему литературная работа; для нея требовалась настойчивость не совсѣмъ обыкновенная. При изданіи „Ежемесячныхъ Сочиненій“, перваго нашего учено-литературнаго журнала, ему приходилось выносить не только непріятности отъ цензуры, но и отъ придворныхъ сплетенъ, отъ чрезвычайно притязательнаго патріотизма иныхъ читателей и т. п. Въ работахъ историческихъ эти затрудненія достигали до крайней степени. Весьма осторожный академическій біографъ Миллера, по поводу отъѣзда Гмелина старшаго изъ Россіи, не могъ удержаться отъ замѣчанія, что этому отъѣзду нельзя не радоваться для судьбы его трудовъ, такъ какъ товарищъ его Миллеръ, благодаря той средѣ, въ которой онъ жилъ, обнаружилъ едва сотую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, какія были имъ собраны и находились въ его полномъ распоряженіи ²⁾.

Мнимое „подчиненіе западному вліянію“ у людей прошлаго вѣка было такъ слабо, что даже образованные люди были чрезвычайно недовѣрчивы къ тому, что казалось западнымъ мнѣніемъ, и до край-

¹⁾ Пезарскій, Исторія Акад. Н., т. I, стр. 81.

²⁾ Тамъ же, стр. 370—449.

ности притязательны тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, затрогивалось достоинство русскаго народа. Простое требованіе исторической критики, въ сущности нисколько не касавшееся этого достоинства, поднимало цѣлыя бури; простое упоминаніе иныхъ мрачныхъ событій русской исторіи съ негодованіемъ осуждалось, какъ оскорбленіе націи. Это была, съ одной стороны, простая непривычка къ исторической критикѣ, съ другой—проявленіе (хотя неловкое) того самаго чувства, какое называютъ теперь чувствомъ національной самобытности и т. п. Выше мы замѣчали, что то же ревнивое чувство національнаго достоинства, а не „рабское подчиненіе“, побуждало нашихъ писателей прошлаго вѣка отыскивать въ своей средѣ російскихъ Пиндаровъ, Расиновъ и Вольтеровъ: это было, по тогдашнему глубокому убѣжденію, не умаленіе, а возвышеніе русскаго достоинства, свидѣтельство, что русскіе уже равняются съ другими просвѣщенными народами. Дѣло въ томъ, что тогда и не знали другихъ образчиковъ превосходства.

До чего доходила тогда нетерпимость и подозрительность въ вопросахъ исторіи, даютъ понятіе извѣстные рассказы о томъ, какой переполохъ произвела диссертация Миллера о происхожденіи Руси, или о томъ, съ какимъ озлобленіемъ Ломоносовъ нападалъ на Шлёцера. Приведемъ еще только двѣ-три подробности изъ біографіи Миллера. Послѣдній былъ уже старый заслуженный человѣкъ, множествомъ трудовъ доказавшій свою ревность къ изученію Россіи, принявшій, наконецъ, русское подданство,—но все это не спасало его отъ самыхъ ожесточенныхъ нападковъ, и между прочимъ не со стороны какихъ-нибудь легкомысленныхъ невѣждъ, но самихъ ученыхъ, какъ Ломоносовъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Ломоносовъ, въ качествѣ академическаго совѣтника, продолжалъ то недоброжелательство, какое Миллеру прежде приходилось испытывать наравнѣ отъ русскаго Теплова и вѣмца Шумахера. Поводомъ служили историческія работы Миллера и изданіе „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, противъ которыхъ Ломоносовъ возставалъ съ цензурной точки зрѣнія. По мнѣнію Ломоносова, у Миллера нѣтъ достаточно патриотизма, и отзывы его о трудахъ послѣдняго представляютъ образчикъ крайней нетерпимости. По словамъ Ломоносова, въ каждомъ произведеніи Миллера „множество пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной“; вездѣ онъ „всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи“ и „больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ російскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія“. Ломоносову не нравилась и то, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о „смутныхъ временахъ Годунова и Разстриги—самой мрачной части російской исторіи“; не нравилось, что „напр., описывая

чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть російскимъ жителямъ". Подобныя обвиненія противъ Миллера были собраны Ломоносовымъ въ статьѣ, озаглавленной: „Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ“, и посланной имъ къ президенту академіи наукъ. Академическій біографъ обоихъ догадывается, что Ломоносовъ не удовольствовался донесеніемъ ближайшему начальству, потому что черезъ нѣсколько времени Миллеръ получилъ „жестокій выговоръ“ отъ высшаго правительства за „нѣкоторыя въ его сочиненіяхъ о російской исторіи находящіяся непристойности“. Миллеръ оставилъ намекъ объ этой враждѣ къ нему Ломоносова, говоря въ письмѣ къ Рычкову объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его гибели и „добился таки, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи“. Еще по поводу сибирской исторіи Миллера Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріи, что въ ней непристойны подробности автора о пушкарѣ Воротилкѣ и его „худыхъ поступкахъ“, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ“. Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, какія потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всеросійскаго престола“ въ междуцарствіи ¹⁾.

Отношенія Миллера и Ломоносова чрезвычайно характерны для оцѣнки тогдашней роли науки въ русскомъ обществѣ. Если можно еще понять озлобленіе Ломоносова противъ Шлѣдера, въ характерѣ котораго было раздражающее высокомеріе, отзывавшееся и въ сочиненіяхъ, то это озлобленіе очень мало извинительно относительно Миллера. Случилась, можетъ быть, и здѣсь нѣкоторая неосторожность со стороны Миллера; но общій характеръ его дѣятельности былъ таковъ, что добросовѣстному критику не придетъ въ голову мысль, будто въ самомъ дѣлѣ Миллеръ въ русской исторіи намѣренно искалъ только досадительныхъ и занозливыхъ вещей; но въ тѣ времена просто непонятенъ былъ указанный выше историческій взглядъ, какой воспитала въ Миллерѣ тогдашняя наука. Миллеръ былъ, конечно, правъ, когда находилъ нужнымъ собраніе древнихъ „лже-басней“ (!), изслѣдованіе о смутныхъ временахъ или упоминаніе о пушкарѣ Воротилкѣ, хотя бы поступки этого Воротилки и были худы. и т. д. Воспитанный въ нѣмецкой школѣ, Миллеръ выносилъ изъ

¹⁾ Пекарскій, Исторія Акад. Н., т. I стр. 338, 380, 406—407; т. II, стр. 720 и слѣд. См. также разсказъ объ изумительныхъ придиркахъ къ сибирской исторіи Миллера и къ изданію сибирскихъ лѣтописей, которыя, по мнѣнію академическихъ цензоровъ, должны были быть очищены отъ древнихъ „лже-басней“ и о которыхъ должны бы разсудить „министры и правительствующій сенатъ“, а не Миллеръ. Тамъ же, I, стр. 353—355.

нея строгое представлѣніе о научной и нравственной обязанности историка и, если самъ Ломоносовъ этого не понималъ, это указываетъ, что съ нимъ и масса общества еще не разумѣла науки и грубо понимала самыя требованія національнаго достоинства, которое вовсе не увеличивалось скриваніемъ неприятныхъ историческихъ фактовъ или ихъ закрашиваніемъ. Тогдашнія обвиненія этого рода намъ представляются уже мелочными и несправедливыми; но въ другомъ видѣ онѣ повторяются до сихъ поръ: еще недавно одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ русскихъ писателей подновлялъ эту войну противъ нѣмцевъ-историковъ, а другой скорбѣлъ, что „русскому человѣку“ не легко быть объективнымъ относительно Шлёдера; сколько разъ донинѣ повторяются противъ самихъ русскихъ ученыхъ злостныя обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, въ желаніи очернять извѣстныя явленія русской исторіи...

Вліяніе Миллера имѣло вѣроятно свою долю въ характерѣ академическихъ ученыхъ путешествій. Въ нихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ интересы историческіе. Ученые странствователи, хотя по профессіи натуралисты, не пропускали исторической мѣстности безъ того, чтобы не собрать о ней мѣстныхъ преданій, книжныхъ свѣдѣній, не отмѣтить сохранившихся памятниковъ и т. п. Лепехинъ въ своихъ запискахъ помѣщаетъ подробный рассказъ о Пловучемъ озерѣ и мѣстныя легенды объ убіеніи Андрея Боголюбскаго: заѣхавъ на Волгу, осматриваетъ Царевъ-Курганъ, сооруженіе котораго „приписывалось“ грабителю и праотцу донскаго войска, Стенькѣ Разину; дѣлаетъ раскопки, находитъ подъ нѣкоторымъ слоемъ земли кости слона и остатки оружія и дѣлаетъ при этомъ свои оригинальныя соображенія ¹⁾; помѣщаетъ подробное описаніе развалинъ Болгаръ, говоритъ о старыхъ преданіяхъ у инородцевъ и т. д. Этнографическія описанія инородцевъ: мордвы, чувашъ, татаръ, калмыковъ, „кизильбашей“ у Лепехина и другихъ тогдашнихъ ученыхъ путешественниковъ давали едва ли не въ первый разъ точное понятіе объ этихъ племенахъ, мало по малу входившихъ въ составъ русскаго народа. Озерецковскій собиралъ на мѣстѣ историческія извѣстія и преданія объ Олонецкомъ краѣ, о старой Двинской землѣ, приводилъ грамоты, указывалъ на рукописныя богатства новгородскихъ монастырей; въ свое первое путешествіе онъ между прочимъ, собралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о родѣ Ломоносова и „первоначальныхъ ума его открытіяхъ“, и „планъ мѣсть, прилежащихъ къ Куростровской волости, гдѣ родился г. Ломоносовъ“ ²⁾. Астрономъ и нату-

¹⁾ Дневныя Записки, I, 296 и слѣд.

²⁾ Дневн. Записки Лепехина, т. IV, стр. 298—303, и карта въ концѣ тома. Планъ напечатанъ въ 1788.

ралистъ Иноходцовъ въ своихъ этнографическихъ описаніяхъ обращаетъ большое вниманіе и на исторію, рассказываетъ о прошлой судьбѣ края или города, пользуясь для этого, какъ настоящій историкъ-специалистъ, сохранившимися памятниками старины, лѣтописями и грамотами, изъ которыхъ приводитъ много извлеченій, мѣстными преданіями, рассказами старожиловъ и т. д. ¹⁾ Въ той литературѣ мѣстныхъ описаній, которая начинала развиваться со второй половины прошлаго вѣка, заключаются также цѣнные начатки мѣстной исторіи.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей всей нашей литературы прошлаго вѣка былъ Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—1792), на которомъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе. Біографія его нѣсколько выяснилась только въ послѣднее время изъ архивныхъ документовъ. Происходя изъ достаточнаго дворянскаго рода, Болтинъ учился дома и 16-ти лѣтъ поступилъ на службу въ конную гвардію, гдѣ его товарищемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ Потемкинъ, который въ послѣдствіи сохранилъ съ нимъ очень дружескія отношенія и не разъ оказывалъ ему и его роднѣ свою могущественную протекцію. Въ конной гвардіи Болтинъ остался до 1768, когда перешелъ на службу въ таможенное вѣдомство, сначала начальникомъ одной таможи на югѣ, потомъ въ главномъ таможенномъ управленіи. Въ 1781 онъ назначенъ былъ прокуроромъ военной коллегіи, а въ 1788 членомъ этой коллегіи. Послѣ присоединенія Крыма, онъ былъ вызванъ Потемкинымъ на югъ, въ 1783, и нѣкоторое время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Потемкина по устройству новопріобрѣтеннаго края. Такова была, въ общихъ чертахъ, его біографія ²⁾.

Гораздо интереснѣе была бы исторія его образованія, о которой, впрочемъ, мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ его сочиненій. Какъ многіе дѣятели прошлаго вѣка, Болтинъ, послѣ домашняго

¹⁾ Таковы, напр., его разсужденія о началѣ города Вологды, причѣмъ онъ сообщаетъ любопытныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологды „отъ баснословныхъ какихъ-то Волотовъ, подобныхъ греческимъ гигантамъ, якобы они задолго прежде просвѣщенія святымъ крещеніемъ тутъ жили, и построивъ сей городъ, называли оный, такъ какъ и рѣку, по имени своему, Волотой или Володой“. Мѣсяцесловъ историческій и географическій на 1790 годъ, стр. 33 и слѣд.; Сухомлиновъ, Исторія Росс. Акад., т. III, стр. 218—225.

²⁾ Наиболѣе обстоятельное жизнеописаніе Болтина собрано частію по новымъ архивнымъ матеріаламъ, у Сухомлинова въ „Исторіи Росс. Акад.“, т. V (Сборникъ, т. XXII), 1881, стр. 62—296, 317—482. Изъ другихъ трудовъ о Болтинѣ отмѣтимъ статью Соловьева: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“, въ „Архивѣ“ Калачова, т. II, 1855 и П. Знаменскаго: „Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи“, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад., т. II, 1862.

ученья и не прошедши никакой высшей школы, вступилъ прямо въ практическую жизнь: природный умъ и любознательность повели его къ обширному чтенію; не знаемъ, имѣлъ ли онъ при этомъ какого-нибудь руководителя, но въ его чтеніе вошли именно замѣчательнѣйшія произведенія вѣка, не только тѣ, какія были особенно въ ходу по своей доступности, но и труды серьезнаго ученаго характера. Съ другой стороны, Болтину случилось не мало разъѣзжать по Россіи какъ по своимъ, такъ и по служебнымъ дѣламъ; поѣздки давали много пищи для его наблюденій, которыя отличались вообще чрезвычайной внимательностью и точностью, соединяясь обыкновенно съ кругомъ вопросовъ, составлявшихъ его научный интересъ. Это былъ умъ точный, положительный, не склонный къ фантазіи. Не знаемъ опить, что навело его на занятія русской исторіей; но онъ, не будучи ученымъ по профессіи, сталъ однимъ изъ сильнѣйшихъ знатковъ дѣла, какіе были въ то время. Очевидно, къ этому интересу влекла тогда живые пытливые умы самая сила вещей: возникала потребность историческаго самосознанія; въ исторіи искалось разрѣшеніе вопросовъ, какіе выросли въ обществѣ вслѣдствіе Петровской реформы; желали выяснить себѣ русское прошедшее и настоящее, роль русскаго народа среди народовъ европейскихъ, свойства русскаго образованія и т. д. Со времени реформы прошло уже болѣе полувѣка, видѣлись ея результаты, явилась возможность провѣрки, и однимъ изъ главныхъ средствъ къ этому представлялась исторія.

Въ послѣднее время Болтина причисляли иногда къ предшественникамъ того направленія, которое заявляетъ притязаніе быть самымъ настоящимъ русскимъ. Дѣйствительно, Болтинъ могъ давать отчасти поводъ къ этому нѣкоторыми эпизодами своихъ сочиненій, гдѣ онъ противопоставляетъ русское съ иноземнымъ и вооружается противъ иноземныхъ вліяній, особенно французскаго, настаивая замѣтъ того на необходимости самостоятельнаго характера нашей жизни. Можно замѣтить, что исканіе зачатковъ славянофильства въ одномъ изъ характернѣйшихъ писателей прошлаго вѣка мало вяжется съ утвержденіемъ объ оторванности нашего тогдашняго образованія отъ народныхъ началъ; но на дѣлѣ предположеніе о славянофильствѣ Болтина не совсѣмъ подтверждается фактами. Нашему славянофильству отвѣчаютъ въ прошломъ вѣкѣ не столько такіе люди, какъ Болтинъ, человекъ ума по преимуществу критическаго, сколько тѣ патріоты-самохвалы, которые тогда находили, что Россія достигла уже во всѣхъ отношеніяхъ великаго совершенства, не нуждается больше ни въ какихъ заимствованіяхъ у Европы, представляетъ вообще лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Болтинъ не былъ изъ

такихъ людей. Если онъ нападалъ на Леклерка, это не значитъ, что онъ нападалъ на Европу: самодовольный французъ, съ нѣсколько сомнительной біографіей, могъ самъ по себѣ быть достаточнымъ объясненіемъ антипатіи, которую онъ внушалъ Болтину. Довольно было его историческаго невѣжества и нахальства, чтобы Болтинъ обрушился на него съ своими желчными опроверженіями, какъ желчно опровергалъ и русскихъ историковъ. Но присматриваясь ко всему складу его мыслей, въ немъ не только нельзя найти какой-нибудь принципиальной вражды въ Европѣ, но напротивъ, понятія его самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ къ европейскимъ идеямъ вѣка. Болтинъ—такой же просвѣщенный русскій человѣкъ XVIII-го столѣтія, какими были Татищевъ, Ломоносовъ, Лепехинъ, Новиковъ и проч.; онъ не знаетъ другого просвѣщенія кромѣ европейскаго, и желая, чтобы этого просвѣщенія было въ Россіи какъ можно больше, конечно, онъ желалъ также, чтобы оно скорѣе получило возможность жить своими силами, не нуждаясь каждый разъ въ иностранномъ учителѣ; и во всякомъ случаѣ не думалъ, чтобы европейское образованіе состояло лишь въ свѣтской пустотѣ богатыхъ тунеядцевъ и перениманіи чужихъ модъ, съ которыми могло соединиться на дѣлѣ круглое невѣжество. Какъ увидимъ далѣе, высшіе авторитеты мысли были для Болтина въ первостепенныхъ умахъ тогдашней европейской, особливо французской, литературы.

Основнымъ, даже исключительнымъ, интересомъ литературной дѣятельности Болтина была русская исторія. Ему, какъ и всѣмъ истинно-научнымъ умамъ того времени, было ясно, что настоящее изученіе русской исторіи прежде всего требуетъ собранія и реставраціи ея памятниковъ. Старая Россія такъ мало сдѣлала для этого, что новому времени приходилось разыскивать вновь самыя основныя произведенія русской старины, абсолютно забытыя въ московскомъ періодѣ. Цѣлый рядъ памятниковъ русской древности былъ настоящимъ открытіемъ прошлаго вѣка. Петръ Великій открылъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ списковъ русской лѣтописи; Шлёцеръ открылъ истинное значеніе Нестора для исторической науки; Болтинъ открылъ настоящее значеніе „Русской Правды“; гр. Мусинъ-Пушкинъ открылъ „Слово о полку Игоревѣ“; Миллеръ цѣлую массу историческихъ документовъ, которымъ безъ него грозила бы гибель; открыты были Духовная Владимира Мономаха, Судебникъ и т. д., какъ немного времени спустя Калайдовичъ открылъ Іоанна экзарха Болгарскаго, Кирилла Туровскаго, эпическій сборникъ Кирши Данилова и проч. Болтинъ въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ, къ которому принадлежали гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ и Елагинъ, занимался именно этимъ старымъ полузабытымъ періодомъ русской исторіи,

толковалъ Русскую Правду и Духовную Владиміра Мономаха, собиралъ старыя рукописи и т. д. Это изученіе было въ тѣ времена несравненно труднѣе, чѣмъ теперь: памятники не были изданы, варианты не сличены; иные встрѣчались въ первый разъ, и надо было продѣлать надъ ними всю ту предварительную критическую работу, которая теперь представляетъ эти памятники готовымъ, осматрѣннымъ со всѣхъ сторонъ, матеріаломъ, такъ что остается дѣлать выводы. Болтинъ съ большою проникательностью ориентировался въ этомъ сыромъ матеріалѣ и указывалъ его историческую цѣнность. О достоинствѣ его трудовъ въ этомъ отношеніи можетъ дать понятіе отзывъ Шлёдера: опытный и требовательный нѣмецкій критикъ, не любившій расточать своихъ похвалъ, называетъ Болтина „величайшимъ русскимъ знатокомъ отечественной исторіи“ и замѣчаетъ, что еще никто изъ русскихъ не писалъ исторіи своего отечества съ такими познаніями, остроуміемъ и вкусомъ, хотя въ частности Шлёдеръ рѣзко оспаривалъ многія мнѣнія Болтина.

Къ сожалѣнію, Болтинъ не предпринялъ систематическаго труда по русской исторіи. Замѣчательно, что кромѣ книги противъ Леклерка другіе важныя труды Болтина, даже спеціально археологическіе, изданы были только послѣ его смерти ¹⁾. Самый разборъ сочиненія Леклерка и отвѣтъ на книжку князя Щербатова, гдѣ всего

¹⁾ Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генераль-маіоромъ Иваномъ Болтиннымъ. 2 ч. 4°. Спб., 1788. Съ эпитафюмъ: *Je voudrais que chacun écrivit ce qu'il sait et autant qu'il en sait, mais pas plus. Montaigne.*

— Отвѣтъ генераль-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи. Спб., 1789. Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ книгой: „Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытія и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. генераль-маіора Болтина, творца примѣчаній на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка“. М. 1789. Подразумѣваются охуленія, сдѣланныя Болтиннымъ въ книгѣ противъ Леклерка. По выходѣ „Отвѣта“ Болтина, Щербатовъ отвѣчалъ новой книгой, изданной уже послѣ смерти Щербатова: „Примѣчанія на отвѣтъ г. генераль-маіора Болтина на письмо князя Щербатова“. М. 1792.

— „Книга Большому Чертежу, или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627 года“. Спб., 1792. (Болтинское изданіе Чертежа повторено было Д. Языковымъ, Спб., 1838, съ прибавленіемъ сюда же „Древней Росс. Гидрографіи“, изданной Новиковымъ въ 1773. Затѣмъ, новое изданіе, по нѣсколькимъ рукописямъ сдѣлано было Спасскимъ, М. 1846).

— Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, названная въ лѣтописи суздальской Поученіе. Спб., 1793.

— Критическія примѣчанія генераль-маіора Болтина на первый и второй томъ Исторіи князя Щербатова, 2 ч. Спб., 1793—1794.

— Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича. М. 1799.

больше высказались историческіе взгляды Болтина, были вызваны случайными поводами. Но по всему характеру его трудовъ Болтинъ былъ всего менѣе дилеттантъ.

Какимъ же образомъ сложилось историческое міровоззрѣніе Болтина? Нашъ историкъ былъ близко знакомъ съ капитальными философско-политическими произведеніями тогдашней французской литературы, и онѣ несомнѣнно оказали вліяніе на складъ его мыслей. Новѣйшій біографъ замѣчаетъ, что это вліяніе было очень второстепенное, что взгляды Болтина политическіе и социальныя коренятся въ русской дѣйствительности, добыты изысканіями въ русской исторіи, наблюденіями надъ жизнью общества и народа, что „цитатами изъ европейскихъ авторитетовъ только поясняется и подтверждается то, что сложилось въ умѣ его помимо всякихъ чужихъ вліяній (?), а на основаніи данныхъ, представляемыхъ отечественною исторіею и современнымъ состояніемъ Россіи“. Біографъ прибавляетъ дальше, что „русскія лѣтописи и русскія села и деревни служили ему источниками: изъ нихъ получалъ онъ свѣдѣнія о томъ, какое правленіе всего пригоднѣе для Россіи, о томъ, какъ дѣйствуетъ у насъ вѣрноподданное право“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ рѣшеніи ближайшихъ вопросовъ Болтину и не было другихъ источниковъ, кромѣ русскихъ лѣтописей и русской деревни, т.-е. данныхъ русскаго быта; но въ историческихъ предметахъ, его занимавшихъ, была другая сторона, гдѣ ему помогли не лѣтописи и не деревни. Это—самая постановка предмета, самая мысль изслѣдованія тѣхъ или другихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, и нравственно-политическая точка зрѣнія писателя. Русская жизнь сама по себѣ еще не помышляла о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ исторіи и современности, которые занимали Болтина; въ русской литературѣ того времени многія мысли Болтина были новостью, и теоретическій источникъ ихъ находится именно во вліяніяхъ западной литературы. Біографъ Болтина собралъ самъ много фактовъ этого вліянія и составилъ длинный списокъ западныхъ писателей, начиная съ среднихъ вѣковъ и до современниковъ русскаго историка, которыхъ онъ цитируетъ въ своихъ сочиненіяхъ²⁾. Старые писатели нужны были Болтину по фактическимъ свѣдѣніямъ, новые давали ему не малый запасъ мыслей, которыя онъ примѣнялъ къ своему изслѣдованію русской жизни. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ авторитетовъ Болтина былъ знаменитый Бэйль (Baile, 1647—1706), тотъ самый „Баиль“, которымъ поучался еще Татищевъ. Знаменитый француз-

¹⁾ Исторія Росс. Акад., V, стр. 224—225.

²⁾ Тамъ же, стр. 135 и слѣд.

скій эмигрантъ при самомъ началѣ XVIII-го столѣтія былъ замѣчательнымъ представителемъ скептическаго раціонализма, составлявшаго потомъ отличительную черту вѣка, и именно этой стороною своей дѣятельности онъ дѣйствовалъ на двухъ важнѣйшихъ нашихъ историковъ прошлаго столѣтія. Какъ авторъ извѣстнаго „Словаря“, Бэйль становился и въ этомъ отношеніи какъ бы предшественникомъ энциклопедистовъ. Наши писатели находили въ „Словарѣ“ массу справочныхъ философско-историческихъ свѣдѣній и охотно брали изъ него факты, потому что имъ сочувственно было самое освѣщеніе, въ какомъ эти факты здѣсь появлялись. Новѣйшій біографъ указалъ у Болтина много заимствованій изъ Бэйля, между прочимъ такихъ, которыя не были имъ самимъ отмѣчены, и заключаетъ: „Словарь Бэйля, по всей вѣроятности, былъ настольною книгою Болтина, который до того сдружился съ своимъ любимымъ писателемъ, что слова и мысли его приводилъ какъ бы невольно: они припоминались ему при каждомъ малѣйшемъ поводѣ, вслѣдствіе того *сильнаго впечатлѣнія*, которое производили они на его ясный и воспримчивый умъ. Болтинъ выписывалъ изъ Словаря Бэйля не только фактическія свѣдѣнія, не только *философскіе выводы* и воззрѣнія, но и множество отдѣльныхъ мыслей, летучихъ замѣтокъ, счастливыхъ выраженій и т. п. Идетъ ли рѣчь объ истинномъ значеніи воинскихъ доблестей и побѣдъ, которыя такъ высоко цѣнятся и современниками, и потомствомъ; указывается ли на призваніе писателя и на печальныя уклоненія отъ его благородныхъ обязанностей, и т. п.—все подтверждается и какъ бы скрѣпляется умнымъ и правдивымъ свидѣтельствомъ Бэйля. Свой образъ мыслей относительно значенія литературы и обязанностей писателя Болтинъ выражаетъ словами Бэйля, утверждающаго, что писатели, достойные своего имени, не признаютъ другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитою ведутъ войну со всякимъ уклоненіемъ отъ разума и правды, со всѣмъ ложнымъ и нечистымъ“¹⁾). Такимъ образомъ заимствованія изъ Бэйля простирались на весьма существенные пункты во всемъ складѣ мыслей Болтина, и очень мудро сказать, чтобы нашъ историкъ составлялъ свои идеи лишь на основаніи того, что узнавалъ изъ лѣтописей и изъ деревни... Другимъ авторитетомъ Болтина былъ нерѣдко цитируемый имъ „писатель знаменитый нашего вѣка“, подъ которымъ разумѣется Вольтеръ. Изъ него, какъ изъ Бэйля, Болтинъ заимствовалъ не только факты, но и общія философскія положенія, и напр. то раціоналистическое свободомысліе, которое у Болтина, какъ у Татищева, подавало поводъ къ первой критической оцѣнкѣ церковнаго элемента

¹⁾ Тамъ же, стр. 143—144, 215.

нашей исторіи. Отношеніе науки къ религіи, историческая роль духовенства, значеніе народнаго обычая опредѣляются у Болтина подъ несомнѣннымъ вліаніемъ Вольтера и съ точки зрѣнія, которой не знали ни лѣтопись, ни деревня, обѣ стоявшія на точкѣ зрѣнія непосредственно патріархальной. Далѣе, большимъ уваженіемъ Болтина пользуется писатель, который былъ столь почитаемымъ авторитетомъ для самой императрицы Екатерины при составленіи „Наказа“—Монтескье; затѣмъ Рейналь и Руссо. Изъ всѣхъ этихъ писателей Болтинъ бралъ общія представленія о политическихъ учрежденіяхъ, формахъ благоустроеннаго общества, отношеніяхъ закона и обычая и т. п. Словомъ, присматриваясь къ теоретическимъ взглядамъ Болтина, нельзя не видѣть, что они образовались подъ сильнымъ вліаніемъ западныхъ и особливо французскихъ философско-историческихъ ученій. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти взгляды представляли нѣчто новое, неизвѣстное старымъ традиціоннымъ понятіямъ нашего общества.

Болтинъ, какъ и Татищевъ (но уже гораздо многостороннѣе послѣдняго), ищетъ объясненія событій въ реальныхъ условіяхъ жизни; чудесное не находитъ мѣста въ исторіи и объясняется только суевѣріями вѣка; чтобы объяснить прошедшее, историкъ старается раскрыть и сопоставить обстоятельства и интересы, среди которыхъ совершались событія. Въ соотвѣтствіе съ авторитетными писателями того времени, Болтинъ настаиваетъ на необходимости для историка и политика уразумѣть существенныя особенности народа, или, по нынѣшнему, понять свойства народности. Въ этихъ свойствахъ нѣтъ ничего произвольнаго и сверхъестественнаго: онѣ проистекаютъ изъ совокупности причинъ нравственныхъ и физическихъ, и въ ряду послѣднихъ особенно отъ климата. Какъ историкъ не можетъ объяснить судьбы народа, не принявъ во вниманіе народныхъ свойствъ, такъ политикъ въ своихъ практическихъ мѣрахъ необходимо долженъ сообразоваться съ ними, чтобы не впасть въ ошибку. Производя нововведеніе, необходимо сообразоваться съ обычаями и мѣстными условіями; иначе законы будутъ напрасны или даже вредны.

Русскій народъ Болтинъ считаетъ народомъ вполне европейскимъ въ томъ смыслѣ, что это—народъ равноправный съ европейцами и вполне способный къ тому высокому просвѣщенію, какого достигла Европа. Болтинъ знаетъ и указываетъ различія въ характерѣ племенъ и въ складѣ ихъ исторіи (какъ не забываетъ мѣстныхъ отличій въ кругу самой русской народности), но совершенно признаетъ ту однородность русскихъ съ народами Европы, какую хотѣли отвер-

*) Ср. Исторію Росс. Акад., V, стр. 188 и слѣд.

гать новѣйшіе славянофилы '). Этими общими понятіями о народныхъ особенностяхъ и необходимости просвѣщенія, опредѣляются мнѣнія Болтина о новѣйшихъ событіяхъ русской исторіи. Онъ говоритъ съ великимъ почтеніемъ о дѣятельности Петра Великаго, въ которомъ видѣлъ героя и насадителя наукъ, но строго осуждаетъ оказавшіяся потомъ неблагопріятныя вліянія западныхъ нравовъ, и испорченному новому обществу противопоставляетъ здравую простоту стараго обычая. Онъ съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ о временахъ Бирона, о которыхъ зналъ еще по живымъ преданіямъ. Онъ привѣтствовалъ времена Екатерины II, которая, по тогдашнему представленію, дала свободу мысли и совѣсти русскому народу. Любовь къ старинѣ, въ которой Болтинъ цѣнилъ простоту нравовъ, не мѣшала ему высоко оцѣнивать это освободительное настроеніе временъ Екатерины (въ первые годы ея царствованія), весьма мало похожее на эту старину. Онъ радуется, что съ воцареніемъ Екатерины „совѣсть не судится, мысль свободна, языкъ развязанъ“. Въ духѣ этой терпимости и согласно своему взгляду на значеніе народнаго обычая, котораго не слѣдуетъ измѣнять насильственно, Болтинъ относится весьма разумно къ раскоду. Если разсмотрѣть,—разсуждаетъ онъ,—обряды и религіозныя понятія нашихъ расколниковъ, то не найдется въ нихъ ничего такого, что противорѣчило бы правиламъ и обязанностямъ истиннаго христіанина и добраго гражданина. „Какой вредъ, напримѣръ, наносили государству бороды? Никакой. Какую пользу принесло обрיתіе ихъ? Никакой же, но принужденіе къ тому великій вредъ причинило. Когда характеръ мой хорошъ, что кому нужды до того, что лицо у меня мохнато; что платье на мнѣ длинно; что знаменуя себя крестомъ, не такъ персты складываю какъ другіе; что вмѣсто трехъ разъ, по два раза аллилуіа читаю; что по солнцу, а не противу солнца обращаюся; что старопечатныя книги признаю исправнѣйшими новыхъ, и проч.?.. Оставь слабости при мнѣ, если основаніе сердца моего благо. Признавая всѣ сіи мелочныя обряды и ничего въ существѣ своемъ незначущіе, за важныя, за необходимыя ко спасенію, подвергаю себя всеобщему осмѣянію, являю свое невѣжество, невѣгласіе; но не дѣлаюся преступникомъ, не заслуживаю ненавидѣнія, наказанія, гоненія. Наблюдая сіи странности, могу быть вѣренъ Государю, усерденъ къ отечеству, добрымъ и честнымъ членомъ въ общежитіи, храбрымъ солдатомъ, трудолюбивымъ земледѣльцемъ, хорошимъ семьяниномъ. Пусть мнитъ о вещахъ всякой по своему, но дѣлаетъ только то, что повелѣваетъ законная власть. Не будетъ о мнѣніяхъ спора, прекратятся и разгласія. Не будетъ принужденія, насилія, исчезнетъ изувѣрство. Не

сильно могущество власти противу мрачныхъ привидѣній невѣжества и суевѣрія: свѣтъ единъ заставляеть ихъ исчезати“¹⁾).

Новѣйшій біографъ, отмѣчая у Болтина наклонность къ старинѣ, указываетъ также его нерасположеніе къ Франціи и французскому вліянію. „Вліяніе Франціи,—говорить онъ,—чувствовалось у насъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. Оно отражалось не только въ нашихъ понятіяхъ, но и въ нашихъ нравахъ, общественныхъ и даже семейныхъ; оно разрывало живую связь русскихъ людей съ русскою землею; оно грозило имъ умственнымъ и нравственнымъ порабощеніемъ (?). Сама собою создалась у насъ обличительная литература, направленная противъ иноземнаго вліянія. Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа“²⁾. Болтинъ, какъ и Новиковъ, не разъ возвращается къ обличенію вредныхъ слѣдствій французскаго воспитанія и приписываетъ ему презрѣніе къ прекраснымъ обычаямъ родной старины по той причинѣ, что такихъ обычаевъ не водится у французовъ; онъ возмущается, что русскіе люди дѣлятся на „благородныхъ“ и „чернь“, и первые смѣются надъ народными старыми обычаями. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, къ чему исторически сводится французское вліяніе и разрывъ съ народомъ. Общественныя формы и обычаи не падаютъ безъ достаточной причины отъ чьего-нибудь произвола; въ старыхъ обычаяхъ было много прекраснаго, но много и не-прекраснаго, и это послѣднее должно нести на себѣ въ значительной степени вину тѣхъ нововведеній, которыя его устранили: не мудрено затѣмъ, что съ непривлекательными подробностями старины падало и то, что въ ней было хорошаго и сочувственнаго. Съ другой стороны, процентъ французскаго вліянія былъ не великъ, и оно приносило не одні только прискорбныя послѣдствія: Болтинъ не вспомнилъ (да и его біографъ также), что раздѣленіе на благородныхъ и чернь началось гораздо раньше французскаго вліянія (оно началось съ появленія привилегированной дружины и „смердовъ“ или „холоповъ“, и продолжалось во все теченіе русской исторіи); что французское вліяніе вызывалось скудостью умственныхъ интересовъ стараго патріархальнаго общества и недостаткомъ общественной жизни въ старыхъ нравахъ, и наконецъ, что французское вліяніе очень помогло нашему собственному сознанію. Прекрасный образчикъ послѣдняго представляетъ тотъ самый писатель, изъ котораго

¹⁾ Примѣч. на Исторію Леклерка, II, стр. 363—364.

²⁾ Исторія Росс. Акад. V, стр. 194.

мы приводимъ обличеніе французскаго вліянія: Болтинъ пропитанъ былъ этимъ вліяніемъ; его научными авторитетами были знаменитые тогда французскіе писатели, между прочимъ тѣ самые, которые потомъ считались наиболѣе зловредными ¹⁾, по это не помѣшало ему остаться самымъ русскимъ человѣкомъ и цѣнить преданія старины; напротивъ, съ помощью французскихъ мыслителей онъ и научился сознательно относиться къ этой старинѣ, понимать силу обычая и его народное право. Болтину и Новикову было трудно сказать, а повѣйшему біографу можно было не забыть, какая роль въ вопросѣ о французскомъ вліяніи принадлежала одному существенному обстоятельству, которое тутъ несомнѣнно дѣйствовало, — именно, примѣру самого двора.

Болтинъ не настаивалъ на освобожденіи крестьянъ; въ полемикѣ съ Леклеркомъ онъ даже выставляетъ положеніе русскихъ крестьянъ болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ положеніе земледѣльца европейскаго; но съ другой стороны онъ не думаетъ скрывать, что измѣненіе этого дѣла желательно, — только оно должно произойти медленно и постепенно. Любопытно, что и здѣсь онъ подкрѣпляетъ свои разсужденія французскимъ авторитетомъ и ссылается на слова Руссо, что „прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла“; эту мысль онъ приписываетъ и Екатеринѣ, и объясняетъ ею основаніе училищъ „для нижнихъ чиновосостояній“, которое, по его мнѣнію, должно было „приготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара“ ²⁾. Радищевъ тогда же отвѣчалъ на это предположеніе страшной картины положенія крѣпостного, получившаго по волѣ барина высшее образованіе и „приготовленнаго къ воспріятію божественнаго дара“, но оставленнаго наслѣдникомъ этого барина въ крѣпостныхъ... Болтинъ не скрывалъ отъ себя и отъ своихъ читателей, что одною изъ причинъ, требовавшихъ измѣненія въ положеніи крестьянъ, были свойства помѣщичьей власти: между помѣщиками бывали люди жестокие и безчувственные, „дѣлающіе стыдъ русскому имени и человѣчеству“, бывали „чудовищные и презрительные выродки въ природѣ“... Но

¹⁾ Имя Вольтера стало обозначеніемъ необузданнаго и безнравственнаго вольномыслія; объ Рейналѣ вспомнила сама императрица Екатерина, дѣлая замѣтки на книгу Радищева.

²⁾ Прим. на исторію Леклера, II, стр. 236 — 237. Въ другомъ мѣстѣ Болтинъ говоритъ: „При дачѣ рабамъ свободы, все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобъ не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ея пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и гибель... La liberté est un aliment de bon suc, mais de forte digestion; il faut des estomacs bien sains pour le supporter (*Rousseau*)“. Тамъ же, стр. 328.

какъ бы ни смотрѣлъ Болтинъ на вопросъ освобожденія, который въ то время былъ, и самому Болтину казался еще неосуществимымъ, онъ зналъ фактическое положеніе народа въ свое время никакъ не хуже, чѣмъ въ наше время знаютъ это положеніе новѣйшіе народники. Онъ совершенно понимаетъ и толково объясняетъ порядки и обычаи общиннаго землевладѣнія ¹⁾ и вообще хорошо знакомъ съ бытомъ, народными преданіями и обычаями, народной поэзіей и языкомъ. Онъ пользуется этимъ матеріаломъ и въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, приводитъ народныя пѣсни, повѣрья, пословицы, какъ остатки и свидѣтельство минувшихъ временъ. Ему извѣстны и произведенія былинной поэзіи, къ которымъ однако онъ относится иначе, чѣмъ наши новѣйшіе ученые. Болтинъ не думаетъ приписывать былинамъ такую древность, такое полу-мистическое національное значеніе, какъ это склонны были дѣлать теперь. Для изображенія древнѣйшаго быта надо, по его мнѣнію, обращаться никакъ не къ этой народной поэзіи, а къ древнимъ письменнымъ памятникамъ, къ лѣтописи Нестора, къ законамъ Ярослава и Изяслава, къ договорамъ, грамотамъ, церковнымъ памятникамъ и т. п.; напротивъ былинная поэзія, которой придается теперь такое значеніе, не пользуется сочувствіемъ Болтина ни съ исторической, ни съ поэтической стороны. Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владимира и проч., по мнѣнію Болтина,—пѣсни „подлыя“, безъ всякаго складу и ладу. „Подлинно такковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ, и можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая такковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни; подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого-жъ точно рода какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ“ ²⁾.

¹⁾ Исторія Россійской Академіи, V, стр. 234, 414. Сколько указанія Болтина и другихъ названныхъ нами раньше ученыхъ, путешественниковъ, историковъ и этнографовъ, послужили для новыхъ изслѣдователей народнаго, специально крестьянскаго вопроса въ прошломъ столѣтіи, читатель можетъ увидѣть въ книгѣ г. Семейскаго: „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“. Спб. 1881. О Болтинѣ см. еще того же автора: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“. Спб. 1888, т. I, глава XIII.

²⁾ Примѣч. на исторію Леклерка, II, стр. 60. Замѣтимъ, что простой, безграмотный народъ, авторъ народной нашей поэзіи, у самого Болтина является въ видѣ весьма презираемой имъ „черни“.

Замѣчаніе Болтина о происхожденіи былинъ не такъ поверхностно, какъ можетъ казаться нѣкоторымъ любителямъ былинной поэзіи. По всей вѣроятности во времена Болтина былина не имѣла уже, какъ и теперь, общаго распространенія въ народѣ или, какъ теперь, извѣстна была только въ видѣ отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, гдѣ Илья Муромецъ, національный герой, шелъ рядомъ съ Бовой-Королевичемъ и Ерусланомъ: Болтину могло казаться, что изображеніе былиннаго богатыря есть не общенародное созданіе, а фантазія одного разряда народныхъ пѣвцовъ и сказочниковъ, какъ духовные стихи были дѣломъ своихъ особыхъ специалистовъ. Исследователямъ новѣйшимъ также приходила мысль о частномъ сословномъ происхожденіи былинны. Наконецъ, Болтину не безъ основанія могла не нравиться новѣйшая форма былинныхъ сказаній, гдѣ старыя черты эпоса подпали позднѣйшему огрубѣнію народной фантазіи и самаго выраженія.

Общее значеніе Болтина наиболѣе отчетливо опредѣлено въ характеристикѣ Соловьева. Болтинъ былъ свидѣтелемъ перемѣны, которая произошла со второй половины прошлаго вѣка во взглядахъ общества на науку и просвѣщеніе. Въ началѣ вѣка, въ эпоху преобразования, на науку смотрѣли преимущественно съ точки зрѣнія практической пользы; теперь обратили вниманіе на вопросъ о воспитаніи. Моралисты временъ Екатерины II постоянно говорили о воспитаніи, какъ залогѣ благосостоянія общества. Это отразилось и во взглядахъ на русскую исторію. Въ Петровскія времена надо было защитить права просвѣщенія противъ невѣжества и суевѣрія, и приверженцы новаго порядка естественно проникались враждой къ старинѣ, которая казалась олицетвореніемъ предрасудковъ и невѣжества. Теперь вопросъ ставился иначе, и одно образованіе ума, безъ воспитанія нравственнаго, стало казаться недостаточнымъ—оно часто сопровождалось нравственной порчей или пристрастіемъ къ чужеземному, хотя бы и дурному. „Лучшіе умы,—говоритъ Соловьевъ,—стали вооружаться теперь уже не столько противъ вредныхъ слѣдствій стариннаго, до-Петровскаго быта, сколько противъ вредныхъ слѣдствій односторонняго стремленія ко всему новому и чужому: отсюда недовольство предшествовавшимъ направленіемъ; борьба съ нимъ нечувствительно вела къ примиренію съ стариною, которая уже не возбуждала сильной вражды, ибо признала себя побѣжденною и прикрылась другимъ слоємъ, а на мѣсто ея явился другой, новый врагъ, болѣе опасный. Въ борьбѣ съ недавнимъ зломъ нечувствительно стали бросать благопріятные взгляды на старину отдаленную, именно уже потому, что она была враждебна новому врагу, противъ

котораго нужно было вооружиться всѣми средствами; нужно было показать его незаконное вторженіе на мѣсто прежняго, лучшаго, а между тѣмъ старина, вслѣдствіе самого отдаленія своего и неизвѣстности, начала представлять пріятные образы. Это недовольство направленіемъ, господствовавшимъ въ первую половину восемнадцатаго вѣка, и примиреніе съ враждебною ему стариною до-Петровскою объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю русскую исторію¹⁾.

Мы упоминали о томъ, насколько это новое обращеніе къ старинѣ выдерживало историческую и общественную критику. Старина могла казаться привлекательной, какъ патріархальный бытъ, не испытывавшій множества новыхъ условій и соблазновъ, которые иногда отражались неблагопріятно на нравахъ и обычаяхъ; любители старины во времена Болтина обращали на нее свои взгляды не въ силу живого сознанія, а путемъ теоретическаго разсужденія и при этомъ обыкновенно забывали, что старину вообще нельзя разсматривать съ точки зрѣнія однѣхъ лучшихъ ея сторонъ: онѣ были такъ переплетены со всѣмъ ея характеромъ, что выборъ въ сущности немислимъ, что взять одно было бы невозможно безъ другого, вмѣстѣ съ лучшимъ придетъ и самое худшее; съ патріархальной простотою нравовъ, которая прельщала моралистовъ прошлаго вѣка, какъ и ихъ вывѣстныхъ подражателей, неразрывно соединилось и патріархальное невѣжество, и еслибы возможно было когда-нибудь возстановленіе старины, то нація и обществу снова пришлось бы вынести такой же кризисъ ожесточенной борьбы противъ нея, какимъ однажды она была удалена. Но возвращеніе и невозможно: стремленіе къ этому возвращенію бываетъ только или мечтой идеалистовъ-археологовъ, или ретроградовъ; попытки фактическаго возстановленія старины всегда сводились къ одной декорации и театральному, или балаганному, переодѣванью. Старинный обычай сохраняетъ жизненное могущество только тамъ, гдѣ онъ несетъ съ собою, какъ въ Англійи, преданіе общественной свободы и самодѣтельности.

Но Болтинъ исторически любопытенъ не этой наклонностью идеализировать старину, а общимъ отношеніемъ его къ историческому и народному вопросу. На этомъ, безъ сомнѣнія умнѣйшемъ изъ нашихъ историковъ прошлаго вѣка, мы убѣждаемся еще разъ, что пріятіе западной науки не только не было подчиненіемъ чужому, отдаленіемъ отъ національнаго содержанія, а напротивъ будило мысль, вело ее на критическую работу и въ концѣ концовъ возвращало къ

---

¹⁾ Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, кн. II, половина первая, 1855, ст. Соловьева: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“.

тому же національному содержанию, но понятому уже сознательно. Такъ, у писателей XVIII вѣка возникалъ интересъ къ народу не какъ чужое указаніе, а какъ живая органическая мысль, исторію которой не трудно прослѣдить не только въ теченіе XVIII-го вѣка, но даже и раньше, въ проблескахъ критической мысли XVII-го столѣтія.

ГЛАВА V.

XVIII-й вѣкъ. Наука и народность: языкъ народный и литературный.

Переворотъ въ литературномъ языкѣ со времени реформы.—Ломоносовъ.—Ученнаго общества для рѣшенія вопроса о языкѣ.—Россійское собраніе, при Академіи наукъ.—Вольное собраніе при московскомъ университетѣ.—Свящ. Петръ Алексѣевъ.—Россійская академія.—Княгиня Дашкова.—Румовскій, Лепехинъ, Болтинъ.—Языкъ областной.—Начало исторіи литературы: Коль, Дамаскинъ-Рудневъ, Баузе.

Исторія нашего литературнаго языка со времени реформы разработана до сихъ поръ чрезвычайно мало. Кромѣ книги г. Буслаева: „О преподаваніи отечественнаго языка“ (1844), гдѣ намѣчены многіе вопросы этой исторіи; кромѣ старой книги К. Аксакова и новой книги г. Будиловича о Ломоносовѣ и, наконецъ, кромѣ отдѣльных замѣтокъ въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ г. Грота, не было предпринято никакихъ спеціальныхъ работъ, которыя выяснили бы эту исторію со временъ Петра и до нашего времени. Между тѣмъ, предметъ исполненъ интереса. Литературный языкъ есть вѣрное отраженіе умственнаго и поэтическаго содержанія общества въ данную эпоху, отраженіе тѣхъ путей, какими это содержаніе развивалось, и отношеній, въ какихъ оно находилось къ народной старинѣ и настоящему. Исторія нашего литературнаго языка въ теченіе прошлаго вѣка можетъ стать любопытнымъ дополненіемъ къ исторіи реформы со всѣмъ ея разностороннимъ дѣйствіемъ на умы и нравы общества, всѣмъ новымъ запасомъ идей, всей борьбой стараго съ новымъ, ихъ совмѣстнымъ существованіемъ въ жизни, и все болѣе сильнымъ притокомъ народной стихіи въ новую возникавшую умственную жизнь. Ранѣе мы упоминали о томъ, какимъ образомъ на ломаномъ, странномъ книжномъ языкѣ Петровскаго времени связывалось

сначала тугостное усвоение чуждыхъ понятій; какъ потомъ съ привычкою къ новому знанію, сглаживались грубыя и угловатыя формы новаго языка и, наконецъ, мало-по-малу онѣ выросли въ новую живую и изящную рѣчь. Противники Петровской реформы ссылались не разъ на эту угловатость стараго языка, противопоставляя ей мѣткость и свѣжесть простой народной рѣчи, и выводили заключение о противуестественности самаго дѣла, говорившаго языкомъ Петровскихъ временъ. Забыто было въ этомъ противоположеніи только одно — что сравнивались вещи не однородныя: языкъ Петровской книги потому именно и былъ тяжелъ, что ему приходилось выражать неизвѣстныя прежде понятія, которыхъ совѣтъ не могла выразить народная рѣчь того времени; эта послѣдняя до тѣхъ поръ лишь и могла быть свѣжа и красива, пока не выходила изъ своего ограниченнаго обихода реальныхъ представленій; но она была совершенно бессильна для понятій изъ области невѣдомаго до тѣхъ поръ отвлеченно-научнаго и практическаго знанія. Нужно было вспомнить о всемъ положеніи вещей наканунѣ реформы.

Это положеніе было таково. *Русскій* литературный языкъ, какъ онъ есть теперь, въ то время не существовалъ: въ книжномъ обращеніи была неопредѣленная амальгама изъ двухъ, хотя по происхожденію близкихъ и исторически связанныхъ, по тѣмъ не менѣе различныхъ стихій. Эти стихіи, церковная и народная, существовали рядомъ, но церковная была все-таки чужда самой жизни, и старыя книжники до конца не могли выяснять себѣ ихъ взаимнаго отношенія и выработать живую литературную рѣчь. Настоящимъ нормальнымъ языкомъ книги считался церковный, т. е. собственно говоря, та особая разновидность старо-славянскаго языка, которая образовалась съ теченіемъ вѣковъ отъ неизбѣжнаго воздѣйствія живого русскаго говора. вмѣстѣ съ тѣмъ настоящей книгой, заслуживающей вниманія, считалась только книга божественная или учительная (то же понятіе о книгѣ сохраняется и до сихъ поръ въ народѣ, и новѣйшіе охранители — не вѣдая, что творять — любятъ ссылаться на это въ укоръ либеральной литературѣ, которая старается довести до народа извѣстную долю научнаго мірскаго знанія). Жизнь, конечно, брала свое, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ книгу, или вѣрнѣе, въ письменность врывается народный языкъ. Онъ уже издавна вошелъ въ ту часть письменности, которая передавала реальные дѣла народной жизни — грамоты и договоры, дѣла административныя и судныя, законодательство, наконецъ, въ тотъ отдѣлъ литературы, котораго, при всѣхъ усиліяхъ, не могла подавить церковная книжность, — въ произведенія народно-поэтической письменности. Тѣмъ не менѣе онъ не былъ признаваемъ, и до XVIII вѣка ни одно изъ про-

изведеній этой послѣдней литературы не было удостоено печати, да и не помышляло этого удостоиться. При такомъ положеніи вещей не возможно говорить о томъ, что книжный языкъ XVIII вѣка былъ „дурнымъ русскимъ языкомъ“, хуже языка XVII вѣка—послѣдній просто совсѣмъ не сумѣлъ бы говорить о тѣхъ предметахъ, о которыхъ, худо ли, хорошо ли, началъ говорить языкъ XVIII вѣка. Книжный языкъ XVII столѣтія былъ языкъ церковной книги и только; для остальныхъ потребностей умственной жизни онъ не давалъ никакихъ средствъ выраженія; литература поэтическая не признавалась въ самомъ принципѣ.

Понятно, такимъ образомъ, что когда съ реформой возникалъ цѣлый рядъ новыхъ потребностей, являлся впервые новый запасъ научныхъ знаній, нарождалось впервые личное поэтическое творчество, отмѣтившее цѣлый новый періодъ во внутренней жизни національности,—для всего этого въ языкѣ старой книги не было выраженія, и предстояла трудная задача найти это выраженіе—почти безъ всякой прежней подготовки и безъ предшественниковъ ¹⁾. Понятно, что этотъ трудъ не могъ быть исполненъ сразу; напротивъ, потребовался цѣлый рядъ поколѣній для совершенія дѣла, которое стало великимъ приобретеніемъ народной мысли и народной рѣчи. Въ судьбѣ новаго литературнаго языка очевидны всѣ свойства жизненнаго историческаго процесса. Во-первыхъ, зачатки этого труда надъ литературнымъ языкомъ восходятъ ко временамъ задолго до Петровской реформы; во-вторыхъ, онъ совершается съ замѣчательной послѣдовательностью, все болѣе расширяя кругъ своего содержанія и захватывая народную стихію, и въ результатъ впервые онъ создалъ то, чего *не имѣла* старая, московская Россія—*русскій* литературный языкъ, способный служить цѣлямъ просвѣщенія и поэтическаго творчества и глубоко проникнутый чисто русскимъ народнымъ элементомъ. Созданіе этого новаго литературнаго языка, завершаемое только въ XIX столѣтіи, составляетъ такой же многозначительный фактъ національнаго самосознанія, какой мы видѣли выше въ разнообразныхъ изученіяхъ Россіи и ея исторіи, какой представляетъ все умственное и литературное движеніе прошлаго вѣка. Во всемъ этомъ XVIII вѣкъ только отвергалъ узкую односторонность или простое патриархальное невѣдѣніе старой русской жизни и впервые возвысился до дѣйствительнаго національнаго самосознанія.

Образованіе новаго языка было исторической необходимостью

¹⁾ Говоримъ: *почти*, потому что въ XVII вѣкѣ были уже, какъ сейчасъ скажемъ, хотя отрывочные, но несомнѣнные признаки стремленія къ реформѣ и вмѣстѣ къ расширенію литературнаго языка, но все-таки Петровскому времени пришлось за многое браться впервые.

Литература XVII-го вѣка, хотя слабыми и невѣрными шагами, несомнѣнно вступала на новую дорогу: рядомъ со старой традиціонной книжною появлялись произведенія совсѣмъ новаго характера; возникало замѣтное вліяніе кievской школы и черезъ нее польской литературы; появляются переводы изъ западныхъ литературъ—книги географическихъ и историческихъ, наконецъ, повѣстей и драматическихъ пьесъ. Все это вмѣстѣ произвело въ книжномъ языкѣ чрезвычайную путаницу; онъ представлялъ безсвязную массу необработанныхъ элементовъ: церковно-славянскую или русскую основу съ различными варваризмами, особенно польскими, латинскими и южнорусскими. Наконецъ, явилось и стихотворство съ тѣмъ же вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ, о которомъ трудно сказать, какому языку оно принадлежало больше: славянскому, великорусскому, южнорусскому или бѣлорусскому; въ то же время существовалъ болѣе или менѣе чистый славянскій языкъ у церковныхъ стилистовъ, чистый русскій языкъ у писателей дѣловыхъ. Это было состояніе броженія, гдѣ новые элементы заявили свое присутствіе, но еще не срослись ни во что органическое. Языкъ Петровскаго времени съ его извѣстными свойствами—тѣмъ же еще неорганизованнымъ смѣшеніемъ славянскаго и русскаго, обиліемъ иностранныхъ словъ, въ сыромъ видѣ вставленныхъ въ русскую рѣчь,—въ сущности не представлялъ никакой новой ломки языка, какъ обыкновенно говорятъ, а былъ только второю ступеню ранѣе начавшагося броженія, второю въ томъ смыслѣ, что продолжалось прежнее неустановившееся положеніе языка, который, воспринимая новыя понятія, еще не находилъ для нихъ органическаго выраженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было уже нѣчто совершенно новое, носившее въ себѣ зародышъ будущаго могущественнаго развитія. Дѣятельность гениальнаго человека наложила печать на самый языкъ и, разбудивши національную мысль, дала новыя средства, мотивы для развитія языка. Въ языкѣ самого Петра еще слышатся входившіе по привычкѣ церковные элементы, но основа чисто русская: Петръ черпалъ изъ первыхъ источниковъ; онъ говорилъ простымъ народнымъ, нерѣдко грубо сильнымъ языкомъ, безъ церемоніи вставляя въ него иностранныя слова, когда нужно было обозначить вещь, для которой еще не было русскаго названія. Но въ этомъ смѣшеніи было сильное, здоровое зерно: тотъ языкъ служилъ *живому дѣлу*, которое становилось государственнымъ дѣломъ великаго народа; его новизны не были повтореніемъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ чужихъ понятій, а были выраженіемъ жизненнаго факта, результатомъ приобретаемаго свѣжаго реальнаго знанія. Формы тогдашняго языка указывали путь, каковымъ съ этихъ поръ предстояло развиваться русской рѣчи: въ основу долженъ былъ стать

языкъ жизни, языкъ народной дѣятельности; въ него должны были войти тѣ новыя приобрѣтенія, которыя дала наука въ ея многоразличныхъ отрасляхъ, съ ея практикой и теоріей. Таковъ и былъ дѣйствительно дальнѣйшій ходъ книжнаго языка въ XVIII столѣтіи. Послѣдующее время устранило изъ языка то, что было въ немъ внѣшнимъ, по необходимости сдѣланнымъ заимствованіемъ, но осталась здоровая сущность движенія: онъ сталъ давать новыя ростки, развивавшіяся собственными его внутренними силами; онъ вступалъ въ *новый историческій періодъ*. Съ этого возбужденія, даннаго новымъ образовательнымъ содержаніемъ, собственно и началось первое полное проявленіе всего богатства и жизненности русскаго языка. Процессъ развитія не довершенъ и по настоящее время—потому что сама русская образованность еще далека отъ самобытности (затрудненной безъ свободы науки и слова),—но, конечно, никогда еще нашъ языкъ не видалъ такого роскошнаго развитія, въ какомъ онъ является у лучшихъ писателей нашего времени, когда онъ овладѣваетъ одинаково и высшими областями научнаго знанія, и самыми тонкими выраженіями поэтическаго творчества, и самыми своеобразными проявленіями народности. Ничего подобнаго не представлялъ онъ въ свои прежніе періоды, и ближайшимъ исходнымъ пунктомъ этого движенія было Петровское время.

Въ эпоху преобразованія не нашлось, да по обстоятельствамъ времени и не могло найтись, писателей и теоретиковъ языка, которые въ состояніи были бы внести единство въ это броженіе и установить нормы языка. Въ полномъ разгарѣ было самое дѣло: собирався новый матеріалъ, вызывались новыя стихіи будущаго движенія, и невозможна была пока никакая организація этого множества новаго лексическаго матеріала и новыхъ оборотовъ рѣчи; самая литература была въ большинствѣ дѣловая, научная, техническая. Петръ былъ однимъ изъ ея ревностныхъ дѣателей: среди самыхъ серьезныхъ государственныхъ дѣлъ, военныхъ и административныхъ, онъ заказывалъ книги и переводы, самъ выправлялъ ихъ и, случалось, съ похода посылалъ прочитанныя корректуры. Въ это бурное и занятое время некогда было думать о точныхъ правилахъ и изяществѣ выраженія. Время для „музъ“, т.-е. грамматики и вопросовъ о стилѣ, было впереди, и оно дѣйствительно пришло съ первымъ ученымъ поколѣніемъ, которое училось въ Петровское время и начало свою самостоятельную дѣятельность послѣ него. Главнымъ представителемъ этого поколѣнія явился Ломоносовъ. Много было говорено объ его великихъ заслугахъ въ русской наукѣ и литературѣ, и дѣйствительно любопытно, что Ломоносовъ начинаетъ свою многообъемлющую и творческую дѣятельность вслѣдъ за преобразованіемъ госу-

дарственнымъ. И здѣсь Западъ доставляетъ теоретическія знанія и возбужденія, которыя естественно связались съ историческими требованіями русской жизни и нисколько не противорѣчили особенностямъ русской національной природы. Вопросъ объ языкѣ самъ собою представлялся Ломоносову на первыхъ порахъ его дѣятельности, и онъ возвращался къ нему до своихъ послѣднихъ дней. Какъ человѣкъ науки и писатель, Ломоносовъ не могъ не поставить себѣ этого вопроса въ виду упомянутой неурядицы въ формахъ и матеріалѣ языка, и онъ желалъ поставить на ея мѣсто тотъ порядокъ, какой свойственъ всѣмъ богатымъ литературою языкамъ, древнимъ и новымъ. Нужно было найти правильныя формы языка, чтобы онъ могъ дать выраженіе и для строгихъ положеній науки, и для изящныхъ образовъ поэзіи. Образцомъ при установленіи правилъ языка естественно представлялась общая грамматическая система европейскихъ языковъ, классическихъ и новѣйшихъ; но Ломоносовъ видѣлъ, что имѣеть дѣло съ матеріаломъ весьма сложнымъ, разнороднымъ по составу и частію совершенно необработаннымъ. Сами собою возникали вопросы объ отношеніяхъ языковъ церковно-славянскаго и русскаго и о литературныхъ формахъ поэтическаго творчества, въ частности о складѣ русскаго стихотворства ¹⁾.

Изученіе Ломоносова можетъ достаточно объяснить тѣ недоумѣнія, какія господствуютъ до сихъ поръ о тносительно языка прошлаго столѣтія, и опровергнуть тѣ обвиненія, какія падаютъ на этотъ языкъ за мнимую порчу русской стихіи и заимствованіе стихій иноземныхъ. Самого Ломоносова трудно обвинить въ поборщѣ иноземному и въ неумѣннѣ цѣнить свой народный матеріалъ и преданія. У него, ближайшаго свидѣтеля того броженія, какое совершалось въ языкѣ, мы не найдемъ тѣхъ легкомысленныхъ обвиненій, на какія такъ щедро потомство. Въ вопросѣ объ иноязычной стихіи, входившей въ русскій языкъ, какъ вслѣдствіе реформы Петра, такъ и вообще отъ внесенія научныхъ свѣдѣній съ ихъ терминологіей, Ломоносовъ рассуждалъ такъ же, какъ рассуждаемъ и мы теперь: онъ

¹⁾ Послѣ книги г. Буслаева, любопытнымъ началомъ историческихъ изысканій въ этомъ вопросѣ была извѣстная диссертация К. Аксакова о Ломоносовѣ (1846). Другимъ важнымъ трудомъ была книга А. Будиловича: „М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, съ приложеніями, содержащими матеріалъ для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности“ (Спб. 1869), и другая: „Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова“ (Спб. 1871). Здѣсь собраны любопытные факты и сопоставленія для объясненія теоретическихъ понятій Ломоносова о русскомъ языкѣ и матеріалъ для характеристики его собственнаго стиля. Другія подробности по вопросу объ языкѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка читатель найдетъ въ „Исторіи Академіи Наукъ“, Пекарскаго, т. II. Мы ограничиваемся только немногими указаніями.

не желалъ наводненія русскаго языка чужими словами, старался, гдѣ возможно, передавать ихъ въ русскомъ переводѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понималъ, что иностранная стихія входитъ въ языкъ не случайно и не по чьему-нибудь произволу. „Замѣчательно, — говоритъ г. Будиловичъ, — что во всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова ни разу не встрѣчается упрека Петру за его преувеличенное пристрастіе къ иноземной стихіи въ языкѣ, наукѣ и администраціи, не встрѣчается не потому, чтобы Ломоносовъ это одобрялъ или не замѣчалъ, а потому, что по взгляду Ломоносова слово одновременно понятію, лексикологическое богатство языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа, и притомъ внутреннимъ ростомъ или внѣшнимъ наносомъ, смотря по тому, развилось ли понятіе органическимъ процессомъ жизни, или навязано ¹⁾ извнѣ путемъ заимствованія. Но такъ какъ образованность народовъ очень часто двигается и направляется толчками извнѣ, то, по мнѣнію Ломоносова, и заимствованія въ языкѣ — дѣло не личнаго произвола, а почти исторической необходимости; конечно, народъ, усвоивая со временемъ принесенную въ нему изуча мысль, облакаетъ ее въ своеобразную форму, творитъ для нея слово, но это не всегда случается: остается много формъ чуждыхъ, которыя, однако, „черезъ долготу времени... входятъ въ обычай... и то, что предкамъ было не вразумительно, потомъ становится пріятно и полезно“ ²⁾. Сознывая все это, Ломоносовъ, вмѣсто того, чтобы обвинять предшественниковъ, старался на дѣлѣ замѣнить иностранныя слова русскими, и когда случалось, создавалъ въ духѣ языка новыя слова, которыя послѣ и входили въ употребленіе. Онъ самъ, однако, не боялся употреблять иностранныя слова, когда это было нужно. Другой вопросъ состоялъ въ отношеніяхъ церковнаго и русскаго языка. Эти отношенія въ это время не были, да и не могли быть научно опредѣлены. Въ старину, какъ замѣчали уже и иностранцы, у русскіхъ въ книгѣ господствовалъ славянскій языкъ, а въ обыденной жизни — русскій; это преданіе перешло и въ XVIII вѣкъ, и теоретически признавалось правильнымъ. Но жизнь все больше захватывала книгу, литература перестала быть исключительно или по преимуществу церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ все больше требовалъ мѣста въ книгѣ живой русскій языкъ. Ломоносовъ не въ силахъ былъ помирить противорѣчія стараго обычая и новаго требованія — не потому,

¹⁾ Выраженіе неточное: русскіе начала прошлаго вѣка никто ничего не „навязывалъ“, да и физически не могъ навязывать. Они брали чужое сами, потому что въ немъ нуждались. Точно также далѣе, „толчки извнѣ“ дѣйствуютъ лишь потому, что народъ самъ становится чувствительнымъ и воспримчивымъ къ вліянію иностранной цивилизаціи и *сами* ее ищутъ.

²⁾ „Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ“, стр. 59.

чтобы въ немъ было не довольно народной стихіи, а потому, что сама она еще не была столько развита, чтобы стать достаточнымъ книжнымъ выраженіемъ для новыхъ понятій: въ то время никто не считалъ возможныхъ относительно ея такого принципиальнаго при-
 тязанія. Исходъ изъ затрудненія Ломоносовъ нашелъ въ средней мѣрѣ—въ простомъ соединеніи славянскаго и русскаго элементовъ, которые признавалъ какъ бы равноправными, или даже отдавая предпочтеніе церковному: различную роль ихъ онъ опредѣлялъ не столько по основаніямъ филологическимъ и по значенію русскаго языка въ жизни, сколько по основаніямъ риторическимъ. Ломоносовъ представлялъ себѣ градацію употребленія церковнаго и русскаго языка по тремъ стилямъ, причемъ церковный языкъ особенно служилъ для стиля высокаго, т.-е. для всѣхъ возвышенныхъ мыслей и возвышенныхъ предметовъ поэзіи, и извѣстно, какъ много авторитетъ Ломоносова содѣйствовалъ дальнѣйшему сохраненію церковнаго элемента въ литературномъ языкѣ. По замѣчанію г. Будиловича, основаніемъ этого особеннаго уваженія къ церковному языку было то, что церковный языкъ представлялъ историческое звѣно между старой и новой русской литературой ¹⁾, что въ его области было уже выработано много средствъ возвышеннаго выраженія, которыми Ломоносовъ и дорожилъ, какъ унаслѣдованнымъ готовымъ богатствомъ. Съ другой стороны, въ книжныхъ произведеніяхъ чистаго русскаго языка, ограниченныхъ прежде одними дѣловыми, реальными интересами, онъ не находилъ ни тѣхъ элементовъ высокаго стиля, ни средствъ для передачи отвлеченно-научныхъ понятій, какія были необходимы для новой литературы и гораздо легче доставлялись оборотами церковнаго языка.

Такимъ образомъ, наплывъ жизненнаго реализма и иностранныхъ словъ, отличающихъ языкъ Петровской реформы уравнивался историческимъ элементомъ, въ церковномъ языкѣ. Этотъ элементъ былъ такъ привыченъ, что указаніе на него не возбуждало никакихъ сомнѣній и было признано всѣми единогласно. Когда ставился прямо вопросъ объ языкѣ народа, литературные авторитеты того времени, хотя безпрестанно враждовавшіе между собою, были единодушны: народный языкъ былъ языкъ „подлый“, народныя пѣсни—пѣсни „подлыя“; простой слогъ, т.-е. простой разговорный и народный языкъ Ломоносовъ допускалъ только въ „подлыхъ“ комедіяхъ и подобныхъ низкихъ сочиненіяхъ; Тредьяковскій называетъ разговорный языкъ „ямщицкимъ вздоромъ или мужицкимъ бредомъ“. На самомъ дѣлѣ, не было, однако, никакой возможности положить гра-

¹⁾ Будиловичъ, тамъ же, стр. 90.

ницы между двумя элементами языка, какъ скоро литература все больше приближалась къ жизни и должна была гсворить языкомъ привычнымъ для общества: общество все-таки не говорило по-славянски; въ разговорномъ языкѣ сами законодатели не все признавали низкимъ и дѣлали предположеніе о какомъ-то среднемъ уровнѣ языка, который, хотя и не былъ церковнымъ, однако, могъ быть допущенъ въ книгу безъ ущерба ея приличію и достоинству. Этотъ средній уровень былъ, очевидно, языкъ возникавшаго теперь впервые болѣе или менѣе образованнаго общества, языкъ, выроставшій уже подъ влияніемъ книжнаго знанія и терявшій патріархальную грубоватость простонародной рѣчи ¹⁾. Формы и обороты этого языка еще не установились, и законодатели потратили не мало хлопотъ на то, чтобы рѣшить: какъ приличнѣе или изящнѣе говорить: глазъ или око, лобъ или чело, щеки или ланиты, опять или пакы и т. п.; они то пугались „грубаго деревенскаго“ языка, то опасались „къ превеликому себѣ посмѣшеству“ употреблять церковныя выраженія въ любовныхъ или геройскихъ разговорахъ ²⁾.

При всемъ уваженіи къ церковному языку, они не въ состояніи были опредѣлить точной мѣры его употребленія и противорѣчили не только одинъ другому, но и самимъ себѣ, когда возвращались къ этой темѣ при разныхъ случаяхъ. Ясно, что причина колебанія заключалась именно въ неопредѣленности цѣлаго положенія языка; но въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ разсужденія о пользѣ церковныхъ книгъ, о „важности“ славянскаго языка и т. п., перевѣсъ падалъ все больше на сторону народной рѣчи, составлявшей основу языка общества, и въ литературномъ языкѣ все больше преобладала народная, а не церковная стихія. Понятіе объ этой народной стихіи было смутно; таковы у самого Ломоносова тѣ различныя названія, которыми онъ ее обозначаетъ: подлыя слова; слова простонародныя; слова новыя или гражданскія; слова обыкновенныя російскія; про-

¹⁾ По мнѣнію Тредьяковскаго, это былъ именно языкъ *двора*, *благоразумнѣйшихъ министровъ*, *премудрѣйшихъ священноначальниковъ* и знатнѣйшаго *дворянства*. Г. Будиловичъ думаетъ (стр. 92), что Тредьяковскій говоритъ здѣсь какъ *ѣрный ученикъ* тогдашнихъ французовъ, считавшихъ нормою языкъ Версаля; но должно согласиться, что въ этомъ именно кругу (между прочимъ, въ „священноначальникахъ“) онъ могъ не безъ основанія предполагать наиболѣе образованныхъ людей тогдашняго русскаго общества. Дальше увидимъ, что самъ Тредьяковскій не выдерживаетъ этого пренебрежительнаго отношенія къ народной рѣчи. Отчасти оно происходило, у него, какъ у Ломоносова, отъ вліяній псевдо-классицизма, приучавшаго къ напыщенности и высокому „штилю“, отчасти отъ почтенія къ церковному славянскому.

²⁾ Библиографическія Записки, 1859, ст. 518—519. Полное собраніе сочиненій Сумарокова. М. 1782, X, стр. 111.

стые разговоры; простой російскій языкъ; просторѣчіе. Границы между всѣми этими отгѣнками были очень неясны и естественно: литературная правоспособность тѣхъ или другихъ словъ и оборотовъ народной рѣчи должна была опредѣлиться живымъ употребленіемъ, а это употребленіе, *usus*, было еще ново.

Народный языкъ или разговорная рѣчь тѣмъ не менѣе неудержимо входили въ языкъ литературный, и въ первой половинѣ столѣтія уже явно обозначились двѣ отдѣльныя книжныя области: церковная и „гражданская“; въ первой крѣпче держались книжныя славянскія преданія (сохраняющіяся въ ней донинѣ), во второй—открывалось обширное поле развитія литературнаго языка на чисто-народной основѣ. На первое время законодатели съ трудомъ допускали народную рѣчь—не потому, чтобы имъ мѣшало въ этомъ ихъ новое образованіе, а именно потому, что были слишкомъ сильны *преданія старой книжности*, не допускавшей въ книгу народнаго языка. Въ дѣйствительности умственная жизнь, возбужденная реформой, имѣла глубоко-народную тенденцію, и вслѣдствіе того заслуга введенія въ книгу народнаго языка принадлежала именно реформѣ: за народный языкъ было новое направленіе, за церковный—старое. На самыхъ первыхъ порахъ литературы XVIII вѣка народный языкъ все больше и больше изгоняетъ славянщину, и уже вскорѣ сами теоретики прямо заявляютъ о его литературныхъ правахъ. Въ грамматикѣ Ададурова (1731) говорится, что „нынѣ всякій славянизмъ, особливо въ склоненіяхъ, изгоняется изъ русскаго языка“. Тредьяковскій, издавая въ то же время знаменитую „Бзду въ островъ любви“, пишетъ (1730), что „оную не славянскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, т.-е. каковымъ мы межъ собою говоримъ“, и причиной этого было то, что „языкъ славянскій,—по его словамъ,—нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но разговаривалъ со всѣми“. Въ „Разговорѣ объ ортографіи“, рассуждая о новой гражданской печати, Тредьяковскій замѣчаетъ, что „писать такъ надлежитъ, какъ *звонъ* требуетъ“. Сумароковъ „общее употребленіе за уставъ себѣ почитаетъ“. Извѣстно, какое вліяніе оказала народная поэзія на новую форму стиха: объясняя замѣну стараго силлабическаго размѣра тоническимъ стихосложеніемъ, Тредьяковскій указываетъ прямо (1734), что „всю силу сего новаго стихотворенія взялъ изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго, и буде желаютъ знать, то мнѣ надлежитъ отъявить, что поэзія нашего простого народа къ сему меня привела“. Онъ восхваляетъ „сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели греческихъ и латинскихъ, паденіе“, и замѣчаетъ опять, что свое новое стихосложеніе „занялъ

у самой нашей природной, наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи¹⁾. Эти примѣры достаточно указываютъ, при всей неясности положенія языка, при всѣхъ колебаніяхъ книжныхъ законодателей, что народный языкъ оказывалъ неодолимое вліяніе, и именно въ силу новаго горизонта понятій, собиравшихся въ литературѣ. Ломоносовъ, хотя и не рѣшилъ теоретически вопроса объ отношеніяхъ церковнаго и народнаго языка, посвящаетъ, однако, послѣдному большое вниманіе и находитъ въ немъ главный матеріалъ для будущаго развитія книжнаго языка. Едвали не первый онъ указываетъ на „діалекты“ русскаго языка, которыхъ находитъ три: московскій, сѣверный или поморскій, и украинскій или малороссійскій. Видимо, онъ имѣетъ мысль объ ихъ историческомъ правѣ, и въ своей грамматикѣ даетъ мѣсто многимъ провинціализмамъ. Его соперникъ, Сумароковъ, укоряетъ его даже, что въ своей грамматикѣ Ломоносовъ „московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ“ и тѣмъ ввелъ въ нее много порчи языка; но въ дѣйствительности Ломоносовъ отдавалъ предпочтеніе московскому нарѣчію: „московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отиѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается“; въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что „московскій діалектъ главный и при дворѣ и дворянствѣ употребительный“. На основаніи грамматики и другихъ трудовъ Ломоносова, историкъ его филологической дѣятельности замѣчаетъ, что „заимствуя формы изъ другихъ нарѣчій, Ломоносовъ хотѣлъ только показать, что нарѣчіе московское не есть норма русскаго языка, что въ образованіи его должны принять участіе и другіе мѣстные діалекты, подчиняясь въ спорныхъ вопросахъ авторитету, равно для всѣхъ обязательному, языка церковно-славянскаго“²⁾. Надо прибавить только, что это было у Ломоносова едвали опредѣленной мыслью, а скорѣе инстинктомъ и догадкой.

Мы говорили выше, съ какии крайнии недовѣріемъ принимались тогда всякія попытки критическаго отношенія къ старинѣ не только ближайшихъ, но и Рюрикова вѣка. Опасливость была доведена до послѣдняго предѣла; она свидѣтельствовала прежде всего о непривычкѣ къ научной критикѣ, но вмѣстѣ указывала и другое, именно, что авторитетъ старины вовсе не былъ потрясенъ въ умахъ до той степени, какъ объ этомъ говорятъ. Напротивъ, затрогивать старину было не безопасно, и какъ съ одной стороны Тредьяковскій считаетъ нужными большія оговорки и извиненія, чтобы говорить о „подлыхъ“ пѣсняхъ и ихъ языкѣ въ виду важности церковно-сла-

¹⁾ Будиловичъ, тамъ же, стр. 91 и слѣд.; Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 49 и слѣд.

²⁾ Будиловичъ, тамъ же, стр. 100.

вянскаго языка, такъ онъ съ великою осторожностью приступаетъ къ вопросу „объ ортографіи російской“, гдѣ рассказываетъ исторію славянской азбуки и разныхъ ея переменъ. Собираясь печатать эту книжку, онъ обращается съ специальнымъ прошеніемъ къ тогдашнему президенту академіи, гр. Разумовскому (1747), „увѣряя, — пишетъ онъ, — *подъ мишеніемъ чести и живота*, что въ сей моей книжкѣ нѣтъ никакихъ противностей православной вѣрѣ, самодержицѣ, отечеству, добронравію; также нѣтъ въ ней никакихъ обидныхъ словъ и изображеній ни тайныхъ, ни явныхъ никому“¹⁾.

Такимъ образомъ у насъ только въ первой половинѣ XVIII-го вѣка поднимался тотъ основной вопросъ литературы, вопросъ объ ея орудіи, который въ западныхъ литературахъ былъ рѣшенъ гораздо раньше: у итальянцевъ въ XIV вѣкѣ съ Дантомъ, Петраркой и Боккачю; у англичанъ въ XVI вѣкѣ; у нѣмцевъ тогда же, съ Лютеромъ; у французовъ въ XV—XVI-мъ, съ литературой Возрожденія. Въ новыхъ славянскихъ литературахъ (за исключеніемъ польской) этотъ вопросъ усердно, и часто съ большими трудностями разрабатывался съ конца прошлаго и даже въ XIX столѣтіи...

Заботы объ усовершенствованіи языка уже вскорѣ послѣ основанія Академіи наукъ выразились практическими предпріятіями. Въ 1735 году при Академіи основано было особое общество, цѣлью котораго было стараться „о возможномъ дополненіи російскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ“; имѣлось въ виду представить не только переводы „степенныхъ“ авторовъ, но и исправную грамматику, „согласную мудрыхъ употребленію“, словарь, реторику и стихотворную науку: „изъ основательныхъ грамматикъ и красныхъ реторикъ, — говорилъ Тредьяковскій, — не трудно произойти восхищающему умъ и сердце слову питическому“. Особенною заботой былъ уже тогда „диціонарій полный и довольный“. Первое засѣданіе этого собранія происходило въ мартѣ 1735 года, и главными членами его были: Тредьяковскій, Ададуровъ и „ректоръ нѣмецкаго языка“ Швановичъ; академическимъ переводчикамъ предписано было собираться еженедѣльно для исправленія переводовъ. Но о дѣятельности этого общества извѣстно очень мало, и въ 1743 г. оно было уже закрыто. Современники называли его „Російскимъ собраніемъ“, а Татищевъ именуеть его даже „Російской академіей“ и замѣчаетъ, что она учреждена была „на томъ основаніи, какъ во Франціи“ и подчинена была президенту Академіи

¹⁾ Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 121.

наукъ. Впослѣдствіи митрополитъ Евгеній объяснялъ закрытіе собранія немногимъ числомъ способныхъ сочленовъ и „неостепененіемъ самой словесности и языка нашего“, что и было вѣроятно ¹⁾. Вопросъ былъ еще непосиленъ.

Вторымъ предпріятіемъ подобнаго рода, имѣвшимъ цѣлью усовершенствованіе языка, былъ такъ-называемый „Переводческой департаментъ“ или „Коммиссія для переводовъ“, основанная въ 1768. Потребность въ переводахъ чувствовалась съ двухъ сторонъ: желали усвоить русской литературѣ знаменитыя произведенія европейскихъ писателей и вмѣстѣ усовершенствовать на этомъ трудѣ самый русскій языкъ. Въ тѣ годы императрица Екатерина исполнена была либеральными намѣреніями и, заинтересованная этимъ дѣломъ, назначила изъ собственныхъ денегъ 5,000 рублей „въ пользу общества“; завѣдываніе дѣломъ было поручено Козицкому, гр. В. Г. Орлову и гр. А. П. Шувалову. Новое общество взялось за трудъ довольно ревностно и между прочимъ придавало особенную цѣну переводамъ греческихъ и римскихъ писателей; но на первый разъ оно выбрало для перевода: „Разсужденіе короля прусскаго о причинахъ установленія и уничтоженія законовъ“; „Кандида“, Вольтера; „Персидскія письма“, Монтескьё; нѣсколько жизнеописаній изъ Плутарха, нѣсколько статей изъ „Энциклопедіи“, словарь французской академіи, для перевода котораго образовалось цѣлое общество, и т. д. Впослѣдствіи Коммиссія для переводовъ подверглась нареканіямъ за лѣнивое отношеніе къ дѣлу и употребленіе денегъ не на то, на что онѣ были назначены; она была закрыта въ 1783, при основаніи Россійской академіи. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ ея трудовъ оказалось значительное количество изданій, между которыми были, напр., переводы изъ Гомера, Платона, Тацита, Цицерона, Юлія Цезаря, Овидія, Виргилія, Юсифа Флавія; далѣе, изъ Тасса, Локка, Геллерта, Вольтера, Корнелия, Робертсона („Исторія Карла V“), Ахенвала („Начертаніе исторіи новѣйшихъ европейскихъ державъ“), путешествія Палласа и Гмелина, статьи изъ Бюшинговой географіи, множество статей изъ французской „Энциклопедіи“ и т. д. ²⁾.

Далѣе, въ 1771 году съ подобными цѣлями основано было новое общество, „Вольное руссійское собраніе“ при московскомъ университетѣ. Цѣлью было опять „исправленіе и обогащеніе руссійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ, сочиненій и переводовъ, стихами и прозою“; пер-

¹⁾ Пекарскій, Исторія Акад. Наукъ, т. II, стр. 50—51; Исторія Росс. Акад. т. I, стр. 5—6; Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1865, ч. I.

²⁾ Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 6—9.

вымъ трудомъ, которымъ хотѣли заняться, было опять „сочиненіе правильнаго російскаго словаря по азбукѣ“; наконецъ, общество ставило себѣ и болѣе серьезныя историко-литературныя задачи. „Столь обширное владѣніе російское, — говорится въ „Объявленіи любителямъ російскаго языка“, — состоящее изъ разныхъ народовъ и въ разныхъ климатахъ, можетъ любопытство трудящихся членовъ довольно снабдить рѣдкими и достойными примѣчанія вещьми. Публичныя и частныя книги и писемъ хранилища, содержащія въ себѣ достопамятныя предковъ російскихъ дѣла, глубокою древностію закрытыя, могутъ такимъ образомъ отворены быть и издаваемы въ свѣтъ для удовольствія общенароднаго и для приведенія въ совершенство російскія со временемъ исторіи“. Общество имѣло свое изданіе ¹⁾ и закрылось въ 1783 году при основаніи Россійской академіи, куда и зачислены были его главные члены. Труды Вольнаго собранія очень цѣнились въ свое время и считались такимъ же важнымъ матеріаломъ при составленіи академическаго словаря, какъ сочиненія Ломоносова ²⁾.

Главнымъ издѣніемъ Вольнаго російскаго собранія былъ Церковный Словарь протоіерея Петра Алексѣева.

Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ (1727 — 1801), сынъ пономаря, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ писателей прошлаго вѣка. Онъ учился въ славяно-латинской академіи въ Москвѣ, началъ затѣмъ церковное служеніе при Архангельскомъ, потомъ при Успенскомъ соборѣ; наконецъ, былъ протоіереемъ Архангельскаго собора и вмѣстѣ катихизаторомъ или преподавателемъ закона Божіа въ московскомъ университетѣ. Извѣстнѣйшій изъ трудовъ его есть „Церковный словарь“, о которомъ скажемъ далѣе, потомъ „Исторія греко-россійской церкви“, оставшаяся въ рукописи, такъ же какъ „Словарь еретиковъ и раскольниковъ“; далѣе, изданіе знаменитаго „Православнаго Исповѣданія“ Петра Могилы съ новыми объясненіями и проч. Онъ усердно занимался русскими древностями, былъ въ сношеніяхъ съ учеными людьми своего времени, былъ членомъ Вольнаго собранія и Россійской академіи. Алексѣевъ, будучи ученымъ, могъ бы назваться и замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени: онъ не оставался чуждъ вопросамъ жизни, хотя по условіямъ положенія эта сторона его мнѣній не могла быть высказываема открыто. Дѣло въ томъ, что Петръ Алексѣевъ вмѣшался тогда въ старую, хотя скрытую распрю между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ исключитель-

¹⁾ Опытъ трудовъ Вольнаго російскаго собранія. 6 частей, М. 1774—1783.

²⁾ Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 9 — 11; Биограф. Словарь московскихъ профессоровъ, 1865, статья о Барсовѣ.

наго права монашества на высшія духовныя должности, не только считалъ возможнымъ для священника получить санъ епископа, не поступая въ монахи, но утверждалъ (ссылаясь на несомнѣнные факты въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанской церкви), что епископство вообще должно принадлежать бѣлому духовенству, потому что званіе монаха, по самому его существу, несомнѣнно съ мірскими почестями и властью. Понятно, что при тогдашнихъ условіяхъ, т.-е. при полной безгласности общества въ его внутреннихъ интересахъ, и когда притомъ именно монахи стояли во главѣ духовнаго управленія, Алексѣевъ не могъ и думать открыто высказывать подобныя мнѣнія: на дѣлѣ, различіе взглядовъ сводилось къ мелкимъ столкновеніямъ, которыя кончались блязными придирками и притѣсненіями со стороны епархіальной власти, а теоретическая и историческая защита мнѣній ограничивалась частной перепиской и рукописными статьями, всплывающими на свѣтъ божій только теперь, дѣтъ черезъ сто ¹⁾. Вслѣдствіе этого различія во взглядахъ, Петръ Алексѣевъ нашель злѣйшаго врага въ своемъ ближайшемъ начальствѣ — митрополитѣ Платонѣ, отъ преслѣдованій котораго спасали его только дружескія отношенія съ священникомъ Памфиловымъ, духовникомъ императрицы, непріателемъ митр. Платона, и съ Потемкинымъ. Ученость Алексѣева была старомодная; онъ былъ большой начетчикъ въ церковной литературѣ и русской старинѣ, но любопытно встрѣтить, что тогдашняя европейская литература коснулась и его. Объясняя, напр., что обычай избирать епископовъ изъ среды монашества есть явленіе позднѣйшее, онъ иронически совѣтуетъ о причинахъ, вызвавшихъ этотъ обычай, справиться въ книгѣ Монтескьё: „О великости и упадкѣ римлянъ“ ²⁾.

Важнѣйшимъ трудомъ Алексѣева и важнѣйшимъ изданіемъ Вольнаго собранія при московскомъ университетѣ былъ Церковный Словарь, изданный въ 1770-хъ годахъ ³⁾. Трудъ Алексѣева не есть сло-

¹⁾ Таково, напримѣръ: „Разсужденіе на вопросъ: можно ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведену быть во епископа“, протоіерея Петра Алексѣева, въ Чтен. моск. Общества исторіи и древностей, 1867, кн. III. Другіе матеріалы для біографіи Алексѣева были изданы въ „Русскомъ Архивѣ“ г. Бартенева.

²⁾ Подробная біографія Алексѣева и обзоръ его сочиненій въ „Исторіи Росс. академіи“, I, стр. 280—343, 424—427.

³⁾ Вотъ полное его заглавіе: „Церковный Словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, сочиненный московскаго Архангельскаго собора протоіереемъ и московской духовной консисторіи членомъ Петромъ Алексѣевымъ, разсматриванный Вольнымъ российскимъ собраніемъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, и изданный по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода кояторы. Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ,

варь въ обыкновенномъ значеніи слова. Цѣлью составителя была не столько филологія, сколько объяснительное пособие для чтенія церковныхъ книгъ: рядомъ съ простымъ словарнымъ объясненіемъ мало понятныхъ церковныхъ словъ и формъ, здѣсь находится много объясненій историческихъ, археологическихъ, литературныхъ, по разнымъ предметамъ церковнаго вѣроученія, исторіи, богослужебныхъ обрядовъ, церковныхъ обычаевъ и т. п. Алексѣевъ первоначально составлялъ свою книгу по собственной любознательности, потомъ нашелъ, что она можетъ быть полезнымъ руководствомъ для его университетскихъ слушателей и вообще для любителей церковнаго чтенія. Приѣмъ книги въ Вольномъ собраніи видимо поощрилъ его, и за первой книгой вскорѣ послѣдовали дополненіе и продолженіе, увеличившія объемъ ея втрое. Источники, которыми пользовался Алексѣевъ, были очень разнообразны: во-первыхъ, книги библейскія и церковныя, затѣмъ писатели классическіе, византійцы, западные ученые XVII-го вѣка (нѣмецкій ученый Кирхеръ, французскій эллинистъ Гоаръ, англійскій богословъ Лайтфутъ, голландскій филологъ Меурсіусъ, итальянскій историкъ Бароніо); наконецъ, старая и современная Алексѣеву русская литература. Въ нашей старинѣ онъ знаетъ не только печатныя книги, но и рукописи; послѣднія — по синодальной библіотекѣ, описаніемъ которой онъ занимался: такъ онъ ссылался на рукописную лѣтопись, Палею, Ичелу и т. п.; онъ пользовался старыми азбуковниками, словарями Беринды, Ѳеодора Поликарпова, изъ которыхъ бралъ иногда готовые объясненія, дополняя ихъ новыми подробностями. По библейской археологіи онъ вносилъ въ свою книгу толкованія европейскихъ церковныхъ ученыхъ, приводилъ реальныя объясненія древняго быта; въ толкованіи церковныхъ словъ онъ обращается нерѣдко къ „простому“ языку, приводитъ подробности изъ народнаго быта и повѣрій. Относительно самаго языка онъ стоитъ на общепринятой тогда точкѣ зрѣнія, т.-е. имѣетъ смутное представленіе объ отношеніяхъ церковно-славянскаго и русскаго языка, считаетъ ихъ почти тождественными, принимая между ними только разницу тона и слога: языкъ церковный есть только древній языкъ, притомъ выражавшій возвышенные предметы; языкъ русскій есть просторѣчіе, занятое обыденными и низкими предметами; средство для усовершенствованія просторѣчія заключается

1773 года⁴, 8^о, 24 неперемѣчен. стр. посвященія императрицѣ Екатеринѣ в предисловіи, и 396 стр. Въ 1776 вышло „Дополненіе къ Церковному Словарю“, изданное на этотъ разъ по одобренію архіепископа Платона (6 неперемѣчен. и 324 стр.). Въ 1779 вышло „Продолженіе Церковнаго Словаря“, опять по одобренію архіепископа Платона (299 стр.) Второе изданіе Словаря, 3 части, Спб. 1794; 3-е изд., 5 частей, М. и Спб. 1815—1818; 4-е изд., вновь дополненное, Спб. 5 частей, 1817—1819.

въ усвоеніи достоинствъ церковнаго языка. Въ предисловіи къ первому изданію Словаря, гдѣ Вольное собраніе объясняетъ значеніе труда Алексѣева, указывается на нынѣшнее „обще воспріятое отъ ученыхъ людей стараніе о чистотѣ російскаго слога, и почтенной древности изъ подспуда на свѣтъ произведеніе“; указывается далѣе безпримѣрная красота слога въ старыхъ, переведенныхъ съ греческаго, нашихъ книгахъ и „способность славянскаго языка ко изясненію краткими словами великихъ мыслей, чего на другихъ европейскихъ языкахъ безъ пространнаго описанія выразить не можно“; и затѣмъ говорится: „итакъ, кромѣ собственной высшаго рода пользы, каковую истинный христіанинъ получаетъ отъ прилежнаго чтенія и подражанія книгъ церковныхъ, въ разсужденіи общества (польза изученія церковнаго языка) есть та, что любезное наше отечество въ скоромъ времени увидитъ на своемъ коренномъ языкѣ достойныхъ витіевъ, стихотворцевъ и исторіи писателей, кои оставя иноязычные для насъ не знакомые выговоры, собственную красоту російскаго слога искажающіе, и при частой перемѣнѣ къ осязательному упадку его наклоняющіе, російскимъ чистымъ словомъ прославятъ громкія дѣла нынѣшняго знаменитаго вѣка“.

Трудъ Алексѣева въ послѣдствіи былъ въ числѣ важнѣйшихъ матеріаловъ, послужившихъ для словаря Російской академіи.

Въ 1783 было наконецъ основано учрежденіе, завершившее прежнія попытки соединенія ученыхъ силъ для изученія и усовершенствованія языка. Это была извѣстная Російская академія, которая смѣнила упомянутый выше Переводческій департаментъ, приняла въ себя главныхъ лицъ московскаго Вольнаго собранія и собрала вновь кругъ дѣятелей, ученыхъ и писателей, для работъ по русскому языку и словесности. Російская академія имѣетъ въ исторіи нашей литературы репутацию довольно неопредѣленную: во времена императора Александра и Николая, времена Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, эта Академія, сдѣлавшись гнѣздомъ литературнаго старовѣрства, играла столь странную роль въ нашей литературной жизни, что имя ея стало наконецъ посмѣшищемъ и синонимомъ самаго узкаго и притомъ въ сущности невѣжественнаго буквоѣдства и вражды ко всѣмъ лучшимъ стремленіямъ литературы, ко всѣмъ успѣхамъ языка. Съ этимъ преданіемъ память о Російской академіи перешла къ новымъ поколѣніямъ, и это преданіе распространилось на всю исторію этого учрежденія съ самаго его основанія. Какъ ни было желательно особое учено-литературное учрежденіе, посвященное спеціально интересамъ русской литературы и языка, никто не подумалъ сожалѣть о Російской академіи, когда она была закрыта въ 1841 году, и взамѣнъ ея основано отдѣленіе русскаго языка и словесности въ Ака-

деміи наукъ. Сама Россійская академія представлялась тогда учрежденіемъ, неспособнымъ возродиться къ чему-нибудь живому; это былъ просто старый хламъ, который надо было убрать. Это обстоятельство и мѣшало долго исторической оцѣнкѣ этого учрежденія въ тѣ первые годы его существованія, когда Россійская академія при всей тогдашней слабости научнаго знанія сослужила полезную службу русскому языку и литературѣ. Историческое обзорѣніе ея трудовъ сдѣлано теперь г. Сухомлиновымъ: въ его обширномъ сочиненіи собрано множество данныхъ о литературной дѣятельности и біографіи лицъ, принадлежавшихъ къ Россійской академіи. Иные думаютъ даже, что слишкомъ много; въ дѣйствительности, не мало изъ собранныхъ подробностей слишкомъ мелочны (напр., повторенія въ текстѣ „Исторіи“ официальныхъ бумагъ, рѣчей, черновыхъ переводовъ и т. п., которыми могло бы быть мѣсто развѣ въ приложеніяхъ); излагаемая ученая исторія часто не имѣетъ ни какого отношенія собственно къ Россійской академіи (и, напр., относится только къ Академіи наукъ), такъ что вообще эта книга, при ея большомъ объемѣ, не совсѣмъ отвѣчаетъ правиламъ исторической перспективы.

Мы не будемъ входить въ подробности объ основаніи Россійской академіи. Дѣйствующимъ лицомъ при этомъ была особенно княгиня Е. Р. Дашкова (1743—1810), которая затѣмъ стала президентомъ какъ ея, такъ и Академіи наукъ, до 1796 года, именно до воцаренія императора Павла: онъ, какъ извѣстно, терпѣть не могъ кн. Дашковой, удалилъ ее отъ всѣхъ ея должностей и сослалъ въ деревню. По уставу Россійская академія имѣла цѣлью своихъ трудовъ очищеніе (или даже „вычищеніе“) и обогащеніе русскаго языка, и для этого должна была составить русскую грамматику, словарь, реторику и правила стихотворства. Лепехинъ, который былъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи въ первый періодъ ея существованія, опредѣлялъ ея задачи такими словами: „ей предлежало возвеличить русское слово, собрать оное въ единый составъ, показать его пространство, обиліе и красоту, постановить ему непреложныя правила, явить краткость и знаменательность его изреченій, и *изыскать глубочайшую ея древность*“. Это былъ трудъ большого общественнаго значенія, какъ вопросъ литературнаго языка всегда имѣетъ большую важность въ первые періоды установленія литературы. Княгиня Дашкова желала указать и другую цѣль существованія Академіи—грубую лѣсть императрицѣ Екатеринѣ. Академическій историкъ дѣлаетъ весьма удачное сравненіе между рѣчью Тредьяковскаго при открытіи „Россійскаго собранія“ (1735), гдѣ онъ говоритъ о доблестяхъ Анны Іоанновны, и „докладомъ“ княгини Дашковой, по которому рѣшено было основаніе Академіи. Именно, Тредьяковскій говорилъ: „По-истинѣ

дѣйствія и добродѣтели увѣнчанныя сѣя героини (Анны Іоанновны) толь велики, какъ всему земному кругу извѣстно, что ни самый совершенно исполненный языкъ рѣчей въ себѣ равныхъ, дабы описать оныя, найти не можетъ. И сего-то ради нынѣ должность сія вамъ вручается, чтобъ, поскольку возможно, въ совершенство приводить намъ языкъ и чрезъ то-бъ имѣть хотя малое средство къ прославленію дѣлъ и добродѣтелей государыни нашея⁴. Княгиня Дашкова въ своемъ докладѣ пишетъ: „никогда не были столько нужны для другихъ народовъ обогащеніе и чистота языка, сколько стали оныя необходимы для насъ. Намъ нужны новыя слова, вразумительное и сильное оныхъ употребленіе для изображенія всѣмъ и каждому чувствованій благодарности за монаршія благодѣянія, толико же доселѣ невѣдомныя, сколь неисчетныя; для начертанія оныхъ на вѣчныя времена съ тою же силою, какъ онѣ въ сердцахъ нашихъ, и съ тою красотою, какъ ощущаемы въ счастливой вѣбѣ вторыя Ека-терины“¹⁾.

Личный составъ Академіи былъ опредѣленъ въ 60 человекъ. Онъ наполненъ былъ, хотя не вдругъ, извѣстнѣйшими учеными и писателями того времени, членами Академіи наукъ, московскими профессорами изъ членовъ Вольнаго собранія, наконецъ значительнымъ числомъ духовныхъ лицъ: изъ послѣднихъ укажемъ въ особенности Дамаскина-Руднева и протоіерея Алексѣева; было не мало важныхъ архіереевъ, которые, кромѣ соображеній іерархическихъ, были, вѣроятно, избираемы и въ качествѣ, такъ сказать, практическихъ представителей церковнаго языка.—Ученыхъ филологовъ въ то время не существовало, какъ не было еще и самой науки: являлась только любознательность къ вопросамъ языка и заботы о внѣшней литературной обработкѣ стила; и трудность исполненія задачъ, намѣченныхъ себѣ Россійской академіей, увеличивалась тѣмъ, что рѣшать эти задачи приходилось людямъ, которые вовсе и не готовились къ ихъ рѣшенію. Тѣмъ не менѣе работы Академіи за это первое время должны занять почетное мѣсто въ исторіи изслѣдованій нашего языка. Передъ тѣмъ дѣло остановилось на трудахъ Ломоносова; Россійская академія достойнымъ образомъ продолжала его работу; можно сказать, завершила ее. Какъ мы видѣли, во времена Ломоносова вопросъ объ отношеніи церковнаго и народнаго языка не былъ рѣшенъ: Ломоносовъ старался сохранить въ книжномъ языкѣ большое участіе церковнаго элемента, какъ историческую связь съ прошлымъ, какъ обширный запасъ средствъ выраженія для высокаго слога, какъ прекрасный образецъ для дальнѣйшихъ образованій въ языкѣ; вмѣстѣ

¹⁾ Исторія Росс. Акад., т. I, стр. 13—14.

съ тѣмъ, хотя понизивъ чиномъ (т.-е. отводя въ средній и низкій штиль), онъ давалъ въ книгѣ мѣсто живой народной рѣчи,—и цѣлый литературный языкъ являлся въ видѣ средняго термина между этими двумя стихіями. Весь XVIII вѣкъ прошелъ въ безусловномъ теоретическомъ признаніи церковнаго языка, какъ главной, возвышеннѣйшей части языка литературнаго, хотя на практикѣ живой языкъ все больше завоевывалъ себѣ мѣста въ книгѣ, пока наконецъ Карамзинъ заявилъ, что надо писать такъ, какъ говорятъ, хотя прибавлялъ, что и говорить надо такъ, какъ пишутъ. Шишковъ довелъ пропаганду церковнаго языка до тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, но Россійскую академію довелъ до карикатуры, гдѣ русскую литературу представляли наконецъ Б. Фодоровъ и знаменитый Красовскій... Но при всемъ признаніи авторитета церковнаго языка, XVIII-й вѣкъ чувствовалъ наплывъ народной стихіи, преданіе видимо нарушалось, и наконецъ вопросъ требовалъ рѣшенія; а для этого прежде всего необходимо было выяснитъ самый составъ тѣхъ элементовъ языка, о которыхъ шла рѣчь, т.-е. опредѣливши грамматику (гдѣ чисто церковныя формы были уже устранены самымъ употребленіемъ), собрать *лексическій матеріалъ* языка церковнаго и русскаго съ его книжнымъ и разговорнымъ употребленіемъ. Такъ и поступила Академія. „Словарь Академіи Россійской“, въ силу преданія, не былъ словаръ *русскаго языка*, какъ мы теперь его понимаемъ, а словарь языка церковно-славянскаго и русскаго; но онъ далъ матеріалъ и вмѣстѣ толчекъ къ окончательному разрѣшенію вопроса. Изъ церковнаго языка, для цѣлей книжной русской рѣчи, явно отпадалъ большой процентъ; съ другой стороны, явно выросталъ большой процентъ чисто русскаго запаса словъ и оборотовъ. Мы увидимъ дальше, что народная стихія силою вещей требовала себѣ литературнаго права: она не только все больше входила въ книгу въ видѣ словъ, уже имѣвшихъ право гражданства въ разговорномъ употребленіи, но и въ видѣ словъ *спеціально народныхъ, областныхъ*.

Когда составъ Академіи обозначился и сдѣланъ былъ первый приступъ къ работѣ, то оказалось, что людьми, наиболѣе или даже единственно способными къ этой работѣ, были не тѣ практическіе представители церковнаго языка, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, а ученые академики, которыхъ мы встрѣчали на поприщѣ разнообразныхъ изученій Россіи и народа. Дѣло Россійской академіи оказалось въ рукахъ ученыхъ натуралистовъ; главными были — астрономъ и физикъ Румовскій; наши старые знакомцы — натуралисты, физики, математики, астрономы, Лепехинъ, Озерецковскій, Иноходцовъ, Соколовъ, Протасовъ, Котельниковъ, но въ особенности Лепехинъ, этотъ дѣятельный и благородный ученый, котораго Озерец-

ковскій называетъ „мужемъ въ честности святымъ“ ¹⁾, и который былъ непремѣннымъ секретаремъ Россійской академіи съ ея основанія до его смерти. Историкъ Академіи не разъ отмѣчаетъ, что участіе натуралистовъ было для дѣла очень полезно: они не только расширили лексическій составъ словаря, обогащая его языкомъ научной терминологіи и обихода народной жизни, которую многіе изъ нихъ такъ внимательно наблюдали, но вносили пріемъ точнаго изслѣдованія въ вопросы словопроизводства и грамматики, гдѣ прежде господствовалъ обыкновенно чистый произволь.

Прежде всего надо было составить планъ для работъ по словарю; затѣмъ должно было слѣдовать собраніе словъ и приведеніе ихъ въ порядокъ, наконецъ обработка собраннаго матеріала. Составленіе общаго плана словаря было поручено Румовскому, фонъ-Визину и еще тремъ членамъ академіи; планъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Затѣмъ при распредѣленіи самой работы на первый разъ образовано было три отдѣленія или, какъ ихъ тогда называли, три „отряда“: грамматикальный, объяснительный (опредѣленіе значенія словъ, объясненіе ихъ синонимами, примѣрами и т. п.) и издательный. Впослѣдствіи, открывались новыя стороны дѣла, для которыхъ устраивались новыя отдѣлы. Такъ, въ словарь должны были войти слова изъ области наукъ, художествъ, ремеслъ, а также названія предметовъ естественныхъ, которыя всѣ „человѣкъ въ понятіи своемъ вмѣстить не можетъ“; поэтому былъ образованъ особый отдѣлъ для объясненія словъ техническихъ. Далѣе встрѣчались затрудненія при опредѣленіи корней словъ, причѣмъ приходилось имѣть дѣло съ словами или формами, вышедшими изъ употребленія или потерявшими первоначальный смыслъ; поэтому устроенъ былъ особый отдѣлъ для работъ по словопроизводству. Далѣе въ числѣ сообщеній отъ постороннихъ лицъ, въ Академію представленъ былъ сборникъ, составленный майоромъ Челнцевымъ и заключавшій въ себѣ областныя слова, которыми могли бы быть замѣнены слова иностранныя; для разсмотрѣнія этого сборника составленъ былъ особый отдѣлъ. Для облегченія окончательной обработки словаря и его „изданія набѣло“ составленъ былъ новый отдѣлъ изъ 10 членовъ, разсматривавшій окончательно все, что было приготовлено общими трудами академикомъ ²⁾.

Обратимся къ частностямъ дѣла. Академія предположила прежде всего изданіе словаря этимологическаго, т.-е. расположеннаго по корнямъ словъ, къ которымъ присоединялись рядомъ слова производныя.

¹⁾ „Дневныя Записки“ Лепехина, т. IV, посмертный, стр. 297.

²⁾ Исторія Росс. Акад., т. II, стр. 136—138; изложеніе плана академическихъ работъ у Лепехина, —тамъ же, стр. 284 и слѣд.

Мы видѣли, какъ распредѣлены были подробности работы. Главными дѣятелями были названные выше ученые, вступившіе въ составъ Россійской академіи изъ Академіи наукъ. Кромѣ лицъ, которыхъ біографія намъ уже извѣстна, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ ученомъ, который положилъ особенные труды на предпріятія Россійской академіи и вообще имѣлъ большое имя въ нашей наукѣ прошлаго столѣтія. Это былъ Степанъ Як. Румовскій (1734—1812): сынъ священника, онъ учился въ невской семинаріи, потомъ 14 лѣтъ поступилъ въ академическій университетъ и, по окончаніи тамъ курса, посланъ былъ (1754) за границу, гдѣ работалъ два года въ Берлинѣ подъ руководствомъ Леонарда Эйлера ¹⁾. Вернувшись въ Россію, онъ началъ свою дѣятельность въ Академіи наукъ и, кромѣ специальныхъ трудовъ по астрономіи, физикѣ, метеорологіи въ академическихъ изданіяхъ, не мало работалъ по предметамъ естествознанія въ изданіяхъ популярныхъ. Въ 1761 году Румовскій сдѣлалъ путешествіе въ Сибирь, и въ Селенгинскѣ производилъ наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ солнце; въ другой разъ ѣздилъ съ подобною цѣлью въ Колу, въ 1769. Наконецъ, онъ приобрѣлъ большую извѣстность въ тогдашней литературѣ переводомъ Тацита ²⁾. Упомянемъ, наконецъ, что Румовскій долго завѣдывалъ такъ-называемымъ географическимъ департаментомъ, и большой научной заслугой его считается изданіе географическихъ положеній (1786). Въ 1803 году Румовскій назначенъ былъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа и былъ также членомъ главнаго правленія училищъ ³⁾.

Переводъ Тацита, сдѣланный астрономомъ и считавшійся классическимъ, даетъ новый примѣръ той многосторонности занятій и интересовъ, какая нерѣдко отличала ученыхъ XVIII вѣка, въ томъ числѣ и нашихъ. Они неизмѣнно проходили классическую школу и надолго сохраняли ея преданія, чего именно въ наше время искусственно усиленнаго классицизма и не бываетъ. Многосторонность была естатю для той дѣятельности, которая неожиданно открылась для нашихъ астрономовъ, физиковъ, натуралистовъ и ученыхъ путе-

¹⁾ Впослѣдствіи Румовскій перевелъ знаменитыя „Lettres à une princesse“ своего учителя на русскій языкъ: „Письма о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ, писанныя къ нѣкоторой нѣмецкой принцессѣ, съ французскаго языка на русскій переведенныя Степаномъ Румовскимъ“, Спб. 1-я часть вышла въ томъ же году, какъ и подлинникъ, именно въ 1768; 2-я и 3-я въ 1772—1774. Въ 1796 году вышло четвертое изданіе этого перевода.

²⁾ „Лѣтопись К. Корнелія Тацита“, 4 тома, Спб. 1806—1809.

³⁾ О попечительствѣ Румовскаго въ Казани, не весьма удачномъ, см. обстоятельныя свѣдѣнія въ книгѣ Н. Булича: „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819). Разказы по архивнымъ документамъ“. Казань, 1887.

шественниковъ съ основаніемъ Россійской академіи. Ихъ труды составили главную основу ея дѣятельности и главную ея заслугу.

Это относится всего болѣе къ Румовскому, Лепехину, Озерецковскому и Иноходцову.

Румовскій былъ уже съ самаго начала одинъ изъ главныхъ участниковъ при составленіи перваго плана, по которому Академія приняла свои работы по словарю. Затѣмъ онъ принялъ участіе и въ самой работѣ, и былъ членомъ отдѣловъ: объяснительнаго, техническаго, словопроизводнаго, областного, редакціоннаго и общаго, замѣнившаго собою потомъ почти всѣ другіе отдѣлы. Въ частности, онъ взялъ на себя выборъ словъ изъ стараго Новгородскаго лѣтописца, изданнаго тогда Новиковымъ; взялъ на себя одну букву словаря и объясненіе словъ, относящихся къ математикѣ и астрономіи; разсматривалъ съ другими сотрудниками сборникъ Челищева; съ Иноходцовымъ и Озерецковскимъ назначенъ былъ въ такъ-называемый издательный отдѣлъ, которому поручена была окончательная обработка словаря. Впослѣдствіи, когда этимологическій словарь былъ оконченъ и изданъ, и имѣлъ большой успѣхъ, Академія приняла составленіе другого словаря уже не въ словопроизводномъ, а въ азбучномъ порядкѣ, и Румовскій былъ опять приглашенъ къ этой новой работѣ. Планъ новаго словаря былъ составленъ имъ и Озерецковскимъ, и онъ былъ членомъ комитета, которому поручено было все веденіе дѣла. Впослѣдствіи, Румовскій названъ былъ первымъ въ числѣ академикомъ, трудамъ которыхъ Академія обязана составленіемъ и довершеніемъ азбучнаго словаря. Изъ протоколовъ Академіи видно, что онъ, Румовскій, принималъ самое дѣятельное участіе въ работахъ; любопытно, что у него уже возникала мысль объ исторіи языка ¹⁾.

Не менѣе, если еще не больше Румовскаго, трудился въ Академіи Лепехинъ. Этотъ профессоръ натуральной исторіи и докторъ медицины выбранъ былъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи и оставался имъ до конца своей жизни. Собственно по уставу полагалось

¹⁾ „Оставаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на общемъ уровнѣ филологическихъ и литературныхъ понятій того времени,—говоритъ г. Сухомлиновъ,—Румовскій возвышался надъ ними научною основательностью своихъ соображеній и требованій; онъ созналъ необходимость обращаться къ исторіи языка, приводилъ свидѣтельства изъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, и для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему славянскіе. Въ литературныхъ сужденіяхъ Румовскаго слышится голосъ человѣка мыслящаго, щедро надѣленнаго здравымъ смысломъ, и выстъ съ тѣмъ проглядываетъ иронія, которая составляетъ одну изъ особенностей его мысли, обнаруживаясь во многомъ, что выходило изъ-подъ его пера—отъ задушевной черепки съ друзьями до официальныхъ бумагъ, отправляемыхъ въ различныя вѣдомства“. Ист. Росс. Акад., II, стр. 136.

два непремѣнных секретаря, но Лепехинъ не имѣлъ помощника и исполнялъ всю работу одинъ. Работа была сложная — веденіе всего распорядка академическихъ занятій и собственные труды по словарю. Лепехинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи словопроизводнаго словаря, и работалъ по всѣмъ главнымъ отдѣламъ предпріятій Академіи: онъ взялъ на себя собраніе словъ по нѣсколькимъ буквамъ словаря, объяснялъ „всѣ слова, изъявляющія естественныя произведенія въ отечествѣ нашемъ“, также орудія, употребляемыя въ рыбныхъ и звѣринныхъ промыслахъ, причѣмъ воспользовался для научной номенклатуры множествомъ народныхъ названій ¹⁾; онъ представилъ также собраніе и опредѣленіе словъ, вошедшихъ въ нашъ языкъ изъ языковъ азіатскихъ; въ вопросахъ о происхожденіи словъ, особливо сложныхъ, Лепехинъ, какъ и Румовскій, указывалъ на родственную связь русскаго языка съ языками славянскими. Изданіе этимологическаго словаря исполнено было Лепехинымъ и его сотоварищами, Румовскимъ, Иноходцовымъ и Озерецковскимъ. Впослѣдствіи ему поручено было также и изданіе словаря азбучнаго ²⁾.

Очень дѣятельнымъ работникомъ былъ Озерецковскій. Мы упоминали уже объ участіи его въ разныхъ трудахъ по словарю: онъ былъ членомъ отдѣловъ объяснительнаго и издательнаго, доставлялъ слова для словаря этимологическаго и азбучнаго, предпринятаго въ 1794 году, опредѣлялъ слова, употребляемыя въ русскомъ языкѣ для названія болѣзней; впослѣдствіи при новой обработкѣ академическаго словаря (1814—1815) взялъ на себя собрать слова неизвѣстныхъ, необыкновенныя или мало употребительныя по ботаникѣ и т. д.

Подобнымъ образомъ трудились для словарей другіе натуралисты — Иноходцовъ, Соколовъ, Котельниковъ, Протасовъ, которые также были членами Россійской академіи. Такъ математикъ Сем. Кир. Котельниковъ (1723 — 1806) объяснялъ слова, относящіяся къ опредѣленію мѣры, вѣса и денегъ; Алексѣй Прот. Протасовъ, медикъ и анатомъ (1724—1796), опредѣлялъ „слова, до тѣлоразыятія касающіяся и употребляемыя въ книгопечатняхъ“, также слова, относящіяся къ болѣзнямъ; Никита Петр. Соколовъ, названный нами раньше, участвовалъ въ работахъ техническаго отдѣла и взялъ на себя объясненіе словъ по химіи и фармаціи. Выше мы упоминали нѣсколько разъ о трудахъ Иноходцова: онъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ Россійской академіи, куда избранъ

¹⁾ Историкъ Россійской академіи взялъ на себя трудъ выбрать изъ „Дневныхъ Записокъ“ Лепехина длинный списокъ словъ, относящихся къ номенклатурѣ растеній и животныхъ. Т. II, стр. 483—514.

²⁾ Исторія Росс. Академіи, т. II, стр. 280—293.

былъ въ 1785 году „по извѣстному его знанію россійскаго слова“, и много работалъ по обоимъ словарямъ Академіи и въ частности объяснялъ слова, относящіяся до математики. Далѣе, въ работахъ Академіи принимали участіе многіе другіе ученые и писатели, между которыми особенно должно назвать Болтина.

Въ работахъ Россійской академіи Болтинъ принялъ очень дѣятельное участіе (въ 1784—91 годахъ). Онъ былъ членомъ главнаго редакціоннаго комитета, дававшего окончательную обработку всему собранному матеріалу, и одинъ изъ первыхъ получилъ за свои труды золотую медаль отъ Академіи. Его мнѣнія очень цѣнились, потому что дѣйствительно въ средѣ академикомъ онъ былъ одинъ изъ лучшихъ (конечно, эмпирическихъ) знатоковъ русскаго языка, стараго книжнаго и народнаго. Очень любопытнымъ и самымъ важнымъ по Россійской академіи трудомъ Болтина были его замѣчанія на первоначальный планъ академическаго словаря (составленный безъ его участія). Замѣчанія Болтина видимо произвели впечатлѣніе на академикомъ: онѣ были новы и сильны, разборъ ихъ занялъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ академики не разъ мѣняли свои рѣшенія— и въ концѣ концовъ во многомъ согласились съ Болтинымъ. Просмотрѣвъ его замѣчанія, можно видѣть, что его вмѣшательство очень расширило первоначальный планъ: составленный сначала въ тѣсномъ книжническомъ духѣ, планъ долженъ былъ раздвинуть свои рамки и дать больше мѣста языку жизни и народному элементу ¹⁾. Академическіе отчеты при словарѣ отмѣчаютъ „полезные совѣты“, которые Болтинъ подавалъ своими „примѣчаніями“: упоминаютъ, что онъ сообщилъ „выписанныя имъ въ великомъ числѣ слова изъ многихъ книгъ славянскихъ, яко плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ“.

Припомнимъ еще профессора Десницкаго, избраннаго въ Академію при самомъ началѣ: въ работахъ по словарю онъ взялъ на себя выборъ словъ изъ древнихъ памятниковъ, напримѣръ, изъ Судебника Алексѣя Михайловича, „Устава“ Ивана Васильевича и Русской Правды.

Въ собираніи и объясненіи словъ участвовали, далѣе, авторитетные писатели: Державинъ, фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Богдановичъ (сообщившій, между прочимъ, сдѣланное имъ собраніе народныхъ словъ и поговорокъ), историкъ кн. Щербатовъ, Янковичъ де-Мириево, гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ (сообщившій „изъясненія на нѣкоторыя древнія слова“), Ив. Сем. Захаровъ (сообщившій „нѣкоторыя слова, плотниками и каменщиками употребляемая“ и „нѣкоторыя во псовой охотѣ извѣстныя“). Далѣе, въ трудахъ Академіи участвовали вы-

¹⁾ См. въ Ист. Росс. Акад., V, стр. 277 и слѣд.

сокопоставленныя духовныя лица: митрополитъ новгородскій Гаврииль, архіепископы псковскій Иннокентій, екатеринославскій Амвросій, епископы воронежскій Иннокентій, орловскій Аполлосъ, нижегородскій Павелъ; нѣсколько ученыхъ іереевъ: Ив. Ив. Памфиловъ, Іоаннъ Красовскій, Вас. Григорьевъ, Вас. Данковъ, Савва Исаевъ и др. Обь участіи высокопоставленнаго духовенства отчеты, помѣщавшіеся при словарѣ, выражаются такъ: „рачительно удостоивалъ своими посѣщеніями академическія собранія“, „на нѣкоторыя сумнительныя словъ знаменованія сообщалъ свои изъясненія“; „примѣчаніями своими вспомоствовалъ общему труду“; просто „сообщалъ свои примѣчанія“, и т. п. Наконецъ, трудамъ Академіи не остались чужды и нѣкоторые государственные люди, какъ, напр., Ив. Ив. Шуваловъ, гр. А. С. Строгановъ, П. А. Соймоновъ, О. П. Козодавлевъ, И. И. Меллисино, А. А. Ржевскій. Сама „предсѣдатель“ Академіи, кн. Дашкова, какъ говорятъ отчеты, „по отмѣнному усердію своему къ преуспѣянію общаго труда предсѣдательствовала непрерывно во всѣхъ Академіи собраніяхъ“ и въ частности „дѣлала объясненія къ словамъ, нравственныя качества изображающимъ“. Работы въ Академіи не помогли ей, однако, правильно писать свою фамилію, которую она упорно писала: „Дашкава“.

При опредѣленіи характера словаря Россійской академіи въ особенности любопытно ея отношеніе къ народному языку. Какъ ни были склонны тогдашніе знатоки языка къ преувеличенію значенія церковнаго элемента въ литературномъ языкѣ, языкъ народный захватывалъ въ словарѣ главное мѣсто. То обстоятельство, что законодательство въ языкѣ досталось здѣсь въ руки натуралистовъ, было очень благопріятно для признанія этого права народнаго языка: они не были церковными книжниками и школа не дала имъ пристрастія къ церковности; какъ ученые изслѣдователи, они приготовлены были предположить въ языкѣ извѣстныя естественныя требованія и законы историческіе, о которыхъ иные изъ нихъ и догадывались¹⁾; въ своихъ путешествіяхъ они встрѣчали подлинную народную жизнь, видѣли воочію богатство и разнообразіе народной рѣчи, и имъ естественно представлялась мысль, что это богатство не должно было лежать втунѣ и оставаться мертвымъ капиталомъ,—напротивъ, оно должно стать общимъ достояніемъ, послужить обогащеніемъ для всего русскаго языка. Задолго до предпріятій Академіи, въ запискахъ

¹⁾ Выше мы упоминали это о Румовскомъ. Лепехинъ, объясняя планъ работъ Академіи по словарю, дѣлаетъ такое замѣчаніе о старинныхъ словахъ: „замѣченныя древнія слова, хотя на первый случай неудоборазумительными кажушіяся, открываютъ со временемъ обширное поле къ размышленіямъ или обь историческіихъ истиннахъ или о древности языка праотцевъ нашихъ“. Исторія Росс. Акад., т. II, стр. 288.

нашихъ путешественниковъ было уже впередъ собрано много народнаго матеріала — въ разказахъ о народномъ бытѣ, о разныхъ формахъ народнаго труда, и въ передачѣ народной номенклатуры растеній, животныхъ и вслѣхъ произведеній природы. Все это былъ прямой матеріалъ для словаря, но этимъ дѣло не ограничивалось: вскорѣ представился вопросъ о специальномъ народномъ языкѣ, о мѣстныхъ нарѣчіяхъ и словахъ областныхъ. Мы упоминали выше, что вопросъ о нарѣчіяхъ русскаго языка занималъ уже Ломоносова, и онъ предполагалъ, что эти нарѣчія должны внести свой вкладъ въ общую литературную рѣчь русскаго народа ¹⁾; Тредьяковскій хотя въ аляповатой формѣ, но признавалъ несомнѣнно важность народнаго языка. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка русскія грамматическія формы уже окончательно одержали верхъ въ книгѣ надъ церковными; больше и больше проникалъ въ книгу и лексическій составъ народнаго языка; продолжали еще появляться новыя словообразованія по церковному образцу, но рядомъ шло и образованіе новыхъ словъ въ духѣ народномъ. Московское Вольное собраніе, предварившее планы Россійской академіи, уже признало нужнымъ воспользоваться для словаря мѣстными особенностями русскаго языка и приступило къ собранію „рѣдкихъ словъ, въ Москвѣ малоизвѣстныхъ“. Будущіе члены Россійской академіи ученые путешественники еще ранѣе понимали важность народнаго и мѣстнаго языка. На нихъ обратилъ вниманіе Лепехинъ; Озерцовскій приводитъ подробности мѣстнаго говора на сѣверѣ, записываетъ мѣстныя слова, относящіяся къ явленіямъ природы и народному быту, и часто приводитъ подобныя слова въ своихъ латинскихъ мемуарахъ въ изданіяхъ Академіи наукъ ²⁾. Астрономъ Иноходцовъ доставилъ въ Россійскую академію сборникъ областныхъ словъ, относящихся къ ремесламъ, промысламъ, обрядамъ и обычаямъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; сборникъ этотъ сдѣланъ былъ имъ во время его путешествій ³⁾. Мы упоминали выше, что цѣлый сборникъ областныхъ словъ былъ сообщенъ Академіи нѣкимъ маіоромъ Челищевымъ: этотъ сборникъ тѣмъ любопытнѣе, что со-

¹⁾ Въ мнѣніи своемъ о Шлёцерѣ, Ломоносовъ упрекаетъ его, что онъ — новичокъ еще въ руссійскомъ языкѣ, „а напротивъ того, представилъ бы себѣ нѣкоего изъ нашихъ природныхъ, которой съ малолѣтства спозналъ общей Россійской и Славенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ, древнннхъ славено-моравскнхъ языкомъ, сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ того, довольно знаетъ всѣ провинціальныя діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ между духовенствомъ и между простымъ народомъ, разумѣя притомъ польской и другіе съ руссійскимъ сродные языки“. Вилерскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865, стр. 703.

²⁾ Ист. Росс. Акад., т. II, стр. 336—340.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 234, 243, 247—251.

ставлялся, видимо, совсѣмъ независимо отъ Академіи, опять по собственной инициативѣ собирателя ¹⁾).

Въ Россійской академіи этотъ вопросъ долженъ былъ потребовать яснаго рѣшенія, и былъ рѣшенъ, кажется, только по упомянутому вмѣшательству Болтина. На первый разъ Академія рѣшила было совсѣмъ не допускать въ словарь подобныхъ словъ. Въ первоначальномъ планѣ было сказано: „*московское нарѣчіе* предпочитать прочимъ, а провинціальныя и *неизвѣстныя въ столицахъ* слова и реченія *не должны* имѣть въ словарѣ мѣста“. Въ этомъ постановленіи хотѣли, кажется, слѣдовать мыслямъ Ломоносова объ этомъ предметѣ (хотя его настоящія мысли были не совсѣмъ таковы). Но Болтинъ рѣшительно возсталъ противъ такого мнѣнія: онъ не былъ согласенъ съ нимъ ни относительно предпочтенія московскаго нарѣчія, ни относительно словъ, неизвѣстныхъ въ столицѣ. „Нельзя сказать вообще, — писалъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ, — чтобъ нарѣчіе московское прочимъ предпочитать довѣло, ибо въ числѣ реченій, московскими уроженцами употребляемыхъ, есть многія изуродованныя, непригожія и устранившіяся отъ чистаго языка и отъ правильнаго выговора... Также и провинціальныя слова, неизвѣстныя или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, понеже нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: луда, тундра и проч. Другія, прямо отъ славянскаго языка начало свое ведущія (каковыхъ въ новгородскомъ и малороссійскомъ множество есть), могутъ послужить къ объясненію производства другихъ словъ, въ общемъ употребленіи находящихся. А нѣкоторыя могутъ употребляемы быть въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода, а особливо, гдѣ надобно будетъ заставить поселенина говорить. У малороссіянъ есть многія собственныя слова и названія, кои во всякихъ судопроизводствахъ и сдѣлкахъ употребляются. У бѣлорусцовъ также есть собственныя названія и реченія, нигдѣ кромѣ Бѣлоруссіи не употребляемыя, но необходимо нужныя къ свѣдѣнію для всѣхъ вообще, по причинѣ употребленія ихъ во всякихъ письмахъ. Всѣ таковыя реченія, хотя не повсемѣстно употребляемыя, но могущія для всѣхъ вообще быть нѣкогда потребны къ свѣдѣнію, должны въ словарѣ имѣть мѣсто. Подъ именемъ словаря разумѣется такая книга, въ которой не одни отборныя и употребительныя, но и *всякородныя слова*, т.-е. добрыя и худыя, низкія и благородныя, употребительныя и неупотребитель-

¹⁾ Это былъ тотъ другъ Радищева, о которомъ вспоминала импер. Екатерина по поводу книги послѣдняго. Общество любителей древней письменности издало подъ редакціей Л. Майкова любопытное путешествіе этого Челищева на сѣверъ Россіи, въ концѣ XVIII-го вѣка.

ныя (кромя неблагопристойныхъ токмо) помѣщены быть имѣютъ право“.

Въ Академіи было не мало людей, которые считали нужнымъ „вычищать“ языкъ и, вѣроятно, желали помѣщать въ словарь именно отборныя слова. Теперь Академія отказалась отъ первоначальнаго своего предположенія и приняла было мнѣніе Волтина почти цѣликомъ; а именно, постановила: держаться московскаго нарѣчія; но съ тѣмъ, чтобы *нѣкоторыя неправильности* его въ словахъ и выраженіяхъ „исправить по выговору и произношенію св. писанія (?) и другихъ славянскихъ книгъ“; областныя слова вносить *всѣ безъ изыятія*. Что такое „выговоръ и произношеніе св. писанія“,—было не совсѣмъ вразумительно, и рѣшеніе относительно областныхъ словъ черезчуръ поспѣшно. При дальнѣйшемъ пересмотрѣ предмета, постановленіе о московскомъ нарѣчіи осталось безъ измѣненія, а относительно словъ областныхъ рѣшено: вносить не всѣ областныя слова, а только тѣ, которыя служатъ названіями для вещей, орудій и т. д., въ столицахъ неизвѣстныхъ, а также и тѣ, которыя поведутъ къ обогащенію языка, или же изяществомъ своимъ превосходятъ слова, употребляемыя въ столицахъ для названія тѣхъ же предметовъ ¹⁾.

Лепехинъ, объясняя съ своей стороны планъ работъ по словарю, указываетъ, что Академія, имѣя своими сотрудниками „многихъ въ знаніи отечественнаго языка искусныхъ мужей, какъ здѣсь (въ Петербургѣ) пребываніе свое имѣющихъ, такъ и по разнымъ мѣстамъ въ отдаленности отсюда живущихъ“, ожидала отъ послѣднихъ, что они прибавятъ къ ея матеріалу и *нарѣчія*, употребительныя въ отдаленности отъ столицы; значеніе областныхъ словъ для словаря объясняется такъ: „въ отдаленности отъ столицъ употребляемыя слова и названія орудій, художникамъ, ремесленникамъ и промышленникамъ извѣстныя, послужатъ къ замѣнѣ введенныхъ словъ иностранныхъ“ ²⁾.

Академія была права въ своей разборчивости (хотя понятія ея о дѣлѣ все еще были неясны): въ тогдашнихъ условіяхъ, обогащеніе книжнаго языка массою словъ, принадлежащихъ мѣстному быту и не заходившихъ дальше своего края, было, пожалуй, преждевременно, т.-е. непосильно для литературы, и значеніе областныхъ словъ и нарѣчій для объясненія цѣлаго языка и его исторіи было мало по-

¹⁾ Ист. Росс. Акад. V, стр. 284—286.

²⁾ Въ другомъ случаѣ говорится, что изъ областныхъ словъ предполагали воспользоваться для словаря тѣми, которыя „своею ясностію, силою и краткостію могутъ служить къ обогащенію языка или означаютъ тѣхъ странъ произведенія или, наконецъ, могутъ послужить къ замѣнѣ словъ иностранныхъ“. Ист. Росс. Акад. II, '86—287; III, стр. 247.

нятно. Но эта мысль объ областномъ языкѣ во всякомъ случаѣ любопытна въ исторіи нашего литературнаго языка, какъ предчувствіе будущаго преобладанія народнаго элемента: развитіе новаго литературнаго языка находило живой источникъ именно въ народной рѣчи, и проводниками ея въ литературу, рядомъ съ лучшими писателями того времени, являются именно ученые люди, лучшіе представители „западнаго“ образованія въ нашемъ обществѣ, и притомъ—особенно натуралисты.

Результатомъ всѣхъ этихъ трудовъ былъ извѣстный этимологическій словарь Россійской академіи, изданный въ 1798—1794 г. ¹⁾ Вмѣстѣ съ этимъ Академія, какъ выше упомянуто, предприняла другой словарь, въ азбучномъ порядкѣ. За него взялись тѣ же ученые (Ленехипъ не дожилъ до начала его печатанія), и словарь изданъ былъ уже въ новомъ періодѣ дѣятельности Академіи ²⁾.

Въ тѣ же годы было задумано и совершено еще одно предпріятіе по языкознанію, а именно, въ 1784 имп. Екатерина „предпріяла по собственному своему начертанію собирать словарь *всѣхъ извѣстныхъ языковъ*“. Это предпріятіе внушено было, съ одной стороны, возникшимъ тогда интересомъ къ общимъ историческимъ вопросамъ о чело-вѣчествѣ, о первобытныхъ временахъ, первоначальныхъ формахъ обществъ и т. п.; съ другой, такъ сказать, мѣстными соображеніями. Вопросъ могъ быть особенно любопытенъ для русской императрицы: „Въ ея одномъ наипространнѣйшемъ владѣніи,—говорится въ предисловіи къ этому словарю,— не считая мало разнствующихъ между собою нарѣчій, говорятъ болѣе нежели шестьюдесятью языками, изъ коихъ многіе, наипаче въ Кавказѣ и Сибири, ученымъ по нынѣ еще вовсе неизвѣстны“. Такимъ образомъ, и этотъ словарь имѣлъ отношеніе къ изученію Россіи: въ словарѣ являлся и русскій языкъ, рядомъ съ нарѣчіями другихъ славянскихъ племенъ, что давало возможность нагляднаго сличенія, и указанія о языкахъ множества русскихъ инородцевъ. Предисловіе указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что иностранные языки и нарѣчія изъ всѣхъ частей свѣта никогда еще не были собраны въ такомъ множествѣ въ видѣ словаря. Словарь предполагался въ двухъ отдѣлахъ: первый долженъ былъ заключать языки европейскіе, азіатскіе и острововъ южнаго океана; второй—

¹⁾ Словарь Академіи Россійской. Часть I, отъ А до Г. Спб. 1789. Часть II, отъ Г до З, 1790; часть III, отъ З до М, 1792; часть IV, отъ М до Р, 1793; часть V, отъ Р до Т, 1794; часть VI, отъ Т до конца, 1794. 4°. Въ каждомъ томѣ до 1,200 столбцовъ; въ концѣ каждого тома алфавитный списокъ всѣхъ словъ, упомянутыхъ въ томѣ, съ указаніемъ столбца для отысканія въ словарѣ словопроизводномъ.

²⁾ Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный; 6 частей Спб. 1806—1822.

языки африканскіе и американскіе. Редакція изданія была поручена знаменитому Палласу, и первое отдѣленіе словаря вышло въ 1787—89 годах ¹⁾.

Въ предисловіи объяснено, изъ какихъ источниковъ заимствованы слова—они брались частью изъ путешествій или „путешественныхъ описаній“, и изъ рукописныхъ словарей и сочиненій; число всѣхъ языковъ въ изданномъ словарѣ доходило до 200, и половина сборника, по словамъ Палласа, составлена была самой императрицей. Что касается исполненія словаря, сравненіе языковъ было чисто внѣшнее, механическое: изъ множества языковъ были собраны, по источникамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ или недостовѣрнымъ (и никакъ не провѣреннымъ), отдѣльныя слова и расположены подъ рубрики понятій отвлеченныхъ и названій реальныхъ предметовъ, напр.: Богъ, небо, отецъ, мать, сынъ, дочь... человекъ, голова, лицо, глазъ... слово, сонъ, любовь, трудъ, боль, сила, власть, бракъ... солнце, мѣсяцъ, звѣзда... гора, долина, огонь, глубина, высота и т. д.; названія нѣсколькихъ растеній, животныхъ, качественныя прилагательныя, нѣсколько глаголовъ, наконецъ, числительныя имена; всѣхъ рубрикъ было 285.

Словарь изданъ былъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, которые разосланы были европейскимъ дворянъ и знаменитѣйшимъ ученымъ; только 40 экз. пошли въ продажу. Словарь не могъ такимъ образомъ получить обширнаго распространенія, и вообще нельзя сказать, чтобы имѣлъ успѣхъ. Онъ вызвалъ довольно много отзывовъ въ европейской печати, съ обязательными панегириками,—но, какъ ни слабо еще было научное пониманіе дѣла, явилась и настоящая критика. Последняя не могла не обратить вниманія, съ одной стороны, на то, что источники словаря оставались совершенно не провѣренными, и самыя слова брались не всегда въ точномъ соотвѣтствіи съ переводимымъ понятіемъ или названіемъ предмета; съ другой, на то, что такой же произволъ господствовалъ и въ русской транскрипціи. Имп. Екатерина, повидимому, поняла всю важность сдѣланныхъ возраженій и не увлеклась восхваленіями другихъ критиковъ; по крайней мѣрѣ, полагаютъ, что критика охладила ея намѣреніе продолжать словарь: второе отдѣленіе его, которое должно было заключать языки африканскіе и американскіе, осталось неизданнымъ ²⁾.

¹⁾ „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая“. Спб., 1787. 4°, 6 и 411 стр. Часть вторая. Спб. 1789, 491 и 4 стр. Заглавіе и предисловіе переведены также по латини: *Linguarum totius orbis Vocabularia comparativa, Augustissimae cura collecta* и пр. Предисловіе подписано Палласомъ.

²⁾ Наиболѣе серьезныя возраженія противъ словаря сдѣланы были въ статьѣ

Между тѣмъ, собрался матеріалъ и для второй части; но Екатерина уже не хотѣла заниматься этимъ дѣломъ, и самъ Палласъ, кажется, тоже очень почувствовалъ неудачу; новая работа была передана Янковичу де-Миріево, извѣстному своими трудами по главному правленію училищъ. Матеріалъ перваго словаря съ прибавленіемъ языковъ африканскихъ и американскихъ (причемъ цифра всѣхъ сравниваемыхъ языковъ возрасла съ 200 до 279) былъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ ¹⁾. При словарѣ нѣтъ никакихъ объясненій—не указаны ни его источники, ни даже имя составителя; въ началѣ прибавленъ только листокъ съ объясненіемъ особыхъ значковъ при буквахъ—для большей точности транскрипціи ²⁾.

Еще одинъ предметъ занялъ нашихъ ученыхъ XVIII вѣка. Это—исторія литературы или, какъ тогда говорили, ученая исторія, опять новое проявленіе научнаго интереса, неизвѣстнаго старымъ временамъ, новый фактъ развивавшейся потребности историческаго изданія. И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, XVIII вѣкъ имѣлъ отчасти своихъ предшественниковъ; но, какъ всегда, факты XVII вѣка были слабой, неопредѣленной попыткой, которая въ XVIII вѣкѣ является уже съ болѣе точной и ясной научной подкладкой. Въ XVII вѣкѣ, какъ извѣстно, сдѣланъ былъ опытъ собрать факты русской литературы; это—„Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, простой библиографическій списокъ, Сильвестра Медвѣдева, ученаго человека своего времени. Теперь, опыты литературной исторіи начинаютъ принимать форму критическаго изслѣдованія, не въ томъ смыслѣ, конечно, какъ понимается исторія литературы въ наше время (она понималась тогда только, какъ біографія и библиографія), но уже съ очевиднымъ желаніемъ точно собирать факты и объяснять главные явленія литературной исторіи. Первый ученый, работавшій въ этомъ направленіи, былъ Іоаннъ-Петръ Коль (ум. 1778), вызванный въ Россію въ числѣ первыхъ академиковъ. Коль пробылъ очень недолго въ Петербургѣ (1725—1727), но успѣлъ воспользоваться этимъ

кенигсбергскаго профессора Крауса: однако, Екатерина послала ему въ подарокъ брилліантовый перстень.

¹⁾ „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и паръѣй по азбучному порядку расположенный“. Четыре части. Слб. 1790—1791, 4°. Въ томахъ страницъ около 500, въ каждомъ.

²⁾ Подробная исторія этихъ словарей, также прежнихъ изслѣдованій русскихъ и работавшихъ въ Россіи нѣмецкихъ ученыхъ по части лингвистики (со времени Петра В.), отънычъ ученой критики и пр. собраны въ книгѣ Фр. Адельунга: *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*. St.-Pet. 1815 2°. XIV и 210 стр.

короткимъ пребываніемъ, чтобы пріобрѣсти свѣдѣнія въ русскомъ языкѣ и старинѣ: уже вскорѣ по возвращеніи въ Германію, онъ издалъ книгу, которая была въ сущности первымъ историко-литературнымъ трудомъ по нашей книжной древности ¹⁾. Какъ нѣмецкіе ученые путешественники пролагали путь русскимъ ученымъ въ изслѣдованіяхъ нашей страны, природы и быта, какъ Байеръ, Миллеръ, Шлёцеръ содѣйствовали первому установленію исторической критики, такъ Колю былъ первымъ примѣромъ нѣмецкаго „гелертера“, полагавшего свой трудъ на изученіе нашей книжной древности. Вопросы русской литературной исторіи вообще занимали нѣмецкихъ ученыхъ, работавшихъ при Академіи наукъ. Въ историческихъ трудахъ Шлёцера является историко-литературная критика старыхъ памятниковъ; новѣйшая литература русская занимала Штелина, а въ особенности Бакмейстера, въ трудахъ котораго ²⁾ собрано много важныхъ свѣдѣній для исторіи нашей науки и литературы прошлаго вѣка. Очень рано мысль объ исторической судьбѣ языка и литературы является у русскихъ писателей. Мы упоминали выше, какъ Тредьяковскій находилъ уже историческій источникъ настоящаго русскаго стиха въ „позіи нашего простаго народа“; его рѣчь при открытіи Россійскаго собранія (1735) вызвала письмо Татищева (1736), гдѣ затрогиваются историческіе вопросы русской литературы; эти послѣдніе прямо ставитъ Тредьяковскій въ своей статьѣ 1755 года „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ“, какъ и въ „Разговорѣ объ ортографіи“ 1747 года ³⁾. Въ 1768 г. въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ явилось безъ имени автора „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“, которое вышло потомъ во французскомъ переводѣ отлѣльной книжкой (въ Ливорно, 1771 и 1774). Этотъ переводъ въ наше время былъ вновь розысканъ и перепечатанъ (1851) извѣстнымъ библиографомъ С. Д. Полторацкимъ, а затѣмъ явился на русскомъ языкѣ ⁴⁾. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, это „Извѣстіе“ со-

¹⁾ *Johannis Petri Kohlii, Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum Codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta.* Альтона, 1729.

²⁾ *Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland* (два тома, 1772—87); *Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet des curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie etc.* (1776), и др.

³⁾ Ср. Пекарскаго, *Ист. Акад. Наукъ*, т. II, стр. 50—52, 120, 177 и слѣд.

⁴⁾ *Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, Leipzig.* 1768. VII Bd., *Nachricht von einigen russischen Schriftstellern* и пр.; *Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le-Grand.* Par un Voyageur russe. A Livorne, 1771, и 1774. Перепечатка Полторацкаго въ петербургскомъ журналѣ *Revue Etrangère* 1851, октябрь; русский переводъ въ *Библиогр. Запискахъ*, 1861, т. III. Новое изданіе въ „*Матеріалахъ для исторіи русской литературы*“, П. А. Ефремова. Спб. 1867.

ставлено было знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ, который былъ также писателемъ и жилъ за границей во время напечатанія этой статьи. „Извѣстіе“ было первымъ началомъ нѣскольکو цѣльныхъ обзоровъ русской литературы, и между прочимъ появленіе его побудило къ подобному труду Новикова, который издалъ въ 1772 свой „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ ¹⁾.

Подъ вліаніемъ нѣмецкой школы образовались историко-литературныя понятія мало извѣстнаго, но замѣчательнаго русскаго библіографа прошлаго вѣка, Дамаскина (1735—1795). Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, потомъ въ монашествѣ Дамаскинъ, учился въ московской Славяно-латинской академіи и былъ потомъ учителемъ реторики и греческаго языка въ крутицкой семинаріи. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія рѣшено было послать нѣсколькихъ молодыхъ, хорошо подготовленныхъ семинаристовъ за границу для довершенія ихъ образованія; Дамаскину въ это время было уже 30 лѣтъ, но онъ также выразилъ сильное желаніе продолжать ученіе и вызвался быть инспекторомъ при этихъ молодыхъ людяхъ и вмѣстѣ съ ними слушать лекціи. Такимъ образомъ, онъ провелъ шесть лѣтъ въ Геттингенѣ (1766—1772), гдѣ, по тогдашнему обычаю, его занятія распространялись на самые разнообразныя предметы; это были: богословіе, церковная исторія, толкованіе ветхаго завѣта на еврейскомъ языкѣ и новаго завѣта на греческомъ, экспериментальная физика, универсальная и европейская исторія, статистика и математика, нѣмецкій и французскій языки, естественное право, сельская экономія, философія, дипломатика. Университетъ, въ средѣ профессоровъ котораго были знаменитые ученые, видимо возбуждалъ самостоятельную дѣятельность Руднева, и, на примѣръ, слушая у Михаэлиса еврейскій и арабскій языкъ и объясненіе подлинныхъ текстовъ писанія, Рудневъ дѣлалъ уже любопытныя для его профессора сличенія славянской библіи съ греческимъ оригиналомъ. Критическіе приемы нѣмецкой школы Рудневъ примѣнялъ къ изученію источниковъ и литературы русской исторіи. „Въ послѣднемъ году передъ выѣздомъ изъ университета,—говоритъ онъ,—упражнялся я по большей части въ россійской исторіи, пріискавъ, а многихъ и перечитавъ, авторовъ до россійской исторіи надлежащихъ, какъ иностранныхъ: на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ, такъ и на русскомъ, о сведеніи коихъ почти совсѣмъ готова уже у меня и книжка, которую я со временемъ выдать въ свѣтъ намѣренъ“. Рудневъ избранъ былъ въ члены геттингенскаго историческаго института, въ собраніи котораго онъ

¹⁾ „Опытъ“ перепечатанъ въ тѣхъ же „Матеріалахъ“ г. Ефремова. Тамъ же перепечатаны еще историко-литературная записка Штелина, статьи Домашнева и др.

прочелъ свое разсужденіе: „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“, къ сожалѣнію затерявшееся. По возвращеніи изъ Гёттингена, Рудневъ долженъ былъ явиться на академическій экзаменъ въ присутствіи членовъ святѣйшаго синода. Экзаменъ происходилъ изъ разныхъ предметовъ, какимъ онъ обучался за границей: изъ философіи, математики, исторіи, физики, химіи, естественной исторіи и изъ языковъ латинскаго, греческаго, еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго. Экзаменъ былъ вполне успѣшный, и когда не осуществился планъ основанія въ Москвѣ богословскаго факультета, гдѣ предполагалось дать мѣсто Рудневу, онъ назначенъ былъ профессоромъ въ Славяно-латинскую академію; потомъ, принявши монашество съ именемъ Дамаскина, онъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи, а затѣмъ сдѣланъ былъ епископомъ сѣвскимъ, и послѣ нижегородскимъ. Въ 1794 онъ поселился на покоѣ въ одномъ изъ московскихъ монастырей и умеръ въ слѣдующемъ году ¹⁾.

Не останавливаясь на его церковныхъ сочиненіяхъ, именно проповѣдяхъ, гдѣ любопытнымъ образомъ сказываются просвѣтительныя идеи вѣка, укажемъ только труды его, относящіяся къ предметамъ историко-литературнымъ. Это, во-первыхъ, ученымъ образомъ исполненныя изданія латинской книги Теофана Прокоповича объ исхожденіи святаго духа ²⁾ и сочиненій Ломоносова; во-вторыхъ, обширный трудъ по русской библіографіи: „Библіотека Россійская, по годамъ расположенная отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“, и заключающая книги, начиная отъ изданій доктора Скорины, 1518, до 1785 года. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Дамаскина, весьма замѣчательный для своего времени, остался неизданнымъ и хранится до сихъ поръ въ рукописи въ московской Духовной академіи. Въ началѣ „Библіотеки“ помѣщено „Краткое описаніе Россійской ученой исторіи“, любопытный историко-литературный очеркъ ³⁾.

Въ то время „ученая исторія“ большею частью состояла только въ сборѣ біографическихъ и книжныхъ фактовъ, какъ, напр., и въ „Словарѣ“ Новикова; но Дамаскинъ связываетъ ее съ исторіей просвѣщенія, или даже сливаетъ ихъ въ одно. Ученую исторію Россіи Дамаскинъ дѣлитъ на три періода: первый — отъ начала русской письменности до начала книгопечатанія, или отъ Владимира Святого до Ивана Грознаго; второй — отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или до Петра Великаго; и третій — отъ Петра

¹⁾ Біографія его въ Исторіи Росс. Акад., т. I, стр. 139—183, 407—414.

²⁾ *Tractatus de processione S. S.*, изданный имъ еще за границей, въ Готѣ, 1772 г.

³⁾ Оно напечатано въ Исторіи Росс. Акад., т. I, въ біографіи Дамаскина, стр., 170—181.

В. до новѣйшаго времени. Дамаскинъ пользовался бібліотеками общественными и частными, зналъ бібліотеки патріаршую, типографскую, академическую, бралъ книги отъ частныхъ лицъ, у раскольниковъ и проч. Его бібліографія не есть простой перечень книгъ; онъ оста- навливается на болѣе важныхъ и рѣдкихъ изданіяхъ, рассматри- ваетъ ихъ содержаніе, приводитъ болѣе или менѣе подробныя вы- писки, сравниваетъ различныя изданія; кромѣ печатныхъ книгъ, упоминаетъ довольно много рукописей; при сочиненіяхъ переводныхъ указываетъ ихъ иностранные подлинники, причемъ дѣлаетъ, напр., важныя указанія переводовъ изъ византійской литературы и т. д.

Далѣе встрѣчаемся опять съ ученымъ нѣмцемъ, много поработав- шимъ для изученія русской, особенно книжной старины. Это москов- скій профессоръ Оед. Григ. Баузе (1752—1812). Пріѣхавши въ Россію въ 1773, Баузе трудился на педагогическомъ поприщѣ, и въ 1782 былъ приглашенъ въ московскій университетъ на юридическую ка- еедру, по смерти Дильтея. Величайшей заслугой Баузе, которая, къ сожалѣнію, подорвана была двѣнадцатымъ годомъ, было собраніе рукописей и другихъ остатковъ русской старины, въ то время едва ли не самое замѣчательное изъ всѣхъ частныхъ собраній. Ученый нѣмецъ-юристъ превратился въ страстнаго русскаго археолога; его собраніемъ пользовались въ свое время и высоко его цѣнили русскіе ученые, между ними Калайдовичъ и Карамзинъ; имя Баузе осталось однимъ изъ самыхъ почтенныхъ именъ русской археографіи. Онъ умеръ въ 1812 году, и въ томъ же году погибло въ московскомъ пожарѣ его драгоцѣнное собраніе. Изъ ученыхъ трудовъ Баузе отно- сится къ нашему предмету его латинская рѣчь о состояніи просвѣ- щенія въ Россіи до Петра Великаго, гдѣ онъ хотѣлъ отдать спра- ведливость прошлымъ вѣкамъ и вмѣстѣ защитить Россію отъ дав- нишней ненависти и нареканій иноземцевъ ¹⁾).

Когда въ 1805 году задумано было по плану М. Н. Муравьева, тогдашняго попечителя московскаго университета, составленіе исторіи русской словесности, то въ комитетъ для исполненія этого дѣла на- значенъ былъ Баузе вмѣстѣ съ профессорами Страховымъ и Антон- скимъ. Планъ остался, кажется, невыполненнымъ ²⁾).

Мы привели нѣсколько данныхъ о дѣятельности русской науки, зародившейся съ Петровской реформы, въ теченіе XVIII-го вѣка. Количество этихъ данныхъ могло бы быть очень размножено, но и

¹⁾ *Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita*. М. 1796.

²⁾ Біографія Баузе въ „Словарѣ моск. проф.“ 1855, I, стр. 68—89.

сдѣланы въ области умственнаго развитія. Ломоносовъ былъ чловѣкъ перваго поколѣнія, воспитавшагося въ духѣ реформы; при участи его непосредственнаго вліянія и съ тѣмъ же характеромъ научныхъ понятій и отношенія къ русской жизни воспиталось второе поколѣніе: это были тѣ Румовскіе, Лепехины, Озерецковскіе и пр., которые предпринимали далекія странствія по Россіи, неутомимо работали для изученія русской природы и народа и оставили примѣръ честнаго служенія пользамъ націи. Нерѣдко это были люди, вполне стоявшіе на уровнѣ тогдашней науки; вмѣстѣ съ тѣмъ это были самые настоящіе русскіе люди. Довольно познакомиться съ ихъ дѣятельностью, чтобы увидѣть, сколько разумнаго труда положили на свои изученія, съ какимъ простымъ и теплымъ чувствомъ относились къ тому народу, отъ котораго будто бы должна была отрываться ихъ „западная“ наука: въ условіяхъ того времени, они знавали русскій народъ не хуже новѣйшихъ присяжныхъ народниковъ и работали для изученія его не меньше. Мы видѣли, что вліяніе западной науки именно и состояло въ томъ, что въ своихъ практическихъ приложеніяхъ она постоянно направляла умы на изученіе своей почвы, своего народа, своего прошлаго, что она именно вела къ національному самосознанію.

Мы упоминали также, что было бы исторически ошибочно, и въ общественномъ смыслѣ недобросовѣстно, смѣшать подъ именемъ оторванности отъ народа въ одну кучу пустоту свѣтскаго общества и серьезный трудъ, совершавшійся въ наукѣ и литературѣ, не говоря о томъ, какъ противно здравому смыслу считать науку измѣной народному началу. Люди первой категоріи не были бы ближе къ народу, еслибы и не говорили по-французски и не ходили во французскихъ кафтанахъ: ихъ отрывала отъ народа эксплуатація его труда, бюрократическое равнодушіе къ его интересамъ; но сказать, что западная наука отрывала отъ народа Ломоносова, или всѣхъ тѣхъ людей науки прошлаго вѣка, которые послѣ него шли его путемъ, есть простая бессмыслица.

Но была дѣйствительно другая „оторванность“—не отъ народа, а отъ невѣжества старой его жизни. Русскіе люди вступали въ XVIII вѣкъ съ полнымъ запасомъ стародавняго патриархальнаго міровозрѣнія, нетронутаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, со всѣми просто-душно фантастическими представленіями о природѣ и чловѣкѣ, со всѣми подробностями старыхъ повѣрій и суевѣрій, гдѣ рядомъ съ образами народной поэзіи стояли самыя нелѣпыя традиціонныя понятія о природѣ. Противники реформы обыкновенно забываютъ эту сторону дѣла; между тѣмъ, именно здѣсь, въ этой области каждое дневныхъ привычныхъ понятій, и произошло главное столкновеніе

между людьми стараго вѣка и новой школы. Первые были, конечно, глубоко убѣждены въ истинѣ всѣхъ тѣхъ фантастическихъ представлений, которыми была оплетена ихъ мысль; убѣждены тѣмъ болѣе, что очень часто къ этой фантастикѣ присоединялось суевѣріе церковное. Новая школа на первыхъ же порахъ столкнулась съ этимъ вѣковымъ мировоззрѣніемъ: въ то время, какъ старинные люди представляли, напр., землю въ видѣ плоскаго круга, надъ которымъ ходитъ солнце, луна и звѣзды, люди, прошедшіе новую школу, считали ее шаромъ, который самъ обращается вокругъ солнца; когда первые приходили въ ужасъ отъ появленія кометы, отъ затмѣнія или другого необычнаго явленія природы, другіе находили этому объясненіе въ первоначальныхъ понятіяхъ космографіи и физики; когда первые окружали себя множествомъ суевѣрныхъ пугалъ, противъ которыхъ употреблялись патриархальныя средства, дошедшія цѣликомъ изъ глубочайшихъ временъ народнаго младенчества въ видѣ заговоровъ, примѣтъ, предохранительныхъ и очистительныхъ обрядовъ и колдовства, вторые искали естественной причины явленій и простыхъ средствъ здраваго смысла и знанія. Между двумя мировоззрѣніями, очевидно, лежала пропасть: онѣ, конечно, могли сталкиваться и дѣйствительно сталкивались ежеминутно. И естественно, что на одной сторонѣ оказывалась народная масса, не имѣвшая школы, а на другой — высшіе и средніе классы, имѣвшіе эту школу въ большей или меньшей степени. Къ наиболѣе образованнымъ людямъ принадлежали: помѣщичье сословіе, бюрократія, военныя власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди, хорошіе и дурные, были проводниками высшей власти и, по старому обычаю, болѣе или менѣе самоуправными распорядителями народной жизни, — хотя въ огромномъ большинствѣ ихъ образованіе было очень скудное. Отсюда та „рознь“, вину которой хотятъ взвалить исключительно на западную образованность.

Мы имѣли случай объяснить, что въ подобныхъ обвиненіяхъ совершается нѣчто въ родѣ историческаго подлога: главный источникъ розни — притѣсненіе народа — восходитъ гораздо раньше времени Петра, и указывать причину розни въ образованности, значить отводить глаза отъ настоящаго положенія вещей въ угоду обскурантизму. Образованіе, какое можно приписать массѣ бюрократическихъ и иныхъ угнетателей народа, смѣшно назвать образованіемъ; напротивъ, это была болѣею частью самая жалкая полуобразованность, которую странно ставить на счетъ „западной наукѣ“, и виною которой была просто наша собственная скудость въ хорошей школѣ и невыгодныя условія нашей литературы и общественнаго мнѣнія. Но та „рознь“, которая заключалась въ *различіи понятій*, всегда неизбежна при встрѣчѣ патриархальнаго суевѣрія съ научнымъ зна-

ніемъ; прѣпастъ между ними должна быть наполнена не отреченіемъ общества отъ науки и не малодушнымъ урѣзваніемъ послѣдней, а возможнымъ расширеніемъ школы и народныхъ знаній. Это не легко, но по крайней мѣрѣ это должно быть идеаломъ; если уже теперь нѣкоторые народы достигли до всеобщей обязательной школы, то почему когда-нибудь это невозможно будетъ и для насъ?.. Когда мы читаемъ „Духовный Регламентъ“, осуждающій народную темноту, или горячія тирады Ломоносова о необходимости знанія для народа, мы видимъ, что просвѣщенныхъ людей прошлаго вѣка поражала масса вреда, идущаго отъ народнаго невѣжества, и этотъ вредъ, простиравшійся наконецъ на самое физическое существованіе народа, не подлежалъ и не подлежитъ сомнѣнію. Можетъ быть, реформа поступила бы благоразумнѣе, еслибы вела свое дѣло съ меньшею рѣзкостью, съ бѣльшимъ вниманіемъ къ старой народной привычкѣ и участіемъ къ соціальной безпомощности народа, но, къ сожалѣнію, сама эта рѣзкость была также старой привычкой, наслѣдіемъ отъ московскаго царства, въ другихъ отношеніяхъ столь же мало внимательнаго къ правамъ и нуждамъ народа.

Истинное дѣйствіе воспринимаемой западной образованности съ самаго начала состояло именно въ томъ, чтобы приложить новую науку къ изученію отечества, къ распространенію здравыхъ научныхъ понятій и полезныхъ практическихъ знаній. Эта цѣль глубоко овладѣвала лучшими людьми прошлаго вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, съ той поры впервые появляется точное географическое изученіе Россіи, съ помощію научныхъ средствъ астрономіи, физики, геодезій, многочисленныхъ и трудныхъ путешествій; впервые дѣлаются изученія климата, почвы, условій народнаго труда; изучается составъ населенія, съ различными оттѣнками русскаго народа и разнообразными племенами инородцевъ; впервые опредѣляются этнографическія черты этого населенія, его быта, преданій и обычаевъ; впервые старательно собираются остатки старины, съ тою любознательностью и тѣмъ чувствомъ уваженія, какія внушало историческое пониманіе; многіе замѣчательные памятники старой письменности являются изъ-подъ спуда, забытые и уже непонимаемые московскимъ періодомъ; наконецъ, впервые возникаетъ правильное историческое знаніе, стремившееся раскрыть внутренніи отношенія событій и связь прошедшаго съ настоящимъ. Если прибавимъ, наконецъ, что впервые, въ литературѣ и извѣстной части общественнаго мнѣнія, ставится вопросъ нравственно-общественный, вопросъ о достоинствѣ человѣческой личности, говорится первое слово въ пользу освобожденія крестьянъ и вмѣстѣ въ защиту человѣческой мысли и слова, вообще

ставится вопрос о внутренней реформѣ, объ автономіи общества — составляющей до нынѣ глубочайшій интересъ общественный и народный, — мы не можемъ не признать, что въ этотъ XVIII-й вѣкъ, отягчаемый теперь столькими обвиненіями, возникло напротивъ, среди всѣхъ его тягостей и заблужденій, глубоко знаменательное явленіе нашей исторической жизни: съ нимъ, въ лучшихъ людяхъ общества, впервые начинается истинное *національное самосознаніе*.

Новая образованность въ первое же время стала приносить свои *самостоятельные* результаты: кромѣ великой услуги, какую они дѣлали своему собственному обществу, они вносили цѣнный вкладъ въ общее научное знаніе. Эти труды русскихъ ученыхъ тотчасъ обратили на себя вниманіе европейской науки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ XVIII-го вѣка впервые начинается настоящая *русская литература*, — не то смѣшеніе церковно-славянской книжности съ разрозненными (и недопускаемыми въ книгу) попытками народного творчества, — смѣшеніе, которое въ теченіе долгаго ряда вѣковъ до-Петровской исторіи не привело ни къ какому органическому результату, не связало двухъ элементовъ старой книжности въ одно цѣлое, не дало ни содержанія, ни формъ ни для поэтическаго творчества, ни для науки. Нѣчто совершенно иное начинается послѣ реформы: народная мысль была возбуждена, и въ результатѣ создаетъ совсѣмъ новую литературу, которая впервые общается въ будущемъ дѣйствительную литературу русскаго народа. Старая книжность не была просто отвергнута, т.-е. не была прервана историческая связь: напротивъ, эта книжность вошла цѣлымъ элементомъ въ новую литературу и даже упорно защищала свою исключительность до первыхъ десятилѣтій нашего вѣка; но въ то же время все больше занимаетъ мѣста въ книгѣ чисто-народный языкъ, и этотъ новый литературный языкъ служитъ выраженіемъ, съ одной стороны, научному знанію, съ другой — поэтическому творчеству съ общественнымъ и народнымъ содержаніемъ. Долго шель процессъ образованія новой литературы, гдѣ сталкивались и наконецъ сживались разнородные элементы стараго преданія и живой дѣйствительности; наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, поисковъ и часто ошибокъ, создалась литература, которая впервые имѣла полное право назваться русской національной литературой. Ея орудіемъ сталъ новый, небывалый прежде языкъ. Въ его области совершался такой же сложный процессъ, какъ и въ области самыхъ понятій; онъ сохранилъ очень многое изъ стараго книжнаго языка, но вмѣстѣ далъ полноправность чисто народной рѣчи, и она стала корнемъ, изъ котораго развилось роскошное разнообразіе новыхъ формъ. Въ этомъ

языкъ впервые раскрылось то рѣдкое богатство оригинальнаго выраженія, какое хранилось въ зародышѣ въ русской народной рѣчи, и которое до тѣхъ поръ никогда не проявлялось въ такомъ обиліи и съ такой силой. Съ новаго періода нашей національной жизни впервые образовался истинно-русскій *литературный языкъ*.

ГЛАВА VI.

АЛЕКСАНДРОВСКІЯ ВРЕМЕНА.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Отрицаніе его у Радищева и консервативная идиллія Карамзина.—Романтизмъ.—Этнографическіе интересы въ поэзіи: Жуковский.—Научное движеніе: исторія и археологія, меценатство гр. Румянцова, Кирша Даниловъ и Калайдовичъ.—Славянскіе интересы.

Восемнадцатый вѣкъ не былъ, какъ мы видѣли, ни равнодушенъ къ изученію народности, ни бесплоденъ въ этомъ трудѣ. Можно даже сказать, что въ то время возникали такія понятія о народѣ, которыя въ сущности до сихъ поръ не восприняты извѣстной долей общества нынѣшняго, которая, однако, любитъ или находитъ выгоднымъ рваться въ народолюбіе.

Разумному интересу къ народности предстояли тогда двѣ задачи: во-первыхъ, правильно уразумѣть фактическое положеніе въ государственномъ порядкѣ тѣхъ народныхъ массъ, которыми создается „народность“; во-вторыхъ, если еще не изучить, то по крайней мѣрѣ понять важность изученія тѣхъ бытовыхъ чертъ, въ которыхъ сказался характеръ и историческая судьба народа.

Если оцѣнивать съ спокойной исторической критикой результаты XVIII-го вѣка въ этихъ двухъ отношеніяхъ, за нимъ необходимо признать немалую историческую заслугу. Образованность этого вѣка, выросавшая на лонѣ унаслѣдованнаго отъ Москвы XVII-го вѣка крѣпостного права, успѣла у лучшихъ людей придти къ самому рѣшительному отрицанію учрежденія, державшаго огромную массу народа на степени „хамова отродья“ и ту же точку зрѣнія распространявшаго на остальную долю простого народа, хотя бы и не крѣпостную. Этимъ однимъ отрицаніемъ сдѣланъ былъ громаднѣйшій шагъ въ нравственно-общественномъ развитіи и въ разумномъ пониманіи

народности: *этою* понятія о необходимости народнаго освобожденія, нравственнаго и политическаго, *не знала* старая московская Россія. Образованность XVIII-го вѣка пошла и необходимость этнографическихъ изученій. Правда, достигнутые результаты, съ нынѣшней научной точки зрѣнія, были еще очень скудны,—но по сравненію съ тогдашнимъ *общимъ* состояніемъ этого знанія, они представляются весьма значительными: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наши этнографы того времени положительно опережали этнографовъ западно-европейскихъ, напр. въ интересѣ къ чистой, непосредственной народной поэзіи.

Съ такими задатками, изученія народности перешли въ XIX-е столѣтіе.

Значительнѣйшій дѣятель первой четверти столѣтія есть безъ сомнѣнія Карамзинъ. Нѣтъ надобности говорить объ общемъ характерѣ его взглядовъ: мы имѣли не разъ случай говорить о немъ ¹⁾, и здѣсь коснемся лишь его взглядовъ на народъ и народность въ тѣхъ двухъ отношеніяхъ, которыя мы указывали: въ пониманіи фактическаго положенія народной массы въ государствѣ, и въ спеціально-научномъ изученіи народной старины, характера и обычая.

Относительно перваго, Карамзинъ, при всей наклонности къ филантропической сантиментальности и даже въ молодой періодъ его либеральныхъ взглядовъ, какъ извѣстно, не доходилъ до пониманія необходимости освобожденія крестьянъ. Чувствительность и восхищеніе патріархальной простотой и добродѣтелями „поселянъ“ были сами по себѣ, а крѣпостное право надъ „мужиками“ само по себѣ. Можно было бы предположить впередъ, что при этой точкѣ зрѣнія будетъ невозможно живое уразумѣніе народности и правильное отношеніе къ народу: плантаторъ не могъ бы никогда вѣрно понять и изображать характеръ и жизнь негра, и крѣпостникъ не могъ понять крѣпостнаго народа; нужно человѣческое отношеніе къ людямъ, нужно признать ихъ нравственную равноправную личность, чтобы понять ихъ внутреннюю жизнь, ихъ нравственное существо. Иначе отношеніе будетъ съ самаго начала фальшивое: „народъ“ будетъ представляться только грубой подначальной толпой; даже мягкое чувство къ нему будетъ не ясное гражданское чувство, а балованная сантиментальность, которая каждую минуту можетъ перейти въ барское распеканье, и рука, протянутая къ народу, можетъ облечься въ ежовую рукавицу.

Это отношеніе къ народной массѣ, конечно, должно назваться

¹⁾ Въ послѣднее время, развитіе идей Карамзина снова указано было въ изслѣдованіи г. Алексѣя Веселовскаго: *Западное вліаніе въ русской литературѣ*, „В. Евр.“ 1882, в ъ отдѣльномъ изданіи, М. 1888.

пренебреженіемъ. Восемнадцатый вѣкъ унаслѣдовалъ его отъ крѣпостного XVIII-го вѣка; а если теперь винять въ этомъ высшіе классы, принявшіе западное образованіе (за отсутствіемъ восточнаго), то пусть внесутъ въ число обвиняемыхъ имя знаменитѣйшаго русскаго историка, основателя нашей историографіи. Что восемнадцатый вѣкъ въ концѣ концовъ, у своихъ болѣе искренно размышлявшихъ представителей, додумался до иного отношенія къ народу, доказательствомъ осталась книга Радищева, старшаго современника Карамзина. Объ этой книгѣ было не мало говорено за и противъ, но все-таки не оцѣнено по справедливости отношеніе автора къ народу. Радищевъ выступилъ въ своемъ „Путешествіи“ горячимъ противникомъ крѣпостного права. Императрица Екатерина, сама сильно распространившая область крѣпостного права, была страшно озабочена „Путешествіемъ“, и ея разборъ книги послужилъ текстомъ для допросовъ Шешковскаго; близко знакомая съ идеями вѣка, но уже очень къ нимъ охладѣвшая, она крайне враждебно отнеслась къ Радищеву и съ теоретической точки зрѣнія. Отношеніе Пушкина къ Радищеву было двойственное, но въ извѣстной статьѣ Пушкинъ о немъ судить очень сурово. Нѣтъ спора, что въ содержаніи книги Радищева есть доля теоретическаго увлеченія, совсѣмъ забывшаго объ условіяхъ русской дѣйствительности, есть крупныя литературныя недостатки; но даже критики, не очень расположенные къ характеру его идей, признали подъ конецъ, что отрицаніе крѣпостнаго права было исторической заслугой Радищева¹⁾. До сихъ поръ, однако, почти не обращено вниманія на литературную сторону тѣхъ отдѣловъ „Путешествія“, которые посвящены изображенію крестьянскаго быта. Дѣло въ томъ, что книга Радищева написана весьма ровною; изъ его собственныхъ указаній видно, что она составлена изъ статей, писанныхъ въ разное время и, конечно, въ разныхъ настроеніяхъ: можно отличать страницы, написанныя подъ вліяніемъ чтенія, книжно-теоретическія, и другія, гдѣ авторъ говорилъ просто и непосредственно. Не разъ, излагая высокіе общіе вопросы, онъ заговариваетъ славянскимъ стилемъ, тяжелымъ и утомительнымъ; языкъ его становится проще, когда онъ приближается къ дѣйствительности, но всего болѣе стиль становится живымъ, легкимъ, естественнымъ, когда авторъ передаетъ черты и сцены народнаго быта. Книга пересыпана эпизодами подобнаго рода: и въ этихъ случаяхъ только изрѣдка современнаго читателя остановитъ устарѣвшее книжное слово прошлаго вѣка,—но въ цѣломъ можно совсѣмъ забыть, что читаешь пи-

¹⁾ Ср. Исторію русской словесности, Галахова, въ послѣднемъ изданіи, I, ч. 2 стр. 274.

санное сто лѣтъ назадъ. Такъ какъ книга очень рѣдка и забыта, приводимъ два-три примѣра,—тѣмъ болѣе, что они нагляднѣе объяснятъ нашу мысль.

Въ главѣ, обозначенной „Любани“, рисуется одна изъ тѣхъ многихъ картинъ, какими Радищевъ изображалъ дѣйствія крѣпостного права:

„Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго почву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы—перваго сорокъ минутъ... Сегодня праздникъ.—Пашущій крестьянинъ принадлежитъ конечно помѣщику, который оброку съ него не беретъ ¹⁾.—Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ.—Нива, конечно, господская.—Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію.—Богъ въ помощь, скавалъ я, подошедъ къ пахарю, который не оставиваясь доканчивалъ зачатую борозду.—Богъ въ помощь, повторилъ я.—Спасибо, баринъ, говорилъ мнѣ пахарь, отряхая сошникъ и переноса соху на новую борозду. — Ты, конечно, раскольникъ, что пашешь по воскресеньямъ. Нѣтъ, баринъ, я прямимъ ²⁾ крестомъ крещусь,—сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста.—А Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья.—Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самый жаръ. — Въ недѣлю-то, баринъ, шесть дней, а мы шесть разъ въ недѣлю ходимъ на барщину; да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господскій дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы да по ягоду ³⁾. Дай Богъ, (крестясь), чтобъ подъ вечеръ сего дня дождикъ пошелъ.. Велики ли у тебя семья?—Три сына и три дочки. Первенку-то десятой годокъ.—Какъ же ты усиѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь свободнымъ?—Не одни праздникъ, и ночь наша. Не лѣнись нашъ братъ, то съ голоду не умрешь. Видишь ли, одна лошадь отдыхаетъ; а какъ эта устанетъ, возьмусь за другую; дѣло-то и спору.—Такъ ли ты работаешь на господина своего?—Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было такъ же работать. У него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ, самъ ты счетъ знаешь. Да хотя растянись на барской работѣ, то спасибо не скажутъ“... ⁴⁾.

Вотъ другая картинка—купца-кулака. Карпъ Дементычъ, проживающій въ Новгородѣ, знакомъ автору, которому нѣкогда сдѣлалъ вляузный денежный подвохъ. Здѣсь они опять встрѣтились.

„Ба, ба, ба! добро пожаловать, откуда Богъ принесъ,—говоритъ пріятель Карпъ Дементычъ, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ имянитой гражданинъ.—По пословицѣ, счастливой къ обѣду. Милости просимъ садиться.—Да что за пиръ у тебя?—Благодѣтель мой, я женилъ вчера парня своего“... (Благодѣтель—потому, что авторъ нѣкогда пособилъ ему записаться въ именные граждане, а онъ потомъ устроилъ „благодѣтелю“ упомянутую вляузу).

„Карпъ Дементычъ человекъ признательной.—Невѣстка, водки нечаян-

¹⁾ А держитъ, т.-е., на барщинѣ.

²⁾ Т.-е. настоящимъ.

³⁾ Т.-е. опять для барскаго дома.

⁴⁾ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790, стр. 14 и слѣд.

ному гостю.—Я водки не пью.—Да хоть прикушай, здоровье молодых... И съѣм за столъ.

„По одну сторону меня съѣдъ сынъ хозяйскій, а по другую посадилъ Карпъ Дементыичъ свою молодую невѣстку... Прервемъ рѣчь, читатель. Дай мнѣ карандашъ и листочекъ бумаги. Я тебѣ въ удовольствіе нарисую всю честную компанію... Если точныхъ не спишу портретовъ, то доволенъ буду ихъ силуэтами. .

„Карпъ Дементыичъ—сѣдая борода, въ восемь вершковъ отъ нижней губы. Носъ вляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смоль, кланяется объ руку, бороду гладить, всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой.—Аксинья Парентьева, любезная его супруга. Въ шестьдесятъ лѣтъ бѣла какъ снѣгъ, и красна какъ маковъ цвѣтъ, губки всегда сжмаетъ кольцомъ; репскаго не пьетъ, передъ обѣдомъ погъ-чарочки при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Прикащикъ-мужикъ ховяину на счетъ показываетъ... По приказанію Аксиньи Парентьевны, куплено годового запаса 3 пуда бѣлизы ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ... Приеащики мужнины—Аксиньины камердинеры.—Алексѣй Карповичъ—сосѣдъ мой застойной. Ни уса, ни бороды, а носъ уже багровой, брови моргаютъ, въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцомъ. На аршинъ когда мѣрять, то спускаетъ на вершокъ; за то его отецъ любить, какъ самъ себя; на пятнадцатомъ году матери далъ оплеуху.—Парасковья Денисовна, его повобратная супруга, бѣла и румяна. Зубы какъ уголь. Брови въ нитку, чернѣе сажн. Въ компаніи сидитъ потупя глаза, но во весь день отъ окошка не отходить, и пилить глаза на всякаго мужчнну. Подъ вечерокъ стоитъ у калитки.—Глази одинъ подбитъ. Подарокъ ея любезнова муженька для перваго дня“... и т. д. 1).

Карпъ Дементыичъ, настоящій типъ кулака, нажилъ деньги обманми и злостнымъ банкротствомъ, изъ котораго вышелъ цѣлъ и невредимъ. Со времени несостоятельности торгуетъ его сынъ; купленный домъ записанъ на имя жены.

Укажемъ еще эпизодъ о нищемъ слѣпцѣ, поющемъ духовные стихи (глава „Клинь“). Бытовая картина, нарисованная здѣсь, немного сантиментальна, стиль не выдержанъ, но опять чрезвычайно интересно отношеніе автора къ народному быту.

„Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ князь... Поущій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божиимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутыя очи, видъ спокойствія, на лицѣ его зрнаго, заставляли смотрящихъ на пѣвца предстоять ему съ благоговѣніемъ. Неискусный хотя, его напѣвъ, но пѣвностію нареченія сопровождаемый, проникалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внимающихъ, нежели возвращенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внимаютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркеси или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ выблиенія внутрь глубокаго 2), когда Клиньскій пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего героя, едва прерывающимся ежемгно-

1) Путешествіе, стр. 105 и слѣд.

2) Т.-е. безъ внутренняго потрясенія.

венно гласомъ изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилося изстужающихъ изъ чувствительной отъ бѣды души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, koliko ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла спутница ея, улыбка: на лицѣ отрочества являлась робость, неложной знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія: даже мужественной возрастъ, къ жестокости толико привыкшей, видъ воспріялъ важности. О, природа! вопіялъ я паки...

„Сколько сладко неаявительное чувствованіе скорби! Koliko сердце оно обновляетъ, и онаго чувствительность. Я рыдалъ въ слѣдъ за яскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ...“

„По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождаая благодарностью свою поклономъ, крестясь и говоря къ подающему: дай Богъ тебѣ здоровья!“ и проч. ¹⁾).

Подобные эпизоды достаточно свидѣтельствуютъ, что сочувствія къ народу, заявляемая книгой Радищева, были искреннимъ убѣжденіемъ писателя: они говорятъ языкомъ жизни, сопровождаются правдивыми и яркими изображеніями народнаго быта, которыя удивительно встрѣтитъ въ тогдашней литературѣ. При всѣхъ раньше нами указанныхъ попыткахъ литературы подойти къ народному быту, она не достигала той прямой постановки предмета, какая сдѣлана въ „Путешествіи“ Радищева: литература вращалась въ поверхностныхъ сюжетахъ, шуточныхъ и анекдотическихъ—тогда какъ здѣсь затронутъ самый корень народной жизни, и писатель приступаетъ къ ней, вооруженный и знаніемъ дѣла, и умѣньемъ вѣрно владѣть народной рѣчью, которое вполнѣ усвоено было литературой только нѣсколько десятилѣтій и нѣсколько литературныхъ переворотовъ спустя.

Замѣчательный фактъ, представляемый „Путешествіемъ“, становится особенно любопытнымъ исторически, когда мы сопоставимъ съ нимъ пониманіе народности у первостепеннаго писателя поколѣнія, уже болѣе молодого,—у Карамзина. Не будемъ говорить о томъ, что Карамзинъ, при всѣхъ его „республиканскихъ“ убѣжденіяхъ, всю жизнь остался противникомъ мысли объ освобожденіи крестьянъ (припомнимъ, что Радищевъ даже на вопросахъ у Шешковскаго, когда онъ обнаружилъ большой упадокъ духа, не отрекся отъ своихъ идей объ освобожденіи крестьянъ): какъ ни было въ существѣ противонародно это возрѣніе, еще можно представить его себѣ не какъ одно грубое преданіе рабовладѣльчества, а какъ обдуманную (хотя

¹⁾ Путешествіе, стр. 401 и слѣд.

и мелодушную) общественную *теорію*; но съ этимъ возрѣніемъ роковымъ образомъ соединилась невозможность понять правильно внутреннюю жизнь народа и характеръ народности...

Вопросъ былъ не изъ легкихъ. Вся литературная эпоха, въ самихъ европейскихъ образцахъ, по которымъ учились наши писатели, была еще далека отъ мысли о полномъ освобожденіи народныхъ массъ; историческая жизнь еще не ставила этого вопроса, потому что раньше стояли на очереди другіе, -- и наша литература, которой столько приходилось учиться изъ чужихъ источниковъ, показала много жизненнаго смысла, когда сама, внѣ чужихъ указаній, стала обращаться къ народности, т.-е. заявила сочувственный интересъ къ народнымъ массамъ, смутно догадываясь о національномъ значеніи ихъ бытового содержанія. Это исканіе было вѣрно теоретически, прекрасно въ общественномъ смыслѣ, — но на дѣлѣ „народность“ литературы была бы возможна лишь тогда, когда получила бы гражданскія права въ самой жизни, и литература долго колебалась между угадываемымъ новымъ стилемъ языка и содержанія, и старымъ стилемъ псевдо-классическимъ: въ исторической дѣйствительности вопросъ объ освобожденіи еще не назрѣлъ, трудно было поднимать его съ нравственной стороны, когда масса „общества“, — въ которой должна была возобладать эта мысль, — еще нуждалась въ общемъ гуманитарномъ образованіи. Радищевъ, который служить намъ здѣсь литературно-исторической мѣркой, намѣтилъ этотъ угадываемый народный стиль; но не могъ выдержать, и въ другихъ эпизодахъ самаго „Путешествія“ былъ послѣдователемъ той же старой школы; его заслугой остается то, что западный философскій гуманизмъ онъ умѣлъ примѣнить не въ однихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, но въ живомъ сочувствіи къ положенію народа, для изображенія котораго онъ умѣлъ поэтому находить и вѣрный, живой стиль. Карамзинъ напротивъ остался всегда только при одной теоретически-либеральной сантиментальности, и она стала характерной чертой его отношенія къ народу. Когда писатель брался за тему народа, ему представлялся отвлеченный, на дѣлѣ не существующій идиллическій „поселянинъ“, и онъ питалъ къ нему теоретическую нѣжность; но когда передъ нимъ вставала сама дѣйствительная жизнь, то къ „мужику“ прилагалась уже не идиллическая теорія, а реальная крѣпостная практика. Это, разумѣется, могло не мѣшать Карамзину лично быть добрымъ человекомъ, снисходительнымъ помѣщикомъ, — но онъ никогда не могъ переварить этой двойственности, и позднѣе искренно негодовалъ на „либералистовъ“ временъ Александра I, когда они нашли, что „мужикъ“ именно и есть тотъ „поселянинъ“, которому старая сантиментальная философія оказывала столько участія...

Простое, фактически правдивое сочувствіе Радищева къ народу, иногда дѣйствительно горячее (какъ въ эпизодѣ о старикѣ, пѣвшемъ „Алексѣя Божія человѣка“), было неизвѣстно Карамзину: народная жизнь представлялась ему всегда только съ точки зрѣнія сантиментальной идилліи и пасторали, и въ его изображеніяхъ является поэтому только въ искусственной, односторонней или фальшивой формѣ и окраскѣ.

Рядъ цитатъ наглядно укажетъ это отношеніе Карамзина къ народу, къ его жизни и обстановкѣ.

Въ 1793, онъ воспѣваетъ Волгу на берегахъ которой онъ родился:

Рѣка священнѣйшая въ мірѣ,
Кристалльныхъ водъ царица, мать!
Дерзнулъ я на слабой мурт
Тебя, о Волга, величать,
Божиней пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзнулъ ль...
Хвалить красу твоихъ береговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣтають, и проч.

(„Сочиненія“, изд. 4-е, 1834—35, I, стр. 10 и слѣд.).

Въ этой риторической формѣ трудно ожидать вѣрныхъ картинъ волжской природы и народнаго быта, и ихъ дѣйствительно нѣтъ.

Въ 1798, Карамзинъ пишетъ куплеты для „сельской комедіи“, которая была играна „благородными любителями театра“. Вотъ для образчика—

Хоръ земледѣльцевъ.
Какъ не пѣть намъ? Мы щастливы.
Славимъ барина-отца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствительны сердца.
Горожане насъ умнѣе,
Ихъ искусство—говорить.
Чтожь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любить („Сочин.“ I, 194 и слѣд.).

Въ комедіи выводятся „сельскій любовникъ“ и „сельская любовница“ (т. е. пейзаже), „староста“ и т. п.; ихъ рѣчи—такія же красивыя какъ рѣчи самого автора.

Въ „Натальѣ, боярской дочери“ (1792), событіе, отнесенное къ древней Россіи, рассказывается въ чрезвычайно чувствительной повѣсти, гдѣ русская старина идеализирована весьма мало вѣроятнымъ образомъ.

„Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими (?); когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою,

жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, то-есть, говорили какъ думали?"

„Много красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство русское искони (?) почиталось *жилищемъ красоты и пріятностей*; но никакая красавица не могла сравниться съ Натальей“...

„Цвѣтуція поля и дымяціяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали *трудолюбивые поселяне* на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную русскую физиогномію“ (VI, стр. 86, 91, 94).

Несравненно выше по мысли „Марѳа Посадница“. Тема благородной борьбы за народную свободу произвела въ ту пору сильное впечатлѣніе на читателей именно теоретическимъ гуманизмомъ, но самыя изображенія быта были до послѣдней степени натянутыя и риторическія.

И старая Русь, и современная народная жизнь, и въ историческихъ обобщеніяхъ, и въ повѣствовательныхъ картинахъ Карамзина являются въ краскахъ этой поддрумяненной сантиментальности, въ тонѣ идилліи или мелодрамы. Карамзинъ самъ должепъ былъ чувствовать, что эта идиллія, въ которую такъ часто онъ впадалъ вмѣстѣ со всей литературой того времени, не есть настоящая правда. Осна-ривая Руссо (въ прекрасной статьѣ: „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“, 1793 г.), Карамзинъ усумнился въ „Сатурновомъ вѣкѣ“ и „счастливой Аркадіи“. „Правда,—говорилъ онъ,—сія вѣчно цвѣтущая страна, подъ благимъ свѣтлымъ небомъ, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любятъ другъ друга какъ вѣжные братья, повинуются однимъ движеніемъ своего сердца и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхитительное для воображенія чувствительныхъ людей; но будемъ *искренни* и признаемся, что сія счастливая страна есть не что иное, какъ пріятный сонъ, какъ восхитительная мечта сего самаго воображенія“ (VII, 97). Но сколько разъ онъ самъ вводилъ черты этой Аркадіи и Сатурнова вѣка въ свои изображенія русской старины и народности, и *искренность* могла бы опять подсказать, что эти черты были мечтой воображенія.

Остановимся еще на двухъ-трехъ подробностяхъ. Статья „Деревня“ (1792) посвящена описанію прелестей уединенія:

„Благославляю васъ, мирныя сельскія тѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые дуга и поля, златыми класами (т.-е. колосьями) покрыты! Благословляю тебя, тихая рѣчка, и васъ, журчащія ручейки, въ нее текущія! Я пришелъ къ вамъ искать отдохновенія... Я одинъ—одинъ съ своими мыслями—одинъ съ природою...“

„Вижу садъ, аллею, цвѣтники—иду мимо ихъ—основная роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство противно...“

„Какая свѣжесть въ воздухѣ!.. Уже стада разсыпаются вокругъ холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющій жаворонокъ вьется надъ трудящимся поселяниномъ—и *нѣжная Лавинія* приготовляетъ завтракъ своему *Палемону*. Гуляя среди полей разноцвѣтныхъ“... (VII, 104 и слѣд.).

Авторъ наслаждается, конечно, и барскимъ комфортомъ; кто-то готовить ему обѣдъ, „услужливый садовникъ“ (еще бы онъ не былъ услужливъ!) приноситъ ему корзинку съ благовонною малиною: „тонкая дремота на нѣсколько минутъ покрываетъ глаза мои флеромъ—зефиръ свѣваетъ его“. Авторъ бесѣдуетъ лишь съ Томсономъ, Ла-Фонтеномъ (вѣроятно *Les Contes*) и Грессетомъ,—и замѣчательно, что для трудолюбивыхъ поселянъ не досталось, кромѣ упомянутаго, ни одного слова!

Въ знаменитой статьѣ „О любви къ отечеству и народной гордости“ (1802 г.) Карамзинъ затрогиваетъ тему, которая съ разными видоизмѣненіями повторяется и въ настоящую минуту.

„Я не смѣю думать,—говоритъ онъ,—чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно смиренны въ мысляхъ о народномъ нашемъ достоинствѣ—а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ...“

„Успѣхи литературы нашей доказываютъ великую способность русскихъ. У французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовали и писалъ Монтанъ: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять наряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ отбѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезны сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славой: французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы, но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ“ (VII, стр. 116, 120—121).

Въ статьѣ „О случаяхъ и характерахъ въ русской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художества“ (1802), Карамзинъ, по поводу мысли задавать художникамъ темы изъ русской исторіи, говоритъ:

„Должно приучить россиянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце. Не только историкъ и поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патріотизма“... (VII, 122).

Всѣ эти прекрасныя пожеланія повторяются до сихъ поръ. И въ послѣдніе дни можно читать жалобы и укоры на то, что мы слишкомъ смиренны передъ Европой, что мы „лакействуемъ“ передъ западной цивилизаціей и т. п. Какъ бы то ни было, можно замѣтить одно, что и въ карамзинское время, и послѣ, этимъ жалобамъ недоставало опредѣленности—чего и отъ кого хотять, и какъ можетъ быть вообще достигнуто то, чего хотять. Къ кому направляется жа-

лоба на излишнее *смирѣніе*, вредное въ „политикѣ“? Къ обществу эта жалоба не могла быть обращена ни тогда, ни послѣ, такъ какъ оно не имѣло голоса въ „политикѣ“, не имѣло даже средствъ опредѣлить свое мнѣніе: для того, чтобы со стороны общества возможно было какое-нибудь заявленіе подобнаго рода, надо же было, чтобы оно имѣло известную свободу выраженія: слова и печати. Такимъ образомъ, *этотъ* упрекъ никакъ не могъ быть отнесенъ къ обществу. То же общество и сама народная масса являли могущественное возбужденіе, когда вставали жизненные историческіе вопросы, и сила возбужденія способна была оказать надолго великое нравственное вліяніе. Таковъ былъ 12-й годъ. Но въ другое время, по другимъ вопросамъ (а бывали вопросы капитальные), обращались ли когда-нибудь къ мнѣніямъ и къ свободнымъ силамъ общества?

Прекрасны далѣ заботы объ уваженіи къ русской литературѣ, но понятно, что истинное значеніе литературы могло основаться прежде всего на ея внутреннемъ достоинствѣ, на силѣ ея содержанія, которыя явились бы какъ результатъ работы русской мысли и поэтической дѣятельности, а такой результатъ могъ быть достигнутъ лишь при одномъ условіи,—которое опять не было въ рукахъ *одного* только общества,—при условіи расширенія средствъ образованія и простора для работы мысли. Было бы пріятно, еслибъ высшая аристократія тѣхъ временъ знала нѣсколько больше русскую грамоту; но и тогда, когда бы она выучилась этой грамотѣ, для литературы не было бы отъ этого большой пользы, если Магницкіе и Руничи сохраняли возможность дѣлать свои гнусныя нападенія на университетскую науку, если самъ Карамзинъ такъ вооружался противъ „либералистовъ“, въ стремленіяхъ которыхъ было несомнѣнно многое, отвѣчавшее истиннымъ пуждамъ русскаго народа, — каково напр., уничтоженіе крѣпостного права. Въ эпоху Карамзина еще можно было не понимать, а въ наше время очевидно, что хозяйничанье надъ наукой Магницкихъ и Руничей и есть именно глубокое униженіе литературы, дѣло въ величайшей степени гнусное, потому что противонародное, и что беззащитность умственной жизни общества больше, чѣмъ многое иное, должна была бы озабочивать искреннихъ патріотовъ.

Не подлежитъ спору, что не только историкъ и поэтъ, но и художникъ бываютъ органами патріотизма. Но какъ для національнаго достоинства литературы нужно не столько меценатство высшаго общества, сколько присутствіе условій для ея свободнаго развитія (т.-е. для развитія умственныхъ силъ народа, находящихся въ ней свою дѣятельность и выраженіе), такъ національное искусство разовьется не однимъ лишь покровительствомъ, а тѣмъ же ростомъ внутренняго

сознанія общества, и въ сущности требуетъ тѣхъ же условій для своего процвѣтанія, какъ и литература. Покровительство, „заказы художникамъ“ могутъ дать искусству только внѣшнія матеріальныя средства,—при дурномъ вкусѣ заказчиковъ могутъ даже вредно вліять на искусство, распложая фальшивое исполненіе фальшивыхъ темъ. Искусство идетъ обыкновенно вровень съ умственнымъ состояніемъ общества, и лучшая, хотя косвенная, услуга ему, внѣ собственно технической стороны, можетъ быть сдѣлана тѣми же заботами о расширеніи внутренней жизни общества, о возвышеніи его гражданскаго достоинства и просвѣщенія.

Любопытно, что эти темы почти безъ перемѣны повторяются и до настоящаго времени,—такъ мало тогда и нынѣ сантиментальныя романтики „народности“ понимали простыя историческія условія роста національной литературы и искусства. Желанія прекрасныя, но всегда или недосказанныя или недодуманныя, а иной разъ просто лицемерныя.

Рядъ прекрасныхъ мыслей высказанъ Карамзинымъ въ статьѣ „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“ (1803), по поводу плановъ импер. Александра I по этому вѣдомству.

„Петръ Великій,—говорилъ Карамзинъ,—учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета—первый университетъ, Великая Екатерина—городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназій, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ. Новая великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бывають только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, вида торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавитися отъ имени варваровъ. Не одно народное славолубіе... терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи; вѣтъ, опъ мѣшаетъ всякому дѣйствию благотворныхъ намѣреній правителя... Александръ желаетъ просвѣтить россиянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ своего спасительнаго дѣйствія“ и пр. (VII, стр. 221 и слѣд.).

Эти простыя истины о просвѣщеніи, составляющемъ корень государственнаго величія, забываемыя теперь потомствомъ въ одичалой злобѣ противъ „интеллигенціи“,—указывали одну изъ несомнѣннѣйшихъ потребностей русскаго народа, который здѣсь выдѣляется Карамзинымъ и отъ государства, и отъ династіи; но въ то же время Карамзинъ считалъ освобожденіе крѣпостной массы этого народа преждевременнымъ и вреднымъ. Какъ будто образованіе могло быть распространяемо въ *крѣпостныхъ* „хижинахъ“! Было, правда, не мало

примѣровъ образованія, которое давалось помѣщиками инымъ изъ обывателей этихъ хижинъ,—но въ результатѣ бывали возмутительные примѣры этого противоестественнаго соединенія образованія и рабства; этихъ примѣровъ не забылъ Радищевъ въ „Путешествіи“—онъ рассказываетъ исторію образованнаго раба, который тѣмъ горше чувствовалъ свое бѣдственное положеніе, а затѣмъ изъ рукъ филантропа, который далъ ему образованіе, попалъ по наслѣдству въ руки варвара.

Итакъ, отношеніе Карамзина къ народу было двойственное и противорѣчивое: съ одной стороны, мягко-романтическое, съ другой, жестко-практическое. Онъ любилъ „поселянъ“, когда они воображались ему аркадскими пастушками, но въ дѣйствительности народъ былъ собраніемъ людей „низкаго состоянія“, изъ котораго Карамзинъ не торопился его выводить. Это двойственное отношеніе проходитъ и въ „Исторіи государства російскаго“. Карамзинъ съ мечтательнымъ восторгомъ говоритъ о „россіянахъ“, которыхъ видитъ со временъ Рюрика, придаетъ имъ не мало любезныхъ качествъ, бережно извиняетъ иные недостатки ихъ вліяніями „вѣка“; но въ сущности, народъ для него—только служебная масса, назначенная исполнять потребности государства: въ древнихъ „россіянахъ“ онъ провидитъ только вѣрноподанныхъ имперіи, преданныхъ служителей государства и покорныхъ крѣпостныхъ. Великое „народное“ значеніе „Исторіи“, о которомъ обыкновенно говорятъ, заключается въ образовательномъ значеніи этого труда для высшихъ классовъ: обществу, почти не знавшему своего прошедшаго, Карамзинъ далъ впервые произведеніе изящное—въ господствовавшемъ тогда стилѣ, произведеніе въ духѣ европейскаго образованія, въ высокомъ *національно-государственномъ* тонѣ, которое съ этой стороны и подѣйствовало на общество, только-что пережившее событія, гдѣ глубоко затронуто было именно это національно-государственное чувство. Но пониманіе собственно народной стороны исторіи у Карамзина было неполное и часто невѣрное, какъ это съ самаго начала, при первомъ появленіи книги, очень справедливо указывали его противники изъ лагеря „либералистовъ“.

При всемъ томъ, за Карамзинимъ остается великая заслуга для изученія „народности“. Онъ послужилъ этому изученію всѣмъ научнымъ значеніемъ своего монументальнаго произведенія. Историческое знаніе судьбы народа есть необходимая основа для пониманія народности, и все, сдѣланное Карамзинимъ для нашей исторіографіи, есть его вкладъ въ изученіе народности. Его историческая критика пролила много свѣта на внутренній бытъ стараго общества и народа,—

какъ никогда до него; онъ поставилъ много вопросовъ этого рода, и если не всегда вѣрно рѣшалъ ихъ, то утверждалъ критическое отношеніе къ нимъ, вызывая новый пересмотръ фактовъ, въ концѣ котораго раскрывалась истина. Съ нимъ оканчивались прежнія темныя представленія о русской древности, смѣшеніе подлинныхъ фактовъ съ фантазіями средневѣковыхъ и повѣйшихъ книжниковъ. Давно замѣчено было, что самъ Карамзинъ росъ въ пониманіи русской старины и народности по мѣрѣ того, какъ подвигалась его работа: маперный стиль становился проще и живѣе, освѣщался колоритомъ лѣтописной старины, прибрѣлъ новую оригинальность.

Восхваляя заслугу Карамзина, указывали иногда, что въ „Исторіи“ Карамзинъ былъ уже не тѣмъ сантиментальнымъ мечтателемъ, какъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, а зрѣлымъ мыслителемъ-историкомъ. Но эта похвала требуетъ оговорки. Исторія не есть идиллія, самая тема труда привязывала къ фактамъ, а притомъ задатки болѣе сухого, консервативнаго настроенія были у него издавна, не по одному погруженію въ государственную идею, а по болѣе прозаическимъ внушеніямъ практической дѣйствительности, какъ мы о томъ уже говорили. Таковы не весьма сочувственные взгляды, высказанные еще до „Исторіи“, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“. Съ другой стороны, вліянія старой школы не прекратились и теперь, и если въ однихъ случаяхъ вредили книгѣ, давая фальшивый тонъ, подслащая изображенія старины, то въ другихъ, напротивъ, старый идеализмъ внушилъ нѣкоторые взгляды и эпизоды, принадлежащіе къ самымъ привлекательнымъ въ „Исторіи“.

Дѣло въ томъ, что Карамзинъ и теперь оставался человѣкомъ европейскихъ идей и образованія: на русскую исторію онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія европейскихъ литературныхъ идей; въ своемъ трудѣ хотѣлъ сдѣлать для русскаго общества то, что дали своему обществу знаменитые историки европейскіе—хотѣлъ дать равныя картины, изобразить характеры, историческіе перевороты. Эти вліянія европейской литературы сказались на историческихъ взглядахъ Карамзина свѣтлымъ чувствомъ общечеловѣческой идеальной правды. „Можетъ быть, — говорятъ одинъ критикъ, — всѣ изысканія Карамзина неправильны или должны быть дополнены; но всѣ его *сочувствія* въ высшей степени правильны, потому что они общечеловѣческія. Великая честь Карамзину, что и въ голову ему не приходило оправдывать Ивана Грознаго въ его тиранствахъ, порицать Тверь и Великій Новгородъ въ ихъ сопротивленіи, какъ дѣлаютъ во имя условныхъ теорій наши современные историки... Въ безобразно ли фальшивой (по требованіямъ нашего времени) повѣсти „Марѳа Посадница“, въ краснорѣчивыхъ ли страницахъ о паденіи Великаго Нов-

города, — Карамзинъ остается вѣрнымъ самому себѣ и общечеловѣческимъ идеямъ... Это—великая заслуга, и этимъ отчасти объясняется фанатизмъ къ карамзинскому созерцанію русской жизни благороднѣйшихъ личностей“ (напр., у Пушкина). „Его исторія была, такъ сказать, пробнымъ камнемъ нашего самопознанія. Мы съ нею росли, ею мѣрялись съ остальною Европою, мы съ нею входили въ общій круговоротъ европейской жизни“¹⁾.

Эта сторона „Исторіи“ сообщала изображеніямъ Карамзина челоувѣчную, поэтическую окраску, которою она и увлекала своихъ читателей, и въ то же время—эти сочувствія къ падающему Новгороду и обвиненія противъ безумствъ Грознаго остаются гораздо болѣе вѣрными въ широкомъ народно-историческомъ смыслѣ, чѣмъ московская исключительность новѣйшаго славянофильства.

Но если было много благотворнаго въ томъ вліяніи, которое Карамзинъ прямо и косвенно оказалъ на развитіе научнаго изслѣдованія нашей старины, на возбужденіе интереса къ ней въ обществѣ, то въ литературномъ ея вліяніи была своя невыгодная сторона. Такъ именно дѣйствовала искусственная, слишкомъ часто фальшивая манера Карамзина. Его книга надолго осталась единственнымъ историческимъ кодексомъ, и на ней утвердилась, на нѣсколько десятилѣтій, почти вся литература повѣсти, романа, драмы, бравшихъ свои сюжеты изъ русской старины. Толчекъ къ развитію историческаго романа и внѣшніе его приемы далъ Вальтеръ-Скоттъ, матеріалъ и сантиментальная манера брались изъ Карамзина. Подражатели, какъ обыкновенно, развивали именно слабую сторону оригинала, и отсюда въ нашей литературѣ развивается цѣлый потокъ фальшивыхъ изображеній русской старины, начинателемъ которыхъ въ романѣ явился Загоскинъ. Извѣстно, какой чрезвычайный успѣхъ имѣлъ его первый романъ: этотъ успѣхъ на три четверти былъ приготовленъ Карамзинимъ, который возбуждалъ интересъ къ старинѣ въ томъ самомъ духѣ; остальное сдѣлала форма романа. Отъ Карамзина шли и тѣ недостатки, которые въ то время считались достоинствами: въ „Юріи Милославскомъ“ нельзя не видѣть продолженія „Марыи Посадницы“ и „Натальи боярской дочери“, подкрѣпленныхъ „Исторіей“ съ ея сантиментальнымъ представленіемъ старины и народности. Лажечниковъ—также ученикъ Карамзина; но онъ былъ умнѣе и талантливѣе Загоскина, лучше былъ знакомъ съ исторіей, и его произведенія гораздо серьезнѣе, хотя и въ нихъ остается искусственное отношеніе къ старинѣ, которая, впрочемъ, и донинѣ мало дается нашимъ романистамъ.

¹⁾ Сочиненія Ал. Григорьева. Спб. 1876, I, стр. 499, 508.

Подавляющій авторитетъ Карамзина тяготѣлъ и надъ могущественнымъ талантомъ Пушкина: „Борисъ Годуновъ“ построенъ на исторической рамкѣ и характерахъ, данныхъ Карамзинымъ—и это не послужило въ пользу драмы. Наша критика весьма несходныхъ направленій говорила объ этомъ согласно ¹⁾).

Дѣятельность Карамзина была предисловіемъ къ нашему романтизму. Извѣстно, что нашъ романтизмъ, котораго самымъ характернымъ представителемъ считается и былъ Жуковский, не былъ какимъ-либо яснымъ, опредѣленнымъ направленіемъ: его истинное значеніе мало сознавали сами его дѣатели и приверженцы ²⁾, и онъ можетъ быть опредѣленъ только какъ сложность разнообразныхъ влияній романтизма французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, влияній, которыя находили воспримчивую почву въ нарождавшихся новыхъ стремленіяхъ самой русской литературы. У насъ отражались черты каждаго изъ иноземныхъ источниковъ, и французская борьба противъ ложнаго классицизма за большую свободу формы и содержанія, и легендарные рассказы или скептической протестъ англійскихъ поэтовъ, и средневѣковый мистицизмъ романтиковъ нѣмецкихъ или восторженный гуманизмъ Шиллера. Каждое изъ этихъ теченій находило отзывъ и приурочивалось къ русской почвѣ—отчасти потому, что эти новыя поэтическія стремленія были у насъ желаннымъ оружіемъ противъ отжившихъ направленій (напр., противъ нашихъ псевдо-классиковъ и славянствующей, риторической школы Шишкова), а также потому, что новая поэзія и безъ этихъ частныхъ поводовъ увлекала своимъ общечеловѣческимъ содержаніемъ и художественной прелестью. Во всякомъ случаѣ, было одно приобрѣтеніе: „романтизмъ“ помогаль литературѣ сбросить съ себя шелуху риторической и сухой условности псевдо-классицизма, даваль болѣе глубокое основаніе поверхностной сентиментальности, указываль поэтическую цѣну народнаго преданія и, наконецъ, приближалъ къ „народности“ вообще.

Въ этой общей сторонѣ романтизма Жуковскому принадлежитъ неоспоримая заслуга какъ поэту, который хотя не былъ богатъ собственной оригинальностью, но, какъ первостепенный переводчикъ, какъ мастеръ языка, былъ посредникомъ нашей литературы съ ро-

¹⁾ Ср. Бѣлинскаго, Сочиненія, т. VIII, стр. 611—641; Сочин. Ал. Григорьева, I, стр. 499 („Исторія Карамзина... испортила величайшее созданіе Пушкина — Бориса Годунова“), 101, и друг.

²⁾ Ср. различныя отзывы Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Пушкина и др. изъ второго и третьяго десятилѣтія нынѣшняго вѣка.

мантизмомъ западнымъ въ его разныхъ направленіяхъ (кромя общественно-либеральнаго), самъ при этомъ подчинился его вліяніямъ и открывалъ имъ путь въ нашей литературѣ. Псевдо-классицизмъ, построенный на школьной теоріи, всегда сильно риторической, спускался къ дѣйствительности развѣ только въ комедіи и въ шутиливой поэмѣ, а больше вращался между ходульными героями съ возвышенными чувствами и т. п.; романтика расширила поэтическую область, сблизала поэзію со всѣми нравственными движеніями жизни, вводила народность не въ принижающемъ комическомъ тонѣ, а какъ глубокую нравственную стихію, цѣнную по ея первобытности, и незамѣтно демократизировала поэзію. Романтизмъ, особливо нѣмецкій, повидимому, любилъ погружаться въ чистую фантастику, съ волшебствомъ, привидѣніями, чертями и т. п., но источникомъ этой манеры было средневѣковое и современное *народное преданіе*. Такимъ образомъ, народное нашло узаконенный доступъ въ поэтической обиходъ литературы; за чужими явились и свои преданія и легенды, въ той же самой идеализаціи первобытно-народнаго. Съ другой стороны, романтизмъ взамѣнъ ложно-классическаго однообразія искалъ пестрыхъ красокъ, колорита мѣста и времени, и здѣсь являлось новое побужденіе наблюдать бытовые народныя черты... Жуковскій уже вскорѣ подъ руководствомъ нѣмецкихъ романтиковъ стремится создать русскую балладу въ „Громобой“ и „Вадимѣ“, направляется въ русскую народную мифологію въ „Свѣтланѣ“, нѣсколько лѣтъ обдумываетъ какого-то, оставшагося незаписаннымъ, „Владимира“ (подъ которымъ разумѣлся древній кievскій князь), поздвѣе пересказываетъ въ стихахъ народныя сказки и т. д. Въ 1816 году онъ уже заботится о собраніи народныхъ пѣсень, преданій и проч.

Отсюда уже ясенъ успѣхъ этого интереса къ народности въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ XVIII вѣкѣ.

Въ томъ вѣкѣ это былъ интересъ непосредственный, который могъ опираться на свѣжихъ еще бытовыхъ вкусахъ и привычкахъ: записываніе пѣсень, какъ „охота“, шло еще отъ семнадцатаго вѣка; но историческія свѣдѣнія были грубы, и такъ какъ народъ по тогдашнимъ понятіямъ былъ „чернью“, то въ литературномъ воспроизведеніи „народность“—все еще въ согласіи съ псевдо-классической теоріей—могла явиться только въ комедіи или шутиливой пьесѣ и оперѣ. Теперь точка зрѣнія была хотя все еще не ясная, но уже болѣе глубокая; историческія знанія о старинѣ стали шире, особливо послѣ Карамзина; хотя еще подъ чужими внушеніями, но серьезно берется народное преданіе, въ немъ отыскивается поэтическое содержаніе и воспроизводится въ литературѣ рядомъ съ лучшими произведеніями западно-европейскихъ поэтовъ. Форма воспроизведенія пока далеко

не выработана, отчасти фальшива,—какъ въ „русскихъ“ балладахъ Жуковскаго,—но уже начаты поиски за подлиннымъ матеріаломъ именно съ этой спеціальной задачей—овладѣть народнымъ содержаниемъ для высшихъ слоевъ литературы.

Было, къ сожалѣнію, много недочетовъ въ этомъ движеніи и внѣшнія условія общественности стояли на дорогѣ этому нарождавшемуся влеченію къ народности. Лучшіе люди XVIII вѣка рѣшались указать тяжелую дѣйствительность народной жизни, но эти указанія были подавлены съ грубымъ насиліемъ, и это, безъ сомнѣнія, былъ большой ударъ для общественной мысли. Романтическое стремленіе къ народности могло бы стать плодотворнѣе, еслибы могло быть поддержано серьезнымъ интересомъ общественнымъ.

„Народность“, которая нашла мѣсто въ произведеніяхъ Жуковскаго, довольно странная. Поэтъ нелегко находилъ для нея настоящее выраженіе. Прослѣдивъ его манеру трактовать народно-старинныя темы, найдемъ ея тѣсную связь съ литературными приѣмами прошлаго вѣка. Въ первыхъ произведеніяхъ, напр., въ прозаическихъ разсказахъ: „Вадимъ Новгородскій“ (1803), „Три пояса, русская сказка“ (1808), „Марьяна роща“ (1808), это та же манера „сказокъ“ Чулкова, смягченная карамзинскимъ стилемъ и сантиментальностью, и тѣ же странныя представленія о русской древности. Въ стихотворныхъ пьесахъ Жуковскій слѣдуетъ послушно за своими иностранными образцами. Онъ очень умѣетъ цѣнить ихъ собственное достоинство ¹⁾, и затѣмъ, нимало не сомнѣваясь, въ чужеземной поэзіи, не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ русской жизни, онъ ищетъ пути къ своей народности, идетъ ощупью, и если самъ не находитъ дороги, то помогаетъ найти ее другимъ. Въ 1806 г., онъ пишетъ „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“, и притомъ „относящуюся къ военнымъ обстоятельствамъ того (1806 г.) времени“,—хотя у славянъ никогда не бывало „бардовъ“,—и рисуетъ невозможную поэтическую картину. Онъ не сомнѣвается брать цѣликомъ чужія темы, краски и подробности и, слегка поддѣлывая ихъ подъ русскій тонъ, выдаетъ за русскія; за то въ романсѣ Шиллера онъ помѣщаетъ мнимаго древне-русскаго „Улада“ („Жалоба“, 1810).

„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, гдѣ сказалось столько прекраснаго поэтическаго настроенія, переполненъ искусственной условностью въ подробностяхъ: мало того, что русскіе генералы 12-го

¹⁾ Какъ, напримѣръ, восхищаетъ его Гебель. Въ 1816 г., онъ пишетъ къ А. И. Тургеневу объ „Овсяномъ киселѣ“: „Это переводъ изъ Гебеля, вѣроятно, тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности“ (Сочин., изд. Ефремова, 1878, т. VI, стр. 401).

года сражаются копьями, стрѣлами и щитами, они извлекли это вооруженіе и боевые обычаи даже не изъ древне-славянской, а изъ гальской и оссіановской древности. Въ „Свѣтланѣ“ (1811) только первая строфа даетъ вѣрную картинку русскаго гаданья, а затѣмъ она опять романтична по-нѣмецки.

Важно было, однако, то, что рядъ изящныхъ переводовъ сообщалъ литературѣ и образованнымъ людямъ совсѣмъ новое представленіе о народномъ преданьѣ, научалъ искать и находить въ немъ поэтическую прелесть. Если въ западныхъ литературахъ романтизмъ, известными своими сторонами, поднималъ элементъ народности, то и у насъ онъ дѣлалъ тоже самое. Строфа „Свѣтланы“ предвѣщала народно-поэтическія пьесы Пушкина. Наконецъ, съ романтизмомъ начинается новое обращеніе къ собиранію народной поэзіи.

Въ 1816, когда Жуковский думалъ о „Владимирѣ“, занялся для него исторіей, собирався ѣхать въ Кіевъ и Крымъ, онъ заботился и о собраніи народныхъ сказокъ и преданій. Онъ поручалъ своимъ племянницамъ Зонтагъ и Кирѣевской, жившимъ въ Бѣлѣвѣ, записывать для него деревенскіе рассказы, надѣясь потомъ привести этотъ матеріалъ въ порядокъ. На поэзію національную, — говорилъ онъ имъ, — никто не обращаетъ вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія; суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ и степени просвѣщенія старины. Въ связи съ романтизмомъ возникаютъ у тогдашнихъ критиковъ и теоретиковъ (кн. Вяземскій, кн. Одоевскій и др.) вопросы о „народности“, какъ цѣли или свойства литературы ¹⁾. Собираніе произведеній народной поэзіи занимаетъ Пушкина какъ сильно развитый съ дѣтства личный вкусъ и какъ важная вещь для собственнаго творчества и литературныхъ интересовъ. Въ младшемъ поколѣніи, двоюродный внукъ Жуковскаго, Петръ Кирѣевскій является первымъ собирателемъ съ опредѣленной,

¹⁾ Напр. издателя „Мнемовны“ (1824—25), кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ, гордились, что заставили другія изданія говорить о необходимости народности въ поэзіи (IV, 238). О послѣднемъ „Мнемовина“ выражалась такъ:

„При основательнѣйшихъ познаніяхъ и болѣе, нежели тебѣ трудолюбіи нашихъ писателей, Россія по самому своему географическому положенію могла бы присвоить себѣ всѣ сокровища ума Европы и Азіи...

„Но недовольно присвоить себѣ сокровища иноплеменниковъ: да создастся для славы Россіи поэзія истинно русская... Вѣра праотцевъ, нравы отечественныя, лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя—лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей словесности.

„Станемъ надѣяться, что наконецъ наши писатели, изъ коихъ особенно нѣкоторые молодые одарены прямымъ талантомъ, сбросятъ съ себя поносыя цѣпи нѣмецкія и захотятъ быть русскими“, в проч. (II, 42—43).

Въ послѣднемъ случаѣ авторъ статьи „особенно имѣлъ въ виду А. Пушкина, котораго три поэмы, особенно первая, подають великую надежду“.

сознательной цѣлью и вѣрными приѣмами. Ему сообщалъ и Пушкинъ свои находки.

Въ одно время съ этимъ литературнымъ развитіемъ интереса къ народности путемъ изученій историко-общественныхъ и путемъ поэзіи, параллельно съ трудами Карамзина, шла другая дѣятельная работа — въ области спеціального изслѣдованія всякихъ памятниковъ старины.

Въ обыкновенныхъ понятіяхъ, археологія считается чѣмъ-то столь далекимъ отъ живыхъ изученій народа, что археологъ является синонимомъ ученаго гробокопателя, черствого и несимпатичнаго чудака. Есть разныя причины, почему, наиримѣръ, у насъ, археологія имѣетъ такую славу, и одна изъ нихъ та, что эта наука (какъ всякая другая) имѣетъ свою сложную технику, которая не легко дается и не имѣетъ ничего привлекательнаго и показнаго. Но археологія есть необходимое предисловіе и къ исторіи, и къ этнографіи. Это есть изученіе древнѣйшаго быта, слѣдовательно, подкладка для описанія временъ историческихъ и для изслѣдованія народныхъ преданій, глубокая основа которыхъ коренится въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ народнаго существованія: археологія изучаетъ народный и общественный бытъ до тѣхъ эпохъ, когда начинаются для нихъ ясныя историческія свѣдѣнія.

Понятно изъ этого, что въ исторіи изученій народности большая доля труда и заслуги принадлежитъ, кромѣ историковъ, и чистымъ археологамъ. Правда, на первыхъ шагахъ, при неразработанности предмета, археологія еще слишкомъ бывала занята необходимыми приговорительными изученіями, рѣдко касалась жизненныхъ процессовъ народной древности способомъ, вразумительнымъ для профановъ, и имѣла лишь очень немногихъ дѣятелей съ талантомъ; но въ общемъ ходѣ нашей исторической науки, начало нынѣшняго столѣтія ознаменовано замѣчательными трудами, которые давали залогъ дальнѣйшаго успѣха исторической и этнографической науки.

Не входя въ подробности, укажемъ лишь главнѣйшія имена людей, работавшихъ здѣсь одновременно съ Карамзинымъ.

Европейская, въ частности нѣмецкая, наука и теперь, какъ въ XVIII вѣкѣ, сослужила здѣсь полезную службу указаніемъ методовъ и ихъ приложеніемъ.

Труды Шлёцера по древней исторіи продолжали Лербергъ и византизмъ Кругъ, работы которыхъ справедливо называли классическими: дерптскій профессоръ Густавъ Эверсъ; ориенталистъ Френъ; Аделунгъ, Бензенъ. Извѣстный покровитель Карамзина и почетный членъ Московскаго университета, Муравьевъ, вызвалъ въ Москву извѣстныхъ классическихъ ученыхъ и историческихъ критиковъ:

Маттеи, описавшаго греческія рукописи синодальной бібліотеки; эстетика Буле, занявшагося также русской древностью; Баузе, собравшаго замѣчательную бібліотеку рукописей. Подъ ихъ руководствомъ воспитался извѣстный профессоръ Ромапъ Тимковскій, первый критическій издатель лѣтописи Нестора; Буле и Баузе имѣли, кажется, вліяніе и на ученое образованіе Калайдовича, о которомъ дальше упомянемъ.

По собственной исторіи, отчасти независимо отъ Карамзина, отчасти въ связи съ его книгой, работали, кромѣ названныхъ вѣмцевъ, Гавр. Успенскій (1765—1820), Арцыбашевъ (ум. 1841); тогда же начались первые труды Погодина. По археологіи вещественныхъ памятниковъ работали Кеппенъ, Кругъ, П. Бекетовъ, Аделунгъ, Ходаковскій (ислѣдователь старыхъ городищъ, составившій о нихъ оригинальную теорію), Оленинъ, Бороздинъ, Ермолаевъ. По археологіи и исторіи церковной—митрополитъ Евгеній, который послужилъ и для исторіи литературы двумя словарями—писателей духовнаго чина и свѣтскихъ. По археографіи, собиранію рукописей, описанію архивовъ цѣнные труды совершили пачальникъ московскаго Архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ Н. Баятышъ-Каменскій, Малиновскій, протоіерей Григоровичъ, и началъ свои замѣчательные поиски Павелъ Строевъ. Но едва ли не замѣчательнѣйшимъ по таланту изъ всѣхъ этихъ дѣятелей археографіи былъ Константинъ Калайдовичъ, даровитый, многосторонній ученый съ яснымъ критическимъ взглядомъ, оказавшій наукѣ великую услугу открытіями въ старо-славянской и древней русской литературѣ.

Въ области филологіи въ ту же эпоху заявилъ себя Востоковъ—небольшимъ, но богатымъ по содержанию „Разсужденіемъ“ о древне-славянскомъ языкѣ (1820), съ котораго считается научное развитіе славянской филологіи и гдѣ положено первое прочное основаніе для опредѣленія взаимнаго отношенія славянскихъ нарѣчій.

Въ высокой степени замѣчательнымъ фактомъ тогдашней ученой исторіи является меценатство графа Н. П. Румянцова. „Это былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи,—говоритъ Погодинъ, еще заставшій его дѣятельность,—что касается до частныхъ, въ которыхъ онъ не уступалъ никакому ученому специалисту... Первымъ свидѣтельствомъ его любви былъ докладъ на высочайшее имя объ изданіи государственныхъ грамотъ, при московскомъ Архивѣ, первый томъ которыхъ, съ его гербомъ, вышелъ въ 1813 году¹⁾. Все древнее, старинное возбуждало любопытство графа Румянцова; онъ читалъ постоянно

¹⁾ Это было знаменитое „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ“, четыре огромныхъ фоліанта. М. 1813—1827.

все, относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу; онъ повѣщалъ прочихъ своихъ сотрудниковъ, славилъ въ обществѣ, и возбуждая соревнованіе, помогалъ деньгами, ходатайствовалъ, покупалъ, печаталъ, издавалъ, и около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ, талантливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ... Во всѣхъ архивахъ снимались копии, во всѣхъ бібліотекахъ дѣлались извлеченія, во всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски по порученію графа Румянцева. Изданія слѣдовали одно за другимъ: „Государственныя грамоты“, въ четырехъ фолиантахъ, „Памятники XII вѣка“ съ словами Кирилла Туровскаго. „Древнія русскія стихотворенія“, изслѣдованія Лерберга, „Бѣлорусскій архивъ“, „Законы Ивана Васильевича“ и „Судебникъ“, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій“, біографія Герберштейна, путешествіе Мейерберга, „Опытъ о новгородскихъ посадникахъ“, Описаніе Корсунскихъ воротъ“ Аделунга. Сверхъ того, на счетъ графа Румянцева напечатаны были „Kritische Votarbeiten“ Эверса, „Словарь русскихъ писателей духовнаго чина“ митрополита Евгенія, „Жизнь Свидригайла“ Коцебу, „Изслѣдованіе о словѣ о полку Игоревѣ“ Пожарскаго.

Далѣе, Погодинъ даетъ слѣдующую картину этой историко-археологической дѣятельности:

„Главными дѣятелями (работавшими подъ покровительствомъ графа Румянцева или въ связяхъ съ нимъ) были въ Москвѣ Калайдовичъ и Строевъ, подъ надзоромъ Малиновскаго; въ Петербургѣ Востоковъ, Аделунгъ, Кешпепъ, Кругъ, Френъ, Анастасевичъ; внѣ столицы митрополитъ Евгеній, протоіерей Григоровичъ и проч... Главные дѣятели, въ свою очередь, имѣли своихъ помощниковъ и агентовъ; образовались торговцы-антикваріи и вмѣстѣ опытные знатоки, преимущественно въ Москвѣ, около Калайдовича... Калайдовичъ пріохотилъ и возбудилъ многихъ искателей, образовалъ знатоковъ между ними. Шуховъ пріобрѣлъ отличныя свѣдѣнія въ военномъ оружіи, Матвѣевскій въ монетахъ, Молошниковъ въ образахъ, Большаковъ въ старопечатныхъ книгахъ, Пискаревъ, Лопухинъ въ рукописяхъ. Первое мѣсто между этими второстепенными дѣятелями принадлежитъ райскому купцу К. А. Аверину... Въ надеждѣ на хорошее вознагражденіе, нашколенные искатели пустились во всѣ стороны на ловлю всякихъ достопамятностей, а на ловца и звѣрь бѣжитъ, какъ извѣстно; они отыскивали дорогу во всякія заповѣдныя мѣста, проникли во всѣ

захолустья, и собралось въ Москвѣ множество сокровищъ историческихъ и археологическихъ, которыя, кромѣ графа Румянцева, поступали и въ другія, вновь образовавшіяся, собранія: къ гр. Ѳ. А. Толстому—рукописи и книги; къ Бекетову—монеты, медали; къ Карбанову—вещи; къ Медынцеву—панаги, кресты, монеты; къ Царскому въ Москвѣ—образа, рукописи; къ Черткову въ Петербургѣ—монеты и книги; къ Лаптеву въ Вологдѣ—рукописи“¹⁾).

Румянцовъ распространилъ свои ученныя связи и порученія за границу; онъ имѣлъ тамъ своихъ корреспондентовъ, вступалъ въ сношенія съ европейскими учеными, какъ византинистъ Газе, какъ ориенталисты Сень-Мартенъ, Гаммеръ, Тихсенъ и т. д.

Такого живого интереса въ старинѣ, отъ вершинъ общества и до людей самаго скромнаго положенія, наша общественная жизнь до тѣхъ поръ не видывала,—и тѣмъ, кто нѣсколько знакомъ съ развитіемъ нашей исторической науки, извѣстно, какія важныя пріобрѣтенія были для нея сдѣланы за это время. „Исторія“ Карамзина шла въ ряду этихъ фактовъ, и самъ Карамзинъ то давалъ указанія, то самъ пользовался указаніями многихъ изъ названныхъ ученыхъ; его трудъ былъ завершеніемъ этого періода. Какъ будто не случайно, Карамзинъ и Румянцовъ въ одинъ годъ кончили свое поприще.

Какъ видимъ, разрабатывалась только древняя исторія, — новая рѣдко затрогивалась въ литературѣ, а новѣйшая совсѣмъ отсутствовала. Причина была простая: новѣйшая исторія — внѣ официально заявляемыхъ фактовъ и военныхъ разсказовъ, всегда восхвалительныхъ — была бы сужденіемъ о дѣйствіяхъ правительства, хотя бы прошлаго, а такое сужденіе было немислимо въ обществѣ, которое еще помнило разказы о „словѣ и дѣлѣ“, у котораго были на свѣжей памяти судьба Новикова и Радищева. Но кромѣ того, эти стремленія къ старинѣ имѣли смыслъ какъ естественный вопросъ о началахъ исторіи, которыя были еще до того темны, что, начавшись при Карамзинѣ, долго и послѣ него могла существовать такъ-называемая „скептическая школа“, отвергавшая почти всю русскую древность до XIV столѣтія: главнымъ начинателемъ этой школы былъ Каченовскій и на скептицизмъ его Погодинъ однажды удачно отвѣтилъ замѣчаніемъ, что множеству нашихъ старинныхъ князей съ ихъ

¹⁾ Погодина, „Судьбы археологии въ Россіи“, въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1869, сентябрь, стр. 32 и слѣд., и тоже въ Трудахъ 1-го археол. съѣзда. Позднѣе такими путями и самъ Погодинъ собралъ извѣстное „Древлехранилище“, выгодно имъ проданное въ Публичную Библиотеку. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно говорили объ этой эпохѣ нашей научной исторіи, о дѣятельности Румянцева и его сотрудничествѣ, на основаніи книги А. Кочубинскаго: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія“, Одесса, 1887—1888 (ср. „Вѣсти. Евр.“, 1888, октябрь).

разными семейными связями труднѣе было быть выдуманними, чѣмъ существовать на самомъ дѣлѣ. Нужно было выяснитъ начала, происхождение, родовой характеръ историческаго народа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и народности.

Археологія имѣла и болѣе прямыя связи съ этнографіей. Въ концѣ прошлаго столѣтія археологи открыли единственную въ своемъ родѣ древнюю поэму „Слово о полку Игорѣ“ (1-е изданіе, 1800), которая съ тѣхъ поръ и донинѣ служитъ темой многоразличныхъ гаданій о древне-русской поэзіи. Теперь археологи розыскали другое замѣчательное произведеніе народно-поэтической старины, связанное уже и съ новыми временами преемствомъ преданія — знаменитый сборникъ былины и пѣсенъ Кирши Данилова, который до новѣйшихъ открытій Рыбникова и Гильфердинга и до изданія собранія Кирѣевскаго оставался единственнымъ, извѣстнымъ въ литературѣ, памятникомъ нашего стараго народнаго эпоса. Сборникъ Кирши изданъ былъ въ первый разъ, очень плохо, въ 1804 году ¹⁾, безъ имени издателя, которымъ былъ Якубовичъ, и напечатано здѣсь только 26 стихотвореній цѣлаго сборника. Издатель сообщилъ „къ публикѣ“ лишь самыя неопредѣленныя указанія о сборникѣ ²⁾. Второе болѣе полное и обстоятельное изданіе сдѣлано было Калайдовичемъ, „по приказанію“ графа Руминцова, въ 1818 году ³⁾.

Такъ какъ, за утратой рукописи, изданіе Калайдовича остается единственнымъ текстомъ этихъ произведеній, а его предисловіе первымъ изслѣдованіемъ нашего народнаго эпоса, то мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Калайдовичъ далъ обстоятельную исторію и описаніе рукописи. Открытіе и сохраненіе сборника Данилова онъ приписываетъ П. А. Демидову, тогда уже умершему, для котораго она была списана лѣтъ за 70 передъ тѣмъ (т.-е. въ поло-

¹⁾ Древнія русскія стихотворенія. Москва, 1804. 8°. 324 стр. Изданіе посвящено Д. П. Троицкому, который былъ тогда министромъ удѣловъ и главнымъ директоромъ почты; въ посвячительныхъ стихахъ (приписываемыхъ Ключареву) его просятъ „въ свободный часъ услышать сей простой гласъ славенской музы“.

²⁾ „Нечаянный случай доставилъ мнѣ рукопись древнихъ стихотвореній, которая, можетъ быть, дорого стоила собирателю ея. Желая принести общее удовольствіе, я издаю теперь сіи стихотворенія, съ надеждою услужить тѣмъ Русской Литтературѣ, любителямъ Древностей и вообще читателямъ всякаго состоянія.— Не дѣлаю здѣсь историческихъ замѣчаній, къ которымъ временамъ отнести должно сочиненія сіи; но ежели оныя охотно приняты будутъ, то при второмъ изданіи прибавленныя могутъ пустякъ (?) замѣчанія“.

³⁾ Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 85 пѣсенъ и сказокъ доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для пѣнія. М. 1818. XL и 423 стр., 4°. Это изданіе, нинѣ очень рѣдкое, повторено недавно Комиссіей печатанія госуд. грамотъ и договоровъ, при моск. Главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ: „Др. Росс. Стихотворенія“ и проч. изд. 3-е. М. 1876.

винѣ прошлаго столѣтія); по его смерти рукопись перешла къ Н. М. Хозикову, а имъ въ 1802 г. подарена Ѳ. П. Ключареву (извѣстному московскому почтъ-директору). Этотъ послѣдній, „по разсмотрѣніи оригинала, нашель ихъ (памятники) довольно любопытными для просвѣщенной публики“ и поручилъ ихъ изданіе служившему подъ его начальствомъ А. Ѳ. Якубовичу, который въ 1804 г. издалъ „лучшія, по его мнѣнію, изъ этихъ стихотвореній“, намѣреваясь издать тогда и остальные во второй части; но обстоятельства помѣшали явиться полному изданію. Рукопись осталась собственностью Якубовича, а въ 1816 г. получилъ ее въ собственность графъ Руманцовъ.—Изданіе Якубовича оказалось весьма неточнымъ.

Въ обширномъ предисловіи Калайдовичъ опредѣляетъ характеръ памятниковъ. Сочинителемъ или, вѣрнѣе, собирателемъ древнихъ стихотвореній,—„ибо многія изъ нихъ принадлежатъ временамъ отдаленнымъ“,—былъ, по его мнѣнію, Кирша (или Кирилль, по мало-россійскому говору) Даниловъ, вѣроятно казаятъ, „ибо онъ нерѣдко воспѣваетъ подвиги сего храбраго войска съ особеннымъ восторгомъ“. Имя этого Кирши, по увѣренію Якубовича, стояло на первомъ, потерявшемся послѣ, листѣ сборника; имя Кирилла Даниловича упоминается въ небольшой пѣснѣ сборника (№ 36).

Калайдовичъ пытается затѣмъ отыскать „мѣсто рожденія или пребыванія“ этого Кирши, и забывая, что онъ былъ скорѣе собирателемъ пѣсенъ, которыя могли происходить изъ разныхъ краевъ, старается рѣшить вопросъ по мѣстнымъ упоминаніямъ самыхъ былинъ: въ одной (о Добрынь) говорится—„по-нашему по-сибирскому“, въ другой (о Васильѣ Буслаевѣ)—„у насъ въ Новѣгородѣ“, въ третьей (о Чурильѣ игуменѣ)—„у насъ въ Кіевѣ“. Очевидно, что послѣднія упоминанія относятся къ тексту разсказа, а первое—къ случайному мѣстопребыванію какого-то пѣвца, можетъ быть, вовсе и не самого Кирши: Калайдовичъ относитъ ихъ къ „сочинителю“.

По языку, не древнему, по напѣву, по содержанію, Калайдовичъ не находитъ возможнымъ отнести „сочинителя“ къ тѣмъ вѣкамъ, которые онъ изображаетъ; а по пѣснямъ, гдѣ воспѣвается рожденіе Петра I и упоминаются событія его времени, Калайдовичъ думаетъ, что „сбиратель“ долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка,—но полагаетъ, что „начало“ этихъ стихотвореній скрывается во временахъ отдаленныхъ. Именно, „повсемѣстная извѣстность нѣкоторыхъ изъ пѣсень, помѣщенныхъ Даниловымъ“¹⁾, убѣж-

¹⁾ Калайдовичъ называетъ слѣдующія: „Никитѣ Романовичу дано село Преображенскосъ“; „Князь Романъ жену терялъ“; „Усы, удали молодца“; „о станишникахъ или разбойникахъ“ и др. По словамъ его, эти пѣсни „изстари поются съ большимъ или меньшимъ различіемъ“, и онъ указываетъ ихъ въ „Карманномъ Пѣсенникѣ“

даетъ автора, что не Даниловъ первый ихъ сложилъ. „Можетъ быть, онъ имѣлъ древнѣйшіе остатки народныхъ пѣсень, но, къ сожалѣнію, ихъ передѣлалъ“.

О содержаніи пѣсень Калайдовичъ говоритъ: „Народныя сказки сохранили память о великолѣпнн Владиміровыхъ пировъ и о мстучихъ богатыряхъ его, которыхъ онъ, подобно Карлу Великому, дарами и почестію привлекалъ ко двору своему. Большая часть пѣсень и сказокъ Данилова посвящены славѣ сего князя и подвигамъ храбрыхъ его витязей“. Указавъ по былинамъ черты этихъ пировъ князя и дружины, Калайдовичъ приводитъ о томъ извѣстное свидѣтельство Несторовой лѣтописи и собираетъ упоминанія лѣтописи и преданія о богатыряхъ, отнесенныхъ былинной къ эпохѣ Владиміра — о Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Ильѣ Муромцѣ, Ставрѣ, затѣмъ о Васыкѣ Буслаевѣ и проч., приурочиваетъ къ исторіи и болѣе позднихъ героевъ, упоминаемыхъ въ сборникѣ. „Изъ сихъ примѣровъ видно, что нашъ стихотворецъ кое-что зналъ, но другимъ рассказывалъ по своему“... Далѣе, по мнѣнію Калайдовича, если Даниловъ находилъ источники для своихъ пѣсень въ исторіи, то несравненно больше матеріала дали ему „народныя сказки“, и указываетъ сходство былинъ Данилова съ упомянутыми у насъ выше сказками Чулкова ¹⁾

Относительно изложенія, Калайдовичъ указываетъ простоту стихотвореній Данилова, обиліе повтореній, анахронизмы; языкъ ихъ народный, съ частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же выраженій, иногда съ вышедшими изъ употребленія словами. „Права Данилова на красоты слога самыя ограниченныя“. „Даниловъ писалъ болѣе для людей необразованныхъ—потому у него много фарсовъ; пѣлъ не для безсмертія, а для удовольствія своихъ слишкомъ веселыхъ слушателей — посему-то онъ пренебрегалъ умѣренностью и правилами благопристойности. Мѣста въ нашемъ изданіи, означенныя точками, показываютъ, что тутъ пѣвецъ нашъ, пресыщенный дарами Бахуса и мечтами о сладострастныхъ вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе въ стыдливости... Онъ даже цѣлыя семь пѣсень ²⁾ пустилъ

Н. И. Дмитріева (3 части, М. 1796), въ собраніи разныхъ Каинныхъ пѣсень, приложенныхъ къ „Исторіи Ваньки-Каина“ (М. 1792), и прибавляетъ: „Я самъ слышалъ и живо впечатлѣлъ въ памяти заунывной тонъ пѣсни: Князь Романъ жену терялъ, и протяжной: о станишникахъ или разбойникахъ“. Онъ приводитъ также свидѣтельство Татищева, въ „Ист. Росс.“ М. 1768, ч. I, кн. I, стр. 50.

¹⁾ Калайдовичъ приписываетъ сказки Чулкова другому лицу, — Левшину. Ср. „Роспись“ Смирдина (составленную Анастасевичемъ), Спб. 1828 („Чулковъ“) и Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, сост. Геннади и Собко, Берлинъ: 1876—1880, т. II, стр. 417.

²⁾ Эти семь пѣсень, перечисленныхъ у Калайдовича по заглавіямъ, и не вошли въ изданіе. Кромѣ ихъ, не вошли еще двѣ: „Изъ монастыря Боголюбова Старецъ“

по тому пути, на коемъ впоследствии прославился Барковъ, хороший поэтъ, къ сожалѣнію, талантъ свой во зло употребившій“.

Наконецъ, Калайдовичъ говоритъ о размѣрѣ стихотвореній (тоническомъ), о ихъ родахъ (эпическомъ, лирическомъ, смѣшанномъ, сатирическомъ), напѣвѣ, о внѣшнемъ расположеніи изданія.

Такое содержаніе предисловія, въ которомъ находимъ первый опытъ изслѣдованія о древнемъ русскомъ эпосѣ, и тогдашнія наиболѣе совершенныя понятія объ этомъ предметѣ. Калайдовичъ, по своимъ знаніямъ въ русской древности, былъ тогда едва ли не самый компетентный, послѣ Карамзина, ученый, который могъ бы дать комментарий къ „стихотвореніямъ Кириши Данилова“¹⁾. Наибольшей его заслугой надо признать то, что онъ все-таки оцѣнилъ важность этихъ произведеній и необходимость точнаго изданія ихъ текста и приступилъ къ критикѣ ихъ содержанія, припоминая все, что относится къ нимъ въ исторіи и что было извѣстно изъ этихъ преданій въ литературѣ. Но понятія его о происхожденіи и характерѣ пѣсенъ были крайне недостаточныя. Съ одной стороны, эпическое преданіе было видимо потеряно даже для самыхъ страстныхъ, какъ Калайдовичъ, любителей старины, — несмотря на то, что онъ еще „слышалъ и живо впечатлѣлъ въ памяти“ нѣкоторые эпизоды преданія и изъ этого могъ бы понять его значеніе. Съ другой стороны, не народилась еще научная точка зрѣнія и онъ не зналъ, куда отнести „стихотворенія Данилова“.

Калайдовичъ не отдаетъ себѣ отчета въ народно-поэтическомъ творествѣ. Онъ понялъ-было, что Даниловъ былъ только „собира-тель“, — но затѣмъ все-таки видитъ въ немъ „сочинителя“ (въ дѣйствительности, Данилову могла принадлежать развѣ какая-нибудь отдѣльная пѣсенка изъ этого собранія), который кое-что зналъ изъ исторіи, но только по своему передавалъ; жалѣеть, что Даниловъ передѣлывалъ старыя пѣсни. Калайдовичъ думалъ, что богатырскія сказки были источникомъ стихотвореній Данилова, т.-е. былины, а не наоборотъ, что эти сказки были только разрушенныя былины. Въ заглавіи книги и въ предисловіи, Калайдовичъ находитъ у Кириши Данилова „сказки“, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ — слѣд. самая былина казалась ему сказкой. Ему видимо представлялся эпическій пѣвецъ по псевдо-классической пѣтикѣ, но пѣвецъ простонародный, необразованный, обрацавшійся къ такимъ же слушателямъ, притомъ иногда „слишкомъ веселымъ“, — такъ что всѣ черты именно народнаго творчества, его приемы, прорухи, языкъ и т. д. онъ приписываетъ тому

Иримише, въ насмѣшливомъ тонѣ написанная, и *Голубина книга сороки пядень*, непримичная по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ рассказомъ“.

¹⁾ Карамзинъ не воспользовался „Др. Росс. Стихотвореніями“.

же Данилову. Собственное или внушенное цензурой понятие о благочинии заставило его совсѣмъ исключить изъ изданія ¹⁾ знаменитую легенду о „Голубиной книгѣ“, надъ которой послѣ такъ много ломали голову наши изслѣдователи и которая доставила имъ столько археологическаго наслажденія...

Это былъ первый шагъ въ изученіи нашей народной поэзіи... Такой же первый шагъ сдѣланъ былъ тогда въ другой области—въ изученіи славянства. Славянскій міръ съ давнихъ временъ былъ мало извѣстенъ въ Россіи, даже тѣ его части, которыя кромѣ единоплеменности связаны были съ народомъ русскимъ одною вѣрою, которыя нѣкогда доставляли Руси книжное просвѣщеніе, а послѣ искали у нея покровительства своей вѣрѣ и народности отъ турецкаго угнетенія. Изъ русскихъ государей, Петръ Великій впервые взглянулъ на славянскій міръ съ сознательными и частью утилитарными сочувствіями. Войны съ Турціей въ XVIII вѣкѣ и началъ нынѣшняго столѣтія, производившія въ южномъ славянствѣ болѣе или менѣе сильное возбуждающее дѣйствіе, цѣлое переселеніе сербовъ въ Россію при Елизаветѣ, сербское возстаніе и освобожденіе—въ самой Россіи напомнили объ южныхъ единоплеменникахъ и единовѣрцахъ, но напомнили еще слабо: въ массѣ общества и въ учено-литературномъ кругу были весьма неясны представленія о братскихъ племенахъ южныхъ, а тѣмъ болѣе западныхъ. Третья глава въ первомъ томѣ Карамзина дала русскимъ читателямъ впервые нѣкоторое понятіе о цѣломъ славянствѣ, его современныхъ вѣтвяхъ и его древнѣйшей исторіи,—понятіе, заимствованное особливо изъ нѣмецкихъ книгъ и частью изъ Добровскаго: но представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ, по состоянію тогдашнихъ знаній, было весьма недостаточно и у Карамзина, а современное положеніе южнаго и особливо западнаго славянства (кромѣ Польши) было извѣстно лишь крайне отрывочно ²⁾.

Историко-этнографическіе труды Александровой эпохи коснулись и этой темной области. Мы назвали выше „Разсужденіе“ Востокова, 1820 г., которому пришлось потомъ получить значеніе исходнаго пункта въ строго-научномъ развитіи славянскаго языковѣдѣнія. Въ

¹⁾ Впрочемъ, еслибы и не исключилъ оны самъ, то непременно исключила бы цензура, которая и долго спустя никакъ не могла уразумѣть, что народная поэзія можетъ явиться въ ученомъ изданіи только въ своемъ подлинномъ видѣ.

²⁾ Книга Владиміра Броневскаго, „Записки морского офицера въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Д. Н. Сенявина, отъ 1805 по 1810 годъ“. Спб., 1818—19, 4 части,—есть едва ли не единственная книга, гдѣ русскій человѣкъ замѣтилъ на западѣ своихъ единоплеменниковъ и отнесся къ нимъ съ интересомъ и сочувствіемъ.

то же время научный интерес къ славянству выразился другими фактами. Въ 1819 году знаменитый дѣятель сербскаго литературнаго возрожденія, Караджичъ, прїѣзжалъ въ Россію: въ Москвѣ „Общество любителей російской словесности“ выбрало его членомъ, въ Петербургѣ Россійская академія присудила ему медаль за сербскій словарь, только-что тогда изданный; графъ Румянцовъ нашелъ ему ученые порученія; Библейское Общество поручило переводъ Новаго Завета на сербскій языкъ, переводъ, впрочемъ послѣ перепорченный другимъ сербомъ, харьковскимъ профессоромъ Стойковичемъ, которому Библейское Общество довѣрило его редакцію. Около этого времени сдѣлано было у чеховъ „открытие“ древнихъ (или, по новымъ изслѣдованіямъ, мнимо-древнихъ) памятниковъ чешской литературы: президентъ Россійской академіи занялся ими и въ 1820 году издалъ съ русскимъ переводомъ „Краледворскую рукопись“ и „Судъ Любуши“. Въ тѣ же двадцатые годы возникало извѣстное научно-поэтическое сближеніе съ польской литературой; завязывались нити примиренія и взаимнаго интереса — у насъ съ уваженіемъ назывались имена Лелевеля, Нарушевича, Линде, отдавалась дань удивленія Мицкевичу; „Историческія пѣсни“ Нѣмцевича послужили образчикомъ для историко-патріотическихъ „думъ“ Рыдѣва, Кюхельбекера; сами писатели польскіе обращались къ обще-славянскимъ вопросамъ. Польское возстаніе 1831 года сильно, если не окончательно подорвало это движеніе, но оно не осталось безъ результата для научнаго развитія и для мысли о возможности будущаго новаго сближенія. Далѣе, въ тѣхъ же двадцатыхъ годахъ переселился въ Россію карпатскій русинъ Венелинъ, который въ русской литературно-научной обстановкѣ нашелъ опору для своихъ славянскихъ стремленій и сталъ возбудителемъ болгарской народности; въ нашей литературѣ Венелинъ, по вопросу о началахъ русской исторіи, былъ ревностнымъ приверженцемъ той школы, которая, прошедши черезъ Моршкина и Савельева-Ростиславича, продолжается въ трудахъ г. Иловайскаго и частію г. Забѣлина ¹⁾).

Это первое болѣе или менѣе самостоятельное изученіе славянскаго міра уже вскорѣ, въ тридцатыхъ и особливо въ сороковыхъ годахъ, укрѣпилось на научной почвѣ и имѣло важное значеніе для изученія русской народности. Опредѣлялся исходный пунктъ русской народности, намѣчались ея коренныя славянскія свойства. Прежнее темное представленіе о славянствѣ русскаго народа говорило въ сущности только, что русскій народъ принадлежитъ къ какому-то

---

¹⁾ Подробности объ этомъ движеніи въ моихъ статьяхъ по исторіи русскаго славяновѣдѣнія въ „Вѣстн. Евр.“, 1889, апрѣль—сентябрь.

большому семейству племенъ; теперь историческое изслѣдованіе опредѣляетъ черты первобытнаго племени и вышедшей изъ него народности, указываетъ степени родства нынѣ существующихъ членовъ славянской семьи. Для возникавшей научной этнографіи является возможность новаго опредѣленія древнѣйшей эпохи народности, ея внутренняго содержанія, поэзіи, обычая и преданій изъ сравненія съ другими славянскими племенами. Въ литературѣ поэтической впервые являются переводы изъ славянской народной поэзіи—изъ сербскихъ пѣсенъ Караджича (переводы Востокова), „Пѣсни западныхъ славянъ“, въ передачѣ Пушкина по Меримѣ, и пр.

Таково было состояніе изученій русской народности въ Александровскія времена. При всемъ бытовомъ отдаленіи литературы и образованнаго (преимущественно дворянскаго) общества отъ народной жизни, не только продолжается стремленіе къ ея изученію, но еще возрастаетъ и развѣтвляется: археологія, исторія, филологія, славянскія изученія становятся, иногда впервые, на почву науки, расширяютъ горизонтъ историко-этнографическаго наблюденія и начинаютъ привлекать на себя вниманіе общества; романтизмъ, выросшій подъ вліяніемъ западныхъ литературъ и нерѣдко рабски за ними слѣдовавшій, въ концѣ концовъ опять приходитъ къ русской народности, относится къ ней съ ласковымъ поэтическимъ чувствомъ, воспроизводитъ ее въ „изящной словесности“. Правда, воспроизведеніе было далеко несовершенное, но уже въ этомъ періодѣ начали дѣйствовать Пушкинъ. Съ слѣдующею четвертью столѣтія его дѣятельность развилась въ полномъ блескѣ, и настроеніе умовъ было таково, что когда было официально провозглашена извѣстная система, то рядомъ съ православіемъ и самодержавіемъ постановлено было и начало *народности*.

ГЛАВА VII.

Н. И. НАДЕЖДИНЪ.

Официальная народность.—Литературные взгляды Надеждина: классицизмъ и романтизмъ, исторія и романъ, состояніе русской поэзіи, ходъ русской исторіи, судьба русскаго языка, европеизмъ и народность.—Дѣятельность въ Географическомъ Обществѣ.—Работы по расколу.—Ходъ развитія.

Вторая четверть столѣтія, занатая и характеризуемая царствованіемъ импер. Николая, начинаетъ все болѣе становиться достояніемъ правдивой исторіи, и въ литературѣ явилось уже не мало матеріаловъ, рисующихъ эту своеобразную эпоху,—когда официально заявленная „народность“ шла рядомъ съ крѣпостнымъ состояніемъ народа; когда свѣтило русской литературы, Пушкинъ, хотя поощряемый при дворѣ, былъ въ ежовыхъ рукавицахъ гр. Бенкендорфа; и всякое движеніе общественной мысли, въ которой надо бы ждать выраженія этой „народности“, было подъ строжайшимъ надзоромъ бюрократіи и подавлялось тотчасъ, какъ только въ немъ усматривалось уклоненіе отъ предписаннаго пути.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ объ „официальной народности“ этого времени, и не повторяя сказаннаго, перейдемъ къ тому, что сдѣлано было въ эту эпоху для этнографическаго изученія народности.

Официальное заявленіе „народности“, сдѣланное ученымъ министромъ народнаго просвѣщенія, какъ будто шло рядомъ съ общественнымъ мнѣніемъ, отражая то возбужденіе національнаго принципа, какое распространялось у насъ отчасти какъ самостоятельный результатъ историческаго развитія, отчасти какъ новое явленіе, при-

---

¹⁾ „Характеристики литер. мнѣній отъ 1820-хъ до 1850-хъ годовъ“, изд. 2-е. Слб. 1889, глава III.

вивавшееся подъ европейскими вліяніями ¹⁾. Этому заявленію тогда дѣлалось множество панегириковъ, какъ національному откровенію; на дѣлѣ, направленіе литературно-общественнаго интереса въ сторону народности было отъ него совершенно независимо: литература жила своей внутренней жизнью, шла своими путями,—она стремилась въ этомъ направленіи и ранѣе; явленіе величайшихъ національных писателей, Пушкина и Гоголя, совпадавшее съ заявленіемъ, было плодомъ предыдущей исторіи общества. Но при всемогуществѣ официальнаго авторитета, заявленная программа не осталась безъ своего дѣйствія на характеръ литературы и науки: именно исторіографіи и этнографіи. Это дѣйствіе было двойное: очень благотворное, когда правительственная власть, въ виду „народности“, оказывала содѣйствіе научному изслѣдованію, напр., учрежденіемъ Археографической комисіи и разрѣшеніемъ Географическаго Общества; но и менѣе благотворное, когда программа, тѣмъ или другимъ путемъ, производила извѣстное давленіе: у изслѣдователей, кромѣ интересовъ науки и безкорыстной любви къ народу, стала сказываться и видимая склонность идти въ угоду данной программѣ. Многимъ безъ сомнѣній казалось, что программа и есть то самое, къ чему стремились ихъ собственныя мысли... но рядомъ съ этимъ „официальная народность“ породила множество общественнаго, литературнаго и научнаго лицемѣрія: изображеніе и толкованіе народности пригонялось къ условному официальному представленію, которое строилось по Державину и Карамзину, въ соединеніи съ бюрократическими и помѣщичьими взглядами, съ двусмысленной любовью къ „мужичку“ и съ такъ-называемымъ „кваснымъ“ патриотизмомъ, для котораго найденъ былъ тогда терминъ—или Полевымъ, или вв. П. А. Вяземскимъ (авторомъ „Русскаго Бога“).

Но какъ въ литературныхъ изображеніяхъ надо всѣмъ этимъ возобладала истина, внушаемая произведеніями Пушкина и Гоголя, такъ и въ изученіяхъ историко-этнографическихъ, еще въ томъ же періодѣ, взяло верхъ научное отношеніе къ предмету, къ которому присоединилось правдивое чувство народности.

Въ ряду писателей, которымъ принадлежитъ въ этомъ періодѣ заслуга основанія научной этнографіи, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Н. Н. Надеждинъ (1804—1856). Не останавливаясь на подробностяхъ его ученой и литературной дѣятельности ²⁾

¹⁾ Ср. объясненія г. Алексѣя Веселовскаго въ книгѣ: „Западное вліяніе“ и др.

²⁾ Укажемъ его извѣстную, впрочемъ недописанную, „Автобіографію“, съ дополненіями П. С. Савельева, въ Р. Вѣстн. 1876, № 9, стр. 49—78; „Воспоминанія о Н. Н. Надеждинѣ“, Срезневскаго, въ „Вѣстникѣ Геогр. Общ.“, ч. XVI, 1855, V, 1—16.

воснемся ея лишь по связи съ литературнымъ и научнымъ вопросомъ о народности.

Надеждинъ былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Одаренный сильнымъ теоретическимъ умомъ и памятью, хранившей обширныя историческія, богословскія, литературныя свѣдѣнія, рано разившійся, онъ своими первыми трудами обратилъ на себя вниманіе и уже вскорѣ приобрѣлъ почетное имя въ литературѣ и на университетской кафедрѣ.

Съ первыхъ шаговъ въ журналистикѣ, Надеждину пришлось вмѣшаться въ ожесточенные споры о классицизмѣ и романтизмѣ. Последній, высшимъ представителемъ котораго считался Пушкинъ, былъ горячо защищаемъ его школой и имѣлъ на своей сторонѣ всѣ шансы побѣды. Съ вѣрой въ своего предводителя, школа Пушкина высокоумѣрно относилась къ противникамъ, которые могли выставить лишь устарѣлыя взгляды и тяжеловѣсныя произведенія. Старый „Арзамасъ“ дѣлалъ изъ этого спора простую шутку и глумленіе; Пушкинъ, самъ нѣкогда принадлежавшій къ „Арзамасу“, и его друзья относились къ „классицизму“ не иначе. Школа считала свое дѣло безспорно побѣдившимъ, „романтизмъ“—завоевавшимъ свое положеніе, а въ немъ видѣлся ей истинный успѣхъ русской національной литературы. Надеждину, который вступалъ въ литературу съ горячими желаніями того же успѣха, повидимому, естественно было стать въ рядахъ новой школы. На дѣлѣ, онъ явился ея рѣвкимъ, упорнымъ противникомъ. Къ сожалѣнію, ему пришлось писать сначала (1828) въ журналѣ Каченовскаго, издававшемся плохо, не имѣвшемъ авторитета, вызывавшемъ насмѣшки своими странностями; по приверженцы романтизма скоро увидѣли, что „Никодимъ Надоумко“ (псевдонимъ Надеждина)—противникъ серьезный, не подѣ статью Каченовскому, надъ которымъ они привыкли подсмѣиваться; начались злѣйшія нападенія, неумѣренность которыхъ показывала, что новый критикъ задѣвалъ за живое. Съ 1831 Надеждинъ началъ издавать свой журналъ „Телескопъ“, въ томъ же духѣ, но съ бѣльшимъ вліяніемъ. Въ концѣ концовъ, его взгляды приобрѣтали силу; враги, какъ „Телеграфъ“ Полевого, незамѣтно стали повторять его мысли. Самъ Пушкинъ помѣстилъ въ журналѣ Надеждина извѣстную остроумную полемическую пьесу, подѣ псевдонимомъ Теофилакта Косичкина.

О журнальной дѣятельности Надеждина, см. „Современникъ“, 1856, № 7 (статья о Пушкинѣ, ст. 3-я; и 1856, № 4 („Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, ст. 4-я). Мнѣнія о характерѣ Надеждина (въ петербургскій періодъ его жизни) въ литературныхъ кругахъ, см. у Панаева, Литер. Воспоминанія, Спб. 1876, стр. 149—158, и др.

Въ чемъ былъ предметъ спора? Въ своей автобіографіи Надеждинъ объясняетъ, и это вѣрно съ фактами, что въ тогдашнихъ спорахъ его поражало, что обѣ стороны чрезвычайно темно понимаютъ не только различіе классицизма и романтизма, но и истинный смыслъ и задачи поэзіи, и вообще искусства; романтики легкомысленно повторяли чужія фразы о романтизмѣ, безъ мѣры преувеличивая значеніе нововведеній и теряя смыслъ къ дѣйствительности, къ прошедшему и настоящему литературы. Надеждинъ высоко цѣнилъ гениальный талантъ Пушкина, но это не останавливало его строгихъ осужденій тому, что у самого Пушкина отзывалось ложной манерой школы. Въ новомъ спорѣ, который теперь завязался, столкнулись два различные способа пониманія: „романтики“, Полевой и др., не были теоретиками, довольствовались внушеніями личнаго вкуса, поверхностнымъ пониманіемъ западнаго романтизма; Надеждинъ, напротивъ, былъ именно теоретикъ, образовавшійся на нѣмецкой философіи, дававшій искусству основаніе въ глубокой идеѣ, умѣвшій защищать свои взгляды съ сильной логикой, съ обширнымъ запасомъ знанія. Преувеличенія и легкомысленная пустота большинства „романтиковъ“ бросались ему въ глаза; въ ихъ писаніяхъ онъ не только не видѣлъ успѣха, но находилъ прямой вредъ для литературы; поверхностныя понятія о смыслѣ искусства казались ему настоящимъ „нигилизмомъ“. Надеждинъ не вѣрилъ въ достоинство байроническихъ поэмъ и разныхъ стиховъ, гдѣ вслѣдъ за Пушкинымъ и поэтическая мелкота предавалась самодовольному эпикурейству въ мнимомъ жреческомъ служеніи искусству: Надеждинъ указывалъ ничтожество, на которое разбѣивалось романтическое направленіе, на потерю всякаго чувства дѣйствительности и истинныхъ цѣлей поэзіи. Его статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1828—29 и въ первые годы „Телескопа“ были приготовленіемъ къ тому страстному отрицанію, съ которымъ выступилъ Вѣлинскій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“. Это была потребность и предчувствіе иного развитія литературныхъ силъ, болѣе широкаго захвата жизни: это дали потомъ произведенія Пушкина, въ ихъ цѣломъ, и Гоголь. „Школа“ отошла окончательно въ прошедшее.

Не будемъ повторять того, что было уже указано ¹⁾ изъ этой полемики Надеждина съ романтической школой, и приведемъ рядъ другихъ цитатъ, чтобы выяснить его точку зрѣнія на положеніе литературы въ связи съ цѣлымъ вопросомъ нашего національнаго развитія.

¹⁾ Въ статьяхъ „Современника“ 1855—56: „Гоголевскій періодъ русской литературы“.

Биографъ Надеждина, извѣстный оріенталистъ и археологъ Савельевъ, близко его знавшій, говоря о разбросанности трудовъ Надеждина, при всей обширности его знаній не оставившаго дѣльныхъ крупныхъ трудовъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о его характерѣ: „Въ другой средѣ и при другихъ обстоятельствахъ, Надеждинъ могъ бы ознаменовать свое поприще болѣе сосредоточенными трудами, не вынуждаемый нисходить съ высоты своей эрудиціи на тѣ ступени, которыя, въ зрѣломъ обществѣ, не нуждаются уже въ элементарныхъ пособіяхъ или предоставляются писателямъ второстепеннымъ. Но онъ былъ, прежде всего, человѣкъ своей страны и своего времени, поставляемый обстоятельствами въ разныя среды, съ которыми долженъ былъ идти въ уровень. Этому способствовали и живость его, и *гибкость* характера, которая, при всей твердости ума и мысли, умѣла приноровляться ко всѣмъ попятіямъ и всѣмъ степенямъ образованности“... ¹⁾). Если обратить вниманіе на то, что уже въ то время „Телеграфъ“ говорилъ о „приторномъ патриотизмѣ“ Надеждина ²⁾, то, хотя бы и согласиться съ Савельевымъ, что Надеждинъ „вездѣ оставался вѣренъ идеѣ самостоятельной русской науки, внося ея въ каждый кругъ, гдѣ ни вращалась его дѣятельность“, и что „въ распространеніи ея и состоитъ его несомнѣнная заслуга современному обществу“, надо полагать, что современникамъ была довольно замѣтна „гибкость“ въ его изложеніяхъ русской національной идеи. И дѣйствительно, у него не разъ можно встрѣтиться съ „приторнымъ патриотизмомъ“, или съ тѣмъ способомъ выраженія, который невыгодно для Надеждина напоминалъ писателей совсѣмъ иной категоріи; но тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя свободнымъ, идетъ непреклонная критика господствующаго моднаго направленія—въ пользу сознательнаго труда для литературы народной, или національной.

Въ послѣдующихъ цитатахъ мы встрѣтимся съ тѣмъ и другимъ.

Въ первой, вводной статьѣ „Телескопа“—о современномъ направленіи просвѣщенія—Надеждинъ исполненъ патриотическихъ ожиданій: „Духъ творческаго соревнованія жизни, одушевляющій нынѣ Европу, возвѣялъ и въ нашемъ отечествѣ. Для насъ зачинается эра живой *народной* словесности“ ³⁾. Правда, нашихъ проявленій этого духа еще немного въ сравненіи съ Европой: но Россіи еще предстоитъ

¹⁾ „Р. Вѣсти.“ 1856, № 9, стр. 75.

²⁾ Въ извѣстномъ разборѣ его докторской диссертациі (о романтизмѣ), повторенномъ въ „Очеркахъ русской литературы“ Полевого, Спб. 1839. Ср. также болѣе ясныя отзывы у Панаева, „Литер. Воспоминанія“.

³⁾ Доказательство тому онъ видѣлъ тогда въ басняхъ Крылова и въ „Юріѣ Милославскомъ“, Загоскина.

великое будущее. „Стѣитъ только взглянуть на карту земного шара, чтобы исполниться святого благоговѣнія къ судьбамъ, ожидающимъ Россію. Неужели этотъ колоссъ воздвигнуть напрасно мудрою міродержавною десницею?.. Нѣтъ! Онъ долженъ имѣть великое всемірное назначеніе... Тучи бродятъ надъ Европою; но на чистомъ небѣ русскомъ загораются тамъ и здѣсь мирныя звѣзды, утѣшительныя вѣстницы утра. Всегда-ль должно будетъ ихъ разглядывать въ телескопъ?.. Придетъ время, когда онѣ сольются въ яркую пучину свѣта!..“ (Тел., 1831, т. I, 45—46).

Объясняется названіе журнала, которое одно уже говоритъ, какъ представлялось Надеждину положеніе русскаго просвѣщенія.

Въ первой статьѣ журнала за 1832 годъ продолжается противоположеніе нашего благополучія съ бѣдствіями Европы. „Нашъ царь былъ для насъ животворнымъ свѣтиломъ... И тогда какъ Европа, привѣтствуя утѣшительную будущность, не можетъ не чувствовать раскаянія и стыда, мы вступаемъ теперь въ новый годъ съ чистой неомрачаемой радостью“ (т. I, стр. 10). Но, какъ сейчасъ мы увидимъ, онъ высоко уважаетъ эту вающуюся Европу, и въ томъ же томѣ журнала (вѣроятно, болѣе искренно) рисуетъ, съ народно-патріотической точки зрѣнія, печальную картину жалкаго положенія русскаго просвѣщенія.

Въ „Отчетъ за 1831 годъ“ Надежинъ изумляется „необыкновенной скудости“ и бесплодію русской литературы. Она бывала, однако, богата; у нея былъ Ломоносовъ, Державинъ, и есть Жуковскій, Пушкинъ, Дмитріевъ и Крыловъ. Неужели же для нашей молодой литературы уже начинается упадокъ? (это—во время процвѣтанія романтизма). „Наше младенчество отзывается старостью и хилостью... Неужели наше просвѣщеніе отцвѣло, не разцвѣтши? Неужели намъ суждено, не живши, состарѣться?“

Авторъ не думаетъ этого; но онъ видитъ застой и приписываетъ его—могуществу чуждаго вліянія, отяготѣвшаго надъ нами съ самыхъ первыхъ минутъ нашего пробуденія, т.-е. при Петрѣ Великомъ.

Это чуждое вліяніе съ одной стороны было благотѣльно, потому что „вдвинуло насъ въ составъ просвѣщеннаго міра, отъ котораго отдѣлялись мы глухою, непроходимою стѣною, и дало намъ возможность участвовать въ умственномъ капиталѣ человѣчества, накопленномъ совокуными силами народовъ, въ продолженіе тысячелѣтій“. Но съ другой стороны, вліяніе было вредно ¹⁾:

¹⁾ Пусть читатель не посѣтуетъ на насъ за обиліе цитатъ изъ статей Надеждина: мы убѣдились собственнымъ опытомъ, что полный экземпляръ журнала Надеждина есть уже великая библиографическая рѣдкость. Въ Петербургѣ изъ большихъ,

„Открывшаяся передъ нами роскошь европейскаго просвѣщенія ослабила нашу неопытность; мы захотѣли немедленно наслаждаться ею, позабывъ, что она стоила Европѣ тмочисленныхъ трудовъ, вѣковыхъ усилій. Чтобы приобрѣсть законныя права на сіе наслажденіе, надлежало обратитъ богатство европейской образованности въ нашу собственность, приспособитъ ее къ русскому духу и возрастить, собственными силами, изъ внутреннихъ соковъ русской жизни. Это требовало трудовъ, которые показали намъ тяжелы и скучны“... (Мы просто пересадили чужія растенія, которыя, питаясь русской почвой, все-таки остаются чужими)... „Тяжело, а должно признаться, что доселѣ наша словесность была—если можно такъ выразиться—барщипной европейской; она обрабатывалась руками русскими не по-русски; истощала свѣжіе неистощимые (?) соки юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ, не нашихъ. Что у насъ теперь своего? Поэтическій нашъ метръ выкованъ на германской наковальнѣ; проза представляетъ вавилонское смѣшеніе всѣхъ европейскихъ идиотизмовъ, нараставшихъ поочередно слоями на дикую массу русскаго неразработаннаго слова. Какими произведеніями можемъ мы похвалиться, какъ нашими собственными? Театръ у насъ представлялъ всегда жалкую пародію французской чопорной сцены; обь эпопеехъ и говорить нечего; лирическое одушевленіе времяемъ очажковскихъ выливалось въ официальныхъ формулахъ, общихъ всей Европѣ; въ балладахъ, конми смѣнилось царство одь, развертывалась нѣмецкая трескучая фантазмагорія ¹⁾; современныя поэтическія мечты, думы, грезы отзываются или, по крайней мѣрѣ, хотя бы отзываются байронизмомъ. Такимъ образомъ благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ напротивъ обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной приужденности. Обыкновенно ставятъ это въ вину и въ укоръ русскому характеру, признавая его неспособнымъ къ самообразной производительности: но не будемъ слишкомъ строги къ самимъ себѣ. Не одна наша словесность терпнть сію участь“... (и въ примѣрѣ приведены маленькія литературы, которыя даже старше насъ по европейскому просвѣщенію: шведская, датская, голландская).

„Само собою разумѣется, что сіи насильственные наросты не могли укореняться глубоко въ литературной нашей почвѣ и разрастаться богатою жатвою. Напротивъ, они весьма скоро выцвѣтали, блекли и опадали“... (Направленія и моды быстро мѣнялись: Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ; новѣйшее направленіе тоже недолговѣчно: „новое броженіе, пробужденное своеирравными капризами Пушкина, метавшагося изъ угла въ уголъ (!), угрожало также всеобщаею эпидеміею, которая развѣялась собственно вѣтротлѣнностью“). „Кончилось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно оканчивается всякое круженье—утомле-

болѣе или менѣе доступныхъ библіотекъ, полный экземпляръ есть только въ Публичной Библіотекѣ; въ другихъ—не имѣется.

Отсутствіе изданія сочиненій Надеждина свидѣтельствуетъ лишній разъ о томъ, какъ слабо у насъ пониманіе образовательныхъ интересовъ общества, и—вина тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была возможность такого изданія. Сочиненія Надеждина могли бы имѣть много полезнаго дѣйствія въ свое время; теперь, онѣ уже ставятся только историко-литературнымъ матеріаломъ.

¹⁾ Въ томъ же году, по поводу повѣстей Рудаго Паньва, т.-е. Гоголя, Надеждинъ указывалъ—„до какой высокой степени можетъ быть поэтизирована славянская народная фантазмагорія“ (1832, V, стр. 107).

ніемъ, охладѣніемъ, усыпленіемъ! Пустота, естественное слѣдствіе безразсуднаго расточенія силъ, обнаружила сама себя повсюду“. (Война между классицизмомъ и романтизмомъ заставила самоувѣренность признаться въ своей внутренней ничтожности).

(Упадокъ—явный; но наконецъ долженъ проивойти поворотъ). „Въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности. Направленіе сіе ощутительно отчасти и въ высшихъ слояхъ нашего литературнаго міра. Романы Загоскина, въ коихъ русская народность выработана до идеальнаго изящества,... между собственно-поэтическими произведеніями, „Борисъ Годуновъ“ (Пушкина) и „Марѳа Посадница“ (изданная Погодинымъ) отличаются глубокою народностью... Но блистательнѣйшимъ разсвѣтомъ русской народности поэзіи порадовала насъ прекрасная сказка Жуковскаго ¹⁾, явившаяся на рубежѣ истекшаго года“... ²⁾.

Въ приведенной цитатѣ выраженія о русскомъ духѣ оставались неопредѣленны:—какъ приспособить европейскую образованность къ этому духу, какъ возрастить ее изъ внутреннихъ его соковъ?—но рѣзко обозначено подавляющее вліяніе этой образованности, и требованіе самостоятельнаго труда, естественности и народности. Въ тогдашнемъ запасѣ литературы было еще мало произведеній, которыя подходили бы къ этому требованію, и Надеждинъ, рядомъ съ „Борисомъ Годуновымъ“, радуется сочиненіямъ Загоскина, Погодина, сказкѣ Жуковскаго, баснямъ Крылова: но онъ съ вѣрнымъ чутьемъ угадывалъ близость поворота къ желанной полной „самообразной производительности“. Поворотъ наступалъ уже въ ту минуту: появились первыя произведенія Гоголя. Надеждинъ съ перваго раза восхищался его разсказами, а когда въ два-три года явились еще новыя произведенія Гоголя, то въ томъ же журналѣ ученикъ Надеждина, Бѣлинскій, съ восторгомъ привѣтствовалъ въ нихъ новый наступающій періодъ русской литературы. Вопросъ о „классицизмѣ“ и „романтизмѣ“ провалился сквозь землю.

Но пока онъ еще былъ въ наличности. Надеждинъ возвращается къ нему еще нѣсколько разъ, и въ томъ же году о немъ напоминали новыя стихотворенія Пушкина ³⁾. Отношеніе Надеждина къ Пушкину выше указано: въ той самой статьѣ, о которой мы здѣсь гово-

¹⁾ Это была „Сказка о спящей царевнѣ“, напечатанная въ „Европейцѣ“, И. В. Кирѣевскаго.

²⁾ „Отчетъ за 1831 годъ“, Телескопъ 1832, I, стр. 147—159. Въ той же книжкѣ, стр. 167 и слѣд., помѣщена университетская рѣчь М. А. Максимовича—о русскомъ просвѣщеніи, развивающая ту же основную мысль: европейское просвѣщеніе стало нашею потребностью; но стремленіе это, дошедши до крайности, должно было разрѣшиться „отчетнымъ сознаніемъ, которое столь прилично европейской просвѣщенности“, и ознаменоваться обращеніемъ къ своему, народному.

³⁾ „Телескопъ“, 1832, III, стр. 108 и слѣд.

нымъ преданіямъ, поэзіи; теперь призываютъ насъ вернуться „назадъ, домой“... Надеждинъ думалъ иначе. Какъ ни возставалъ онъ противъ подчиненности Европѣ, „обращеніе духа внутрь себя“ вовсе не обозначало для него возвращенія къ отжитой старинѣ.

По поводу историческихъ романовъ Полевого, Свиньина, Масальскаго, Лажечникова, Надеждинъ возвратился къ поставленному раньше вопросу: даетъ ли русская старина поэтической матеріалъ для обновленія народнаго духа въ литературѣ, какъ онъ это видѣлъ въ литературѣ европейской ¹⁾).

По взгляду Надеждина, „романъ“ есть именно романъ историческій, потому что для картины романа нужно законченное, определенное состояніе общества. Онъ естественъ и богатъ именно тамъ, гдѣ была богатая событіями и мыслью *исторія*. Такъ богата, напри- мѣръ, исторія французская, даже самая новѣйшая. „При быстротѣ переměнъ событія, которыя намъ кажутся современными, во Франціи имѣютъ полное право поступать въ вѣдомство исторіи и романа. Министерство Виллеля наравнѣ съ министерствомъ Ришелье записывается въ скрижали исторіи и представляется въ романической косморамѣ: баррикады іюльскія идутъ объ руку съ баррикадами Лиги“ ²⁾)... Обращаясь къ вопросу о возможности русскаго историческаго романа, Надеждинъ набрасываетъ оригинальный взглядъ на русскую исторію.

„Теперь естественно представляется вопросъ, до котораго мы дошли и прежде,—начинаетъ Надеждинъ:—есть ли у насъ матерія для романа, имѣемъ ли мы *прошедшее*? Съ перваго взгляда такой вопросъ можетъ заставить многихъ улыбнуться; но мы просимъ терпѣливо насъ выслушать. Конечно, по лѣтописцамъ и хронографамъ, народу русскому считается около десяти вѣковъ непрерывнаго быта. Восемь столѣтій уже исповѣдуемъ мы христіанскую вѣру; и почти за шесть вѣковъ можемъ представить письменные документы нашего существованія. Но чтѣ это было за существованіе? жили ли подлинно народъ русскій въ это длинное тысячелѣтіе? Оставляя времена „великановъ сумрака“, Рюрика и Олега, коихъ самое бытіе оказывается историческою проблемою ³⁾), взглянемъ на такъ называемый періодъ удѣльной системы, коимъ поглощается первая половина тысячелѣтняго цикла нашихъ воспоминаній. Чтѣ представляютъ намъ въ эти пять вѣковъ отечественныя преданія? Дремучій гдѣсь величннхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса. Напрасно живописное краснорѣчіе Карамзина усиливалось оцѣнить сію мрачную пустоту риторическою прелестью разсказа: его исторія удѣльной Руси не могла возвыситься до степени живой исторической картины и, при всемъ наружномъ великолѣпіи своего убранства, остались сухою, мертвою хроникою. Нелзя по-

¹⁾ См. „Телескопъ“, 1832, IV, стр. 233—246.

²⁾ Последнее представляли тогда романы Бальзака.

³⁾ Это думалъ Надеждинъ, имѣя въ виду дѣйствовавшую тогда „скептическую школу“—Каченовскаго и его послѣдователей.

ставить это въ вину искусству историографа: ему не съ чего было списывать! Нельзя жаловаться и на скудость лѣтописей: имъ нечего было записывать! Нашъ удѣльный періодъ былъ періодомъ хаотическаго броженія разнородныхъ частицъ, изъ которыхъ должна была выработаться жизнь народа русскаго... Тѣ ошибаются, кои считаютъ междуособія, наполняющія сей періодъ, признаками напряженія жизни и потому сравниваютъ состояніе Руси удѣльной съ драматическимъ волненіемъ древнихъ греческихъ или среднихъ итальянскихъ республикъ, такъ поэтически изображенныхъ кистью Фукидида и Сисмонди. Нашего удѣльнаго періода нельзя даже сравнивать съ меровейскимъ періодомъ французской исторіи, заклеяннымъ въ исторіи чертой *тунейства* ¹⁾. Сей послѣдній не былъ и не могъ быть чуждъ жизни: ибо во время его не приготавлилось новое твореніе народа, прежде не существовавшего, а совершалось пересозданіе римской обветшавшей гражданственности, чрезъ водвореніе на развалинахъ ея новыхъ пришельцевъ"... (Слѣдуютъ историческія объясненія объ эпохѣ меровинговъ). „Посему возможность романтической переработки древней французской исторіи для насъ очень понятна...

„Но у насъ какая рѣшительная противоположность, какое безконечное различіе! Наша національная жизнь, наша исторія развивается совсѣмъ иначе, при другихъ условіяхъ, по другимъ законамъ! Русскій народъ отличается отъ всѣхъ новыхъ европейскихъ народовъ тѣмъ, что сотворилъ самъ себя, изъ себя самого, не чрезъ возсозданіе обветшалыхъ элементовъ пріобщеніемъ новыхъ, а самобытно и самоизжительно... Въ многосложной массѣ настоящаго европейскаго населенія, это слой чисто первородный! Въ продолженіе первыхъ шести вѣковъ, составляющихъ нашу исторію до Іоанна III, слой сей только что кристаллизовался, если можно такъ сказать, физически, наполняя собой обширное пространство европейскаго востока, отведеннаго ему въ удѣль... Въ сей чисто инстинктуальной, механической потребности расширенія, составляющей, по общимъ законамъ бытія, первое условіе всякаго органическаго образованія, заключается причина разъединенія древней Руси“ (т.е. въ удѣльной системѣ)... „Сіе непреодолимое стремленіе къ расширенію должно бы было кончиться совершеннымъ разрушеніемъ народнои цѣлости... Но, по мудрымъ уставамъ Промысла, народу русскому не суждено было погибнуть! Въ то время какъ Русь была готова совершенно распасться и потерять навсегда самобытную свою цѣлость, иго татарское отяготѣло надъ нею. Сіе иго, подавивъ собою землю русскую, сократило ея необузданную расширяемость. И когда, послѣ первыхъ минутъ оцѣпенѣнія, въ поработанномъ, но несокрушенномъ народѣ, пробудилось снова самочувствіе, то его дѣятельность, по естественной реакціи, приняла обратное направленіе, устремилась внутрь себя, начала тяготѣть къ средоточію. Развитие сего новаго, центростремительнаго направленія занимаетъ собою послѣднюю половину удѣльнаго періода нашей исторіи. Въ продолженіе ея, великокняжескій титулъ, какъ видимый символъ средоточнаго національнаго единства, долго носился по всѣмъ концамъ земли русской, не находя твердой точки, гдѣ бы могъ неизблемо укорениться. Переходя изъ Владиміра то въ Тверь, то въ Нижній Новгородъ, заходя даже въ Рязань и Смоленскъ, онъ удержался, наконецъ, въ Москвѣ, гдѣ превратился въ краеугольный камень единоподержавія, коимъ началась истинная органическая жизнь народа русскаго. Вотъ, по нашему мнѣнію, подлинное значеніе такъ-называемаго удѣльнаго періода нашей исторіи! Это былъ,—повторимъ снова,—періодъ фн-

¹⁾ Здѣсь разумѣются такъ-называемые *cois-fainéants*.

зическаго образованія массы, изъ которой долженъ былъ выработаться народъ-русскій! Живни въ собственномъ смыслѣ тогда не было и не могло быть: ибо жизнь требуетъ могущественнаго начала духа, коимъ бы пропиталась и двигалась тяжелая вещественная масса. Но въ то время что могло быть симъ животворнымъ началомъ? Единство политическаго состава? Оно не существовало! Единство общихъ идей? Ихъ не было! Русскіе, во время удѣловъ, не имѣли ни общихъ идей объ отечествѣ; ибо каждый считалъ свою родину своей отчизной; киевлянинъ ненавидѣлъ сѣверянина, рязанецъ владимірца; ни общихъ идей о правѣ, ибо всякій князь судилъ и радилъ по своему ¹⁾; ни даже наконецъ общаго слова; ибо языкъ, раздробленный на многочисленныя нарѣчія по всей обширности древней русской земли, нигдѣ не достигъ литературнаго образованія, которое одно возводитъ его на степень всеобщей національной рѣчи. Отсюда — рѣшительное отсутствіе не только драматическаго движенія, но даже пластической изобразительности въ воспоминаніяхъ нашей древней исторіи. При совершенномъ бедѣйствіи пружинъ, коими возбуждается народная дѣятельность, у насъ не могло выражаться тогда ни одного глубокаго характера, ни одной рѣзкой фисіономіи.. Все различіе фисіономій, сохранныхъ намъ лѣтописцами, заключается въ болѣе или менѣе рѣзкихъ оттѣнкахъ набожности... Коротко сказать: нашъ древній удѣльный періодъ получаетъ нѣкоторую жизнь только въ сказаніяхъ Патерника и Четивъ-Миней. Для исторіи онъ мертвъ: тѣмъ болѣе для романа! И еслибъ кто вдумалъ освѣтить лучами фантазіи таинственную мглу его, то онъ могъ бы создать развѣ поэтическую легенду, изъ христіанскихъ благочестивыхъ преданій!..

„Такимъ образомъ изъ тысячелѣтнаго цикла нашей исторіи, шесть вѣковъ не принадлежатъ собственно біографіи народа русскаго... Съ Іоанна III должно считать собственно жизнь русскаго народа. Но и здѣсь цѣлые два вѣка протекли еще въ младенческихъ нестройныхъ движеніяхъ организующагося государства... Въ продолженіе ихъ, Россія съ неимоверною скоростью протекла всѣ періоды органическаго государственнаго развитія, для совершенія коихъ европейскому западу потребно было цѣлое тысячелѣтіе. Отсюда сіи два столѣтія представляютъ удивительную фантазмагорію быстрыхъ, внезапныхъ переворотовъ, кои тѣснятъ и обгоняютъ другъ друга. Царствованіе Іоанна IV, распадающееся на двѣ, столь противоположныя другъ другу, половины, представляетъ въ себѣ любопытное совмѣщеніе, съ одной стороны прекрасной рыцарской эпохи, когда Казань и Астрахань, Ливонія и Сибирь, оглашались славными подвигами героевъ русскихъ, съ другой, — мрачнаго періода тиранніи, гдѣ могущественная пята царя московскаго раздавила на самомъ цвѣту ювоній всходъ русскаго феодализма. Наши народныя войны съ поляками, во времена Самозванцевъ, имѣли весь энтузіазмъ и всю святость крестовыхъ походовъ. Установленіе патріаршества усилило іерархическій элементъ въ новой организациі государства русскаго, который, въ лицѣ Никона, возвысился до отчаянной Гильдебрандской борьбы съ самодержавіемъ и, вмѣстѣ съ Никомъ, пожралъ самъ себя. Наконецъ нашъ Петръ воплотилъ въ себѣ реформацію!.. Всѣ сіи великіе перевороты, столпившіеся въ тѣсномъ промежуткѣ двухъ столѣтій, натурально не оставляли времени юному исполнну русскому подержаться на одной постоянной точкѣ, выработать себѣ опредѣленную фисіономію и проявиться въ цѣломъ мірѣ оригинальныхъ характеровъ и дѣй-

¹⁾ „Русскую Правду“ Надеждинъ считалъ „мѣстнымъ обрядникомъ, перенатымъ у чужеземцевъ“.

ствій. Въ сіи два столѣтія, лицо его, подобно лицу младенца, мѣнялось безпрестанно, ни одна черта не могла надрѣзаться на немъ глубоко, ни одной характеристической примѣты не могло удержаться долго. Всѣ движенія его были мгновенныя, летучія: вся жизнь — порывъ, наступленіе!.. Посему и эти два вѣка представляютъ не роскошную жатву для русскаго историческаго романа. Въ нихъ много эпическаго величія и лирическаго одушевленія, но мало драматической полноты жизни! Это ничѣмъ столько не подтверждается, какъ примѣромъ *Юрія Милославскаго*, коего истинное достоинство состоитъ въ лирическомъ оживленіи самаго торжественнаго момента сей блистательной эпопеи! Да и не здѣсь ли должно искать изъясненія драматической неполноты *Бориса Годунова!*..

„Итакъ, гдѣ же начинается полная русская исторія?.. Не дальше Петра Великаго! Слѣдовательно, все наше прошедшее ограничивается однимъ вѣкомъ! Мы живемъ пока въ первой главѣ нашей исторіи! И эта первая глава такъ свѣжа, такъ нова!.. Исторія еще не давала себѣ права до нея касаться“..

Такимъ образомъ, призывъ „народнаго духа“ вовсе не обозначалъ грубаго возвращенія къ XVII вѣку, которое проповѣдовалось потомъ славянофилами и обскурантами. По взгляду Надеждина, физиономія русской народности въ тѣ вѣка еще не установилась: она мѣнялась безпрестанно, подобно лицу младенца, и это справедливо, — потому что дѣйствительно все еще шло воспринятіе новыхъ этнологическихъ элементовъ, новыхъ историческихъ условій и опытовъ, новыхъ знаній и образованности. *Полная* русская исторія начинается только съ Петра Великаго, — т.-е. съ утвержденія Россіи, какъ государства европейскаго, съ первыхъ прочныхъ начатковъ общечеловѣческаго просвѣщенія: это опять было справедливо — потому что только разумно управляемое государство даетъ возможность развитія народныхъ силъ, и только просвѣщеніе даетъ „народному духу“ средство къ самосознанію.

Въ „Обозрѣніи русской словесности за 1834 годъ“¹⁾, Надеждинъ опять возвращается къ темѣ о „запустѣніи“, о „старческомъ изнуреніи“, постигшемъ нашу литературу „въ такой ранней молодости“, и причину опять указываетъ въ ея несчастной подражательности.

„Крайность литературнаго изнеможенія, въ коемъ мы годъ отъ году погружаемъ глубже“²⁾, естественно должна была открыть глаза многимъ и внушить, если не ясную, опредѣленную мысль, по крайней мѣрѣ глубокую, настоятельную потребность восстановленія, перерожденія. Отсюда возрастающій съ нѣкотораго времени стыдъ прежняго, слѣпнаго пристрастія къ чужому; отсюда — суетливость о своемъ, отечественномъ, русскомъ, всюду обнаруживающаяся, въ различныхъ видахъ! Можетъ быть, у иныхъ, это слѣдствіе того же

¹⁾ „Телескопъ“, 1835, I, стр. 5—16.

²⁾ „Даже безконечная жизнь *Евгенія Оныгина*, — замѣчаетъ онъ передъ тѣмъ, — прекратилась; даже нестоимая фамилія *Выжигиныхъ* перестала давать новыя отродья“.

обезьянства: тѣмъ лучше, что зло само для себя служитъ антидотомъ, что кливъ выбивается кливомъ! Но отъ чего жъ это спасительное противудіе распространяется такъ медленно, дѣйствуетъ такъ слабо?..

„Литература есть пульсъ внутренней жизни народа. Но внутренняя жизнь слагается изъ двухъ составныхъ началъ: умственнаго начала мысли и дѣятельнаго начала эвергіи. Гдѣ сѣ началъ не достигли степени должнаго развитія, тамъ жизнь еще дремлетъ, литература нѣмощствуетъ!“..

Мысль есть необходимая принадлежность человѣческой природы; но есть примѣры цѣлыхъ народовъ, какъ будто обиженныхъ въ этомъ отношеніи. Въ древности, віотійцы прославились тупоуміемъ; теперь, Китай и Японія казались Надеждину осужденными на младенческое слабоуміе. „Была пора,—замѣчаетъ Надеждинъ,—и даже весьма недавно, когда насъ, русскихъ, разумѣли не лучше“, а теперь, хотя не сомнѣваются въ нашемъ умѣ, но еще мало увѣрены, способны ли мы къ самобытному творчеству. Дѣйствительно, у насъ мыслители рѣдки, и мыслятъ они лѣниво и застѣнчиво. „Ни по какой отрасли наукъ мы не можемъ представить *собственно нами* добытой *собственно намъ* принадлежащей лепты, которая-бъ, съ русскимъ штепелемъ, была пущена во всемірный оборотъ, присовокуплена къ общему капиталу современнаго просвѣщенія“.

Отчего это?—на этотъ вопросъ Надеждинъ даетъ весьма опредѣленный отвѣтъ, который ясно указываетъ его взглядъ на потребности „народнаго духа“ и который, хотя высказанъ болѣе полувѣка назадъ, при всѣхъ успѣхахъ русской науки остается и теперь совершенно вѣренъ для массы русскаго общества.

„Въ русской головѣ,—говоритъ онъ, —достанетъ мозгу на многое, но къ сожалѣнію, это богатое вещество не обрабатывается надлежащимъ образомъ... Мы учимся очень худо—такъ худо, что должны стыдиться самихъ себя“. (Благодаря заботамъ правительства, средства къ образованію у насъ постоянно умножаются)—„но какъ отвѣтствуемъ мы на сѣ предупредительныя, призывныя мѣры? Не вынуждаемъ ли мы нашимъ непростительнымъ хладнокровіемъ, для того чтобы заманить насъ въ классы, привѣшивать къ дверямъ классныя чины; для того, чтобы усадить насъ за книги, обертывать ихъ въ табель о рангахъ! Какъ ни тяжело, а должно сознаться, что искренняя, безкорыстная любовь къ ученію есть пока у насъ явленіе весьма рѣдкое, а безъ сей любви никакая наука не дается, развѣ на прокатъ, для выставки. Спрашивается: какое вліяніе должна имѣть подобная *закосность умственнаго образованія* на литературу? У насъ доселѣ существуетъ ложное предубѣжденіе, будто между ученостью и литературою нѣтъ никакого соотношенія, кромѣ развѣ непризнаннаго. Предполагаютъ, что литературѣ подъ вліяніемъ учености тяжело, трудно, удушливо. Но не такъ думаютъ въ другихъ странахъ Европы, гдѣ по большей части одно и то же слово означаетъ и литературное, и ученое; гдѣ школы считаются необходимыми преддверіемъ жизни; гдѣ словесность есть не что иное какъ шнуровая книга современнаго капитала идей и знаній... Безъ сомнѣнія, и у насъ не прежде должно ожидать литературы живой, самобытной, какъ въ то время, когда мысли нашей дастся *свѣжій, укрѣпляющій воз-*

...изощренный упражненіемъ, обогащенный наукою, выработавший въ ходъ достаточное количество идей свѣтлыхъ, животворныхъ, понятія, слово—пустой звукъ; безъ идей, литература — мѣдъ зве-

...сосредоточенное напряженіе всѣхъ нашихъ силъ могуще-
...вердой воли: безъ того невозможенъ ни одинъ шагъ впе-
...въ знаніяхъ, ни собственно въ литературѣ...

...томъ же смыслѣ написана характерная статья о русской
...), гдѣ бѣдность этой поэзіи объясняется недостаткомъ серъ-
...сильной общественной жизни, и этотъ недостатокъ изобра-
...рѣзкими полемическими чертами...

...поэзія, — говоритъ Надеждинъ, — существуетъ не въ одномъ словѣ, не въ
...выпгахъ. Слово есть выраженіе, органъ, тѣло поэзіи; но душа ея за-
...ется въ душѣ. Основаніемъ поэзіи слова должна быть поэзія мыслей
...дѣйствій, поэзія чувствованій... *Гдѣ жъ у насъ поэзія?* Я не нахожу
...нашемъ народномъ мышленіи, ибо у насъ еще нѣтъ своего русскаго, са-
...аго и самообразнаго мышленія. Много ли у насъ мыслящихъ даже чу-
...выноснымъ умомъ? Не ограничивалась ли доселѣ вся мысленная наша
...ность жалкимъ подбораньемъ крохъ съ богатой транзеы европейскаго
...щенія? И эти крохи обращаются ли въ сокъ и кровь нашего умствен-
...организма?... Всякая умственная дѣятельность начинается съ самопо-
...и; но сознали ль мы себя какъ русскихъ, объяснили ль настоящее наше
...женіе въ системѣ рода человѣческаго; опредѣлили ль должныя отношенія
...кружающей насъ природѣ, къ развивающейся вокругъ насъ жизни? Мы
...не знаемъ самихъ себя... Мы не думаемъ о себѣ; о чемъ же можемъ ду-
...тъ? Отъ того-то всѣ наши умственные труды представляютъ такой смут-
...й, безобразный хаосъ; отъ того-то мысли наши толкуются взадъ и впередъ,
...дутъ и сбиваютъ другъ друга, словно въ вавилонскомъ столпотвореніи. Тамъ
...итскій фатализмъ съ французскимъ легкомысліемъ, здѣсь нѣмецкая мечта-
...тельность съ англійскимъ сплинномъ! Какъ же тутъ искать, гдѣ тутъ быть по-
...и? .. Ея нѣтъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ, въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ,
...въ нашихъ общественныхъ правахъ. Ибо, что наша жизнь, что наша обще-
...ственность? Либо глубокой, неподвижный сонъ, либо жалкая игра китайскихъ,
...бездушныхъ тѣней. Поэзія правовъ состоитъ въ ихъ живомъ, искреннемъ,
...самообразномъ развитіи: она невозможна безъ сильныхъ, глубокихъ страстей,
...вызванныхъ со дна души, не внѣшнимъ давленіемъ расчетовъ, но избыткомъ
...внутренней полноты... А у насъ будто есть страсти?... По имени, они всѣ
...есть у насъ: по это не страсти, а страстишки, мелкія, ничтожныя, презрѣнныя.
...Не стану распространяться о томъ, что слишкомъ извѣстно: не буду описывать
...подробно всей сухости, всей пустоты, всей мертвой безцвѣтности нашихъ пра-
...вовъ; скажу одно, въ чемъ заключается все. Лучшій цвѣтъ общественной
...жизни, ея высочайшая поэзія выражается въ женщинѣ, прекраснѣйшемъ созда-
...ніи, коимъ увѣнчался прекрасный міръ божій! Но что у насъ женщина? Призна-
...юсь, я не могъ доселѣ составить себѣ идеала женщины русской: я не знаю
...элементовъ, изъ которыхъ бы онъ могъ быть составленъ. Я и не ищу въ на-

¹⁾ „Письма въ Кіевъ, къ М. А. М.—чу (Максимовичу), о русской литературѣ. Письмо первое: Куда дѣвалась наша поэзія“, въ „Телескопѣ“ 1885, т. I, стр. 149—158.

шесть обществъ женщины Бальзака, этой дивной поэмѣ, для созданія коей потребно было двѣнадцать вѣковъ непрерывно возрастающей цивилизаціи... Можно бы было удовольствоваться малѣйшимъ бѣніемъ жизни, малѣйшею искоркою огня; но жизни своей, не ваятой на прокатъ изъ магазина; но огня настоящаго, не поддѣльнаго, не выписного, не сшитаго изъ тряпья, раскрашеннаго красною краскою, какъ огонь театральный!.. Да, у насъ нѣтъ женщины, нѣтъ, стало и любви, перваго, необходимаго условія поэзіи жизни... Наши нравы или суздальской иконной работы, или китайской шпалерной живописи, только въ шляпкахъ Гербо, съ прическою г. Нарцисса! Въ нихъ нѣтъ души, нѣтъ жизненнаго румянца, нѣтъ произвольнаго движенія. Гдѣ-жъ тутъ быть поэзіи?..—Итакъ, если мы хотимъ искать, если мы надѣемся сыскать у себя поэзію, надо ограничиться словомъ, прибѣгнуть къ книжному міру, вслушаться въ паденіе стога, въ соввучіе рѣжъ, нѣтъ ли тамъ поэзіи“...

Остановимся, наконецъ, на статьѣ послѣдняго года „Телескопа“, гдѣ въ послѣдній разъ высказываются эти общіе взгляды Надеждина.

Статья называется: „Европеизмъ и народность въ отношеніи къ русской словесности“¹⁾.

„Странный вопросъ, странный споръ занимаетъ теперь нашу критику,—начинаетъ Надеждинъ,—или, лучше, составляетъ единственный признакъ (не хочу сказать — призракъ) литературнаго самосознанія въ нашемъ отечествѣ. При всей очевидности быстро, непрерывнаго возрастанія нашей литературной производительности — когда итоги книжнаго бюджета годъ отъ году увеличиваются въ каталогахъ и отчетахъ... у насъ существуетъ сомнѣніе, идетъ споръ: есть ли въ нашемъ отечествѣ литература!“—(Надеждинъ разумѣетъ, конечно, споръ, возбужденный первыми статьями Бѣлинскаго). По-видимому, не стоило бы обращать вниманіе на такой дикій парадоксъ; но на дѣлѣ, не смотря на темную безвѣстность людей, возстающихъ противъ русской словесности, на ихъ плебейскую безыменность въ литературной іерархіи, ихъ выходки „потревожили заслуженныхъ, именитыхъ ветерановъ книжнаго дѣла, возмутили ихъ сладкій покой на благопріобрѣтенныхъ лаврахъ, взволновали патристическую желчь, оскорбили народную гордость“. Но понятно, откуда идетъ озлобленіе этихъ ветерановъ, отчего они „хватаются за ржавый мечъ тяжелыхъ остротъ и пошлыхъ ругательствъ“: дѣло въ томъ, что сомнѣнія безыменныхъ плебеевъ вовсе не ничтожны, какъ ихъ хотятъ представить; ихъ выходки проникнуты живымъ, задушевнымъ чувствомъ; они—не только не „ренегаты, отпирающіеся отъ своего отечества“, но напротивъ, въ нихъ „ярко свѣтитъ самый благороднѣйшій патриотизмъ, горитъ самая чистѣйшая любовь

¹⁾ „Телескопъ“, 1896, I т. (XXXI дѣлаго изданія), стр. 5—60, 203—264.

къ славъ и благу истинно русскаго просвѣщенія, истинно русской литературы“. Надеждинъ съ негодованіемъ отвергаетъ эти обвиненія: неужели тотъ — отступникъ, кто съ прискорбіемъ видитъ слабость своеземнаго образованія, неразвитость своего языка, кто съ ожесточеніемъ вопіетъ противъ людей, которые изъ слѣпой гордости или по другимъ побужденіямъ усиливаются задержать наше просвѣщеніе и нашу литературу въ томъ низменномъ состояніи, „которое доннѣ возбуждаетъ къ намъ одно жалкое презрѣніе европейскихъ нашихъ собратій?“ Нѣтъ:

„Будь благословенно это отступничество отъ пагубнаго самообольщенія ложной гордости, примѣръ коего поданъ намъ Великимъ изъ Великихъ, Отцомъ и Звѣздителемъ настоящаго величія Россіи!“

Въ сущности, этотъ споръ именно доказываетъ, что у насъ есть, наконецъ, литература живущая, самосознающая. Въ этомъ не трудно убѣдиться. „Пусть всякій русскій положитъ себѣ руку на сердце и скажетъ по совѣсти: неужели это сердце не содрогалось никогда отъ громовыхъ звуковъ Державина, не расширялось сладкимъ умиленіемъ при задумчивой пѣснѣ Жуковскаго, не горѣло и не кипѣло при иномъ раскаленномъ стихѣ Пушкина?“ Все, что возбуждаетъ живое сочувствіе, само должно быть живо. Въ чемъ же состоитъ эта жизнь литературы?

Всякая жизнь, и литературная въ томъ числѣ, говоритъ Надеждинъ, слагается изъ двухъ противодѣйствующихъ элементовъ, центростремительнаго и центробѣжнаго, различное дѣйствіе которыхъ производитъ два основныя явленія развитія. Въ одномъ періодѣ, литература народа стремится выразить его особую личность, народный духъ со всѣми его чертами, родимыми пятнами. „Это направленіе есть безусловная, исключительная *народность* литературы, составляющая отличительный характеръ всѣхъ *первыхъ* періодовъ литературной жизни, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ“. Но творческій геній народа встрѣчается затѣмъ съ другими соприкосновенными народами и, „по закону естественнаго сочувствія, по закону взаимнаго притяженія, коимъ держится цѣлостъ и единство вселенной“, беретъ участіе въ ихъ жизни, пользуется ихъ приобрѣтеніями, и сообщая съ ними стремится продолжать свое безконечное развитіе. Отсюда—другая сторона литературы,—ея стремленіе къ *общности*, къ „чужажданству“: „сей характеръ въ большей или меньшей степени принадлежалъ всѣмъ литературамъ, совершившимъ вполнѣ поприще жизни“. И такъ, оба направленія законны, и здоровое развитіе литературы состоитъ въ правильномъ ихъ *соединеніи и взаимности*. „Но горе, если одно направленіе—какое бы ни было—возьметъ рѣшительный верхъ надъ другимъ, ограничится самимъ собою, вопа-

рится единой державно въ духѣ народа! Тогда литературная жизнь, какъ бы ни была могуча въ корнѣ и широка въ развитіи—подвергается неминуемой опасности засохнуть на цвѣту, умереть преждевременно. Коснѣя въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, безъ движенія, которое возможно только при взаимномъ сраженіи противоположныхъ элементовъ,—она застаивается и гниетъ, какъ атмосфера, не потрясаемая электричествомъ, какъ запертое со всѣхъ сторонъ озеро, чуждое волненій“. И такъ, для успѣховъ литературы вообще необходимо гармоническое сліяніе обоихъ направленій: „литература живая должна быть плодомъ *народности*, питаемой, но не подавляемой *общительностью*“, т.-е. связью съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ,—въ нашемъ случаѣ, западной Европы.

Но если мы захотимъ примѣнить это общее основаніе къ исторіи нашей литературы, насъ тотчасъ останавливаетъ препятствіе: мы не знаемъ исторіи нашей литературы; относительно ея, „мы бродимъ оцупью, повторяемъ безотчетно несвязныя *преданія*, коснѣемъ подъ игомъ слѣпота *суевѣрія*“.

И затѣмъ онъ излагаетъ своеобразный взглядъ на русскую литературную исторію, совпадающій съ его взглядомъ на исторію національно-политическую. Онъ оспариваетъ прежде всего „общее мнѣніе“, по которому русское слово производится отъ языка церковно-славянскаго и церковно-славянская письменность ошибочно считается первымъ періодомъ *нашей* литературной исторіи.

„Это мнѣніе составляетъ родъ народнаго суевѣрія: вѣковое предубѣжденіе постановило его выше всѣхъ сомнѣній и споровъ. И добро бы это мнѣніе оставалось только въ глубинѣ сердецъ какъ благочестивое вѣрваніе, или повторялось лишь въ книгахъ какъ старинное преданіе! Нѣтъ! Оно бывало нерѣдко началомъ дѣятельнаго возбужденія для нашей словесности, лозунгомъ литературной реформы. Въ церковно-славянскомъ языкѣ нерѣдко поставлялся единственныи идеалъ усовершенствованія нашего циничнаго слова...—Спрашиваю: въ дѣлѣ столь важномъ, въ дѣлѣ, можемъ имѣть такое сильное и глубокое вліяніе на судьбу всей нашей литературы — можно ль довольствоваться одною слѣпою вѣрою? — Не надлежало ли бы нашимъ грамотѣямъ и книжникамъ... подвергнуть строгому изслѣдованію это усмновленіе языка русскаго языку церковно-славянскому?“... и пр.

Этого сдѣлано не было. Между тѣмъ, настаиваетъ Надеждинъ,—русскій языкъ „является существенно отличнымъ отъ церковно-славянскаго во времена самыя древнія“ и „значить: въ понятіяхъ о нашей литературѣ мы заблуждаемся съ перваго шага!“ Литература на церковномъ языкѣ не была русская литература.

Русскій языкъ,—говоритъ онъ,—въ семьѣ славянскихъ нарѣчій есть языкъ отдѣльный, самостоятельный. Онъ даже не принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ двухъ отраслей, на какія Добровскій раздѣлилъ

всѣ славянскія нарѣчія (сѣверно-западная и юго-восточная), и составляетъ особую восточную категорію ¹⁾). „Это возстановленіе русскаго языка въ своемъ достоинствѣ весьма важно, не столько по мелочнымъ разсчетамъ народнаго самолюбія, сколько потому, что, опредѣляя настоящія отношенія его къ другимъ, избавляетъ отъ опасности *чуждаго несвойственнаго* вліянія. Таково именно было вліяніе церковно-славянскаго языка, подавившее въ самомъ началѣ русскую народную рѣчь и долго, очень долго препятствовавшее ея развитію въ живую народную словесность“.

Этимъ взглядомъ Надеждинъ въ первый разъ вѣрно освѣщаль характеръ нашей старой литературы и еще длившіеся споры о *старомъ и новомъ словѣ*. Обыкновенно привыкли думать, что принятіе церковно-славянскаго письменности было благотворнымъ преимуществомъ для древней Руси предъ европейскимъ западомъ, получившимъ Св. Писаніе на латинскомъ языкѣ. Надеждинъ думаетъ, напротивъ, что это отдѣленіе церковнаго языка отъ народнаго имѣло для европейскихъ литературъ самыя благотворныя слѣдствія: „благодаря небреженію пишущей (по-латыни) касты, народная рѣчь спаслась отъ всякаго насильственнаго искаженія; педантизмъ книжниковъ ворочался съ своей варварской латынью и спокойно оставилъ живые народныя языки изливаться звонкой, чистой, свободной струей изъ устъ менестрелей и труверовъ“. Наконецъ, сама латынь уступила народной рѣчи, одряхлѣла и „скончалась въ архивной пыли, подъ грудой фоліантовъ“. Такимъ образомъ вліяніе христіанства въ западной Европѣ не убило народности въ литературѣ, но сообщило ей новый духъ, не сокрушая тѣла.—У насъ было совсѣмъ напротивъ. Св. Писаніе было припесено къ намъ на языкѣ сродномъ и понятномъ. Наши предки поражены были звуками языка близкаго, могущественнаго и стройнаго, и подъ его впечатлѣніемъ они естественно отреклись для него отъ своей грубой, необразованной рѣчи: такимъ образомъ, при первомъ введеніи письма на Русь, письменность стала церковно-славянскою: для народной рѣчи — „оставлены были въ удѣлъ только низкія житейскія потребности; она сдѣлалась языкомъ простолудиновъ.“

¹⁾ Надеждинъ упоминаетъ здѣсь (стр. 32), что, бывши за-границей, узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что знаменитый Шафарикъ, „въ приготавливаемомъ новомъ изданіи исторіи славянскихъ языковъ и литературъ“, измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о принадлежности русскаго языка къ юго-восточной группѣ (рядомъ съ болгарскимъ и сербскимъ) и „призналъ русскій языкъ третьей, чисто восточной отраслью славянскихъ языковъ, во всѣхъ отношеніяхъ равной двумъ первымъ“. — Но это не подтвердилось въ изданной Шафарикомъ черезъ нѣсколько лѣтъ „Славянской Этнографіи“.

„Единственное поприще, гдѣ она могла развиваться свободно, подъ сѣнію творческаго одушевленія, была народная пѣсня; но и здѣсь надъ нею тяготѣло отверженіе, гремѣло проклятіе. Народныя пѣсни въ самомъ народѣ считаются понинѣ грѣховодной забавой, тѣшеньемъ бѣса! У нашихъ предковъ законное безгрѣшное употребленіе поэзіи разрѣшалось только въ составленіи акаѣнтовъ и каноновъ, или въ пѣніи духовныхъ стиховъ, гдѣ донинѣ звучитъ священное церковно-славянское слово...—Такъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за введеніемъ христіанства, языкъ русскій, лишенный всѣхъ правъ на литературную цивилизацію, оставался неподвижно, *in statu quo*—безъ образованія, безъ грамматики, даже безъ собственной азбуки, припоровленной къ его свойствамъ и особенностямъ. И между тѣмъ предки наши, въ ложномъ ослѣпленіи, не сознавали своей безсловесности; они считали себя грамотными, у нихъ были книги, были книжники; у нихъ была литература! Но эта литература не принадлежала имъ: она была южно-славянская по материн, греческая—по формѣ; ибо кто не знаетъ, что богослужебный языкъ нашъ отлитъ весь въ формы греко-византійскія, можетъ быть даже съ ущербомъ славянства?“

Ученые историки литературы и долго послѣ продолжали повторять „суевѣрія“,—но изслѣдованіе старины выиграло бы, если бѣ обратило больше вниманія на точку зрѣнія Надеждина. По его взгляду, порча русской народности *чуждыми и несвойственными* вліяніями началась со введенія церковно-славянской письменности: это ставило вопросъ совершенно наоборотъ, чѣмъ его ставилъ нѣкогда Шишковъ противъ Карамзина, потомъ Шевыревъ, и наконецъ славянофилы и ихъ школа. *Русской народной литературы* не было въ старомъ періодѣ; ее надо было еще создавать...

При этомъ характеръ старой письменности, естественно было, что когда Смотрицкій возымѣлъ мысль о грамматикѣ русскаго языка, онъ и составилъ ее по всѣмъ формамъ греческой. „Не забудьте, — говоритъ Надеждинъ, — что по учебной книгѣ Смотрицкаго образовался Ломоносовъ:—и тогда поймете, какъ глубоко, какъ могущественно, какъ исключительно было вліяніе церковно-славянской или, лучше, славяно-греческой письменности на языкъ русскій; поймете, чего должно было стоить, чего стоило оно чистой народности русскаго слова?“

Народный языкъ живучъ; вѣка рабства не могутъ подавить его; русскій языкъ не охотно покорялся, и въ самостоятельныхъ русскіихъ произведеніяхъ онъ сказывался изъ-подъ славянскаго давленія. Но затѣмъ произошло новое событіе, опять изображаемое Надеждинымъ очень своеобразно.

„Половина Руси—и половина наиболѣ развитая, наиболѣ вкусившая жизни и образованія, даже *наиболѣ русская* (я говорю это *по твердому, глубокому убѣжденію*)—половина юго-западная, гдѣ находился Кіевъ, мать градовъ русскіихъ, гдѣ благочестивое вѣрованіе водружало крестъ Андрея и благоговѣйное

преданіе преклонялось предъ златыми вратами Ярослава, гдѣ просіяли первые лучи христіанства, занялась первая заря народнаго самосознанія, совершились первые подвиги народной героической юности—эта половина увлеклась вихремъ событій въ чуждую сферу, потеряла свою самобытность, примкнула къ народу, хотя единоплеменному, но въ продолженіе вѣковъ, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, выработавшему себѣ особый, самоцвѣтный характеръ. Я разумѣю соединеніе такъ-называемыхъ Черной, Бѣлой и Малой Россіи съ Польшею, подъ несобственнымъ названіемъ великаго княжества Литовскаго. Это соединеніе не имѣло существеннаго вліянія на языкъ собственно народный.. Но въ отношеніи къ образованію по всѣмъ частямъ, и слѣдовательно къ образованію словесному, литературному, соединеніе это имѣло сильное и обширное вліяніе. Политическая связь вынуждаетъ изученіе языка господствующаго народа.. Языкъ и литература польская точно такъ же близки русскому языку, какъ языкъ и литература церковно-славянская. Чтожъ удивительнаго, если русскіе, прицѣпясь всѣми нитями своего бытія въ Польшѣ, влюбились въ ея языкъ и литературу? Что удивительнаго, если видя бѣдность своего роднаго нарѣчія, запущеннаго вѣковымъ небреженіемъ, и сознавая, хотя можетъ быть темно, тяжесть чуждыхъ оковъ, возложенныхъ на него языкомъ церковно-славянскимъ—тамъ поставили идеалъ литературнаго совершенства, гдѣ сосредоточивалось ихъ государственное бытіе?.. *Славяно-греческая* письменность скоро вытѣснена была изъ Русскаго Запада и уступила мѣсто новому книжному языку, новой литературѣ, которую можно назвать *славяно-латинскою*“..

Объ эти письменности, не смотря на всю противоположность, были равно несвойственны Руси: „она переѣхала только цѣпи, и осталась по прежнему безсловесною!“ *Попытки* литературной независимости обнаружались на востокѣ, съ первыми лучами независимости политической—въ Московскомъ царствѣ. Надеждинъ объясняетъ это такъ:

„Съ самобытностью пробудилось самосознаніе народа—развязался языкъ!—Оттого ли, что новыми условіями общественной жизни продолжались новыя отношенія, новыя идеи, для выраженія коихъ недоставало словъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, или можетъ быть, удаленіе Москвы въ глубину Сѣвера и разрывъ прежнихъ тѣсныхъ связей съ Югомъ, застудивъ русскую рѣчь въ совершенно полныя формы, рѣче обнаружили ея несходство и несомѣстность съ языкомъ церковно-славянскимъ,—какъ бы то ни было, только положительные факты доказываютъ, что, со времени утвержденія на Москвѣ средоточія Восточной Руси, языкъ ея укрѣпился, изъяснилъ права на самобытное существованіе независимо отъ церковно-славянскаго, и мало-по-малу завладѣлъ особымъ отдѣломъ письменности, гдѣ достигъ наконецъ значительной степени выразительности и силы...“ (Это былъ дѣловой, приказный языкъ, который все больше развивался съ возвышеніемъ Московскаго царства...). „Я конечно удивлю многихъ знатоконъ отечественной исторіи, когда скажу, что вѣкъ царя Грознаго, вѣкъ, столь поворно обезчещенный въ нашихъ воспоминаніяхъ, былъ блестящею эпохой русскаго народнаго бытія, золотымъ утромъ русской народной словесности: но не онъ ли, не этотъ ли вѣкъ завѣщалъ намъ столько прекрасныхъ пѣсней, воспѣвающихъ паденіе Казани и Астрахани, гремящихъ про славу Шуйскаго и шепчущихъ про ужасъ Опрічнины—столько драгоцѣнныхъ перловъ истинной русской поэзіи, гдѣ поэзія выраженія достойно равняется съ

блистательной поэзіи дѣятельности?... Самъ Грозный царь—главный герой и единственный двигатель въ дивной поэзіи своего царствованія—былъ вмѣстѣ первымъ представителемъ словеснаго образованія своей эпохи“ (посланіе къ Курбскому, посланія въ монастыри)...

Настали бурныя времена междоцарствія: Западъ хлынулъ на Востокъ, потомъ Москва сама двинулась на Западъ; Кіевъ сдѣлался снова русскимъ; Кіевская академія стала разсадникомъ всего русскаго образованія; первое высшее училище въ Москвѣ была знаменительно названная *славяно-греко-латинская* академія. „Ей недоставало только бездѣлицы—быть *русскою!*“

„Въ такомъ положеніи всталъ русскую грамотность и русскій языкъ — Петръ Великій!.. Это былъ не языкъ, а смѣшеніе языковъ — настоящее вавилонское столпотвореніе!.. Но Петру было не до того, какъ говорить народу его: онъ началъ съ *дыла*, оставя въ покоѣ *слово*.. Скоро цѣль была достигнута: азіатская глѣнь спала съ плечъ вмѣстѣ съ широкимъ охабнемъ; азіатское самодовольство облетѣло вмѣстѣ съ бороною. Россія двинулась съ Востока—и прикнула къ европейскому Западу!.. Но такой переворотъ былъ слишкомъ поспѣшенъ“ (и отсюда крайности послѣдующаго подражанія)... „Безъ сомнѣнія, гений преобразователя зналъ несокрушимую упругость народнаго духа: зналъ, что будетъ время, когда онъ вступитъ снова въ свои права, *гордый не нелъжественнымъ самообольщеніемъ, а благороднымъ сознаніемъ своего совершеннотія*, чувствомъ *неоспоримаго равенства* съ своими европейскими братьями: и вотъ чѣмъ должно объяснять его равнодушіе ко всему, что относилось собственно къ русской народности, слѣдственно, и къ русскому слову!—Самодержецъ, требовавшій единства во всѣхъ наружныхъ формахъ своего народа по образцу европейскому, вѣдалъ, что слово, одно, непокорно ничьимъ велѣніямъ, что его нельзя обрить какъ бороду, обрѣзать и перекроить какъ платье. Онъ сдѣлалъ съ нимъ все, что было въ его власти: согласно съ своей идеей, измѣнилъ буквенный костюмъ его по-европейски, и остальное предоставилъ самому себѣ!—Вотъ почему литературный характеръ царствованія Петрова представляетъ такое удивительное равнообразіе“ (церковно-славянскій элементъ, доведенный до совершенства у Димитрія Ростовскаго; школьно-латинскій — у Феофана; масса иностраннаго, западнаго, въ языкѣ правительственномъ). ...„Въ такомъ жалкомъ безпорядкѣ, въ такомъ хаотическомъ смѣшеніи предстало русское слово Ломоносову!“

Въ противорѣчіе тому же „суетвѣрію“, Надеждинъ не видитъ въ Ломоносовѣ *преобразователя* языка. Ломоносовъ самъ прошелъ черезъ „макароническую тарабарщину“, „черезъ всѣ ярусы вавилонскаго столпотворенія“: онъ благоговѣлъ передъ великолѣпіемъ языка церковно-славянскаго, въ синтаксисѣ преклонился передъ ораторствомъ Цицерона и Плинія, изъ Германіи вывезъ новый размѣръ для поэзіи. Онъ слѣпилъ изъ русскаго языка любимую его мозаику, но изъ славяно-греко-латинскаго направленія извлекъ все лучшее, впервые далъ языку правильную, благоустроенную форму, хотя эта форма *не была* русская народная. Форма эта была книжная, искус-

ственная; оттого она не могла удержаться въ литературѣ. Но славяно-греко-латинскіе элементы языка онъ такъ ослабилъ, что они уже не могли вновь получить силы; нѣмецкое вліяніе не могло быть сильно по тогдашнему состоянію нѣмецкой литературы... Къ сожалѣнію, явился еще болѣе опасный врагъ народности — французское вліяніе. Сообщение французскаго характера нашей литературѣ приписываютъ обыкновенно Карамзину, но это несправедливо, потому что раньше въ этомъ направленіи шли уже Кантемиръ, Тредьяковскій и Сумароковъ. Ихъ работа не была успѣшна, потому что „они плотничали топоромъ и скобелью, а отличительная прелесть французской литературы состояла въ филограмовой тонкости работы!“ Карамзинъ понялъ это, „принялся нѣжить и холить русскій языкъ, чтобы дѣлать изъ него такія же маленькія куколки, какими тогдашняя французская литература наполняла дамскіе будуары“. У Карамзина, „вдругъ послѣдовала чудная перемѣна въ языкѣ русскомъ: все увѣсистое, школьное было выкинуто; антикварная пыль славянства сметена до порошинки; длинный, тягучій періодъ раздробился на мелкія фразы; звуки подобрались въ нѣжные мелодическіе аккорды“. Карамзинъ изнѣжилъ черезчуръ русскій языкъ, и съ этой стороны Надеждинъ находитъ, что негодованіе защитниковъ „старого слога“ противъ Карамзина было совершенно справедливо. Не удивительно, что Карамзинъ скоро устарѣлъ: вліяніе его кончилось; но послѣдующая литература, въ другой формѣ, продолжаетъ то-же подражаніе, особливо французамъ.

Это стремленіе къ подражанію у насъ называютъ „европеизмомъ“, и Надеждинъ видитъ въ его крайности причину бѣдственнаго положенія литературы. „Послѣ вѣковыхъ опытовъ и усилій, мы дошли до того, съ чего *начали* прочія европейскія литературы—до совершеннаго раздѣленія между живой народной рѣчью и книжнымъ литературнымъ словомъ!.. Какъ быть литературѣ *русской*, когда нѣтъ еще языка *русскаго*?—Да, рассматривая внимательно настоящее положеніе нашей письменности, невольно призадумашься, невольно погрузишься въ грусть, и спросишь уже—не *есть ли*, а—*можетъ ли* даже *быть* у насъ своя живая *литература*?“

Въ другой обширной статьѣ, продолжающей эту тему, Надеждинъ говоритъ о состояніи русскаго языка: „Вавилонская башня не достроилась; не построишь и намъ литературы, если мы не условимся въ языкъ, не будемъ всѣ говорить одной рѣчью“; нужно, чтобы *есть* литературы не состояло изъ разнородныхъ, другъ друга уничтожающихъ элементовъ, но было проникнуто одною животворной гармоніей, Надеждинъ высказываетъ много дѣльныхъ замѣчаній о состояніи нашего языка, въ разныхъ слояхъ общества, въ книгѣ и

въ разговорѣ; объ иностранныхъ элементахъ нашего языка; о „богатствѣ“ его, которое на дѣлѣ часто оказывается бѣдностью. Между прочимъ Надеждинъ вступилъ въ полемику съ „Наблюдателемъ“, гдѣ въ эти годы однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ Шевыревъ ¹⁾: онъ полагалъ, что въ литературу долженъ быть введенъ и долженъ ей помочь свѣтскій элементъ, вліяніе и вкусы свѣтскаго круга. Надеждинъ отвѣчаетъ ²⁾:

„По мнѣнію „Наблюдателя“, литература должна говорить языкомъ высшаго общества, держаться паркетнаго тона, быть эхомъ гостинныхъ; и въ этомъ отношеніи, онъ простираетъ до фанатизма свою нетерпимость ко всему уличному, мѣщанскому, чисто-народному. Вотъ почему, всегда вѣжливый, всегда уклончивый, всегда въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ мѣрпою, величавою поступью, онъ забываетъ свою изученную холодность, рассчитанное подобострастіе, и со всѣмъ возможнымъ для него жаромъ ожесточенія преслѣдуетъ, напримѣръ, г. Загоскина, самаго народнаго изъ нашихъ писателей; русскій кулакъ дѣлаетъ ему вертижи, русскій фарсъ бросаетъ его въ лихорадку. За то, поэзія г. Бенедиктова, вся изъ отборныхъ, блестящихъ фразъ, въ которыхъ, конечно, пелья не признавъ относительнаго достоинства, кажется ему чудомъ совершенства, геркулесовскими столбами поэтическаго извѣщества. При всемъ должномъ уваженіи къ его образованности, къ его легкимъ приемамъ и тонкому обращенію, нельзя однако, не сознаться, что основная мысль, которая предсѣдательствуетъ въ его сужденіяхъ, не совсѣмъ истинна теоретически и вовсе неудобоприлагаема на практикѣ. Во-первыхъ, никакое сословіе, никакой избранный кругъ общества не можетъ имѣть исключительной важности образца для литературы. Литература есть гласъ народа; она не можетъ быть привилегіею одного класса, одной касты; она есть общій капиталъ, въ которомъ всякій участвуетъ, всякій долженъ участвовать. Если можетъ быть какое-нибудь общеніе, какой-нибудь дружный, братскій союзъ между разными сословіями, разными классами народа, такъ это въ литературѣ и чрезъ литературу. Основаніе народнаго единства есть языкъ; стало, онъ долженъ быть всѣмъ понятенъ, всѣмъ доступенъ! — Не такъ ли и бываетъ вездѣ, гдѣ литература развита, гдѣ литературная жизнь не сочится по каплямъ, а разливается безбрежнымъ океаномъ?..

„Во-вторыхъ, положимъ, что исправленіе вкуса должно начинаться облагородствованіемъ формъ, что это облагородствованіе всего скорѣе должно обнаруживаться въ гостинныхъ, на этой верхушкѣ общественной пирамиды, которая раньше должна озаряться лучами восходящей цивилизаціи; положимъ, что литература должна чуждаться шума улицъ и изучать по камертону бель-этажи; спрашивается, возможно ли это у насъ, при настоящемъ состояніи русскаго языка въ бель-этажахъ? Говорятъ ли тамъ, умѣютъ ли говорить по-русски? Я очень знаю, что теперь не то уже, что было прежде, что въ высшихъ слояхъ нашего общества прекратилась прежняя несчастная подражательность, что тамъ занимается свѣтлая зари патриотической гордости, что языкъ русскій уже не ссылается въ передніи и на кухню, что литературу русскую любятъ и не стыдятся этой любви; но все это пока еще ограничивается одними желаніями, одними благородными порывами.

¹⁾ О его тогдашней журнальной дѣятельности см. подробно въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода“. „Современникъ“, 1855—56.

²⁾ Телескопъ, 1836, т. XXXI, стр. 216 и далѣе.

Наше высшее общество, образованнѣйшій цвѣтъ нашего отечества, жаждетъ русской литературы, учится русскому языку; а намъ велятъ у него учиться!!! —Я не ставлю ему этого въ вину; я слишкомъ далеко отъ той плебейской зависти, которая вымещаетъ свое вѣднѣе уничиженіе отрицаніемъ всякаго внутренняго превосходства въ томъ, что выше ея. Нѣтъ! У насъ потому не говорятъ по-русски въ гостиныхъ, что нельзя говорить, не тѣмъ говорить; потому что нѣтъ словъ, нѣтъ фразъ, нѣтъ оборотовъ для мыслей, которыя тамъ въ ходу, для предметовъ, вокругъ которыхъ обращается свѣтскій разговоръ. Цивилизація нашего высшаго общества родилась не сама собой, а взята готовая съ чужого образца; она вытвержена наизусть съ чужого голоса. Мысли, формы, обычаи, вещи, все что относится къ такъ называемой свѣтской, образованной жизни, все у насъ не свое, чужое! И оно перешло къ намъ вдругъ, нахлынуло внезапнымъ потокомъ, такъ что некогда было придумать названій для всѣхъ этихъ небывалыхъ идей и вещей, некогда было переводить ихъ по-русски. Теперь и рады бы перевести, да ужъ трудно; слова русскія, выгнанные изъ высшаго общества, достались въ удѣлъ простолюдинамъ; отъ нихъ пахнетъ сермяжкомъ; ихъ звукъ кажется грубымъ и жесткимъ; отвыкшее ухо не можетъ выносить ихъ; да они ужъ не выражаютъ того, что хотѣлось бы выразить; употребленіе въ низкомъ народѣ привязало къ нимъ и смыслъ низкій! Вотъ почему съ русскимъ языкомъ не разговорилъ въ гостиной; вотъ почему по-русски нельзя пожелать и добраго утра, порядочной, не французской фразой; вотъ почему русскій комплиментъ тяжелъ, русская любезность тупа, русское красное слово плоско и неуклюже; вотъ почему многія русскія слова считаются непристойностью въ хорошемъ обществѣ, тогда какъ французскія, точно-въ-точь имъ соответствующія, говорятъ безъ всякаго принужденія, безъ всякаго зазора: такъ, напр., какая дама не скажетъ по-французски: „couleur de rose“ и какой кавалеръ осмѣлится передъ ней назвать по-русски наскромное, сообщившее имя этому модному цвѣту!.. Кто-жь виноватъ въ этомъ? Виновато не нынѣшнее, а прежнее время, которое хваталось чужихъ идей, чужихъ привычекъ, чужихъ формъ, не позаботясь ихъ усвоить, сростить съ собой, претворить въ себя, какъ растение или животное претворяетъ въ существо свое всѣ чуждыя вещества, которыми питается!—Было время, когда ученые точно также не находили для своихъ идей словъ въ отечественномъ языкѣ, жили и пробавлялись латинью; но это прошло наконецъ въ странахъ, гдѣ языкъ достигъ высшей степени литературнаго развитія: такъ, во Франціи теперь даже медики пишутъ рецепты по-французски. Тоже будетъ и у насъ съ высшимъ обществомъ; оно не будетъ имѣть нужды во французскомъ языкѣ, станетъ говорить по-русски, когда русскій языкъ приоровится ко всѣмъ его потребностямъ, когда все можно будетъ сказать по-русски. А для этого надо, чтобы языкъ намъ развилъ все свое богатство, обнаружилъ всѣ свои сокровища, наладился на всѣ тоны, изогнулся во всѣ формы, примѣнился ко всѣмъ идеямъ! А это должна дать ему литературная дѣятельность, литературная практика!.. —И такъ система „Московского Наблюдателя“, какъ я уже сказалъ, будучи неосновательна въ идеѣ, совершенно невозможна для исполненія по настоящему состоянію нашей цивилизаціи. Будь она принята, чего Боже избави! нашъ бѣдный языкъ, и безъ того ужъ такъ обезсиленный, такъ истощенный, скоро выцвѣтъ бы совершенно, самымъ жалкимъ, самымъ ничтожнымъ пустоцвѣтомъ.

„Въ лексикографическомъ отношеніи, всего обыкновеннѣе у насъ хвастаться богатствомъ отечественнаго языка, и съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ показывать со-

верпенно противное, побирается нищенски по все́мъ языкамъ міра, древнимъ и новымъ, восточнымъ и западнымъ. Съ одной стороны, должно сознаться, что наше хвастовство не безъ основанія. Русскій языкъ дѣйствительно богатъ, богаче все́хъ новыхъ языковъ Европы. На иное понятіе онъ можетъ выставить до десяти синонимическихъ словъ, отличающихся другъ отъ друга отгѣнками силы и выразительности, такъ что смыслъ понятія выражается цѣлою гаммой звуковъ. Но это богатство хуже бѣдности; это богатство Тантала, который умираетъ съ жажды и голода, стоя по горло въ водѣ, окруженный прелестнѣйшими плодами! — Отчего-жъ такое странное противорѣчіе? — Во-первыхъ, это равнообразіе подобнозначущихъ словъ, большей частію, соотвѣтствуетъ у насъ равнообразію народныхъ сословій и ихъ разговора; такъ что въ этой лѣстницѣ синонимовъ низшая ступень вьзнетъ въ типѣ простонародія, тогда какъ верхняя упирается въ облака книжнаго высокопарнаго языка. Такъ напримѣръ, слово „дядька“ очень низко, а подобнозначущее ему „пѣтухъ“ слишкомъ ужъ высоко; и мы, владея двумя чисторусскими словами, прибѣгаемъ къ иностранному „гувернёръ“, чтобы не показаться мѣщанами или педантами. Подобныхъ примѣровъ можно выставить тысячу. Большая часть нашихъ словъ, за введеніемъ иностранныхъ, вовсе оставлена, вовсе вышла изъ употребленія; какъ монеты стараго чекана, онѣ не ходятъ при всей ихъ внутренней цѣнности. Таковы, напримѣръ, все названія старинныхъ должностей, все выраженія обрядовъ, привычекъ и характеристическихъ идей прежняго русскаго быта, заслоненнаго отъ насъ вѣкомъ Петра Великаго: онѣ имѣютъ теперь милицейную важность, какъ серебро Ярославле, какъ деньги Псковская! Въ третьихъ — и это обстоятельство особенно важно, заслуживаетъ особеннаго вниманія — языкъ нашъ, при всемъ богатствѣ относительно выраженія многихъ понятій, въ разсужденіи другихъ дѣйствительно бѣденъ. Это нисколько не удивительно! Всякой языкъ идетъ наравнѣ съ понятіями говорящаго имъ народа; въ немъ нѣтъ и не можетъ быть слова для идей, которыхъ народъ не имѣетъ. Но каждый народъ, пока онъ сомкнутъ въ самомъ себѣ, пока еще не вошелъ въ мировую школу взаимнаго обученія, каждый народъ, живущій однимъ собою, естественно ограничивается въ своемъ умственномъ богатствѣ болѣе или менѣе тѣсною сферою своего существованія; его идеи не простираются за границы природы, его окружающей, не выходятъ изъ предѣловъ, въ которыхъ движется жизнь его; онъ не имѣетъ понятія ни о естественныхъ предметахъ, лежащихъ внѣ его горизонта, ни о нравственныхъ явленіяхъ, чувствахъ, убѣжденіяхъ, страстяхъ, которыя имъ самимъ еще не испытаны; не имѣетъ понятія — не имѣетъ и назвать ихъ! — Такъ напр. народъ русскій, затерявшійся въ глубинѣ сѣверныхъ пустынь, далеко отъ береговъ моря, не имѣлъ понятія о морской силѣ; и вотъ почему въ языкѣ русскомъ нѣтъ слова, которымъ бы можно было выразить „флотъ“.

„Такая бѣдность есть достояніе все́хъ языковъ безъ исключенія; ибо въ этомъ отношеніи все народы подчинены однимъ условіямъ“...

Итакъ, есть бѣдность, какая бываетъ во все́хъ языкахъ безъ исключенія, когда имъ приходится передавать особенности чужой природы и жизни; —

„Но, къ сожалѣнію, наша бѣдность обширнѣе: у насъ недостаетъ словъ для идей общихъ, мировыхъ, для идей, которыя принадлежатъ не одному народу, а всему человѣчеству. Причина этому понятна... Еслибъ русскій народъ самъ дошелъ, самъ изъ себя произвелъ эти идеи, онъ создалъ бы и слова для

нихъ, точныя, опредѣленныя, выразительныя. Но... вся образованность наша пришла къ намъ со стороны, взята нами у чужихъ народовъ. И добро бы это заимствованіе было постепенно, этотъ приливъ мало-по-малу проникалъ къ намъ и давалъ досугъ и возможность обратить приносимыя идеи въ нашу собственность, въ сокъ и кровь нашей жизни; нѣтъ! Онъ хлынулъ на насъ вдругъ, залилъ насъ всемірными потоками! Когда могучая рука Петра отворила для насъ всѣ хляби европейскаго просвѣщенія, европейской цивилизаціи, языкъ нашъ былъ еще молодое растеніе, только-что начавшее распускаться подъ благодатнымъ солнцемъ народной самобытности. Весьма естественно, его не могло достать на всѣ вдругъ открывшіяся потребности, вдругъ нахлынувшія идеи, и онъ долженъ былъ не только отказаться отъ поставки новыхъ словъ на новыя понятія, но даже потерять возможность дать настоящую зрѣлость уже прозябшимъ листкамъ, развернувшимся почкамъ, долженъ былъ опустить вѣтви, пригнуться къ землѣ, отречься вовсе отъ цвѣта и плодотворенія, какъ былинка, засѣченная проливными дождями“... (Въ высшемъ обществѣ, принявшемъ европейскіе нравы, онъ уступилъ мѣсто языку французскому; но этимъ не ограничилося).. „Въ нашемъ ученomъ языкѣ господствуютъ греко-латинская терминологія; судебный языкъ испещренъ латино-нѣмецкими выраженіями; языкъ искусствъ живетъ итальянской техникой; промышленность, торговля и мореплаваніе загромождены англійской фразеологіей. Даже простой народъ, не понимая идей, перенималъ, какъ скворецъ, тму этихъ чужихъ словъ, и леголяеть ими, передѣлавъ на свой салтыкъ“...

Противодѣйствовать этому очень не легко, потому что не легко составлять новыя слова. Улучшенію языка будетъ содѣйствовать болѣе широкая литературная жизнь и критика; для лексическаго обогащенія должны послужить родственные языки.

Чтобы узнать народъ вполне, надо изучать его не отдѣльно, а въ той группѣ, семьѣ, породѣ, къ которой онъ принадлежитъ. Въ языкахъ этой группы надо искать и источниковъ для обогащенія своего языка. „Неоспоримо,—говоритъ Надеждинъ,—философическое знаніе общей основы человѣческаго слова, то, что называется всеобщей грамматикой или философіей грамматики, бросаетъ много свѣта на изученіе каждаго языка порознь; но ближе и точнѣе, съ болѣею пользою и обширнѣйшимъ примѣненіемъ, языкъ изучается въ своей группѣ, въ своемъ семействѣ“. Надеждинъ почти называетъ сравнительную грамматику, которая только-что въ то время основывалась и еще не была примѣнена къ славянскимъ нарѣчіямъ. „Такое изученіе, открывая всѣ формы слова, развиваемаго изъ одного вещества однимъ духомъ, знакомитъ короче съ этимъ духомъ, а тѣмъ самымъ, при отдѣльномъ изслѣдованіи каждаго языка въ изученной группѣ, даетъ возможность угадывать, что этимъ языкомъ недосказано, и, по аналогіи прочихъ сродныхъ, предчувствовать, какъ это должно быть досказано“...

Надеждинъ указываетъ на громадное родственное племя: „нашъ языкъ принадлежитъ къ многочисленному семейству славянскому: и

такъ вотъ гдѣ рудники его богатства!“—Это цѣлый „рой живыхъ нарѣчій“, которыми оглашается большая половина Европы, отъ лагуны Венеціи до болотъ Помераніи; это—племя, которое, „не смотря на вѣковыя угнетенія, мужественно борется съ враждебной нѣмецкой“. Надеждинъ удивляется „странному ослѣпленію“, которое закрываетъ отъ насъ дружную и одноплеменную половину Европы; указываетъ распространеніе славянской рѣчи, новѣйшее движеніе въ средѣ славянскихъ народностей; средство обогатить и возрастить нашъ языкъ со стороны лексикографической есть—изученіе славянскихъ языковъ и нарѣчій; онъ убѣжденъ, что „только подать голосъ, и славянскіе братья съ радостью откроютъ намъ всѣ свои сокровища, усердно пойдутъ съ нами на общее дѣло... мы будемъ работать не одни, и наша работа, сдѣлавшись дружнѣе, будетъ удачнѣе“.

Къ этому, Надеждинъ дѣлаетъ примѣчаніе, любопытное въ настоящую минуту, когда многимъ стала невразумительна позволительность литературнаго развитія малорусскаго нарѣчія:

„Считаю не излишнимъ, —говоритъ Надеждинъ,—сдѣлать здѣсь замѣчаніе, которое также можетъ быть обращено *въ пользу нашей словесности*. Съ недавняго времени появились у насъ *счастливые опыты* литературной обработки малороссійскаго нарѣчія. Инымъ эти опыты кажутся пустою, бесполезною забавою. Но я думаю противное. Малороссійское нарѣчіе можетъ также служить къ обогащенію нашего языка. Пусть украинцы знакомятъ насъ съ нимъ въ своихъ поэтическихъ думкахъ, въ своихъ добродушныхъ „казьбахъ“! Мы должны имъ быть душевно благодарны“¹⁾.

Для синтаксическаго улучшенія литературнаго языка нужно обратиться къ живой народной рѣчи, пѣснѣ, поговоркѣ, прибауткѣ, въ которыхъ надо видѣть своеобразное и натуральное бѣненіе пульса живого русскаго языка. Нечего опасаться, что простонародная форма можетъ унижить языкъ,—эта форма не есть что-нибудь вещественное: „синтаксическая форма есть рама, въ которую можно вставить и пузырь, и масляную бумагу, и бемское стекло, и дорогое венеціанское зеркало!“ Въ нашей литературѣ есть уже блистательные примѣры возведенія простонароднаго языка на высокую степень литературнаго достоинства (онъ называется басни Крылова и опять романы Загоскина).

Но языкъ есть только вещество, матеріалъ литературы; самый богатый и образованный языкъ будетъ мертвъ, если не повѣетъ въ немъ духъ жизни. Въ нашей литературѣ есть жизнь, есть творческое начало; но въ какомъ состояніи?—подъ вліяніемъ самаго позор-

¹⁾ „Телескопъ“ давалъ мѣсто статьямъ, писаннымъ въ интересахъ малорусской литературы.

наго рабства; эта жизнь есть постоянное самоубійство; творческое начало гибнетъ подъ ярмомъ несчастнаго подражанія. Но что разумѣть подъ *народностью* литературнаго духа, отсутствіе которой авторъ оплакиваетъ какъ величайшее литературное бѣдствіе?

„Многіе подъ народностью разумѣютъ однѣ наружныя формы русскаго быта, сохраняющіяся теперь только въ простонародіи, въ низшихъ классахъ общества. И вотъ тма тмушая нашихъ писателей, особенно писачекъ изъ заднихъ рядовъ, ударились, со всего розмаха, лицомъ въ грязь этой грубой, запачканной, безобразной народности, которую всего лучше слѣдовало бы называть простонародностью. Они погрузились во шти, въ квась, въ брагу, забились на полатп, обливаются ерофенчемъ, закусывають лукомъ, передразнивають мужикомъ, сидѣльцевъ, подъячпхъ, ямщпковъ, харчевниковъ; и добро бы, подобно знаменитому А. А. Орлову, главѣ этой школы народныхъ писателей, ограничивались современными картинками низшихъ слоевъ общества, что имѣло бы, по крайней мѣрѣ, достоинство вѣрности; нѣтъ! они теребятъ русскую исторію, малюють ея лучшія эпохи своей мазилкой... О такой народности, что и говорить? Ее надо гнать изъ литературы... Впрочемъ, и здѣсь должно сдѣлать важное исключеніе... Отчего, напр., у Загоскина русскій мужикъ не только не противенъ, но положительно хорошъ, интересенъ, поэтиченъ (если можно такъ выразиться)? Отчего, у Гоголя, казакъ мертвецки пьяный, по уши въ грязи, съ подбитыми глазами, отчего Иванъ Никифоровичъ, даже въ натурѣ, ознаменованъ какою-то неизъяснимою, очаровательною прелестью, которая заставляетъ прощать или, по крайней мѣрѣ, пропускать межъ пальцевъ его противно-общественное положеніе? Я говорю это, чтобы доказать, что народность и въ этомъ ограниченномъ, грязномъ смыслѣ, пройдя чрезъ горнило вдохновенія, можетъ имѣть доступъ въ литературу, и слѣдовательно не заслуживаетъ безусловнаго преслѣдованія, отверженія!“¹⁾

Народность, которой Надеждинъ требовалъ для литературы, была конечно, шире. Онъ такъ излагаетъ свои мысли о предметѣ, который и донныѣ возбуждаетъ ожесточенные споры; какъ увидимъ, онъ самъ не избѣжалъ рискованныхъ положеній.

„Подъ *народностью* я разумѣю совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, физическихъ и духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается фязіономія русскаго человѣка, отличающая его отъ всѣхъ прочихъ людей—европейцевъ столько же, какъ и азіатцевъ. Какъ ни рѣзки отбѣнки, положенныя на насъ столь различными вліяніями столь разныхъ цивилизацій, русскій человѣкъ, во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ ступеняхъ просвѣщенія и гражданственности, имѣетъ свой отличительный характеръ, если только не прикидывается умышленно обезьяною. Русскій умъ имѣетъ свой особый стибъ; русская воля отличается особенной, ей только свойственной упругостью и гибкостью; точно также какъ русское лицо имѣетъ свой особый складъ, отличается особеннымъ, ему только свойственнымъ выраженіемъ. У насъ стремленіе къ *европеизму* подавляетъ всякое уваженіе, всякое даже вниманіе къ тому, что имело русское, народное. Я совѣмъ не вандалъ, кото-

¹⁾ Припомнимъ, что въ тѣ годы произведенія Гоголя вызывали именно такіа осужденія; его винили за грязь и неприличіе его рассказовъ.

рый бы желал отшатнуться опять въ вѣкъ, задвинутый отъ насъ Петромъ Великимъ (по счастливому выраженію одного уважаемаго литератора). Но позволю себѣ сдѣлать замѣчаніе, что въ Европѣ, которую мы принимаемъ за образецъ, которую такъ усердно копируемъ (?) всѣми нашими дѣйствіями — *народность*, какъ я ее понимаю, положена во главу угла цивилизаціи, столь быстро, столь широко, столь свободно распространяющейся. Если мы хотимъ въ самомъ дѣлѣ быть европейцами, походить на нихъ не однимъ только платьемъ и наружными приемами, то намъ должно начать тѣмъ, чтобы учиться у нихъ уважать себя, дорожить своей народной личностью сколько-нибудь, хотя не съ такимъ смѣшнымъ хвастовствомъ какъ французы, не съ такой чванной спѣсью какъ англичанинъ, не съ такимъ глупымъ самодовольствомъ какъ нѣмецъ. Обольстительная идея космополитизма не существуетъ въ нынѣшней Европѣ: тамъ всякій народъ хочетъ быть собою, жить своей самобытной жизнью. Ни въ одномъ изъ нихъ цивилизація не изгладила родной фizioноміи; она только просвѣтляетъ ее, очищаетъ, совершенствуетъ... И никто изъ нихъ не стыдится себя, не гнушается собой; напротивъ, всѣ убѣждены твердо и непоколебимо, что лучше ихъ, выше ихъ, умнѣй и просвѣщеннѣй нѣтъ на свѣтѣ! И литературы ихъ въ высшей степени самобытны, своеобразны, народны! Отчего-жъ мы русскіе боимся (?) быть русскими? Отчего намъ стыдиться даже нашихъ штей... Отчего намъ не хвалиться своимъ богатствомъ, драгоценнымъ наследіемъ удачныхъ предковъ“ (когда другіе народы хвалятся подобными же вещами)... „Недавно было у насъ жестокое нападеніе на Загоскина, за то, что онъ заставилъ русскаго погрозить кулакомъ варягу. Боже мой! какъ ухватились за этотъ бѣдный кулакъ! съ какимъ жаромъ, съ какимъ краснорѣчіемъ доказывали, что хвалиться кулакомъ и стыдно, и невѣжественно, и унижительно для нашего вѣка, и позорно для нашего просвѣщенія, однимъ словомъ—*не-европейски*. Послѣднее точно правда: европейцу какъ хвалиться своимъ щедрымъ, крохотнымъ кулачишкомъ!(!) Только русскій владѣетъ кулакомъ настоящимъ, кулакомъ *comme il faut*, идеаломъ кулака, если можно такъ выразиться. И право, въ этомъ кулакѣ нѣтъ ничего предосудительнаго, ничего низкаго, ничего варварскаго, напротивъ очень много значенія, силы, поэзии!.. Дѣло не въ кулакѣ, а въ употребленіи кулака: если этотъ кулакъ основалъ самобытность великой имперіи, раздвинулъ ее на седьмую часть земного шара, отстоялъ мужественно отъ всѣхъ враговъ; то честь и хвала ему!.. Знаю, что теперь вамъ надо еще учиться, да учиться у Европы, но не съ тѣмъ, чтобы потерять свою личность, а чтобы укрѣпить ее, возвысить!—Древняя Греція также училась у Азіи, и долго была подъ наукой; но она не сдѣлалась Азіей, напротивъ, сама покорила, цивилизовала Азію!.. Пусть русскій умъ пытается европейскою жизнью, чтобы быть истинно русскимъ; пусть литература его, освѣжаясь воздухомъ европейскаго просвѣщенія, остается тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая живая, самобытная литература—самовыраженіемъ народнымъ!“

Оставался существенный вопросъ: что выражать ей,—въ чемъ состоитъ русская народная фizioномія?—Мы ее не имѣемъ,—говорятъ европейцы, не къ нашей чести; „но не дай Богъ, чтобы русскій говорилъ это съ убѣжденіемъ искреннимъ, сердечнымъ!“ Надеждинъ, однако, не даетъ положительнаго опредѣленія:

„Я не берусь здѣсь представить полное изображеніе русскаго челоуѣка, въ его своенародной чистотѣ; потому что въ самомъ дѣлѣ черты его такъ не-

ясны, такъ не развиты, такъ заѣллены выписными мушками (?)... Я повторю лишь съ великимъ поэтомъ, въ которомъ русскій народъ возвышался до свѣтлаго, торжественнаго самосознанія:

О Россѣ! о родъ великодушный!
 О твердо-каменная грудь!
 О исполнѣвъ, царю послушный!
 Когда и гдѣ ты достигнуть
 Не могъ тебя достойной славы?..

„Литература у насъ есть; есть и литературная жизнь; но ея развитіе стѣсняется односторонностью подражательнаго направленія, убивающаго народность, безъ которой не можетъ быть полной литературной жизни.

„Въ основу нашему просвѣщенію положены *православіе, самодержавіе и народность*. Эти три понятія можно сократить въ одно, относительно литературы. Будь только наша словесность народною: она будетъ православна и самодержавна!“

Этотъ годъ „Телескопа“ (1836) былъ послѣднимъ годомъ литературно-публицистической дѣятельности Надеждина: съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался къ ней, и труды его приняли другое направленіе. Въ этомъ первомъ періодѣ его дѣятельности, — которой образчики мы приводили, — надо признать весьма характерное явленіе, которое въ процессѣ тогдашняго литературнаго развитія служитъ переходнымъ звѣномъ отъ періода Пушкинскаго къ Гоголевскому, и въ историко-этнографическихъ понятіяхъ отъ „суевѣрія“ къ научной критикѣ. Онъ началъ и продолжалъ рѣзкимъ осужденіемъ „романтизма“, въ которомъ видѣлъ послѣднее проявленіе ненавистной ему подражательности. Онъ высоко ставилъ гениальную силу Пушкина, и потому строго судилъ его податливость той поверхностной манерѣ, которая усвоена была школой изъ чужихъ образцовъ. Послѣ, когда Пушкинъ сталъ не столько предметомъ для критическаго анализа, сколько для апотеозы, филиппики Надеждина должны были производить странное впечатлѣніе; но довольно вникнуть въ нихъ нѣсколько, чтобы убѣдиться, что онѣ вовсе не были легкомысленны. Надеждинъ забывалъ только, что сама исторія имѣла свои условія, что романтизмъ былъ ступенью развитія и уже готовилъ свои результаты въ Гоголѣ и его школѣ. Но Надеждинъ былъ правъ въ томъ, что русскаго содержанія, простоты стили было еще мало въ нашей литературѣ, и высокое значеніе Гоголя состояло въ выполненіи той задачи, которая чувствовалась Надеждинымъ: поэтому ученикѣ и преемникѣ Надеждина и явился вслѣдъ за нимъ восторженнымъ почитателемъ Гоголя.

И въ другомъ отношеніи Надеждинъ былъ переходнымъ явленіемъ. Въ тридцатыхъ годахъ подготовлялось то раздвоеніе передоваго слоя литературы, которое выразилось борьбой „западниковъ“ и

„славянофиловъ“. Надеждинъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; не былъ западникомъ, потому что клеймилъ западное вліяніе какъ „подражаніе“, которому было, однако, еще не мало дѣла, и провозглашалъ „народность“—въ чертахъ, иногда черезчуръ первобытныхъ; но не былъ и славянофиломъ, потому что видимо былъ рационалистъ, мало вѣрилъ въ древнюю Русь и преклонялся передъ Петромъ Великимъ. Но оба направленія какъ будто скрывались въ немъ въ зародышѣ, и оба впоследствии могли бы найти съ нимъ точки соприкосновенія. Былъ, наконецъ, въ немъ элементъ „квасного“ патріота, пѣвца официальной народности; но и этому элементу онъ противорѣчилъ высокимъ уваженіемъ къ труду европейской образованности и къ дѣятельной исторической жизни европейскаго общества.

Въ историческомъ объясненіи русской народности Надеждинъ опять сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь, противоdѣйствовалъ національной сантиментальности. Онъ первый ясно поставилъ вопросъ о формированіи русской народности, которую привыкли считать готовою уже съ IX вѣка, виdѣстѣ съ государствомъ: Надеждинъ указалъ ея историческіе пласты. Судьба русскаго языка никѣмъ до него не была опредѣлена столь категорически, и въ сущности вѣрно ¹⁾,—потому что дѣйствительно первая самостоятельная и широкая дѣятельность русскаго языка въ литературѣ начинаетъ проявляться только съ XVIII вѣка... Таковы были взгляды Надеждина, насколько они выразились въ его ранней журнальной дѣятельности. Ему, однако, не удалось выяснить тѣ прямыя требованія, какія онъ такъ настойчиво ставилъ литературѣ во имя народности. Что такое эта народность? Опредѣливши ее въ общихъ словахъ, какъ сложность народныхъ свойствъ и особенностей, онъ затруднился ближе указать ихъ, и только ссылался на Державина и гр. Уварова, которые далеко не могли быть сочтены за ея компетентныхъ истолкователей. Онъ требовалъ далѣе, какъ прежде Карамзинъ, чтобы русскіе „дорожили своей народной личностью“ и смѣло ею хвалились: но здѣсь опять остается неизвѣстно, къ кому требованіе адресуется и въ чемъ должно бы состоять на дѣлѣ, а не на фразѣ, уваженіе къ народной личности. Адресуется онъ, видимо, къ образованному обществу; но, какимъ бы ни былъ нашъ „европеизмъ“, онъ конечно утопалъ въ массѣ чисто русскихъ учреждений и формъ общественности... Въ ряду особенностей, которыми надо было „хвалиться“, Надеждину представилась сила и поэзія русскаго кулака—одна изъ тѣхъ необузданностей, которыя очень вредили литературному значенію Надеждина.

¹⁾ Въ частности, проявленія русской народной рѣчи въ старой письменности были обильнѣе, чѣмъ принимаетъ Надеждинъ. Дѣло въ томъ, что эта письменность была въ то время еще мало извѣстна.

Судя по горячей защитѣ, кулакъ былъ для него не случайнымъ примѣромъ, а напротивъ, особеннымъ поводомъ для національной русской похвалы. Можно было бы замѣтить, что у иныхъ народовъ кулаки вовсе нашимъ не уступаютъ; что этого рода достоинство не есть главное и наилучшее, и что, напр., для англичанъ національная гордость далеко не заключается въ похвалы ихъ боксерами. Въ нашихъ собственныхъ глазахъ другіе народы, имѣющіе для насъ авторитетъ, получали его не одними подобными свойствами, и для нашей національной гордости было бы по-истинѣ жалко, еслибъ намъ можно было противопоставить этому авторитету одни кулаки, тѣмъ болѣе, что исторически не одинъ же кулакъ „основалъ самобытность великой имперіи“. Наконецъ, этого рода похвальба слишкомъ поддается злоупотребленію въ обществѣ, слабо образованномъ, является даже аргументомъ противъ образованія,—чего, вѣроятно, самъ Надеждинъ никакъ не желалъ и что, однако, бывало и доселѣ бываетъ. Другое обстоятельство также не было выяснено Надеждинымъ. Очевидно, что требованіе „народности“ не могло быть предъявлено къ одной литературѣ: оно относилось и къ самой жизни: но исполнилось ли оно здѣсь? Давала ли жизнь, или ея руководящая сила, тѣ условія, въ которыхъ могла бы широко и свободно развиваться дѣятельность народной мысли, заявляться „народная личность? Ссылки на Державина и гр. Уварова въ этомъ не убѣждали...

Безусловно справедливо было то, что намъ еще пужна школа и школа. Но для „самосознанія“ требовалась дѣйствительная школа, съ необходимой для нея свободой изслѣдованія. Была ли эта свобода? Надеждинъ испыталъ по этому вопросу реальный *argumentum ad hominem*, когда журналъ его былъ запрещенъ и самъ онъ былъ высланъ въ Усть-Сысольскъ.

Надеждинъ пробылъ въ ссылкѣ недолго, только годъ. Надо отдать справедливость тому времени, что въ Надеждинѣ оцѣнили научную силу, и дѣятельность его скоро возобновилась—въ другомъ примѣненіи. Онъ покинулъ съ тѣхъ поръ совсѣмъ литературную и публицистическую критику, которую велъ въ журналѣ, эстетику и археологію искусства, которыя читалъ въ университетѣ. Та „гибкость“, о которой упоминаетъ его биографъ, устроила ему совсѣмъ иную служебную и писательскую карьеру. Черезъ нѣсколько лѣтъ, редакторъ „Телескопа“ сдѣлался редакторомъ „Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ“, (съ 1843) и своего рода свѣдущимъ чело-вѣкомъ по историческимъ и бытовымъ вопросамъ, по которымъ его спрашивали въ министерствѣ. Но основной интересъ его все-таки уцѣлѣлъ.

Труды Надеждина направились теперь въ особенности на науч-

ное изслѣдованіе той народности, которую доселѣ онъ защищалъ въ своей литературной критикѣ. Эти труды были обширны и разнообразны. Біографъ замѣчаетъ, что 1836—38 годы были едва ли не самые дѣятельные въ жизни Надеждина по числу напечатанныхъ трудовъ. Еще изъ Усть-Сысольска онъ прислалъ около ста статей, между прочимъ и обширныхъ, для „Энциклопедическаго Лексикона“ Плюшара: это были статьи по церковной исторіи, философіи и эстетикѣ, по древней и новой исторіи и литературѣ, по русской и славянской исторіи, географіи и этнографіи ¹⁾; и въ то же время напечаталъ въ „Библиотекѣ для Чтенія“ нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій ²⁾.

По возвращеніи изъ Усть-Сысольска, Надеждинъ прожилъ нѣсколько лѣтъ на югѣ Россіи, въ дружескихъ отношеніяхъ съ попечителемъ одесскаго округа, Д. М. Княжевичемъ, и въ работахъ по древностямъ и исторіи этого края, въ основанномъ тогда „Одесскомъ обществѣ любителей исторіи и древностей“. Въ 1840—41 году, по порученію Княжевича, Надеждинъ сдѣлалъ обширное путешествіе по славянскимъ землямъ, и во время пребыванія въ Вѣнѣ напечаталъ статью о нарѣчіяхъ русскаго языка, до сихъ поръ не потерявшюю своего значенія ³⁾. Въ 1842 году, онъ отправился въ Петербургъ и, какъ сказано, съ 1843 года сдѣлался редакторомъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ и ученымъ авторитетомъ министерства. Въ „Журналѣ“, кромѣ разнаго рода дѣловыхъ статей, напечатанъ былъ имъ новый рядъ цѣнныхъ трудовъ по географическому, этнографическому и статистическому изученію Россіи ⁴⁾.

Но гораздо болѣе широкая дѣятельность его по распространенію этнографическихъ изученій развилась въ Географическомъ Обществѣ. Если не ошибаемся, ему принадлежитъ значительная доля въ возбужденіи самой мысли объ этомъ учрежденіи, одной изъ главныхъ задачъ котораго должно было стать изученіе русскаго народа: во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ большая заслуга въ постановкѣ этнографическихъ работъ Общества, которыя уже вскорѣ стали при-

¹⁾ Томы VIII—XII, буква В. Отмѣтимъ, напр., статьи: Венеды, Венды, Винды; Великая Россія; Версификація; Вель; Восточная католическая церковь, и друг.

²⁾ Б. для Чт. 1837; „Объ историческихъ трудахъ въ Россіи“; „Объ исторической истинѣ и достовѣрности“; „Опытъ исторической географіи русскаго міра“.

³⁾ *Wienskie Jahrbücher der Litteratur*, 1841, Bd. XCI.

⁴⁾ Отмѣтимъ слѣдующія статьи: — Новороссійскія Стены; Сѣверо-западный край имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ; Племя русское въ общемъ семействѣ Славянъ (т. I); Изслѣдованія о городахъ русскихъ: введеніе; вліяніе гражданственности азіатской; вліяніе гражданственности европейской (т. VI-VII);—объемъ и порядокъ обзорннхъ народнаго богатства, составляющаго предметъ хозяйственной статистики (томъ IX) и друг.

носить драгоценные научные результаты. Его имя не стоитъ въ числѣ учредителей потому только, что во время открытія Общества Надеждина не было въ Петербургѣ. По возвращеніи онъ прочелъ въ первомъ годовомъ собраніи Общества (въ ноябрѣ, 1846) статью „Объ этнографическомъ изученіи народности русской“¹⁾, котораго и представилъ примѣры. Этнографія справедливо казалась Надеждину самой существенной стороною въ дѣятельности новаго Общества: если понятие „народности“ заявлялось правительственною властью, если оно становилось лозунгомъ литературныхъ направленій, если въ словесности поэтической появлялись уже правдивыя изображенія народной жизни и типовъ, то оказалась настоящая необходимость въ научномъ изслѣдованіи народа, которое могло бы стать прочнымъ основаніемъ для этого, раскрывавшагося съ разныхъ сторонъ, интереса къ народности. Въ упомянутой статьѣ Надеждинъ указалъ теоретическій объемъ этнографіи съ такою широтою, какой у насъ еще не было видано. Но для правильной постановки дѣла требовалась огромная масса наблюденій; нужно было содѣйствіе множества лицъ, изъ разныхъ краевъ Россіи, съ ихъ мѣстными указаніями и свѣдѣніями,—нужно было установить собраніе этихъ свѣдѣній по опредѣленному плану, съ отвѣтами на поставленные вопросы. Надеждинъ взялъ на себя составленіе первой программы и составилъ ее, при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ членовъ Общества, въ 1847, и она была разслана, въ 7000 экземпляровъ, во всѣ края нашего отечества²⁾. „Эта разсылка, — говоритъ одинъ изъ участниковъ тогдашней дѣятельности Этнографическаго отдѣленія, — имѣла самыя утѣшительныя послѣдствія: со всѣхъ концовъ Россіи начали стекаться въ Общество мѣстныя этнографическія описанія, все болѣе интересныя и важныя. Число драгоценныхъ выводовъ увеличивалось почти съ самаго начала вызова личнымъ участіемъ Надеждина, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи Этнографіи, въ концѣ 1848 г. (послѣ К. М. Бѣра). Ни одного даровитаго вкладчика не оставлялъ онъ безъ привѣта и такими привѣтами и совѣтами вызывалъ ихъ къ новымъ трудамъ“. Впослѣдствіи оказалось, что программа не для всѣхъ была равно понятна, и Надеждинъ опять участвовалъ въ ея переработкѣ. Новая программа еще усилила доставку въ Общество мѣстныхъ свѣдѣній отъ людей всякихъ сословій, и это доставило матеріалъ для первыхъ этнографическихъ изданій Общества.

Надеждинъ принималъ вообще самое дѣятельное участіе въ изда-

¹⁾ См. „Записки Р. Географ. Общества“, книжка 2-я. Сиб. 1847, стр. 61—115; во 2-мъ изданіи этой книжки, стр. 144 и слѣд.

²⁾ Двадцатипятилѣтіе И. Р. Геогр. Общества, 13 января 1871, Сиб. 1872, стр. 49.

нійхъ Географическаго Общества. Онѣ начались „Записками“, которыя, выходя безсрочными выпусками, не могли давать своевременныхъ извѣстій о трудахъ Общества, новостей о предметахъ его занятій, и поддерживать интересъ къ нимъ въ большой публикѣ, которая тогда, при подавленности всякой общественной жизни, относилась къ Географическому Обществу съ большимъ сочувствіемъ. Надеждицъ съ марта 1848 г. сталъ редакторомъ „Географическихъ Извѣстій“, которымъ умѣлъ придать большое ученое достоинство и которыя издавались въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1851, когда онѣ превратились въ „Вѣстникъ“, расширенный въ объемѣ, но издававшійся по той же основной программѣ.

Наконецъ, Этнографическое отдѣленіе въ 1850 г. опредѣлило приступить къ обнародованію собиравшагося матеріала. Рѣшено было, отдѣливъ для особаго изданія свѣдѣнія объ инородцахъ, изъ прочихъ этнографическихъ описаній, относящихся собственно къ русскому племени, издать вполнѣ только тѣ, которыя подробно и основательно отвѣчаютъ на всѣ или, по крайней мѣрѣ, на большую часть пунктовъ программы; а изъ остальныхъ составить систематическіе своды или сборники. Первый томъ этого „Этнографическаго Сборника“ (состоящій изъ цѣльныхъ описаній) вышелъ въ 1853. году подъ редакціей Надеждина и Кавелина.—Въ этомъ году, какъ упомянуто въ предисловіи „Сборника“, присылка мѣстныхъ описаній въ Общество дошла до *двухъ тысячъ* номеровъ, и если прибавить, что весьма многіе номера заключали описанія нѣсколькихъ мѣстностей, то по этому можно судить о массѣ матеріала, доставленнаго въ Общество въ какія-нибудь пять лѣтъ послѣ разсылки программы.—Шесть томовъ „Сборника“, смѣннаго потомъ „Записками по отдѣленію этнографіи“, въ нѣсколькихъ томахъ, были результатомъ дѣятельности „Отдѣленія“, въ началѣ разумно поставленной Надеждинымъ.

„Постояннымъ убѣжденіемъ Надеждина было, — говоритъ Срезневскій,—сознаніе необходимости раздробить обработку (этнографическаго матеріала) на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ трудовъ. Онъ старался и умѣлъ возбуждать такіе труды“... „Надъ однимъ изъ этихъ трудовъ работалъ я съ нимъ вмѣстѣ“, прибавляетъ Срезневскій, разумѣя, вѣроятно, трудъ надъ исторіей русскаго языка или собственно надъ его древнимъ періодомъ... Безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ этого убѣжденія Надеждина, отдѣленіе Этнографіи приняло постановленіе, результатомъ котораго былъ одинъ изъ лучшихъ трудовъ по изученію русской народности за послѣднія десятилѣтія, трудъ, остающійся незамѣненнымъ понынѣ, именно изданіе „Народныхъ Русскихъ Сказокъ“, А. Н. Афанасьева. Географическое Об-

щество, по опредѣленію своего совѣта (въ февралѣ 1852), рѣшило передать въ распоряженіе Аванасьева накопившееся у него собраніе народныхъ сказокъ, которыми онъ и воспользовался для своего изданія ¹⁾). Многія изъ сказокъ были здѣсь записаны прекрасно, и вообще это собраніе доставило главнѣйшій матеріалъ для изданія Аванасьева, перваго, и донинѣ послѣдняго, обширнаго и научно-исполненнаго изданія русскихъ сказокъ. Подобнымъ образомъ, Далъ воспользовался рукописями, поступившими въ отдѣленіе Этнографіи, для своего „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“; Безсоновъ—для изданія духовныхъ стиховъ; Мельникову были переданы матеріалы Общества и бумаги самого Надеждина о Мордвѣ ²⁾).

Надеждинъ приступалъ и къ обобщающимъ изслѣдованіямъ. Таковъ былъ его трактатъ: „О русскихъ народныхъ мѣсахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской“, извлеченіе изъ котораго было прочитано имъ въ Обществѣ 30 ноября 1852 г. ³⁾). Чтеніе Надеждина состоялось въ собраніи, гдѣ было не мало высокопоставленныхъ лицъ, и произвело большое впечатлѣніе. „Несмотря на двухчасовое чтеніе, — говоритъ Савельевъ, — статья Надеждина приковала къ себѣ вниманіе блестящей и ученой аудиторіи; это торжественное введеніе русскихъ сказокъ въ область науки, съ такими занимательными подробностями, умными наведеніями, неожиданными выводами и увлекательнымъ изложеніемъ, поразило всѣхъ. По окончаніи чтенія... всѣ члены сѣли принести поздравленія и изъявить свои чувства удивленія оратору. Это была истинная овація, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, говоря классически, и лебединая пѣснь Надеждина“. Вскорѣ постигла его тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ уже не оправился.

Должно упомянуть, наконецъ, объ особыхъ работахъ Надеждина по изученію русской народной жизни, которыя произведены были имъ по официальнымъ служебнымъ порученіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онѣ относились къ расколу, и изъ официальной тайны вышли двѣ: первая— „Изслѣдованіе о скопческой ереси“ (Спб. 1845), изданное тогда въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для официальнаго употребленія ⁴⁾; вторая — записка „О заграничныхъ

¹⁾ „Нар. Русскія Сказки“, Аванасьева, вып. I, Москва, 1855, стр. IX—X. „Вѣстникъ Р. Геогр. Общества“, 1852, стр. 61 приложеній.

²⁾ „Двадцатипятилѣтіе И. Р. Географ. Общества“, стр. 55, 224—225.

³⁾ См. „Вѣстникъ Р. Геогр. Общ.“ 1853, ч. VП, отдѣлъ IX, приложеніе, стр. 2—6. Въ цѣломъ статья была напечатана уже по смерти Надеждина, въ „Р. Бесѣдѣ“, 1857.

⁴⁾ Перепечатано было въ „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, Кельсиева, вып. III, 1862, 240 и 92 стр. Прибавленія (В. К.), стр. 1—18.

раскольникахъ“ (1846), именно о раскольникахъ, поселившихся въ Пруссіи, Австріи, Молдаво-Валахіи и въ Турціи ¹⁾). Въ первой изъ этихъ записокъ Надеждинъ собралъ обширныя обще-историческія свѣдѣнія о предметѣ, и затѣмъ разработалъ собственно русскіе матеріалы, собранныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ изъ полицейскихъ разслѣдованій о сектѣ. Для изслѣдованій о раскольникахъ заграничныхъ онъ предпринялъ особое путешествіе, точнѣе, получилъ „командировку“ въ 1845—46 г. Не говоря о первомъ изъ этихъ трудовъ, предметъ котораго такъ уродливо исключителенъ, что не можетъ допустить различныхъ точекъ зрѣнія, нельзя не остановиться на второмъ, предметъ котораго тѣсно связанъ съ обширнымъ и старымъ историческимъ явленіемъ народной жизни. Записка о заграничныхъ раскольникахъ чрезвычайно любопытна по свѣдѣніямъ, въ пей собраннымъ, о поселеніяхъ нашихъ раскольниковъ „за рубежомъ“ и о томъ броженіи, которое шло въ тѣ годы между австрійскими „липованами“ наканунѣ основанія ѳлокрипницкой іерархіи; но съ другой стороны записка поражаетъ своимъ отношеніемъ къ предмету. Какъ извѣстно, царствованіе императора Николая было періодомъ усиленнаго преслѣдованія раскола во всѣхъ его видахъ; дѣла по расколу вѣдались, кромѣ духовнаго вѣдомства, свѣтской властью, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Власть слѣдила за расколомъ съ особеннымъ и строгимъ вниманіемъ; дѣла о расколѣ производились „секретно“, какъ дѣла государственной важности; раскольныя выслѣживали и искореняли, или старались искоренять, какъ величайшее зло; оба вѣдомства соперничали въ ревности и въ нетерпимости; низшіе агенты обоихъ вѣдомствъ, по указанію сверху, усердствовали въ притѣсненіяхъ и обыкновенно дѣлали для себя изъ раскола — доходную статью. Понятно, что отъ „общественнаго мнѣнія“ этотъ вопросъ былъ совершенно закрытъ; о печати нечего и говорить. Все это создавало положеніе раскольниковъ дѣла — крайне тягостное, непривлекательное и даже отвратительное. Какъ отнесся къ этому вопросу Надеждинъ?—За недостаткомъ свѣдѣній не можемъ сказать, каковъ былъ въ сущности его взглядъ на расколъ, насколько искренно могъ онъ раздѣлять господствовавшую точку зрѣнія и насколько играла здѣсь роль упомянутая „гибкость“;—но записка о заграничныхъ раскольникахъ, со стороны взглядовъ автора на дѣло, оставляетъ впечатлѣніе крайне несимпатичное. Авторъ вполне примыкаетъ къ взглядамъ упомянутыхъ вѣдомствъ — та же крайняя нетерпимость, вражда и злорѣдство, которымъ дается еще оружіе учености и таланта; ни одной смягчающей, умѣряющей

¹⁾ Напечатана въ томъ же „Сборникѣ“, выд. I, 1860, стр. 75—137.

мысли, которой можно было бы ждать отъ писателя, такъ много изучавшаго исторію. На первыхъ, вводныхъ, страницахъ авторъ изображаетъ заграничныя поселенія раскольниковъ, покинувшихъ родину, чтобы сберечь вѣру, въ такой картинѣ: расколь, это — „язва“ („заражающая понынѣ исключительно великороссіянъ“), которая „не только имѣетъ обширныя гнѣздилища на всемъ пространствѣ запада русскаго, но и внѣ предѣловъ настоящаго объема Россійской имперіи, вдоль всей западной ея современной границы, обложила *струпомъ*, свойства самаго злокачественнаго и тѣмъ болѣе опаснаго, что тутъ внѣ всякаго надзора и *почеченія* (?), подъ вліяніями непріязненными и злорадными ничто не препятствуетъ ему гноиться и смердѣть (!) всегда больною, никогда не заживающею раню“... И однако, въ самомъ изложеніи, по чувству правдивости авторъ не могъ не признать, что эти „липоване“, изображаемые столь отталкивающимъ образомъ, — хорошіе, мирные, трудолюбивые люди, свято хранящіе русскую народность; что нѣкогда императоръ Александръ I, бывши въ Черновицахъ въ 1816 г., „изволилъ *любоваться* этой необыкновенной сбереженностью русской національности въ липованахъ, представленныхъ его величеству... удостоилъ ихъ нѣкоторыхъ разпросовъ о житьѣ-бытьѣ ихъ и отпустилъ съ щедрыми подарками“. Надеждинъ провелъ между ними нѣсколько мѣсяцевъ, стараясь пріобрѣсти ихъ довѣріе, чтобы собрать нужныя для особыхъ цѣлей свѣдѣнія, и уснѣвалъ въ этомъ: но какаѣ же была его роль—любопытнаго ученаго этнографа, любящаго народъ изслѣдователя? Нѣтъ, это была роль лазутчика. Въ концѣ того же введенія, гдѣ онъ характеризовалъ липованъ какъ смердищій струпъ, онъ указываетъ, какъ мало до тѣхъ поръ было извѣстно объ этихъ раскольникахъ, ихъ сектахъ и толкахъ, ихъ образѣ жизни, наконецъ, о томъ, „что всего важнѣе, какъ относятся они къ своимъ собратіямъ и единомышленникамъ въ предѣлахъ Россіи“, и заключаетъ: „Смѣю ласкать себя надеждою, что представляемыя здѣсь свѣдѣнія о нынѣшнихъ заграничныхъ раскольникахъ, собранныя очевиднымъ наблюденіемъ и живыми, личными разпросами на мѣстѣ, во время шестимѣсячнаго пребыванія *между ними, въ ихъ селеніяхъ и домахъ*, будутъ, по крайней мѣрѣ, имѣть заимательность новости“.—Ограничимся этими выписками; въ запискѣ есть, среди умолчаній, намеки о томъ, какъ онъ, живя „между ними, въ ихъ селеніяхъ и домахъ“, вынѣдывалъ и выпытывалъ, тщательнѣе скрывая цѣль своихъ розысковъ...

Въ литературной и официальной дѣятельности Надеждина намъ встрѣтились мало-сочувственныя черты, которыхъ источникъ заклю-

чается въ томъ, что Надеждинъ — искренно или неискренно — повторялъ обычную фразеологию тогдашней официальной народности и услужливо развивалъ бюрократическіе взгляды на народность, мало подобавшіе мыслящему ученому, какимъ онъ долженъ былъ быть по свойствамъ ума и по пройденной школѣ.

Но отвлекаясь отъ этой стороны, несущей на себѣ печать времени и помѣшавшей болѣе широкому влиянію его труда, нельзя не оцѣнить въ его дѣятельности большого поворота въ изученіяхъ русской народности. Это былъ ученый, поставившій изученіе русской народности, вмѣсто прежней дилеттантской и сантиментальной точки зрѣнія, на почву обще-историческаго и этнографическаго изслѣдованія, освѣщаемого критикой. По своимъ идеямъ, Надеждинъ былъ очевидный рационалистъ. Въ „автобіографіи“ онъ самъ прекрасно разъясняетъ ходъ своего умственнаго воспитанія, предшествовавшій его вступленію на литературное и профессорское поприще. Онъ учился въ семинаріи и московской духовной академіи; рѣдкія способности дали ему прочно овладѣть той богословско-схоластической наукой, какая преподавалась въ этихъ заведеніяхъ. Но вступая въ академію (15-ти лѣтнимъ мальчикомъ!), Надеждинъ читалъ уже Канта и другихъ новыхъ нѣмецкихъ философовъ, и въ пробной латинской диссертациі, которую задали поступающимъ студентамъ, онъ „со всѣмъ юношескимъ жаромъ возсталъ на Вольфа и вообще на эмпиризмъ, главную характеристическую черту основанной имъ школы“. Вольфъ былъ — непреерекаемый авторитетъ въ училищѣ, имъ только что покинутомъ. Въ академіи, гдѣ его профессоромъ былъ извѣстный протоіерей Голубинскій, господствовала уже иная ступень философскаго знанія. Подготовленный Кантомъ, Надеждинъ занимался философіей въ духѣ новыхъ нѣмецкихъ школъ (до Гегеля). „Тутъ, — говоритъ онъ, — развился во мнѣ и обще-историческій взглядъ на развитіе рода человѣческаго, который (взглядъ) профессоръ Голубинскій примѣнялъ не къ одной только философіи. Тутъ я началъ понимать, что въ событіяхъ, составляющихъ содержаніе исторіи, есть мысль, что это — не сдѣленіе простыхъ случаевъ, а выработка идей, совершаемая родомъ человѣческимъ постепенно, согласно съ условіями мѣста и времени. Вслѣдствіе того, я началъ заниматься и вообще изученіемъ исторіи гражданской и церковной, хотя официально шелъ въ академіи не по историческому, а по математическому отдѣленію“. Но это была только половина его школы. Кончивъ курсъ, онъ, нѣсколько времени спустя, принялъ мѣсто домашняго наставника въ домѣ у одного большого барина. У Надеждина (ему было тогда 22 года) стала развиваться и крѣпнуть мысль о продолженіи своего умственнаго образованія. „Къ этому, по счастью, были у меня

подъ руками средства. Въ домѣ была богатая бібліотека, составленная преимущественно изъ новѣйшихъ французскихъ книгъ, такихъ, которыхъ я дотолѣ и *съ маза не видывалъ*. Я принялся ихъ читать, и началъ, какъ теперь помню, съ Гиббонова „*Décadence et chute de l'Empire Romain*“, во французскомъ переводѣ Гизо... Я не могъ оторваться отъ него и прочелъ дважды отъ доски до доски, отъ первой страницы до послѣдней. Удивленіе мое было неописанное, когда я на каждой страницѣ или, лучше, на каждой почти строкѣ, видѣлъ имена и факты, совершенно мнѣ неизвѣстные, но въ свѣтѣ такомъ, который никогда не былъ мною и подозрѣваемъ. Весь образъ мыслей моихъ, который уже сомкнуть былъ въ нѣкоторую систематическую цѣлость и стройность, *вдругъ перевернулся*: я понялъ, что одна и та же вещь совершенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ будешь ее разсматривать. Значительные интересы, которые я считалъ уже вполне удовлетворенными академическимъ курсомъ, воскресли во мнѣ съ новою силою... За Гиббономъ слѣдовали Гизо, Сисмонди, Галламъ. „Все это дало мнѣ способы переработать прежній запасъ историческихъ моихъ свѣдѣній по новымъ взглядамъ. Но и прежнее было во мнѣ заложено такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтлилось и украсилось новою, облагорожденною фізіономіею. Вспоминая теперь минувшее, я сознался, какъ важна была въ исторіи моего образованія его первоначальная двойственность, шедшая путемъ правильнаго развитія. Не будь положенъ во мнѣ сначала школьный фундаментъ старой классической науки, я бы потерялся въ такъ называвшихся тогда высшихъ взглядахъ, новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ, которыя были à l'ordre du jour. Теперь, напротивъ, эти новыя приобрѣтенія вѣка насталились во мнѣ на прочное основаніе“...

Не мудрено, что господствовавшій тогда „романтизмъ“, соединившійся у многихъ съ представленіемъ о власти поэтическаго произвола въ дѣлѣ искусства, могъ показаться ему поверхностнымъ и не выдерживающимъ критики. Дѣйствительно, внесенные имъ въ критику историческій взглядъ, философское объясненіе искусства и требованіе вниманія къ народной дѣйствительности стали выше романтической теоріи и послужили исходнымъ пунктомъ для критики Бѣлинскаго. Съ другой стороны, критическій трудъ Надеждина направился на русскую этнографію. Въ ту пору наша этнографія, какъ наука, находилась въ зачаточномъ состояніи: появлялись уже изданія Сахарова, Максимовича, Срезневскаго, отдѣльные этнографическіе труды Ходаковскаго, Снегирева, Терещенка, Даля,—но или они были чисто собирательные, или теорія, которая къ нимъ болѣе или менѣ подкладывалась, была случайная, болѣе угадываемая, чѣмъ

доказанная. Нужно было еще создать этнографическую науку, указать ее теоретическія основы, объемъ, требованія и приемы, указать значеніе ея матеріала и способъ наблюденія. Вопросъ не былъ легкій. Содержаніе этнографіи (какъ и содержаніе археологій) можетъ опредѣляться, и дѣйствительно опредѣлялось, весьма различно—отъ спеціальнаго описанія народнаго быта до цѣлой, почти безпредѣльной, науки о внутренней жизни народа, до „народной психологій“. На первыхъ порахъ, важность этнографическихъ изслѣдованій вообще и въ Россіи была указана первымъ „управляющимъ“ отдѣленіемъ Этнографіи (какъ они тогда назывались), извѣстнымъ академикомъ Бэромъ ¹⁾. Затѣмъ, Надеждинъ ближе выяснилъ вопросъ въ упомянутой выше статьѣ „объ этнографическомъ изученіи народности русской“. Надеждинъ указалъ здѣсь обширный объемъ науки и ея развѣтвленія по разнымъ сторонамъ народной жизни. Въ нашей литературѣ онъ впервые намѣтилъ вопросъ объ изученіи самого историческаго образованія народности, — вовсе не такого простого, какъ обыкновенно кажется, — объяснилъ необходимость изученія народности со стороны историко-географической, со стороны народной психологій, археологій, быта и пр., и пр. Кромѣ этого теоретическаго опредѣленія науки, большой заслугой были его различныя изслѣдованія для нашей этнографіи: нѣсколько образцовыхъ трудовъ по исторической географіи, указанія объ исторической формации русской народности ²⁾; замѣчательная постановка вопроса о мѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка; очень новыя тогда въ нашей литературѣ свѣдѣнія о русскихъ виѣ Россіи; составленіе этнографической программы; вызовъ и разработка этнографическаго матеріала, собравшагося въ Географическомъ Обществѣ. Надеждинъ владѣлъ въ кругу тогдашнихъ изслѣдователей большимъ, самымъ крупнымъ, авторитетомъ, передъ которымъ преклонялись и люди, впрочемъ весьма самоувѣренные. Направленіе его въ этой области можно характеризовать какъ этнографическій прагматизмъ, и его дѣятельности въ средѣ Географическаго Общества надо приписать большую долю того улучшенія приемовъ наблюденія и собиранія, какое является въ по-

¹⁾ Записки Геогр. Общ., кн. I, стр. 93—115. Извѣстна другая блестящая статья Бэра: „О вліяніи внѣшней природы на социальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человечества“ (въ „Карманной книжкѣ для любителей землевѣдѣнія“, изд. 1849, стр. 195—236).

²⁾ Надеждинъ вообще придавалъ великое значеніе этой сторонѣ этнографическихъ изученій. „Между этнографіею и исторіею, — писалъ онъ, — существуетъ постоянное, непрерывное соотношеніе и взаимодействіе: если исторія, въ своемъ развитіи, неизбежно опредѣляется положительною этнографическою наличностью, то и этнографія, въ складѣ своего наличнаго содержанія, всегда болѣе или менѣе руководствуется историческою памятью“.

слѣдующихъ трудахъ нашихъ изыскателей. Онъ искалъ непосредственныхъ, точныхъ фактовъ и ихъ ближайшей первоначальной критикой. Таково и изслѣдованіе о „русскихъ народныхъ мѣсахъ и сагахъ“: редакція „Русской Бесѣды“, печатаая этотъ трудъ Надеждина, находила, что его изслѣдованіе „не вполне соответствуетъ не только справедливымъ требованіямъ науки, но даже и современному состоянию ея въ Россіи“, и дѣйствительно, изслѣдованіе мѣса уже начало воспринимать у насъ новый методъ, укрѣпившійся въ нѣмецкой наукѣ; но справедливость требуетъ сказать, что въ ту пору, когда было писано сочиненіе Надеждина, русская наука едва только дѣлала попытки употребленія новаго метода. Введеніе этого новаго метода, углубившаго этнографическія изслѣдованія въ области народнаго преданія, было уже дѣломъ новаго научнаго поколѣнія.

ГЛАВА VIII.

И. П. САХАРОВЪ.

Биографія.—Историческія мнѣнія.—Понятія его о народности.—Сказанія русскаго народа: мнѣологія; черноокнижіе и суевѣрія; пѣсни; сказки и проч.—Характеръ его понятій.

Первыя изданія Сахарова появились въ началѣ 1830-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ пріобрѣтать все ббльшую извѣстность, какъ особенный, въ своемъ родѣ почти единственный знатокъ русской народности, т. е. быта, преданій, обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и всякой старины. Эта популярность его имени и изданій удерживалась почти до половины 1850-хъ годовъ,—а именно до новыхъ обширныхъ предпріятій по изданію и истолкованію народнаго поэтическаго и бытового содержанія. До того времени, тексты и свидѣтельства Сахарова считались въ ряду авторитетныхъ источниковъ для ученыхъ и литературныхъ выводовъ о русской народности. Теперь очень рѣдко встрѣтится цитата изъ Сахарова, — и не только потому, что явилось много новыхъ источниковъ; ретроспективная критика иначе взглянула не только на его мнѣнія, но и на самое качество многихъ его текстовъ, и отвергла ихъ какъ неточные или даже фальшивые.

Для своего времени Сахаровъ есть этнографъ, весьма типическій. Этнографическая наука едва начиналась. Стремленіе изучать народъ было въ воздухѣ; но матеріаль, приемы изученія были выяснены такъ мало, что часто приходилось идти ощупью и наугадъ; народность официальная, отголоски романтизма, даже просто нелюбовь къ новизнѣ у людей „старого вѣка“, создавали настроеніе, въ которомъ старина народная представлялась наиболѣ ревностнымъ адептамъ въ таинственномъ, почти мистическомъ свѣтѣ, какъ нѣчто священное, патріархально-мудрое, въ чемъ скрытъ наладіумъ истинной національности, свободной отъ всякой порчи заморскими хитро-

стями. Сахаровъ, самоучка въ этнографіи, тѣмъ больше подчинился этому настроенію, гдѣ темное національное стремленіе пока очень мало проявлялось знаніемъ и критикой; эти смутныя представленія видимо отражались на его трудахъ и, какъ увидимъ далѣе, чрезвычайно имъ повредили.

Біографія Сахарова, по нашему обыкновенію, не написана тѣми, кто могъ бы (даже теперь) написать ее ¹⁾. Съ внѣшней стороны, она была немногосложна. Сахаровъ (род. 1807), тульскій уроженецъ, былъ сынъ священника; учился въ семинаріи; кончивъ тамъ курсъ въ 1830 году, былъ уволенъ изъ духовнаго званія ꙗи поступилъ въ московскій университетъ по медицинскому факультету. Кончивъ тамъ курсъ въ 1835, Сахаровъ былъ назначенъ „для практики“ въ московскую городскую (или точнѣе, „градскую“) больницу, оттуда вскорѣ перечисленъ въ университетскіе медики и, прослуживъ здѣсь годъ, перешелъ на службу врачомъ въ почтовый департаментъ, въ 1836—1837 г. перебрался въ Петербургъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и работалъ.

Труды Сахарова начали появляться съ 1830 года. Возбужденный чтеніемъ Карамзина, онъ занялся мѣстной исторіей, печаталъ въ „Галатѣѣ“, въ „Телеграфѣ“ и „Русской Вивліоникѣ“ Полевого матеріалы, касавшіеся тульской старины ²⁾. При „малочисленности любителей народной старины въ то время, имя Сахарова было замѣчено и по этимъ опытамъ; но настоящая и вскорѣ очень обширная извѣстность его пошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ 1836 года началъ издавать „Сказанія русскаго народа“, за которыми слѣдовали „Путешествія русскихъ людей“, „Пѣсни русскаго народа“, „Записки

¹⁾ Матеріалъ для біографіи представляютъ теперь нѣсколько некрологовъ: „Воспоминаніе объ И. П. Сахаровѣ“, Срезневскаго, въ Запискахъ Акад. Наукъ, 1864, кн. 2, стр. 239—244.

— Иллюстрированная Газета, 1864, № 1, стр. 1, портретъ, стр. 10, короткій некрологъ.

— Тульскія епарх. вѣдомости, 1864, № 5 (мы ихъ не имѣли подъ руками).

— Р. Архивъ 1865; № 1, стр. 123 (Свѣдѣнія о р. писат., Геннади).

— „Для біографіи Сахарова“, съ отрывками его воспоминаній и нѣкоторыми приличіями его друга, П. И. Саввантова, въ „Р. Архивѣ“, 1873, стр. 897—1017. Это—наиболѣе важный до сихъ поръ матеріалъ.

— „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ“, Н. Барсукова (въ „Др. и Н. Россіи“, 1880, и отдѣльно), гдѣ издана переписка Сахарова съ Кубаревымъ, Ундольскимъ и Водянскимъ.

²⁾ Отдѣльно были изданы: „Достопамятности Венева монастыря“, М. 1831 (брошюра, 26 стр.); „Исторія общественнаго образованія тульской губерніи“, ч. I. М. 1832, съ планами и картой. Это послѣднее изданіе осталось неоконченнымъ; отрывокъ изъ второй части былъ напечатанъ въ „Современникѣ“ 1837, т. VII, стр. 295—325.

русскихъ людей“, „Сказки“, далѣе, рядъ библиографическихъ трудовъ по старой литературѣ и изслѣдованій археологическихъ ¹⁾, нѣсколько статей въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, статьи и матеріалы въ журналахъ.

Этотъ рядъ изданій, при всѣхъ недостаткахъ, видныхъ теперь, свидѣтельствовалъ о замѣчательномъ трудолюбіи и предприимчивости издателя и среди начавшихся въ литературѣ толковъ о народности, — для которой еще затруднялись найти опредѣленіе, — не могъ не произвести впечатлѣнія. Сахаровъ быстро приобрѣлъ извѣстность знатока: на него ссылались, изъ него заимствовались, когда шла рѣчь о старинѣ, о преданіяхъ, пѣсняхъ народа и т. п., по его матеріалу судили о характерѣ народно-поэтической старины, начинали комментировать этотъ матеріалъ и т. д. „Кто жилъ въ то время, не чуждаясь литературы, — говоритъ Срезневскій, самъ тогда же начинавшій свое этнографическое поприще, — тотъ знаетъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное книгами Сахарова, особенно книгами Сказаній русскаго народа — не только между любителями старины и народности, но и вообще въ образованномъ кругу. Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское читающее общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель. Не поразилъ онъ основательною ученостью, не поразилъ онъ и многообразіемъ соображеній; но множество собранныхъ имъ данныхъ было такъ неожиданно велико и по большей части, для многихъ, такъ ново, такъ встаетъ въ то время, когда въ русской литературѣ впервые заговорили о народности, и притомъ же увлеченіе ихъ собирателя, высказавшееся во вводныхъ статьяхъ, было такъ искренно и рѣшительно, что остаться въ числѣ равнодушныхъ было трудно. Замѣчательно, что и многоначитанный и трудолюбивый И. М. Снегиревъ, издавшій въ это же время лучшіе свои труды, уже прежде приобрѣтшій себѣ извѣстность... большинствомъ читателей былъ ставимъ не такъ высоко, какъ Сахаровъ“.

Когда въ 1841 вышло новое изданіе „Сказаній“ (первый томъ), гдѣ въ одномъ „томѣ“ соединено было четыре „книги“, съ большимъ

¹⁾ „Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ“. Ч. I. Спб. 1836 (изд. 2-е, 1837). Ч. II. Спб. 1837. Ч. III, кн. 2. Спб. 1837. „Сказанія“ и пр. изд. 3-е. Т. I (книги 1—4). Спб. 1841. Томъ II (книги 5—8). Спб. 1849.

— „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“. Ч. I. (два изданія). Ч. II. Спб. 1837.

— „Пѣсни русскаго народа“. Ч. I—II. Спб. 1838. Ч. III—V. Спб. 1839. Книжки въ 36-ю долю л.

— „Записки русскихъ людей“. Спб. 1841.

— „Русскія народныя сказки“. Часть I. Спб. 1841, въ 12°. Второй части не было.

обиліемъ матеріала по старинѣ и народности, на читателей и критиковъ сильное впечатлѣніе произвело предисловіе, въ которомъ Сахаровъ излагалъ весь планъ предпринятаго имъ изданія ¹⁾. Это была цѣлая энциклопедія для изученія народности и старины, до тѣхъ поръ еще никѣмъ не указанная съ такихъ разнообразныхъ сторонъ, — и критики пришли въ изумленіе отъ обширности начатого труда и отъ неожиданнаго обилія открывавшихся матеріаловъ для историческаго изученія народности въ литературѣ ²⁾. Срезневскій, которому вѣроятно и тогда были видны многія ненаучныя странности плана и исполненія „Сказаній“, въ своемъ „Воспоминаніи“ такимъ образомъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное въ свое время изданіемъ Сахарова. „Мало кого смутилъ беспорядокъ расположенія, — говоритъ онъ, — и то, что многія изъ книгъ „Сказаній народа“ ни въ какомъ смыслѣ не подходятъ своимъ содержаніемъ подъ понятіе

---

¹⁾ Планъ былъ таковъ. Все изданіе должно было заключать, въ семи томахъ, *тридцать* книгъ слѣдующаго содержанія:

Томъ I. Книги: 1, Русская народная литература. 2, Очерки семейной русской жизни. 3, Русскія народныя пѣсни. 4, Памятники древней русской литературы.

II. Книги: 5, Старые словари русскаго языка. 6, Русскія народныя свадьбы. 7, Русская народная годовщина. 8, Путешествія русскихъ людей.

III. Книги: 9, Русская народная демонологія. 10, Словари русскихъ областныхъ нарѣчій. 11, Русскія народныя охоты. 12, Сказанія о русскомъ народномъ врачеваніи.

IV. Книги: 13, Русская народная символика. 14, Лѣтопись русской библиографіи. 15, Русскія народныя повѣрія и примѣты. 16, Русскія народныя пословицы.

V. Книги: 17, Лѣтопись древнихъ искусствъ и художествъ. 18, Лѣтопись славяно-русскихъ типографій. 19, Лѣтопись русской литературы. 20, Русскія народныя сказки.

VI. Книги: 21, Записки русскихъ людей. 22, Обзорніе древняго русскаго права. 23, Обзорніе русскихъ гербовъ и печатей. 24, Русскія народныя одежды.

VII. Книги: 25, Родословная книга русскихъ дворянскихъ родовъ. 26, Лѣтопись русской нумизматики. 27, Образцы великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ нарѣчій. 28, Славяно-русская мнѣология. 29, Русскіе разрядные списки. 30, Приложенія и указатели.

²⁾ Приводимъ для образчика нѣсколько словъ изъ рецензій „Сказаній“ въ „Современникѣ“ Плетневскомъ, который считался тогда органомъ такъ-называвшагося аристократическаго литературнаго круга:

„Вотъ предпріятіе, — говорилось тамъ, — котораго исполненіемъ могла бы заслужить всеобщую признательность и справедливую славу какая-нибудь академія, — предпріятіе почти на цѣлую жизнь частнаго человека... Просматривая одни заглавія книги его, начинаешь постигать всю важность, всю великость идей литературы. Она одна возсоздаетъ для потомства исчезнувшую жизнь предковъ“ и т. д. („Соврем.“ 1841, т. XXII, стр. 39—41).

Ср. подобный отзывъ въ журналѣ другого круга, „Отеч. Запискахъ“ 1841 (Сочин. Вѣлиискаго, т. V, изд. 2-е, стр. 311—317, и тамъ же о „Сказкахъ“ Сахарова, стр. 317—319).

о сказаніяхъ народа; а масса общаннаго, важнаго, нужнаго, новаго, желаннаго и неожиданнаго не могла не поразить. Явились, конечно, и такіе читатели, которые не повѣрили, чтобы Сахаровъ дѣйствительно занимался всѣмъ тѣмъ, чему хотѣлъ дать мѣсто въ своемъ сборникѣ; но сравнительно ихъ было очень мало. Большинство Сахарову довѣряло, и не напрасно: прежнія изданія, выходяшія одно вслѣдъ за другимъ чуть не непрерывно, были такъ разнообразны, что увеличеніе разнообразія содержанія новаго неизданнаго вдвое, втрое не казалось для Сахарова невозможнымъ, а только радовало и располагало къ нему⁴.

Правда, второй томъ „Сказаній“ послѣдовалъ за первымъ только въ 1849, а третій остался неизданнымъ; но въ послѣдующихъ работахъ Сахаровъ продолжалъ наполнять различныя рубрики своего плана.

Рядъ новыхъ изысканій Сахарова направился на бібліографическія и чисто археологическія изслѣдованія. Еще съ тридцатыхъ годовъ онъ сталъ заниматься литературой рукописей, бібліографіей старопечатныхъ изданій, затѣмъ исторіей иконописанія, церковнаго пѣнія, нумизматикой, родословіемъ, геральдикой и т. д.¹⁾

Въ 1847, Сахаровъ сталъ членомъ Географическаго Общества, въ 1848—Археологическаго. Въ первомъ онъ работалъ, кажется, мало, но во второмъ былъ очень дѣятеленъ. Его сотоварищи по Археологическому обществу указываютъ его заслугу въ томъ, что онъ приглашалъ къ дѣятельности для Общества — людей, которые могли взяться за описаніе памятниковъ или сообщать о нихъ свѣдѣнія; что онъ пріискивалъ задачи для премій и находилъ лицъ, готовыхъ жертвовать на это деньги; наконецъ, что по его почину начато было

¹⁾ Славяно-русскіи рукописи. Слб. 1839, 32 стр. 8°. Напечатано было въ небольшомъ числѣ экз. и въ продажѣ не было.

— Современная хроника русской нумизматики (Сѣв. Пчела, 1839, № 69—70; также № 125); Лѣтопись русской нумизматики. Слб. 1842, 4°, съ 12 снимками; 2-е изд. 1851.

— Русскіе древніе памятники. Слб. 1842, 4°, съ 9 снимками изъ старопечатныхъ книгъ.

— Русское церковное пѣснопѣніе, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, № 2, 3, 7.

— Обзорніе славяно-русской бібліографіи. Томъ I, кн. 2-я (вып. 4-й). Слб. 1849. Первые три выпуска не были допечатаны; изготовленные 104 снимка съ рукописей и печатныхъ книгъ не были, по какимъ-то постороннимъ обстоятельствамъ, выпущены въ свѣтъ.

— Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи. Часть I. Слб. 1849; 2-е изд. 1850. Часть II. Слб. 1849.

— „Программа русской юридической палеографіи“, и—„Лекціи русской палеографіи“ были литографированы въ 1852, для училища правовѣдѣнія и Александровскаго лицея, куда Сахаровъ былъ приглашенъ для преподаванія этого предмета.

изданіе „Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи И. Арх. Общества“ (въ 1851), въ которыя вошло не мало его собственныхъ работъ и собранныхъ имъ матеріаловъ. Въ числѣ этихъ работъ особенно замѣчательна была „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“: эта записка напечатана была Археолог. Обществомъ въ 1851, разослана была всюду (какъ передъ тѣмъ этнографическая программа Геогр. Общества) и по отзыву Срезневскаго, „дѣйствительно была полезна въ отношеніи къ уясненію понятій объ археологическихъ работахъ въ такихъ кругахъ русскаго общества, гдѣ прежде господствовало полное незнаніе ихъ возможности, не только важности“.

Въ это же время Сахаровъ принялъ участіе въ работахъ Публичной бібліотеки, которая обнаружила тогда большую дѣятельность со вступленіемъ въ управленіе ею барона (послѣ графа) Корфа. Сахаровъ доставлялъ указанія о рукописяхъ и рѣдкихъ книгахъ, какія слѣдовало пріобрѣсти для бібліотеки, доставлялъ самыя рукописи и книги. Въ 1851, онъ приглашенъ былъ для чтеній о палеографіи въ училище правовѣдѣнія и александровскій лицей, для которыхъ и сдѣлалъ упомянутое выше литографированное изданіе своихъ лекцій. Последней изданной его работой были кажется, „Записки о русскихъ гербахъ“¹⁾ по поводу споровъ о перемѣнѣ русскаго герба.

Около половины пятидесятихъ годовъ дѣятельность его стала ослабѣвать. Причину этого указываютъ отчасти въ семейныхъ обстоятельствахъ, отчасти въ „отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ людей, въ кругу которыхъ онъ работалъ“. Въ послѣдніе годы его постигла тяжелая болѣзнь, и дѣятельность его совсѣмъ прекратилась. Онъ удалился въ свое маленькое имѣніице Зарѣчье, новгородской губерніи, валдайскаго уѣзда; онъ умеръ здѣсь 24 августа 1863 года, вслѣдствіе разжиженія мозга, и похороненъ при церкви Успенія, рютинскаго погоста.

Плодомъ его трудовъ и исканій осталось, наконецъ, обширное и замѣчательное собраніе рукописей, пріобрѣтенное потомъ графомъ А. С. Уваровымъ.

Таковъ былъ внѣшній ходъ дѣятельности Сахарова. Его большая заслуга для русской этнографіи и археологіи не подлежитъ спору. Въ то время, когда только-что начало бродить въ умахъ стремленіе къ „народности“,—котораго еще не умѣли здраво приложить ни въ литературѣ, ни въ жизненныхъ отношеніяхъ, ни установить научно,—Сахаровъ, странно и угловато, но ревностно и упрямо указывалъ

¹⁾ Спб. 1856. Вышелъ только первый выпускъ: „Гербъ московскій“, съ 3 таблицами снимковъ.

источники чистой народности въ народномъ бытѣ, старинѣ, поэзіи и преданіи, настаивалъ на ихъ изученіи и издалъ цѣлый рядъ народно-поэтическихъ произведеній. Поэтому такъ сильно и подѣйствовало въ литературныхъ и образованныхъ кругахъ появленіе его изданій. Сахаровъ сталъ авторитетомъ, признаваемымъ даже тѣми, кто въ концѣ концовъ не могъ не видѣть уродливостей въ его постановкѣ предмета. Но прошло не много времени, какъ Сахаровъ былъ основательно забытъ; его взглядъ на предметъ поражалъ отсутствіемъ научности и не оставилъ въ литературѣ никакого слѣда; изданія оказались мало точными, даже подлинность нѣкоторыхъ памятниковъ, имъ изданныхъ, была заподозрѣна.

Авторитетъ его сталъ падать, когда работы его были еще въ ходу. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, началъ появляться—въ особенности въ трудахъ возникшаго тогда Географическаго Общества—новый обширный и болѣе внимательно собранный этнографическій матеріалъ; во-вторыхъ, въ самомъ приѣмѣ изученія сдѣланъ былъ успѣхъ, при которомъ и собирательскіе труды Сахарова, а тѣмъ болѣе „ислѣдованія“, оказывались неудовлетворительными, странными, невозможными. Въ чемъ же состояли его общіе взгляды, какая была историко-этнографическая точка зрѣнія, приемы ислѣдованія?

Скудость біографическаго матеріала, къ сожалѣнію, не позволяетъ съ точностью указать развитіе его мыслей и послѣдовавшій складъ его историческихъ и этнографическихъ понятій; но отрывки его записокъ, въ соединеніи съ его сочиненіями, даютъ характерныя объясненія.

Многое въ свойствахъ трудовъ Сахарова объясняется тѣмъ, что это былъ чистый самоучка. Предметъ былъ еще такъ новъ, что не одному Сахарову приходилось тогда идти въ этомъ дѣлѣ новыми путями,—но другіе (какъ, напримѣръ, Калайдовичъ, Снегиревъ) были по крайней мѣрѣ подготовлены въ смежныхъ областяхъ науки, знакомы съ исторической критикой: Сахаровъ не прошелъ никакой школы этого рода; въ общихъ историческихъ знаніяхъ онъ часто оказывался просто невѣждой. Это съ одной стороны увеличиваетъ заслугу его личныхъ усилій, но съ другой крайне повредило качеству результатовъ. Изъ семинаріи, гдѣ учился, Сахаровъ видимо не вынесъ особенныхъ знаній, напр., даже въ латыни; медицинскій курсъ въ университетѣ и теперь остается спеціальной школой, а тогда еще менѣе могъ содѣйствовать историко-литературному образованію. Сахаровъ не воспомнилъ этого пробѣла и впоследствии, по-видимому даже его не чувствовалъ: какъ свойственно всѣмъ самоучкамъ, онъ, напротивъ, склоненъ былъ преувеличивать значеніе своихъ трудовъ, и самомнѣніе не помогало улучшенію ихъ качества.

Въ этнографической наукѣ онъ былъ начетчикъ; трудъ его былъ только собирательскій; его собственныя объясненія были только или чисто виѣшнія и отрицательныя, или научно невозможныя; научный методъ вполне отсутствовалъ.

Къ этому присоединилась другая черта... Анненковъ, говоря о Писемскомъ, замѣчалъ, что въ его характерѣ и понятіяхъ слышались далекіе отголоски старой русской культуры, что какъ будто это былъ историческій велико-русскій мужикъ, прошедшій черезъ университетъ, но сохранившій многое, что отличало его до этого посвященія въ европейскую науку; что Писемскій, по собственному признанію, испытывалъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго не могъ въ себѣ побѣдить... Нѣчто очень похожее на это отличало и Сахарова, съ тою разницей, что „посвященіе въ европейскую науку“, которое и у Писемскаго не было особенно глубоко, но по крайней мѣрѣ соприкасалось съ гуманическими знаніями, у Сахарова было еще ограниченнѣе или совсѣмъ отсутствовало: иностранное, какъ-нибудь прикасавшееся къ русской жизни, было для него предметомъ настоящей ненависти. Этимъ окрашивалась и вся его проповѣдь „народности“. При всей ея горячности, эта проповѣдь, не представляла однако никакой ясной исторической и общественной мысли: ея содержаніемъ было голословное восхваленіе старины, сожалѣнія объ утратѣ понятій и нравовъ добраго стараго времени, и призывы къ ихъ возвращенію. Какъ вернуть утраченное хорошее, оставалось неизвѣстнымъ; отвѣтъ на это ограничивался или жалобой, которая высказывалась поддѣльно-стариннымъ языкомъ, приторно-сладкими причитаніями, или злобными выходками противъ „чужеземцевъ“ и „заморскихъ бродягъ“, подъ которыми разумѣлись всѣ иностранцы, у насъ жившіе и дѣйствовавшіе. Когда писатель переходилъ къ изложенію фактовъ или своихъ историческихъ взглядовъ, крайне неловкій, темный языкъ выдавалъ неясность его мысли.

Обратимся къ „Воспоминаніямъ“, гдѣ онъ рассказывалъ о началѣ своихъ литературныхъ трудовъ, еще во время пребыванія въ Тулѣ. Враги русской народности, ужасные „чужеземцы“ уже навлекли на себя его ненависть, и поминаются имъ съ довольно забавнымъ эпическимъ постоянствомъ бранныхъ эпитетовъ.

„Литературныя занятія мои направлены были исключительно съ 1825 года на русскую исторію, странно (?) и неожиданно. Разъ какъ-то былъ я въ бѣсѣдѣ, гдѣ два чужеземца нагло и дерзко увѣрили русскихъ, что у нихъ нѣтъ своей исторіи. Мнѣ было горько и больно слышать эту негѣпость; но я былъ безсиленъ: я не зналъ русской исторіи; меня учили какой-то безсвязной исторіи по Шрекку. Эти два *наглеца*, проповѣдывавшіе безтолковымъ слушателямъ *иль*, были гувернеры, изъ *нѣмецкой породы*, оставшіеся просвѣщать русскія головы послѣ 1812 года, изъ числа *мародеровъ*. Въ небольшой библиотекѣ моего

отца я нашелъ немного о русской исторіи: книгъ пять или шесть. Я прибѣгнулъ съ моимъ горемъ къ свещ. Н. И. Иванову; онъ далъ мнѣ для чтенія исторію Карамзина, передалъ многое о *наглецахъ*, въ особенности о наглецахъ изъ *нѣмецкой породы*, таскающихся по Россіи съ своимъ дикимъ и безграмотнымъ просвѣщеніемъ. Долго и много читалъ я Карамзина. Здѣсь-то узналъ я родину и научился любить русскую землю и уважать русскихъ людей“...

Слѣдуетъ изображеніе тогдашняго тульскаго общества и его умственныхъ интересовъ, и затѣмъ длинное, озлобленное, но смутное изображение иноземныхъ „бродягъ“, перепортившихъ русское общество. Приводимъ нѣсколько образчиковъ:

„Въ Тулѣ немного было людей, читавшихъ и думавшихъ о чемъ-нибудь. Вся ученость гнѣздилась въ кадетскомъ корпусѣ, въ гимназій, въ семинаріи... Всѣ эти заведенія имѣли разныя направленія, учителя ихъ жили непріязненно. Библіотекъ было въ городѣ мало... Просвѣщеніемъ дворянства завѣдывали губернеры и гувернантки, люда безъ всякаго образованія въ наукахъ. Съ ними входили въ деревенскіе семейные круги развратъ, нахальство, неуваженіе къ родителямъ, пренебреженіе къ вѣрѣ отцовъ и постыдное вольнодумство...

„Въ цѣлой губерніи было много людей истинно-образованныхъ, полезныхъ родниѣ и семейству, получившихъ образованіе не изъ рукъ жалкихъ и прерывныхъ *бродягъ*, но въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они жили больше въ помѣстьяхъ отдѣльною жизнію и не сходились съ городскими пьяницами и игроками. На нихъ былъ свой отпечатокъ: спокойствіе и мирная жизнь. Бѣдному человѣку безъ связей и средствъ трудно было пробиться въ кругъ этихъ людей. Это я испыталъ самъ. Года два жизни стоило мнѣ, чтобы обратити только вниманіе ихъ на себя. Вспоминаю все это теперь ¹⁾ не для обвиненія ихъ (?), а говорю потому только, какъ тогда у насъ образованные люди жили отдѣльно, какъ тогда рѣзко отличалось истинное образованіе отъ фальшиваго, губернерскаго, какъ мало вѣрили прежде (?) *бродягамъ*. Не знаешь, чему удивляться: легковѣрію ли новаго поколѣнія первой четверти XIX вѣка или твердости стариковъ, сознавшихъ свое родное достоинство, при переворотѣ воспитанія, предпринятаго ²⁾ чужеземными *бродягами*“.

Дальше мы приведемъ объясненіе, какъ „предпринятъ“ былъ „бродягами“ переворотъ въ русскомъ воспитаніи. Сахаровъ благодаритъ Бога, что самъ остался нетронутъ этимъ переворотомъ.

„Благодарю Господа, — пишетъ онъ, — что надъ моею головою не работала ни одна французская *таарь*. Горжусь, что вокругъ меня не было ни одного нѣмецкаго *бродяги*. Я не преклонялся ни передъ однимъ сапожникомъ-французомъ и не принималъ отъ него наставленій, какъ презирать отца и мать, какъ ненавидѣть родину, какъ расточать достоиніе отцовъ и дѣдовъ. За меня ни одной русской копѣйки не перешло въ карманъ *бродяги*. Меня не морочили они лучшимъ вкусомъ къ изящному, понятіями о высокомъ и прекрасномъ, существующемъ будто исключительно въ Германіи и Франціи. Мерзенштейны и Скотенберги, заморскіе *бродяги* высшаго сорта, не появлялись тогда въ Тулѣ; я ихъ встрѣтилъ впервые въ Москвѣ“ (?).

¹⁾ Воспоминанія писаны въ половинѣ 1850-хъ годовъ.

²⁾ Предпринятомъ?

Изъ разсказовъ Сахарова увидимъ, что мало проку было и въ тѣхъ, кто нисколько не былъ совращенъ „бродягами“... Занятія Сахарова исторіей города Тулы вызвали у его земляковъ (онъ не забываетъ одного протопопа) недоброжелательные отзывы. „Мнѣ въ глаза говорили,—пишетъ Сахаровъ:—занимался бы своимъ дѣломъ! На чтó намъ твоя исторія Тулы? Жили мы счастливо безъ ней до тебя, проживемъ и послѣ тебя, также весело и покойно.—Другіе кивали головами и въ сѣду говорили обо мнѣ: — пропалъ малый безъ толку; ничего изъ него путнаго не будетъ“. Во всей Тулѣ, какъ выше сказано, Сахаровъ немного находилъ людей, „читавшихъ или думавшихъ о чемъ-нибудь“. Это было невѣжество самобытное, не внушенное „бродягами“. Сахаровъ утверждаетъ, что ему грозили даже опасности отъ этого невѣжества, но все-таки былъ убѣжденъ, что вся бѣда у насъ отъ „бродягъ“, которымъ онъ приписываетъ формальный планъ поколебать благополучіе Россіи. Объ этомъ у Сахарова была цѣлая историческая теорія, чрезвычайно своеобразная.

„Европа,—объясняетъ онъ,—еще при Петрѣ Великомъ, зорко подсмотрѣла будущую участь русской земли, предназначенную ей свыше. Изумленная неистощимыми силами нашей родины, она дружно приступила къ разрушенію основныхъ русскихъ началъ. Первое пораженіе, первый натискъ Европы былъ на русскую народность. Перестрой русскихъ людей на заморскій ладъ была начать съ сословій дворянскаго и купеческаго. Духовенство и крестьяне оставлены были въ покоѣ, но на время. Западники полагали разбить ихъ (?) въ другомъ сраженіи. Въ этомъ они горько ошиблись. Православная наша вѣра вытерпѣла страшныя истязанія отъ запада. Европа не могла слышать безъ бѣшенства имени нашего православія. Начали (?) съ того, что тысячами навязывали намъ всѣ существовавшія (?) ереси, начиная съ Гордоновой компаніи до Татариновой“... (У насъ испортили старинную церковную архитектуру, живопись; предлагали замѣнить нашу вѣру на католичество, кальвинизмъ и пр.)... „Насъ пробовали (?) сбить съ толку: философскими системами, мистицизмомъ, сочиненіями Вольтера, Шеллинга, Баадера (!), Гегеля, Страуса и ихъ послѣдователей... Бѣдная Русь, чего только ты не вытерпѣла отъ западныхъ варваровъ!

„Западные ополченія противъ русскаго самодержавія начались въ XVIII вѣкѣ. Европѣ страшно было видѣть на твердой землѣ независимаго русскаго государя, могучаго и несокрушимаго исполина, окруженнаго безпредѣльною преданностью подвластнаго ему народа... Европейскіе коноводы раздоровъ и мятежей начали воставать противъ русскаго самодержавія (?), когда полагали, что русская народность погибла навсегда (?), и что для русскаго православія довольно впушено (!) всемирныхъ (?) ересей и расколовъ. Къ счастью русской земли, они не поняли, что крѣпость нашего самодержавія создана была Владиміромъ Великимъ (?), Іоанномъ III и Петромъ Великимъ, тремя могучими государями, ниспосланными свыше для возрожденія (?), величія и счастья русской земли. Самодержавіе, основанное и укрѣпленное ими, просуществовало въ Россіи тысячу (?) лѣтъ и будетъ, при помощи Божіей, существовать еще долго, долго до позднѣйшихъ временъ.

„Война противъ трехъ началъ независимой самостоятельности русской продолжится столѣтіе. Устоитъ ли русскій народъ въ этой войнѣ противъ враговъ? Вѣдаетъ одинъ Богъ“... (За пять строкъ выше, Сахаровъ зналъ, что устоитъ)... „Россія много выстрадала (въ этой борьбѣ)... Надъ нею бдитъ русскій Богъ. Передъ Нимъ однимъ она благоговѣтъ, и Ему одному преклоняетъ свою вѣшу“ (стр. 917—919).

Таковъ былъ историческій сумбуръ, составлявшій основу взглядовъ Сахарова. Разобраться въ немъ нѣтъ, конечно, никакой возможности; можно бы подумать, что Сахаровъ будетъ винить нововведенія Петра В., но Петръ упоминается у него въ числѣ правителей, „ниспосланныхъ свыше“. Въ числѣ орудій, употребленныхъ западомъ для сокрушенія русскихъ началъ, поставлены рядомъ Вольтеръ и секта Татариновой, Баадеръ и „Страусъ“; какъ будто Вольтеръ, Баадеръ, Страусъ и даже Татаринова нарочно придуманы Европой только бы навредить Россіи. Какъ все это происходило, неизвѣстно, но —

„Переворотъ, затѣянный въ Россіи чужеземцами для направленія къ революціоннымъ идеямъ русскаго воспитанія, не есть тайна. Стоить только вспомнить основаніе александровскаго лица, борьбу аббата Николая противъ этого учрежденія и рѣшимость императора Александра Павловича противъ ученія чужеземцевъ (?). На каждое сказанное мною слово я готовъ привести сотни примѣровъ, мною самимъ видѣнныхъ“ (стр. 901—902).

Сюда именно принадлежитъ дѣятельность бродягъ, приводившихъ Сахарова въ такое негодованіе. Имъ посвящена еще особая длинная тирада въ „Воспомяваніяхъ“. Но къ удивленію, виноваты оказываются не столько бродяги, какъ сами русскіе или собственно русскія женщины. Высказавъ (въ приведенной выше цитатѣ) свое недоумѣніе, чему больше удивляться—легковѣрію ли новаго поколѣнія „первой четверти столѣтія“ или твердости стариковъ, не вѣрившихъ „бродягамъ“, Сахаровъ продолжаетъ:

„Время взяло свое; женщины наши все перепутали (?), имъ надобна была французская болтовня, имъ надобны были танцы (?), имъ надобны были кокетство и разсыпаніе въ жизни. Во всемъ этомъ они опирались на губернерство. Вотъ отъ чего скоро развелась у насъ порода губернерствокъ; вотъ отъ чего охота къ чужеземному воплотилась въ дѣла, воплотилась въ привычки и пошла рука объ руку съ дворянскимъ просвѣщеніемъ, ложнымъ, бесполезнымъ и вреднымъ для нашего отечества. Немного надобно людямъ, чтобы понять всю опасность такого ложнаго просвѣщенія; но многіе ли хотѣли видѣть эту страшную бѣду нашего отечества? Повсюду за нею стремились съ какимъ-то обаяніемъ и восторгомъ“ (стр. 902).

Слѣдуетъ исторія „губернерскаго просвѣщенія“:

„Вообще губернерское просвѣщеніе русскихъ людей можно раздѣлить на три эпохи, стубившія (?) нашу родину. Первая явилась послѣ первой французской революціи, когда эмигранты толпами прибѣгали въ Россію; они охва-

тели тогда высшій кругъ дворянства, жившій въ столицахъ; ихъ вліянію все покорилось рабски. Матушки за нихъ спѣшили отдать своихъ дочекъ, чтобы величать ихъ маркизами и герцогинями; батюшки обрадовались вольнодумству, сынки кинулись въ развратъ со всею наглостью, руководимые во всемъ эмигрантами. Эта эпоха длилась до 1812 года и тихо подрывалась подъ основной быть (?) русскаго образованія, освященнаго вѣрою и событіями тысячи лѣтъ. Въ эту эпоху началось *выписываніе* французовъ и француженовъ, нѣмцевъ и нѣмчурокъ нашими *путешественниками*, ѣздившими на показъ въ Фернейскій замокъ и въ Парижъ. Тогда, хотя и изрѣдка, начали разводить пансіоны, мужскіе и женскіе, *подъ защитою* выписныхъ нѣмецкихъ профессоровъ московскаго университета, Шадена, Шварца и другихъ. Бѣглыя (?) и наглыя французенки открыли въ *этихъ* вертекахъ постыдный торгъ честию русскихъ женщинъ и русскихъ дѣвушекъ"... (Тамъ же).

Факты безнравственнаго вліянія эмиграціи дѣйствительно бывали въ тѣ времена; но Сахаровъ не только спуталъ хронологію, но и взвелъ небывалныя гадости на людей, оставившихъ честное и заслуженное имя въ исторіи русскаго образованія: напимѣрь, Шварцъ умеръ гораздо раньше французской революціи, Шадень (опять гораздо раньше революціи) былъ воспитателемъ того Карамзина, которому самъ народолоубецъ считалъ себя наиболѣе обязаннымъ. Далѣе:

„Вторая эпоха началась съ изгнаніемъ французской арміи въ 1812 году изъ Россіи. Просвѣтителями этой эпохи содѣлались бессмысленные остатки отъ разбитой наполеоновской арміи. Съ этого времени водворилось всеобщее несчастье (!) въ моемъ миломъ и безцѣнномъ отечествѣ"... (слѣдуетъ такая же характеристика времени, какъ выше). „Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 года (?); но она оставила гибельныя послѣдствія на цѣлое столѣтіе. Этимъ орудіемъ думали заморскіе демагоги (?) приготовить въ Россіи *что-то* въ родѣ 14-го декабря.

„Третья эпоха началась пріѣздомъ гувернантокъ по требованію поставщиковъ (?)... Магазины Кузнецкаго моста, Невскаго проспекта и знаменитаго Ревельскаго подворья (?) наполнены были бродягами-просвѣтительницами... Взгляните на нихъ (ихъ воспитанниковъ) и скажите... много ли въ нихъ есть русскаго? Видите ли вы въ ихъ дѣлахъ что-нибудь къ чести и славѣ русскаго ума? Лежитъ ли ихъ сердце къ Россіи?“ и проч. (стр. 904—905).

На эту тему написано еще нѣсколько страницъ, гдѣ описывается „роковое паденіе“ русскаго дворянства подъ вліяніемъ „нѣмцевъ и разной западной твари“, разсказывается, какъ вслѣдъ за дворянствомъ увлеклось тѣмъ же „наше степенное купечество“. Не приводя дальнѣйшихъ безсвязныхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, укажемъ лишь то, что Сахаровъ говоритъ о началѣ своихъ изученій русскаго народа.

По запискамъ Сахарова не видно, когда именно и какъ онъ началъ свои этнографическія изслѣдованія. Впослѣдствіи, когда въ 1841 г. А. Н. Голицынъ (главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ) ходатайствовалъ предъ императоромъ Николаемъ о

награждения Сахарова, издаваемаго тогда первый томъ „Сказаній“, въ докладѣ Голицына сказано было, что свои историческія изысканія русской народности Сахаровъ началъ „еще до вступленія въ университетъ московскій“, и что „тогда, въ продолженіе шестми лѣтъ обходилъ онъ губерніи: тульскую, орловскую, разанскую, калужскую, орловскую, въ хижинахъ поселянъ собиралъ народныя преданія, въ городахъ и селахъ обозрѣвалъ сохранившіеся народныя памятники, въ архивахъ пересматрѣлъ нужные историческіе акты“ и пр. ¹⁾ Въ запискахъ онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее. Занимаясь первымъ своимъ трудомъ — исторіей тульской губерніи, Сахаровъ сдѣлалъ и поѣздку по губерніи.

„...Поѣздка по губерніи доставила мнѣ много запасовъ для узнанія *русской народности*. Ходя по селамъ и деревнямъ, я вглядывался во всѣ сословія, прислушивался къ чудной русской рѣчи, собиралъ преданія давно забытой старины и не вѣрилъ своимъ глазамъ (?): тотъ ли это историческій народъ, котораго дерзаетъ презирать заморскіе *бродяги*? Непостижимо (?) громадная русская жизнь, непостижимо (?) разнообразная во всѣхъ своихъ явленіяхъ, раскрывалась передо мною въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Во Владимірѣ, Ростовѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ ²⁾ она уже не удивляла меня болѣе; въ ея гигантскихъ разиѣрахъ я уже видѣлъ исполина, несокрушимаго никакими переворотами. И этого русскаго челоуѣка, стараго обитателя Европы, учившагося уму и разуму въ Царыградѣ, съ IX вѣка имѣвшаго свою тысячелѣтнюю грамоту, вздумали *безродные бродяги* переучивать по своему, перевоспитывать на свой ладъ. Въ годину страданій, тяжкихъ для русскаго просвѣщенія (?), новое возникающее поколѣніе, болѣе крѣпкое духомъ, нежели отцы ихъ, вдругъ сознаетъ свое родовое достоинство и обращается къ старой русской жизни. Русская народность смѣло и торжественно провозглашается въ Россіи. Императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства народнаго просвѣщенія. Онъ ясно разгадалъ грядущую славу Россіи, онъ одинъ поналъ назначеніе русской земли. Бродя по Россіи, собирая преданія, я не предчувствовалъ тогда, что наша родная народность можетъ такъ скоро огласиться (?) и быть мѣриломъ оцѣнки старой русской жизни и новаго европейскаго образованія. Было время, когда я слышалъ, какъ въ городахъ и селахъ русскіе, наученные *заморскими бродягами*, съ презрѣніемъ говорили, что русскій языкъ есть языкъ холопскій, что образованному челоуѣку совѣстно читать и писать по-русски (?), что наши пѣсни, сказки и преданія глупы, пошлы и суть достояніе подлаго простаго народа... Такъ думали и говорили тогда наши огаженные (sic) Европейцы... Благодарю Бога, что я дожилъ до того времени, когда русскіе начали возвращаться къ русскому языку, къ русской народности и къ русской одеждѣ“ и т. д. (стр. 909—911).

Такъ Сахаровъ самъ излагалъ свой взглядъ на историческую судьбу русской народности. Это, видимо, было возрѣніе всей его

¹⁾ Р. Архивъ, 1873, стр. 291; ср. предисловіе въ „Сказаніяхъ“, т. I.

²⁾ Это было уже поздаѣе.

жизни: въ юности, отъ тульского священника онъ наслушался о „наглецахъ изъ нѣмецкой породы“ и до конца дней проклиналъ „заморскихъ бродягъ“; они не давали ему покоя, и какъ будто самое возвеличеніе русской народности дѣлаетъ онъ имъ въ пику. Свободное обращеніе его съ фактами и здравымъ смысломъ дѣлаетъ излишнимъ разборъ этого взгляда; естественно ожидать, что онъ отразится въ его трудахъ по русской этнографіи. И онъ дѣйствительно отразился различнымъ образомъ.

Въ литературныхъ кругахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Сахарова цѣнили какъ большого знатока фактовъ этнографіи и археологій; но повидимому уже въ то время никто не думалъ серьезно объ его „народныхъ“ взглядахъ, и надъ его нѣмецѣдствомъ подшучивали. „Въ кружкѣ Надеждина, — рассказываетъ одинъ современникъ, — въ исходѣ сороковыхъ годовъ, Сахарова звали въ шутку „посадскимъ человѣкомъ“, ужъ не знаю почему: кажется, за его фигуру“¹⁾; но могли звать не только за фигуру, но и за складъ понятій, свойственныхъ полуобразованному посадскому человѣку. Его ненависть къ барству, воспитанному на иноземный ладъ и забывавшему о народѣ и старинѣ, была безъ сомнѣнія искренняя, могла имѣть свои достаточныя основанія и внушать сочувствіе, какъ протестъ противъ грубаго и пошлаго забвенія національныхъ интересовъ литературы и общественности²⁾;—но въ этомъ было и народничанье, себѣ на умѣ, нѣкоторая непослѣдовательность или фальшивость, уже замѣченная его современниками. Въ своихъ запискахъ, Сахаровъ любитъ выставить себя страдальцемъ за правду, гонимымъ за свои труды на пользу отечества; но онъ говоритъ объ этомъ такъ неявно, что мудрено понять, кто и за чтѣ его гналъ.

По поводу своей тульской „Исторіи“, первый отрывокъ которой былъ напечатанъ въ „Галатеѣ“ 1830, Сахаровъ замѣчаетъ, что эта статья была „первенецъ *всѣхъ несчастій, юностей* и ссоръ съ добрыми и недобрыми“. Дѣло въ томъ, что въ полуграмотной провинціальной компаніи статья своего земляка, явившаяся въ московскомъ журналѣ, произвела сенсацію. По разсказу самого Сахарова, она составила цѣлое событіе; друзья автора трубили о ней, развозили ее по городу; устроенъ былъ вечеръ, на которомъ молодого автора представляли мѣстнымъ ученымъ людямъ и нотаблямъ, причежь иные „плакали отъ радости“. Но „другимъ очень не нравилось это оглашеніе меня передъ публикою, и многіе въ слухъ бранили меня довольно невѣжливо. За первую ничтожную журнальную статью меня судили

¹⁾ Русскіе палеологи, отдѣльное изд., стр. 7.

²⁾ См. разсказъ Панаева о томъ, какъ Сахаровъ держалъ себя на вечерахъ у кн. Одоевскаго. Литературныя Воспоминанія, Спб. 1876, стр. 117.

и едва было не лишили всего грядущаго въ моей жизни (?). Весь вопросъ заключался въ томъ: какъ смѣлъ мальчишка печатать въ журналѣ свое сочиненьишко?—Этотъ „судъ“ возникъ въ домѣ священника Иванова (толковавшаго Сахарову о „наглецахъ“), у котораго былъ въ гостяхъ тульскій епископъ Дамаскинъ; но „судъ“ кончился скоро, безъ вреда“, благодаря горячему участию, которое приняли въ Сахаровѣ его друзья. Въ чемъ былъ „судъ“, кто судилъ—неизвѣстно; но всѣмъ видимостямъ, епископъ Дамаскинъ, безъ сомнѣнiя „истинно русскiй“ человекъ, не зараженный „заморскими бродягами“.

Въ списокѣ своихъ сочиненiй, Сахаровъ опять нѣсколько разъ темно упоминаетъ о разныхъ затрудненiяхъ и гоненiяхъ, которыя ему пришлось испытать по ихъ поводу. Подъ 1836 годомъ замѣчено о первой части „Сказанiй русскаго народа“: „Вѣдная книга! Сколько она прошла мытарствъ, судовъ, пересудовъ, толковъ!..“ Издатель записокъ Сахарова, г. Савваитовъ, прибавляетъ къ этому извѣстiе: „Дѣйствительно, дѣло доходило до того, что Сахарову угрожали уже Соловками (?), и бѣда уже висѣла надъ его головою (?); по участию, принятое въ немъ кн. А. Н. Голицынымъ, избавило нашего археолога отъ душевнасительнаго пребыванiя въ отдаленной обители: по ходатайству князя, Сахаровъ удостоился получить высочайшую награду, и дѣло кончилось благополучно“¹⁾. Къ сожалѣнiю, и почтенный другъ Сахарова, вѣроятно близко знакомый съ его биографiей, не взялъ на себя труда объяснить это происшествiе, и остается неизвѣстно, кто и на какомъ основанiи угрожалъ Сахарову Соловками. Угроза была крупная и едва ли слишкомъ легко исполнимая надъ лицомъ, состоявшимъ не въ духовномъ вѣдомствѣ, а въ гражданскомъ: власть, грозившая Соловками, была, вѣроятно, духовная, — потому что другая скорѣе грозила бы чѣмъ-нибудь инымъ. Г. Барсуковъ относитъ это извѣстiе также къ 1841 году (когда вышло новое изданiе „Сказанiй“) и замѣчаетъ: „Надо было бы думать, что человекъ съ такимъ направленiемъ, какъ Сахаровъ, долженъ былъ найти поддержку и сочувствiе именно въ той средѣ, въ которой наиболѣе сохранились исповѣдуемая Сахаровымъ начала. Безпристрастiе требуетъ замѣтить, что вышло не такъ. Тамъ его встрѣтили—съ одной стороны мертвящее равнодушию, а съ другой—гоненiя. Пониманiе же, сочувствiе, поддержку и огражденiе въ направленiи своемъ Сахаровъ встрѣтилъ именно въ той средѣ, въ которой, по его мнѣнiю, все русское изсыкло и царила одна иноземщина“.

¹⁾ Р. Архивъ, стр. 930. Но это было уже въ 1841 г.

Это было заступничество кн. Голицына ¹⁾). Не были ли „Соловки“ просто чьей-нибудь раздражительной фразой, сказанной въ цензурныхъ пререканіяхъ, если не созданиемъ воображенія Сахарова, который, кажется, склоненъ былъ видѣть кругомъ себя гонителей или завистниковъ? А если дѣйствительно были гоненія, то едва ли отъ людей, бичуемыхъ Сахаровымъ.

Подъ 1841 годомъ, по поводу изданія „Записокъ русскихъ людей“, Сахаровъ опять пишетъ: „Вѣдная книга! чего съ ней не дѣлали? Кто только не интриговалъ?“ Подумаешь, что *вся* интриговали... Въ чемъ дѣло — опять неизвѣстно. Подъ 1843, по поводу „Указной книги царя Михаила Ѳеодоровича“, изданной Сахаровымъ въ „Р. Вѣстникѣ“ 1842 г., онъ замѣчаетъ, что статья напечатана была съ ошибками „умышленными и неумышленными“ ²⁾: кому, зачѣмъ были нужны умышленныя ошибки — неизвѣстно. Какъ выражался патриотизмъ Сахарова, можно видѣть изъ его собственныхъ Записокъ, напр., въ рассказѣ о празднованіи открытія типографіи Воейкова ³⁾).

Какимъ же образомъ могло случиться, что Сахаровъ, рѣшавшій вопросъ народности столь первобытнымъ образомъ, просто противопоставляя русскихъ и—нехристей, могъ, однако, приобрѣсти такое значеніе, сдѣлаться хотя на время авторитетомъ?

Это объясняется положеніемъ дѣла. Когда стали появляться труды Сахарова, изученіе предмета едва возникало. Въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ были и тогда люди, хорошо вооруженные историческимъ и философскимъ знаніемъ, но ихъ знаніе направлялось на другіе насущные вопросы литературы и очень мало обращалось на вопросы этнографіи. О самой народности начинались теоретическіе толки, по рѣдко или никогда чисто-этнографическіе. Большой заслугой Сахарова было именно то, что онъ указалъ множество новаго матеріала, который требовалъ изученія прежде, чѣмъ могли быть дѣлаемы выводы о русской народности. *Точка зрѣнія* была первобытная, очень странная, грубая, натянуто-сентиментальная; читатели и критика мало замѣчали ея нескладицу—новость матеріала отводила собственныя разсужденія Сахарова на задній планъ или извиняла его увлеченія. Предметъ былъ мало извѣстенъ; едва ли кто-нибудь въ тридцатыхъ годахъ былъ въ состояніи *протърѣть*

¹⁾ Палеологи, стр. 5. Кн. Голицынъ былъ, конечно, человекъ барскаго и французскаго образованія; но по замѣчанію г. Барсукова, это „несколько не помѣшало ему остаться истинно-русскимъ умомъ и душою“. Онъ былъ очень благочестивъ и одно время былъ поклонникомъ архимандрита Фотія.

²⁾ Р. Архивъ, стр. 934, 936.

³⁾ Р. Архивъ, стр. 941 и слѣд. Ср. Панаева, Воспоминанія, стр. 103—106.

Сахарова другими данными, столь же обильными и разнообразными. Ему вѣрили на слово.

Въ самомъ дѣлѣ, сличая содержаніе трудовъ Сахарова съ личностью *тогдашней* литературы въ этой области, найдемъ, что многое изъ его матеріала было чистою новостью. Изданіе пѣсень, сказокъ, описаніе обычаевъ, преданій, заговоровъ, загадокъ, игръ, гаданій, чародѣйства; народный дневникъ; изданіе старинныхъ словарей и азбуковниковъ, старыхъ путешествій, записокъ и т. д., — все это или вообще въ первый разъ переходило въ печать изъ устъ народа, изъ рукописей и старыхъ рѣдкихъ изданій, или впервые было собрано въ одно цѣлое и сдѣлано доступнымъ для читателя-неспеціалиста, вспомнито и пущено въ научно-литературный оборотъ. Появленіе этого матеріала одно было цѣлымъ событіемъ, давая новыя свѣдѣнія объ искомой „народности“, расширяя горизонтъ наблюденій, возбуждая (если не у самого издателя, то у другихъ) новые вопросы и новыя точки зрѣнія. Собственныя идеи Сахарова пропускались, дѣло было не въ нихъ; а вскорѣ послѣ, когда возникли научныя приемы изслѣдованія, эти идеи были уже такъ странны, что ихъ не стоило опровергать. Сахаровъ вызвалъ строгую критику уже не съ этой стороны, а—тамъ, гдѣ шла рѣчь о подлинности самого народно-поэтического текста, и въ вопросахъ научной археологіи.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ его работы и самаго матеріала.

Въ предисловіи къ „Сказаніямъ“ онъ обращается къ „добрымъ русскимъ людямъ“ и однимъ изъ побужденій его изучать свою народность было—что скажетъ о нашей народности „чужеземецъ“, эта *idée fixe* Сахарова. Въ выраженіяхъ его привязанности къ старому обычаю, къ жизни народной есть теплое чувство, проблески мысли о нравственно-общественномъ значеніи народной идеи; но все это сказано съ той же неловкостью мысли и выраженія, какая поражаетъ въ позднѣйшихъ „Запискахъ“¹⁾. Онъ бываетъ ясенъ только тогда, когда говоритъ не мудрствуя лукаво и, не пускаясь въ ученость, излагаетъ факты; но какъ только онъ берется за общія соображенія,

¹⁾ Напримѣръ: „Было время, когда всѣмъ этимъ (народной стариной) дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими пѣснями, но можно ли ихъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей *народной поэзи* слышали только отголоски, вылетавшіе изъ восторженной души (?); но они не могли постигать нашихъ *былинъ*, создаваемыхъ вдохновеніемъ и восторгомъ (?) въ полномъ наслажденіи семейной жизни“.—Непонятно.

„Какая-то непостижимая сила сберегла для насъ памятники угаснувшей словесности: Пѣснь о полку Игоревомъ и Сказаніе о Куликовской битвѣ“. — Отчего *непостижимая*?

они оказываются смутными и излагаются путаннымъ языкомъ, съ тѣмъ напускнымъ народно-чувствительнымъ тономъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся.

Какъ мы замѣчали, Сахаровъ былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ трудахъ: онъ высказывалъ свои критическіе приговоры съ большимъ пренебреженіемъ къ незнанію своихъ предшественниковъ — издателей пѣсенъ, толкователей мѣологии и т. п. Но, отдавая справедливость его собирательскому труду, нельзя не видѣть, что его собственный критическій багажъ былъ очень скромный. Ему доступны приемы только первоначальной критики; онъ замѣчалъ несостоятельность прежнихъ, наукъ совсѣмъ и не принадлежавшихъ, книжекъ о старинѣ; знаетъ, что объясненіе старины должно основываться на источникахъ, и не допускаетъ произвольныхъ фантазій; при изданіи пѣсенъ, сказокъ, преданій, при описаніи обычаевъ, онъ знаетъ, что онѣ должны записываться съ полною точностью; но дѣйствительной критики у него нѣтъ и слѣда, — напр. въ „ислѣдованіи“ славянской мѣологии или въ изданіи пѣсенъ онъ думаетъ, что вопросъ состоитъ только въ пересмотрѣ того, чтó было сдѣлано его предшественниками.

„Сказанія русскаго народа“ ¹⁾ начинается статьей: „Славяно-русская мѣология“. Довольно небольшого примѣра, чтобы указать свойство приемовъ Сахарова. „Исторія славяно-русскихъ мѣографій, — начинается онъ, — представляетъ одно изъ рѣдкихъ (чѣмъ?) явленій въ русской литературѣ, — явленіе, исполненное разнообразныхъ вымысловъ, невѣроятныхъ догадокъ, ничтожныхъ предпріятій“. Съ Нестора до своего времени Сахаровъ насчиталъ больше десяти „мѣографовъ“, но настоящей мѣологии еще нѣтъ. Причины несостоятельности прежнихъ трудовъ Сахаровъ выставляетъ слѣдующія: 1) усвоеніе славяно-русской мѣологии всѣхъ другихъ боговъ славянскихъ поколѣній. 2) Открытіе происхожденія славянскихъ боговъ въ мѣологияхъ другихъ народовъ. 3) Филологическія розысканія. 4) Безусловное вѣрованіе въ источники. 5) Произвольныя дополненія“. Справедливо безъ сомнѣнія, что произвольное смѣшеніе фактовъ и особливо выдумки были грубымъ нарушеніемъ требованій исторической критики; положимъ, Сахаровъ могъ возставать и противъ „филологическихъ розысканій“ (какъ ихъ разумѣли въ то время), т.-е. противъ такого же произвольнаго толкованія именъ; но осуждая „безусловное вѣрованіе въ источники“, онъ самъ представлялъ дѣло очень смутно. „Источники“ и должны быть основой для историческаго вывода; но не все, чтó только говорилось объ историческомъ

¹⁾ Приводимъ вообще 3-е изданіе.

фактъ, составляет „источникъ“,—а по Сахарову „источникъ“ для древней мѣологии есть и Несторъ, и Иннокентій Гизель одинаково, только первому онъ вѣрить, а второму нѣтъ. Собственная мысль Сахарова состоитъ въ томъ, что „естественное и вѣрное основаніе славяно-русской мѣологии есть Несторъ; кромѣ сего мы не находимъ ничего, и едва ли что можемъ найти“¹⁾. Затѣмъ все „изслѣдованіе“ состоитъ лишь въ переборѣ показаній и мнѣній Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова и т. д. Сахаровъ укоризненно обличаетъ ихъ неосновательность, на что, собственно говоря, и не стоило употреблять столько хлопотъ. Обличаемые писатели или писали въ такое время, когда не было и мысли о научныхъ требованіяхъ, или даже сами отелоняли отъ себя всякія ученія притязанія, прямо заявляя, что занимаются стариной для „увеселенія“ своего и читателей²⁾: въ нашей исторической литературѣ это было уже давно понито. Съ другой стороны, тотъ же Михайло Поповъ лучше Сахарова понималъ, что мѣологию народа можно узнать не только изъ прямыхъ свидѣтельствъ старины, но изъ живущихъ донынѣ народныхъ сказаній и обычаевъ³⁾; Сахаровъ напротивъ не находилъ здѣсь мѣологии, и ждалъ отъ русской мѣологии только исторіи о „богахъ“, какія, напр., рассказывались въ учебныхъ книжкахъ о греческихъ богахъ. Затѣмъ, пересмотрѣвши русскіе „источники“ мѣологии (т.-е. Нестора, Гизеля, Попова, Кайсарова и пр.), Сахаровъ приходитъ къ источникамъ иностраннымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Источникъ иностранныхъ свѣдѣній (?) представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій и выѣстъ самое опасное. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ нашихъ мѣографовъ не принимался критически обозрѣть всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ

¹⁾ Сказанія, т. I, кн. I, стр. 12.

²⁾ Напр. Михайлъ Поповъ въ „Краткомъ описаніи славянскаго баснословія“, 1768, самъ говоритъ о своей книжкѣ: „сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ, и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ“. Глинка, авторъ „Древней религіи славянъ“, 1804, простодушно признается: „Описывая произведенія фантазіи или мечтательности (такъ онъ считалъ древнюю мѣологию), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ буду дополнять *собственною* подъ древнюю статью *фантазією*“.—Что же и спрашивать съ такихъ авторовъ? Серьезное „изслѣдованіе“ могло бы просто оставить ихъ въ сторонѣ, — какъ настоящіе изслѣдователи и оставляли. Напр., относительно Михайла Попова, Карамзинъ сдѣлалъ это еще въ 1801, за тридцать лѣтъ до Сахарова. (См. Пантеонъ Росс. авторовъ, въ Сочинен., изд. 4, VI, 293).

³⁾ Въ предисловіи къ „Краткому описанію“ онъ заявляетъ: „Матерію, составляющую сію книжку, выбиралъ я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ Россійскую Исторію, какія имѣли или какія могъ сыскать для прочтенія, также изъ простонародныхъ сказокъ, писемъ, иurz и оставшихся нѣкоторыхъ *обыкновеній*“.

чужеземцевъ о славяно-русскихъ *богахъ*“. Онъ берется указать нѣкоторые, и насчитываетъ 34 писателей—нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ, южно-славянскихъ, ставя ихъ въ самомъ капризномъ безпорядкѣ: за средневѣковыми лѣтописцами, какъ Саксонъ Грамматикъ, Гельмольдъ, Дитмаръ, и за Стурлезономъ онъ ставитъ писателей XVII—XVIII вѣка (не указывая болѣею частію, когда и гдѣ явились ихъ труды); затѣмъ, *послѣ* Леклерка и графа Потоцкаго (XVIII и XIX вѣкъ) идетъ Кромеръ (XVI вѣкъ), Длугошъ (XV вѣкъ), потомъ опять Тунманъ, Гебгарди (XVIII вѣкъ), Герберштейнъ (XVI вѣкъ), Раичъ (XVIII вѣкъ), Мавро-Урбинъ (XVI—XVII вѣкъ), потомъ Нарушевичъ (XIX вѣкъ), потомъ Павель Іовій (XVI вѣкъ) и т. д. Авторъ видимо зналъ этихъ писателей только изъ чужихъ цитатъ и изъ того, что изъ нихъ являлось по-русски; и самъ онъ ихъ „критически“ также не разсмотрѣлъ.

Слѣдующая статья о „Пѣсняхъ русскаго народа“ даетъ сначала списокъ изданій, потомъ „мнѣнія русскихъ литераторовъ о народной поэзіи“. Далѣе, въ статьѣ: „Слово о полку Игоревѣ“, опять перечислены изданія, переводы и мнѣнія критиковъ; о чужихъ трудахъ Сахаровъ здѣсь, какъ и въ предыдущей статьѣ, говоритъ обыкновенно въ высокоумномъ тонѣ, не всегда оправдываемомъ цѣнностью самихъ замѣчаній, но своего „исслѣдованія“ никакого не даетъ. Статья: „Русскіе народныя праздники“ опять состоитъ изъ перебора того, что было писано о предметѣ другими, и снабжена общими соображеніями очень темнаго свойства. „Исторія русской литературы,—говоритъ Сахаровъ, — доселѣ еще не имѣетъ полного собранія русскихъ народныхъ праздниковъ“ (это собственно и не есть дѣло „исторіи литературы“). „По какому-то странному (?) стеченію обстоятельствъ наши историки не касаются сего предмета въ исторіи русскаго народа. Для нихъ какъ будто они не существуютъ“. Последнее опять не вѣрно, потому что напротивъ наши писатели еще съ прошлаго вѣка начали говорить о народныхъ обычаяхъ и въ томъ числѣ праздникахъ; о нихъ говорилъ и Карамзинъ; а затѣмъ большая доля статьи занята пересмотромъ сочиненія Снегирева именно объ этомъ предметѣ, — который такимъ образомъ „существовалъ“ для историковъ. Упомянувъ о томъ, какъ праздники древніе были забыты образованнымъ обществомъ и сохранены народомъ, Сахаровъ продолжаетъ: „До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смѣшенія (?) въ описаніяхъ русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша миѳологія болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входитъ и демонологія, пикогда не принадлежавшая не только миѳологіи, но и самой русской жизни (?). Объ ней только русскіе говорятъ (?); она никогда не осуществля-

лась у славяно-руссовъ, какъ мифологія (?). Къ мифологіи причисляютъ и народные праздники, совершенно безъ всякаго основанія“ и т. д. Далѣе увидимъ, какъ могло случиться, что къ мифологіи народа не принадлежали его „демонологія“ и преданія.

Вторая книга „Сказаній“ приноситъ новыя неожиданности. Она начинается статьей: „Преданія и сказанія о русскомъ чернокнижии“. Крайняя путаница мыслей сказывается съ первыхъ строкъ разсужденія Сахарова: „Тайныя сказанія русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни (?) и никогда не были мнѣніемъ общественнымъ, мнѣніемъ всѣхъ сословій (?) народа“. Конечно, совсѣмъ наоборотъ: въ старыя времена вѣра въ колдовство и чудесничество была именно всеобщимъ убѣжденіемъ, какъ часть языческаго міровоззрѣнія. Сообщивъ далѣе нѣсколько свѣдѣній о современной вѣрѣ народа въ колдовство, указавъ нѣсколько лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ о колдовствѣ въ древней Руси, Сахаровъ приступаетъ къ „источникамъ русскихъ преданій“. По причинамъ, которыя дальше увидимъ, Сахаровъ увѣряетъ, что „тайныя сказанія“ не были созданіемъ русскаго народа, а напротивъ принесены изъ чужихъ источниковъ. Чтобы дать понятіе о его способѣ разсужденія, надо прочесть небольшой отрывокъ:

„...Мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: неужели это (т.-е. повѣрья русскаго народа о колдовствѣ и чернокнижии) есть порожденіе думъ русскаго народа? Неужели все это создавалось въ русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ (?), будемъ сознательно предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: Русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сказаній (!); онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго чернокнижія (?) въ свою семейную жизнь. Никогда на русской землѣ не создавались тайныя сказанія (!); она, какъ часть вселенной (!), вмѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идеѣ убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго чернокнижія (!). Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ историческіе факты, объясняющіе переходеніе тайныхъ міровыхъ сказаній въ русское чернокнижіе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

„Всеобщее міровое чернокнижіе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенія тайныхъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для мнѣй, думы для тайныхъ сказаній (!), рассказы о быломъ для повѣрій, олицетворили ихъ видѣніями (!). Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ религіозный, политическій, гражданскій (!). Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами... Предъ нами остались ихъ мнѣя, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ (?); онъ... пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію; но принялъ основныя мысли, восхитавшія его воображеніе, лѣстившія его слабости.

„Многи, перешедшіе въ новый міръ, образовали *Демонологию*, столько разнообразную, столько разнообразную, сколько разноплеменны были народы, сколько разнообразны ихъ олицетворенія (?). Ни днями, ни годами, но вѣками усвоивались мною древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ, чего недоставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились *миѳология* и *символика*“ и т. д. ¹⁾.

Рѣдко встрѣчается такая путаница словъ и понятій. Соответственно этому и объясняются источники русскаго чернокнижія. „Тайныя сказанія древняго міра,—продолжаетъ Сахаровъ,—осуществлялись людьми, означенными (?) безчисленными названіями“. И затѣмъ пересчитываются разные представители древняго чернокнижія—греко-римскаго: астрологи, авгуры, „прогностики“, мистагоги, гаруспеки, сортилеги, пнеониссы и т. д.; исчисляются древнія прорицалища и оракулы; различные способы гаданія: кабалистика, антропомантія, аеромантія, гидромантія, капномантія, катоптромантія, леканомантія, некромантія, онихомантія и т. д.—по какому-нибудь старинному справочному словарю. По теоріи Сахарова выходило, что эти чернокнижники и гадатели имѣли своихъ учениковъ въ древней Руси. Напримѣръ: „Астрологи, облачаемые названіями халдеевъ, математиковъ, волхвовъ, почитаются старѣйшинами въ образованіи чернокнижія... Незадолго было повѣріе, что Зороастръ персидскій первый начерталъ чернокнижіе (1); но теперь оно (т.-е. „повѣріе“), съ открытіемъ санскритскихъ письменъ, уничтожается (1). Въ землю русскую перешли астрологи при началѣ ея общественнаго быта (1) и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темныя намеки о вліяніи планетъ на судьбу человека... замѣтимъ здѣсь, что и русская народная символика есть порожденіе астрологовъ“ (1). Далѣе оказывается, что и „авгурология (гаданіе по птицамъ) перешла въ русскую землю со многими видоизмѣненіями“; и „ученіе прогностиковъ внѣдрилось въ русскую семейную жизнь издревле“; и „видѣнія, и призраки русскаго селянина (?) носятъ на себѣ отпечатокъ ученія мистагоговъ“; „ученіе гаруспекровъ мало извѣстно русскимъ чародѣямъ“, но „русское кудесничество и чародѣйство составилось изъ преданій ессайскихъ волшебницъ (пнеониссы); наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ“ и т. д. ²⁾. Вопросъ о томъ, имѣли ли на „русскую семейную жизнь“ вліяніе дельфійскій

¹⁾ Сказанія, томъ I, кн. 2, стр. 7—8.

²⁾ Въ другихъ мѣстахъ онъ указываетъ еще, что къ русскимъ приносили кудесничество финны, татары, литовцы, молдаване, цыгане.

и донской оракулы и „прорицалище Аммона“, Сахаровъ оставляетъ открытымъ: „трудно рѣшить“.

Но Сахаровъ усиленно заботится о томъ, чтобы доказать, что народное чернокнижіе не было придумано самимъ русскимъ народомъ. Нѣсколько разъ онъ повторяетъ, что „русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ сказаній“; „мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ русскій человѣкъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній“; относительно „чаръ для калѣкъ“ Сахаровъ утверждаетъ, что „русскій поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ“¹⁾ и пр. Онъ такъ огорчается нѣкоторыми суевѣріями народа, что, хотя и былъ ревностный этнографъ, желаетъ истребленія, а не изученія народно-письменныхъ памятниковъ этого рода, — конечно важныхъ для настоящаго этнографа²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, онъ беретъ подъ защиту и нашихъ отдаленныхъ предковъ и негодуетъ противъ новѣйшихъ миѳологовъ, которые, между прочимъ, „подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій, прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ *позорную тѣнь многобожія*“³⁾.

Итакъ, ясно, почему надо было отвергать и многобожіе предковъ, и чернокнижіе потомковъ: Это была позорная тѣнь, которой Сахаровъ никакъ не могъ допустить на народъ, столь патріархально-благонравномъ и православно-благочестивомъ. Для объясненія этого, у Сахарова имѣется особая теорія „общественнаго образованія русскаго народа“, т. е., развитія русской народности. Хотя чернокнижіе и зашло къ намъ, оно не нарушило чистоты нашей народности на слѣдующемъ основаніи:

„Общественное образованіе русскаго народа, совершаясь независимо отъ другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменованіями (?): *понятіями общественными и семейными*.“

„Русскія общественныя понятія всегда (?) существовали на краеугольномъ основаніи христіанскаго православія. Іерархи, какъ пастыри церкви и учителя народа, князья и цари, какъ священные властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ

¹⁾ Сказанія, т. I, кн. 2, стр. 8, 14, 28.

²⁾ Говоря о плакунѣ-травѣ, Сахаровъ пишетъ: „Съ горестью (!) упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травой... Чародѣйскій травникъ, занесенный въ русскую землю изъ Бѣлоруссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травой плакуномъ... Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время самозванцевъ... Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были *уничтожены*, или по крайней мѣрѣ чтобы *простолюдныя* увѣрились въ ихъ ничтожность?“—Сказ., тамъ же, стр. 44.

³⁾ Сказ., т. II, кн. 7, стр. 91.

рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ людьми, являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ... Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ онъ (русскій славянинъ) не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ замѣчалась ненарушимость русскаго общественнаго понятія.

„Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ (?), и порождавшіяся въ семействахъ (?) никогда не сливались съ общественными понятіями (?). Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли (?). На этихъ заповѣданныхъ (?) чертахъ все измѣнилось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь русскимъ словомъ въ гостепримныхъ семействахъ (?), эти мнѣнія переносились отъ одного селенія къ другому (?). Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужихъ мнѣній“.—Эти пришельцы и бывалые люди „никогда не выходили изъ круга семейнаго, никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни“¹⁾.

Съ этой точки зрѣнія Сахаровъ и убѣдился, что чернокнижіе, а съ нимъ и другія позорныя заблужденія не были русскимъ дѣломъ, а заносились къ намъ только чужеземцами. Всѣ эти оправданія русской старины довольно забавны, потому что можно было бы разрѣшить ей заблуждаться и собственными фантазіями,—но у Сахарова видимо въ подкладкѣ было желаніе и въ отдаленнѣйшей старинѣ охранить за русскимъ народомъ тѣ основныя начала русской жизни, которыя были указаны тогда программой официальной народности. Сахаровъ и раздѣлил *общественныя* и *семейныя* начала русской жизни, другими словами официально народныя и простонародныя, и первыя всячески восхвалялъ, не останавливаясь передъ историческими безсмыслицами.

Но вслѣдъ за этими безсмыслицами, подъ рубрикой „сказаній о кудесничествѣ“ сообщается очень любопытная и цѣнная коллекція заговоровъ (числомъ 64), собранныхъ самимъ Сахаровымъ и полученныхъ отъ другихъ лицъ. Далѣе подъ заглавіемъ „сказаній о чародѣйствѣ“ (которое можно было бы соединить съ „кудесничествомъ“) сообщаются различныя приемы колдовства: чары на вѣтеръ, на слѣдъ, для калѣкъ, на лошадь, на подтекъ и т. п.; описываются чародѣйныя травы: прикрытъ, сонъ-трава, кочедыжникъ или папоротникъ, разрывъ-трава и т. п. Но и здѣсь Сахаровъ не могъ обойтись безъ „востока древней жизни, изобрѣтателя чарованій“, и въ русское чародѣйство помѣстилъ „абракадабру“, „Sator, агеро“ и пр., наконецъ, невѣроятныя „пѣсни вѣдьмъ на Лысой горѣ“, „чародѣйскую пѣсню Солнцевыхъ дѣвъ“ и т. п. Далѣе, „сказанія о знахарствѣ“, гдѣ со-

¹⁾ Сказанія, I, кн. 2, стр. 14—15.

общаются разныя бытовыя суевѣрія, приемы знахарскаго леченья; „сказанія о ворожбѣ“, гаданьяхъ и истолкованьяхъ; „сказанія о народныхъ играхъ“; „загадки и притчи“; „народныя присловья“, гдѣ собраны шутливыя и насмѣшливыя прозвища, которыя слывуть за жителями разныхъ мѣстностей. Всѣ эти рубрики представляютъ много любопытнаго матеріала, но не безъ странностей въ ученыхъ объясненіяхъ автора.

Книга третья посвящена изданію пѣсенъ. Собраніе было очень разнообразно; по рубрикамъ Сахарова, здѣсь были пѣсни святочныя, похоронныя, плясовыя, свадебныя, семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, обрядныя, колыбельныя. Въ чемъ состоялъ здѣсь трудъ Сахарова, какъ собирателя и редактора? Въ статьѣ о пѣсняхъ (кн. 1-я), какъ мы видѣли, онъ очень строго относится почти ко всѣмъ своимъ предшественникамъ, которыхъ винилъ обыкновенно въ искаженіи подлиннаго народнаго текста. Онъ не исключилъ изъ своихъ осужденій и Чулкова; хотя самъ онъ признаетъ предпріятіе Чулкова „самымъ замѣчательнымъ“, но все-таки причисляетъ его къ издателямъ, особенно виновнымъ въ искаженіи пѣсенъ (какъ Поповъ, Макаровъ, Гурьяновъ); онъ дивится „снисходительности читателей“ и жалѣетъ объ „отважности издателей“¹⁾. По поводу пѣсенной музыки, Прача и Кашина, Сахаровъ осуждаетъ ихъ итальянскую манеру музыкальнаго переложенія и (не знаемъ, по собственному ли пониманію предмета) дѣлаетъ одно серьезное замѣчаніе,— до сихъ поръ мало приложенное,—о необходимости отмѣчать различія народнаго пѣснопѣнія по областямъ²⁾.

Отношеніе Сахарова къ предшественникамъ своимъ было вообще несправедливо, — а относительно Чулкова особенно неблагоприятно. Упрекая его за исправленіе „стиховъ и *риэмъ*“, Сахаровъ не хотѣлъ понять, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ не о народныхъ, а о сочиненныхъ пѣсняхъ, потому что сборникъ Чулкова, по самому названію издателя, заключалъ тѣ и другія. Сахаровъ забылъ дальше сказать, что именно сборникъ Чулкова ввелъ въ литературу цѣлый рядъ прекраснѣйшихъ пѣсенъ, какія есть въ нашей народной лирикѣ, а наконецъ Сахаровъ скрылъ отъ своихъ читателей, что много подобныхъ пѣсенъ онъ самъ взялъ именно отъ этого Чулкова!

Въ замѣткѣ, предшествующей тексту пѣсенъ (въ 3-й книгѣ „Сказаній“), Сахаровъ говоритъ слѣдующее: „Всѣ помѣщенные здѣсь пѣсни, однѣ собраны были мною въ губерніяхъ: тульской, калужской, рязанской, московской, орловской и тверской, а другія доставлены:

¹⁾ Сказанія, I, кн. I, стр. 26—27.

²⁾ Тамъ же, стр. 38—39.

пошехонскія А. И. Кастериннымъ, санктпетербургскія и ярославскія И. Т. Яковлевымъ, тихвинскія Парихинимъ, уральскія В. И. Далемиъ. При самыхъ пѣсняхъ онъ не дѣлаетъ, однако, указаній, откуда идетъ та или другая пѣсня, забывая, что указаніе *области* было бы столько же важно для текста пѣсни, какъ и для ея напѣва; нѣкоторыя указанія сдѣланы только при вариантахъ. Оставивъ пѣсни безъ указанія ихъ источника, Сахаровъ не далъ читателю возможности судить и о томъ, какая доля сборника была собрана его собственнымъ трудомъ, и какая получена готовою, т. е. въ такихъ же чужихъ спискахъ, какими пользовался Чулковъ ¹⁾. Предположивъ, что это упущеніе произошло по недосмотру, — не пришло въ голову, — нельзя, однако, найти удовлетворительнаго объясненія тому, отчего Сахаровъ умолчалъ о своихъ заимствованіяхъ у Чулкова, которыя очевидны ²⁾. Читателю предоставлено было воображать, что эти пѣсни

¹⁾ Этотъ упрекъ тоже былъ сдѣланъ Сахаровымъ.. „слѣдовательно, Чулковъ самъ не собиралъ пѣсни, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ, а печаталъ прямо съ готового. Въ этомъ еще нельзя обвинять его, — добавляетъ Сахаровъ: — онъ, *можетъ быть*, имѣлъ свою цѣль“. Цѣль Чулкова не можетъ возбуждать недоумѣній; она высказана въ заглавіи его сборника.

²⁾ Возьмемъ, напр., одну 2-ую часть сборника Чулкова, во „второмъ тисненіи“ (въ Москвѣ, у Хр. Клаудіи, 1788). Сличая съ ней третью книгу „Сказаній“ Сахарова, находимъ такіа совпаденія:

— Сахарова, I, 3, стр. 202 (пѣсни *семейныя*): „Какъ бы знала, какъ бы вѣдала“ — равно пѣсни у Чулкова, № 163.

— Ib.: „Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити“ — Чулк., № 192.

— Ib. 204: „Ахъ, палъ туманъ на сине море“ — Чулк., № 138.

— Ib.: „Какъ у ключика у гремучева“ — Чулк., № 144.

— Стр. 205: „Ахъ, конь ли мой, конь, лошадь добрая“ — Чулк., № 149.

— Ib.: „Какъ у дуброва молодца зеленъ садигъ“ — Чулк., № 177.

— Ib.: „Не былинушка въ чистомъ погѣ зашаталася“ — Чулк., № 148 и т. д.

Изъ пѣсенъ *разульныхъ*. Сахаровъ, 218: „Чарочки по століку похаживаютъ“ — Чулк., № 195.

— Стр. 219: „Еще разъ люди въ людяхъ-то живутъ“ — Чулк., № 160.

— Стр. 220: „Въ Архангельскомъ, во градѣ“ — Чулк., № 179.

— Ib. 221: „Заваруй, варуй, варуйко“ — Чулк., № 197.

— Ib.: „Веселне по улицамъ похаживаютъ“ — Чулк., № 198.

Изъ *удалыхъ*. Стр. 224: „Изъ Кремля, Кремля, вѣлика города“ — Чулк., № 129.

— Стр. 225: „Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой“ — Чулк., № 139.

— Ib.: „Голова ль ты моя, головушка“ — Чулк., № 130.

Изъ *солдатскихъ*. Стр. 235: „Какъ во славномъ было городѣ Коливанѣ“ — Чулк., № 137.

— Ib.: „Ахъ, въ бѣдныя головушки солдатскія“ — Чулк., № 141, и пр.

Такимъ же образомъ, заимствовались, безъ указанія источника, пѣсни изъ сборника Праца. Напр.:

— Сах., стр. 202: „Ты дуброва моя, дубровушка“ — Праць (по 1-му изд.) № 23.

— Стр. 205: „Не спала-то я, младешенька, не дремала“ — Праць, № 32.

вовсе не печатались „съ готоваго“, а были издателемъ „подслушаны въ селеніяхъ“.

Въ этомъ заимствованіи не было бы никакой бѣды; напротивъ, полезно было извлечь изъ старыхъ сборниковъ пѣсни, вообще прекрасныя и характерныя, но выписываніе изъ Чулкова становится неблаговиднымъ послѣ того, какъ этотъ же Чулковъ былъ охаянъ Сахаровымъ и когда Сахаровъ выставилъ себя такимъ блюстителемъ народности, извлекаемой изъ самаго ея источника. Дальше мы встрѣтимся еще съ худшими приѣмами нашего этнографа; но большинство своихъ современниковъ онъ успѣлъ оставить относительно этихъ приѣмовъ въ заблужденіи. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, что въ то время никому не пришло въ голову сравнить книгу Сахарова съ прежними сборниками; всѣ такъ и были убѣждены, что пѣсни „подслушаны въ селеніяхъ“.

Пользуясь чужимъ матеріаломъ, блюститель подлинности не оставлялъ его нетронутымъ, напротивъ, дѣлалъ иногда собственныя подправки, для которыхъ не было никакого достаточнаго основанія: въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ могъ, въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка, исправлять (умалчивая о томъ) текстъ пѣсни, изданный въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія и очевидно только отсюда ему извѣстный? Сличивъ эти тексты Сахарова съ ихъ первообразами, можно видѣть, что Сахаровъ, мѣняя слегка пѣсенныя слова, старался прибавить пѣснѣ или вѣшнюю гладкость, или сладковатость (посредствомъ уменьшительныхъ), или наконецъ мнимый, болѣе старинный колоритъ,—иной разъ поправлялъ предполагаемую неправильность ¹⁾).

— Стр. 206: „У дорожнаго добра молодца“—Праць, № 8.

— Стр. 209: „Ахъ, ты поле мое, поле чистое“—Праць, № 20.

— Стр. 236: „Какъ пониже было города Саратова“—Праць, № 4, и т. д.

¹⁾ Напр., въ пѣснѣ: „У дорожнаго, добра молодца“, въ изданіи Праца читаемъ:

...Что просваталъ меня сударь батюшка...

Не за *ладушку* да милова;

А что отдалъ меня батюшка

Во семью во несогласную,

Во *хоромину* непокрытую.

Сахаровъ печатаетъ въ своемъ изданіи:

Что просваталъ меня батюшка...

Не за *ладушку* за милого,

А отдалъ меня батюшка

Не въ согласную семью,

Не въ покрытую *избу*.

„Хоромина“ казалась, вѣроятно, недостаточно народной, а „ладушка“, вѣроятно, должна была напоминать „Слово о полку Игоревѣ“.

Но съ сороковыхъ годовъ, когда „Пѣсни“ Сахарова вновь явились въ „Сказаніяхъ“, этнографическія изученія становились уже на гораздо болѣе твердую почву научной критики и художественнаго вкуса. Новое поколѣніе ученыхъ и любителей, лучше подготовленное, уже мало удовлетворялось Сахаровымъ. Начали появляться новые сборники, гораздо лучше исполненные; новыя изслѣдованія съ болѣе обширнымъ критическимъ знаніемъ ¹⁾: въ литературѣ, по стопамъ Пушкина и Гоголя, возникали художественныя картины народнаго быта въ произведеніяхъ Тургенева, Островскаго, Писемскаго и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ дурные тексты Сахарова, его нескладныя и притязательныя разсужденія возбуждали досадливое недовольство, и кредитъ его сталъ падать и падать.

Образчикомъ этого новаго отношенія къ Сахарову можетъ послужить любопытная статья Аполлона Григорьева, въ 1854 г. ²⁾. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе о томъ, сколько накопилося къ тому времени этого недовольства Сахаровымъ.

„Да позволено намъ будетъ,—говоритъ авторъ,—*одинъ разъ навсегда*, высказать нашъ взглядъ на трудъ г. Сахарова, извѣстный подъ громкимъ названіемъ „Пѣсни русскаго народа“...

„Г. Сахаровъ началъ съ того, что въ своемъ предисловіи уничтожилъ всѣ прежніе „Сборники пѣсенъ“, обвинивши ихъ, отчасти и справедливо, въ искаженія, поправкахъ, однимъ словомъ, въ измѣненіяхъ чисто-народнаго и въ маломъ уваженіи къ чисто-народному; но спрашивается: какъ же самъ г. Сахаровъ относится къ этому чисто-народному? Всякаго, кто знакомъ съ русскими пѣснями не по печатнымъ только источникамъ, всякаго, кто хотя сколько-нибудь ихъ слышалъ въ народѣ, чье ухо хоть сколько-нибудь привыкло къ ихъ музыкально-гармоническому складу, и въ чье сердце хотя сколько-нибудь проникло ихъ содержаніе,—сборникъ г. Сахарова возмущаетъ едва ли не болѣе, чѣмъ „Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ“... (и проч., т.-е. Пѣсенникъ рыночнаго издѣлія). Г. Сахаровъ, какъ собиратель новый и притомъ съ притязаніями сообщить своему собранію значеніе научное, конечно, не далъ

Въ пѣснѣ: „Ахъ, талантъ ли мой, талантъ таковъ“ (стр. 237), варианты которой у Чулкова № 147 и Праца № 9, Сахаровъ пишетъ:

Високо звѣзда восходила

Выше свѣтлова, *млада* мѣсяца, —

чего у другихъ нѣтъ и, вѣроятно, не должно быть.

Въ пѣснѣ: „Въ архангельскомъ, во градѣ“ поправлено: „Ахъ, у насъ было на *свозѣ*“, вмѣсто: „на *звозѣ*“, какъ правильно у Чулкова. „Звозъ“ или „звозъ“ — подъемъ отъ рѣки по крутому берегу.

¹⁾ Упомянемъ, напр., „Русскіе народныя стихи“, явившіяся въ 1848 замѣчательнымъ образчикомъ изъ коллекціи Кирѣевскаго; „Собраніе пѣсенъ“ (съ музыкой) Стаховича; сборники малорусскіе; начавшіяся изслѣдованія Костомарова, Буслаева, Кавелина, Аванасьева, и пр.; начавшуюся дѣятельность Географическаго Общества.

²⁾ Москвитянинъ, 1854, № 15, Критика, стр. 93—142: „Русскія народныя пѣсни“, по поводу собранія Стаховича.

своему сборнику пышнаго заглавіа“.. (какими отличаются сборники рыночные), „не ввелъ такихъ категорій раздѣленія, какъ пѣсни *издѣочныя, выговорныя, критическія*, — не напечаталъ чувствительныхъ романсовъ въ родѣ „Стонеть сизый голубчикъ“ ђ-бокъ съ народными пѣснями, но за то: 1) ввелъ свои, не такъ смѣшныя, но за то болѣе исполненныя претензіей категоріи; 2) не напечаталъ многого множества настоящихъ народныхъ и всякому русскому человѣку знакомыхъ изъ дѣтства пѣсень, 3) искажалъ во имя условнаго размѣра многія пѣсни, не лучше князя Цертелева, только на новый манеръ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что такое значать у г. Сахарова категоріи пѣсень: семейныя, разгульныя, сатирическія? какое различіе разгульныхъ отъ плясовыхъ? почему названіе „удалыя“ пѣсни лучше названія „разбойническихъ“ пѣсень?

„Почему въ сборникѣ народныхъ русскихъ пѣсень не встрѣчается множество пѣсень, которыя услышишь, какъ только подойдешь, гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ городскихъ переулкахъ, къ поющей толпѣ, и которыя не встрѣчаются въ сборникѣ Сахарова? Или однѣ рѣдкости только собиралъ г. Сахаровъ?—по у него безпрестанно попадаютъ пѣсни вовсе не рѣдкія, сто разъ печатанныя, даже въ тѣхъ несчастныхъ собраніяхъ, которыя онъ уничтожаетъ безъ всякаго милосердія.

„Г. Сахаровъ стѣдуетъ на искаженія, которыя пѣсни потерпѣли въ Чулковскомъ, Новиковскомъ, Цертелевскомъ, Кашинскомъ и другихъ сборникахъ, но у него: 1) очень часто въ записанныхъ пѣсняхъ народныхъ попадаютъ стихи дѣланые и вставочныя, и 2) размѣръ пѣсень болѣею частію не понять и весьма часто искаженъ, подведенъ подъ условное ярио..

(Указавши нѣсколько примѣровъ порчи пѣсень у Сахарова ¹⁾, авторъ продолжаетъ): „и такія искаженія попадаютъ на каждомъ шагѣ въ сборникѣ г. Сахарова, такъ что его „Пѣсни русскаго народа“ почти столь же мало соотвѣтствуютъ своему названію, какъ исторія г. Полевого своему, не смотря на то, что г. Сахаровъ весьма часто придаетъ этому послѣднему пышный титулъ историка русскаго народа. Мы думаемъ даже, что съ *тѣми взглядами* на народность русскую, которые явились въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, въ исторіи г. Полевого, въ его историческихъ романахъ и драматическихъ представленіяхъ, съ взглядами, которые высказываются и въ предисловіяхъ г. Сахарова къ разнымъ отдѣламъ его собранія, *трудно понять* душевно содержаніе русскихъ пѣсень и *усвоить себѣ* крѣпко ихъ равнообразныя формы; литература тридцатыхъ годовъ приступила къ народности русской съ самыми странными претензіями и умѣла только смѣяться надъ предшествовавшими трудами по этой части. Стоитъ прочесть предувѣдомленіе, которымъ снабдилъ г. Сахаровъ собраніе святочныхъ пѣсень,—написанное какимъ-то приторно-добродушнымъ и поддѣльнымъ тономъ, чтобы убѣдиться, какъ мало издатель способенъ былъ къ принятому имъ на себя труду“ ²⁾.

Когда, наконецъ, явился новый издатель народныхъ пѣсень, которому пришлось имѣть дѣло съ тѣмъ же матеріаломъ и близко провѣрить Сахарова, странныя приемы послѣдняго бросились въ глаза.

¹⁾ Авторъ, между прочимъ, указываетъ подправки, совсѣмъ невозможныя въ подлинной народной пѣснѣ; передѣлку размѣра и содержанія à la Дельвигъ; передѣлку „à la князь Цертелевъ, или въ родѣ сборника: Веселая Эрато (!) на русской свадьбѣ“.

²⁾ „Москвитининъ“, стр. 94—103, 112—113.

Въ 1860, началось изданіе „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ“ предпринятое московскимъ Обществомъ любителей російской словесности; г. Безсоновъ, который велъ это изданіе, къ сборнику самого Кирѣвскаго присоединилъ по возможности весь старый матеріалъ эпическихъ пѣсенъ, и при этомъ внимательно пересматривалъ старыя тексты и въ томъ числѣ Чулкова, Новикова и проч. Оказалось, что Сахаровъ, суровый обличитель искаженія пѣсенъ, какъ мы уже видѣли, самъ ни мало не стѣсняясь подправлялъ ихъ въ своемъ вкусѣ, уснащивалъ ихъ любимыми словечками, подслащалъ въ мнимо-народномъ стилѣ — вѣроятно, не ожидая, что его самого могутъ провѣрить. Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, отсылаемъ читателя къ многочисленнымъ указаніямъ г. Безсонова ¹⁾. Каждая изъ отмѣченныхъ страницъ представляетъ образчики подравокъ, которыми Сахаровъ прикрашивалъ данный текстъ, почти всегда нестати, неудачно, а иногда и просто нелѣпо, стараясь притомъ отвести глаза читателю. Въ одномъ случаѣ онъ, по предположенію г. Безсонова, дошелъ наконецъ до прямого сочинительства. О Стенькѣ Разинѣ извѣстно, что онъ, плававшій на „Соколѣ“, сжегъ царскій корабль „Орелъ“; съ другой стороны, есть преданіе подобнаго рода, связанное съ именемъ Ильи-Муромца: изъ этихъ данныхъ составила былина, крайне нескладная съ начала до конца, и по мнѣнію г. Безсонова, народу не принадлежащая ²⁾.

Въ четвертой книгѣ „Сказаній“ собраны былины, затѣмъ — Слово о полку Игоревѣ, сказаніе о нашествіи Батыя, слово Данила Заточника и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. О былинахъ Сахаровъ говоритъ въ предисловной замѣткѣ, что для изданія изъ *принятъ съ основаніе* текстъ, помѣщенный въ рукописи, принадлежавшей тульскому купцу Бѣльскому, и только для вариантовъ (которые, однако, не приводятся) употреблены былины, собранныя В. И. Далемъ въ казанской и оренбургской губерніи по Уралу, и „сборникъ Демидова“, изданный „подъ ложнымъ именемъ Кирши Данилова“. При печатаніи, былины были Сахаровымъ „раздѣлены на семь отдѣльныхъ пѣсенъ такъ, какъ онѣ были помѣщены въ *рукописи Бѣльскаго*“. Новаго противъ Кирши Данилова рукопись, однако, ничего не сообщила; только отдѣльныя былины были связаны подъ общій сюжетъ. Съ этой „рукописью Бѣльскаго“ мы еще встрѣтимся далѣе.

Одновременно съ первымъ томомъ „Сказаній“ или вскорѣ послѣ

¹⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣвскимъ. Вып. 6, Москва, 1864: стр. 187—190. Вып. 7, 1868: стр. 111—112, 137, 146—147, 206—212. Вып. 8, 1870: стр. 2, 24, 28, 58, 61, 65—75, 78—80, 84, 85, 87, 88, 90—93, 97, 132—134, 154, 155, 161, 284, 285, 302, 319; въ замѣткѣ г. Безсонова, стр. LXVIII.

²⁾ Сказанія, I, кн. 3, стр. 244; Безсоновъ, вып. 7, стр. 146—147.

него, вышли „Русскія народныя сказки“ (1841, 1-я часть; второй не было). Въ цѣломъ трудѣ Сахарова, „сказки“ должны были составить 20-ю книгу; но это изданіе, вѣроятно, особенно интересовало автора, и онъ напечаталъ его внѣ очереди. Въ общемъ планѣ (въ предисловіи перваго тома „Сказаній“) объ этой 20-й книгѣ было сказано слѣдующее: „Здѣсь будутъ напечатаны тексты народныхъ сказокъ и указанія на *умышленія передѣлки* нашихъ современниковъ. Въ сказкахъ важнѣе для насъ языкъ самобытный, чисто-русскій. Московскіе издатели печатаютъ лубочныя изданія сказокъ съ своевольными вставками и передѣлками. Это *черное пятно* для нашей народности мы должны уничтожить изъ нашей современности, если не желаемъ подвергать себя *суду потомства*, если мы еще дорожимъ своимъ просвѣщеніемъ“. Что сказать объ этомъ негодованіи на „черныя пятна для нашей народности“, объ этихъ напоминаніяхъ о судѣ потомства, если окажется, что самъ Сахаровъ не только умышленно передѣлывалъ, но сочинялъ цѣлыя сказки?

Въ предисловіи къ самой книгѣ Сахаровъ говоритъ еще больше на тему о чистотѣ народности, о порчѣ сказокъ недобросовѣстными изданіями и т. п. Далѣе, въ „обозрѣніи русскихъ сказокъ“ онъ даетъ списокъ сказокъ по сюжетамъ, потомъ библиографическую роспись книжныхъ и лубочныхъ изданій, потомъ разборъ главныхъ изданій, мнѣнія нашихъ писателей о сказкахъ, наконецъ, разсужденіе о содержаніи сказокъ и объ ихъ источникахъ. „Обозрѣніе“ и для того времени было слабо; критика предшественниковъ — также, какъ мы видѣли раньше при миеологии и пѣсняхъ: Сахаровъ обрушивается съ обличеніями на издателей, вовсе не имѣвшихъ цѣли этнографической, чтобы косвенно превознести собственную книгу. Библиографическая роспись неполна, а по лубочнымъ изданіямъ задолго раньше и одновременно съ Сахаровымъ являлись гораздо болѣе замѣчательныя работы Снегирева. Что же было въ самомъ изданіи? Въ книгѣ Сахарова помѣщены слѣдующія сказки: Добрыня Никитичъ, Василій Буслаевичъ, Илья Муромецъ, Акундинъ, о Ершѣ Ершовѣ, о семи Семіонахъ. Всѣ онѣ, кромѣ сказки о Ершѣ, взяты, по словамъ Сахарова, изъ рукописи Бѣльскаго, упомянутаго тульскаго купца, который получилъ ее изъ дома Демидова; рукопись, по словамъ Сахарова, была писана разными руками въ XVIII вѣкѣ и заключала въ себѣ былины (какъ упомянуто выше) и сказки (числомъ 14).

Что касается сказокъ богатырскихъ, то г. Безсоновъ, сличая ихъ съ былинами, приходилъ уже къ сильному подозрѣнію, если не къ полной увѣренности, что „рукопись Бѣльскаго“ есть миеъ, что она никогда не существовала и послужила только для прикрытія манипуляцій Сахарова надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ. Первыя

три сказки составляютъ мнимо-народныя прозаическіе и подправленныя пересказы былинь ¹⁾, а четвертая, „Акундинъ“ есть просто сочиненіе самого Сахарова на тему, вычитанную имъ въ поэмѣ Ѳ. Глинки, „Карелія“ (1830), изъ оловецкихъ преданій ²⁾. Соображенія г. Безсонова объ этомъ предметѣ кажутся намъ очень правдоподобными, и въ поддѣлкахъ Сахарова онъ вѣрно указываетъ различныя проруки противъ настоящаго народнаго склада ³⁾.

Изъ нашихъ историковъ, кажется, одинъ Бѣляевъ не усумнился въ „былинь“ объ Акундинѣ и воспользовался ею для изображенія новгородскихъ „повольниковъ“. Онъ находилъ, что эта былина „представляетъ намъ довольно вѣрный и полный типъ новгородскаго повольника“ и вводитъ повѣствованіе Сахарова въ исторію ⁴⁾. Костомаровъ не нашелъ, вѣроятно, возможнымъ сдѣлать этого, и въ „Народоправствахъ“ для характеристики новгородскаго удалца взялъ гораздо проще и вѣрнѣе былинку о Васильѣ Буслаевичѣ, который, напротивъ, странно забыть Бѣляевымъ, хотя гораздо больше Акундина отвѣчалъ его же представленію повольника. Бѣляевъ, кажется, самъ чувствовалъ, что чего-то недостаетъ въ „былинь“ Сахарова, изобра-

¹⁾ По поводу этихъ былинь Сахаровъ дѣлаетъ одно замѣчаніе, на которомъ можно остановиться. Какъ извѣстно, главнѣйшій богатырь кievскаго эпоса совпадаетъ со святымъ, мощи котораго хранятся въ Кіевѣ. Сахарову это совпаденіе казалось совершенно непримѣльнымъ — для святаго, и онъ опять считаетъ нужнымъ заявить о благососпитанности русской старины. „Мы не думаемъ,—говоритъ онъ,—чтобы наша сказка имѣла какое-нибудь сходство съ св. Ильею Муромцемъ, извѣстнымъ своею святостію жизни и негнѣимъ мощей (Память св. Іліи совершается декабря 19 дня Ист. Росс. іерар., ч. I, стр. 393). Можетъ быть, другіе захотятъ отыскивать сравненія—то увѣряемъ ихъ (!), что нашъ народъ *никогда не касался* святни“ (Р. Сказки, стр. 270). Сахаровъ, конечно, хотѣлъ сказать: не касался въ своей свѣтской пѣснѣ; но и это несправедливо: не только касался, но иногда и довольно легкомысленно. Укажемъ примѣръ, извѣстный и во время Сахарова—тѣ пѣсни въ сборникѣ Кирши Данилова, которыхъ Калайдовичъ не рѣшился напечатать по ихъ неуважительному отношенію къ духовнымъ предметамъ.

²⁾ См. Пѣсни, собр. Карѣвскимъ, вып. 4, 1862: стр. СLI, въ указателѣ, столб. 20, 24. Вып. 5, 1868: стр. XIII—LIII, СXXI, СXXIII—СXLIII. Ср. Ровинскаго, Р. Нар. картинки, IV, стр. 1; на стр. 67 цитата изъ Сахарова (Сказки, стр. LXVII) о переправѣ сказокъ, относится не къ самому Сахарову, а къ Чулкову.

³⁾ Сахаровъ поступалъ не безъ хитрости. Такъ, напримѣръ, чтобы изобрѣтенный имъ (или въ крайнемъ случаѣ, черезъ мѣру подмалеваанный) богатырь Акундинъ не бросился въ глаза абсолютной неизвѣстностью самаго имени, онъ вклеилъ такое имя въ „сказку“ о Добрынь (стр. 32: „Акундинъ Ивановичъ, воевода кievскій“); потомъ являются и Акундинъ Путятичъ, новгородецъ, и его сынъ того же имени, самый богатырь сказки.

⁴⁾ Разсказы изъ русской исторіи, соч. Ивана Бѣлева. Кн. 2, изд. 2-е. М. 1866, стр. 92 и слѣд. Это было уже *послѣ* объясненій Безсонова. *Раньше* этихъ объясненій, Иловайскій не коснулся этого богатыря въ своей „Исторіи рязанскаго княжества“ (М. 1858), въ землѣ котораго совершились подвиги Акундина.

жающей своего героя слишком учтивымъ и степеннымъ, и обходить эту недостачу оговорками ¹⁾); но Васька Буслаевичъ, доподлинность котораго не подлежитъ ни малѣйшимъ сомнѣнiямъ, одолѣвалъ самихъ „мужиковъ новгородскихъ“, и былина нимало не стѣсняется говорить о его несносныхъ буйствахъ — потому что это именно и была „живая“, а не дѣланная былина. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, Сахаровъ вообще старался примазывать и пригласивать старину, какъ это и видно въ „Акундинѣ“.

Сомнительность богатырскихъ сказокъ Сахарова и въ особенности „Акундина“ указывается, кромѣ сближенiя съ „Карелiей“, разными обстоятельствами, внѣшними и внутренними.

Во-первыхъ, куда дѣвалась эта замѣчательная рукопись Бѣльскаго, и какимъ образомъ Сахаровъ, уже владѣвшiй этимъ сокровищемъ въ 1830-хъ годахъ, могъ въ послѣдующiе долгие годы не подѣлиться съ любителями старины другимъ ея содержанiемъ? Рукописное собранiе Сахарова, богатое важными памятниками, перешло потомъ во владѣнiе гр. А. С. Уварова; но не слышно, чтобы у послѣдняго находилась „рукопись Бѣльскаго“, и вообще о ней съ тѣхъ поръ ничего неизвѣстно. Во-вторыхъ, ни до Сахарова, ни послѣ, нигдѣ не встрѣтилось въ старой рукописной литературѣ ничего похожаго на сказку объ Акундинѣ; а между тѣмъ, въ наше время рукописная старина очень внимательно разрабатывалась именно въ этомъ направлении; никакого отголоска этого новгородскаго богатыря не нашлось и въ обильныхъ записяхъ былинь и сказокъ изъ устъ народа, между прочимъ въ томъ самомъ олонцекомъ краѣ, къ преданiямъ котораго относилъ его Сахаровъ. Въ-третьихъ, *всѣ* сказки Сахарова написаны особеннымъ языкомъ, также донинѣ не имѣющимъ себѣ никакой параллели въ другихъ памятникахъ; этотъ языкъ невольно представляется сочиненнымъ, и именно всего болѣе скопированнымъ съ языка былинь и пѣсень, но прикрашеннымъ, подсла-

¹⁾ „Конечно,—говорить онъ,—*не всѣ* повольники были подобны представленному въ былинѣ Акундину Акундиновичу, но то несомѣнно, что Акундинъ представленъ какъ *идеалъ* новгородскаго повольника, къ которому живые повольники только приближались по мѣрѣ силъ, и по всему вѣроятiю, ни одинъ живой повольникъ не подходилъ къ идеалу вполне, *какъ это всегда бываетъ у людей* (!). Но идеалъ повольника, изображенный въ былинѣ Акундина, самъ по себѣ безукоризненъ; въ немъ нѣтъ и *тѣни* вранья, даже *не упоминается* ни о буйствахъ, ни о грабежахъ, безъ которыхъ едва ли тогда обходились живые повольники; слѣдовательно (?), Новгородъ въ повольничествѣ хотѣлъ видѣть главнымъ образомъ не грабежи и буйства молодыхъ людей на чужой сторонѣ, а сподручное средство дать буйной молодежи случай исправиться, перебѣдиться, и въ то же время вызвать ее на дѣятельность, вполне согласную съ требованiями молодости, жадной до подвиговъ и опасностей, и не терпящей строгости и надзора старшихъ“.

щеннымъ до противности. Сахаровъ предупреждаетъ читателей, что они найдутъ здѣсь „чистый народный русскій языкъ“ и—постарался: нѣтъ фразы, сказанной просто; все усыпано эпическими повтореніями, уменьшительными, протянутыми по пѣсенному, „словесами“, приговорками („ужъ какъ“, „а и“, и т. п.). Ему казалось, что „чистый народный“ языкъ долженъ быть именно таковъ: первобытно чувствительный; онъ вышелъ прибауточный, надоѣдливо приторный и фальшивый ¹⁾. „Авундинъ“ былъ, видимо, любимымъ произведеніемъ Сахарова: въ началѣ этой сказки онъ помѣстилъ трогательную интродуцію, отъ лица рассказчика, гдѣ изображается аркадская простота „чисто русской“ патриархальной старины ²⁾. Эта картина казалась Сахарову столь вѣрнымъ изображеніемъ подлинной русской народности, такъ была близка его сердцу и отвѣчала его идеаламъ, что эту тираду онъ поставилъ первымъ своимъ словомъ, въ самомъ началѣ „Сказаній“, передъ посвященіемъ своего труда „Родинѣ и предкамъ“. Сахаровъ достигалъ своей цѣли: подлинности его сказокъ и чувствительно-„народныхъ“ причитаній вѣрили ³⁾. Приведенную нами

¹⁾ Въ своемъ усердіи Сахаровъ заставляетъ „рукопись Бѣльскаго“, напр., писать всегда: „Микита“, и т. под., хотя въ другихъ случаяхъ эта рукопись соблюдаетъ обычное правописаніе. Вообще по языку и складу „рукопись Бѣльскаго“ есть во всякомъ случаѣ—*unicum*.

²⁾ „Созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса (?) не мудрыя, какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые. А в то-то, родимые, были *вѣтки мудрые, вѣтки мудрые*, народъ все православный. Живали старики *не по нашему, не по нашему*, по заморскому (чужое, Сахарову неважное, вообще представлялось ему „заморскимъ“), а по своему, православному. *На жительство, а жительство* было все привольное, да раздольное. Вставали раннѣ-раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой, со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада (?), и ходили на красенъ крылецъ (?) со рѣшеточкой, созывали слугъ *втримъ* на добры дѣла. Старики судъ радили, молодне слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодне бывали во послушкахъ. Молодня молодны правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день (?). Старыя старушки судали, радили (?) и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико свротство. А что было, то было порося; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ догдѣ того“ (Сказки, стр. 94—95).

³⁾ Онъ такъ негодовалъ противъ нарушеній чистой народности и противъ новѣйшаго фальшиваго сочинительства подъ народную манеру! „Было на Руси *удивительное* время, когда наши литераторы старались сочинять въ духѣ древнихъ пѣсень. Эту *несчастную страсть* началъ Н. М. Карамзинъ съ своего Муромца“ (т. е. съ своимъ Муромцемъ?), и т. д. „Сказанія“, т. I, 1, стр. 43. Кажется, что бы за бѣда, еслибы новая литература стремилась въ *своихъ* произведеніяхъ усвоить складъ той народности, за которую Сахаровъ такъ ратовалъ?

цитату съ полнымъ довѣріемъ повторялъ, напр., Надеждинъ, относи ея содержаніе даже къ далекой древности ¹⁾.

„Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя,—говоритъ г. Безсоновъ послѣ разбора Сахаровскихъ приѣмовъ съ пѣснями и сказками:—грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ рассчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, немало потрудившемся для народа, но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину, и полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣlostью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы, для сличенія, поддѣлки“. Это замѣчаніе прилагается не только къ данному случаю, къ порчѣ и поддѣлкѣ народныхъ произведеній, но и къ цѣлому представленію Сахарова о русской народности...

Къ счастью, не всѣ труды Сахарова отличались этимъ свойствомъ. Второй томъ (книги пятая—восьмая), вышедшій въ 1849, занятъ былъ матеріаломъ, который бѣльшую часть мало давалъ поводовъ къ памфреннымъ прикрасамъ. Здѣсь перенечатано и вновь издано нѣсколько старинныхъ словарей и азбуковниковъ, далѣе изданы: „русскія древнія свадьбы“; „свадьбы частныхъ людей въ XVII вѣкѣ“; „русскія свадебныя чиположенія“; затѣмъ „народный дневникъ“ и „народные праздники и обычаи“, два сборника, принадлежащіе къ важнѣйшему, что было сдѣлано Сахаровымъ; наконецъ, „путешествія русскихъ людей“—отъ игумена Даніила въ XII вѣкѣ, до Арсенія Суханова въ XVII-мъ. Правда, и здѣсь въ историческихъ разсужденіяхъ автора (напр., въ предисловіи къ словарямъ) факты передаются и для своего времени крайне путано и нескладно, и здѣсь не обошлось безъ прикрашиванья старины; но вообще собранъ цѣнный историко-этнографическій матеріалъ, который оказалъ тогда наукѣ не малую услугу.

Не будемъ останавливаться на библиографическихъ трудахъ Сахарова и сочиненіяхъ чисто археологическаго свойства, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ нашему предмету. Эти труды имѣли свою важность, когда надо было на первый разъ установить инвентарь

¹⁾ См. ст. о русскихъ мивахъ и сагахъ, которую Надеждинъ заканчиваетъ этой цитатой въ подтвержденіе собственнаго идеальнаго взгляда на русскую старину (въ изданіи „Р. Бесѣды“, ст. 2-я, стр. 61—63).

нашей литературной старины, распространить въ массѣ общества первоначальныя понятія о необходимости археологическихъ изслѣдованій; когда шло дѣло о распространеніи вкуса къ нимъ, который велъ бы къ охраненію и собиранію предметовъ древности. Чтобы оцѣнить въ этомъ отношеніи археологическую ревность Сахарова, надо припомнить, какимъ грубымъ невниманіемъ и пренебреженіемъ къ старинѣ отличалось (да и понынѣ, хоть нѣсколько въ меньшей степени, отличается) большинство „общества“. Но и здѣсь, какъ въ вопросахъ этнографіи, первое приближеніе дѣйствительно-научной критики къ тому же дѣлу указывало нерѣдко несостоятельность изслѣдованій Сахарова и въ постановкѣ предмета, и въ изложеніи самихъ фактовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, дѣятельность Сахарова по изученію народности представляется въ двойственномъ, даже въ двусмысленномъ свѣтѣ. Въ тридцатыхъ, сороковыхъ, даже отчасти въ пятидесятыхъ годахъ труды Сахарова цѣнились высоко; свидѣтельство современника мы указали въ словахъ компетентнаго спеціалиста, Срезневскаго; новая критика открыла, однако, въ трудахъ Сахарова крупныя недостатки—еще въ его время и съ той точки зрѣнія, какой онъ самъ держался. Его литературная судьба въ большой мѣрѣ объясняется самымъ характеромъ времени. Сахаровъ есть весьма типическій представитель тогдашней этнографической науки и своими приѣмами, и самыми недостатками, которые теперь почти совсѣмъ отняли у его трудовъ значеніе научнаго матеріала. Это былъ чистый самоучка, и не онъ одинъ былъ тогда самоучкой въ этомъ дѣлѣ, которое едва покидало ступень простой „охоты“, изученія любопытныхъ рѣдкостей и курьёзностей. Мы видѣли, къ какимъ уродливымъ историческимъ понятіямъ приводило Сахарова отсутствіе знаній и критической подготовки. У него не было правильныхъ представленій даже о внѣшней судьбѣ русскаго народа, и неумѣнье отчетливо выражать свои мысли происходило отъ смутности мыслей. Не смотря на то, первые собирательскіе труды его по своей новостности имѣли большой успѣхъ, который еще усилилъ его самонадѣянность, всегда свойственную самоучкамъ; въ изданной недавно перепискѣ ²⁾ Сахаровъ свысока говорить даже о такихъ настоящихъ ученыхъ, какъ Востоковъ, Ундольскій, Бодянский. Изъ сотоварищей по археологіи, которую онъ ис-

¹⁾ Ср. статьи г. Забѣлина, собранныя послѣ въ его „Опытахъ изученія русскыхъ древностей и исторіи“ (2 т., 1872—1873), т. I, стр. 450—454 (1855 г.), т. II стр. 75, 78—105 (1852 г.). О качествѣ трудовъ Сахарова по палеографіи см. уклончивый и въ сущности неодобрительный отзывъ въ запискѣ Срезневскаго.

²⁾ „Русскіе Палеологи“, Н. Барсукова.

ключительно занялся въ послѣдніе годы, всего довѣрннѣе онъ былъ съ архаическимъ Кубаревымъ, — и ихъ ученая, часто непріятно сплетническая, переписка очень характерна; письма Кубарева о московскихъ происшествіяхъ 1849 года (запрещеніе „Чтеній“, выходъ Бодянскаго изъ университета и изъ Общества исторіи и древностей) доходятъ до пошлости... Въ своихъ понятіяхъ о русской народности, Сахаровъ хотѣлъ быть вѣрнымъ послѣдователемъ официальной программы. Его изученіе было чисто внѣшнее, описательное; для объясненія внутренняго характера народности онъ не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ничего—какъ по недостатку знаній, такъ и по фальшивому исходному взгляду. Мы упоминали, что въ его любви къ народности была своя демократическая жилка, ненависть къ барству съ его иностраннымъ образованіемъ, пренебрегавшему народомъ и погрязавшему въ нравственномъ ничтожествѣ своего пренебреженія къ народу; Сахаровъ бранилъ это барство, иронизировалъ надъ нимъ сколько могъ, но никогда не пришелъ къ живому пониманію дѣла. Сущность его народнаго патріотизма свелась на грубое противопоставленіе русскаго и „заморскаго“, какимъ представлялось ему все западное, хотя бы и не-„заморское“: все русское было прекрасно, все „заморское“ было ненавистно и зловредно. Не совѣмъ послѣдовательно Сахаровъ величаетъ Петровскую реформу, т.-е. главный источникъ заморскаго въ нашей жизни, и въ то же время считаетъ заморское причиною упадка чистой русской народности, хранимой только народными массами: какъ считать научное знаніе, въ которомъ именно западъ оказалъ намъ великую помощь, осталось неизвѣстно. Въ чемъ состояли благодатныя свойства русской старины въ смыслѣ государственномъ, общественномъ, образовательномъ, Сахаровъ не объясняетъ; но бытовая жизнь, нравы старины изображаются аркадской идилліей, — какъ въ той тирадѣ изъ „Алундина“, которую онъ поставилъ во главѣ своихъ „Сказаній“. Этому представленію отвѣчало его обращеніе съ народно-поэтическими памятниками: дурно понятый патріотизмъ довелъ его до непозволительнаго шарлатанства; Сахаровъ принялся подправлять и подкрашивать старину въ томъ мнимо-народномъ стилѣ, который онъ считалъ за *настоящій русский*. Въ своихъ книгахъ онъ настаивалъ, что пѣсни и т. п. должно сохранять неприкосновенными, какъ онѣ хранятся въ устахъ народа; современники повѣрили въ его собственную точность, но первая пристальная критика увидѣла, что Сахаровъ вовсе не слѣдовалъ хорошему правилу, которое проповѣдовалъ; на дѣлѣ онъ былъ гораздо худшимъ поддѣльщикомъ, чѣмъ его предшественники, имъ обличаемые: тѣ не задавали себѣ никакой научной задачи, а онъ долженъ былъ понимать, что дѣлалъ. Есть сильное подозрѣ-

ніе, почти увѣренность, что онъ самъ занялся сочинительствомъ, выдавая его за подлинное творчество народа (если бы въ „Акундинѣ“ и была у него какая-нибудь письменно-сказочная подлинная основа, то форма и частности несомнѣнно поддѣльныя). Отмѣтимъ, какъ черту времени, любопытный фактъ, что эта склонность къ поддѣлкѣ повторяется и у другихъ собирателей той эпохи. Одно подлинно народное не удовлетворяло; при ограниченности размѣровъ перваго собранія, его и мало еще знали, между тѣмъ хотѣлось видѣть это народное болѣе полнымъ и совершеннымъ, и находились любители, которые подкидывали народу свои собственные измышленія, конечно, въ томъ духѣ, какъ сами понимали народное, въ духѣ фальшиваго романтизма и вмѣстѣ официальной народности. Надо прибавить, что иногда поддѣльщики, вѣроятно, и не сознавали фальшивости своихъ дѣйствій: народное казалось еще литературнымъ матеріаломъ, который можетъ быть исправленъ и усовершенствованъ...

Результатъ дѣятельности Сахарова былъ довольно печальный: имя Сахарова, такъ много все-таки поработавшаго для русской этнографіи, еще при жизни его потеряло авторитетъ, если не строго научнаго знанія, то хотя бы внѣшняго опыта и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Значеніе его трудовъ было болѣе кратковременно, чѣмъ могло бы быть при болѣе простой постановкѣ дѣла, при болѣе искреннемъ и внимательномъ изученіи, а что касается теоретическаго пониманія народности, то критика даже не останавливалась на его разборѣ, раскрывши только тѣ тенденціозныя поддѣлки, на которыя Сахаровъ положилъ столько стараній.

ГЛАВА IX.

СНЕГИРЕВЪ.—ПАССЕКЪ.—ДАЛЬ.

Официальная народность.—Снегиревъ. Биографія. Ученыя работы: „Пословицы“; „Праздники“; „Лубочныя картинки“; труды археологическіе.—Вадимъ Пассекъ. Биографія. „Путевыя записки“; „Очерки Россіи“. — Даль. Биографія. Труды по этнографіи. „Толковый Словарь“. „Пословицы“. „Повѣрья“.

Въ развитіи изученій русской народности этнографы второй четверти столѣтія, при всей разницѣ личныхъ дарованій и объема свѣдѣній составляютъ одну группу, съ извѣстными общими чертами. Мало сходнаго между талантливымъ и ученымъ Надеждинымъ и нескладнымъ самоучкой Сахаровымъ; между усерднымъ старомоднымъ собирателемъ Снегиревымъ и восторженнымъ идеалистомъ Пассекомъ, или между даровитымъ Далемъ и Терещенкомъ, — но на всѣхъ больше или меньше лежитъ отпечатокъ времени, той официальной народности, которая заявленная была въ правительственной программѣ¹⁾. Мы будемъ имѣть случай видѣть, сколько искусственнаго было въ этой программѣ, какими фальшивыми тонами отзывалось ея практическое примѣненіе, — примѣръ послѣдняго мы видѣли уже въ дѣятельности Надеждина и Сахарова, и къ нимъ можно прибавить еще множество другихъ, болѣе мелкихъ. Въ литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы безпрестанно встрѣчаемъ ссылки на эту программу: одни принимали ее какъ официальное требованіе, другіе прикрашивали ее романтизмомъ, третьи принимали ее слѣпо, не видя ея противорѣчій. Подъ вліяніемъ политической славы временъ Александра I, и продолжавшагося значенія Россіи при Николаѣ, въ обществѣ, обыкновенно равнодушномъ, совершалось дѣйствительно

---

¹⁾ Ср. объ этомъ „Характеристики литер. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“, 2-е изд., гл. III.

нѣчто похожее на подъемъ національнаго чувства, высокое представление о внѣшнемъ и внутреннемъ могуществѣ Россіи, о превосходствѣ ея національныхъ началъ; въ толпѣ это представление переходило въ „квасной“ патриотизмъ, а къ концу царствованія, относительно дѣйствительнаго положенія вещей, вводило въ заблужденіе даже людей государственныхъ. Наконецъ, оно отражалось въ литературѣ. Историческимъ кодексомъ этого воззрѣнія былъ Карамзинъ; теперь оно вдохновляло величайшаго изъ русскихъ поэтовъ; философскія теоріи о „разумной дѣйствительности“ внушали то же настроеніе идеалистамъ новыхъ поколѣній; имъ проникалась „изящная словесность“, популярный историческій романъ, правоописательная повѣсть. Этнографическія изученія слѣдовали за этимъ настроеніемъ, и отчасти сами питали его, доставляя ему матеріалъ въ описаніяхъ народнаго быта. Критика научная и общественная мысль еще мало останавливались на основныхъ вопросахъ исторической жизни и на современномъ состояніи государства и народа; строгая опека, тяготѣвшая надъ обществомъ и литературой, устраняла эти вопросы. „Народность“ тогдашняго положенія вещей принималась обязательно; фактическое состояніе народа считалось вполне нормальнымъ; народная жизнь изображалась литературой въ краскахъ патріархальной простоты и идиллическаго благополучія. Это отразилось и на этнографическихъ изученіяхъ: въ нихъ не было свободнаго научнаго отношенія къ предмету. Съ другой стороны, еще не были выработаны научные приемы; мало извѣстно было то, что уже дѣлалось въ этомъ отношеніи въ наукѣ европейской, особливо нѣмецкой, и въ нашихъ этнографахъ слишкомъ сказывались самоучки. Поэтому дѣйная сторона тогдашнихъ изученій была почти только описательная; лишь къ концу этого періода изученія народности впервые получаютъ настоящее научное основаніе.

По предметамъ изученія, этнографическая литература распадается въ этомъ періодѣ на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ, это были этнографы-собиратели, особливо направившіе свой трудъ на народность великорусскую, какъ Сахаровъ, его болѣе ранній современникъ Снегиревъ, Даль, Терещенко, Пассекъ. Особую группу могутъ составить изслѣдователи, не столько изучавшіе бытъ современный, сколько первыя начала русской народности, и находившіе ихъ въ такой глубокой древности и въ такихъ племенахъ, гдѣ ихъ очень мудро было ожидать, — это ультра-славянорусскіе археологи и патриоты въ духѣ Венелина какъ Морошкинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Вельманъ, Чертковъ. Третью группу составляли этнографы, изучавшіе въ особенности народность малорусскую: кн. Цертелевъ.

Максимовичъ, Срезневскій, Бодянский, Метлинскій, — къ концу періода, Костомаровъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ работниковъ по изученію народности изъ писателей первой группы, былъ извѣстный тогда профессоръ московскаго университета, Иванъ Мих. Снегиревъ ¹⁾.

Снегиревъ (род. 23 апрѣля 1793, въ Москвѣ) былъ сынъ профессора московскаго университета (ум. 1820) и послѣ домашняго обученія поступилъ въ 1802 въ академическую гимназію при университетѣ, въ 1807 „произведенъ въ студенты“, въ 1810 — въ кандидаты, успѣвъ получить два раза серебряную медаль за сочиненія по отдѣленіямъ этико-политическому и словесному; въ 1815 былъ уже магистромъ словесныхъ наукъ. Поступивъ еще съ 1810 на службу при цензурномъ комитетѣ, потомъ при университетскомъ правленіи, онъ съ 1816 былъ при университетѣ преподавателемъ латинской словесности, съ 1819 года адъюнктомъ, съ 1826 экстраординарнымъ и вскорѣ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ латинскаго языка и римскихъ древностей. Съ 1827 г. онъ былъ членомъ Общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ, и въ первые годы былъ его секретаремъ. Въ 1836 году онъ уволенъ отъ профессуры вслѣдствіе преобразования университета по уставу 1835 г., и затѣмъ многіе годы служилъ въ Москвѣ цензоромъ, которымъ былъ съ 1828 года. Въ 1855 онъ получилъ отставку отъ цензорства и умеръ въ декабрѣ 1868, въ Петербургѣ.

Снегиревъ былъ такъ-сказать природенный археологъ и собиратель обычаевъ и преданій. Надо прочесть его любопытныя воспоминанія, — извѣстныя, къ сожалѣнію, только въ небольшомъ отрывкѣ, — чтобы видѣть, какой атмосферой старины и народнаго обычая онъ былъ окруженъ съ дѣтства. Не только ребенкомъ, но и юношей,

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія о немъ: — въ Словарѣ проф. моск. университета, М. 1855. (Перепечатано въ „Старинѣ русской земли. Исслѣдованія и статьи И. Снегирева“. Изд. Ивановскаго. Спб. 1871, стр. 137—145).

— „Русскій Архивъ“, 1866, № 5—6, Воспоминанія Снегирева (перепечатаны въ „Старинѣ рус. земли“, стр. 146—204).

— Буслаевъ, въ „Моск. Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1869, № 1, стр. 56—62.

— „Голосъ“ 1868, № 250, 254, 258; 1869, № 63.

— „Спб. Вѣдом.“. 1868, № 308, 336.

— „Р. Инвалидъ“, 1868, № 275, 277.

— „Петерб. Газета“, 1868, № 131, 178.

— „Современ. Листокъ“, 1868. № 102.

— А. Д. Ивановскій, „Иванъ Мих. Снегиревъ. Биографическій очеркъ“. Спб. 1871. Не мало свѣдѣній, но компилированныхъ крайне беспорядочно.

онъ видѣлъ своихъ прадѣдовъ, которые помнили времена Петра Великаго, Анны, Елизаветы, видывали имъ самихъ, и передавали въ семейномъ преданіи черты нравовъ, отчасти патріархальныхъ, отчасти свирѣпыхъ ¹⁾, черты, и донныѣ еще мало извѣстныя нашей исторіи, — видѣлъ самъ благочестивую первобытность и малограмотную грубоватость, а часто и добродушіе нравовъ своего, средне-дворянскаго, служилаго и духовнаго круга; въ дѣтствѣ, отъ няньки своей Аграфены, задолго до разгара Наполеонскихъ войнъ, онъ слышалъ народное предсказаніе о томъ, что Москва будетъ взята ²⁾.

Въ юности Снегиревъ зналъ митрополита Платона, который былъ особенно уважаемъ въ его семьѣ; жилъ въ Москвѣ въ 1812 году, видѣлъ оставленіе города жителями и возвращеніе ихъ, видѣлъ разрушеніе Москвы, — въ которомъ погибло столько московской старины не только въ вещественныхъ памятникахъ, но также въ самымъ нравахъ и преданіяхъ.

Во время своего ученья въ гимназіи и университетѣ Снегиревъ засталъ еще другихъ людей стараго вѣка и старомодныхъ нравовъ. Директоромъ гимназіи онъ засталъ И. П. Тургенева, инспекторомъ Страхова — друзей и сотрудниковъ Новикова; ученье было старомодное: „между учеными, — рассказываетъ Снегиревъ, — велось какое-то юродство въ странности обхожденія, въ небрежности платья и въ образѣ жизни: казалось, они этимъ щеголяли другъ передъ другомъ и хотѣли отличиться отъ неученыхъ“. Такіе чудачки бывали учителями Снегирева; но были между ними и люди, дѣйствительно знающіе. Однимъ изъ учителей былъ Ром. Ѳед. Тимковскій: „знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, молодой человекъ, строгій исполнитель своей обязанности, искусный преподаватель, онъ умѣлъ внушить своимъ ученикамъ уваженіе и привязанность къ себѣ; его слушали съ какимъ-то подобострастіемъ, ловили каждое слово“. Школьные нравы были патріархальные: обильное сѣченіе входило въ за-

¹⁾ „Имѣя твердую, до глубокой старости, память, Иванъ Савичъ (Врыкинъ, прадѣдъ) вспоминалъ огненные потѣхи и пирушки Петра I на лугахъ и въ рощахъ Измайловскихъ съ любимцами: видѣлъ, какъ убилъ свою дубинкою у дворцоваго крыльца одного придворнаго служителя, который не успѣлъ снять предъ нимъ шапку; какъ Анна Ивановна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло“ (Старина рус. земли, стр. 154—155).

²⁾ „Бывши уже лѣтъ десяти, я ужасно сердился и спорилъ съ нянькой, когда она повторяла народное пророчество, что „Москва будетъ взята на 40 часовъ“. Но это самое я слышалъ не отъ одной няньки, но и отъ моей бабушки Анны Ивановны Кондратьевой. Подобно голосу, летающему въ пустыняхъ африканскихъ, и въ народѣ носятя темныя преданія и предсказанія, въ которыхъ таятся истины, распечатываемыя въ будущемъ, и нерѣдко сбывается то, что кажется намъ несбыточнымъ“. (Тамъ же, стр. 147).

нятія самихъ преподавателей, хотя не устраняло крайнихъ шалостей. Между студентами университета и бурсаками духовной академіи происходили на Неглинной формальные кулачные бои, и „народу стекалось множество“.

Въ университетѣ, профессорами Снегирева были, между прочимъ, многіе остатки нашего XVIII вѣка. Таковъ былъ „почтенный и савоитный старецъ, ученѣйшій профессоръ, другъ Новикова, товарищъ Потемкина, бывшій въ тискахъ у Шешковскаго, но странный и причудливый въ обращеніи—Чеботаревъ“, котораго Шлецеръ называлъ своимъ руководителемъ въ русской исторіи. Таковъ былъ Бранцевъ, „не по имени, а по дѣламъ, философъ христіанскій“ и знатокъ классиковъ; упомянутый Страховъ; Маттеи, нѣмецкій геллертеръ стараго вѣка; Буле, Баузе.

Разказы Снегирева объ этихъ профессорахъ, любопытные и сами по себѣ, характеризуютъ ученый складъ и приемы ихъ ученика.

„Знатокъ еллинскаго и латинскаго языковъ, Маттеи, описавшій греческія рукописи московской патриаршей бібліотеки, — разказываетъ Снегиревъ,—разбиралъ и объяснялъ Гораціевы оды... Слушатели любили Маттеи и охотно слушали его лекціи. Маттеи на латинскомъ языкѣ говорилъ и писалъ, какъ на своемъ природномъ. Съ какимъ сочувствіемъ читалъ онъ Гораціевы оды, и нерѣдко со слезами, вѣроятно вспоминая лѣта юности своей, даже при чтеніи: *Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda est tellus.* — старецъ притопывалъ ногою. Не безъ слезъ обошлось и чтеніе Цицероновыхъ парадоксовъ... Не могу забыть, какъ, представляя Юпитера Олимпійскаго, маниемъ бровей потрясающаго и небо, и землю, самъ онъ повалился со стула, такъ что и парикъ его не остался на мѣстѣ“...

„Съ удовольствіемъ и признательностью я пользовался частными лекціями, бібліотекою и драгоценнымъ собраніемъ славяно-русскихъ древностей незабвеннаго профессора правъ, юриста, дипломата, историка, археолога и филолога Федора Григорьевича Баузе. Въ 1807 году онъ былъ ректоромъ университета. Съ ненасытимою любознательностью, обогатившею его разнообразными свѣдѣніями, онъ соединялъ рѣдкій даръ слова, свободно и красно говорилъ и писалъ по-латыни. Кромѣ изданныхъ имъ рѣчей, осталось много матеріаловъ для обширныхъ и важныхъ сочиненій, которые остались въ спискахъ. Въ продолженіе 30 лѣтъ, съ особеннымъ стараніемъ и съ великими издержками, составилъ онъ собраніе древнихъ славяно-русскихъ рукописей, между которыми находились Псалтырь и Прологъ XII вѣка, Лечебникъ 1588 года, первые на русскомъ языкѣ логарифмы, коллекція русскихъ монетъ и медалей, по мнѣнію знатоковъ единственная въ

своимъ родѣ... Съ какою дѣтскою радостью и восторгомъ показывалъ онъ мнѣ, предъ нимъ мальчику, купленную имъ рѣдкость! Жалко, что я мало пользовался симъ рѣдкимъ случаемъ: Баузева библіотека и музей пропали въ 1812 году вмѣстѣ со многими драгоценными памятниками нашей исторіи, которые извѣстны были Карамзину и К. Калайдовичу“.

Мы имѣли случай упоминать объ этомъ заслуженномъ для русской исторіи труженникѣ, и Снегиревъ, быть можетъ, воспользовался отъ него и свѣдѣніями, и примѣромъ „ненасытимой любознательности“ и научнаго труда, которымъ столько проклинаемые „дѣмцы“ принесли много существенной пользы для возникавшей русской науки ¹⁾.

Еще одинъ изъ профессоровъ университета, вліявшій на Снегирева своей личностью и знаніемъ, былъ извѣстный „законо-искусникъ“ Горюшкинъ (1748—1821), сослуживецъ и пріятель его отца, живой представитель и многоопытный знатокъ „старого вѣва“. Извѣстно, что Горюшкинъ, самоучкой, изъ подъячихъ сдѣлался профессоромъ университета и однимъ изъ лучшихъ ученыхъ знатоковъ русскаго права. „Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ воеводской канцеляріи въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, когда секретари и повитчики за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей“. Потомъ онъ былъ подъячимъ въ страшномъ сыскномъ приказѣ, гдѣ еще въ полномъ ходу была пытка для обличенныхъ и оговоренныхъ. Кровавыя сцены наконецъ омерзѣли ему; между тѣмъ, его, только грамотнаго, тянуло къ просвѣщенію. Съ величайшимъ трудомъ, онъ (уже будучи женатымъ) безъ всякаго руководителя, добивался смысла въ грамматическихкихъ терминахъ, одолѣвалъ ариметику и логику, читалъ книги историческія, богословскія, философскія, юридическія; искалъ знакомства съ учеными людьми, которые могли бы руководить его занятіями. Знаніе законовъ доставило ему мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ, и во время дѣла Новикова онъ показалъ гражданское мужество и вступилъ въ споръ съ кн. Прозоровскимъ, „не убоившись гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить императрицѣ Екатеринѣ обвиненіемъ Новикова“. По его обширному знанію законовъ, его пригласили къ преподаванію практическаго законовѣдѣнія въ университетѣ. „Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму: классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку“. Его книга: „Описаніе судеб-

¹⁾ Краткій каталогъ рукописной библіотеки Баузе, составленный В. Н. Карзининымъ, напечатанъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1862 г., кн. 2, смѣсь, стр. 46—79. См. также Котларевскаго, Библиологическій опытъ о древней русской письменности, Воронежъ, 1881, стр. 18—19.

ныхъ дѣйствій“ (1807, 1815) представляетъ и значительный матеріалъ юридическихъ древностей; его „Руководство къ познанію русскаго законоискусства“ есть, по словамъ Снегирева, созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юристовъ. „Онъ едвали не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ нравахъ, обычаяхъ и пословицахъ русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ; къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессоры. У него была домашняя школа законовѣдѣнія... Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку. По приѣмамъ и костюму, онъ не походилъ на прежняго подъячаго, но скорѣе на щеголеватого барина... Карамзинъ, въ своей Исторіи, рѣдкіе списки Русской Правды и лѣтописи, заимствованные изъ бібліотеки Горюшкина, обозначаетъ горюшкинскими“...

Такимъ образомъ соединялись для Снегирева и непосредственныя преданья о старинѣ, близкой и довольно давней, съ живымъ научнымъ руководствомъ къ ея объясненію. Старину онъ видѣлъ не въ одной Москвѣ. Когда онъ былъ еще студентомъ, отецъ взялъ его съ собою въ рязанскую губернію на такъ-называемую „визитацію“ училищъ, какія тогда поручались профессорамъ. Такъ, между прочимъ, они объѣхали города рязанской губерніи, гдѣ Снегиревъ успѣлъ присмотрѣться въ разнымъ остаткамъ старины и къ варварскому небреженію о нихъ у современниковъ... „Въ Богословскомъ монастырѣ (въ Рязани), — рассказываетъ онъ, — привлекла мое вниманіе древняя чудотворная икона св. Іоанна Богослова, на которую, вслѣдствіе какого-то видѣнія, самъ лютый *Батый* повѣсилъ свою золотую печать; но къ сожалѣнію и удивленію, *не такъ давно* архимандритъ, свявъ эту печать, употребилъ ее на позолоту водосвятной чаши. Въ Рязани, въ Архангельскомъ соборѣ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на мантию ревностнаго миссіонера въ Мордвѣ, преосвященнаго Мисаила, пробитую стрѣлами и обгавленную его мученическою кровію. Въ Зарайскомъ соборѣ привлекъ на себя мое вниманіе древній корсунскій образъ святителя Николая, особенно чествуемый тамошними окрестными жителями; въ Касимовѣ на Окѣ — татарскій минаретъ и усыпальница касимовскихъ царей; въ Равенбургѣ — крѣпость, гдѣ содержался несчастный Иванъ Антоновичъ, носившій титулъ императора нѣсколько мѣсяцевъ“...

Московская обстановка, безъ сомнѣнія, больше чѣмъ другая, могла способствовать развитію народно-археологическаго интереса. Средніе вѣка русской исторіи оставили здѣсь наибольшее число памятниковъ:

бытовая жизнь въ московскихъ заголустьяхъ сохраняла больше старыхъ обычаевъ. Москвичи не забывали, что ихъ городъ—первопрестольная столица; но это не была столица дѣйствительная, и здѣсь не было чиновной и военной формалистики, связанной съ присутствіемъ двора, правящихъ лицъ и канцелярій, было больше простора для лѣниваго консерватизма нравовъ и обычаевъ, для проявленій народной жизни, которая еще до недавняго времени справляла здѣсь старые народные праздники, для проявленій личнаго разгула и чудачества, которые оставались какъ слѣдъ стариннаго быта. Съ массами народа, сходившагося въ торговомъ и промышленномъ, а также и дворянскомъ центрѣ, стекались сюда всякіе остатки старины, въ видѣ всякаго рода старинныхъ вещей, книжнаго старья, рукописей и т. п. Москва донныѣ есть главный рынокъ книжной и рукописной старины и главное гнѣздо нашей библиоманіи. Для археолога-любителя являлась возможность, даже при скромныхъ средствахъ, собирать коллекціи высокой научной цѣнности. Москва не была полнымъ представителемъ ни русской исторіи, ни русской народности, но нигдѣ не собралось и не сохранилось такъ много всякой старины, и не мудрено, что здѣсь такъ легко развивался патріотизмъ, окрашенный мѣстной исключительностью, склонный отождествлять всю русскую старину со старинной московской...

Послѣ нѣсколькихъ учебныхъ и педагогическихъ книгъ и двухъ біографій, митр. Платона и архіепископа московскаго Августина ¹⁾, —первымъ трудомъ Снегирева по изученію русской народности была извѣстная книга о пословицахъ, первая систематическая книга въ русской этнографіи, съ большимъ матеріаломъ и научными приемами по тому времени ²⁾. Эта была многолѣтняя работа; первые опыты разбора пословицъ Снегиревъ сдѣлалъ еще въ 1823 году, въ „Трудахъ“ московскаго Общества любителей россійской словесности, затѣмъ новыя части его работы появлялись въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ; при окончательной обработкѣ сочиненія онъ имѣлъ возможность воспользоваться сообщеніями и объясненіями многихъ ученыхъ, съ которыми былъ въ сношеніяхъ...

Въ то время, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ, когда велась работа Снегирева, русская этнографія, какъ наука, не существовала; изученія народной жизни еще съ конца XVIII вѣка внушались возникавшей потребностью самосознанія, любопытствомъ и сочувствіемъ,

¹⁾ Начертаніе жизни и дѣлнй московскаго митрополита Платона, в пр. 2 части. М. 1818 г., 2-е изд. 1831 г.; 3-е (?), 1856.—Біографическія черты изъ жизни архіепископа московскаго Августина. М. 1824; 3-е изд. 1848.

²⁾ „Русскіе въ своихъ пословицахъ. Разсужденія и изслѣдованія объ отечественныхъ пословицахъ и поговоркахъ“, 1—2 книжки, М. 1831: 3-я, 1832; 4-я, 1834.

но не были руководимы ясными научными приемами и сознательной задачей. На чемъ основалъ Снегиревъ свою систему? Онъ самъ указываетъ, въ автобіографіи, что въ своихъ археолого-этнографическихъ трудахъ „употребилъ ученую методу, которую заимствовалъ у наставниковъ своихъ Буле, Маттеи и Тимковскаго“. Это были наставники его въ общей теоріи литературы и въ классической древности. Со времени Возрожденія, классическая филологія была, какъ извѣстно, главнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивались литературныя изученія, *humaniora*; „филологія“ до начала XIX столѣтія была по преимуществу, если не исключительно, классическая, и въ предѣлахъ греческой и римской литературы и древности выработаны были тонкіе приемы критическаго изслѣдованія. Снегиревъ, самъ преподаватель латинской археологіи и языка, примѣнилъ тѣже приемы къ изслѣдованію старины русской. Обширная, хотя не глубокая, начитанность помогла ему ориентироваться въ предметѣ; онъ сдѣлалъ справки о положеніи вопроса въ ученой европейской литературѣ, и ссылками на нее доказываетъ, въ предисловіи къ „Пословицамъ“, „неизлишность“ и „небезполезность“ своего труда. Въ этомъ трудѣ есть недостатки,—говоритъ онъ:— „потому что онъ еще первый и ведетъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ выраженій ума и языка народнаго, на кои посвящали себя ученѣйшіе мужи въ Голландіи, Германіи, Даніи и Швеціи, такъ что одна литература оныхъ составляетъ цѣлую книгу, изданную Нопицемъ. Французы, итальянцы, испанцы и поляки имѣютъ словари и собранія своихъ пословицъ“.

Снегиревъ начинаетъ свое изслѣдованіе издалека, съ общаго объясненія пословицы, ея происхожденія и значенія, говоритъ о пословицахъ и притчахъ у евреевъ, у грековъ и римлянъ, у новыхъ европейскихъ народовъ, у славянскихъ племенъ ¹⁾, наконецъ, у русскихъ, и исчисляетъ ихъ изданія. Затѣмъ, онъ ставитъ вопросъ объ иностранныхъ источникахъ русскихъ пословицъ, объ отношеніи пословицъ и поговорокъ къ словесности. Со второй книги и до конца идетъ перечисленіе самыхъ пословицъ; онѣ расположены по содержанію ²⁾

¹⁾ О послѣднихъ онъ беретъ свѣдѣнія изъ Добровскаго, Ливле, Кеппена, Курхарскаго, Бобровскаго.

²⁾ Это расположеніе слѣдующее:

Пословицы *антропологическія*.

А. Касающіяся до естественныхъ и нравственныхъ причинъ различія народовъ. а) Пословицы, относящіяся къ лянчеству, вѣрѣ и суевѣрію. б) Нравы и обычаи въ пословицахъ. с) Пословицы нравственныя. д) Политическія и судебныя. О лицахъ правительствующихъ.

Б. Законодательство и судопроизводство. а) Законы. б) Преступленія и наказанія. с) Судные обряды (жребій, отдаваніе головою, правезъ, поле, повальный обыскъ).

и сопровождаются постояннымъ комментариемъ. Позднѣйшая разработка этого предмета (въ пятидесятихъ годахъ), при помощи новѣйшей филологіи и сравнительной этнографіи, не удовлетворялась изслѣдованіемъ Снегирева, глубже ставила вопросъ о происхожденіи, объ этнографическомъ и археологическомъ значеніи пословицы ¹⁾; но, вспоминая время появленія труда Снегирева, нельзя не признать его большой заслуги въ первомъ опытѣ научнаго объясненія пословицъ, въ обширности матеріала, введеннаго въ изслѣдованіе. Поставивши себѣ въ самомъ заглавіи цѣлю — реальное археологическое изслѣдованіе пословицъ, Снегиревъ умѣлъ иногда чрезвычайно удачно пользоваться ихъ бытовымъ значеніемъ и ввести ихъ въ цѣлую картину старой русской жизни ²⁾.

Вторымъ трудомъ Снегирева, столь же значительнымъ для начинавшейся науки, было сочиненіе о русскихъ народныхъ праздникахъ и обрядахъ ³⁾. Область изслѣдованія была здѣсь еще обширнѣе, матеріалъ несравненно богаче и сложнѣе: народный праздникъ, обрядъ, обычай проходили всю исторію и достигали до отдаленной языческой старины и міеологіи. Литература XVIII вѣка уже догадывалась объ историческомъ значеніи старой простонародной поэзіи и обычая, догадывалась, что то и другое было остаткомъ, сохранившимся отъ древней языческой религіи и далекаго быта. Первую мысль объ этомъ трудѣ далъ Снегиреву знаменитый митрополитъ Евгеній, ученый старой школы, связывающій нашу историческую науку прошлаго и нынѣшняго столѣтія ⁴⁾. Снегиревъ пользуется

Обзоръ политическихъ и юридическихъ пословицъ въ отношеніи къ эпохамъ исторіи русской.

Пословицы *физическія*. а) Метеорологическія и астрономическія. б) Агрономическія. с) Медицинскія.

Историческія. а) Хронологическія. б) Топографическія. с) Этнографическія (личныя; пословицы-девизы).

¹⁾ См. изслѣдованія г. Булаева, въ „Архивѣ“ Калачова, т. 2, 1854, и „Русскій бытъ и пословицы“, въ „Историч. Очеркахъ русской народной словесности и искусства“, 1861, I, стр. 78—186.

²⁾ Позднѣе Снегиревъ еще нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету, съ новыми объясненіями и дополненіями.

— Русскія народныя пословицы и притчи. М. 1848.

— Новый сборникъ русскихъ пословицъ и притчей, служащій дополненіемъ къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изданныхъ въ 1848 году. М. 1857.

³⁾ „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. Вып. I. М. 1837; 2—3 вып. 1838; 4-й, 1839.

⁴⁾ Въ дневникѣ Снегирева подъ 4 авг. 1825 г. записано, что былъ онъ у митр. Евгенія, который „предложилъ ему собрать и описать народныя русскіе праздники и обшчалъ дать ему свою объ этомъ предметѣ *записку*“. Августа 24, Снегиревъ „весь вечеръ провелъ у митр. Евгенія, читалъ ему свою статью о народныхъ празд-

указаніями Тредьяковскаго о народной пѣснѣ, Гютри (Guthrie) о старинныхъ русскихъ обычаяхъ; но ему извѣстно и то, какъ объясняла народную древность классическая археологія, которая уже выработала въ то время остроумныя объясненія древнихъ бытовыхъ явленій. Снегиревъ дѣлаетъ ссылки на Шлегеля, Ваксмута, Отфрида Мюллера, и въ началѣ книги высказываетъ сожалѣніе, что не могъ пользоваться (только выходящими тогда въ свѣтъ) сочиненіями о миеологіи и древностяхъ Шеллинга, Гримма и Шафарика ¹⁾. Такимъ образомъ, Снегиреву понятна была тѣсная связь народнаго обычая съ древнѣйшимъ бытомъ, котораго онъ является остаткомъ, прошедшимъ черезъ всякія испытанія исторіи. Какъ въ книгѣ о пословицахъ, такъ и здѣсь, обильный матеріалъ собранъ былъ живымъ личнымъ наблюденіемъ, свѣдѣніями отъ другихъ и большимъ знаніемъ старой и новой русской литературы. Такого богатаго матеріала до Снегирева не было еще никѣмъ собрано и объяснено въ нашей литературѣ, и въ научныхъ приемахъ—хотя они были еще, какъ видимъ, весьма несовершенны—какая громадная разница съ нелѣпцами Сахарова!

Какъ первый опытъ русской „еортологіи“ (такъ называетъ Снегиревъ свое изслѣдованіе), гдѣ въ первый разъ давались объясненія древней миеологіи въ связи съ бытомъ, сочиненіе его не обошлось безъ крупныхъ и мелкихъ ошибокъ. У него нѣтъ уже прежняго грубаго произвола миеологическихъ толкованій, но нѣтъ еще и правильныхъ филологическихъ приемовъ, — онъ все еще черезъ-чуръ легко поддается внѣшнимъ сходствамъ и созвучіямъ и строитъ на нихъ миеологическіе выводы ²⁾. Ему было знакомо различіе между источниками первоначальными и позднѣйшими книжными измышленіями; но тѣмъ не менѣе старыя русскія божества онъ перечисляетъ

никакъ, на которую митрополитъ дѣлалъ свои замѣчанія и оставилъ у себя на разсмотрѣніе“. („Ив. Мих. Снегиревъ“, стр. 48—49).

¹⁾ Въ позднѣйшемъ продолженіи своего сочиненія онъ, впрочемъ, ссылается на Гриммовы „*Rechtsalterthümer*“ (1828), IV, 125, и на Шафариковы „*Древности*“, первая часть которыхъ явились тогда въ переводѣ Бодянскаго, III, 128.

²⁾ Напр., на первыхъ же страницахъ: „Скандинавскій *Бель*, или Баяъ, божество огня и свѣта, сходное съ азіатскимъ *Баломъ*, и *Торъ* громовосный, съ млатомъ въ рукѣ (*Mjölnir*, молнія?) перешли въ *Вьльбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность славянской религіи, отъ коей германская отличается своею тройственностью; скандинавскій *Одинъ* или *Водинъ*, вѣроятно, преобразился въ *Водяноу*“. I, стр. 10. Какъ „перешли“ и какъ „преобразились“, неизвѣстно; но дальше вмѣсто двойственности въ русской миеологіи является тройственность, стр. 152. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ нѣтъ тѣни основанія. Русскій *Валосъ* приравнивается къ скандинавскому *Вал-ассу*, а дальше, о немъ „доннаѣ“ напоминаетъ праздникъ *Вель-Окъсъ*, отправляемый мордвою“ (I, стр. 18), и т. д.

и по Нестору, и по „Четь-Минеямъ“ Дмитрія Ростовскаго ¹⁾). Последующимъ изслѣдователямъ уже вскорѣ, съ конца сороковыхъ годовъ, подобныя ошибки бросались въ глаза, какъ недостатки вопіющіе, но для своего времени трудъ Снегирева былъ замѣчательнымъ явленіемъ; онъ во всякомъ случаѣ открывалъ путь для дальнѣйшихъ изысканій, возбуждалъ вопросы ²⁾). До сихъ поръ онъ остается незамѣненнымъ, потому что, при всей новой замѣчательной обработкѣ частныхъ, при громадномъ матеріалѣ никто еще не собралъ ни дѣлой нашей „еортологіи“, ни *объясненія* пословицъ съ новой научной точки зрѣнія; нѣкоторыя историческо-бытовыя замѣчанія Снегирева донинѣ остаются неразвитыми далѣе.

Третій трудъ Снегирева по русской этнографіи опять былъ изслѣдованіемъ чрезвычайно любопытнаго и до него никѣмъ не тронутаго предмета. Это—лубочныя картинки. Появляясь съ XVII вѣка и до 1839 г. оставаясь почти не тронутыми цензурнымъ контролемъ, эти картинки составляютъ, какъ извѣстно, цѣлую особую народную литературу, въ разныхъ отношеніяхъ интересную и иногда весьма трудную для историческаго истолкованія. Снегиревъ, съ тѣмъ вкусомъ и чутьемъ къ старинѣ, которое его отличало, очень рано обратилъ вниманіе на лубочныя картинки и съ своего перваго изслѣдованія о нихъ въ 1822 г. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни нѣсколько разъ обращался къ нимъ ³⁾), опять полагая на ихъ объясненіе свое большее знаніе письменной и печатной старины и практическое знаніе народнаго обычая. До новѣйшаго изданія Д. А. Ровинскаго труды

¹⁾ Гдѣ въ житіи кн. Владиміра являются такіе „боги“ какъ: Позвиздъ или Вихоръ, богъ воздуха; Лало, богъ веселія; Купало, богъ плодовъ земныхъ, и т. п., никогда не бывалне. I, стр. 11.

²⁾ Снегиревъ понималъ трудность дѣла и необходимость дальнѣйшихъ исканій. „Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внутреннюю жизнь русскаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, — говоритъ онъ въ предисловіи, — нахожу, что онъ требуетъ большихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ болѣе идти по этому поприщу, тѣмъ глубже вникать въ этотъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе откроется новыхъ свѣдѣній и соображеній, важныхъ для исторіи, филологіи и философіи“.

³⁾ Первая статья его: „Русская народная галерея или лубочныя картинки“, въ Отеч. Зап. 1822, т. XII, № 30.

— „О простонародныхъ изображеніяхъ“ въ Трудахъ общ. люб. рос. словесности, 1824, кн. IV.

— „Лубочныя картинки“, въ Москвитинѣ, 1841, № 5.

— „О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа“, въ Валуевскомъ „Сборникѣ историч., статист. и др. свѣдѣній о Россіи“. Спб. 1845.

— „О лубочныхъ картинкахъ рус. народа“. М. 1844, и 2-е изд.: „Лубочныя картинки рус. народа въ московскомъ мірѣ“. М. 1861.

Снегирева были единственнымъ цѣльнымъ трактатомъ по этому предмету. Но и здѣсь опять повторились его обычные недостатки: слишкомъ поспѣшные выводы, иногда совсѣмъ грубыя ошибки и недосмотры, цитаты на угадъ и на память, и къ нимъ опять строго отнеслась новая критика, которая уже не премѣнно требовала внимательнаго обращенія съ текстами и доказательнаго комментарія ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, когда новѣйшій изслѣдователь предпринялъ перебрать и изслѣдовать весь матеріалъ лубочныхъ картинокъ, онъ нашелъ возможнымъ дать труду Снегирева самую высокую похвалу. „Особенную помощь,—пишетъ г. Ровинскій въ предисловіи къ своему огромному труду,—оказали мнѣ статьи о лубочныхъ картинкахъ И. М. Снегирева; въ нихъ, кромѣ полнаго перечня картинокъ, заключается еще чрезвычайное множество историческихъ свѣдѣній и обиходныхъ замѣтокъ, которыя могли быть собраны и записаны только такимъ практическимъ маститымъ археологомъ-старожиломъ, какимъ считался въ нашей Москвѣ И. М. Снегиревъ: статьи его о лубочныхъ картинкахъ русскаго народа—истинное сокровище для людей, занимающихся этимъ предметомъ“ ²⁾.

Другая область изслѣдованій, которая издавна занимала Снегирева и съ сороковыхъ годовъ почти исключительно его поглощала, была древность монументальная: старое русское искусство и въ особенности памятники московской и подмосковной старины. Какъ первые начатки этнографическихъ изысканій сдѣланы были еще въ XVIII столѣтіи, такъ и въ археологіи монументальной Снегиревъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; но никто, и равнѣе, и въ его время, не положилъ столько труда на изслѣдованіе памятниковъ стараго русскаго искусства вообще, и особливо московской старины. Цѣлый рядъ изданій его, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, полагалъ начало систематическому изученію нашей монументальной старины. Таковы его „Памятники московской древности“ (М. 1842—45); „Памятники древняго искусства въ Россіи“ (три вып., 1850); „Письмо объ иконописи къ гр. А. С. Уварову“ (1848) ³⁾; „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“ ⁴⁾. Москва была предметомъ цѣлыхъ особыхъ изслѣдованій: таковы—

¹⁾ См. ст. О. И. Буслаева въ Отеч. Зап. 1861, № 9, и Котляревскаго, „Старина и народность“. М. 1862, стр. 86—87.

²⁾ Рус. нар. картинки. Сиб. 1881, I, стр. VI—VII. Замѣтимъ еще, что коллекція Снегирева составила очень важную часть собранія лубочныхъ картинъ, какое имѣется въ Публичной Библиотекѣ.

³⁾ Оно послужило главнымъ матеріаломъ для сочиненія Сабатье: *Notion sur l'icônographie sacrée*. St.-Pet. 1849.

⁴⁾ М. 1846—1854, въ 15 выпускахъ, въ листъ. Другое изданіе, въ 12^о съ дополненіями и поправками, въ 4 книгахъ.

„Памятники московской древности“ (1842—45); „Москва. Подробное историческое и археологическое описание города“ (т. I. 1865). Большая часть этихъ изданій была сдѣлана Снегиревымъ въ сотрудничествѣ съ А. Мартыновымъ. Далѣе, цѣлый рядъ книгъ и книжекъ о московской и подмосковной святыняхъ и достопримѣчательныхъ памятникахъ ¹⁾). Наконецъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ великолѣпномъ изданіи „Древностей російскаго государства“, принятомъ по высочайшему повелѣнію въ сороковыхъ годахъ ²⁾).

Въ 1858—1859, Снегиревъ, въ качествѣ спеціального знатока московской старины, былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей по возобновленію извѣстныхъ „Романовскихъ палатъ“ въ Москвѣ, заложенныхъ 31 августа 1858 и открытыхъ въ августѣ 1859 года ³⁾).

И въ этой сторонѣ его трудовъ новая археологическая критика дѣлала ему сильныя упреки. Снегиревъ часто не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ научнаго описанія и объясненія памятниковъ: прежде онъ и не привыкъ къ этимъ требованіямъ, и теперь какъ будто не считалъ нужнымъ заботиться о полной точности подробностей, когда цѣлью его былъ популярный рассказъ о любимой старинѣ, которою онъ самъ увлекался. Въ замѣчательной статьѣ по поводу „Москвы“ Снегирева, г. Забѣлинъ такъ характеризовалъ *научную* сторону его трудовъ: „Характеръ и достоинство археологическихъ трудовъ Снегирева наука давно опредѣлила... Она не могла не оцѣнить большой начитанности автора, значительнаго знакомства съ архивными матеріалами, этой неутомимости въ собираніи многообразныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ встрѣчавшаго столько старыхъ словъ, столько новыхъ фактовъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого безмѣрнаго и не всегда толковаго собирательства, и именно, отсутствіе всякой критики, отсутствіе руководящей, объединяющей, послѣдовательной мысли при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части... Наука указала на очень выдающееся отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ приѣмовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ и всякихъ

¹⁾ Новоспасскій монастырь (1843); Успенскій соборъ (1866); Воскресенскія ворота (1860); Знаменскій монастырь и палата бояръ Романовыхъ (1861); Новоспасскій ставропигіальный монастырь (1863); Покровскій монастырь (1863); Богоименскій монастырь (1864); Троицкая лавра (1842); Путеводитель изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру (1856); Геесиманскій скитъ (1863); Дворцовое царское село Имайлово (1866).

²⁾ Снегиреву принадлежитъ текстъ отдѣленій I, IV и VI, 1849, 1851, 1853.

³⁾ „Ив. Мих. Снегиревъ“, стр. 219 и слѣд. Снегиревъ написалъ тогда статью о Романовскихъ палатахъ для „Моск. Вѣдомостей“.

свидѣтельствъ, въ ихъ должной оцѣнкѣ; указала на великую сбивчивость и несвязность изложенія, на небрежность, съ какою авторъ всегда почти относится и къ текстамъ, подлиннымъ словамъ, и къ ссылкамъ на эти слова... Вообще, наука отмѣтила, что археологическіе труды Снегирева, несмотря на видимую эрудицію, на весь видѣнный образъ учености, значительно слабы именно въ ученomъ отношеніи... Вотъ почему труды г. Снегирева, пользуясь большимъ уваженіемъ въ средѣ непосвященныхъ, обыкновенныхъ читателей, вообще не столько цѣнились изслѣдователями, заинтересованными непосредственно и ближайшимъ образомъ въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ касался и которые обрабатывалъ авторъ, а потому и входившими въ самое близкое знакомство съ его изысканіями... Изслѣдователи, послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ операцій надъ сочиненіями Снегирева, могли вывести одно непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самими источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, большею частію, всѣмъ доступными... Все это въ работающей средѣ ставило труды Снегирева какъ бы внѣ науки, внѣ ея границъ. Они не попадали въ ея теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически съ новыми дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями, что должно бы непременно случиться, даже противъ воли и желанія этихъ изыскателей... Труды Снегирева *положительнымъ путемъ* никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ нашихъ древностей. Ихъ связь съ этою обработкою обнаруживалась всегда только *отрицательно*, выражала только неизбежную полемику съ ними, неизбежную ихъ перевѣрку, что въ видахъ рѣшительной бесполезности и излишняго труда нерѣдко даже совсѣмъ оставлялось изслѣдователемъ" ¹⁾.

Г. Забѣлинъ былъ особенно въ правѣ высказывать столь суровый приговоръ. Работая въ той же археологической области, ему именно приходилось ближайшимъ образомъ провѣрять изслѣдованія Снегирева, убѣждаться въ невозможности принимать его выводы и даже его цитаты, вообще въ крайнихъ недостаткахъ его исторической критики. Замѣчанія г. Забѣлина о научныхъ свойствахъ трудовъ Снегирева безъ сомнѣнія справедливы, какъ справедливо и то, что они остались какъ бы внѣ науки, не имѣя внутренней связи съ дальнѣй-

¹⁾ Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Ч. II, М. 1873, стр. 119—122.

ними изслѣдованіями. Нужно, однако, сдѣлать оговорку, что наша историческая наука еще такъ вообще молода, что почти только съ Снегиревымъ и начинается разработка нашей монументальной археологіи и сколько-нибудь научной этнографіи, и онъ послужилъ наукѣ уже тѣмъ, что въ ихъ младенческомъ состояніи онъ ставилъ научные вопросы (какъ въ изслѣдованіяхъ о пословицахъ, о народныхъ праздникахъ, о народныхъ картинкахъ) и начиналъ собирать, хотя недостаточно научно, но котораго раньше почти не было. Мы приводили выше, какъ въ наши дни нашелъ возможнымъ отозваться объ его собирательствѣ г. Ровинскій; укажемъ еще сочувственныя слова г. Буслаева, когда онъ, по смерти Снегирева, резюмировалъ его ученую дѣятельность ¹⁾. Недостатки Снегирева происходили какъ отъ новости науки, приемы которой онъ собиралъ эклектически (въ этнографіи) и не въ силахъ былъ выработать въ правильный методъ, такъ и отъ господствующаго характера литературы (двадцатыхъ годовъ), въ которомъ сложились его литературныя понятія. Цѣль его была не только научная, но и популярная, и послѣдняя еще болѣе, чѣмъ первая; читатели и самая критика были очень мало приготовлены и были вполне удовлетворены,—первыя серьезныя требованія поставлены были только позднѣе (съ сороковыхъ годовъ). Его общія историческія представленія были карамзинскія; представленія о народѣ и народности отвѣчали извѣстной программѣ, и съ этой стороны опять не сходились съ позднѣйшей школой, которая приступила къ изученію народности безъ предвзятыхъ и постороннихъ наукѣ соображеній.

Переходимъ къ писателю иного характера, болѣе молодого поколѣнія, на которомъ, въ другихъ формахъ, но также сказалось тогдашнее положеніе народныхъ изученій. Это былъ романтикъ народности—Пассекъ, очень замѣченный въ свое время писатель, но рано умершій, только-что начавши свою дѣятельность.

Вадимъ Васильевичъ Пассекъ ²⁾ родился, въ іюнѣ 1807, въ Тобольскѣ, гдѣ отецъ его, извѣстный по своимъ печальнымъ приключеніямъ, жилъ съ семьей въ ссылкѣ, въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Тобольскій губернаторъ въ то время особенно гналъ семейство Пассековъ и выселилъ его, въ глубокую осень, за двадцать верстъ отъ города. Вадимъ остался и прожилъ годы дѣтства въ домѣ

¹⁾ Моск. Университетскія Извѣстія, 1869.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ воспоминаніяхъ его вдовы: „Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ“. Спб. 1878—79, т. I, стр. 366—384, 432 и слѣд.; рядъ главъ во II-мъ томѣ, и частію въ недавно вышедшемъ III-мъ томѣ. Спб. 1889.

ихъ друга, инспектора врачебной управы, Керна ¹⁾). Средства семьи заключались въ той части дохода съ харьковскаго имѣнья, какая приходилась на долю двухъ сыновей, рожденныхъ до ссылки отца; но мало-по-малу высылка денегъ сокращалась и, наконецъ, прекратилась. Семейство умножалось, наступала нужда; но семья держалась дружно и работала. Вадимъ, тихій, задумчивый, съ поэтической наклонностью, рано увлекался и красотами природы, и рассказами о старинѣ...

Черезъ двадцать лѣтъ ссылки, Пассекъ-отецъ былъ, наконецъ, возвращенъ (въ 1824 или 1825). Многолюдная семья переехала въ Москву, гдѣ родственныя связи съ нѣкоторыми богатыми и значительными людьми помогли ей кое-какъ устроиться. Въ 1830, отецъ умеръ и семья осталась на заботѣ старшихъ сыновей, упорно для нея работавшихъ. Вадимъ въ послѣднихъ двадцатыхъ годахъ былъ въ московскомъ университетѣ; въ молодомъ поколѣннн бродилъ идеалистическій романтизмъ, къ которому Пассекъ былъ склоненъ уже отъ природы. Онъ шелъ въ университетъ раньше Герцена, но они еще встрѣтились и сошлись очень дружески ²⁾: ихъ соединяли общія наклонности, интересы къ наукѣ и поэзіи, стремленіе къ осуществленію въ жизни нравственно-общественныхъ идеаловъ; только послѣ въ ихъ мнѣніяхъ стали сказываться различныя отбѣнки, что одно время и произвело между ними охлажденіе. Пассекъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, кажется, до холернаго года. Въ этомъ году, когда эпидемія производила въ Москвѣ, какъ и вездѣ, страшную панику, Пассекъ одинъ изъ первыхъ предложилъ себя въ распоряженіе холернаго комитета и дѣйствовалъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ: онъ завѣдывалъ въ больницѣ канцеляріей, хозяйственной частью, ухаживалъ за больными и даже, съ нѣкоторыми изъ врачей, дѣлалъ на себѣ опыты прилипчивости болѣзни. Опыты показали противъ прилипчивости, и послѣ этого къ болѣзни стали относиться смѣлѣе и явилось больше желающихъ помогать въ общественномъ бѣдствіи ³⁾.

Въ 1832, Пассекъ женился на „корчевской кузинѣ“ Герцена и принялся за „Путевыя записки“, которыя были его первымъ трудомъ. Весной 1834, графъ А. Н. Панинъ, попечитель харьковскаго университета (раньше служившій въ Москвѣ при московскомъ попе-

¹⁾ „Я родился въ то время, — писалъ Пассекъ, — когда безопасно тѣснили и терзали родную семью, поэтому былъ налогомъ отдаленъ отъ нея, росъ среди чужихъ, сталъ рано думать и чувствовать и долженъ былъ сосредоточиваться, замкаться самъ въ себя“. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, I, стр. 375.

²⁾ Тамъ же, I, 317—318, 328, 355—365, и пр.

³⁾ Тамъ же, I, стр. 357—358.

читель кн. С. М. Голицынѣ), предложилъ Пассеку каеедру русской исторіи въ Харьковѣ, и онъ было началъ собираться въ путь. Между тѣмъ въ іюлѣ этого года въ Москвѣ произошелъ арестъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обвиненныхъ за пѣніе на пирушкѣ недозволительныхъ пѣсень. Къ Пассеку это не имѣло никакого отношенія, но исторія эта, очень бессмысленно, отразилась и на немъ. По письмамъ, находимымъ у арестуемыхъ, переходили отъ одного къ другому, отъ поэта Соколовскаго къ Сатину, къ Огареву, наконецъ, къ Герцену. По арестѣ послѣдняго, ждалъ и Пассекъ своей очереди, но, по разсказу г-жи Пассекъ,—„продолжительныя отлучки Вадима передъ женитьбой (для устройства дѣла съ харьковскимъ имѣніемъ), частыя, продолжительныя поѣздки наши послѣ женитьбы, новые интересы виѣ товарищескаго кружка спасли его отъ ударовъ собравшейся грозной тучи, но, несмотря ни на что, рикошетомъ они попали и въ насъ“¹⁾. Когда, пріѣхавши въ Харьковъ, Пассекъ явился къ гр. Панину, тотъ сообщилъ ему, что изъ Москвы получена бумага, въ которой сказано, чтобы не допускать Пассека до чтенія лекцій, вслѣдствіе его сношеній съ арестованными молодыми людьми, а если уже читаетъ, то учредить строгій надзоръ. Лекціи и не были начаты. Пассекъ поселился въ своей деревнѣ, въ харьковской губерніи; здѣсь его сосѣдомъ оказался жандармскій полковникъ, съ которымъ онъ дружески сошелся и который сообщилъ ему, что дѣйствительно долженъ доставлять о немъ отчеты... Пассекъ прожилъ въ Харьковѣ и въ деревнѣ 1834—36 годы, съ небольшою поѣздкой въ Кіевъ, занимаясь этнографическими и статистическими изученіями. Въ 1836, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, по статистическому отдѣленію, и считался откомандированнымъ въ харьковскую губернію; въ 1837, онъ представилъ въ министерство свое историко-статистическое описаніе харьковской губерніи съ планами и видами. Оно было напечатано въ официальномъ изданіи²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ занимался изслѣдованіемъ древностей, городищъ и кургановъ и отчетъ о нихъ доставилъ въ Общество исторіи и древностей, которое избрало его въ свои члены. Въ Москву онъ вывезъ для университета изъ Украины три каменные „бабы“.

По полученіи работы Пассека о харьковской губерніи, министерство дало ему порученіе составить статистическое описаніе таврической губерніи. Для этого надобно было предварительно въ Одессѣ ознакомиться съ архивомъ новороссійскаго и бессарабскаго генераль-

¹⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ, I, стр. 435.

²⁾ Матеріалы для статистики Россійской имперіи, издаваемые, съ высочайшаго соизволенія, при статистическомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Слб. 1839—41 (два тома), т. I, отд. II, стр. 125—167.

губернатора. Въ Одессѣ, съ поѣздкой въ Крымъ, Пассекъ провелъ 1837—38 годы. Еще въ Харьковѣ онъ задумалъ изданіе „Очерковъ Россіи“, и его мысль, какъ и вообще взглядъ его на изученіе народа, были съ великимъ сочувствіемъ раздѣлены Срезневскимъ, который въ тѣ годы былъ въ разгарѣ этнографическаго романтизма. Въ Одессѣ Пассекъ также встрѣтилъ людей, сочувствовавшихъ его планамъ, и тѣмъ усерднѣе готовился къ изданію, для котораго уже набирались сотрудники и статьи. Въ 1838 году вышла первая книга „Очерковъ Россіи“.

Въ началѣ лѣта 1838, Пассекъ сдѣлалъ поѣздку въ Крымъ, къ осени вернулся въ Харьковъ, оставался здѣсь до лѣта слѣдующаго года, сдѣлалъ новыя поѣздки по харьковской губерніи и осенью 1839 переѣхалъ въ Москву.

Въ Москвѣ Пассекъ встрѣтился снова съ кружкомъ Герцена, но завязалъ и другія связи, которыя, повидимому, становились ему ближе и сочувственнѣе. Осенью 1840, онъ отправился въ Петербургъ; цѣлью поѣздки были его литературныя планы и официальные дѣла, а именно онъ, черезъ К. И. Арсеньева, хотѣлъ напомнить въ министерствѣ, гдѣ считался на службѣ, объ обѣщанномъ ему первомъ вакантномъ мѣстѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Арсеневъ съ участіемъ взялся за его дѣло; мѣсто обѣщано, а пока ему поручено было составленіе статистическихъ свѣдѣній о московской губерніи и дана награда за описаніе таврической губерніи.

Въ 1841. Пассекъ составилъ статистическое описаніе московской губерніи, признанное образцовымъ; составилъ путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ ¹⁾, хлопоталъ объ изданіи „Очерковъ Россіи“. Средства его были очень стѣсненныя; онъ считался на службѣ, но жалованья ему не давали. Весной 1842, архимандритъ Симонова монастыря Мельхиседекъ предложилъ ему составить историческое описаніе Симонова монастыря, съ вознагражденіемъ въ 300 рублей. Онъ взялся за эту работу, которая и была вскорѣ кончена и издана, но вмѣсто говорара, Пассекъ просилъ за свой трудъ — отвести ему и семь мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ! Въ томъ же году пришлось воспользоваться этимъ условіемъ — сначала для его ребенка, а осенью—для него самого. Еще лѣтомъ Пассекъ заболѣлъ, простудившись; къ осени ему дѣлалось все хуже и 25 октября 1842 онъ умеръ. Въ этомъ году вышла и послѣдняя, 5-я книга „Очерковъ Россіи“.

Первымъ произведеніемъ Пассека, какъ выше замѣчено, были „Путевыя записки“ и еще небольшая статья „Странное желаніе“,

¹⁾ Московская справочная книжка, изданная Вад. Пассекомъ. М. 1842.

напечатанная позднѣе ¹⁾). Достаточно прочесть нѣсколько страницъ этой послѣдней статьи, чтобы видѣть мечтательную подкладку его взглядовъ, сохранившуюся и позднѣе. „Странное желаніе“ заключается въ слѣдующемъ:

„Духъ вѣченъ и нѣтъ для него избраннаго времени, человѣкъ не весь прикованъ къ настоящему; онъ любитъ воскрешать минувшіе вѣка, углубляться до дня созданья, въ безконечность времени, и уносится душой въ будущее.“

„Оттого-то и мнѣ хотѣлось бы всюду жить въ каждое мгновенье времени, во всѣ возрасты человѣчества и природы: хотѣлось бы присутствовать при всѣхъ переворотахъ земли, взгромоздившихъ горы и разъединившихъ всѣ ея части, когда еще кипѣли рѣки металловъ (!) и раскаленная атмосфера неравнучно носилась съ земнымъ шаромъ! Хотѣлось бы взглянуть, какъ послѣ стихійнаго состоянія отдѣлились воды, заструились рѣки, зацвѣли первыми цвѣтами поля и послышалось первое пѣніе птицъ... Желалъ бы почувствовать всѣ чувства, всѣ впечатлѣнія перваго человѣка, переходить съ нимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.. и пр.“

„Что мнѣ жизнь, если я не составляю живой части цѣлаго міра; что мои бѣдные дни, если они не сливаются съ вѣчностью!“

„Страшно быть отторгнутымъ отъ общества людей, невыразимо страшнѣе быть отторженнымъ бытіемъ отъ вселенной и жизнью отъ вѣчности (?). Я теряюсь, гибну при одной мысли объ этомъ отчужденіи, оно рождаетъ человѣка ниже ничтожества.“

„Не оттого ли мы нерѣдко томимся желаніемъ представить всю минувшую жизнь вселенной, узнать ея настоящее и разгадать будущее?“

„Но человѣку не воскресить прошедшаго, не удовлетвориться и разгадкой будущаго! Гдѣ же полное удовлетвореніе жизни? гдѣ найду наслажденіе жизни всевременной и вездѣ присутствующей—“

Въ святой и жаркой вѣрѣ на землѣ —

И тамъ, гдѣ нѣтъ уже земныхъ преградъ“, и пр.

„Путевыя Записки“ ²⁾ всего нагляднѣе указываютъ настроеніе и основную мысль, проходящую въ работахъ Пассека. Когда книга вышла, Сенковскій замѣтилъ въ „Библіотекѣ для чтенія“, что вѣроятно авторъ путешествовалъ въ воображеніи, сидя покойно на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и болѣе по протекшимъ вѣкамъ. Другъ автора, Лажечниковъ, въ письмѣ, относится къ книгѣ съ осторожною уклончивостью ³⁾. И дѣйствительно, въ книгѣ много историко-поэтическихъ фантазій о протекшихъ вѣкахъ, а настоящихъ путевыхъ записокъ совсѣмъ не имѣется; тѣмъ не менѣе она любопытна для

¹⁾ Въ сборникѣ „Литературный Вечеръ“, М. 1844, который по его смерти изданъ былъ московскимъ литературнымъ кружкомъ въ пользу его семейства. Объ этомъ сборникѣ см. въ „Современникѣ“ 1844 г., т. 35. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. II, стр. 204—205, 344—345.

²⁾ Путевыя записки Вадима *. Москва, 1834. 8°. 180 стр. Посвященіе: „Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ“.

³⁾ Письмо 1834 г.: „Изъ дальнихъ лѣтъ“. II, стр. 222.

исторіи этнографіи. Народно-историческій интересъ только-что складывался: чувствовалась недостаточность прежней чисто внѣшней государственной исторіи, и возникала потребность изслѣдовать основы внутренней жизни народа, его бытовые и нравственные идеалы. Это стремленіе, еще поэтически-неопредѣленное, особенно выразилось у Пассека, и оттого имя его называлось въ то время съ большими сочувствіями: онъ высказывалъ созрѣвавшую потребность. Труды его, кромѣ немногихъ описательныхъ сочиненій, немного дали прямого научнаго матеріала, но имѣютъ свое историческое значеніе: это — предисловіе къ наступившимъ скорѣ спорамъ славянофиловъ и западниковъ о русской національной идеѣ и къ болѣе глубокой постановкѣ этнографическихъ изученій.

Книга дѣлится на нѣсколько главъ или статей: первая посвящена личнымъ воспоминаніямъ и размышленіямъ о русской старинѣ; вторая посвящена „Украинѣ“ (стр. 51—112, съ эпиграфомъ изъ Рудаго-Панька); третья—„Малороссіи“ (стр. 113—155); далѣе идутъ „мечтанія“, гдѣ авторъ обращается къ общему вопросу личной и исторической жизни человѣка, къ опредѣленію исторіи, къ необходимости новыхъ изученій прошлаго Россіи; наконецъ, небольшой „эпизодъ“.

Книга открывается воспоминаніями дѣтства и юности въ Сибири — о впечатлѣніяхъ свѣжей и дикой природы, о народныхъ историческихъ преданіяхъ („Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній“); потомъ—перевѣздъ въ Россію, путь до Москвы среди новыхъ впечатлѣній; наконецъ, Москва. Мечтанія юности сливаются съ мечтаніями историка. Кремль переноситъ автора въ прошедшее Москвы, въ далекую старину русской народной жизни: историкъ долженъ открыть ея характеръ, источникъ ея отличій отъ жизни западной Европы. Авторъ находитъ этотъ источникъ въ особомъ усвоеніи христіанства славянскимъ племенемъ:

„Оно (христіанство) близко душѣ человѣка, потому что проповѣдуетъ все истинное и благое; оно близко къ характеристикѣ славянскихъ племенъ по своей *созерцательности*“ (стр. 44).

Въ этой „созерцательности“, христіанскомъ спокойствіи и покорности, онъ находитъ поясненіе многихъ событій русской исторіи.

Обязанность историка и значеніе исторіи представляются ему въ самыхъ возвышенныхъ чертахъ:

„Тотъ не историкъ, кто не поэтъ,—говоритъ Пассекъ:—потому что у него не доставаетъ души, чтобы слиться съ человѣчествомъ, чтобы обнять его, потому что исторія есть *законъ* мнувшаго, вдохновенное *пророчество* о будущемъ! Тотъ не историкъ, кто не мыслитель и не поэтъ. Только Вико, Гердеры, Боссюети, Нибуры создали исторію, только поэтической идеализмъ Шеллинга

и Фихте оживотворилъ ее своимъ ученьемъ. Но сочувствовать можно *чему-нибудь*, и это *что-нибудь*, говорю я, есть *внутренняя жизнь* челоѣчества, въ своемъ началѣ и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Мы познаемъ развитіе настоящаго по событіямъ минувшимъ, а минувшее освѣтляемъ жизнью настоящаго. И тотъ не понимаетъ исторіи народа, кто не объемлетъ умомъ, не сочувствуетъ сердцемъ малѣйшихъ движеній его внутренней жизни; кто не видитъ, какъ живетъ прошедшее въ настоящемъ; кто думаетъ возсоздать жизнь по однимъ лѣтописямъ или остаткамъ искусства, и въ настоящемъ бытѣ не видитъ основныхъ началъ, по которымъ дѣйствовало минувшее, и станеть дѣйствовать грядущее.

„...Должно умомъ и сердцемъ взглянуть въ настоящій бытъ народа! Должно быть съ нимъ, видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, подъ всѣми впечатлѣніями обстоятельствъ и условіями вѣшной природы—однимъ словомъ, должно *путешествовать*“... (стр. 166—168).

Съ чего же начать путешествіе? На это указываетъ исторія государства. Оно имѣеть свои центры, состоящіе въ извѣстной мѣстности, въ характерѣ племени, и разливающіе на жизнь государства свои отбѣнки. Исключивъ окраины, въ самомъ русскомъ племени Пассеевъ указываетъ три такихъ центра и основныхъ пункта изслѣдованія: Новгородъ, Кіевъ и Москву, съ ихъ соответственными землями и населеніями. Изученіе Россіи по этимъ центрамъ, въ ея внутреннихъ историческихъ движеніяхъ, въ связи прошлаго съ настоящимъ, было его завѣтной идеальной цѣлью:

„Вотъ колоссальное предпріятіе, которымъ такъ полны мои думы и мечтанья!—Боже мой! какъ радостно оживаетъ душа, когда я вижу, когда только воображаю всѣ начала историческихъ событій живыми въ живыхъ племенахъ! И я изслѣдую снѣ начала не въ однихъ лѣтописяхъ, но въ умѣ и сердцѣ и самыхъ заблужденіяхъ настоящаго поколѣнія! И я переживаю цѣлые вѣка и всѣ переливы жизни!

„О, дайте мнѣ крылья! Я чувствую себя сильнымъ раскрыть этотъ новый свѣтлый міръ! Сочувствуете ли вы мнѣ? бьется ли у васъ восторгомъ сердце? или вы безчувственны и смѣетесь надъ чистымъ мечтаніемъ юноши?“.. (стр. 173).

Въ этой восторженной формѣ выраженія высказана мысль о необходимости изученія мѣстныхъ элементовъ исторіи и народныхъ бытовыхъ особенностей, налагающихъ печать на развитіе государства.

И съ этой точки зрѣнія, его особенно теплое, даже восторженное чувство поднимаетъ Малороссія, родина его предковъ. Въ ней возникли первые элементы нашего отечества, изъ нея разлился въ немъ свѣтъ христіанства, и пр.

„Кто первый изъ насъ вошелъ въ связи съ европейскими державами? Кто установилъ гибельный потокъ первыхъ татарскихъ ордъ, принудилъ ихъ снова удалиться въ свои степи и такъ сильно, такъ пламенно и роскошно воспѣлъ битвы съ кочевыми половцами?—Малороссіяне!

„Какой народъ безъ твердыхъ и постоянныхъ предѣловъ, которые могли бы

его защитить отъ воинственныхъ сосѣдей, безъ неприступныхъ горъ, которыя могли бы спасти его независимость, умѣлъ быть страшнымъ для своихъ враговъ, успѣлъ развить свою національность и сохранить ее въ тяжелые пять вѣковъ насилія татарскаго, литовскаго и польскаго? Какой народъ въ пять вѣковъ неволи, когда пепелили его города, предавали мученьямъ за преданность религій, умѣлъ ее сохранить, и въ это время не разъ былъ грозю своимъ притѣснителямъ и среди сихъ пытокъ создавалъ училища для образованія юношества? Этотъ народъ былъ — малороссіане! Доселѣ наше отечество гордится принятіемъ религій греческой и она впервые принята — Малороссією. Доселѣ гордимся мы побѣдными походами Святослава — и въ нихъ были толпы малороссіянъ. Доселѣ одно воспоминаніе о пѣсняхъ Бояновъ навѣваетъ мечтою и переноситъ въ минувшее — и Бояны были поэты Малороссіи, между тѣмъ какъ сѣверъ не оставилъ памяти о своихъ пѣвцахъ. Для насъ безсмертно Слово о походѣ Игоря — и оно есть проповѣданіе малороссійское, воспѣтія въ немъ дѣла свершены малороссіанцами. Они бились съ половцами и печенѣгами; они пробудили жизнь на сѣверѣ Россіи и перенесли сюда всѣ зачатки государства“... (стр. 113—114).

Мысль о зависимости событій отъ основныхъ особенностей народнаго характера и обычая примѣняется у Пассека въ объясненіи удѣльной системы. По его мнѣнію, она „возникла и должна была возникнуть изъ духа южныхъ славянъ, изъ самаго быта малороссійскаго народа, и погибнуть на сѣверѣ“. Именно, удѣльная система возникла изъ семейнаго раздѣла у малороссіянъ, въ противоположность цѣлости и единоначалію у великороссовъ; перейдя на сѣверъ, удѣльная система стала раздѣломъ отцовскаго наслѣдства, съ соблюденіемъ семейнаго старшинства, и уже носила въ себѣ всѣ начала единодержавія. Въ нѣсколько иной формѣ, эта мысль была именно развиваема позднѣе нашими историками.

Если по особенной любви къ прошлому и къ народности Малороссіи, Пассекъ становится въ ряду начинателей такъ-называемаго украинфильства, то въ другихъ сторонахъ своихъ мнѣній онъ довольно близко подходитъ къ послѣдующей славянофильской школѣ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи особенный интересъ Пассека къ славянству, высказанный уже въ „Путевыхъ Запискахъ“, и любопытно его представленіе объ общемъ характерѣ славянскаго племени. Отличительной чертой его Пассекъ считаетъ „созерцательность“, перевѣсъ внутренней жизни надъ внѣшней, спокойствія надъ дѣятельностью, и поэтому онъ считаетъ всѣхъ славянъ предрасположенными къ принятію греческаго исповѣданія, какъ имѣющаго много общаго съ ихъ характеромъ — мысль чисто славянофильская, только иначе выраженная. Этимъ предрасположеніемъ Пассекъ объясняетъ и церковную борьбу чеховъ. „Богемія, славянская страна, первая обратила критическій взглядъ на свою религію, менѣе всѣхъ увлеклась силой и блескомъ католицизма и первая водрузила знамя

реформаціи. Она, полная элементовъ славянилизма (sic), доказала возстаніемъ Гусса, что ищетъ въ религіи не посредничества папы, не блеска, не вѣшной торжественности, но истины, одной идеи, прямого созерцанія. Она доказала, какъ ей близка религія греческая, какъ она близка всѣмъ славянскимъ племенамъ, и всѣ они усвоили бы ее съ душевною готовностью, еслибы западъ не распространялъ своего ученія съ такою увлекательною силою и быстротою“... (стр. 43).

Между тѣмъ, отношенія Пассека съ старымъ кружкомъ становились натянутыми; стала, безъ сомнѣнія, чувствоваться разница взглядовъ. Холодная шутка сказывается въ письмахъ Герцена, приводимыхъ въ воспоминаніяхъ г-жи Пассекъ¹⁾; были случаи, въ которыхъ недовѣрчивость къ Пассеку выражалась даже непозволительно рѣзко, какъ, напр., въ отказѣ богатаго Огарева помочь затрудненію Пассека при изданіи „Очерковъ Россіи“. Авторъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ“ настаиваетъ, что это отдаленіе прежнихъ друзей было совершенно несправедливо и выходило изъ недоразумѣнія,—что несмотря на разницу нѣкоторыхъ взглядовъ, напр., на сочувствіе „къ дѣлу славянъ“, на его религіозность, на „любовь къ родинѣ“ (?), въ его мнѣніяхъ не произошло перемѣны, которая оправдывала бы это отдаленіе²⁾; что наконецъ, не задолго до смерти Пассека, дружескія отношенія возстановились опять въ прежней силѣ. Тѣмъ не менѣе, разница взглядовъ несомнѣнно образовалась; корень ея вѣроятно былъ очень давній. Ихъ дѣлило многое: прежде всего неравенство лѣтъ,—Пассекъ былъ нѣсколькими годами старше своихъ друзей, и эта разница бываетъ особенно замѣтна въ томъ возрастѣ, когда на одной сторонѣ бываютъ еще свѣжи всѣ юношескіе порывы, а на другой они смѣняются уже болѣе спокойнымъ взглядомъ на жизнь и начинающимся опытомъ, который у Пассека увеличивался и вѣшнимъ положеніемъ, отстранявшимъ беззаботныя фантазіи юности³⁾. Его младшіе друзья увлекались политическими идеями, а особливо тѣмъ отвлеченнымъ и мечтательнымъ социализмомъ, какимъ онъ былъ тогда и долго послѣ; Пассекъ давно увлекался народностью. Онъ сохранялъ романтическое настроеніе молодости, стремленіе къ просвѣщенію, но историко-этнографическіе, статистическіе труды отдаляли его отъ интересовъ прежняго кружка: исторія и этнографія, съ ихъ спеціальными изученіями, были иною областью, чѣмъ социальная философія; первыя приближали къ дѣйствительности, вторая легко

¹⁾ Томъ II, стр. 309, письмо къ Владиміра, въ ноябрѣ 1839; стр. 336, изъ Петербурга, въ январѣ 1841.

²⁾ Томъ II, стр. 311—312, 331, 342.

³⁾ Ср. т. I, стр. 471—472, 484—485.

виталя въ фантазіяхъ. Въ интересахъ своихъ работъ Пассекъ сближался съ другимъ кругомъ, гдѣ этнографическіе интересы сопро-вождались однако прибавками, которыя вѣроятно не совсѣмъ под-ходили къ его собственнымъ понятіямъ, и уже совсѣмъ не под-ходили къ понятіямъ его прежняго круга. Въ Москвѣ, Пассекъ во-шелъ въ кружокъ Вельтмана, гдѣ бывали Загоскинъ ¹⁾, Максимовичъ, Даль; у него самого бывали Ѳедоръ Глинка, профессоръ Морошкинъ, М. Макаровъ, де-Сангленъ; Пассекъ сближался съ Шевыревымъ, По-годинымъ, Хомяковымъ; въ Петербургѣ—съ Гречемъ. Въ ряду этихъ именъ были люди, имѣвшіе большія заслуги въ исторіи и этнографіи; но были и другіе, съ которыми его прежніе друзья не могли сходиться въ понятіяхъ; были наконецъ люди неуважаемые ²⁾.

Въ историко-этнографическихъ взглядахъ Пассека, образчики ко-торыхъ мы приводили, нельзя не признать, при всей романтической идеализаціи, оригинальности и широты наблюденія или—отгадки, ко-торья, еслибы автору суждено было повести далѣе свои работы, могли выработаться въ опредѣленную теорію. Объемъ наблюденій Пассека простирался на археологію, исторію, народную поэзію, обычаи, преданія и т. д. Сельская жизнь, которую онъ велъ въ Малороссіи, сближала его непосредственно съ бытомъ народа. „Изучая языкъ и жизнь народа, Пассекъ постоянно сближался съ нимъ по деревнямъ, записывалъ повѣрья, сказки, пѣсни; срисовывалъ виды, земледѣль-ческія орудія, домашнюю утварь, одежду; бывалъ на празднествахъ и сельскихъ ярмаркахъ, такъ любимыхъ малороссами“... ³⁾.

Какъ мы упоминали, Пассекъ настаивалъ на необходимости *путешествій* для изученія народности. Но какъ онѣ были практически нелегки въ то время, можно видѣть изъ его жалобъ въ одномъ письмѣ:

„Рѣдкое время дорога отъ Харькова до Москвы бываетъ удобна, обыкно-венно же или испорчена, или грязна до того, что лошади мѣстами тянутъ эки-пажъ шагъ за шагомъ. Зимой, пожалуй, и того хуже. Частыя мятели заносятъ путь, обозы выбиваютъ такіе глубокіе, послѣдовательно идущіе ухабы, что поѣздка становится невыносима, медленна и утомительна до крайности. На станціяхъ безпреставныя остановки, помѣщенія неудобны... На прѣѣзжаго на-

¹⁾ Съ Загоскинымъ Пассекъ былъ очень близокъ уже въ 1832. „Изъ дал. лѣтъ“
I, стр. 359, 377.

²⁾ Тамъ же II, стр. 70—71, 831—834. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ могли быть безразличны въ началѣ тридцатыхъ годовъ, но къ сороковымъ годамъ направленія стали такъ опредѣляться, что становились прямо враждебными. „Въ началѣ 1841 г.—говорить г-жа Пассекъ,—бывали у насъ вечерами Т. Н. Грановскій и П. Г. Рѣд-кинъ, но принадлежа къ другому кругу, мало-по-малу стали бывать рѣдко, хотя и относились къ намъ симпатично“.

³⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ, II, 265.

ходить тоска, досада — рвется къ цѣли поѣздки и благословляетъ судьбу, достигнувъ домашняго пріюта. Какъ же при этихъ условіяхъ путешествовать по Россіи! Путешественники частные, единственно съ цѣлью путешествовать, чрезвычайно рѣдки.

„Не равнодушіе же это ко всему родному! Нельзя быть равнодушнымъ къ тому, что намъ мало извѣстно, когда не знаемъ, на что смотрѣть съ благоговѣніемъ, чему дивиться, чѣмъ гордиться, что любить. Конечно, эти *страшно трудные пути сообщенія* болѣею частію *виной* недостаточности свѣдѣній о нашей народной жизни, о нашемъ отечествѣ, богатомъ и красотами, и разнообразіемъ природы, и народной славой, и народными бѣдствіями, обильномъ памятниками, полномъ своеобразной поэзіи“¹⁾.

Эти трудности, весьма элементарныя и однако серьезныя, дѣйствительно много объясняютъ медленность и неполноту нашихъ народныхъ изученій, особенно при громадности пространствъ, которыя нужно было бы посѣтить странствующему этнографу. Но была и другая причина: если въ наше время этнографическое путешествіе становится почти невозможностью, потому что путешественникъ, старающійся войти въ народную жизнь, говорить и дружить съ сельскимъ народомъ, тотчасъ заподозривается и увѣздной полиціей, и самимъ темнымъ и напуганнымъ сельскимъ людомъ, — то и въ тѣ времена, несмотря на провозглашаемую официально „народность“, изученіе ея было обставлено своими препятствіями. Сахарову, повидимому, все-таки пришлось испытать придирки цензуры, и вѣроятно онъ не только самъ собой, но и для цензуры, писалъ свою жалкую защиту древняго русскаго народа отъ „позорной тѣни многобожія“ и „тайныхъ сказаній“. Дальше увидимъ другіе примѣры того, какъ мало-доступно было изученіе народной жизни. Официальная народность видимо не довѣряла народности настоящей.

„Очерки Россіи“ начали выходить съ 1838 года²⁾. Цѣль ихъ была—служить къ распространенію свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: собирать „понятія и знанія, пріобрѣтенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія“; дѣлать доступными труды путешественниковъ, естествоиспытателей, любителей древности, ученыхъ учреждений, труды, которые не всѣмъ доступны; возбуждать къ наблюденію и изслѣдованію всего отечественнаго; „развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ“.

Наибольшая доля „Очерковъ“ принадлежала самому Пассеку. Онъ останавливался на физической географіи Россіи³⁾, на старинѣ и

¹⁾ Тамъ же, II, стр. 270—271.

²⁾ „Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ“. Кн. I. Спб. 1838: II—IV. М. 1840. Кн. V. М. 1842.

³⁾ Положеніе горъ въ Россіи.—Картинны степей.

исторіи ¹⁾, на бытѣ инородцевъ ²⁾, но съ особенною любовью онъ погрузался въ историческія воспоминанія и, наконецъ, въ описаніи народнаго быта, именно его поэтической и обрядовой стороны. Рядъ статей этого послѣдняго рода ³⁾ написанъ по внимательному личному наблюденію сельской жизни и сопровождается имъ самимъ записанными пѣснями ⁴⁾.

Только эти послѣднія статьи заключали въ себѣ матеріалъ, цѣнный для науки; но „Очерки“, и вообще дѣятельность Пассека остаются тѣмъ не менѣе любопытнымъ литературнымъ фактомъ, какъ одно изъ симпатичныхъ выраженій той искренней любви къ народу, которая въ ту пору одушевляла уже новыхъ дѣятелей народнаго изученія и уже вскорѣ произвела въ этой области труды, столько же важные для нравственнаго самосознанія общества, какъ и для науки.

Владимиръ Ивановичъ Даль былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ этнографовъ описываемаго періода и вмѣстѣ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей и рассказчиковъ. Правда, его главнѣйшіе этнографическіе труды появились позднѣе, уже въ наше время, но они принадлежатъ предыдущему періоду и по замыслу, и по главному сбору матеріала, и по способу выполненія. Мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ о литературной дѣятельности Даля и остановимся здѣсь на его работахъ, собственно этнографическихъ.

Биографія Даля была много разъ пересказана ⁵⁾. Онъ родился 10

¹⁾ Кіевопечерская обитель.—Кіевскія златія врата.—Границы южной Руси до нашествія татаръ.—Окрестности Переяславля.—Куряжскій монастырь.

²⁾ Путешествіе по Крыму.—Обычай и повѣрья финновъ.—Осетяны.

³⁾ Праздникъ Купалы.—Малороссійскія святки.—Веснянки.

⁴⁾ Сотрудниковъ у него было немного: Срезневскій помѣстилъ въ „Очеркахъ“ два разсказа того натянутаго историко-поэтическаго стили, въ которомъ онъ писалъ тогда, а передъ тѣмъ издавалъ „Запорожскую Старину“, и помѣстилъ еще статью „Сеймы“, гдѣ помѣщенъ текстъ и изложеніе чешской поэмы „Судъ Любуши“; Вельманъ сообщилъ любопытный „Портфель служебной дѣятельности Ломоносова“ и двѣ статьи по той фантастической археологій, которую онъ славился; А. Рославскій—статью „Москва въ 1698 г.“; И. Г. Сенавинъ—„Нѣсколько свѣдѣній о новгородской губерніи“.

⁵⁾ Справочный энциклопедическій словарь Старчевскаго, Спб. 1855, IV, 425—427, статья по матеріаламъ г. Максимова, съ подробными библиографическими указаніями сочиненій Даля.

— Толковый словарь живого великорусскаго языка, В. И. Даля. Записка Я. К. Грота — въ „Сборникѣ“ П Отд. Акад. Н., т. VП, в отдѣльно. Спб. 1870 (краткая биографія). Повторено въ „Филологическихъ Розысканіяхъ“ (2 изд. Спб. 1876).

— Воспоминаніе о В. И. Далѣ, Я. К. Грота (съ автобиографической запиской Даля в извлеченіяхъ изъ его писемъ), въ „Сборникѣ“, т. X, 1873, стр. 37—54, и въ академическомъ „Отчетѣ за 1872 годъ“, стр. 18—26.

ноября 1801 г. въ Лугани, отчего и принялъ въ послѣдствіи псевдонимъ „казака Луганскаго“. Отець его былъ родомъ датчанинъ, получившій многостороннее образованіе въ Германіи; онъ приглашенъ былъ на службу въ Россію, въ петербургской бібліотекѣ, но, по словамъ Дала, увидѣвъ, что въ Россіи мало врачей, отправился снова за границу и вернулся медикомъ ¹⁾. Онъ служилъ сначала при войскахъ въ Гатчинѣ, но семья, опасаясь, чтобы при его вспыльчивомъ характерѣ не произошло какого-нибудь столкновенія съ неменѣе вспыльчивымъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться, и чтобы не послѣдовало изъ этого бѣды, уговорила его перемѣнить мѣсто службы, и такимъ образомъ онъ перешелъ сначала въ Петрозаводскъ, потомъ въ Лугань, по горноврачебному вѣдомству, наконецъ, главнымъ докторомъ въ черноморскій флотъ въ Николаевѣ. Даль говоритъ о великомъ умѣ, учености и силѣ воли своего отца; по рассказамъ г-жи Даль, онъ былъ масонъ. Въ 1797, отецъ Дала принялъ русское подданство и былъ горячимъ русскимъ патриотомъ, внушалъ дѣтямъ, что они русскіе, зналъ русскій языкъ какъ свой, жалѣлъ въ 1812 году, что дѣти его

— Всемирная Иллюстрація, 1872, т. VIII, стр. 394, съ портретомъ.

— Московскія Вѣдомости, 1872, № 241, 267.

— Голось, 1872, № 150.

— Русскій Архивъ 1872, № 10, ст. Бартенева; № 11. Другіе некрологи указаны въ этнограф. указ. Межова, Извѣстія Географ. Общ. 1875, вып. 2, стр. 10—11.

— Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. VIII, стр. 116—124.

— Воспоминанія П. Мельникова, Русскій Вѣстникъ, 1873, № 3, стр. 275—340.

— Дневникъ Шевичева, въ „Основѣ“ 1861—62 (упоминанія о Далѣ).

— Даль, по воспоминаніямъ его дочери, Е. Даль. Русскій Вѣстникъ, 1879, № 7, стр. 71—112. Начало; продолженія, кажется, не было.

— Дневникъ А. В. Никитенка, въ „Р. Старинѣ“, 1889—90 (упоминанія о Далѣ).

Біографія Дала заслуживала бы болѣе обстоятельнаго труда, чѣмъ тѣ, какіе есть. Нельзя не счесть большой потерей уничтоженіе его записокъ; — онъ не говорилъ настоящей правды, когда отрекался отъ веденія записокъ въ автобіографіи, писанной для г. Грота (Воспоминанія о Далѣ, стр. 43 — 44): біографъ Дала положительно говоритъ о существованіи записокъ и о томъ, когда и по какому случаю Даль сжегъ ихъ „Русскій Вѣстникъ“, 1873, № 3, стр. 316). Если показаніе біографа вѣрно, записки должны были быть чрезвычайно любопытны.

Наконецъ, автобіографическія замѣтки разбросаны въ сочиненіяхъ Дала, напр., въ рассказахъ: „Мичманъ Поддѣлуевъ“, „Болгарка“ (теплыя воспоминанія о пребываніи въ дерптскомъ университетѣ), „Подоланка“ и проч.

¹⁾ Г-жа Е. Даль, по рассказамъ отца, приводитъ другую причину этого новаго ученья, именно, что родители Фрейтагъ не отдавали своей дочери за ея дѣда, отговариваясь тѣмъ, что онъ теологъ, а не докторъ, напримѣръ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ явился докторомъ. Могли быть и сба обстоятельства. Г-жа Даль по ошибкѣ называетъ Фрейтаговъ Фрейгангами.

еще молоды и негодны для защиты отечества. Мать была также замѣчательная женщина; отецъ, по словамъ Дала, „силою воли своей, умѣлъ вкоренить въ насъ на вѣкъ страхъ Божій и святыхъ нравственныхъ правила“. Онъ умеръ въ 1820, мать жила до 1858 г.; „нравственно управляла нами,—говоритъ Даль,—направляя всегда на прикладную, дѣльную, полезную жизнь“.

Въ 1814 году, Дала и его брата свезли въ Петербургъ, въ морской корпусъ. Онъ пробылъ здѣсь до 1819 и выпущенъ былъ мичманомъ; онъ считаетъ, что время, проведенное въ корпусѣ, было убитое время, и „корпусъ“ оставилъ въ немъ на всю жизнь самыя отвратительныя воспоминанія ¹⁾. На бѣду, онъ не выносилъ качки, морская служба была для него пыткой, всѣ старанія перейти на другую военную службу были безуспѣшны. Онъ служилъ сначала въ Николаевѣ, потомъ въ Кронштадтѣ; но отслуживши обязательные годы, Даль вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ поселилась его мать (отецъ уже умеръ) для воспитанія младшаго сына. Даль рѣшилъ поступить въ университетъ, по медицинскому факультету, въ 24 года начавъ учиться по-латыни почти съ азбуки; онъ былъ (въ 1826) зачисленъ на казенную стипендію. Ему нужно было пробыть въ университетѣ до конца 1830 года, но въ турецкую войну 1829, начальство потребовало всѣхъ годныхъ для службы; онъ былъ въ числѣ выбранныхъ и получилъ разрѣшеніе тутъ же держать экзаменъ на доктора.

Онъ пробылъ при арміи въ Турціи и Польшѣ до 1832 г., отличился между прочимъ въ польскую кампанію дѣломъ, совсѣмъ не входившимъ въ его врачебныя обязанности—спѣшной наводкой моста черезъ Вислу; въ Петербургѣ назначенъ былъ ординаторомъ военнаго госпиталя, и тутъ впервые выступилъ на литературное поприще „Сказками“. Онѣ дали ему первую извѣстность и вмѣстѣ сопровождались неприятной исторіей. За нѣсколько фразъ, превратно растолкованныхъ въ одной сказкѣ, онъ былъ „взятъ жандармомъ и посаженъ въ III отдѣленіе, откуда выпущенъ безъ вреда того же дня вечеромъ“ ²⁾. Книжка, какъ говорятъ, была однако изъята изъ Про-

¹⁾ Объ этомъ не мало подробностей въ воспоминаніяхъ его дочери.

²⁾ „Русскія сказки, изъ преданія народнаго изустнаго на грамоту гражданскую переложенныя; къ быту житейскому приуроченныя и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ. Пятокъ первый“. Спб. 1832. 12°. 201 стр. См. объ этой книгѣ: „Русскія книжныя рѣдкости“, Геннади. Спб. 1872, стр. 101—102. Исторія арестованія, въ разсказѣ г-жи Даль, Русск. Вѣстникъ, 1879, кн. 7, стр. 110—112.

Г. Гротъ замѣчаетъ въ біографіи Дала, что „хотя онъ вскорѣ былъ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ“. Это не точно. Подъ какиимъ именемъ онъ не могъ являться? Мы видѣли, что книжка и на первый

дажи. Онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе усердно работать въ литературѣ и еще съ тридцатыхъ годовъ приобрѣлъ большую популярность, а въ сороковыхъ, даже по отзывамъ самыхъ требовательныхъ критиковъ, какъ Бѣлинскій, считался въ ряду первостепенныхъ талантовъ нашей литературы. Познакомившись у Жуковскаго съ В. А. Перовскимъ, Даль былъ приглашенъ имъ на службу въ Оренбургъ, чиновникомъ особыхъ порученій; пробывъ въ томъ краѣ около семи лѣтъ и „отходивъ“ знаменитый своею неудачею и бѣдствіями хивинскій походъ, Даль возвратился въ Петербургъ, поступилъ въ секретари къ товарищу министра удѣловъ, Л. А. Перовскому, а потомъ завѣдывалъ особенною канцеляріей его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, и принималъ тогда близкое участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ министерства. Съ 1849 по 1859 г., Даль служилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ управляющимъ удѣльной конторой. Вышедши затѣмъ въ отставку, онъ поселился въ Москвѣ и посвятилъ свое время обработкѣ и изданію „Толковаго Словаря“, матеріалъ котораго онъ готовилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Онъ умеръ 22 сентября 1872 г., присоединившись передъ смертію къ православію.

Даль очень рано заинтересовался народнымъ языкомъ и бытомъ и началъ усердно изучать ихъ. Этотъ первый интересъ его, чисто личный, представляетъ любопытное явленіе литературно-историческое. Литература была тогда въ полномъ разгарѣ романтизма, который, правда, искалъ уже и народного элемента, но только въ предѣлахъ романтической темы, въ извѣстной окраскѣ, отдѣлкѣ или поддѣлкѣ. Этнографическая наука была въ младенствѣ, и ея смыслъ едва угадывался. Пушкинъ былъ еще въ юношеской порѣ, нельзя было предвидѣть будущаго возрастанія народного элемента и, однако, еще болѣе молодой юноша Даль уже ставилъ себѣ задачей— розыскать подлинную русскую народность, въ языкѣ и обычаяхъ. Идея была въ воздухѣ; будущіе ея дѣятели, прежде чѣмъ сознательно воспринять ее, влекутся къ ней инстинктомъ, — и по-французски образованный Пушкинъ, и по-нѣмецки воспитавшійся Даль, и полу-образованный Сахаровъ, и по старинному учившійся Снегиревъ. Позднѣе, когда единичныя работы являются на свѣтъ, оказывается согласіе инстинктовъ, и рядъ параллельныхъ фактовъ создаетъ въ литературѣ „направленіе“.

Такимъ инстинктомъ, угадывавшимъ глубокой вопросъ литературнаго развитія, были изученія, начатыя Далемъ еще юношей. „Во всю жизнь свою, — говоритъ онъ въ автобіографіи, — я искалъ разъ явилась подъ псевдонимомъ, который въ слѣдующихъ же годахъ повторился въ изданіи „Былей и небылицъ“. Изданіе „Сказокъ“ г. Гротъ, со словъ Даля, обозначаетъ ошибочно 1833 годомъ.

случая поѣздить по Руси, ознакомился съ бытомъ народа, почитая народъ за ядро и корень, а высшія сословія за цвѣтъ или плѣсень. по дѣлу глядя, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ была мнѣ ненавистна, по природѣ... При недостаткѣ книжной учености и познаній, самая жизнь на дѣлѣ знакомила, дружила меня всесторонне съ языкомъ: служба во флотѣ, врачебная, гражданская, занятія ремесленныя, которыя я любилъ,—все это вмѣстѣ обнимало широкое поле, а съ 1819 года, когда я на пути въ Николаевъ записалъ въ новгородской губерніи дикое тогда для меня слово: *замолаживаетъ* (помню это донныѣ) и убѣдился вскорѣ, что мы русскаго языка не знаемъ, я не пропустилъ дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ, на пополненіе своихъ запасовъ. Гречъ и Пушкинъ горячо поддерживали это направленіе мое, также Гоголь, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ; Жуковскій былъ какъ бы равнодушнѣ къ этому и боялся мужичества⁴.

Съ перваго начала въ 1819, Даль продолжалъ свои замѣтки постоянно: много было имъ собрано на походахъ въ Турціи, гдѣ были люди изъ всѣхъ губерній; во время поѣздокъ и живя въ разныхъ краяхъ Россіи, онъ собиралъ слова и прислушивался къ нарѣчіямъ русскаго языка, не пропускалъ словъ, услышанныхъ въ разговорѣ. Въ то же время онъ дѣлалъ и другую работу: записывалъ пословицы, собиралъ пѣсни и сказки, повѣрья и суевѣрья. То и другое давало матеріалъ для его позднѣйшихъ работъ, для собраній этнографическихъ и для дѣятельности литературной, гдѣ онъ уже съ первыхъ произведеній явился замѣчательнымъ знаткомъ приемовъ и ухватокъ народной рѣчи и обычая.

Это изученіе языка скоро, однако, приняло у Даля опредѣленное и, такъ сказать, полемическое примѣненіе. Въ „Напутномъ словѣ“, иначе говоря, въ предисловіи къ „Толковому Словарю“, онъ рассказываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ¹⁾, „его тревожила и смущала несообразность письменнаго языка нашего съ устною рѣчью простаго русскаго человѣка, не сѣтаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно, и съ самимъ духомъ русскаго слова. Не разсудокъ, а какое-то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за русскую рѣчь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и поворку: какъ говорить книжникъ и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему, мысль человѣкъ умный, но простой, неученый—и нечего и говорить о томъ, что перевѣсь, по всѣмъ прилагаемымъ къ

¹⁾ Въ выпискѣ мы сохраняемъ обыкновенное правописаніе вмѣсто того, какое изобрѣлъ себѣ Даль въ это время.

сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи въ силахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ по-неволѣ выражается ясно, прямо, коротко и изычно“.

Г. Гротъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что въ нихъ „лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля: чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи“. Стремясь къ „народности“ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ (о нихъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ), Даль нѣсколько разъ обращался и къ теоретическому вопросу о народномъ языкѣ и о сообщеніи его свойствъ литературѣ. Первая статья Даля объ этомъ предметѣ написана была, къ удивленію, по-нѣмецки ¹⁾ и уже заключала въ себѣ осужденіе нашей подражательной литературы и порчи языка. Въ 1842 г., онъ помѣстилъ о томъ же предметѣ двѣ статьи въ „Москвитиня“ ²⁾. Въ 1852 г., онъ отзывался на предположенія русскаго отдѣленія Академіи наукъ объ изданіи (общаго) русскаго словаря и написалъ статью о мѣстныхъ нарѣчіяхъ по поводу изданнаго тогда Академіей „Опыта областного великорусскаго Словаря“ ³⁾. Въ 1860, Даль читалъ статью о своемъ русскомъ словарѣ и своихъ филологическихъ взглядахъ въ Обществѣ любителей россійской словесности ⁴⁾; тамъ же, въ 1862 г., было читано имъ „Напутное слово“, служащее предисловіемъ къ „Толковому Словарю“. Наконецъ, онъ возвращался къ этому предмету въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ газетѣ Погодина „Русскій“ ⁵⁾.

„Толковый Словарь живого великорусскаго языка“ выходилъ выпусками въ 1861—68 годахъ и составилъ четыре тома, in 4°; изданіе начато было московскимъ Обществомъ любителей россійской словесности, а томы II—IV напечатаны на счетъ высочайше пожалованныхъ средствъ. Географическое Общество при появленіи первыхъ трехъ-четырехъ выпусковъ, въ 1861 году, присудило составителю

¹⁾ Въ *Dorpat. Jahrbücher*, 1835, № 1. Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks (о лубочныхъ картинкахъ).

²⁾ „Москв.“ 1842, № 2. „Полтора слова о внѣшнемъ русскомъ языкѣ“; № 9, „Недовѣсокъ къ статьѣ: Полтора слова“.

³⁾ Отзывъ о планѣ общаго словаря, въ „Извѣстіяхъ“ II отд. Академіи, т. I, 1852, стр. 338—341 (здѣсь, между прочимъ, удивительное предложеніе располагать словарь не по азбучному порядку, даже не по корнямъ словъ,—это дѣло сомнительное,—а по *понятіямъ*); статья объ „Опытѣ обл. словаря“ — съ трактатомъ о нарѣчіяхъ великорусскаго языка въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества, 1852, часть 6-я, бібліографія, стр. 1—72, в отдѣльно, Спб. 1852; перепечатана при „Толковомъ Словарѣ“.

⁴⁾ Напечатана въ „Р. Бесѣдѣ“, 1860, № 1. Науки, стр. 111—130; потомъ при „Толк. Словарѣ“.

⁵⁾ „Русскій“ 1868, №№ 25, 31, 39. 41—споръ съ Погодиннымъ объ иностранныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ и о правописаніи, конченный замѣчаніемъ Погодина въ послѣдней статьѣ: „нашъ споръ дѣлается смѣшнымъ“.

Константиновскую медаль; по окончаніи изданія, оно было увѣнчано отъ Академіи Ломоносовскою преміей. Въ литературѣ трудъ Даля былъ встрѣченъ съ великими сочувствіями и похвалами ¹⁾).

Въ трудахъ Даля, въ его сужденіяхъ о русскомъ языкѣ и въ его Словарѣ надо различать двѣ стороны: собраніе матеріала и собственную точку зрѣнія, теорію автора. Богатствомъ матеріала трудъ Даля превышаетъ все, чтó когда-нибудь было у насъ сдѣлано силами одного лица; не много есть и въ богатыхъ иностранныхъ литературныхъ трудахъ подобнаго рода. Это богатство открывало возможность новыхъ разностороннихъ изученій. Не говоря о пользѣ, которую словарь можетъ приносить какъ справочная книга, онъ доставлялъ, во-первыхъ, громадный матеріалъ для изученія живого великорусскаго языка со стороны его строенія и его бытового содержанія; во-вторыхъ, давалъ матеріалъ для исторіи русскаго языка,—впервые записанныя въ немъ слова сохраняли иногда давно забытую старину, являлись новые факты для выясненія историческихъ формаций языка, мѣстныхъ нарѣчій, заимствованій изъ чужихъ языковъ и т. д.; въ-третьихъ, онъ могъ служить литературѣ новымъ напоминаніемъ о богатыхъ источникахъ народнаго слова и средствомъ для освѣженія и оживленія языка литературнаго,—на что Даль въ особенности рассчитывалъ. Собраніе всего этого матеріала по разнымъ концамъ Россіи, по всякимъ слоямъ народа, цѣной многолѣтней упорной работы,—какая вообще не очень свойственна русскому писателю,—составляетъ несомнѣнную заслугу Даля; но его теоретическія мнѣнія о языкѣ не выдерживаютъ критики и къ сожалѣнію бесполезно отразились также на его капитальномъ трудѣ.

Мы замѣчали, что у Даля издавна составилось убѣжденіе въ крайней испорченности русскаго литературнаго языка, происходившей отъ заимствованія чужихъ словъ, отъ неправильнаго употребленія своихъ (изъ этихъ обвиненій онъ не исключалъ и самого Пушкина), и средствомъ къ исправленію этого недостатка онъ считалъ введеніе въ книгу языка народнаго, его лексическаго запаса и его оборотовъ. Мысль, въ основѣ справедливая, была доводима Далемъ до крайности. По словамъ Даля, направленіе его одобрили въ ту пору Пушкинъ и Гречъ (извѣстный грамотѣй тѣхъ временъ), Хомяковъ и Погодинъ и проч.; не одобрялъ одинъ Жуковский, который „былъ какъ бы равнодушнѣе къ этому и боялся мужичества“. Но [едва ли со-

¹⁾ Таковы отзывы компетентныхъ людей—въ началѣ, Срезневскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. 10, 1861—63, стр. 245;—въ концѣ, ст. Котляревскаго, въ „Бесѣдахъ“ Общ. любит. рос. словесности, вып. 2, М. 1868, отд. 2, стр. 91—94; разборъ Словаря, Я. К. Грота, 1870, выше указанъ. Новое изданіе „Словаря“, Вольфа, Спб. 1879, 8°, въ пяти выпускахъ.

мнительно, что сами одобрявшіе далеко не согласились бы съ Далемъ во всёхъ его затѣяхъ; такъ, по изданіи „Толковаго Словаря“ ему пришлось спорить даже съ Погодинымъ. Дѣло въ томъ, что Даль понималъ свое преобразование и улучшеніе языка литературнаго народнымъ очень грубо и первобытно.—По его собственному разсказу, еще въ 1837 году, когда Жуковский проѣзжалъ черезъ Уральскъ въ свитѣ цесаревича (потомъ императора Александра II), Даль, бывшій тогда въ Уральскѣ, завелъ съ Жуковскимъ разговоръ объ этомъ предметѣ и между прочимъ представилъ ему слѣдующій образчикъ двойкаго способа выраженія—общепринятаго книжнаго и народнаго. 1) На книжномъ языкѣ: „казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, вѣ себя на крупъ, и слѣдовалъ за непріателемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть“, и 2) на народномъ языкѣ: „казакъ сѣдлалъ уторопъ, посадилъ безконнаго товарища на забедры и слѣдилъ непріателя въ нѣзерку, чтобы при сполутности на него ударить“. Жуковский замѣтилъ, что по второму способу можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Отвѣтъ Жуковскаго былъ совершенно справедливъ, а „направление“ Дала, какъ оно здѣсь выразилось, свидѣтельствовало о полномъ непониманіи отношеній языка литературнаго и народнаго. Ему было непонятно, что литературный языкъ есть сложное историческое явленіе, создаваемое вовсе не произволомъ писателей, а цѣлыми условіями просвѣщенія народа; что нѣтъ литературы, исторически развивавшейся, языкъ которой оставался бы неподвиженъ, тождественъ съ народнымъ, свободенъ отъ заимствованій. Однимъ изъ главныхъ золь нашего книжнаго языка Даль считалъ употребленіе чужеземныхъ словъ, не-русскихъ оборотовъ, цѣлое построеніе рѣчи по не-русскимъ формамъ мышленія. Но онъ не понималъ, что въ этомъ виноваты вовсе не одни современные писатели; что заимствование чужихъ словъ началось въ русскомъ языкѣ съ далекой, даже до-исторической древности, что затѣмъ на памяти исторіи обильное заимствование въ книжный языкъ чужихъ словъ и построенія рѣчи по не-русскимъ формамъ мышленія совершилось въ эпоху введенія христіанства, съ принятіемъ ино-славянскаго перевода Св. Писанія, церковныхъ и отеческихъ книгъ, которыя на *всю* послѣдующіе вѣка русской книжности сообщили ей *не-народный* запасъ словъ и построеніе рѣчи. Странно было бы жаловаться на послѣднее, когда въ книгѣ являлась именно цѣлая система понятій, дотолѣ *неизвѣстная* народу, для которой у него не было ни словъ (онѣ тогда и создавались изъ своего и чужого матеріала), ни формъ мышленія. Въ среднемъ пе-

рідѣ, отъ историческихъ бытовыхъ условій, вошло много татарскихъ словъ и начали уже являться слова западныя (тѣ и другія вмѣстѣ съ *вещами* и *понятіями*). Другимъ періодомъ обширнаго заимствованія былъ конецъ семнадцатаго вѣка и Петровское время, и опять иностранная стихія входила потому, что въ русскомъ языкѣ неоставало ни словъ, ни оборотовъ для обозначенія опять новыхъ вещей и понятій. Особыхъ „русскихъ формъ мышленія“, конечно, не существуетъ: *лошка* для всѣхъ людей одинакова, какъ для всѣхъ одинакова ариметика; въ языкѣ народа есть свои синтаксическія особенности, бытовые обороты рѣчи, но сложные процессы мысли и сложное ея содержаніе требуютъ болѣе сложной формы выраженія, которая непривычна для непосредственной народной рѣчи, и тогда-то возникаетъ въ книжномъ языкѣ построеніе рѣчи, кажущееся не-народнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ заимствованіяхъ чужой формы рѣчи и чужихъ словъ было излишество, крайность, но не должно забывать, что, быть можетъ, это было именно обратно пропорціональнымъ слѣдствіемъ той *недостаточности* прежняго (и народнаго, и книжнаго) языка, съ которой встрѣтились желавшіе назвать новыя предметы, выразить новыя понятія исторической жизни; а затѣмъ органическая жизненность книжнаго языка тѣмъ и обнаруживается, что онъ въ самомъ себѣ, естественно и постепенно, находитъ средства исправить крайности, найти для новыхъ понятій болѣе простое и живое выраженіе, болѣе народную форму. Дѣлалось это, дѣйствительно, само собою, не проповѣдями о чистотѣ русскаго языка, не преднамѣренными хлопотами объ истребленіи чужеземной стихіи, а именно тѣмъ, что когда общество осваивается съ новымъ содержаніемъ, то и въ самомъ языкѣ возбуждается новая дѣятельность и черезъ нѣкоторое время чужеземная стихія отступаетъ передъ вновь образовавшимся, народнымъ выраженіемъ. Извѣстно, какъ скоро вышло изъ употребленія множество иностранныхъ словъ, вошедшихъ при Петрѣ; извѣстно, сколько исчезло изъ литературнаго языка другихъ иностранныхъ словъ и натянутыхъ словообразованій временъ Екатерины II; сколько забылось словъ, употреблявшихся въ сороковыхъ годахъ и т. д.—и сколько, напротивъ, проникало въ литературу и входило въ оборотъ, на ихъ мѣсто, словъ или вполнѣ народныхъ, или болѣе правильно образованныхъ. Обыкновенно, заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей,—и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная здѣсь Ломоносовымъ, Державиннымъ, Карамзиннымъ, Пушкиннымъ и проч., но сущность ея состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ:

они не занимались изобрѣтеніемъ словъ и намѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось *преобразованиемъ*. На дѣлѣ, преобразование создается самимъ обществомъ и народомъ. Литературный языкъ не есть достоиніе одного цѣха „книжниковъ“; его развитіе достигается распространеніемъ просвѣщенія въ общественной и народной массѣ, и чѣмъ больше просвѣщенія въ этой массѣ, тѣмъ болѣе она будетъ воздѣйствовать своими пробужденными природными силами на совершенствованіе языка и самаго содержанія литературы. Наоборотъ, самонадѣянныя притязанія единичныхъ исправителей языка кончаются обыкновенно полной неудачей и ихъ нововведенія дѣлаются предметомъ смѣха. Такая судьба постигла адмирала Шишкова.

Даль, къ сожалѣнію, вступилъ на ту же дорогу. Не довольствуясь изученіемъ языка, онъ хотѣлъ быть его реформаторомъ; онъ писалъ своеобразнымъ языкомъ, изгонялъ иностранныя слова, замѣнялъ ихъ — обыкновенно неудачно — словами народными или даже собственнаго сочиненія, въ мнимо-народномъ складѣ. Это могло быть умѣстно въ его народныхъ разсказахъ, гдѣ самая тема требовала народнаго способа выраженія, но Даль требовалъ того же въ изложеніи небеллетристическомъ, и случалось, что о предметахъ литературныхъ, не существующихъ въ народныхъ понятіяхъ, говорилось выраженіями, имѣвшими казацкій тонъ, замѣченный Жуковскимъ. Это притязаніе на реформу языка Даль внесъ, наконецъ, и въ „Толковый Словарь“, гдѣ онъ употребляетъ свое собственное правописаніе и слова собственнаго изобрѣтенія, которыя ставилъ иногда, не совсѣмъ осмотрительно, среди словъ народныхъ. Слова, имъ изобрѣтенныя или новыя толкованія, которыя онъ давалъ словамъ народнымъ (чтобы они могли служить къ изгнанію словъ иностранныхъ и ихъ замѣнѣ), вообще не весьма удачны, а иногда надо удивляться, какъ ихъ аляповатость не бросалась въ глаза ихъ составителю, такъ много слышавшему русскій языкъ ¹⁾. Вообще, исполненіе Словаря представляло не мало существенныхъ недостатковъ ²⁾. Они напоминаютъ ту эпоху нашей литературы, когда этнографіи, какъ науки, у насъ еще не было, когда люди, заинтересованные ея вопросами, работали часто

¹⁾ Укажемъ, напримѣръ, слова, разобранныя г. Гротомъ: вмѣсто „горизонтъ“ — завѣсь, озоръ, закрой, небоземъ, глазоzemъ; „адресъ“ — насылка; „кокетка“ — миловидница, красовитка; „атмосфера“ — колоземица, міроколица; „пуристъ“ — чистякъ; „эгоизмъ“ — самотство, и т. п.

²⁾ Обстоятельный разборъ Словаря читатель найдетъ въ упомянутой статьѣ г. Грота; моя замѣтка: По поводу „Толковаго Словаря“ Дала, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873, декабрь, стр. 883—903.

какъ самоучки, по инстинкту и догадѣ, безъ твердыхъ теоретическихъ основаній: это вело ко многимъ ошибкамъ, но это не отнимаетъ заслуги труда, даже возвышаетъ цѣну упорныхъ усилій, положенныхъ, въ особенности Далемъ, на сложное и мудреное дѣло.

Кромѣ лексической стороны господствующаго книжнаго языка, Даль нападалъ и на его грамматику: „Съ грамматикой я искони былъ въ какомъ-то разладѣ,—говоритъ онъ въ „Напутномъ словѣ,—не умѣя примѣнить ея къ нашему языку и чуждаясь ея не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству, чтобъ она не сбита сл. толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманія, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта была основана на томъ, что я *всюду* встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ“. Такое мнѣнiе могло людямъ неопытнымъ казаться результатомъ глубокаго знанія и средствомъ исцѣленія отъ книжной порчи русскаго языка; на дѣлѣ, это было преувеличенiе, которое свидѣтельствовало, что Далю были мало извѣстны или мало имъ оцѣнены новые труды по русскому языку. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда было высказано это мнѣнiе, оно запоздало лѣтъ на двадцать или на тридцать. Оно могло быть до извѣстной степени вѣрно въ то время, когда господствовала грамматика Греча, а Булгаринъ состоялъ блюстителемъ чистоты русскаго языка, — но самъ Даль упоминаетъ въ автобиографіи, что даже Гречъ сочувствовалъ его изученіямъ русской народности. Въ дѣйствительности, эта мнимая латино-нѣмецкая грамматика, въ которой Даль видѣлъ гибель русскаго языка, нисколько не мѣшала Пушкину пользоваться богатствами народной рѣчи—къ удовольствію читателей, не мѣшала Гоголю—къ такому же удовольствію читателей—свободно пользоваться разговорною рѣчью, не смущаясь криками чистильщиковъ книжнаго языка по грамматикѣ Греча; далѣе, не мѣшала Лермонтову, Тургеневу, Некрасову и т. д. Первостепенные писатели и цѣлое движеніе литературы постоянно расширяли и горизонтъ наблюденій народной жизни, и народный элементъ въ литературномъ языкѣ: Даль хотѣлъ спасти литературу отъ воображаемой опасности и совѣтовалъ то, что давно уже дѣлалось, и гораздо лучше и правильнѣе, само собою. Точно также онъ напрасно боялся за русскій языкъ съ другой стороны: въ теоретическомъ изслѣдованіи языка „латино-нѣмецкая“ форма давно не считалась обязательной, и въ послѣдніа десятилѣтія филологи и этнографы именно разработывали запасы народной рѣчи, не только современной, но и древней, въ старыхъ памятникахъ, и вводили ихъ въ опредѣленіе законовъ русскаго языка. Напомнимъ, что первыя работы г. Буслаева въ этомъ направленіи, „Мысли объ

исторіи русскаго языка“, Срезневскаго, появились еще въ концѣ сороковыхъ годовъ...

Что касается собственныхъ сочиненій Дала, онѣ отличались обыкновенно изобиліемъ пословицъ и прибаутокъ и нѣкоторыми искусственно-народными словами, но вообще, какъ было уже замѣчено однимъ академическимъ критикомъ, были писаны тѣмъ же обычнымъ литературнымъ языкомъ и—по той же грамматикѣ.

Другимъ капитальнымъ трудомъ Дала было его огромное собраніе пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и т. д., также плодъ долговременной работы. Первый образчикъ этого труда онъ далъ въ 1847, прочитавши статью о пословицахъ въ собраніи Географическаго Общества ¹⁾. Въ своемъ цѣломъ составѣ онъ былъ изданъ въ 1761—62 годахъ ²⁾.

Сборникъ Дала, заключающій до 30,000 пословицъ, поговорокъ и т. п., есть одно изъ такихъ явленій литературы, какія остаются памятникомъ своего времени и надолго — предметомъ изслѣдованій. Въ немъ собрана масса этихъ мелкихъ произведеній народной мысли и бытового опыта, — и ее нужно было собрать, потому что и старой пословицѣ, безъ сомнѣнія, грозитъ та же опасность забвенія, какая постигаетъ уже старую народную пѣсню. Даль старался собрать то, что „изникаетъ въ глазахъ нашихъ, какъ вѣшній ледъ“. Онъ справедливо разсуждалъ, что съ этимъ матеріаломъ надо было обращаться осторожно и отложить всякую мысль о выборѣ и браковкѣ: „того, что выкинуто, никто не видитъ, а гдѣ мѣрило на эту браковку и какъ поручиться, что не выкинешь того, что могло бы остаться? Изъ просторнаго убавить можно; набрать изъ сборника цвѣтничъ, по своему вкусу, не мудрено; а что пропустишь, то воротить труднѣе. Окоротишь—не воротить. Притомъ (столь же справедливо замѣчалъ онъ) у меня въ виду былъ языкъ; одинъ оборотъ рѣчи, одно слово, съ перваго взгляда не всякому замѣтное, иногда заставляли меня сохранить самую вздорную поговорку“.

Въ предисловіи онъ даетъ для образца нѣсколько объясненій пословицъ, и краткія объясненія, часто весьма любопытныя, разбросаны во всемъ сборникѣ.

Трудъ Дала имѣлъ свою исторію, которая весьма характерно ри-

¹⁾ Эта статья „О русскіихъ пословицахъ“ напечатана была въ „Современникѣ“ 1847, кн. 6, отд. IV, стр. 143 — 156 (нѣсколько общихъ замѣчаній и для образца пословицы изъ семейнаго быта).

²⁾ Пословицы русскаго народа. Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч. В. Дала. М. 1862. Отдѣльный оттискъ изъ „Чтеній“ московскаго Общества исторіи и древностей, 1861 и 1862 годовъ. Новое изданіе, Спб. 1879, два тома.

суетъ положеніе нашихъ народныхъ изученій и роль официальной учености въ ту пору. „Сборнику моему,—разсказываетъ Даль,—суждено было пройти много мытарствъ задолго до печати (въ 1853 году) и, притомъ, безъ малѣйшаго искательства съ моей стороны, а по просвѣщенному участию и настоянію особы, на которую не смѣю и намегнуть, не зная, будетъ ли то угодно. Но люди, и притомъ люди ученые по званію, признавъ изданіе сборника *вреднымъ*, даже *опаснымъ*, сочли долгомъ выставить и другіе недостатки его, между прочимъ, такими словами: „замѣчая и подслушивая говоры (?) народные, г. Даль видно нескоро ихъ записывалъ, а вносилъ послѣ, какъ могъ припомнить, отъ того у него рѣдкая (?) пословица такъ записана, какъ она говорится въ народѣ“. (Приведено этому три примѣра, которые Даль объясняетъ какъ совершенно правильные или какъ варианты).

„Какъ бы то ни было, но независимо отъ такой невѣрности въ пословицахъ моихъ, доказанной тремя примѣрами, нашли, что сборникъ этотъ и небезопасенъ, посягая на развращеніе нравовъ. Для большей вразумительности этой истины и для охраненія нравовъ отъ угрожающаго имъ развращенія придумана и написана была, въ отчетѣ, новая русская пословица, не совсѣмъ складная, но за то ясная по цѣли: „*это куль муки и шепоть мышьяку*“, такъ сказано было въ приговорѣ о сборникѣ этомъ, и къ сему еще прибавлено: „Домогаясь напечатать памятники народныхъ глупостей, г. Даль домогается дать имъ печатный авторитетъ.“...

„Упомянуть ли еще, послѣ этого, что рука объ руку съ сочинителями пословицы о мышьякѣ, шло и заключеніе цѣнителя присяжнаго ¹⁾, къ коему сборникъ мой попалъ также безъ моего участія, и что тамъ находили непозволительнымъ сближеніе сподрядъ пословицъ или поговорокъ: „У него руки долги (власти много)“, и „У него руки длинны (онъ воръ)“? И тутъ, какъ тамъ, требовали *поправокъ* и *измѣненій* въ пословицахъ, да сверхъ того, исключеній, которыя „могутъ составить болѣе четверти рукописи“...?

„Я отвѣтилъ въ то время: „Не знаю, въ какой мѣрѣ сборникъ мой могъ бы быть вреденъ или опасенъ для другихъ, но убѣждаюсь, что онъ могъ бы сдѣлаться не безопаснымъ для меня. Если же, впрочемъ, онъ могъ побудить столь почтенное лицо, члена высшаго ученаго братства, къ сочиненію уголовной пословицы, то очевидно развращаетъ нравы, остается положить его на костеръ и сжечь; я же прошу позабыть, что сборникъ былъ представленъ, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано не мною“.

¹⁾ Т.-е., вѣроятно, цензора?

„Ради правды, я обязанъ сказать, что мнѣніе противоположное всему этому было высказано въ то время просвѣщеннымъ сановникомъ, завѣдывавшимъ Публичною бібліотекою“¹⁾.

Одинъ изъ біографовъ дополняетъ эти неясныя слова Дала²⁾. Дѣло въ томъ, что одна изъ высочайшихъ особъ пожелала видѣть сборникъ пословицъ и, получивъ его въ рукописи, признала полезнымъ его напечатать, но предварительно препроводила его въ Академію наукъ (въ которой Даль былъ членомъ-корреспондентомъ). Въ Академіи поручили разборъ сборника академику, протоіерею Кочетову: онъ-то и нашелъ *щепоть мышьяку*.

Этотъ приговоръ, высказанный въ высшемъ ученomъ учрежденіи имперіи, достаточно указываетъ положеніе русской науки. Правда, протоіерей Кочетовъ попалъ въ Академію наукъ изъ бывшей Россійской академіи (послѣ ея закрытія, когда учреждено на ея мѣсто отдѣленіе русскаго языка и словесности въ Ак. наукъ), гдѣ отъ членовъ особой учености не требовалось и важно было только согласіе съ идеями и вкусами адмирала Шишкова; но замѣчательно, что отзывъ Кочетова получилъ силу, — значить, не былъ оспоренъ и былъ принятъ также другими членами? Отзывъ цензора могъ не быть его личною придирчивостію и невѣжествомъ; извѣстно, что тѣ годы (готовилась Крымская война) были временемъ особенныхъ свирѣностей цензуры, — цензоръ боялся проступиться недосмотромъ передъ комитетомъ и его предсѣдателемъ, комитетъ въ свою очередь — проступиться передъ еще высшей инстанціей, „негласнымъ комитетомъ“, строго слѣдившимъ за тѣмъ, что было уже дозволено цензурой обыкновенной. Даль отмѣчаетъ благопріятный отзывъ объ его трудѣ со стороны просвѣщеннаго сановника, завѣдывавшаго публичной бібліотекой; но самъ этотъ сановникъ былъ членомъ негласнаго комитета³⁾...

Сборникомъ пословицъ не кончились богатые вклады Дала въ русскую этнографію. У него былъ сборникъ пѣсенъ, — впрочемъ небольшой, по его словамъ, — который онъ передалъ И. В. Кирѣевскому; собраніе сказокъ („стоишь до шести (?), въ томъ числѣ и много всякаго вздору“)⁴⁾ онъ передалъ Аванасьеву⁴⁾, который воспользовался имъ при своемъ изданіи сказокъ. Собраніе лубочныхъ картинокъ поступило въ Публичную бібліотеку и послужило между прочимъ для

¹⁾ Пословицы русск. народа, предисловіе, стр. XVII—XXI.

²⁾ Р. Вѣстн. 1873, № 3, стр. 321.

³⁾ Объ его дѣятельности, сверхъ официальныхъ біографій, см. въ дневникѣ А. В. Никитенка, „Р. Старина“, 1890, февраль.

⁴⁾ Предисл., стр. XXXIX.

изданія Д. А. Ровинскаго ¹⁾. Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ разрядѣ трудовъ Даля—собираніи народныхъ повѣрій и суевѣрій ²⁾. Въ предисловіи онъ замѣчаетъ, что не беретъ на себя полное изслѣдованіе предмета, а даетъ только запасъ, какой случился; но рассказывая повѣрья, онъ даетъ имъ и свои объясненія. Повѣрья, по его мнѣнію, идутъ изъ разныхъ источниковъ: одни являются остаткомъ язычества; другія „*придуманъ* случайно“, чтобы „окольнымъ путемъ“ дать полезное наставленіе; третьи основаны на опытѣ и наблюденіи и объяснимы по законамъ природы, хотя нѣкоторыя „представляются до времени странными и темными“; четвертыя въ сущности основаны на явленіяхъ естественныхъ, но обратились въ нелѣпость по бессмысленному примѣненію; пятая составляютъ игру воображенія, народную поэзію, которая, будучи принята за наличную монету, обращается въ суевѣріе; шестыя, немногія, не имѣютъ никакого смысла или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не могли быть объяснены.

Изученіе нашей этнографической старины, развившееся въ послѣднее время, направлялось преимущественно на отдаленныя эпохи, на предполагаемые мифическіе и древне-литературные источники народныхъ сказаній, на сравнительное объясненіе ихъ. Между тѣмъ остается еще не опредѣленъ, хотя съ нѣкоторой полнотой, цѣлый рядъ практически-бытовыхъ повѣрій и суевѣрій, существующихъ въ народѣ до сего дня и занимающихъ тѣмъ большее мѣсто въ его понятіяхъ, чѣмъ меньше населеніе затронуто школой и городскими вліяніями. На эту область бытовыхъ повѣрій Даль и обратилъ вниманіе: онъ не вдается ни въ мифологическія толкованія, ни въ сравненія, какія дѣлалъ, напр., Снегиревъ,—онъ останавливается на прямомъ смыслѣ повѣрья и старается найти ему ближайшее, такъ сказать, рационалистическое толкованіе. Исслѣдователи народныхъ вѣрованій съ трудомъ допускаютъ, чтобы повѣрья „придумывались случайно“, какъ полагаетъ Даль, съ педагогическими цѣлями; но многія толкованія Даля очень остроумны, и его приѣмъ заслуживаетъ вниманія этнографовъ. Что касается тѣхъ повѣрій, которыя „представляются до времени странными и темными“, надо припомнить, что самъ Даль не былъ свободенъ отъ суевѣрія и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, думалъ, что нѣкоторыя суевѣрныя примѣты могутъ имѣть

¹⁾ Русскія народныя картинки, т. I, стр. IX—X.

²⁾ О повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ и предрасудкахъ русскаго народа. Изд. 2-е, безъ перемѣнъ. Спб. 1880. Въ первый разъ, этотъ трудъ явился небольшими статьями въ „Иллюстраціи“ 1845—46 года.—Упомянемъ здѣсь еще статью „о народныхъ врачевныхъ средствахъ“, въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843, Ч. 3.

свое таинственное основаніе. Въ послѣдніе годы жизни онъ безъ мѣры предался спиритизму...

Далѣе мы остановимся на томъ, какъ отразились этнографическія изученія у Даля, а также у нѣкоторыхъ его современниковъ, въ ихъ взглядахъ на общественное положеніе народной массы, на реальную народную жизнь.

ГЛАВА X.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАРОДОЛЮБИЕ. — Начало малорусской этнографіи. — Внешнее положеніе народныхъ изученій.

„Маякъ“.—Савельевъ-Ростиславичъ и Морошкинъ.—Изученія малорусскія: кн. Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій; отношеніе Бѣлинскаго къ малорусской литературѣ.—Внѣшнее положеніе этнографіи: недостатокъ правильной школы съ одной стороны, и съ другой, стѣсненія цензурныя: взгляды гр. Уварова; положеніе Сахарова, Кирѣевскаго, Бодянскаго, и проч.

„Маякъ“, очень извѣстный въ свое время, но мало кому памятный теперь, называлъ себя органомъ „современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности“. Исторически онъ былъ продолженіемъ того особаго склада понятій, который уже съ давняго времени сказывался въ литературѣ нападками на „чужеземное“ образованіе и обычаи, сожалѣніями о добрыхъ старыхъ временахъ, когда такъ хорошо жили люди „по старинѣ“, притязаніями на собственныя чисто-русскія свойства. Подобныя нападки на чужеземное бывали иногда умѣстны, когда направлялись на пустоту свѣтскаго общества, о которой—гораздо сильнѣе—говорила литература другого, не-арханческаго направленія; но даже и тутъ, эти нападки были всего чаще поверхностны, адресовались вовсе не туда, куда слѣдовало, и не имѣли дѣйствія: образованіе, которое считали „чужеземнымъ“, распространялось и бросало все болѣе глубокіе корни; защищаемая „чисто-русская“ старина все больше забывалась и исчезала. Этого рода споры старины противъ новизны можно прослѣдить издавна. Историки литературы и образованности нашей хотѣли видѣть въ нихъ борьбу двухъ направленій, прогрессивнаго и консервативнаго, или же западнаго и національнаго, одного—идущаго отъ Петровской реформы, другого—отъ общества до-Петровскаго. Такъ и бывало иногда въ прошломъ столѣтіи, но въ этомъ спорѣ была другая сторона, не

имѣвшая такого историческаго объясненія, а именно, онъ часто бывалъ только старческимъ брюзжаньемъ противъ новыхъ поколѣній, непониманіемъ новыхъ литературныхъ требованій, научныхъ и общественныхъ явленій, исторически вполне законныхъ и необходимыхъ. Въ Петровскія времена втихомолку жалѣли о московской старинѣ; въ половинѣ прошлаго вѣка вспоминали Петровскія времена; Шишковъ брюзжалъ противъ Карамзина; Карамзинъ—подъ старость—противъ „либералистовъ“; современники Пушкина сторонились отъ новой литературной школы; Гоголь подѣ ихъ вліяніемъ отрекался отъ самого себя, и такъ далѣе. Мелкіе отголоски этой вражды къ новизнѣ, не переводившіеся въ литературѣ, становились прямымъ обскурантизмомъ и кончались доносомъ. Къ несчастію, въ основаніи этого спора лежало и болѣе глубокое противорѣчіе, и для большинства трудно разрѣшимое недоумѣніе, которое въ сущности тянется и донныѣ. Дѣло въ томъ, что новая образованность, начавшая проникать еще до реформы и особенно послѣ нея, никогда не получала въ нашей официальной и общественной жизни своего должнаго мѣста и полнаго права: научное изслѣдованіе, литература никогда не имѣли свободы, всегда находились подѣ опекой и, къ сожалѣнію, опека слишкомъ часто бывала въ рукахъ людей невѣжественныхъ. Новая образованность не могла не вступать въ то или другое противорѣчіе съходячими понятіями; самая сущность ея заключалась въ болѣе глубокомъ пониманіи природы, нравственной и общественной жизни человѣка и пр., пониманіи, которое было недоступно для людей неучившихся: обыкновеннѣйшія истины науки, какъ напр., Коперникова система законы физики, историческое знаніе, *не могли* не противорѣчить понятіямъ людей необразованныхъ, и въ концѣ концовъ, невѣжественные судьи рѣшали, что „чуждое“ образованіе противорѣчитъ нашимъ „чисто-русскимъ“ началамъ, нашимъ „народнымъ“ преданіямъ!

Гдѣ наука имѣетъ свое право гражданства, гдѣ свобода ея признана правительственной властью и учрежденіями, гдѣ приняты заботы о народной школѣ, тамъ и въ общественныхъ массахъ распространяется стремленіе къ наукѣ, уваженіе къ ней и — невозможно такое грубое противопоставленіе знанія и предполагаемыхъ неизмѣнныхъ свойствъ національности. Между тѣмъ у насъ это противопоставленіе дѣлается и по настоящую минуту, и защитники „народныхъ началъ“ не подозреваютъ, что подобной защитой наносятъ народности величайшее оскорбленіе, приписывая ей низменное скудоуміе, навязывая ей вражду къ знанію, наконецъ, осуждая ее на неизбежную при невѣжествѣ подчиненность націямъ образованнымъ во всѣхъ культурныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ (промышленности, тор-

говлѣ, прикладномъ искусствѣ и т. д.) и на упадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутое право науки никогда небыло признано у насъ ни учрежденіями, ни общественными нравами; наука допускалась только въ узкихъ утилитарныхъ цѣляхъ и никогда не знала свободы изслѣдованія; и такъ какъ въ то же время, и согласно съ этимъ, строжайшій контроль лежалъ и на выраженіяхъ общественнаго мнѣнія, то большинство никогда не могло привыкнуть къ сколько-нибудь свободной, необычной мысли въ наукѣ и литературѣ. „Печатный листъ“ казался „быть святымъ“, потому что, выходя въ свѣтъ не иначе какъ съ разрѣшенія начальства (въ прежнее время прямо полицейскаго начальства—управы благочинія), становился чуть не официальнымъ заявленіемъ, и если въ такомъ святомъ листѣ оказывалось все-таки нѣчто новое, критическая мысль, идеальный порывъ, незнакомые въ обстановкѣ обычной субординаціи, хотя и пропущенные болѣе благо-разумнымъ цензоромъ, то читатели полуобразованные, безконечное племя Фамусовыхъ и Скалозубовъ, вопіяли о вредѣ наукъ, объ опасности для общества. По всей исторіи нашего скуднаго просвѣщенія проходит неизмѣнная полоса обскурантизма, всегда присутствовавшего въ скрытомъ состояніи и нерѣдко прорывавшагося цѣлыми бурями. Наконецъ, обскурантизмъ сталъ находить въ литературѣ своихъ теоретиковъ, иногда людей лично почтенныхъ, но невѣждъ, не имѣвшихъ яснаго понятія о наукѣ, или же хитрыхъ и злобныхъ лице-мѣровъ. Въ сороковыхъ годахъ, споръ о западномъ просвѣщеніи и народности перешелъ на почву философско-историческихъ принциповъ, въ борьбѣ славянофильства и западничества, но и здѣсь, въ новѣйшихъ явленіяхъ этой борьбы, славянофильство, взявшее на себя защиту народности, не обошлось, въ концѣ концовъ, безъ обскурантизма.

„Маякъ“, издававшійся въ 1840—1845 годахъ С. Бурачкомъ и П. Корсаковымъ, ставилъ своей цѣлью именно защиту русской народности отъ зловредныхъ вліяній западнаго просвѣщенія, или передѣлку и исправленіе послѣдняго „въ духѣ русской народности“. Передъ тѣмъ основы русской жизни опредѣлены были въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія и, прилагая эту мѣрку къ произведеніямъ тогдашней поэтической литературы, тогдашнихъ художественно-теоретическихъ понятій и общественныхъ взглядовъ (насколько они могли высказываться при строжайшей цензурѣ въ сужденіяхъ литературныхъ), „Маякъ“ нашелъ въ нихъ страшное противорѣчіе съ тѣмъ, что требовалось „чисто-русской“ народностью. Вся лучшая часть литературы, которая заслуживала этого имени и въ которой только-что дѣйствовалъ Пушкинъ, „измѣняла народности“, и „Маякъ“ не усумнился возстать противъ самого Пушкина:

это могущественный талантъ, но вся, почти безъ исключенія, поэзія его грѣховна и зловредна ¹⁾). Тоже повторилось съ Лермонтовымъ. Когда вышло собраніе его стихотвореній, самъ „Маякъ“ увлекся предестью многихъ изъ нихъ и очень ихъ одобрялъ, хотя осуждалъ направленіе; но потомъ отвергъ его цѣликомъ ²⁾). Гораздо выше Пушкина и, конечно, Лермонтова—Жуковский.

Такимъ образомъ, „Маякъ“ высказывалъ свои мнѣнія въ упоръ и не могъ на первыхъ же порахъ не столкнуться съ восторженными почитателями Пушкина и Лермонтова. Онъ храбро держался своихъ мнѣній и иногда дѣлалъ вылазки противъ враждебнаго лагеря, т.-е. „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ выступалъ тогда Бѣлинскій съ своими московскими философами-пріятелями. Иной разъ нападенія „Маяка“ не были лишены ѣдкости, когда онъ ловилъ противниковъ на философскихъ преувеличеніяхъ (которыя потомъ они сами замѣтили), странномъ языкѣ и т. п.; но его собственная философія не шла дальше тѣхъ аргументовъ, какіе употреблялись уже Магницкимъ и архимандритомъ Фотіемъ и повторялись иногда въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ; въ „Отечеств. Запискахъ“, по браннымъ отзывамъ „Маяка“, господствовала „ложная философія, бродящая по стіхіямъ міра“, „недугъ словопреній лжеименнаго разума“ и т. п.

Можно себѣ представить, что въ литературѣ, въ которой со смерти Пушкина и съ появленія посмертнаго изданія его сочиненій все возросло восторженное поклоненіе предъ великимъ поэтомъ, должны были являться вопіющей нелѣпостью эти сужденія о Пушкинѣ съ точки зрѣнія архимандрита Фотія и цензора Красовскаго. „Маякъ“ вскорѣ сдѣлался притчею; на него не обращали вниманія и тогда, когда ему случалось сказать справедливую мысль.

„Маякъ“ никакъ не понималъ, что литературныя явленія, на ко-

¹⁾ Для образчика приведемъ одинъ эпизодъ изъ этихъ обличеній Пушкина. Въ „Маякѣ“ 1840 (№ 10, стр. 53 и слѣд.) помѣщено „Видѣніе въ царствѣ духовъ“, гдѣ между прочимъ является просвѣтлѣвшій духъ Пушкина, который сурово судитъ Пушкина земного и предостерегаетъ отъ преувеличеннаго поклоненія его произведеніямъ, заключающимъ въ себѣ столько превратнаго. „Не вѣрьте тѣмъ, которые представляютъ вамъ Пушкина великимъ, образцовымъ писателемъ... Еслибъ въ Россіи развелось болѣе Пушкинскихъ, она бы скоро сгнбла и пропала“. Впослѣдствіи, въ 1843 г., „Маякъ“ помѣстилъ цѣлый „Обзоръ стихотвореній Пушкина“: шесть статей, изъ которыхъ пять—А. Мартынова, и одна (четвертая) Бурача.

²⁾ „Отличительныя черты стихотвореній Лермонтова: слогъ книжный, *не-русскій*, духъ *не-русскій*, направленіе *не-русское*; выборъ предметовъ и героевъ колоссально дикихъ, страстныхъ, всеокрушающихъ, и все это не столько по личному направленію, сколько изъ суетнаго желанія быть оригинальнымъ; а того и не видѣлъ, что эта оригинальность—дѣтское подражаніе Байрону и его поэтическому потомству, оставившемуся теперь на Евгеніи Сю и Жоржъ Зандѣ съ товарищами“. 1844, т. XVIII, крѣт., стр. 58.

торья онъ нападалъ, были результатомъ цѣлой новѣйшей исторіи нашей, отвѣчали росту образованія, что отдѣльныя ошибки, если онѣ случались, ни мало не опровергаютъ цѣлаго движенія. До всего этого ему не было дѣла: онъ бралъ въ руки катехизисъ и обличалъ. Онъ зналъ одно, что въ извращеніи русскаго просвѣщенія виновенъ Западъ, и строго осуждалъ его ¹⁾. Исходный пунктъ былъ простъ. „Духъ времени“ бываетъ различный, „истинный—отъ Бога, ложный—отъ заблудшихъ людей, водимыхъ отцемъ джи“; усовершенствованіе въ человѣчествѣ, о которомъ говорятъ, состоитъ въ одномъ: „церковь Божія воинствуетъ съ язычествомъ“; Западъ соvrращенъ дьяволомъ и погрязъ въ язычествѣ; „европейскія идеи противны евангелію“; Западъ идетъ съ ними къ гибели, и только когда избавится отъ нихъ—„тогда конецъ *Революціямъ, Волюндумству, Реформатству и Папству* ²⁾, этимъ четыремъ колѣнамъ одного корня—римскаго язычества, и только тогда на Западѣ, на пепелищѣ царства языческаго, царства міра сего, возсіяетъ Востокъ—царство Божіе, чудо божія всемогущества и милосердія“ ³⁾.

Статьи о русской народности были такого же рода — пропитаны враждой къ иноземному, и въ русской литературѣ сочувствуютъ только „Москвитанину“, съ удовольствіемъ встрѣчаютъ статьи Даля о русскомъ языкѣ, явившіяся тогда въ этомъ журналѣ, и патетически говорятъ о девизѣ министерства просвѣщенія, на первый разъ воспользовавшись для этого книжкой извѣстнаго тогда писателя того же толка, И. Кулжинскаго ⁴⁾, и развивая потомъ эту тему собственными трудами.

¹⁾ Напримѣръ, въ разборѣ книги: „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ“, Спб. 1841 (1841, кн. XXIII—XXIV); въ статьяхъ: „Наблюденіе событій Востока и Запада Европы новой, со стороны высшихъ истинъ человѣчества“ (во введеніи дается „Ключъ къ открытію всеобщихъ законовъ бытія вселенной“ и т. п.), Ф. Шульговскаго, 1845, т. XXII—XXIII; „Критическій обзоръ. Очная ставка и обличеніе религиозныхъ заблужденій римскаго Запада“, Бурачка, 1845, т. XXIII—XXIV.

²⁾ Курсивы и заглавныя буквы—въ подлинникѣ.

³⁾ Изъ названной сейчасъ статьи Бурачка.

⁴⁾ „Эмерить, литературныя очерки“. М. 1836. Авторъ его былъ восторженный поклонникъ этого девиза, и, выписавъ извѣстное мѣсто въ отчетѣ министра, гдѣ сказано желаніе правительства, „чтобъ народное образованіе совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности“, восклицаетъ: „Въ этихъ немногихъ словахъ Россія въ первый разъ (?) сказала громко, величественно, достойнымъ себя образомъ! о, эти слова запишетъ исторія; отзвучіе этихъ словъ прогремитъ въ отдаленныхъ вѣкахъ“ и т. д. „Маякъ“, 1841, ч. XVП—XVШ, ст. „Русская народность“.—См. также другія статьи: „Русское народное слово въ древнихъ духовныхъ писателяхъ“, 1842, т. III, кн. 6 (новый счетъ томовъ съ 1842 г.); „Поѣздъ о русской народности“, И. Маркова, 1843, т. VIII, кн. 16, и др.

Журналъ издавался вообще странно. Выборъ статей въ журналѣ „современнаго просвѣщенія въ духѣ русской народности“, вѣроятно, удивлялъ читателя: лекціи изъ высшей математики, Остроградскаго, статьи по аналитической механикѣ, кораблестроенію (издатель былъ морякъ); статьи по психологіи, богословію (писанныя тѣмъ же специалистомъ кораблестроенія); романтическіе стихи; проповѣди архіереевъ; повѣсти, русскія и иностранныя. Видимо, журналъ самъ почувствовалъ, что народности въ немъ мало, и съ третьяго года прибѣгъ къ рѣшительному средству: онъ заявилъ, что будетъ помѣщать „статьи, писанныя нашими православными мужичками, ихъ русскимъ роднымъ умомъ-разумомъ и деревенскимъ складомъ“, т.-е. тѣмъ приторнымъ и фальшивымъ складомъ, который былъ выдуманъ Сахаровымъ. Такой писатель проявился въ лицѣ Антипы Снѣжкова, „огородника съ Выборгской стороны“, Аванасія Пуги, „маячнаго сторожа“ и т. п. Ихъ писанія должны были представлять подлинную народность и были только скучнымъ пустословіемъ. Въ „Маякѣ“ начали писать „малосмысленные областяне“, какъ они сами себя называли¹⁾,—конечно, полагая въ малосмысленности признакъ „народнаго ума-разума“. Вѣроятно, въ цѣляхъ той же народности, въ противность вольнодумству журналъ съ самаго начала обнаружилъ склонность къ сверхъестественному, къ чудодѣйству, суевѣрію, которыя предполагались необходимой принадлежностью православнаго мужичка: появились статьи о духахъ, привидѣніяхъ, магіи; цѣлый рядъ рассказовъ: „Проявленіе невидимаго міра“ (1845, т. XXII); Боричевскій поставлялъ преданья и повѣрья славянскихъ племенъ—о чертяхъ, вѣдмахъ и т. п.²⁾ Кончилось тѣмъ, что въ „Маякѣ“ стали присылать, а онъ печаталъ, всякія фантастическія бредни, выдаваемые за сверхъестественные факты, — надъ „Маякомъ“ стали смѣяться, что онъ распространяетъ вѣру въ лѣшихъ, вѣдьмъ и домовыхъ...

Рядомъ съ недѣлостями разнаго рода, наполпившими „Маякѣ“, опять проблескомъ правды было сочувственное отношеніе къ малорусской литературѣ и ея писателямъ. Уже съ первыхъ книжекъ въ „Маякѣ“ появились повѣсти Основьяненка (журналъ радовался литературнымъ успѣхамъ его, какъ „земляка“), стихи Артемовскаго-Гулака (даже на малорусскомъ языкѣ), повѣсть и поэма³⁾ Шевченка

¹⁾ „Маякѣ“, 1844, т. XV, июнь, смѣсь, стр. 20.

²⁾ Они вышли потомъ въ отдѣльныхъ книжкахъ. — Были, между прочимъ, въ „Маякѣ“ анекдоты о стучащихъ духахъ, которые могли бы доставить большое удовольствие нинѣшнимъ спиритамъ.

³⁾ „Безгаланнѣй“; посвящено: „На память 9-го ноября 1843 года, княжѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной“. 1844, т. XIV, стр. 17—30.

(на русскомъ языкѣ); статьи по малорусской этнографіи—Срезневскаго, Костомарова, Сементовскаго ¹⁾); критическіе разборы малорусскихъ книгъ и защита малорусской литературы противъ критиковъ, ей не сочувствовавшихъ, напр., въ „Отечественныхъ Запискахъ“ ²⁾), причѣмъ защитниками сдѣланы были весьма вѣрные замѣчанія о значеніи и правѣ малорусской литературы, необходимой и для развитія самой русской словесности. Это сочувствіе объясняется, кажется, прежде всего тѣмъ, что у издателя „Маяка“ сохранялся мѣстный патріотизмъ, далѣе тѣмъ, что въ малорусскихъ писателяхъ онъ думалъ видѣть сторонниковъ своихъ идей, въ чемъ нѣкоторые изъ нихъ и не противорѣчили ему; это послѣднее, въ свою очередь, усиливало предубѣжденіе противниковъ малорусской литературы...

По русской исторіи, „въ духѣ народности“ дѣйствовали въ журналѣ особенно два писателя: Савельевъ-Ростиславичъ и московскій профессоръ Морошкинъ, составлявшіе школу Венелина. Оба внесли въ „Маякъ“ свою долю странностей.

Объ этой школѣ въ ходѣ нашей исторіографіи упоминаютъ обыкновенно только „для счета“ ³⁾). Мы коснемся ея только по ея отношенію къ народности. Венелинъ (1802—1839), родомъ карпатскій русинъ, дѣйствовавшій въ русской литературѣ, имѣетъ большое историческое имя въ развитіи славянскаго національнаго возрожденія, а частію и въ нашей исторіографіи. Это были пылкая, даровитая натура; проникнутый славянскимъ патріотизмомъ, неудовлетворенный литературнымъ положеніемъ славянскаго вопроса, онъ стремился защитить права славянства и въ жизни, и въ исторической наукѣ. Ему больше всего обязаны болгары пробужденіемъ національнаго сознанія; въ литературѣ онъ бросилъ не мало новыхъ смѣлыхъ мыслей, которыя часто вовсе не были оправданы трудами его или его послѣдователей, но возбуждали къ изслѣдованію, заставляли смотрѣть

¹⁾ Напр. Срезневскаго, Замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ; Костомарова: О циклѣ весеннихъ пѣсень въ народной южно-русской поэзій. „Маякъ“ 1843, т. XI.

²⁾ Такъ были разборы „Молодика“, сборника „Сніпъ“; восхвалительный разборъ „Гайдамаковъ“ Шевченка (Н. Тихорскаго, „Маякъ“, 1842, т. IV, кн. 8, стр. 82—106), такой же разборъ трагедіи „Переяславская ночь“ Іереміи Галки, т.-е. Костомарова,—писанный К. Сементовскимъ (1843, т. XII, крит., стр. 42—73), противъ прежняго, менѣе благопріятнаго отзыва Тихорскаго; сочувственный разборъ,—собственно изложеніе,—книги Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзій“, 1844, К. Калайденскаго (1844, т. XV). Защита малорусской литературы въ ст. Антипенко и К. Калайденскаго, 1842, книга 6-я и 12-я.

³⁾ Ср. „Моск. Обозрѣніе“, 1859, кн. I, стр. 56.

шире и многостороннѣе; его критическія требованія иногда ¹⁾ вѣрно указывали, чего не доставало въ трудахъ нашихъ историковъ. Первые сочиненія Венелина явились гораздо раньше знаменитыхъ „Древностей“ Шафарика, и независимо отъ него Венелинъ расширялъ славянскую старину до такихъ вѣковъ и событій, гдѣ ея или вовсе не искали, или не имѣли о ней увѣренности. Въ русской исторіи онъ выступилъ самымъ рѣзкимъ противникомъ норманской теоріи, не только потому, что считалъ ее фактически ошибочной, но и потому, что теорія казалась ему оскорбительной для славянства и русскаго народа.

Послѣдователи Венелина хотѣли развивать его идеи, и какъ часто бываетъ съ послѣдователями оригинальныхъ теорій, доводили ихъ до нелѣпости; они не мало способствовали тому, что труды Венелина получили репутацію фантастическихъ и научно-непригодныхъ.

Ник. Васил. Савельевъ-Ростиславичъ учился въ московскомъ университетѣ и, едва кончивши курсъ, въ 1836, вступилъ на литературное поприще съ историческими трудами, въ которыхъ обнаружилъ замѣчательную начитанность, и въ направленіи съ тѣмъ отбѣнкомъ, который съ первыхъ лѣтъ „Маяка“ сдѣлалъ его другомъ этого журнала.

О своей университетской школѣ Савельевъ рассказываетъ, что всего больше онъ былъ обязанъ Терновскому (извѣстному тогда профессору богословія), Морощкину (читавшему римское право) и М. Г. Павлову (философу-физику). „Ихъ удивительная логичность системы, строгая послѣдовательность выводовъ и многостороннее изслѣдованіе разсматриваемыхъ вопросовъ очень сильно дѣйствовали на умы слушателей... Особенно важно было то, что въ московскомъ университетѣ господствовалъ тогда духъ свободнаго изслѣдованія, не стѣсняемаго никакимъ авторитетомъ (?) и склонявшася только передъ вѣчными истинами Откровенія и непреложными законами Разума“ ²⁾. Съ перваго же года изданія „Маяка“, въ немъ были съ сочувствіемъ приняты труды Савельева: его общенсторическая точка зрѣнія, повидимому, вполне сходилась со взглядами журнала ³⁾; сходно было

¹⁾ См., напр., въ его „Мысляхъ объ исторіи вообще и русской въ частности“ (въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ., 1817, № 8). Ср. Соч. Кавелина, т. II, стр. 407.

²⁾ Эти біографическія подробности и перечисленіе трудовъ Савельева-Ростиславича до 1845 г. читатель найдетъ въ его „Славянскомъ Сборникѣ“ (Спб. 1845), стр. ССVIII—ССXXV; то же, съ нѣкоторыми переиначеніями, издано тѣмъ же наборомъ въ отдѣльной брошюрѣ, и въ третьемъ лицѣ: „Объ историческихъ трудахъ (1837—1845) Ник. Вас. Савельева-Ростиславича“, s. l. et a., 21 стр.

³⁾ Въ „Маякѣ“ 1840, ч. IX, помѣщены были „Очерки всеобщей исторіи“, обвинявшіе „исторію 7348 лѣтъ жизни человѣчества“, и редакція высказала свое удо-

и „народное“ направленіе, потому что Савельевъ также стремился защищать русскую народность отъ зловредной иноземщины и спеціально отъ нѣмцевъ.

Не будемъ останавливаться на перечетѣ его многочисленныхъ статей по славянской древности и русской исторіи, статей, разсѣянныхъ по журналамъ съ конца тридцатыхъ годовъ („Московскій Наблюдатель“, „Литер. Прибавленія къ Р. Инвалиду“, „Отеч. Записки“, „Маякъ“, „Сынъ Отечества“, „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“ и др.) и частію собранныхъ потомъ въ „Славянскомъ сборникѣ“. Довольно сказать, что относительно древности, которою онъ больше всего былъ заинтересованъ, онъ заявилъ себя ревностнымъ приверженцемъ Венелина, развивалъ его мысль о старобытности славянъ въ Европѣ и отвергалъ не менѣе энергически норманскую теорію о началѣ русскаго государства. Савельевъ не сомнѣвался, что Геродотова Скиѳія прямо говоритъ о славянахъ и русскихъ; утверждалъ, что такъ-называемое „переселеніе народовъ“ совершалось только въ головахъ новѣйшихъ ученыхъ историковъ, что въ дѣйствительности въ Европѣ V-го вѣка жили тѣ же самыя племена какъ теперь, что гунны среднихъ вѣковъ были просто русскій народъ; что Русь, задолго до Рюрика, была государствомъ и съ IV до IX вѣка, соединенная съ Болгарією, господствовала отъ Бѣлаго моря до Балканъ и Адриатики; норманская теорія была злонамѣренно придумана нѣмцами Байеромъ и Шлѣцеромъ для униженія русской народности, и т. п. Своею начитанностью въ средневѣковыхъ писателяхъ по этому періоду Савельевъ превосходилъ, вѣроятно, всѣхъ тогдашнихъ историковъ нашихъ; онъ пріобрѣталъ свѣдѣнія и въ исторической литературѣ славянской, и иногда вѣрно указывалъ ошибки своихъ противниковъ,—но, несмотря на то, труды его, хотя ревностные и обильные, принесли мало пользы. Прежде всего, полемическій задоръ помѣшалъ ему собрать свои взгляды въ цѣльное и послѣдовательное изложеніе: его матеріалъ разбился на множество подробностей, отдѣльныхъ замѣтокъ, главная тема остается невыработанной и недоказанной. Стремленіе видѣть повсюду славянъ, заимствованное у Венелина, заводитъ автора въ самыя рискованныя утвержденія; вѣрныя замѣчанія перемѣшаны съ грубѣйшими ошибками, особенно филологическими, и наконецъ, авторъ, вообразивъ свои выводы доказанными, начинаетъ безъ церемоніи переладывать племенные и географическія названія у Геродота и Тацита и т. п., въ чистѣйшія славянскія и русскія имена.

вольствіе, что згѣсь, „какъ и быть должно, все построеніе основано на истинной вѣрѣ Христовой“.

Доискаться общественно-историческихъ взглядовъ автора было бы довольно трудно. Въ противорѣчіе съ разившейся вскорѣ славянофильской теоріей, онъ — горячій поклонникъ Петра Великаго, который искалъ просвѣщенія русскаго народа (и допускалъ иноземцевъ только для наученія русскихъ); онъ соглашался съ мнѣніемъ Шевырева, что и „великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежитъ Петру Великому: государь-геній, онъ первый постигъ важность *родственнаго* отношенія между нами и другими племенами славянскими“¹⁾. Но: „путь прямой былъ указанъ — по немъ не пошли“. Кто не пошли и почему не пошли, Савельевъ не объясняетъ; а между тѣмъ, здѣсь именно и былъ исходный пунктъ того удаленія отъ народности, которое оплакивалъ и противъ котораго негодовалъ „Маякъ“ и его союзники. „Великій умеръ—и мысль его осталась безъ исполненія“: вотъ все, что говоритъ Савельевъ объ этомъ обстоятельстве...

Затѣмъ, „люди, къ которымъ Петръ Великій питалъ глубочайшее презрѣніе (?), размножились: въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730—1740), тяготѣвшую надъ нашимъ отечествомъ до счастливаго воцаренія дочери Петровой, кроткой Елизаветы, очистившей (?) Русь отъ иноплемениковъ и предуготовившей намъ вѣкъ Екатерины Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Бирона, въ угодность сильнымъ временщикамъ-иноземцамъ, явилась и система скандинавскаго происхожденія Руси (!). Угрожаемые намѣреніемъ Петра Великаго (т.-е. намѣреніемъ устранить ихъ, когда выучатся русскіе), но жалѣя разстаться съ гостеприимною Россіею, чужеземцы осуществили планъ—присвоить себѣ воспитаніе русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ, а чужеземцамъ, что имъ слѣдственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено у насъ чужеземцами“²⁾.

Эти олицетворенія представляютъ дѣло въ чрезвычайно запутанномъ видѣ. Откуда взялись, отчего размножились „люди, презираемые Петромъ Великимъ“; какъ могли дойти до такой силы, что подарили Россіи Бироновщину; отчего Россія, которой дѣлали иноземцы столько вреда, была такъ бессильна и ничтожна передъ ними; какъ могли они взять да присвоить себѣ воспитаніе юношества? Авторъ и не думаетъ, что вопросы эти возможны и необходимы, если говорить о вліяніи иноземцевъ въ нашемъ XVIII вѣкѣ. Далѣе: въ связи

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. VI.

²⁾ Тамъ же, стр. VII—VIII.

съ этимъ, во времена *Бироновщины*, возникла система скандинавскаго происхожденія Руси. Положимъ; но тогда это были только предположенія Байера, а настоящимъ образомъ сложилась и утвердилась эта система (въ рукахъ Шлёцера) гораздо позднѣе, а именно послѣ временъ той кроткой Елизаветы, которая, по словамъ автора, уже очистила Русь отъ иноплеменниковъ.

Шлёцеръ, какъ чужеземецъ, опять провинился, по взгляду Савельева, принявъ злонамѣренную теорію Байера, и былъ снова источникомъ множества бѣдственныхъ заблужденій въ русской исторіографіи; но въ минуты безпристрастія самъ Савельевъ признаетъ, что Шлёцеръ былъ не такого характера человекъ, чтобы онъ составлялъ свои мнѣнія кому-либо въ угоду, что онъ оспаривалъ и Байера, когда находилъ въ немъ ошибки, что это, словомъ, человекъ, научную заслугу котораго должны признать самые рѣшительные противники его теоріи ¹⁾. И какъ быть, наконецъ, съ тѣмъ, что скандинавская или норманская теорія была принята множествомъ русскихъ ученыхъ? Нельзя же было безъ опасенія безсмыслицы сказать, что Карамзинъ и Погодинъ, какъ послѣдователи норманской теоріи, что Бутковъ, какъ приверженецъ руссо-финской теоріи, и пр., и пр., всѣ были враги русской народности, составляли свои взгляды „въ угодность сильнымъ временщикамъ-иноземцамъ“, или хотѣли внушать русскому юношеству „мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ, а чужеземцамъ“ и т. д., и нельзя также сказать, чтобы русскіе послѣдователи норманской теоріи принимали ее по глупости.

Словомъ, путаясь въ своихъ обвиненіяхъ противъ послѣдователей норманской теоріи, писатели, въ родѣ Савельева, никакъ не могли понять, что въ распространеніи того или другого историческаго взгляда могла дѣйствовать просто только степень *научной доказательности* того или другого мнѣнія въ данную пору. Норманская теорія потому именно и распространялась, что съ XVIII-го вѣка (да и донинѣ) она была *научно* лучше обставлена, чѣмъ другія теоріи. Можно было оспаривать ее, приводить новыя доказательства въ пользу иного взгляда, и этого было бы довольно; но школы, подобныя школѣ Савельева, имѣли всегда дурную замашку давать литературнымъ вопросамъ полицейскій оборотъ, и, выдавая свои мнѣнія за патріотическія, представлять мнѣнія противниковъ какъ недостатокъ патріотизма, а то какъ и прямую измѣну.

Возвратимся еще къ одному эпизоду въ разсужденіяхъ Савельева. Послѣ Петра, явился у насъ еще гениальный человекъ—Ломоносовъ. „Отечеству — Россіи предстояло (?) гениемъ Ломоносова опередить

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. LI, CLXVI—CLXVIII.

Европу, въ половинѣ XVIII вѣка утвердить тѣ открытія, которыя составили славу нѣсколькихъ ученыхъ естествоиспытателей конца XVII и начала XIX вѣка: завистники генія не допустили Россію (?) обнаружить самостоятельность возрѣнія на естествознаніе. Россія могла бы за полвѣка до Карамзина имѣть свою исторію... недоброжелательство враговъ русскаго генія лишило его средствъ совершить полезный трудъ. Кто же были эти враги русскаго генія? Иноземные гости и даже (стыдно сказать) свои соотечественники¹⁾. Не говоря о томъ, что въ словахъ Савельева значеніе открытій Ломоносова въ естествознаніи крайне преувеличено, авторъ до смѣшного терялъ мѣру, говоря о завистникахъ, будто бы не допустившихъ „Россію“ обнаружить ея научную самостоятельность. Здѣсь разумѣются, вѣроятно, академическіе враги Ломоносова; но какъ они могли помѣшать появленію русской исторіи за полвѣка до Карамзина и помѣшать самостоятельному возрѣнію на естествознаніе, неизвѣстно; притомъ Академія существовала не безъ вѣдома „Россіи“: выходило, что вина должна лежать и на самой Россіи. Надо думать, что „иноземные гости“ могли вредить только потому, что „соотечественники“ не понимали интересовъ русскаго генія. Замашка — свалить все на иноземцевъ, не разумѣя общаго положенія вещей, или — лицемѣрно о немъ умалчивая, доходила до абсурда.

Еще болѣе странностей представляли археологическія изслѣдованія, которыя въ это же время издавалъ наставникъ Савельева, Морошкинъ, другой желанный сотрудникъ „Маяка“.

Фед. Луц. Морошкинъ (1804—1857), сынъ сельскаго священника въ тверской губерніи, учился въ семинаріи, потомъ въ московскомъ университетѣ, по юридическому факультету; по окончаніи курса, „изъ особенной привязанности къ Москвѣ и московскому университету“ *отказался* отъ поступленія въ профессорскій институтъ и отъ путешествія за границу (последнее предлагали ему два раза), съ 1834 года началъ преподаваніе въ московскомъ университетѣ по различнымъ предметамъ права, съ 1838 въ качествѣ ординарнаго профессора²⁾. Въ пору его ученья уже распространялся вкусъ къ изученію филсофіи, и Морошкинъ много занимался ею (до Гегеля включительно) подъ руководствомъ Павлова, Дядьковского, Надеждина: онъ изучалъ „корифеевъ современной филсофіи собственно не для содержанія, а для методы научной архитектуроники“; Канта, Шеллинга, Гегеля онъ считалъ за „великихъ гимназіарховъ евро-

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. XI.

²⁾ Его автобіографія въ Словарѣ моск. профессоровъ, М. 1855, т. II. См. также „Молву“, 1858, № 36, стр. 409; Моск. Вѣдом. 1858, № 147, ст. С. Баршева; Справочный Словарь, Геннади, Берлинъ, 1880, т. II, стр. 346 (съ опечатками).

пейскаго мышленія“; но „догматическій взглядъ на философію онъ старался почерпнуть изъ лекцій знаменитыхъ философовъ Троицкой Сергіевой лавры“—онъ разумѣлъ Кутневича и протоіерея Голубинскаго. Но, по его словамъ, „эти философскія. занятія убѣдили Морошкина, что онъ не рожденъ для чистой философіи“. Подъ этими вліяніями онъ составилъ себѣ однако философское представленіе объ исторіи права, объ его *историческомъ развитіи*. Изъ историко-юридическихъ трудовъ его извѣстенъ переводъ „Исторіи рос. государственныхъ гражданскихъ законовъ“ Рейца съ дополненіями (1836), и особенно „Рѣчь объ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича и о послѣдующемъ его развитіи“ (1839).

Свои изысканія о древнѣйшей Руси Морошкинъ началъ еще въ 1836 году, когда составлялъ примѣчанія къ Рейцу; въ 1839 онъ писалъ объ этомъ предметѣ въ „Галатеѣ“ Раича; въ томъ же году онъ излагалъ свои идеи въ московскомъ Обществѣ исторіи и древностей, и тамъ порѣшено было напечатать статью Морошкина въ „Сборникѣ“ Общества, „а потомъ опредѣлено: не печатать“. Тогда Морошкинъ издалъ свою статью отдѣльно ¹⁾. Надо думать, что члены Общества испугались необычайной своеобразности его историческихъ приемовъ: онъ упоминаетъ въ предисловіи, что ему дѣлали не мало возраженій относительно „метода“ (въ объясненіи народныхъ и мѣстныхъ названій) и самъ онъ называетъ его „стариннымъ филологическимъ методомъ“. Съ дальнѣйшими трудами оставалось вмѣсто Общества исторіи и древностей обратиться къ „Маяку“, который уже открылъ свои страницы для Савельева-Ростиславича, и въ „Маякѣ“ является рядъ статей Морошкина ²⁾.

Дать понятіе о свойствѣ изслѣдованій Морошкина или объ его „методѣ“ очень мудро: до того онъ страненъ и лишенъ всякаго смысла. Какъ и Савельевъ, Морошкинъ положилъ много труда на чтеніе древнихъ и средневѣковыхъ писателей, у которыхъ ожидалъ найти свѣдѣнія о руссахъ и славянахъ, но огромный матеріалъ, имъ подобранный, сбить въ безобразную кучу; изслѣдователь, по своему *старинному* методу (тому самому, каковой употреблялся Тредьяковскимъ), вылавливаетъ въ мѣстныхъ и народныхъ названіяхъ малѣй-

¹⁾ О значеніи имени Руссовъ и Славянъ. Сочиненіе Ѳедора Морошкина, М. 1840. П н 283—304 стр. Пагинація осталась, видимо, отъ предполагавшагося изданія Общества.

²⁾ „Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ“, съ предисловіемъ Савельева,—четыре статьи, 1842, т. IV—VI (книги 8—11), и отдѣльной книгой, Спб. 1842. Здѣсь повторена, съ перемѣнами, прежняя книжка, и ведутся новыя изслѣдованія.

— Разборъ книги Велегина: „Древніе и нынѣшніе Болгаре“ и „Скандинавомація“, тамъ же, 1842, т. VI, кн. 12, стр. 81—115.

шія случайныя созвучія и строить на нихъ изумительные выводы. Онъ самъ допускалъ, что въ его „методѣ“ есть натяжка и злоупотребленія, но все-таки стоялъ на своемъ, и въ результатѣ его изслѣдованія представляютъ рядъ странностей, собранныхъ какъ будто для шутки и пародіи. Еще въ 1837 году, — рассказываетъ Морошкинъ, — „мнѣ приходило на мысль произвести имя нашего отечества *отъ роци, прута, рози или лозы* (Roscia, Pruthenia, Ruthe, Rosgi); но мнѣ тогда не доставало данныхъ, и потому я отказался отъ столь смѣлаго предположенія; теперь же, имѣя на своей сторонѣ знатный запасъ филологическихъ и историческихъ доказательствъ, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что *Русь* происходитъ отъ слова *лѣсъ* или *роща*“¹⁾. Слѣдуютъ доказательства—невообразимая путаница словъ латинскихъ, греческихъ, русскихъ, изъ которыхъ выводится, что слово Русь есть лѣсъ, роща, дерево и т. п.²⁾ Русь, объясняемую подобнымъ образомъ, авторъ отыскиваетъ гдѣ только пожелаетъ: встрѣтивъ любое племенное названіе у Геродота, Плинія, Страбона, которое покажется ему подходящимъ, авторъ переломаетъ его по своему „методу“ и объявитъ, что оно обозначаетъ жителя лѣсовъ, рощъ и т. п., слѣдовательно русскаго. Однажды подвернулись ему турки, онъ продѣлалъ надъ ними ту же операцію и рѣшилъ: „итакъ, первые турки суть народъ *лѣшій*, а если лѣшій, то и русскій“!³⁾ Подумаешь, что было писано на смѣхъ.

Савельевъ и другіе строгіе судьи скандинавской теоріи съ презрѣніемъ говорятъ о грубыхъ словопроизводствахъ Байера и Шлѣцера, какъ производство „князя“ отъ „кнехта“ и т. п.; но конечно, обоихъ далеко превзошелъ Морошкинъ, по которому Россія происходитъ отъ розги, а русскій значитъ лѣшій.

Не будемъ дальше проникать въ изслѣдованія Морошкина⁴⁾; но

¹⁾ О значеніи имени Руссовъ и Славянъ, стр. 234—235.

²⁾ Напр., „Отъ латинскаго *ruia*, безъ сомнѣнія, произошло нѣмецкое слово *Ruthe*, пруть, лоза, розга, палка, и производное отъ сего *Ruthenia*!“ Слово Русь, прошедши у Морошкина сквозь строй его толкованій, превращается въ Roscia, Ruthenia, Raгуза, Ugrî, insula Rugacen (т.-е. Рюгенъ), Rox-alani, Rozani, Рязань, Рязанци, Рязцы и т. д. и авторъ съ самодовольствомъ заключаетъ: „Вотъ лѣствица названій русской земли отъ Страбона (отъ времяя Р. X.) до позднѣйшихъ времени!“

³⁾ См. тамъ же, стр. 279. Въ „Историко-критич. Изслѣдованіяхъ“ Морошкинъ уже измѣнилъ эту фразу; см. стр. 85.—Польскій „панъ“ есть тоже лѣшій; отъ него происходитъ „Паннонія“. Ист.-критич. Изслѣдов., стр. 117.

⁴⁾ Еще въ 1841 году Погодинъ возсталъ противъ теорій Морошкина, которыя вскорѣ уже прославились какъ нелѣпость и чудачество. Нѣкто А. К. взялъ его подъ свою защиту въ княжкѣ: „Критическое обозрѣніе книги Ѡ. Л. Морошкина. Письмо безпристрастнаго любителя исторіи къ М. П. Погодину“. Объ этомъ см. въ „Маякѣ“, 1845, т. XIX—XX: „Письма къ издателю „Маяка“ о литературной жизни Москвы“.

Короткое, но весьма обстоятельное опроверженіе ненаучныхъ фантазій Морош-

нельзя не отмѣтить въ нихъ одного эпизода. Среди своихъ изысканий Морощкинъ однажды покинулъ словопроизводство и въ лирическомъ отступленіи изложилъ слѣдующія свои мысли объ историческомъ значеніи и будущности русскаго государства и народности:

„Племя славянское живетъ будущностію, надеждою, что вновь возстанетъ великій Царь Волги ¹⁾ и воззоветъ ихъ къ единому великому знамени, къ знамени не разрушенія, а общаго успокоенія въ нѣдрахъ семейственнаго быта, который, кажется, предоставлено развить славянскимъ народамъ. Царство мира и любви имѣетъ семейственную форму, — форму, данную отъ природы и духа, а не изысканную, не созданную переходящими вѣками исторіи. Когда настанетъ судь исторіи, тевтонскій міръ отдастъ славянамъ все, что имъ взято у нихъ въ теченіе 1500-лѣтней его жизни. Не своими казарскими ²⁾ саблями славянскій міръ грозитъ тевтонамъ, а славянскою цивилизаціею, первородными формами человѣческаго быта, грозитъ ему преемничествомъ, званіемъ наследника во всемирной исторіи. Славянскій духъ, по волѣ Провидѣнія, возлюбилъ себя мѣсто въ предѣлахъ Россіи: ибо имя *Россіи* есть старѣйшее, общее имя для всѣхъ славянскихъ народовъ; здѣсь родина и колыбель всѣхъ славянскихъ народовъ; здѣсь только славянскій духъ можетъ развернуть свои орлиныя крылья и принять высренній полетъ. Имперія Карла Великаго совершилась; настанетъ новый міръ и новая жизнь, возвращающаяся отъ Запада къ Востоку... О, какую великую судьбу готовитъ Провидѣніе для Россіи!..

„Славяне, вообще говоря, отстали отъ тевтоновъ именно потому, что они имѣли слишкомъ рьяный духъ и, къ большой невыгодѣ, духъ односторонне развитый. Не было ни одного народа среди славянскихъ племенъ, въ коемъ бы всѣ стихіи гражданственной жизни соединились для построенія быта прочнаго, способнаго къ дальнѣйшему развитію. Въ каждомъ славянскомъ народѣ было только одно народное сословіе дѣйствующимъ; всѣ же другія были мертвыми, страдательными... Надежда оставалась на Польшу и Россію. Польша никогда не была государствомъ: она была тевтонизованная казачья община — энергическая, но сиротствующая стихія государственная! Поляки, по роженію своему, будучи храбрымъ славянскимъ казачествомъ, отреклись отъ своихъ родичей и, пресмыкаясь предъ тевтонами и Римомъ, втоптали въ землю свою меньшую братію, погребли навсегда городскій и сельскій бытъ своего простонародія: никогда и нигдѣ человѣчество не было столько презираемо и утѣняемо, какъ въ Польшѣ: съ нимъ погибла здѣсь основная стихія государственная. Европа никогда искренно не усыновила поляковъ: императоръ, раздавая титулы, считалъ ихъ вассалами; новорожденная Пруссія — будущею военною добычею; а папа погубилъ ихъ навсегда неумѣстною ревностію о своемъ владычествѣ. Польское дворянство осталось безъ народа, но съ изящными формами европейскаго вассала. Какой славный урокъ для славянскихъ племенъ...

„Чѣмъ болѣе порицаютъ насъ тевтоны, тѣмъ болѣе мы должны гордиться собою. Это значить, что мы не тевтонизованное ничто. Русская земля имѣетъ всѣ стихіи для образованія великаго государства и великаго народа. Перво-

---

кина далъ, наконецъ, Погодинъ въ „Изслѣд., замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи“, М. 1846, т. II, стр. 198—211.

¹⁾ Подразумѣвается Атилла, который со временъ Венециана считался въ школахъ славянскимъ или даже прямо русскимъ царемъ.

²⁾ На языкѣ Морощкина это значить: казачьими.

начально, эти стихии были разбросаны по всему пространству русской земли, и ни одна из них сама по себе не была достаточна для основанія государства... Киевская Россія начинаетъ соединять стихии разнородныя: здѣсь является казакъ и селянинъ. Но казакъ ¹⁾ забилъ бы селянина въ Россіи, еслибъ Киевъ остался навсегда столицею государства... Діаметрально противоположенъ казачеству юга великій Новгородъ съ его колоніями и факторіями: народъ смердъ, торгашъ и плотникъ; народъ упорный, закостѣлый (?) въ сознаніи своей личности и въ любви къ отечеству. И здѣсь тоже не могло образоваться государство, недоставало благороднѣйшихъ стихій народныхъ. Искони разумный Новгородъ нуждался въ воинскихъ дружинахъ варяговъ и киевскихъ князей, искони дружины русскія нуждались въ жалованьѣ Новгорода. Изъ этого образовался союзъ русской земли, сперва по условію, а потомъ вѣчный, безусловный: Новгородъ поддался Москвѣ. Москва основана въ землѣ рязанскихъ вятичей, на безразличномъ пунктѣ всей Россіи: въ ней пресѣкаются всѣ стихіи русской земли: здѣсь граница Киева, Новгорода и Рязани; здѣсь лагеря, базары и деревни. Трудно сказать: какая стихія сильнѣе въ московской Россіи, Новгородская или Рязанско-Киевская? Здѣсь на огромномъ пьедесталѣ мужественнѣйшаго, несокрушимаго простонародія возвышается колоссальный бюстъ военной дружины. Никакая Европа не въ состояніи сдвинуть съ мѣста этого дивнаго созданія вѣковъ. Москва есть Кремль всего славянскаго міра. Напрасно думаютъ утвердить гдѣ-нибудь славянскую національность безъ покровительства Московин. Судьба на выборъ славянамъ отдала одно изъ двухъ: быть русскими — или быть славянами Европы, т.-е. страдальцами, захребетниками Европы, подъ властью чужеземниковъ; третье невозможно. Но да не чуждается сердце славянъ имени русскаго: имя Россовъ есть древнѣйшее, общее имя всѣхъ славянъ, при первомъ поселеніи ихъ въ Европѣ“ ²⁾...

Странно встрѣтить это разсужденіе среди фантастическихъ блужданій автора въ мнимо-славянской древности. Кромѣ послѣдняго замѣчанія объ имени руссовъ, это изложеніе ничѣмъ не связано съ „историко-критическими изслѣдованіями“ и ничѣмъ въ нихъ не доказывается и не поддерживается; но эта совершенно одиночная, случайно высказанная программа любопытна, какъ почти единственное изложеніе народно-политическихъ идеаловъ Венелинской школы; исторически связанное съ славянофильствомъ и его предвѣряющее. Эта программа носитъ на себѣ печать философско-историческихъ построеній того времени: она по своему закруглена, но, какъ потомъ у славянофиловъ, выводы черезъ-чуръ шире основаній. Не говоря о томъ, дѣйствительно ли Россія есть родина и колыбель славянскихъ народовъ, и (еслибы это и было вѣрно) доказывается ли этимъ будущая роль Россіи въ славянствѣ, тысячелѣтняя исторія славянства прошла отдѣльно отъ Россіи и выработала себѣ не только бытовья отличія, но и рѣзко выдающееся чувство своей личности. Это чувство вошло въ плоть и кровь современныхъ славянъ, и послѣдніе

¹⁾ Казакъ отождествляется у Морошкина съ воинственнымъ дворянствомъ, какъ въ Польшѣ, съ которой онъ и сравниваетъ киевское государство.

²⁾ Историко-критич. изслѣдованія, стр. 118—121.

не хотять „быть русскими“, затеряться въ Россіи съ потерей своего индивидуальнаго характера,—или Россія должна измѣниться, стать иною, для того, чтобы сліяніе могло совершиться безъ насилія для частныхъ народностей, всегда бѣдственнаго и для нихъ оскорбительнаго. Для „слиянія“ недостаточно того, что было тысячу лѣтъ назадъ (если положить, что было); *теперь* оно требовало бы условий, отвѣчающихъ *нынѣшнему* историческому положенію. Нужно, чтобы „слияніе“ являлось высокимъ нравственно-политическимъ идеаломъ,— для того, чтобы народы могли быть привлечены къ нему доброю волей; одна внѣшняя сила создала бы только тамерлановскую имперію, которая не даетъ славы и могущество которой недолговѣчно. Программа Морошкина говоритъ, правда, о славянской цивилизаціи и о наслѣдничествѣ во всемірной исторіи; но то и другое — гадательныя величины, съ которыми трудно рѣшать историческое будущее. Возвращеніе жизни отъ Запада къ Востоку, наступленіе новаго міра и выпрепннй полетъ славянскаго духа принадлежать къ прориданіямъ... Западъ привлекалъ и привлекаетъ славянство многоразличнымъ образомъ — не только силой, на которую можетъ отвѣчать сила, но и могущественнымъ вліяніемъ дѣйствительной образованности, небывалымъ развитіемъ научнаго знанія и культуры, — и это вліяніе Россія могла бы перевѣсить только дѣятельнымъ вступленіемъ на тотъ же путь, свободнымъ и широкимъ развитіемъ ея народно-общественныхъ силъ,—но именно этого до сихъ поръ еще нѣтъ.

Савельевъ-Ростиславичъ применилъ къ пророчествамъ Морошкина: „Да, внутреннее скрѣпленіе русскаго славянскаго племени *православіемъ* истины христіанства, а потомъ освобожденіе отъ ига, и обновленіе *православнаго царства* русскаго *самодержавнымъ* единствомъ воли царя и *народностію*, сосредоточенною въ *любви* къ *Россіи* — „Дому Пресвятыя Богородицы“, и къ царю — *отцу* своихъ подданныхъ, есть великій урокъ для нашихъ славянскихъ братій и для всего міра“ ¹⁾. Онъ заключаетъ пророчествомъ Даніила (II, 44): „возставитъ Богъ Небесный Царство, еже во вѣки не разсыплется“ и пр.

Въ то время, когда дѣлались первые опыты систематической постановки русской этнографіи, параллельное движеніе началось относительно народа южно-русскаго. Отличіе въ характерѣ народностей, въ ихъ исторіи, нравахъ, народно-поэтическихъ произведеніяхъ не допускало для великорусскихъ этнографовъ возможности ввести и южную Русь въ кругъ своихъ изученій; они потребовали мѣстныхъ дѣятелей и работы на мѣстѣ.

¹⁾ Слав. Сборникъ, стр. ССXXXIX.

Пробы новѣйшей малорусской литературы начинаются съ Котляревскаго, съ конца XVIII вѣка. Русское литературное движеніе издавна уже захватывало малорусскія силы, но родная рѣчь сохраняла всю свою привлекательность даже для тѣхъ малоруссовъ, которые давно втянулись въ русскую жизнь, и первыя попытки ввести малорусскій языкъ въ книгу имѣли чрезвычайный успѣхъ. Книжное преданіе, черезъ письменную дѣятельность на церковно-малорусскомъ и болѣе чистомъ народномъ языкѣ, какъ извѣстно теперь, тянулось съ XVI-го и до конца восемнадцатаго столѣтія и, наконецъ, нашло выраженіе въ формахъ новѣйшей литературы. Извѣстно также, что это новое появленіе малорусскаго языка въ книгѣ совпадало и имѣло внутреннія связи съ литературнымъ возрожденіемъ въ западномъ славянствѣ, въ частности съ движеніемъ галицкимъ; это послѣднее, окруженное тяжелыми политическими и общественными обстоятельствами, находило себѣ не малую нравственную опору въ нашей малорусской литературѣ, а впоследствии и само много послужило для изученія малорусской и вообще русской старины и народности. Галичь была старая русская земля, давно оторванная политически отъ коренныхъ русскихъ земель, гдѣ совершалось образованіе государства и основное историческое развитіе племени; эта земля долго еще была связана исторически съ южною Русью, и черезъ нее, книжно-церковною дѣятельностью во Львовѣ въ XVI—XVII вѣкахъ, принесла свой вкладъ и въ образованность, и литературу общерусскую. Племенная связь съ Галичемъ и старое книжное преданіе возрождались теперь черезъ малорусскую литературу. Сама южная Русь занимала такое великое мѣсто въ общей русской исторіи, ея населеніе составляло такой большой процентъ въ русскомъ народѣ, что изученіе ея представляло первостепенный интересъ историческій и этнографическій.

Историческое изученіе началось на мѣстѣ, въ самой Малороссіи, еще въ прошломъ столѣтіи, примыкая къ старымъ малорусскимъ лѣтописямъ. Труды этнографическіе и именно изученіе народной поэзіи начинается книжкой кн. Н. А. Цертелева: „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“ (Спб. 1819).

Положеніе кн. Цертелева въ вопросѣ малорусской народной поэзіи похоже на положеніе Калайдовича при изданіи „Древнихъ Росс. стихотвореній“. Обычная шитика не давала мѣста для этихъ произведеній, и издатели не знали, какъ съ ними быть, какъ объяснить теоретически свои сочувствія къ ихъ красотамъ. Не проходитъ десяти лѣтъ, и Максимовичъ въ своемъ первомъ сборникѣ (1827 г.) уже съ увѣренностью говоритъ о важности народной поэзіи, съ той

точки зрѣнія, что она должна послужить для созданія истинно-русской поэзіи.

Интересъ къ предмету быстро возрасталъ. Въ книжкѣ Цертелева помѣщено было всего 10 пѣсенъ; въ первомъ сборникѣ Максимовича уже 130; въ 1834 г. онъ опредѣлялъ свое собраніе уже до 2^{1/2} тысячъ пѣсенъ; въ 1849 онъ издалъ третій сборникъ. Это не былъ результатъ только его личнаго труда: было уже много любителей, сообщавшихъ ему пѣсни, и въ числѣ ихъ онъ, кромѣ кн. Цертелева, называетъ (въ 1834 г.) еще Гоголя, Срезневскаго, Шпигоцкаго, Крамаренка, Бодянскаго и другихъ.

Въ эти же годы Срезневскій началъ изданіе „Запорожской Старины“ (1833—1838). Онъ былъ еще юношей, романтически восторгался малорусской историко-поэтической стариной, печаталъ въ своемъ сборникѣ думы, пѣсни, преданія, отрывки изъ лѣтописей и собственные историческіе пересказы. „Запорожская Старина“ доставила Срезневскому его первую извѣстность знатока южно-русскихъ народныхъ преданій и поэзіи, книжки были интересны; но на этихъ изданіяхъ особенно сказалось, что пора строго-научнаго метода еще не пришла. Въ изданіе Срезневскаго попало нѣсколько поддѣльныхъ думъ,—какъ въ тѣ же годы поддѣлки нашли мѣсто въ изданіяхъ Сахарова; но книга, и самыя поддѣлки, исполненныя здѣсь иногда весьма искусно по своему времени, свидѣтельствовали о тепломъ интересѣ къ старинѣ, которая рисовалась тогда не въ чисто народномъ, и не въ научномъ освѣщеніи, а въ окраскѣ патріотическаго романтизма.

Самой грандіозной поддѣлкой была въ новѣйшей малорусской литературѣ „Исторія Русовъ“, составленная какимъ-то любителемъ или любителями малорусской старины и приписанная Георгію Конискому. Какъ и думы Срезневскаго, она долго считалась подлиннымъ сочиненіемъ извѣстнаго архіепископа бѣлорусскаго, и только недавно ея подложность всѣми признана. „Исторія Русовъ“ остается, однако, замѣчательнымъ сочиненіемъ, характеризующимъ политическія стремленія извѣстнаго круга малорусскихъ патріотовъ первой четверти столѣтія.

Въ другомъ мѣстѣ мы подробно остановимся на трудахъ Срезневскаго, Максимовича, Метлинскаго, Бодянскаго, Костомарова, Кулиша и проч. по изученію малорусской народной жизни, старой и современной,—трудахъ, главное развитіе которыхъ принадлежитъ уже слѣдующему періоду. Довольно пока сказать, что, начиная съ кн. Цертелева, изученіе малорусскаго народа все расширяется на почвѣ чисто-этнографической; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно переходитъ и на почву литературную какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкѣ; общество знакомится ближе съ однимъ изъ элементовъ рус-

ской національности, который начинает выясняться въ общественномъ сознаніи и получать историческое опредѣленіе. Разработка малорусской старины вызвала различные вопросы по исторіи русской національности: такъ, былъ поднятъ вопросъ о сравнительной давности племенъ великорусскаго и малорусскаго и ихъ взаимномъ отношеніи, о давности малорусскаго нарѣчія, о томъ, кѣмъ совершаема была древняя исторія кievскаго періода, великоруссами или малоруссами (одно мнѣніе защищаль Погодинъ, другое Максимовичъ), и т. п. Наконецъ, какъ было уже замѣчено нѣкоторыми наблюдателями, не случайно было то явленіе, что наши первые слависты были или малоруссы родомъ, или люди, обжившіеся въ Малороссіи и привязавшіеся къ ея изученію: таковы были Срезневскій, Бодянскій, Григоровичъ, Костомаровъ (какъ авторъ „Славянской Мифологіи“), Пассекъ.

Малорусская литература не пользовалась сочувствіемъ въ кругѣ Бѣлинскаго. Самъ Бѣлинскій очень недружелюбно отзывался о первыхъ произведеніяхъ Шевченка, которыя приводили въ восторгъ критиковъ малорусскихъ; враждебно отнесся даже къ историческому изслѣдованію Костомарова о русской и малорусской народной поэзіи; считалъ все движеніе ложнымъ и ненужнымъ. Этотъ взглядъ имѣеть историческое объясненіе въ томъ, что первой необходимостью для нашего общественнаго образованія тотъ кругъ считалъ усвоеніе основныхъ прогрессивныхъ понятій, между тѣмъ какъ малорусская литература, тѣсно привязанная къ своимъ этнографическимъ источникамъ, или оставалась имъ совершенно чужда, отражая на себѣ консерватизмъ народной жизни, или имѣла къ нимъ слишкомъ далекое и мало видное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ малорусское движеніе вступало тогда въ литературные союзы, которые способны были внушать большія сомнѣнія: таковъ былъ союзъ съ „Маякомъ“, какъ потомъ и оказалось, не совсѣмъ отвѣчавшій мнѣніямъ молодыхъ украинофиловъ, но тѣмъ не менѣе внѣшнимъ образомъ существовавшій. Бѣлинскому не могло быть сочувственно это совпаденіе, и онъ могъ думать, что народность, защищаемая украинофилами, есть та же юридическая народность, за которую ратовалъ „Маякъ“ съ его нелѣпыми ухватками. Содержаніе малорусской литературы давало также поводъ къ этому смѣшенію, потому что въ своихъ народноромантическихъ увлеченіяхъ восхищались народностью безъ всякихъ оговорокъ, не удѣляя мѣста для высшихъ теоретическихъ интересовъ и восхищаясь даже чисто внѣшними принадлежностями народности, что въ самой русской литературѣ было уже давно пересолено и обозначалось названіемъ кваснаго патріотизма. Настоящій характеръ малорусскаго движенія выяснился только позднѣе, когда понятія, лежавшія въ его основаніи, стали опредѣленнѣе и глубже: отношеніе къ нему въ рус-

свой литературѣ также измѣнилось; его друзья оказались въ болѣе либеральной части литературы, а враги—между новѣйшими продолжателями „Маяка“.

Чтобы оцѣнить состояніе народныхъ изученій въ описываемую эпоху, ихъ недостатки и ихъ пріобрѣтенія, необходимо принять въ соображеніе внѣшнее ихъ положеніе, ихъ общественную и официальную обстановку.

Общественная мысль съ начала Николаевскихъ временъ была въ состояніи крайней подавленности. Катастрофа, обрушившаяся на либеральный кружокъ Александровскаго времени, изгнала изъ обращенія цѣлый разрядъ идей и стремленій, предметомъ которыхъ было исправленіе общественныхъ недостатковъ и возвышеніе общественнаго сознанія. Слабые проблески движенія оказывались только въ литературѣ: наибольшая доля ея служила элементарнымъ книжнымъ потребностямъ общества въ духѣ господствовавшего настроенія; лишь меньшая доля будила общественную мысль, дѣйствуя на сравнительно небольшую часть общества. Правда, въ этой долѣ литературы шла усиленная работа, которая потомъ отразилась новыми успѣхами общественной мысли; но въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и еще сороковыхъ годахъ, эта мысль была контрабандой ¹⁾, а большинство пребывало въ китайской самодовольной неподвижности, отличаясь „беззаботностью на счетъ литературы“. Рядомъ съ слабостью образовательнаго интереса въ обществѣ шла и слабость научныхъ средствъ. Въ ту эпоху, когда подготовлялись дѣятели этнографіи отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ, въ наукѣ университетской, которая владѣла еще нѣкоторыми учеными силами, для этого изученія не было мѣста; въ словесности, напр., по проживавшимъ еще теоріямъ Баттѣ, Лагарпа, Блера, Эшенбурга, не было мѣста для народной поэзіи; въ исторіи не было мѣста для вопросовъ, которые вели къ внимательному изученію народнаго преданія и обычая; этнографія, какъ наука, еще не подозрѣвалась; новыя славянскія литературы, которыя такъ много опирались на изученія народности и подвигали ихъ, были едва извѣстны по имени. Но зарождавшееся сознаніе, примѣръ европейской литературы оказывали свое дѣйствіе; изученія начинались, но оставались еще на рукахъ любителей, мало или совсѣмъ не приготовленныхъ. Авторитетомъ въ русской этнографіи и археологіи дѣлается профессоръ латинскаго языка и цензоръ, Снегиревъ; другимъ

¹⁾ Укажемъ, напр., воспоминанія о той эпохѣ покойнаго Заблоцкаго, приведенныя въ его некрологѣ, „Вѣстн. Евр.“ 1882, и современный дневникъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Никитенка, въ „Р. Старинѣ“, 1889—90: наконецъ массу фактовъ представляетъ исторія тогдашней литературы вообще.

—плохо ученый почтовый врачъ, Сахаровъ; славу знатока народности приобрѣтаетъ бывалый челоуѣкъ, талантливый, но не имѣвшій научной подготовки въ этнографіи, врачъ и министерскій чиновникъ, Даль; описателемъ народнаго быта является еще менѣе приготовленный и очень поверхностный писатель, чиновникъ Терещенко; знатокъ малорусской этнографіи вырабатывается изъ ботаника, — Максимовичъ; клерикальные защитники народности являются изъ моряковъ. Даже люди, какъ Надеждинъ, который былъ даже большимъ ученымъ, не были въ этнографіи настоящими специалистами ¹⁾. Словомъ, большинство были чистые самоучки, и въ параллель этому тогдашняя критика не замѣчала грубыхъ ошибокъ, какія встрѣчались нерѣдко въ ихъ трудахъ. Самая публика была еще менѣе требовательна, и этнографы не трудились выработать методъ, справляться съ европейскими изслѣдованіями, которыя, однако, уже съ двадцатыхъ годовъ поставили этнографію въ тѣсную связь съ сравнительнымъ языковеденіемъ, мифологіей и исторіей. Относительно метода, Сахаровъ и въ пятидесятыхъ годахъ остался такимъ же невѣждой, какъ былъ въ тридцатыхъ; университетскій профессоръ Морошкинъ въ сороковыхъ годахъ считалъ возможнымъ „старинный методъ“, который былъ филологическимъ абсурдомъ... Серьезная постановка дѣла наступила только съ новымъ поколѣніемъ ученыхъ, которые приняли руководство европейской науки; черезъ нихъ болѣе правильныя понятія о дѣлѣ распространились и между этнографами-любителями и собирателями.

Свойства времени, да и характеръ большинства самихъ изыскателей не способствовали ни научно глубокой, ни въ общественномъ смыслѣ правдивой постановкѣ вопроса о народномъ бытѣ. Въ большинствѣ, это были люди, которые не задавали себѣ вопроса о по-

¹⁾ Савельевъ-Ростиславичъ задалъ однажды подобный вопросъ о томъ, кѣмъ велось въ его время изученіе русской исторіи. Оказалось, что „наука исторіи не находитъ своихъ ревнителей между тѣми, которые величаютъ себя официальными жрецами науки“, а что, напр., Кормчюю книгу объясняетъ вѣмецъ, чиновникъ II отдѣленія (баронъ Розенкампфъ), бѣлорусскій архивъ печатаетъ протоіерей лейбъ-гвардіи финляндскаго полка (Григоровичъ), въ славянскій исторіи оказываетъ великія заслуги медикъ (Венелянъ), „Оборону русской лѣтописи“ составляетъ членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ (Бутковъ), научную нумизматику создаетъ московскій предводитель дворянства (Чертковъ), Литву объясняетъ столоначальникъ въ управленіи путей сообщенія (Боричевскій), достовѣрность ханскихъ ярлыковъ доказываетъ чиновникъ при редакціи журнала мин. внутр. дѣлъ (Григорьевъ), древнія торговля сношенія съ Азіей розыскиваетъ секретарь комитета иностранной цензуры (П. С. Савельевъ) и т. д. „Все эти особы не принадлежатъ къ почтенному сословію профессоровъ русской исторіи въ нашихъ университетахъ“. Слав. Сборникъ, стр. CLXXI — CLXXIII. Трудамъ настоящихъ профессоровъ того времени (какъ Погодинъ, Устряловъ) Савельевъ не придавалъ большой цѣны.

ложеніи вещей, вѣрили (или дѣлали видъ, что вѣрятъ), что проживаютъ въ наилучшемъ изъ міровъ, возставали противъ новыхъ стремленій общественной мысли, были равнодушны или враждебны къ идеямъ общечеловѣческаго просвѣщенія—философскаго, художественнаго и общественнаго, въ которыхъ видѣли вольнодумство и „не-русское“ направленіе. Біографъ Снегирева рассказываетъ, напр., что „въ душевныхъ разговорахъ съ религіозными людьми онъ бесѣдовалъ о духѣ времени, о своеобразіи и вольнодумствѣ общества, не обузданнаго *страхомъ*“ и „не потворствовалъ либеральнымъ тенденціямъ писателей“. По поводу того, что литераторы петербургскіе враждовали съ московскими (въ 1830-хъ годахъ), Снегиревъ замѣчаетъ въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, что „такое раздѣленіе не сообразно съ духомъ единодержавнаго и благотворнаго правительства“... ¹⁾ Идеалистическія попопзновенія подобныхъ изыскателей народности оканчивались мудрствованіями „Маяка“.

Взаимныя отношенія между учеными людьми, этнографами и археологами, представляли слишкомъ часто некрасивую картину мелочной вражды и завистливаго соперничества, которая не свидѣтельствовала о возвышенности научнаго интереса. Работы, и въ этнографіи, и въ археологіи, было безъ конца. Нужно было собирать народно-бытовой матеріалъ, приводить въ извѣстность массы неописанныхъ рукописей и т. п.: дѣла было на многіе десятки человѣческихъ жизней,—но выше этого стояли мелкія самолюбія. „Дивлюсь политикѣ гг. Малиновскаго и Оленина,—пишетъ Снегиревъ,—политикѣ, которая подъ спудомъ таитъ свѣтильники, коими могли бы они озарить мракъ отечественной древности. Первый дошелъ до того, что боится объ описываемой имъ Москвѣ говорить при постороннихъ, особливо при ученыхъ, дабы они чего не выманили у него“. Снегиревъ изображаетъ Малиновскаго „эгоистомъ, сидящимъ на кучахъ матеріаловъ и не позволяющимъ другимъ ими пользоваться“ ²⁾. Ученые этого сорта не составляютъ рѣдкости въ исторіи нашей науки: но ученая слава Малиновскаго была обратно пропорціональна богатствамъ, какими онъ распоряжался. Переписка нѣсколькихъ археологовъ, изданная недавно г. Барсуковымъ, представляетъ къ сожалѣнію обильные примѣры взаимнаго недружелюбія и завистничества,—примѣры, доходящіе до возмутительности: такова переписка Кубарева съ Сахаровымъ по поводу цензурной исторіи, которая страслась въ 1848—49 г. надъ Бодянскимъ и издававшимися

¹⁾ Изв. Мих. Снегиревъ, стр. 58, 65, 117, 228.

²⁾ Тамъ же, стр. 104—106. Малиновскій начальствовалъ надъ московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; Оленинъ былъ директоромъ Публичной бібліотеки.

подъ его редакціей „Чтеніями“ московскаго Общества исторіи и древностей, вслѣдствіе того, что Бодянскій напечаталъ въ нихъ переводъ англійской книги XVI вѣка о Россіи, Флетчера. Самое напечатаніе этой книги, одного изъ любопытнѣйшихъ старыхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, было преступленіемъ въ глазахъ ученыхъ обскурантовъ ¹⁾. Мудрено было ожидать широкаго и свѣтлаго научнаго взгляда отъ людей, которымъ невразумительно было значеніе исторіи, обрушившейся надъ Бодянскимъ. Книжное превознесеніе народности не мѣшало въ тѣ годы ученому этнографу становиться въ положеніе не изыскателя, а сыщика и шпіона. Въ „Маякѣ“ проповѣдники народности, хотя преклонявшіеся предъ Петромъ Великимъ, думали, что народность несоединима съ „западнымъ“ образованіемъ, не видѣли связи, соединявшей лучшую часть тогдашней литературы съ дѣйствительнымъ народнымъ вопросомъ, полагали народность въ грубо консервативномъ самохвальствѣ и радовались, что цензура держитъ писателей въ ежовыхъ рукавицахъ...

Тогдашнія обычныя изображенія народнаго быта говорили о народныхъ преданіяхъ, обрядахъ, пѣсняхъ, патриархальныхъ нравахъ, о приверженности къ старинѣ, вѣрѣ и престолу, но совершенно обходили реальный бытъ, крѣпостное состояніе; если упоминалось послѣднее, то въ видѣ идиллической картины благоденствующихъ „мужичковъ“. Господствующій тонъ было слащавое восхваленіе, параллельное съ чиновническимъ „все обстоитъ благополучно“; „ученое“ изображеніе народной жизни дополняло картину благополучія.

Такова была подкладка тогдашнихъ изученій, и безпристрастный историкъ весьма ограничить свои требованія, если вспомнить господствующія условія тогдашней общественности.

Въ царствованіе имп. Николая продолжалась традиція Священнаго Союза. Программа „народности“, какъ она была тогда поставлена, въ сущности была совершенно согласна съ этой традиціей; „народность“ должна была только усилить реакціонный смыслъ господствовавшей правительственной системы; она говорила: нашъ народъ не имѣетъ ничего общаго съ западомъ Европы, и тѣмъ мѣнѣе съ гнѣздившимися тамъ превратными политическими идеями. Этой антипатіей къ западу, представленіемъ о неподвижномъ консерватизмѣ русскаго народа, поощреніемъ національнаго самомнѣнія, официальная программа совершенно удовлетворяла то большинство, которое не гналось за науками и довольно было привилегіями крѣпостнаго права; она имѣла много общаго съ самымъ славянофиль-

¹⁾ Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ, стр. 62—63, 69—72. Укажемъ еще на письма Снегирева къ Анастасевичу, въ „Древней и Новой Россіи“, 1830, ноябрь; ср. о томъ же дневникъ Нивитенка, Р. Старина, 1890, февраль.

ствомъ. Административные практики не любили въ славянофилахъ теоретиковъ, которые слишкомъ далеко вели свою привязанность къ старинѣ и наконецъ отыскиали тамъ поводы къ отрицанію господствующаго порядка вещей. Но положительное недовѣріе и подозрѣніе возбуждали люди либеральныхъ мнѣній, которые имѣли явную наклонность къ европейскимъ идеямъ.

Взглядъ административной практики на литературу и движеніе, въ ней происходившее, выразился исторіей тогдашней цензуры. Довольно извѣстно, какимъ тяжкимъ бременемъ она лежала на литературѣ, и мы напомнимъ лишь нѣсколько фактовъ, относящихся къ историко-этнографическимъ изслѣдованіямъ. Повидимому, можно было бы ожидать къ послѣднимъ особаго вниманія, когда официально была провозглашена „народность“; на дѣлѣ оказалось, что народность официальная смотрѣла весьма недовѣрчиво на дѣйствительные интересы къ народу.

Изученіе народа, самая исторія давно внушали административнымъ практикамъ недовѣріе, какъ вещь не безопасная. Извѣстно, что самая „Исторія государства Россійскаго“ подвергалась цензурнымъ придиркамъ, пока не была защищена отъ нихъ высочайшей властью. Извѣстно, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ дошелъ въ послѣдніе годы Александра I Магницкій съ братією. Въ перепискѣ кн. Голицына съ архимандритомъ Фотіемъ ¹⁾, первый, въ задушевной бесѣдѣ съ предавшимъ его вскорѣ св. отцомъ и другомъ, высказываетъ подозрѣніе относительно знаменитаго митрополита Евгенія по случаю его „частыхъ сношеній съ учеными“. И этотъ князь Голицынъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія! Въ самомъ обществѣ было столько невѣжества и свойственной невѣжеству вражды къ просвѣщенію, что не удивительно, если и власть заражалась тѣмъ же, или находила столько усердныхъ слугъ на этомъ поприщѣ. Печать считалась только вообще терпимымъ зломъ, относительно котораго должны быть принимаемы самыя строгія предосторожности

Въ дневникѣ Снегирева есть любопытный эпизодъ, который весьма характерно изображаетъ положеніе литературы и даетъ разгадку официально провозглашенной „народности“.

Въ августѣ 1832 г., былъ въ Москвѣ министръ народнаго просвѣщенія. На приемѣ,—разсказываетъ Снегиревъ,—съ иностранными профессорами и лекторами университета онъ обошелся отъѣнно ласково, по-нѣмецки говорилъ хорошо, а въ русскомъ затруднялся:

¹⁾ Р. Старина, 1882.

„Въ засѣданіи цензурнаго комитета Уваровъ явился не такимъ мягкимъ. Онъ объявилъ, что государь недоволенъ пропускомъ въ № 3 „Телескопа“ выраженій, вставленныхъ отъ себя переводчикомъ; а этихъ словъ нѣтъ во французскомъ журналѣ, изъ котораго переведена статья ¹⁾. Онъ находилъ (это) неприличнымъ и грубымъ, сказавъ, что „стояло бы запретить сей журналъ, но правительство не хочетъ показывать, что оно боится недѣльныхъ изданій и не требуетъ себѣ похвалъ. Если должно выбрать меньшее зло, то пусть лучше мараютъ бѣдную литературу и бранятся литераторы, чѣмъ трогать правительство пустыми выказками. Нельзя служить двумъ господамъ, посему нельзя быть вмѣстѣ профессоромъ и журналистомъ, или то, или другое надобно выбрать Надеждину, которому въ послѣдній разъ прощается, такъ равно и цензору Цвѣтаеву, который весьма неосторожно поступилъ и вѣрно обмануть былъ издателемъ, который увѣрилъ его, что подлинникъ перевода пропущенъ петербургскою цензурою. Государь читаетъ всѣ журналы съ отмѣтками; за строгость не столько отвѣтитъ цензоръ, сколько за слабость. Жалобы на него будутъ недѣйствительны; при затруднительности дѣлъ онъ подверженъ отвѣтственности, особливо въ уголовной статьѣ, какова помѣщена въ Телескопѣ у профессора Московскаго университета. Это послѣднее снисхожденіе; „я такихъ правилъ,—примолвилъ графъ Уваровъ, — что если раздавить, то такъ, чтобы слѣда не осталось! Впрочемъ, не съ тѣмъ принялъ я на себя порученіе отъ государя, чтобы разить, но съ тѣмъ, чтобы очистить замаранный (?) университетъ предъ глазами государя и исходатайствовать его милости“. Мы благодарили, и я примолвилъ, что мы много отъ него и ожидали. Послѣ сего онъ сдѣлалъ легкое замѣчаніе Двигубскому за пропускъ статьи о дворянствѣ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“. „Политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные,—сказалъ онъ, — подобно христіанской религіи (!); у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право;—зачѣмъ ихъ касаться, когда они, къ счастью Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою“. „Послѣ сего поручилъ попечителю Голохвастову внушить сіе Надеждину и предписать ему выбрать быть профессоромъ или журналистомъ, угождать гостинному ряду и своей ватагѣ или правительству (?), отъ коего онъ зависитъ“. „Скажите,—примолвилъ онъ Цвѣтаеву,—чтобы онъ не думалъ, будто я мишу ему за академію наукъ ²⁾: пусть онъ ругаетъ и меня и ее: это ничего не значить. „И такъ, проговоривъ часа два, Уваровъ раскланялся съ нами“ ³⁾.

Прибавимъ кстатѣ, что самъ Снегиревъ, „при всей своей опытности и осмотрительности“ и при упомянутомъ выше отношеніи къ либеральнымъ идеямъ, не избѣгъ кары отъ начальства за цензурный недосмотръ и даже потерялъ службу. Поводъ былъ слѣдующій.

¹⁾ О какой статьѣ „Телескопа“ идетъ здѣсь рѣчь, не знаемъ. Въ № 3 помѣщены: „Тиролецъ“—изъ *Revue de Paris*; „Поэты самоучки въ Англіи“—изъ *Revue des deux Mondes*.

²⁾ Статья объ Академіи, возбуждавшая негодованіе министра, есть, конечно, статья „о первой раздачѣ Демидовскихъ наградъ С.-Петербургской Академіей наукъ“, *Телеск.* 1832, т. II (или съ начала изданія т. VIII), стр. 543 — 554, и обозначенная: „сообщено“ (къмъ?): статья весьма разумная и приличная, и которая могла быть непротивна президенту Академіи только по независимости своихъ сужденій.

³⁾ Ив. Мих. Снегиревъ, стр. 113—115.

Въ 1855 г., ожидался столѣтній юбилей московскаго университета; къ торжественному празднику готовились разныя ученныя изданія, и между прочимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ печатался очеркъ исторіи университетской типографіи; здѣсь сказано было о дѣятельности Новикова, и этого было достаточно, чтобы пропустившему статью Снегиреву предложено было подать въ отставку ¹⁾. Такъ долго нельзя было исторіи коснуться Новикова; такъ сильно было положенное на него заклятіе!

Изъ приведеннаго наставленія московскому цензурному вѣдомству можно видѣть совершенно ясно, какаго рода „народность“ разумѣлась въ извѣстной формулѣ. Взгляды цензурнаго начальства не преминули оказывать свое дѣйствіе. Крестьянскій вопросъ, о которомъ была еще нѣкоторая возможность говорить при Александрѣ I, былъ теперь совсѣмъ закрытъ для литературы, и общественная мысль по этому предмету высказывалась лишь отдаленными намеками, которые читатель долженъ былъ отгадывать, и—отгадывалъ. Съ другой стороны Третье отдѣленіе, также мѣшавшееся въ цензуру, подняло разъ тревогу даже изъ-за газетной статьи объ освобожденіи негровъ. Все отношеніе литературы къ настоящему положенію народа должно было сообразоваться съ формулой—„обстоятъ благополучно“: „народность“ являлась въ книжномъ изображеніи какъ на осмотрѣ къ начальству, приглаженной и благоденствующей. Выше мы видѣли примѣры того, съ какими неодолимыми препятствіями встрѣчались самыя смиренныя труды этнографовъ. Сахаровъ, какъ говорятъ, подвергся самымъ неблагополучнымъ угрозамъ и съ перепугу принялся оправдывать древнихъ славянъ отъ „позорной язвы многобожія и тайныхъ сказаній“. Это было въ началѣ періода „народности“, а въ концѣ, въ пятидесятихъ годахъ, членъ высшаго ученаго учрежденія имперіи, раздѣлявшій взгляды администраціи, находилъ зловреднымъ Далеево собраніе пословиць (и не былъ опровергнутъ своими учеными членами!), а цензура считала нужнымъ выбросить изъ него около цѣлой четверти (т.-е. около 8,000 пословиць!).

Въ 1844 г., Петръ Кирѣевскій задумалъ издать свое богатое собраніе пѣсенъ; надо было обратиться къ цензурѣ,—и любопытно читать совѣты, какіе подаетъ ему при этомъ случаѣ братъ его И. В. Кирѣевскій, чтобы обезпечить пропускъ пѣсенъ. „Если министръ будетъ

¹⁾ „И хотя,—разсказываетъ биографъ,—самъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ лично выражалъ Снегиреву свое мнѣніе о его благонамѣренности, а министръ внутр. дѣлъ Д. Г. Бибиковъ признавалъ его заслуги за содѣйствіе къ уменьшенію раскола, и генералъ-губернаторъ гр. Закревскій ходатайствовалъ... — ничто не помогло, и 15 февр. 1855 года Снегиревъ былъ уволенъ *по прошенію* отъ службы“ (Ив. Мих. Снег., стр. 157—158).

въ Москвѣ,—пишетъ онъ,—то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы въ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ—это не мѣшаетъ. Главное, на чемъ основываться, это то, что пѣсни—*народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевоициковъ надъ погодою.—Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя тѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ“¹⁾. Чтобы издавать русскія пѣсни, надо было впередъ запасаться оправданіями и ссылками на ту же Европу...

Въ 1848 г., Бодянский, профессоръ университета, секретарь Московскаго Общества исторіи и древностей, и редакторъ его „Чтеній“, выказавшій въ этомъ качествѣ, особенно въ тѣ годы, по-истинѣ замѣчательную дѣятельность, между множествомъ другого матеріала по старой русской исторіи помѣстилъ въ „Чтеніяхъ“ переводъ книги Флетчера о Россіи временъ Ивана Грознаго, сдѣланный тогда Калачовымъ. Флетчеръ навлекъ цѣлую бурю и на Общество, и на Бодянскаго. Книга была запрещена, нѣсколько разошедшихся по рукамъ экземпляровъ отобраны; цензуrowаніе самимъ Обществомъ своихъ изданій признано противозаконнымъ; Бодянский потерялъ и профессуру въ университетѣ, и вмѣсто секретаря и редактора въ Обществѣ²⁾. Листы перевода Флетчера, вырѣзанные изъ книги „Чтеній“, были опечатаны, въ этомъ видѣ они и донынѣ лежатъ въ кладовой московскаго университета.

Въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ Костомаровъ напечаталъ въ Харьковѣ магистерскую диссертацию объ уни. Вопросъ былъ поставленъ съ нѣкоторою самостоятельностью. Этого было достаточно для блюстителей официальной исторической нравственности, и диссертация Костомарова, послѣ разбора ея Устряловымъ, была конфискована и истреблена. Вскорѣ самъ Устряловъ подвергся такимъ же изобличеніямъ въ донесеніи кн. Вяземскаго,—какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

Въ концѣ концовъ, и гр. Уварову привелось испытать неудобства

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Москва, 1861, т. I, біографія, стр. 93.

²⁾ Подробности въ статьѣ Н. А. Попова, „Русская Старина“, 1879, ноябрь, стр. 475—480; „Русскіе палеологи“, Барсукова, стр. 68—69; „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“, Спб., въ тап. морск. минист., стр. 60—61.

этой системы, доведенной до послѣдняго предѣла въ такъ называемомъ комитетѣ 2-го апрѣля (1848 г.) или „негласномъ комитетѣ“ ¹⁾.

Къ концу царствованія императора Николая, подъ впечатлѣніемъ событій европейскихъ, цензура все болѣе усиливалась вогнать литературу въ поставленныя для нея рамки; негласный комитетъ вмѣшивался въ цензурныя дѣла, добывалъ экстренныя запрещенія; III-е отдѣленіе грозило... Не оставалась нетронутой и область „народности“.

Понятіе „народности“ естественно вызывало мысль о единоплеменномъ славянствѣ, и мы видѣли, что „Маякъ“, съ величайшимъ усердіемъ присоединившійся къ программѣ министерства просвѣщенія, началъ говорить о славянствѣ древнемъ и современномъ. Болѣе серьезно стали заявлять славянскія сочувствія „Москвитянинъ“, мнѣнія котораго имѣли въ подкладкѣ не только идеальныя, но и политической панславизмъ, хотя ясно не высказанный. Между тѣмъ цензурное вѣдомство и другія сопредѣльныя съ нимъ власти нисколько не поощряли не только славянскихъ сочувствій, но даже сочувствій къ *русскимъ* единоплеменникамъ въ западномъ краѣ ²⁾. Такъ, въ 1841 году, въ цензуру представлено было стихотвореніе Хомякова „Кіевъ“, гдѣ перечисляются поклонники, сходящіеся къ его святынямъ; цензура выключила строфы, говорившія о сынахъ Волыни и Галича ³⁾. Относительно славянскихъ сочувствій министру народнаго просвѣщенія (тогда главѣ цензуры) дѣлались такія донесенія (1842): „Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности „Москвитянинъ“, приняли за особенную тему выставять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особая угнетенія (а они ихъ не терпѣли?), и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплеменнаго ига... Возбуждать участіе къ политическому поработенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности; и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эманципаціи—едва ли можно считать такую пропаганду не опасною“ ⁴⁾.

Это опять по программѣ „народности“, и сообразно съ этимъ

¹⁾ Истор. свѣдѣнія о цензурѣ, стр. 70—71.

²⁾ Впослѣдствіи, во всемъ этомъ винили „общество“.

³⁾ Мы вокругъ твоей святини

Всѣ съ любовью собраны...

Братцы, гдѣ жь сыны Волыни!

Галичь, гдѣ твои сыны? и проч.

Стихотвореніе Хомякова явилось тогда въ „Москвитянинѣ“ 1841, ч. III, кн. 5.

⁴⁾ Историч. свѣд. о цензурѣ, стр. 64—65.

Россіи вѣшалась въ концѣ этого періода въ австрійскія дѣла, чтобы „спасать Австрію“.

Старое недовѣріе къ славянофильству продолжалось, и въ 1852 г. подтверждено было отъ высшей власти, черезъ III-е отдѣленіе, чтобы „на представляемыя къ одобренію, для изданія въ свѣтъ, сочиненія въ духѣ славянофиловъ было обращено особенное и *строжайшее* вниманіе со стороны цензуры“¹⁾.

Наконецъ, опека распространялась на самыя произведенія народной словесности. Кирѣевскій заблуждался, думая, что цензура бессильна надъ этими произведеніями; въ 1853 г. цензура получила формальный приказъ отклонять пропускъ такихъ народныхъ преданій, которыми „нарушаются добрые нравы“ и „которыхъ сохранять въ народной памяти чрезъ печать нѣтъ никакой пользы“.— Запрещенія этого рода были повторяемы нѣсколько разъ, и цензура сама рѣшала, не спрашивая историковъ и этнографовъ, въ 1853, что напр.: „Наговоры (заговоры?) и волшебныя заклятія, какъ остатки *вреднаго суевѣрія*, не имѣющіе и *въ ученюмъ отношеніи* никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы въ печати, не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлію и предназначаемыхъ для образованнаго класса публики“²⁾. Упомянутыя сейчасъ распоряженія вызывались, между прочимъ, не иными поводами, какъ, напр., изслѣдованіями г. Буслаева, „Архивомъ“ Калачова. Такимъ образомъ благочиніе водворялось даже въ старинѣ, заднимъ числомъ: еслибы продолжалось это отношеніе къ народнымъ преданіямъ, исторія должна была обратиться въ такой же рапортъ о всеобщемъ благополучіи, какими изображалось настоящее. Исторія, чтобы явиться на свѣтъ Божій, также должна была подчищаться и подкрашиваться; а что уже никакъ не могло быть подкрашено, то совсѣмъ запрещалось. Таково распоряженіе 1854 г., по которому „сочиненія, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, *при всей благонамеренности* авторовъ и самыхъ статей ихъ, *неумѣстны* и оскорбительны для народнаго чувства (1), и оттого должны быть подвергаемы *строжайшему* цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ

¹⁾ Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862, стр. 282.

²⁾ Сборникъ постанов. и распор., стр. 188—289, 291, 294—297.

печатать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ“¹⁾).

Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, цензура получила приказаніе обратить особое вниманіе на статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ нихъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ: „Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ *патріотизма* (!), общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ, не благоразумнымъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть“²⁾). Трудно понять, какой поводъ и какую именно цѣль имѣло это распоряженіе (1847 г.). Наконецъ, цензора получили приказаніе—въ случаѣ, еслибы имъ представлены были на разсмотрѣніе сочиненія, обнаруживающія въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи направленіе, сообщать эти сочиненія, негласнымъ образомъ, въ III-е отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы послѣднее уже принимало свои мѣры³⁾).

При томъ пониманіи „народности“, которое обнаруживается изъ „негласныхъ“ разъясненій самой власти, понятно, что эта система не должна была особенно заботиться о народномъ образованіи и должна была относиться недовѣрчиво къ литературѣ, назначенной для народа. Еще въ 1834 г. Уваровъ предложилъ на обсужденіе главнаго управленія цензуры вопросъ, удобно ли распространять простонародную литературу. Главное управленіе пришло къ такому заключенію, что „приводить (т.-е. при посредствѣ литературы) низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оныя какъ бы въ состояніи напряженія (!), не только бесполезно, но и вредно“⁴⁾. Оно и было, пожалуй, вѣрно относительно крѣпостной массы: „вразумлять объ электричествѣ“ крѣпостного было бы насмѣшкой; но вѣдь были и миллионы некрѣпостныхъ?—Строгіе блюстители цензурныхъ принциповъ, въ 1855 году, напали, наконецъ, даже на бѣднаго, давнымъ-давно ходившаго въ дѣтскомъ и простонародномъ чтеніи „Конька-Горбунка“, нашедши въ немъ „прикосновеніе къ православной церкви, къ ея установленіямъ и къ постановленнымъ отъ правительства властямъ—представляются земскій судъ и городничій“ и т. д.; къ счастью, главное управленіе защитило „Конька Горбунка“⁵⁾).

1) Тамъ же, стр. 298.

2) Тамъ же, стр. 240.

3) Тамъ же, стр. 248.

4) Историч. свѣдѣн. о ценз., стр. 64.

5) Тамъ же, стр. 88.

Литература для народа не могла процвѣсть въ подобныхъ обстоятельствахъ. Императоръ Николай, который самъ находилъ время слѣдить за литературой, въ 1850 году обратилъ вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ цѣли. Министръ просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шихматовъ, представилъ докладъ объ этомъ предметѣ, гдѣ между прочимъ замѣчалъ, что въ простонародныхъ книгахъ долженъ быть употребляемъ церковный шрифтъ; но дѣло не подвинулось, и черезъ два года кн. Шихматовъ, на вопросъ предсѣдателя негласнаго комитета, не могъ указать ни на одинъ удачный опытъ сочиненія для простонароднаго чтенія ¹⁾.

Въ концѣ концовъ, система „народности“, примѣненная къ просвѣщенію, дала за пятнадцать лѣтъ 1833—1848, изумительный результатъ—*пониженіе* литературной производительности вообще ²⁾, и въ частности уменьшеніе числа сочиненій по теоріи словесности и искусствъ, по философіи и отечественной исторіи.

Таковы были условія, въ которыхъ, во имя „народности“, существовала литература и совершались изученія самой народности. Не сваливая дѣликомъ на цензуру недостатки литературы, происходившіе отъ уровня самого общества, нельзя не видѣть, что именно ей и направлявшимъ ее сферамъ слѣдуетъ, однако, приписать медленность движенія и совершенное исчезновеніе изъ печати и изъ обращенія въ обществѣ многихъ понятій, которыя ранѣе уже возникли и несомнѣнно могли служить серьезнымъ интересамъ общества и настоящей народности.

Самая мысль о выставленіи *народности*, какъ принципа, была внушена давнимъ присутствіемъ этого стремленія въ образованнѣйшихъ кругахъ и въ литературѣ. Оно выросло изъ сильнаго возбужденія, начавшагося въ обществѣ при началѣ царствованія Александра I, поддержаннаго 1812 годомъ и обновившагося еще разъ въ концѣ царствованія подъ влияніемъ европейскаго либерализма. Въ литературѣ это стремленіе обнаружилось живымъ интересомъ къ вопросамъ внутренней жизни и отразилось отчасти въ романтической школѣ. Въ лучшемъ общественномъ кругѣ явились вопросы о необходимости освобожденія крестьянъ, о необходимости народной школы, о терпимости къ религіозному разновѣрію, о большей свободѣ печати, какъ выраженія общественныхъ и народныхъ мыслей и желаній, и т. п. Новое правительство, увлекшись послѣ катастрофы 14 декабря реак-

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ Цифры, по пятилѣтіямъ, были слѣдующія:

	1833—1837 г.	1838—1842 г.	1843—1847 г.
Пятилѣтній итогъ:	51,828	44,609	45,795

См. Историч. свѣдѣнія о цензурѣ, стр. 62.

цій противъ либерализма, стадо преслѣдовать всякія свободныя проявленія общественной мысли, подавлять то, что было естественнымъ ея ростомъ. Внутренняя жизнь общества не была, конечно, подавлена,—но реакція замедлила ея правильное развитіе и съ другой стороны произвела уродливости, съ которыми мы встрѣчались—обскурантныя національныя теоріи и рабское лицемѣріе. Административная власть, распоряженіе судьбами образованія и литературы, перешла къ людямъ, которые были злѣйшими врагами „либерализма“ и стремились истребить даже и то, что, какъ говорили, было желаніемъ самого императора,—она перешла къ крѣпостникамъ и полицейскимъ обскурантамъ, которые, конечно, въ высшей сферѣ представляли вещи въ своемъ собственномъ освѣщеніи. Кончилось, какъ мы видѣли по официальнымъ цифрамъ, тѣмъ, что, въ противность всякимъ статистическимъ вѣроятіямъ, книжная дѣятельность падала, т. е. невѣжество росло.

Слово „народность“, употребленное въ официальной программѣ. понятое сколько-нибудь серьезно и искренно, не могло не обновлять сочувствій къ народу, не вызывать мысли объ его положеніи, желанія, чтобы представительствомъ народнаго начала были лучшія, а не худшія свойства народа и учреждений. Но слово „народность“ было эвфемизмъ, обозначававшій собственно крѣпостное право... Нѣкоторые изъ искреннихъ романтиковъ народности, принявъ буквально программу, привѣтствовали ее, надѣясь видѣть въ ней хоть отчасти свои народолюбивыя стремленія; на дѣлѣ она представляла самый рѣшительный консерватизмъ и отрицаніе дѣйствительнаго народолюбія... Любителямъ народности идеальной и освободительной пришлось вскорѣ разубѣдиться; но за-то, настоящіе обскуранты и крѣпостники схватились крѣпко за эту программу и, сдѣлавши изъ нея свое знамя, успѣшно пользовались имъ противъ своихъ литературныхъ и общественныхъ противниковъ. На ней опиралися „Маякъ“ и разные другіе оттѣнки застоя, вопіявшіе противъ запада, противъ вольнодумства, противъ новѣйшаго образованія, и обвинявшіе (какъ и теперь опять дѣлается) своихъ противниковъ въ измѣнѣ народности. Люди этого рода считали себя самими русскими и, наконецъ, опротивѣли серьезной долѣ общества: возгласы о „народности“ стали злоупотребленіемъ, въ томъ родѣ, какъ случилось теперь съ музыкой „Боже царя храни“ въ московскихъ трактирахъ, противъ злоупотребленія которой наглыми скандалистами принимаетъ наконецъ мѣры полиція. Печать, воспитанная упомянутымъ сейчасъ цензурнымъ режимомъ, въ большинствѣ дошла до крайняго ничтожества; отношеніе къ общественнымъ вопросамъ заключалось въ лести и лицемѣрїи передъ властью, подъ маскою „народности“. Самыми „благо-

надежными“ людьми, въ глазахъ тогдашней системы, были люди въ стилѣ Булгарина. Пушкинъ былъ не совсѣмъ благонадеженъ и требовалъ надзора...

Лучшія силы литературы шли своимъ путемъ; заподозрѣнныя властью, стѣсненныя, едва терпимыя, онѣ выработывали дѣйствительное общественное сознаніе, и подъ ихъ вліяніями изученія народности къ концу періода принимаютъ новое благотворное направленіе: броженіе философскихъ теорій, съ тридцатыхъ годовъ, навело на общіе вопросы національной жизни; развитіе историческихъ знаній давало изслѣдователямъ научную основу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи три мѣры, принятыя въ тѣ времена, оказали благотворное дѣйствіе и вознаграждали до извѣстной степени неблагоприятное для литературы вліяніе системы. Одной изъ нихъ было учрежденіе Археографической экспедиціи и комиссіи: собранныя и изданныя ими акты и лѣтописи дали богатый матеріалъ для новыхъ изслѣдованій русской старины. Другой мѣрой было основаніе кафедръ славянскихъ нарѣчій въ университетахъ: новая славистика въ первый разъ прочнымъ образомъ поставила изученіе родственнаго славянскаго міра, до тѣхъ поръ извѣстнаго очень скудно и отрывочно. Третьей—была посылка за границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ университетской кафедрѣ: прямое и живое вліяніе европейской, особливо нѣмецкой науки, вдохнуло новую жизнь въ нашу университетскую науку. Только первая изъ этихъ мѣръ могла послѣдовательно исходить изъ начала „народности“; вторая не совсѣмъ отвѣчала господствующей системѣ, потому что сочувствія къ славянству не поощрялись въ литературѣ; третья отвѣчала еще менѣе, —но была истинной заслугой для русской науки и образованности. Результаты этихъ мѣръ, въ связи съ внутреннимъ развитіемъ самой литературы, стали оказываться къ концу описываемаго періода: ими открывается въ исторіи нашихъ народныхъ изученій новый періодъ.

ГЛАВА XI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ ОТЪ ПУШКИНА ДО 50-ХЪ ГОДОВЪ.

Вопросъ о національномъ значеніи Пушкина.—Частное значеніе его произведеній для изученія народныхъ: его труды историческіе; отношеніе къ этнографіи.—Теоретическія понятія того времени объ искомой народности: Плетневъ; Терещенко.—Загоскинъ и Лажечниковъ.—Даль.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Литература послѣ Гоголя; наступавшій поворотъ въ изученіяхъ народности.

Первая истинно научная постановка вопроса народности принадлежитъ новѣйшему времени—послѣднимъ десятилѣтіямъ. Много труда поднято было и раньше для основанія ея научнаго изслѣдованія, но эти попытки большею частію были слабы и по основной точкѣ зрѣнія, и по свойству побужденій, и по приемамъ изслѣдованія: даже труды, по богатству матеріала монументальныя, каковы, напр. собранія Даля, не избѣгли этого общаго недостатка. Запутанность понятій доходила до того, что въ національной формулѣ тридцатыхъ годовъ подъ словомъ „народность“ разумѣлось учрежденіе, которое было униженіемъ народа, которое осуждало его на рабскую подавленность, нравственную и матеріальную. Для болѣе разумнаго пониманія дѣла научнаго и общественнаго, нужна была большая работа общественнаго сознанія, и болѣе совершенныя средства изслѣдованія, которыя даны были теперь европейской наукой.

Прежде чѣмъ перейти къ спеціальнымъ вопросамъ, необходимо остановиться на литературномъ явленіи, игравшемъ здѣсь существенно важную роль. Понятіе о народности, и вмѣстѣ отношеніе общества къ дѣйствительному народу, для массы общества, быть можетъ, разъяснялось гораздо меньше въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ въ произведеніяхъ поэзіи и беллетристики.

Съ двадцатыхъ годовъ слово „народность“ все чаще повторяется въ литературѣ; народность ставится цѣлью и достоинствомъ литера-

туры, но для большинства самих писателей она все еще остается вещью мало понятной и мало достигнутой. Великий поворотъ сдѣланъ былъ только поэзіей Пушкина.

Наша критика давно признала поэзію Пушкина фактомъ величайшаго значенія въ развитіи нашей литературы. Для Бѣлинскаго, взглядъ котораго былъ высшею ступенью критическихъ понятій съ тридцатыхъ и до пятидесятыхъ годовъ, предыдущая литература была только приготовленіемъ Пушкина, послѣдующая—только исполненіемъ программы, которая была широко намѣчена его дѣятельностью. Въ какомъ же отношеніи Пушкинъ стоитъ къ „народности“¹⁾?

Мнѣнія объ этомъ, исходившія изъ той или другой категоріи общественныхъ понятій и образовательнаго уровня, были разнообразны, иногда прямо противоположны. Мы коснемся вкратцѣ лишь нѣкоторыхъ.

Былъ ли Пушкинъ національнымъ, народнымъ поэтомъ? Если да, это значило бы, что литература, если не разрѣшила, то была близка къ разрѣшенію вопроса о народности,—вопроса о будущемъ самой литературы. Великая слава, какой не имѣлъ еще ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, слава, встрѣтившая еще юношескую дѣятельность Пушкина, указывала въ немъ избранника, который съумѣлъ затронуть какую-то живую струну общества, отвѣтить на какую-то исторически созрѣвшую потребность; позднѣйшій приговоръ исторіи ставить его главой и начинателемъ самостоятельной русской литературы. Но черезъ какое странное разногласіе и противорѣчія долженъ былъ пройти этотъ выводъ! И это разногласіе оказывалось не только при жизни поэта, въ ту пору, когда онъ вмѣшивался въ спорные вопросы и литературную вражду, но и послѣ, когда его дѣятельность была закончена, когда можно было уже дѣлать болѣе полные и безпристрастные выводы. Въ началѣ дѣятельности, Пушкинъ былъ идоломъ молодыхъ поколѣній и союзникомъ прогрессивнаго направленія, —противъ него были задеревенѣвшіе классики и полицейскіе консерваторы; къ концу, его поклонники не были удовлетворены и, не зная его послѣднихъ произведеній, при жизни его еще не изданныхъ, думали и говорили объ упадкѣ или ослабленіи его таланта. Смерть поэта возбудила снова глубокія сочувствія, и посмертное появленіе его послѣднихъ произведеній показало его впервые во весь ростъ могущественнаго таланта; забыто было прежнее недовольство, отпали прежнія требованія, и дѣятельность Пушкина явилась въ новомъ

¹⁾ На общемъ значеніи Пушкина мы остановились въ „Характеристикахъ литер. мнѣній“, изд. 2-е, 1890, гл. II; здѣсь имѣемъ въ виду одну специальную сторону его произведеній.

свѣтъ и въ болѣе правильной оцѣнкѣ—какъ величайшаго поэта-художника, каковаго имѣла русская литература.

Побужденія, по которымъ составлялись сочувствіе, антипатія, недовольство, были двоякаго рода: литературныя и общественно-тенденціозныя, или тѣ и другія вмѣстѣ. Такъ, старымъ классикамъ казались нарушеніемъ всѣхъ правилъ и приличій самая форма пушкинской поэзіи и ея „легкое“ содержаніе; съ другой стороны, новое литературное поколѣніе справедливо восторгалось этой формой, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ еще невиданный примѣръ изящества, и вмѣстѣ сочувствовало романтическимъ порывамъ, эпиграмматическому либерализму, за которымъ ожидало найти цѣлое общественное воззрѣніе, а позднѣе охладѣвало къ поэту, когда эти ожиданія ни мало не оправдывались. Съ другой стороны, власти никакъ не могли забыть „либеральной“ юности Пушкина и, несмотря на меценатство императора Николая (вѣроятно, несвободное отъ недовѣрчивости), для Бенкендорфа Пушкинъ былъ не поэтъ, а человѣкъ политическій, либераль, глава оппозиціи ¹⁾. По смерти Пушкина, его имя и сочиненія продолжали оставаться въ глазахъ высшей полицейской власти (правившей и судьбами литературы) подозрительными, и это отражалось въ литературѣ, въ писаніяхъ „надежныхъ“, „благонамѣренныхъ“ людей. Рядомъ съ этимъ мы видѣли, какъ говорилъ о Пушкинѣ „Маякъ“,—и не слѣдуетъ думать, чтобы это были только безсильныя ругательства невѣжды: „Маякъ“ представлялъ мнѣнія большой доли общества, съ точки зрѣнія архимандрита Фотія, т.-е. невѣжественнаго и иногда лицемѣрнаго изуверства, отъ котораго русское общество далеко не избавилось и которое оказываетъ донинѣ весьма дѣйствительное вліяніе на судьбы русскаго просвѣщенія. По мнѣнію „Маяка“, Россія погибла бы, еслибы у нея родились еще Пушкины; съ этимъ, вѣроятно, соглашалась и точка зрѣнія Бенкендорфа. Въ 1880 году, благочестиво-ретроградный взглядъ „Маяка“ былъ отвергнутъ въ рѣчи митрополита Маварія пожеланіями и молитвою, чтобы Господь послалъ Россіи и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей, какъ Пушкинъ, а въ 1882 г. въ духовной академіи (петербургской) читалась торжественно рѣчь ²⁾, доказывавшая, что идеалы Пушкина, очищенные отъ временныхъ заблужденій, отвѣчали именно самымъ консервативнымъ и благонамѣреннымъ воззрѣніемъ на государство, народъ, религію и нравственность, — словомъ, отвѣчали программѣ официальной народности тридцатыхъ годовъ. Но съ другой стороны на консерватизмъ Пушкина давно указывалось

¹⁾ Стоюнинъ, „Пушкинъ“, Спб. 1881, стр. 427.

²⁾ „Идеалы Пушкина“, В. Н. (Никольскаго), въ „Христ. Чтенія“ 1882, № 3—4.

и критиками совѣтъ иного направленія, которые прежде искали въ поэзіи Пушкина возбужденій къ общественному совершенствованію—

Народамъ миль и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ;

думали, по словамъ самого поэта, что—

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,

и оставались огорченными за самого поэта, находя, что онъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, самъ попадалъ или давалъ увлечь себя на путь, гдѣ не предвидѣлось общественнаго усовершенствованія. Не иной смыслъ имѣли и извѣстныя статьи Писарева, который комментировалъ Пушкина, какъ онъ могъ быть понятъ въ настоящую минуту, по прямому смыслу его сочиненій ¹⁾.

Приведенные примѣры можно было бы чрезвычайно умножить, прослѣдивши впечатлѣнія поэзіи Пушкина на современное ему общество, и мнѣнія позднѣйшей критики отъ тридцатыхъ годовъ и до настоящаго времени.

Воспоминанія о Пушкинѣ—въ 1880—были настоящей апопеезой: люди противоположныхъ мнѣній сошлись на небываломъ литературномъ праздникѣ и отдавали уваженіе великому историческому дѣятелю—съ своихъ отдѣльныхъ точекъ зрѣнія; но въ то время какъ одни, въ историческомъ возбужденіи, провозглашали въ Пушкинѣ пророка, „все-человѣка“, другіе съ научной точки зрѣнія не усумнились одну долю его содержанія назвать—„общественной или нравственной археологіей“ ²⁾.

Итакъ, общество было раздѣлено относительно Пушкина и въ теченіе его дѣятельности, и донинѣ. Новѣйшіе комментаторы объясняютъ, что именно вражда или равнодушіе къ трудамъ, которыми онъ самъ дорожилъ, внушали Пушкину то презрѣніе къ толпѣ („Поэтъ, не дорожи любовію народной“), которое приписывали прежде общей эстетической теоріи (по однимъ—возвышенной, по другимъ—фальшивой): но Пушкинъ ошибался въ своемъ отчаяніи—былъ уголокъ общества, гдѣ питались къ нему самыя пламенныя сочувствія; а, съ другой стороны, онъ самъ иногда помѣщалъ невѣрно свои идеальныя влеченія.

Если это раздѣленіе мнѣній отвѣчало разнымъ элементамъ и направленіямъ общества, то и самъ Пушкинъ, богатой личности котораго приходилось развиваться и дѣйствовать въ чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ условіяхъ, представляетъ цѣлый рядъ видоизмѣ-

¹⁾ Ср. „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“, Спб., стр. 122—123.

²⁾ Рѣчь В. О. Ключевского.

неній своего содержанія, которыя проистекали не изъ одного только естественнаго развитія его поэтическаго творчества, но также изъ внѣшнихъ условій, вліявшихъ на складъ его мысли и общественнаго направленія. Обыкновенно, противопоставляютъ два главные періода его жизни и дѣятельности, раздѣляемые 1824—1826 годами (пребываніе въ Михайловскомъ), видя въ первомъ — пору кипучей молодости, неясныхъ порывовъ таланта, теоретическихъ заблужденій, и во второмъ — полную зрѣлость характера, ясность мысли, всю силу творчества. И, дѣйствительно, есть рѣзкія противоположности: молодость была молодостью; но въ дѣйствительности, многіе взгляды его первой поры не были ошибкой, и позднѣйшіе не всегда были поправкой. Основной чертой его характера было то, что это былъ человѣкъ преданія, но не былъ онъ и такой приверженецъ консерватизма, какъ желаютъ представить его теперь. Вообще, Пушкинъ дѣйствовалъ среди общества, очень сложнаго, исполненнаго противрѣчій, и соприкасался именно съ обоими теченіями общественно-политическихъ идей, съ однимъ, безусловно господствовавшимъ въ практикѣ жизни — чисто консервативнымъ, и съ другимъ, выросавшимъ почти тайкомъ въ глубинѣ общественнаго сознанія — прогрессивнымъ.

Въ обществѣ шла внутренняя работа переходной поры и, наконецъ, въ самомъ пониманіи „народности“ готовились весьма несходныя точки зрѣнія.

Возвращаемся къ вопросу о народности его поэзіи. Бѣлинскій, безъ сомнѣнія внимательно всѣхъ другихъ критиковъ изучавшій Пушкина, затруднился присоединиться къ выводу, называвшему Пушкина нашимъ „народнымъ“, „національнымъ“ поэтомъ¹⁾. Онъ при-

¹⁾ Напомнимъ его слова:

„Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу, или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ нарекъ его русскимъ, національнымъ, народнымъ поэтомъ... Намъ кажется это только въ половину вѣрнымъ. *Народный поэтъ* — тотъ, котораго весь народъ знаетъ, какъ, напримѣръ, знаетъ Франція своего Беранже; *національный поэтъ* — тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько-нибудь образованные классы, какъ, напримѣръ, вѣмцы знаютъ Гёте и Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ себѣ доселѣ „Не бѣлы-то свѣжки“, не подозрѣвая даже того, что поетъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны, смѣшно было бы и говорить объ зпитетѣ народный въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово „національный“ еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ „народный“. Подъ „народомъ“ всегда разумѣютъ массу народонаселенія, самый низшій и основной слой государства. Подъ „націею“ разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія, отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ, въ своихъ твореніяхъ, и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ масса народа, и опредѣлен-

водитъ разсужденіе Гоголя объ этомъ предметѣ и, соглашаясь съ его опредѣленіемъ, что поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа,—замѣчаетъ: „Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ *болѣе* національно-русскій поэтъ, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что *нельзя опредѣлить*, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ ¹⁾ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Но какъ же чувствуютъ и говорятъ они? чѣмъ отличается ихъ способность чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?.. Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвѣта настоящее, ибо Россія, по преимуществу,—страна будущаго“...

Итакъ, Бѣлинскій отказывался положительно назвать Пушкина народнымъ и національнымъ поэтомъ, и опредѣлить, въ чемъ состоитъ національность. Онъ предпочиталъ другое объясненіе: Пушкинъ владѣлъ такимъ могущественнымъ талантомъ и такимъ сильнымъ чувствомъ художественной правды, что достигалъ чрезвычайно вѣрнаго изображенія русской дѣйствительности. Эти-то вѣрныя картины русской жизни (насколько Пушкинъ ее затрогивалъ), невиданная раньше прелесть поэтическаго исполненія, и, наконецъ, мягкое гуманное чувство, проникающее всѣ его лучшія созданія, сдѣлали Пушкина первымъ русскимъ поэтомъ, идоломъ и любимцемъ общества, и въ этомъ заключается его „национальность“. Поэтомъ „народнымъ“ Пушкинъ не былъ, и еще до сихъ поръ не сталъ—по простой причинѣ: народъ, не имѣвшій школы, не зналъ его, и (за очень небольшимъ исключеніемъ людей, узнавшихъ о немъ въ школѣ) до сихъ поръ не знаетъ,—и въ самомъ дѣлѣ это можно было наглядно видѣть во время открытія памятника, въ 1880 г.; но Пушкинъ еще могъ бы стать и народнымъ поэтомъ, еслибы народъ былъ приготовленъ школою къ чтенію и уразумѣнію его поэзіи.

Не всѣ, однако, соглашались съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Болѣе

ное значеніе этой субстанціальной стихіи, разившейся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Национальный поэтъ—великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ себѣ географически и физиологически народной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, надѣленный отъ природы гениальными силами; однако жъ въ томъ, что называютъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно великій художическій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника“ и т. д.

(Сочин. Бѣл., т. VIII, изд. 2, стр. 386—387).

¹⁾ По словамъ Гоголя.

поздніе судьбы (другого лагеря) безусловно объявляли Пушкина поэтомъ національнымъ, и такъ какъ нужно было, наконецъ, объяснить, въ чемъ заключалась національность, они давали эти объясненія. Аполлонъ Григорьевъ ¹⁾, указывая примѣры того, какъ вѣрно рисовалъ Пушкинъ различныя стороны русской жизни, новой и старой (что давно указывалъ и Бѣлинскій), видитъ въ этомъ не силу художественнаго творчества, а именно „непосредственное чутье *народной сущности*“: Пушкинъ— „единственный полный человѣкъ, единственный всесторонній представитель нашей народной фѣзіономіи“; это— „представитель всего нашего *душевнаго, особеннаго*, такого, что остается нашимъ *душевнымъ, особеннымъ* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами“. Но „народная сущность“ такъ и остается неопредѣлена, и дѣйствующая сила личности Пушкина опредѣляется такъ: Пушкинъ— „прежде всего художникъ, т.-е. великая, на половину сознательная, на половину бессознательная сила жизни, герой въ карлейлевскомъ значеніи героизма“; въ изображеніяхъ народа его спасала отъ крайностей и ошибокъ, въ какія впадали другіе писатели, „художественная добросовѣстность“, „высоко артистическое чувство правды“—то-есть, повторяется мнѣніе Бѣлинскаго ²⁾. Достоевскій основное національное свойство Пушкина указалъ въ извѣстной „все-человѣчности“ ³⁾. Опять еще Бѣлинскимъ была достаточно истолкована эта сторона пушкинскаго таланта—способность глубоко проникать въ жизнь чуждыхъ обществъ и давнихъ временъ, и возсоздавать ее въ характерныхъ художественныхъ картинахъ. Это есть нерѣдкое свойство сильнаго таланта, а въ литературѣ этимъ свойствомъ гораздо въ болѣе сильной степени владѣютъ, напр., нѣмцы, литература которыхъ представляетъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, массу произведеній чужихъ литературъ, усвоенныхъ нерѣдко въ замѣчательныхъ художественныхъ передачахъ. Страннѣе всего было то, что эту „все-человѣчность“ выставляли какъ высочайшее, исключительно достоинство русской народности, люди, которые, считая свою школу самой русской и національной, отличались и грубѣйшею нетерпимостью ко всему не-русскому человѣчеству, даже къ частнымъ племенамъ собственной русской народности. Наконецъ, у нѣкоторыхъ критиковъ „народность“ Пушкина, какъ мы упоминали, представляется почти прямо въ смыслѣ официальной программы тридцатыхъ годовъ.

Въ „національности“ Пушкина не можетъ быть никакого со-

¹⁾ См. статью въ журналѣ „Время“, 1861 (Сочиненія Аполлона Григорьева. Спб. 1876, т. I) и отвѣтъ на нихъ въ „Отеч. Зап.“ 1861, т. СХХХV, стр. 132—143.

²⁾ „Художническая добросовѣстность“ есть именно его терминъ. Сочин. VШ, стр. 408, 410. Прежде Григорьевъ называлъ критику Бѣлинскаго „сатурналиями“.

³⁾ Рѣчь о Пушкинѣ, въ „Дневникѣ писателя“, 1880.

миѣнія, какъ и въ „національности“ всѣхъ первостепенныхъ дѣятелей нашей литературы,—всѣ они люди своего народа и общества, связаны съ ними нерасторжимой связью жизненныхъ вліяній, развитія и дѣятельности, носятъ ихъ отраженіе въ своемъ характерѣ. Но тѣ миѣнія, которыя говорятъ о безусловной національности Пушкина, даже въ размѣрахъ мистическихъ, составляютъ патріотическое увлеченіе: какъ ни велико значеніе Пушкина, оно имѣетъ свои историческіе предѣлы, и самое проникновеніе въ „народную сущность“ было ограничено отсутствіемъ многихъ историческихъ, общественно-бытовыхъ и этнографическихъ средствъ и свѣдѣній. Онъ—„пророкъ“, говорятъ энтузіастическіе поклонники; онъ самъ, въ глубокомъ сознаніи нравственно возвышающаго значенія поэзіи, приравнивалъ идеальное служеніе поэта съ служеніемъ древняго пророка; онъ считалъ условіемъ этого служенія свободу творчества, думалъ, что обладаетъ ею,—но господствующая практика жизни и не думала давать ему этой свободы, искажала его дѣятельность и иногда самого вводила въ заблужденіе...

Но чтѣ такое національность, о которой ведутся споры? Въ теченіи настоящей книги мы уже касались этого вопроса, и повторимъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ самомъ общемъ смыслѣ, это—понятіе, совмѣщающее всѣ физическія и нравственныя особенности извѣстнаго народа. Очевидно, что ихъ пониманіе можетъ быть совершенно различно. Во-первыхъ, смотря по умственному развитію наблюдателя, способности проникать въ сущность явленій: міровоззрѣніе разныхъ наблюдателей различно окрашиваетъ одинъ и тотъ же предметъ; „національность“ писателя (выражающаго художественно основныя свойства народа и доступнаго массѣ) можетъ поэтому быть объясняема съ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія: такъ относительно Пушкина разошлись Гоголь, Бѣлинскій, Ап. Григорьевъ, „Маякъ“, Дудышкинъ, Достоевскій, Писаревъ. Во-вторыхъ, сама по себѣ національность, какъ существо народа, представляетъ различное содержаніе, беретъ ли ее въ данное время съ тѣми качествами, какія являются преобладающими, или въ цѣломъ ея историческомъ бытіи, или наконецъ въ ея идеальныхъ задаткахъ. Прежде всего національность имѣетъ природу историческаго явленія. Въ данную минуту будетъ считаться національнымъ непосредственно господствующій порядокъ вещей (въ тридцатыхъ годахъ считали національнымъ крѣпостное право); но исторически самая національность не неизмѣнна, и въ полное представленіе ея должно войти прошедшее, гдѣ могли сказываться черты быта и народнаго характера, которыя были подавлены историческими условіями, но не истреблены, и иногда способны, даже должны имѣть

свое будущее. Если преданіе отживаетъ свое время и, пока цѣло, стѣсняетъ развитіе народныхъ силъ, то усилія освободиться отъ него будутъ истинно національнымъ дѣломъ (хотя бы на первое время принадлежали только образованному меньшинству), какъ была національнымъ дѣломъ Петровская реформа, хотя въ данную минуту шла наперекоръ большинству и общества, и народа; какъ было национальнымъ дѣломъ освобожденіе крестьянъ, еще наканунѣ считавшееся преступнымъ покушеніемъ на національное благо; какъ было национальнымъ дѣломъ все развитіе новѣйшей литературы, хотя она до сихъ поръ, въ своихъ лучшихъ созданіяхъ, остается чужда народной массѣ. Забывая эти историческія явленія національности, мы рискуемъ впасть въ грубыя ошибки. напр., дурныя учрежденія, оставшіяся отъ старины и народу ненавистныя, но могущія быть устраненными или исправленными, можемъ счесть ему по существу свойственными; или счесть такимъ свойствомъ народную косность или рабское чувство, когда народъ невѣжественъ не по недостатку способностей, и безправенъ по наслѣдію отъ тяжелой исторіи. Вообще, народныя свойства могутъ быть правильно опѣнены лишь тогда, когда народныя массы въ состояніи будутъ раскрыть ихъ, владѣя извѣстнымъ просвѣщеніемъ и свободой дѣйствій. За отсутствіемъ такого свободнаго и хотя нѣсколько просвѣщеннаго народа, за „націю“ отвѣчаютъ обыкновенно классы привилегированныя, и они даютъ свой комментарий народнаго характера: этотъ комментарий создается въ тѣхъ направленіяхъ, какія выработались въ образованномъ классѣ, въ то время какъ народъ остается при традиціонномъ и инстинктивномъ міровоззрѣніи, которое, при всей силѣ инстинкта, слишкомъ подвержено заблужденію—особливо въ новѣйшихъ условіяхъ народной жизни, все больше усложняющихся.

Въ опредѣленіи „национальности“, самой по себѣ или въ проявленіяхъ литературныхъ, должно быть наконецъ, кромѣ ея непосредственнаго и историческаго смысла, ея представленіе идеальное. Оно присутствуетъ обыкновенно въ національныхъ пристрастіяхъ и увлеченіяхъ,—и естественно, что сознавая свою особенность, народъ и его представители стремятся видѣть въ возможно широкомъ развитіи то, что имъ представляется національнымъ преимуществомъ, какъ очевидно, что направленіе идеализаціи будетъ обуславливаться мѣркой развитія нравственнаго чувства и знанія. Извѣстны у всѣхъ народовъ безъ исключенія—примѣры національнаго самоопредѣленія и самообольщенія. На грубыхъ ступеняхъ національнаго чувства національное преимущество всего чаще понимается какъ преимущество физической силы (въ томъ періодѣ, о которомъ говоримъ, любили повторять, что Европа „боится“ насъ, или что мы ее „кормимъ“, что Гер-

манія есть только „наши пятидесятая губернія“ и т. п.), и иногда этимъ самообольщеніемъ матеріальной силой хотять вознаградить себя за сознание слабости внутренней, гражданской и культурной. Понятно, что въ просвѣщеннѣйшей долѣ общества идеализація національности ищетъ основаній болѣе возвышенныхъ, и какъ въ самой жизни просвѣщеннѣйшіе люди стремились къ улучшенію понятій, нравовъ и учреждений, такъ и въ пониманіи національности они внушали болѣе высокія требованія, отвергая грубые, наиболѣе распространенные взгляды бытовые и грубые идеалы національные, — что навлекало имъ въ литературной и общественной толпѣ, безсознательной и мнимо консервативной, названіе „отрицателей“. Въ эту послѣднюю категорію причислялись люди прогрессивнаго направленія, стремившіеся къ улучшенію жизни путемъ болѣе широкаго образованія и общественной самодѣтельности; и къ ней же могли быть причислены люди славнофильской школы, которые, въ лучшихъ трудахъ ихъ, искали того же улучшенія жизни путемъ восстановления подавленныхъ исторіею народныхъ учреждений, отвергая, какъ и ихъ противники прогрессивной школы, настоящей застой, безправіе и скудость просвѣщенія. Понятно, что мнимое „отрицаніе“ было только болѣе пламеннымъ, сознательнымъ стремленіемъ къ возвышенію общенности и вмѣстѣ національнаго идеала. Въ самыхъ изученіяхъ этнографіи, кромѣ непосредственнаго желанія изучить свой народъ, однимъ изъ сильныхъ стимуловъ было желаніе найти бытовые и народно-историческіе факты для теоретическаго опредѣленія народныхъ идеаловъ, которые должны бы стать и національными.

Вопросъ о національномъ значеніи Пушкина опредѣлится съ изученіемъ его литературнаго содержанія сравнительно съ предшествовавшей эпохой, общественнымъ движеніемъ его времени и съ ихъ историческими результатами въ дальнѣйшемъ ходѣ общества и литературы.

Понятно, что поэтическая литература должна была также дѣйствовать на развитіе интереса къ народу и этнографическаго знанія. Вліяніе Пушкина въ этомъ отношеніи было очень сильное. Остановимся на нѣсколькихъ указаніяхъ.

Во-первыхъ, историческое пониманіе прошедшаго. Пушкинъ не былъ историкомъ, хотя желалъ быть имъ, и заслугу его въ этомъ отношеніи составляютъ — не исторія Пугачевскаго бунта, не приготовленія къ исторіи Петра Великаго, а именно рядъ его поэтическихъ произведеній... Въ своихъ историческихъ представленіяхъ Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, горячимъ привѣрженцемъ Карамзина. „Карамзинъ, — говоритъ Бѣлинскій, — не одного Пушкина, а нѣсколько поколѣній увлекъ окснчательно своею „Исторіею государства Россій-

скаго“, которая имѣла на нихъ сильное вліяніе не однимъ своимъ слогаемъ, какъ думаютъ, но гораздо больше своимъ духомъ, направленіемъ, принципами. Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нельзя лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда“¹⁾. При появленіи „Исторіи“ Пушкинъ написалъ извѣстные эпиграммы, гдѣ въ насмѣшливой формѣ повторялось мнѣніе либеральнаго кружка, съ которымъ Пушкинъ былъ тогда близокъ. Впослѣдствіи онъ казался въ этихъ эпиграммахъ; взгляды его, историческіе и общественные, формируются въ политическій консерватизмъ, программу котораго давалъ Карамзинъ, и въ смыслъ котораго Пушкинъ считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать²⁾. Онъ отступилъ отъ Карамзина только въ одномъ— въ поклоненіи Петру Великому, хотя въ послѣднее время взглядъ его на Петра также измѣняется въ направленіи къ Карамзину. Пушкинъ думалъ, что поэзія должна возсоздавать исторію; нѣкогда онъ ждалъ отъ Гнѣдича, окончившаго „Иліаду“, эпической поэмы изъ русской исторіи. „Исторія народа принадлежитъ поэту“. Онъ самъ задумалъ историческую драму, даже во внѣшней старинной формѣ³⁾, и посвятилъ ее памяти Карамзина. Въ Михайловскомъ Пушкинъ читаетъ лѣтописи и Четь-минеи, соприкасается съ живою народностью; но въ „Борисѣ“ принято готовое карамзинское представленіе, и знаменитый монологъ Пимена, прелестный какъ поэтический образъ, построенъ не на изученіи подлинной лѣтописи, а гораздо больше, если не исключительно, опять на сентиментальныхъ изображеніяхъ Карамзина⁴⁾. Заслуга Пушкина для нашего историческаго сознанія заключается и въ „Борисѣ Годуновѣ“ и въ „Полтавѣ“, а особенно въ тѣхъ историческо-бытовыхъ повѣстяхъ, начиная съ „Арапа Петра Великаго“, въ которыхъ онъ проводитъ передъ нами типы и нравы прошлаго столѣтія. Пушкинъ любилъ собирать рассказы о прошлыхъ временахъ; устное преданіе имѣло для него особую привлекательность,—конечно по живому отголоску старины, какой не можетъ сохраниться въ книжномъ свѣдѣніи,—да притомъ въ тѣ времена часто нельзя было знать недавней исторіи иначе, какъ по устному преданію. Повѣсти Пушкина остались въ

¹⁾ Сочиненія, VIII, стр. 640.

²⁾ Ср. его отзывы о Карамзинѣ въ Сочиненіяхъ (изд. 3-е, подъ редакціей П. А. Ефремова, М. 1882), т. V, стр. 37—39, 57, 79—80; т. VI, стр. 43, 142.

³⁾ „Комедія о царѣ Борисѣ“.

⁴⁾ Ср. статью С. Д. (Дудышкина): „Пушкинъ—народный поэтъ“, въ Отеч. Зал. 1860, т. СХХIX, стр. 57—74.

нашей литературѣ единственными въ своемъ родѣ произведеніями, по этому рѣдкому соединенію поэтического творчества и свѣжаго преданія. Въ повѣстяхъ Пушкинъ проводитъ передъ нами цѣлый рядъ представителей того класса, въ которомъ собственно происходило преобразование русскаго общества, — въ разныхъ ступеняхъ и видахъ привившейся къ нему европейской образованности, отъ временъ Петра до Екатерины II, и, наконецъ, до Александровской эпохи, потому что Евгений Онѣгинъ есть новый потомокъ этого типа послѣпетровской дворянской культуры. Это значеніе историческихъ повѣстей было прекрасно объяснено въ юбилейной рѣчи г. Ключевского ¹⁾. Указавъ главные типы, изображенные Пушкинымъ въ этихъ повѣстяхъ, г. Ключевскій замѣчаетъ: „Такъ у Пушкина находимъ довольно связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ за 100 лѣтъ слишкомъ. Когда эти лица рисовались, масса мемуаровъ XVIII вѣка и начала XIX в. *лежала подъ студомъ*. Въ наши дни они выходятъ на свѣтъ. Читая ихъ, можно дивиться вѣрности глаза Пушкина. Мы узнаемъ здѣсь ближе людей того времени; но эти люди — знакомыя уже намъ фигуры. „Вотъ Гаврила Аеанасьевичъ, восклицаемъ мы, перелистывая эти мемуары, а вотъ Троекуровъ, кн. Верейскій“ и т. д. до Онѣгина включительно. Пушкинъ — не мемуаристъ и не историкъ; но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ художника. Въ этомъ значеніе Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ главное и ближайшее значеніе“.

Припомнимъ, наконецъ, знаменитую „Лѣтопись“ или, какъ она называлась въ рукописи самого Пушкина, „Исторію села Горохина“. Бѣлинскій видѣлъ въ ней остроумную шутку, — но не опредѣлялъ, надъ чѣмъ она шутила; по толкованію Аполлона Григорьева, это — „тончайшая и вмѣстѣ простодушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковой полосой нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью, изъ которой мы вынесли взглядъ совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности“ и т. д. ²⁾. Но гораздо ближе и проще объясненіе, что „Исторія села Горохина“ намекаетъ именно на манеру Карамзина. Въ пристрастіи Пушкина къ Карамзину была доля тенденціозности, и теперь ошибки теоріи онъ самъ исправляетъ живымъ наблюденіемъ и поэтической отгадкой. Такова „Исторія села Горохина“: предисловіе — картинка изъ жизни новѣйшихъ Митрофановъ, полуобразованныхъ дворянскихъ поколѣній; самая „Исторія“ есть видимо поправка къ

¹⁾ Р. Мысль, 1880.

²⁾ Сочиненія Григорьева, стр. 253.

прежнимъ мнѣніямъ о Карамзинѣ, въ которому Пушкинъ могъ уже относиться съ бѣльшей критикой: написана она со всѣми приѣмами историческаго изслѣдованія, съ перечисленіемъ и критикой источниковъ, съ выписками изъ лѣтописцевъ, съ народными преданіями, подвергаемыми снисходительному сомнѣнію. Въ то время, 1830, Карамзинъ былъ еще единственнымъ образчикомъ, который могла имѣть въ виду эта „шутка“; языкъ несомнѣнно повторяетъ вычурно-реторическія фразы Карамзина.

Для опредѣленія внутренней работы Пушкина чрезвычайно интересны историческія замѣтки Пушкина; иногда онѣ поразительны по своей истинѣ, напр., тѣ, къ которымъ относится отзывъ г. Ключевскаго: „Наша исторіографія,—говорилъ онъ въ той же рѣчи,—ничего не выиграла ни въ *правдивости*, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII вѣкъ, противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1821 г.“¹⁾ Правда, эта замѣтка, какъ и многое другое въ нынѣшнемъ текстѣ Пушкина, не была извѣстна въ свое время и остается для насъ только фактомъ его развитія. Замѣтка стоитъ въ явномъ противорѣчьи съ господствующимъ славословіемъ и заключаетъ много вѣрныхъ сужденій объ историческихъ герояхъ и героиняхъ нашего XVIII-го вѣка, сужденій особливо цѣнныхъ, если вспомнить, что фальшивый панегирикъ процвѣтаетъ въ нашей исторической литературѣ и до сихъ поръ. Первый періодъ его жизни, которому принадлежитъ его замѣтка, теперь обыкновенно принято осуждать какъ время либеральнаго легкомыслія: оказывается, что въ пору „легкомыслія“ Пушкинъ способенъ былъ къ такимъ наблюденіямъ и выводамъ (въ явно либеральномъ духѣ), которые очень высоко оцѣняются авторитетнымъ историкомъ нашего времени.

Если, по разсказу біографовъ, Пушкинъ былъ „мало приготовленъ“ къ исторіи, то еще меньше онъ могъ быть приготовленъ въ этнографіи. Но, какъ тамъ это не помѣшало ему внести важный вкладъ въ наше историческое сознаніе, такъ въ вопросахъ чистой этнографіи Пушкинъ оказалъ литературѣ великія услуги, прямыя и косвенныя. Ни у кого изъ русскихъ писателей раньше и послѣ (кромѣ специалистовъ или записныхъ любителей) не было такого вниманія къ народному преданію, поэзій, языку; никто такъ не любилъ наслаждаться оригинальностью и мѣткостью этого языка. Біографы любятъ говорить со словъ Пушкина объ его нянѣ, и не задумываются приписывать ей посвященіе Пушкина въ тайны народности. Пушкинъ

¹⁾ См. эту замѣтку въ Сочин. Пушкина, т. V, стр. 9—14; но годъ замѣтки не 1821, а 1822.

могъ съ любовью говорить о нянѣ, дорогой ему особенно въ деревенской ссылкѣ,—но довольно странно приписывать буквально ей и пребыванію въ селѣ Михайловскомъ вкусы Пушкина къ народности. Няня Пушкина была типическая старинная няня, богатая народной премудростью, сказками, примѣтами, присловьями. Одна черта, сообщаемая Пушкинымъ, до чрезвычайности характерна. Вернувшись въ деревню въ ноябрѣ 1826 изъ Москвы, куда онъ былъ вытребованъ императоромъ Николаемъ, Пушкинъ описываетъ въ письмѣ къ Вяземскому прїѣздъ свой въ деревню: „Ты знаешь, что я не корчу чувствительности, но встрѣча моею дворни, хамовъ и моею няни — ей-Богу прїятнѣе щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву *о умилениі сердца владыки и укрощениі духа ея свирѣпости*, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ“¹⁾. „Владыка“ былъ, разумѣется, императоръ Николай Павловичъ, а няня совсѣмъ годилась въ XVI столѣтіе. Няня доставляла Пушкину матеріалъ, и судя по тому, что было Пушкинымъ употреблено изъ него (напр. сказки), матеріалъ стародавній (слѣдовательно, тѣмъ болѣе цѣнный); но если Пушкинъ обращался къ источникамъ народности, то основаніемъ этому была не случайность, какъ пребываніе въ Михайловскомъ, а весь историческій ходъ его литературнаго развитія. Бѣлинскій съ большою точностью указалъ, какимъ образомъ Пушкинъ въ „годы ученья“ пережилъ въ себѣ весь ближайшій періодъ литературы, ему предшествовавшей, и, завершая его въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, открывалъ своими трудами новую ступень литературныхъ идей. Въ этомъ предшествующемъ періодѣ, съ прошлаго вѣка, были затронуты элементы народности, въ смыслѣ общественномъ, историческомъ и литературно-этнографическомъ. Начавъ дома съ французскихъ стиховъ, онъ скоро затѣваетъ „Бову“ (1815), и этимъ юношескимъ опытомъ уже кончается вліяніе карамзинской стихотворной манеры. Въ „Вадимѣ“ (1822) можно еще замѣтить манеру Жуковского, съ славянами на Оссиановскій образецъ; но въ томъ же году „Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ“ уже самостоятельна въ поэтическомъ отношеніи, и если еще отзывается Карамзинымъ, то уже Карамзинымъ-историкомъ. Первая самостоятельная „поэма“ беретъ народно-сказочную тему, развиваемую на романтической ладъ; въ 1822 онъ начинаетъ „Евгенія Онѣгина“, гдѣ между прочимъ уже безъ старыхъ сантиментальныхъ и романтическихъ прикрасъ явились картины деревенскія. Въ Михайловскомъ написанъ „Борисъ Годуновъ“, „вдохновенный“ К-

¹⁾ Сочин., т. VII, стр. 45.

рамзинымъ и слѣдующій его историческимъ взглядамъ, а своей драматической формой свидѣтельствующій объ изученіи Шекспира. „Сношенія съ няней“ въ Михайловскомъ отразились нѣсколькими произведеніями на народныя темы (какъ „начало сказки“—о медвѣдикѣ, „Женихъ“ и пр.); но поэтическія изложенія сказокъ, безъ сомнѣнія слышанныхъ именно отъ няни, написаны уже долго спустя, въ тридцатыхъ годахъ.

Изъ Михайловскаго Пушкинъ пишетъ къ брату въ 1824: „вечерамъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго моего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма“... Этими словамъ давно придавали большое значеніе, видя въ нихъ рѣшительное признаніе „народности“, какъ принципа, или даже истолковывая ихъ въ смыслѣ мистическаго народничества. Но онѣ имѣютъ болѣе тѣсный смыслъ: воспитаніе, вслѣдствіе котораго Пушкинъ не разъ называетъ французскій языкъ болѣе ему близкимъ, чѣмъ русскій ¹⁾, не давало ему возможности раньше усвоить себѣ технику народнаго языка и сказочныя сюжеты: это не была теорія народности, а только одинъ изъ ея разнообразныхъ литературныхъ интересовъ. Онъ дѣйствительно занялся записываніемъ пѣсенъ и сказокъ, и, по словамъ П. В. Кирѣевскаго, составилъ замѣчательный пѣсенный сборникъ ²⁾. „Недостатки воспитанія“ — не только домашняго, но и лицейскаго—Пушкинъ вознаграждалъ тогда и другими средствами: чтеніемъ Карамзина и лѣтописей, изученіемъ Шекспира. Его собственныя поэтическія воспроизведенія сказочныхъ сюжетовъ не удовлетворяли уже Бѣлинскаго: это былъ „плодъ довольно ложнаго стремленія къ народности“. Бѣлинскій исключалъ только „Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ“, гдѣ народу принадлежитъ только мысль, а весь рассказъ принадлежитъ поэту): народныя сказки „хороши и интересны такъ, какъ создала ихъ фантазія народа, безъ перемѣнъ, украшеній и передѣлокъ“ ³⁾; для спеціалиста этнографа подобные пересказы вообще не имѣютъ значенія ⁴⁾. Но эти произведенія Пушкина въ тогдашнихъ условіяхъ литературы и литературнаго языка

¹⁾ Напр. въ письмѣ къ Жуковскому, 1824: „французскій языкъ — мнѣ болѣе по перу“; въ письмѣ къ Чаадаеву, 1831: „je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la notre“. Сочин. т. IX, стр. 198, 341.

²⁾ См. сказки Арины Родионовны, въ Сочин. VII, стр. 409—414; любопытная сказка о Георгіи Храбромъ и о волкѣ, со словъ Пушкина пересказана Далемъ (Соч. Дала, 1861, томъ IV); пѣсни, записанныя Пушкинымъ, въ Сочин. II, стр. 380, 390.

³⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 700. До Бѣлинскаго подобнымъ образомъ относились къ сказкамъ Пушкина и Надеждинъ.

⁴⁾ Такъ, между прочимъ, пропадаетъ для этнографіи сказка о Георгіи Храбромъ и о волкѣ, которая была бы чрезвычайно интересна въ подлинной народной одеждѣ.

имѣли свою важность какъ новое указаніе на источники народности, какъ образчикъ технической виртуозности; и еще важнѣе по литературному вліянію были самостоятельныя произведенія Пушкина на народные темы: именно онѣ составляли главный результатъ народныхъ стремленій Пушкина, особенно въ ряду съ другими произведеніями, эпизодически касающимися народной жизни (Евгеній Онегинъ, Борисъ Годуновъ, Исторія села Горохина, историческія повѣсти и пр.).

Такимъ образомъ Пушкинъ вносилъ свой вкладъ и въ чистую этнографію, распространяя интересъ къ прямому изученію народного быта и поэзіи, собирая сказки и пѣсни, поддерживая своимъ мнѣніемъ и авторитетомъ начинавшіяся изученія, напр., изученіе лѣсенъ—Кирѣевскимъ, народного языка — Далемъ; а внѣ собственной этнографіи — художественными изображеніями народного быта. У Пушкина въ первый разъ народъ явился безъ сантиментальныхъ и романтическихъ ходуль ¹⁾, съ подлинными чертами быта и языка, и это было чрезвычайно важно. Въ литературной толпѣ еще долго тянулось прежнее фальшивое отношеніе къ народности, карамзинская чувствительность, въ соединеніи съ лицемеріемъ официальной народности, но у большихъ писателей, продолжавшихъ дѣло Пушкина, оно стало уже невозможно. Самъ Пушкинъ далеко еще не совершилъ всего дѣла; нужно было еще много изученій и художественнаго труда, чтобы идея „народности“ утвердилась въ литературѣ, но поэзія Пушкина давала настроеніе, тонъ этому труду. Подъ внушеніями этой поэзіи—которыя даже горячему панегиристу Пушкина, какъ Ап. Григорьевъ, представлялись отчасти сознательными, но отчасти и бессознательными, — *правдиво-реальное отношеніе къ „народности“* было завоевано, какъ литературное орудіе, и у преемниковъ Пушкина развилось въ широкія и уже сознательныя примѣненія. Это отразилось и на работахъ историко-этнографическихъ, гдѣ—въ параллель съ указаніями новыхъ научныхъ изслѣдованій—народъ сталъ болѣе и болѣе разсматриваться, какъ организмъ, на которомъ сосредоточивается историческое развитіе государства и народности.

Что не все было сдѣлано Пушкинымъ, особенно видно на его общественныхъ понятіяхъ. Въ нихъ было нѣсколько разныхъ теченій, отчасти сближавшихъ другъ друга, отчасти одновременно существовавшихъ, иногда примиряемыхъ, иногда оставляемыхъ въ ихъ противорѣчій. Первая эпоха, какъ извѣстно, отличена либеральными наклонностями, которыя были съ одной стороны отголоскомъ вольтеріанства, съ другой исходили изъ новѣйшаго либерализма: то и

¹⁾ И безъ ходуль псевдо-классическихъ, какъ нерѣдко у Крылова.

другое было довольно поверхностно, но въ этихъ ученіяхъ были свои серьезныя понятія — какъ понятія о свободѣ мысли, о необходимости, когда-нибудь, свободы гражданской и прежде всего освобожденія крестьянъ; наконецъ, всегда сохранившееся у Пушкина требованіе свободы художественнаго творчества.

Либерализмъ приходится ко временамъ императора Александра, когда Пушкину пришлось испытать „гоненіе“, вслѣдствіе котораго Пушкинъ до конца царствованія Александра I ему „подсвистывалъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ концѣ ссылки начиналась зрѣлая пора поэтической дѣятельности, совершалась перемѣна и въ общественныхъ взглядахъ Пушкина: онъ сознаетъ, что имп. Александръ поступалъ съ нимъ „справедливо“; онъ дѣлается мирнымъ консерваторомъ и его мнѣнія окрашиваются новымъ направленіемъ до настоящей тенденціозности—особенно съ 1826 года. Приближенный къ средоточію власти, разубѣдившись въ старомъ либерализмѣ, Пушкинъ думалъ, что нашелъ настоящій путь для своихъ гражданскихъ мнѣній и пошелъ по нему съ усердіемъ неопита, полагающаго, что долженъ искупить прошедшія ошибки. Отсюда происходили разные факты его дѣятельности въ послѣднемъ періодѣ его жизни: записка о воспитаніи; участіе въ запискѣ кн. Вяземскаго ¹⁾; отзывъ о „якобинизмѣ“ Полевого ²⁾; предложеніе правительству своего журнала ³⁾; отзывъ о Радищевѣ, 1836 г., совсѣмъ противоположный его прежнимъ мнѣніямъ объ этомъ писателѣ; отсюда также происходило желаніе быть не только поэтомъ, но историкомъ, что могло казаться болѣе дѣйствительной „службой“ отечеству въ глазахъ его судей и покровителей; этотъ тонъ слышится въ его официальныхъ письмахъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, какъ „Клеветникамъ Россіи“ и т. д.

Точка зрѣнія была консервативная. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾ объ его взглядахъ позднѣйшаго времени, когда онъ сожалѣлъ о паденіи стариннаго боярства, когда Петръ казался ему Робеспьеромъ и Романовы „революціонерами“ (за это истребленіе боярства), когда онъ мечталъ о „независимой“ наследственной аристократіи, когда рядомъ съ этимъ у него особенно стали сказываться собственные „генеалогическіе предрасудки и т. д. Можно исторически прослѣдить развитіе этихъ теорій Пушкина (между прочимъ истекавшихъ, вѣроятно, изъ того что въ тогдашнемъ общественномъ состояніи онъ не видѣлъ кромѣ родовой аристократіи никакого иного политическаго элемента); но теоріи во всякомъ случаѣ были

¹⁾ Полное собр. сочиненій кн. Вяземскаго, т. II, стр. 211—226.

²⁾ Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 233.

³⁾ Тамъ-же, стр. 180.

⁴⁾ См. „Характ. литературныхъ мнѣній“, изд. 2-е, гл. П.

ошибочныя и не оправдывали распространяемаго теперь представленія объ его пророческомъ проникновеніи въ народныя русскія начала: теорія была невѣрна исторически, потому что у насъ именно не было, да едва ли уже и можетъ быть такая наслѣдственная и властвующая аристократія, о какой мечталъ Пушкинъ, и если бы она даже устроилась, едва ли была бы особымъ благомъ для Россіи и чѣмъ-нибудь сочувственнымъ для народа. Тѣ образчики ея, какіе могли представляться Пушкину въ прошедшемъ, были плохимъ примѣромъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ трудовъ Кавелина,—которому трудно отказать въ знаніи русской исторіи,—находится какъ будто намѣренный отвѣтъ на слова Пушкина о революціонной дѣятельности Петра ¹⁾: „мысль, будто реформа Петра и петровскій періодъ представляютъ какой-то переломъ въ русской жизни, неожиданный, безпричинный, какъ будто съ неба упавшій, -- ни на чемъ не основана... Взглядъ на Петра Великаго, какъ на какого-то чуть-чуть не *Робеспьера*, также обличаетъ глубокое непониманіе русской исторіи и великаго царствованія, какъ и упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, завлчатый иностранецъ и нестерпимый тиранъ“ ²⁾.

Современникамъ Пушкина (и непринадлежавшимъ къ его кругу) не остались неизвѣстны эти его взгляды. У нихъ не было того матеріала, который сталъ извѣстенъ теперь въ письмахъ и замѣткахъ Пушкина; но личность поэта была предметомъ величайшаго интереса, его сочиненія изучались внимательнѣйшимъ образомъ; намеки комментировались, а, наконецъ, были живыя свѣдѣнія и рассказы. Бѣлинскій по поводу „Бориса Годунова“ говорилъ о Пушкинѣ весьма категорически, что „онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта“ ³⁾.

Если была возможность чувствовать въ поэтѣ помѣщика по поводу даже „Бориса Годунова“, то понятно, что Бѣлинскій затруднился безусловно назвать Пушкина поэтомъ національнымъ: обществу и критикѣ приходилось иногда видѣть въ немъ не полное выраженіе своихъ лучшихъ идеаловъ, а только панегирикъ одной эпохи, одного порядка вещей, видѣть тенденцію одного извѣстнаго круга. Исторія не подтвердила этого панегирика... Въ этой же односторонности надо искать и причину того, что къ концу жизни Пушкина (когда, замѣтимъ. не были извѣстны многія изъ лучшихъ его произведеній, явившіяся только въ посмертномъ изданіи) публика начинала охлаждать къ поэту. Въ ипыхъ случаяхъ, это охлажденіе

¹⁾ Эти слова явились только въ изданіи Ефремова, 1882, и едва ли были въ виду у Кавелина.

²⁾ „Вѣстн. Евр“. 1882, декабрь, стр. 937.

³⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, VIII, стр. 638.

было дѣломъ непониманія, легкомыслія; но въ другихъ имѣло свои основанія. Бѣлинскій самъ объясняетъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что Пушкинъ въ послѣдніе годы удалился въ область чистаго искусства. „И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созданій. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Взглядъ Пушкина на жизнь былъ болѣе созерцательный, нежели рефлектирующий; его поэзія, глубоко проникнутая гуманностью, воспримчива къ страданіямъ и противорѣчіямъ жизни, но онъ смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ, какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія“. Такова была натура Пушкина: этому взгляду Пушкинъ обязанъ изящною мягкостью, глубиной и возвышенностью своей поэзіи, но въ этомъ и ея недостатки. „Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго“... ¹⁾). Къ этому присоединялось, что созерцательная поэзія идеализировала иногда такіе предметы, въ которыхъ общество начинало уже относиться съ критическимъ анализомъ. Пушкинъ дѣлался поэтомъ status quo, и прежнее охлажденіе еще усилилось въ позднѣйшихъ литературныхъ поколѣніяхъ, и въ наше время многіе прославляли Пушкина какъ національнаго поэта, именно въ смыслѣ общественно-политическаго консерватора.

Но съ этими ссылками на его консервативныя идеи надо быть, однако, осторожнымъ. Теоретическія ошибки не могли возобладать совсѣмъ надъ поэзіей Пушкина; поэтическая проницательность и „художественная добросовѣстность“, мягкое гуманное чувство, сознаніе собственной силы и художественнаго достоинства шли глубже теорій, дали произведенія болѣе глубокія, чѣмъ онъ могъ бы дать какъ представитель узкой тенденціи. Его глаза не были закрыты на то, что дѣлалось въ отечествѣ, какъ могъ чувствовать себя въ немъ независимый писатель. Не мудрено, что въ годы изгнанія у него вы-

¹⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 402—408.

рывались желчныя слова объ „отечествѣ“; но въ самомъ концѣ жизни, когда онъ началъ журналъ, когда онъ былъ оплетенъ III-отдѣленскими наставленіями и угрозами, у него вырывались слова горечи и раздраженія ¹⁾). Къ послѣднему году его поэтической дѣятельности относится стихотвореніе: „Не дорого цѣню я громкія права“, и стихотвореніе: „Я памятникъ себѣ воздвигъ не рукотворный“, которое роковымъ образомъ являлось въ 1836 г. какъ завершеніе его поэтическаго поприща и гдѣ мы только теперь читаемъ въ предположѣнной строфѣ подлинныя стихи самого Пушкина ²⁾):

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславишь я свободу,
 И милость къ падшимъ призывалъ“.

Разнообразныя воспоминанія о Пушкинѣ въ 1880 г. собрали изъ его произведеній множество мыслей и образовъ, рисующихъ возвышенный тонъ его поэзіи и проникнутыхъ глубокою любовью къ родной странѣ и народу: онъ дорожитъ славными дѣяніями ихъ прошедшаго, страстно желаетъ широкаго просвѣщенія, ждетъ освобожденія народныхъ массъ; онъ первый правдиво постигаетъ народную жизнь и изображаетъ ее со всѣмъ богатствомъ языка, изученнаго въ народномъ источникѣ. Его провозглашали національнымъ поэтомъ, и многимъ казалось, что основной источникъ его національности таится въ „прикосновеніи“ къ народу, въ позднѣйшемъ періодѣ его развитія; но историческое изученіе должно убѣдить, что именно ранній періодъ его внутренней жизни, когда въ послѣдніе годы Александровскихъ временъ въ обществѣ, хотя не безъ увлеченій и фантазій, носилось много благороднѣйшихъ общественныхъ стремленій,—этотъ періодъ оставилъ въ немъ вліянія, не изгладившіяся во всю остальную жизнь, при всѣхъ позднѣйшихъ его колебаніяхъ. Новѣйшіе комментаторы не замѣчали, что многія лучшія цитаты, ими приведенныя и говорящія о народномъ благѣ, просвѣщеніи и свободѣ, принадлежатъ этому первому періоду жизни Пушкина, періоду либеральныхъ, въ европейскомъ смыслѣ, идеаловъ. Михайловское уединеніе дало Пушкину сосредоточиться, убѣдило, что онъ призванъ не къ какой-нибудь активной, а именно только къ художественной дѣятельности. Событія 1826 г. увлекли его въ тенденціозный консерватизмъ, въ отношенія, которыя онъ идеализировалъ, но которыя временами его страшно угнетали, и онъ возвращался къ инымъ свѣтлымъ свобод-

¹⁾ См., напр., Сочин., VII, стр. 42, 95, 174, 190, 283 и др., въ письмахъ 1824—26 гг. Вѣстн. Евр., 1879, письма къ женѣ.

²⁾ Сочин. III, стр. 411—412, 471. Любопытно, что третій стихъ этой цитаты выпалъ въ рѣчи „Идеалы Пушкина“, В. Никольскаго, стр. 45.

нымъ взглядамъ своего прошлаго. „Художнической тактъ дѣйствительности“ предохранилъ его отъ литературныхъ ошибокъ, въ которыя могли ввести его ошибки теоретическія, и на перекоръ тому, что онъ придумывалъ теоретически относительно русской исторіи, въ своихъ произведеніяхъ прославлялъ то, что составляетъ ея истинное величіе. Таково возвеличеніе Петра, на перекоръ превозносимому Пушкинымъ Карамзину, на перекоръ его собственнымъ представленіямъ Петра въ видѣ Робеспьера. „Петръ Великій,—говоритъ Бѣлинскій,—не только творецъ бывшаго и настоящаго величія Россіи, но и всегда останется путеводною звѣздою русскаго народа, благодаря которой Россія будетъ всегда идти своею настоящею дорогою къ высокой цѣли нравственнаго, человѣческаго и политическаго совершенства. И Пушкинъ *никогда* не является ни столько высокимъ, ни столько *національнымъ* поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи“¹⁾.

О томъ, чѣмъ могли бы быть дѣятельность Пушкина въ условіяхъ тенденціознаго консерватизма, еслибъ она продолжалась, мы вполне согласны съ заключительными страницами книги г. Стоюнина²⁾.

Исключительный и разнообразный талантъ сдѣлалъ Пушкина величайшимъ именемъ русской литературы, и какъ начнатель самостоятельнаго реального изображенія русской жизни онъ занимаетъ высокое мѣсто и въ спеціальной исторіи народныхъ изученій.

Но еще много предстояло труда впереди. Въ тридцатыхъ годахъ, въ концѣ жизни Пушкина, было заявлено официально начало народности; литература еще раньше назвала это слово, но понятіе еще долго оставалось неяснымъ. Мы приводили выше, что это слово называлъ кн. Одоевскій въ половинѣ двадцатыхъ годовъ, что о народности говорилъ Максимовичъ въ духѣ романическаго увлеченія народной поэзіей, что Надеждинъ искалъ въ ней средства противъ увлеченія чужеземнымъ и желалъ объяснить ее исторически; этнографическія работы предпринимаются уже съ опредѣленнымъ планомъ изслѣдованія „народности“; къ ней начинаютъ стремиться поэты и беллетристы; но въ большинствѣ случаевъ исканія остаются еще темны и поверхностны. Въ образчикъ тогдашнихъ взглядовъ приводимъ еще отрывокъ изъ статьи Плетнева, посвященной именно этому предмету³⁾.

¹⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 406.

²⁾ „Пушкинъ“. Спб. 1881, стр. 439—440.

³⁾ „О народности въ литературѣ“ (1833), рѣчь, читанная на актѣ Спб. универ-

„Въ числѣ главныхъ принадлежностей,—говоритъ онъ,—которыхъ современники наши *требуютъ* отъ произведеній словесности, господствуетъ идея народности“,—и затѣмъ онъ опредѣляетъ ее какъ совокупность всѣхъ особенностей нашей жизни.

„Она представляетъ собою особенность, необходимо соединяющуюся съ идеею каждаго народа. Сколько жь предметовъ должно войти въ ея совокупность! Черты, составляющія физиономію души нашей, предварительно были какъ стихіи въ томъ обществѣ, которое воспитало наши страсти, въ той природѣ, которая упоевала наши чувства, въ той религіи, которая возвысила наши помыслы, въ тѣхъ обычаяхъ, которые освящены для насъ давностію, въ тѣхъ предразсудкахъ, отъ которыхъ не спасетъ насъ никакая философія. Еще болѣе: одинъ и тотъ же народъ, въ разные періоды своей исторіи, при содѣйствіи равныхъ причинъ, скрывающихся то въ политикѣ, то въ морали, то въ ученыхъ мнѣніяхъ какого-нибудь времени, является съ безчисленнымъ множествомъ отгѣнковъ, которые всѣ принадлежатъ разсматриваемой идеѣ“.

„Въ звукахъ слова *народность*,—продолжаетъ Плетневъ,—есть еще для слуха нашего что-то свѣжее и, такъ сказать, не обносившееся“,—но новой литературѣ принадлежитъ только выраженіе, а самая идея современна древнѣйшимъ писателямъ. И онъ дѣлаетъ бѣглый и весьма туманный обзоръ античной и новѣйшей европейской литературы, чтобы указать проявленіе народности и затѣмъ перейти къ русской литературѣ, древней и новой. И здѣсь изложеніе столь же туманно ¹⁾. Въ XVIII столѣтіи дѣло народности русской представляетъ имп. Екатерина, Державинъ, Фонвизинъ. Со времени открытія памятниковъ древнѣйшей словесности нашей (труды гр. Мусина-Пушкина, Новикова), „черты народности приобрѣли какъ бы нѣкоторую осязательность“. Великія заслуги оказалъ Шлёцеръ, „мужъ правды и любви, первый въ ученомъ свѣтѣ благовѣститель нашего отечества“. Онъ съ такою страстію доискивался истины, и открывъ, съ такимъ восторгомъ передавалъ ее, что чтеніе „Нестора“ его воспламенило цѣлое поколѣніе русскихъ къ занятіямъ отечественною исторіею“. Далѣе:

„Итакъ идея, которая нѣкогда была преимуществомъ нашимъ передъ другими новѣйшими народами, идея, которую осуществляютъ намъ всѣ лучшіе таланты въ образованнѣйшихъ государствахъ Европы, занимала уже многіе между нами умы въ прошедшемъ столѣтіи. Самочувствіе воскресило ее въ душахъ людей, которые столько благоговѣли къ своимъ обязанностямъ, что лучшіе свои помыслы посвятили отечеству. Въ нынѣшнемъ столѣтіи еще равнодушіе сдѣлалось изысканіемъ въ отношеніи къ нашему гражданству. Въ исторіи мысли нашей и ея проявленія, къ чему не стремился, чего не желалъ прояснить достойный сынъ героя Задунайскаго, обратившій домъ свой въ храмъ отечественныхъ музъ, котораго самая надпись: „на благое просвѣщеніе“ сличита, въ Журн. Мин. Просв. 1834, ч. I, стр. 1—30, и въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ“ Плетнева, Спб. 1886, I, стр. 217—239.

¹⁾ Стр. 230 и слѣд.

жить для насъ завѣтомъ назидательнымъ. Если только чье-нибудь помышление клонилось на путь народной славы, никого не отчуждалъ сей благодушный вельможа отъ своей поучительной бесѣды и благороднаго вспомошествованія, былъ ли то историкъ или мореходецъ, поэтъ или антикварій, географъ или художникъ, грамматикъ или законовѣдецъ. Наблюдая современныя намъ явленія въ русской литературѣ, убѣждаемся, что благіе подвиги сіи были не безплодны, что есть дѣйствители въ каждой отрасли знаній, и что ихъ труды устремлены къ возвышенію нравственнаго достоинства нашего. Съ чувствомъ народной гордости мы произносимъ имена двухъ литераторовъ, дѣйствовавшихъ на разсматриваемомъ нами поприщѣ преимущественно въ славное царствованіе Александра I. Для одного изъ нихъ, по выраженію поэта, уже настало потомство; другой, кумиръ всѣхъ возрастовъ, поучаясь самъ въ изслѣдованіи русскаго духа, еще поучаетъ и насъ, хотя къ сожалѣнію довольно рѣдко. Сколь ни разнородны ихъ творенія, но они составляютъ одно цѣлое, полную картину Россіи, вѣрную исторію ея умственной жизни. Одинъ изъ нихъ, окружась неподкупными свидѣтелями нашихъ дѣяній, темныхъ и гласныхъ, доблестныхъ и постыдныхъ, прошелъ съ ними равные періоды существованія нашего, и душею своей вкисивъ, такъ сказать, бытіе каждой эпохи, воскресилъ для насъ истинный образъ Руси, навѣялъ на насъ ея дыханіе, породнилъ опять слухъ нашъ съ простою, нѣсколько однозвучною, но чистою и свободною музыкаю языка ея, взволновалъ сердце наше ея ощущеніями и обратилъ наши мысли къ невѣдомымъ еще сокровищамъ собственно нашего же ума и вкуса. Другой, прикрывшись невнимательностію и бездѣйствіемъ, останавливался въ каждой толпѣ народа, изучалъ всѣ классы людей отъ грязной черни до банстательныхъ царедворцевъ, высматривалъ всѣ наши слабости, недостатки, причуды, вывѣдалъ всѣ тайны ума нашего, его оборотливость, своровку и остроту. Про его-то иносказательная драма должно вымолвить, что въ нихъ русский духъ въ очахъ совершается. Произведенія писателей сихъ совершили тотъ умственный оборотъ, который получилъ начало до ихъ еще появленія. Теперь именами Карамзина и Крылова не только мы подтверждаемъ преимущество народности въ литературѣ, но и самые чужестранцы, ими познавшіе, что было затаено отъ нихъ въ сердцѣ Россіи.

„Сопровождая движеніе многообъятной идеи, выражаемой словомъ *народность*, мы видимъ, что ея успѣхи, совершенства гражданственности, устремляютъ умъ націи на историческое изученіе всѣхъ частей государства. Не удивительно, что въ явленіяхъ нынѣшней литературы нашей мы ежедневно встречаемъ болѣе или менѣе счастливыя покушенія на этомъ же поприщѣ. Но посреди сихъ разнородныхъ и разнообразныхъ опытовъ, какой колоссъ вовдвигнуть неутомимоу дѣятельностію всеобъемлющаго ума! Гдѣ самая вѣрная и самая поучительная исторія государства, какъ не въ картинахъ постепеннаго развитія силъ, воли и дѣйствій правительства въ отношеніи къ націи? Какой же представляется подвигъ тому, кто бы вздумалъ всѣ мелкія, разбросанныя, исчезающія и разнородныя черты сіи собрать, устроить, согласить и оживить! Государь обширнѣйшей въ свѣтѣ монархіи, напутствуя своими совѣтами вождей, вѣстниковъ его славы и справедливости, разрѣшая тяжкія недоумѣнія сильнѣйшихъ владыкъ Европы, пріемлетъ въ собственное свое владѣніе этотъ новый, повидимому безконечный трудъ, и къ удивленію свѣта, къ счастью своихъ подданныхъ совершаетъ его въ единое пятилѣтіе. Здѣсь, въ этой совокупности нашихъ законовъ, гдѣ каждый день, каждый часъ запечатлѣнъ идеею того, кто движетъ всѣ пружины и направляетъ всѣ нравственныя силы

націи, здѣсь вполнѣ будетъ достигнута наша исторія, а съ ея и самая народность.

„Въ то время, какъ, по высочайшей волѣ прозорливаго монарха, путеводителемъ и судіею нашимъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія явился мужъ, столь же высоко образованный, какъ и ревностный патриотъ, его первое слово къ намъ было: *народность*. Въ этихъ звукахъ мы прочитали самыя священныя свои обязанности. Мы поняли, что успѣхи отечественной исторіи, отечественнаго законодательства, отечественной литературы, однимъ словомъ: всего, что прямо ведетъ человѣка къ его гражданскому назначенію, должны быть у насъ всегда на сердцѣ. Дѣйствовать въ этомъ духѣ такъ легко, такъ отрадно, такъ естественно, что безъ сомнѣнія въ лѣтописяхъ ученыхъ обществъ не было еще ни одного указанія, по которому бы съ такимъ единодушіемъ и съ такимъ самоотверженіемъ соединились всѣ, какъ соединяемся мы по слову нашего вождя въ обѣтованную землю истинной образованности“.

Въ словахъ Плетнева была, вѣроятно, доля обязательнаго языка, но съ другой стороны никто не вынуждалъ избранной имъ темы, и Плетневъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, потомъ Гоголя, безъ сомнѣнія, высказывалъ обычныя представленія о начинающейся эпохѣ, которую олицетворяла официально заявленная „народность“.

Какъ складывалось понятіе о народности у тогдашнихъ этнографовъ, которые считали себя специалистами въ ея объясненіи, мы видѣли между прочимъ у Сахарова. Укажемъ еще нѣсколько строкъ изъ предисловія, которымъ вводилъ читателя въ свою книгу другой типическій этнографъ того времени, Терещенко ¹⁾: книга написана совершенно ненаучно, не весьма грамотно, но это не мѣшало „народности“.

„Иностранцы,—говоритъ Терещенко,—смотрѣли на наши нравы и образъ жизни по большей части изъ одного любопытства; но мы обязаны смотрѣть на все это не изъ одного любопытства, а какъ на исторію народнаго быта, его духъ и жизнь, и почерпать изъ нихъ трогательныя образцы добродушія, гостепримства, благоговѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію. Если чужеземные наблюдатели удивлялись многому и хвалили, а болѣе порицали, то мы не должны забывать, что они глядѣли на насъ поверхностно, съ предубѣжденіемъ и безъ изученія нашего народа... Перечитывая описанія, повѣствованія и сказанія на многихъ европейскихъ языкахъ, вы постоянно читаете—и не безъ улыбки,—что всѣ нумоземные писатели какъ бы условились однажды и навсегда хулить и бранить насъ“... (Сейчасъ, однако, было сказано, что они многому удивлялись и хвалили!).

„Оставивъ людскія страсти, которыя мы относимъ къ понятіямъ вѣка, намъ усладительно вспомнить, что предковъ жизнь, не связанная (?) условіями многосторонней образованности, излилась изъ сердечныхъ ихъ ощущеній (?), истекла изъ природы ихъ отчизны, и этимъ напоминаетъ патриархальная простота, которая столь жива въ ихъ дѣйствіяхъ, что какъ будто бы это было

¹⁾ Быть русскаго народа. Сочиненіе А. Терещенки. Въ VII частяхъ. Сиб. 1848. Объ этой книгѣ мы скажемъ далѣе, когда остановимся на замѣчательныхъ статьяхъ Кавелина, ею вызванныхъ.

во всякомъ изъ насъ (?). Кто хочетъ изслѣдовать бытъ народа, тотъ долженъ восходить къ его юности и постепенно снисходить по ступенямъ измѣненій вѣхъ его возрастовъ“,—и такъ далѣе.

Правда, были и въ тѣ годы люди, которые поняли дѣйствительную стоимость заявленія „народности“, и мы, иногда почти съ изумленіемъ, встрѣчаемъ чрезвычайно ясное пониманіе вещей въ дневникѣ А. В. Никитенка именно изъ этихъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, — но въ большинствѣ общества на первое время повидимому было очень распространено представленіе о томъ, что наступила въ нашей жизни настоящая „народность“ и что въ этомъ отношеніи нечего больше желать. Мечты двадцатыхъ годовъ были подавлены или забывались. Въ тридцатыхъ годахъ даже въ новомъ поколѣніи, которое съ большимъ возбужденіемъ предалось Гегелевской философіи, господствовало въ параллель этому ученію о „разумной дѣйствительности“. Прежде чѣмъ сознано было могущественное значеніе произведеній Гоголя и прежде чѣмъ сложились новыя школы, „западная“ и славянофильская, въ которыхъ поднять былъ совсѣмъ иначе вопросъ о народѣ, въ литературѣ еще долго держалось это консервативное представленіе „народности“, въ сущности безсодержательное.

До какой степени были въ пушкинское время не требовательны относительно литературныхъ и общественныхъ отраженій народности, видно изъ рѣчи Плетнева: „Исторія“ Карамзина, басни Крылова и Сводъ Законовъ убѣждали вполне въ присутствіи „народности“. Та же нетребовательность сказалась въ успѣхѣ Загоскина (1789—1852; его историческіе романы 1829—1848). Въ 1829 явился „Юрій Милославскій“ и имѣлъ необычайный успѣхъ: автора горячо привѣтствовали и Жуковский, и самъ Пушкинъ.

Мысль объ историческомъ романѣ была у Загоскина [слѣдствіемъ чтенія Вальтеръ-Скотта и старыхъ историческихъ повѣстей Карамзина; историческія понятія составлены всецѣло по Карамзину, общественныя—были искреннимъ и наивнымъ консерватизмомъ, вполне подъ стать официальной народности. На первыхъ порахъ „Юрій Милославскій“ вызвалъ великія похвалы, которыя уже вскорѣ потомъ должны были казаться непонятны. Въ романѣ была легкость разсказа, одушевленіе,—но отсутствіе историческаго колорита, избытокъ приторной сантиментальности, которую въ другихъ своихъ произведеніяхъ романистъ одинаково вносилъ и въ X-е, и въ XIX столѣтіе, патриотизмъ, слишкомъ часто состоящій въ самохвальствѣ и ненависти ко всякой иноземщинѣ: они стали достоинствомъ своей особой публики и ни мало не послужили объясненію старины для читате-

лей, которые ищутъ въ романѣ историческаго интереса ¹⁾. Какая подкладка лежала въ основѣ взглядовъ Загоскина, онъ самъ объяснилъ позднѣе въ письмѣ къ издателю „Маяка“ ²⁾: появленіе этого журнала очень порадовало Загоскина, именно этого онъ дожидался, и тотчасъ обратился къ журналу съ привѣтствіями и нѣкоторыми замѣчаніями. Это былъ искренній обскурантизмъ, обезоруживающій своей простодушной откровенностью.—Совсѣмъ иной силы таланта и ума былъ Лажечниковъ (1794 — 1869; историческіе романы 1831—1838). Его романы принадлежатъ также романтической манерѣ, болѣе тонкой, но, быть можетъ, еще болѣе преувеличенной; Лажечниковъ строитъ свои романы болѣе сложно, съ запутанной интригой, эффектами, съ романтическими страстями, — но ихъ достоинство несравненно выше: больше историческаго пониманія, разнообразія картинъ, оригинальности языка. Историческая тема берется серьезнѣе, съ изученіемъ источниковъ, и несмотря на иные вопиющіе анахронизмы новѣйшихъ чувствъ и понятій, переносимыхъ въ XVI—XVIII вѣка, его романы глубже переносятъ въ выбранную эпоху, чѣмъ когда-нибудь удавалось Загоскину.—Не перечисляя другихъ тогдашнихъ произведеній этого рода, довольно привести слова Бѣлинскаго по поводу „Арапа Петра Великаго“, что „эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова ³⁾, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Передъ ними, передъ этими семью главами неоконченнаго романа, бѣдны и жалки повѣсти г. Кукольника, содержаніе которыхъ взято изъ эпохи Петра Великаго и которыя все-таки не лишены достоинства“ ⁴⁾.

Столь же мало глубока въ истинномъ уразумѣніи народности была обильная литература правоописательныхъ романовъ, нравственно-сатирическихъ повѣстей, романтическихъ поэмъ, драмъ, трагедій и

¹⁾ Задавая себѣ вопросъ о причинахъ успѣха „Юрія Милославскаго“, г. Скабичевскій („Сочиненія“, 1890, т. II, 695) объясняетъ, что масса нашла въ немъ романъ-сказку, каковъ былъ средневѣковой романъ приключеній, который и удовлетворилъ элементарнымъ вкусомъ. Но Жуковскаго и Пушкина безъ сомнѣнія привлекало и нѣчто иное—интересъ первой попытки въ новомъ направленіи, тѣмъ больше, что въ ней была „теплота разсказа“ и „умѣренность въ изображеніи простодушной народности“, которыя отмѣчалъ и болѣе требовательный Бѣлинскій.

²⁾ См. „Маякъ“ 1840, ч. VII, стр. 101 — 105. Ап. Григорьевъ такъ поразился, встрѣтивъ въ „Маякѣ“ это письмо, что перепечаталъ его цѣликомъ въ одной изъ своихъ статей; см. Соч. Ап. Григорьева, стр. 581—586.

³⁾ Отрывокъ изъ „Арапа“ явился въ первый разъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1829 годъ.

⁴⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 701.

комедій, касавшихся исторіи и народной жизни. Были, разумѣется, и здѣсь проблески живого содержанія, но господствовала романтическая ходульность, поверхностное отношеніе къ жизни общества и народа.

Какъ писатель изъ народнаго быта, въ пушкинскую эпоху имѣетъ значеніе въ особенности, почти исключительно, Даль, дѣятельность котораго продолжается потомъ и въ эпоху Гоголя. Мы говорили о немъ какъ объ этнографѣ. Въ пушкинское время Даль прибрѣталъ уже великую славу какъ первостепенный знатокъ народнаго быта. Эта слава въ сороковыхъ годахъ установилась; Бѣлинскій былъ высокаго мнѣнія о талантѣ Даля и ставилъ его на второе мѣсто послѣ Гоголя ¹⁾. Въ настоящее время онъ почти забытъ. Время дѣлаетъ свое; въ чемъ же оно ушло впередъ?

Бѣлинскій, при всемъ высокомъ понятіи о дарованіи Даля, замѣтилъ, однако, что это талантъ частныхъ, отдѣльныхъ типовъ, бытовыхъ подробностей, что онъ не идетъ дальше извѣстной границы. Сравнивая Даля съ послѣдующимъ ходомъ литературы, изображавшей народный бытъ, легко увидѣть, что Даль по своему отношенію къ народности остается писателемъ старой школы. Въ тридцатыхъ годахъ влеченіе къ народности у тогдашнихъ партизановъ ея было инстинктивное и неясное; они восхищались народной пѣсней, обычаемъ, преданіемъ, въ народномъ языкѣ видѣли верхъ литературнаго совершенства. Современники Даля догадывались, что между жизнью образованнаго класса и жизнью народа есть какой-то разладъ, и думали, что онъ можетъ быть покрытъ и изглаженъ култомъ народности, но они совсѣмъ не понимали, какъ это можетъ сдѣлаться. Имъ казалось, что стоитъ сблизиться съ внѣшнимъ народнымъ бытомъ, принять нѣкоторые изъ брошенныхъ обычаевъ, покинуть „иноземщину“ и заговорить народнымъ языкомъ; — имъ не приходила мысль, что такими поверхностными и придуманными, а не выходящими изъ жизни средствами нельзя сдѣлать ничего; что такое внѣшнее, безъ измѣненія существенныхъ отношеній, принятіе обычая (напр., платья) будетъ маскарадомъ, почти насмѣшкой надъ народомъ (или смѣхомъ для него); что въ „иноземщинѣ“ заключается между прочимъ вся наука; что народный языкъ, какъ ни прекрасенъ, крайне бѣденъ для выраженій понятій высшей категоріи. Но у нихъ не было совсѣмъ, или было очень мало, критическаго взгляда на общественное положеніе народности; большею

¹⁾ Сочин. Бѣл. I, стр. 334; II, 426; III, 87, 117; VI, 42, 203—205; VII (по 2-му изд.), 28, 84; IX, 299, 302; X, 294; XI, 58, 109 — 115, 419, 253. Любопытно, однако, что Бѣлинскій никогда не посвящалъ сочиненіямъ Даля большой критической статьи, г.-е. не нашелъ въ его сочиненіяхъ элементовъ важнаго историческаго явленія.

частью они удовлетворялись тогдашнимъ ея положеніемъ, даже торговались имъ; этнографы и писатели этой школы, на словахъ великіе любители народа, на дѣлѣ не разъ становились къ нему въ ненавистное отношеніе согладатаевъ и сыщиковъ (въ дѣлахъ по расколу). Такихъ былъ не одинъ между друзьями Даля; не всѣ, конечно, доходили до этого, но вообще критической или просто человѣческой мысли о народѣ не было; люди этой школы думали, что отдаленіе общества отъ народа можетъ быть исправлено однимъ сантиментальнымъ романтизмомъ, поддѣлкой подъ народность, а самый народъ— пусть остается крѣпостнымъ; или же, не мудрствуя лукаво, они просто придерживались взглядовъ „Маяка“, какъ Загоскинъ.

Сочиненія Даля состоятъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ повѣстей, мелкихъ очерковъ, пересказа народныхъ преданій, сказокъ и, наконецъ, специально рассказовъ, рассчитанныхъ на читателей изъ простонароднаго класса („Солдатскіе“ и „Матросскіе досуги“ и т. п.). Повѣсти его даютъ не столько типы, сколько біографическія исторіи, переплетенныя съ бытовыми картинками — изъ жизни военной, морской, помѣщичьей, купеческой, крестьянской, заводской. При этомъ нерѣдки и автобіографическія черты ¹⁾; въ рассказѣ „Савелій Грабъ или Двойникъ“ герою приданы этнографическіе вкусы и народолюбіе самого автора ²⁾, и есть, быть можетъ, портреты (напр., купецъ-библіофилъ Ахтубинцевъ, въ „Небываломъ“). Бытовыя описанія отличаются вообще большимъ знаніемъ нравовъ, обычаевъ, языка; вездѣ виденъ бывалый человѣкъ, много повидавшій, и умѣлый рассказчикъ; нѣкоторыя описанія сдѣланы почти съ этнографической точностью, напримѣръ, прекрасное сравнительное описаніе деревни великорусской и малорусской ³⁾. Но сказались и тѣ недостатки, какіе должны были проистекать изъ общаго отношенія къ „народности“. Направленіе Даля осталось до конца народноромантическимъ; его рассказы, живые, скрашенные юморомъ, были занимательны, но читатель въ концѣ концовъ оставался безъ всякаго опредѣленнаго впечатлѣнія о той жизни, какою ему изображали. Ихъ содержаніе было анекдотическое. Наблюдательности автора не миновали многія жизненныя явленія, — онъ умѣетъ нари-

¹⁾ Напр., въ повѣстяхъ: „П. А. Игривый“, „Мичманъ Поцѣлуйевъ“, „Болгарка“, „Подольянка“, „Небывалое въ Быломъ“ и проч.

²⁾ Напр., ему прямо приписаны разсужденія о народныхъ суевѣріяхъ и примѣтахъ, находящіяся въ предисловіи къ книжкѣ Даля объ этомъ предметѣ; приписаны упомянутыя нами раньше сравненія литературнаго изложенія съ казацкимъ, какія онъ предлагалъ Жуковскому.—Объ этомъ сравненіи см. еще замѣчаніе Бѣлинскаго. Сочин. VII, стр. 204.

³⁾ Въ „Небываломъ“. Сочиненія Даля. Слб. 1860—1861, т. VII, стр. 326—330.

совать самодура-купчину, картины помѣщичьяго быта и т. д.,—но не умѣетъ возвести ихъ къ общему началу; подмѣтилъ однажды и типъ недовольнаго, негодующаго на несправедливости ¹⁾, но, по его собственному сужденію, это только — сумасшедшій человѣкъ... Что касается собственныхъ взглядовъ автора, то уже Бѣлинскій, хотя находилъ въ нихъ много ума и оригинальности, но и такія странности, съ которыми считалъ излишнимъ спорить ²⁾; въ самомъ языкѣ, его народность выражается прибауточностью, которая въ большомъ количествѣ является вещью нестерпимой, потому что становится видна ея искусственность. Но при всемъ знаніи подробностей быта, при всемъ обиліи внѣшней народности языка, тотъ существенный вопросъ, по которому только и можетъ быть важенъ интересъ къ „народности“, вопросъ о нравственно-общественномъ положеніи народа остался у Даля совсѣмъ нетронутымъ. Можно было бы думать, что писатель, такъ горячо стоявшій за народность, положившій такъ много труда на ея изученіе, найдетъ слово участія къ общественному положенію народа въ громадномъ большинствѣ крѣпостного, — и однако, онъ не нашелъ этого слова ³⁾.

Этимъ и объясняется, почему успѣхъ манеры Даля сталъ невозможенъ, когда въ литературѣ стало пріобрѣтать все большую силу вліяніе Гоголя, и когда подъ этимъ вліяніемъ народность начали понимать и изображать въ ея общественномъ и нравственно-человѣчномъ смыслѣ. За Далемъ осталась въ области беллетристики лишь та заслуга, что онъ ввелъ въ нее обильный запасъ этнографическаго матеріала, послѣ котораго была облегчена задача внѣшняго изображенія народной жизни. „Записки Охотника“ окончательно заслонили прежнюю народоописательную литературу, въ томъ числѣ и Даля.

Это отношеніе прежней народно-романтической школы къ новымъ понятіямъ объ интересахъ народности ярко обнаружилось въ началѣ прошлаго царствованія, когда дѣятели этой школы во многихъ случаяхъ явились противниками новаго движенія. Въ ряду противниковъ оказался и Даль въ статьяхъ, надѣлавшихъ нѣкогда

¹⁾ Сулейкинъ, въ разсказѣ „Отецъ съ сыномъ“, — предшественникъ извѣстнаго резонера у Г. Успенскаго.

²⁾ „Даже самыя странности и парадоксы автора носить на себѣ отпечатокъ такой *достолюбезности*, что доставляютъ въ чтеніи и удовольствіе“,—говорилъ Бѣлинскій, но серьезно разбирать ихъ не считалъ нужнымъ.

³⁾ Въ своемъ изслѣдованіи: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ (Сиб. 1888), г. В. Семеновскій собралъ изъ сочиненій Даля черты, указывающія его отношеніе къ крѣпостному праву: Даль очевидно ему сочувствуетъ, и неоднократно рисуетъ глупость русскаго мужика, которому необходимы строгія исправительныя мѣры помѣщика и исправника. Т. II, стр. 273—278.

много шуму, гдѣ этотъ писатель, всю жизнь посвятившій культу народности, высказалъ мнѣніе о вредѣ для народа грамотности (по мнѣнію Дали, грамотность должна была распространить въ народѣ развѣ только крючкотворство и писаніе фальшивыхъ паспортовъ). Люди, питавшіе къ Далю уваженіе, находили тогда, что онъ „имѣлъ несчастіе“ высказать странныя мысли объ этомъ предметѣ ¹⁾).

О тонѣ мыслей Дали по этому предмету можетъ дать понятіе небольшой образчикъ. Когда съ началомъ прошлаго царствованія русское общество было полно лучшими ожиданиями, когда уже мелькала надежда на освобожденіе крестьянъ и одной изъ первыхъ мыслей пробудившейся общественности была мысль о народной грамотности, какъ первой ступени къ нѣкоторому образованію, Даль отозвался на это только такими недоброжелательными, да и не правдивыми словами: „Нѣкоторые изъ образователей (?) нашихъ ввели въ обычай (?) кричать и вопить (!) о грамотности народа и требуютъ (?) напередъ всего, во что бы ни стало (?), одного этого (!); указывая на грамотность другихъ просвѣщенныхъ народовъ, они безъ умолку (?) приговариваютъ: просвѣщеніе, просвѣщеніе!“ и т. д. Даль настаивательно объясняетъ, что грамотность и просвѣщеніе не одно и то же, — хотя никто ихъ не смѣшивалъ, а говорилось о народной школѣ, какъ первомъ началѣ какого-нибудь просвѣщенія, какого можно было по обстоятельствамъ надѣяться для народа, до тѣхъ поръ абсолютно заброшеннаго. Весь споръ былъ веденъ со стороны Дали крайне странно; у него не нашлось добраго слова въ пользу народной школы, и на дѣлѣ разсужденій трудно было не найти чиновнической стараго вѣка мысли, что народу нечего дѣлать со школой, а надо пахать землю и—знать сверчку свой шестокъ ²⁾...

Настоящими преемниками Пушкина въ общемъ ходѣ литературы были два гениальные таланта новаго поколѣнія—Лермонтовъ и особенно Гоголь. Какъ вообще историческое развитіе не есть повтореніе предыдущаго содержанія и формы, такъ и историческіе преемники Пушкина не повторяли его и не подражали ему, а именно только восприняли основную нить его дѣятельности и повели ее да-

¹⁾ Статьи Дали о вредѣ грамотности: Русская Бесѣда, 1856, кн. III, Сибѣрь, стр. 1—16: „Письмо къ издателю А. И. Кошелеву“; Отечеств. Записки, 1857, февраль, литер. и журн. замѣтки, стр. 133: „Приписка къ письму А. И. Кошелеву, по поводу возраженій на него“; Сиб. Вѣдомости 1857, № 245.—Изъ статей противъ Дали довольно отиѣтитъ статьи Е. Карновича въ „Современникѣ“ 1857, № 10, стр. 123—138: „Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ?“ и № 12, стр. 167—176: Отвѣтъ г. Далю на замѣтку „о грамотности“, помѣщенную въ 245 № „Сиб. Вѣдомостей“, и тамъ же въ Соврем. обозрѣніи, стр. 296—298.

²⁾ Въ біографіи Дали, „Русск. Вѣстникъ“, 1873, и этотъ эпизодъ о народной грамотности переданъ невѣрно.

лѣе. Этою нитью было самостоятельное художественное творчество, и какъ пріемъ его—правдивое реальное отношеніе къ жизни. Въ результатѣ получилось съ одной стороны—глубокое отрицаніе господствующей общественной дѣйствительности, и съ другой — приступы къ изображенію народа. Относительно Лермонтова нельзя забывать, что въ его произведеніяхъ мы имѣемъ дѣло только съ начавшейся дѣятельностью, прерванной на первыхъ опытахъ: онъ еще только выходилъ изъ поры юношескаго броженія, еще не выработалъ опредѣленнаго взгляда на вопросы общественной и народной жизни, но ясно было, что въ Лермонтовѣ сказывалось тоже давно созрѣвавшее стремленіе къ освобожденію личности, необходимое для того, чтобы самому обществу стало возможно достиженіе иныхъ болѣе свободныхъ формъ его жизни. Лермонтовъ не успѣлъ выработать этого инстинкта въ ясный идеалъ, но онъ съ нимъ носился цѣлую жизнь, отъ „Демона“ до Печорина и до „Пророка“. Затѣмъ, мы имѣемъ у Лермонтова великолѣпные, самымъ Пушкинымъ недостигнутые образцы воспроизведенія народныхъ темъ — какъ пѣсня объ опричникѣ и купцѣ Калашниковѣ, давно высоко оцѣненная какъ знаменательный фактъ въ нашемъ литературномъ развитіи. Это — не манера Пушкина, а свой самостоятельный подступъ къ народно-поэтическому міру, неожиданный и блестящій. Но къ реальной народной жизни Лермонтовъ, какъ и Пушкинъ, еще не подошелъ. У Пушкина чисто народная, крестьянская жизнь, кромѣ „Исторіи села Горохина“, гдѣ господствуетъ сатирической плант, отражается только эпизодическими жанровыми картинками (въ „Онѣгинѣ“, „Капризѣ“, въ повѣстяхъ Бѣлкина и проч., въ народныхъ балладахъ), и мысль объ освобожденіи крестьянъ остается отвлеченной, не перешедшей въ нравственное правило⁵⁾, — такъ и у Лермонтова. Характеристическимъ произведеніемъ является у него знаменитая „Родина“: поэтъ любить ее „странною любовью“, которой „не побѣдитъ *разсудокъ*“; онъ сознается, что его чувства не трогаютъ ни купленная кровь слава, ни покой (государства), полный гордаго довѣрія, ни завѣтныя преданія темной старины, — но онъ любитъ—самъ не знаетъ за что—широкую природу родины и простую картину „печальныхъ“ деревень и, въ праздникъ, шумъ народнаго веселья. Очевидно, что поэтъ не влечетъ народность официальная, въ ея тогдашней формѣ, гдѣ слава записывалась въ официальныхъ реляціяхъ, завѣтныя преданія старины внесены были въ панегирическую холодную исторію,

⁵⁾ Въ цитированномъ выше письмѣ 1826 г., Пушкинъ упоминаетъ своихъ *хамовъ* (Сочин. VII, 45). По этой терминологіи, знаменитая няня также должна бы причисляться къ разряду „хамовъ“.

и напротивъ, глубокой инстинктъ, для самого поэта еще непонятный, влечетъ его къ этому скудному народному быту, къ утѣсненной народной личности, къ порывамъ ея свободной жизни и одушевленія. Эта любовь была „странна“ (и разсудокъ какъ будто долженъ былъ побѣждать ее), потому что противорѣчила тону всей окружающей массы общества; но чувство поэта было вѣрно: оно внушалось тѣмъ могущественнымъ народно-историческимъ инстинктомъ, какой посѣщаетъ національнаго поэта; это былъ тотъ же результатъ, къ которому другіе приходили путемъ научнаго и общественнаго сознанія. Переведенная на простой языкъ и растолкованная, эта пѣса становилась недозволительнымъ свободомыслиемъ и отрицаніемъ. Люди стараго порядка это чувствовали и слова: „туда ему и дорога“, сказанныя по смерти Лермонтова, были характеристичны.

Гораздо продолжительнѣе и несравненно плодovitѣе была дѣятельность Гоголя. Не лишено важнаго историческаго смысла то, что въ лицѣ Гоголя въ русской литературѣ могущественнымъ дѣвателемъ явился малорусскъ, не утратившій своихъ племенныхъ свойствъ и сочувствій, — какъ будто для цѣльнаго развитія русской литературы требовалось равносильное участіе обѣихъ основныхъ вѣтвей русскаго племени, соединенныхъ въ общемъ возвышенномъ идеалѣ; какъ будто для утвержденія истинной „народности“ нужно было участіе писателя, въ собственной скромной литературѣ котораго „народность“ по существу дѣла была уже неизбѣжнымъ элементомъ. Гоголь, послѣ перваго чисто романтическаго опыта, начинаетъ съ разсказовъ на малорусскія народныя темы, и ими завоевываетъ первую славу. Затѣмъ слѣдуетъ историческій романъ — опять изъ прошлаго Малороссіи, на сюжетъ именно сродный народному эпосу, — романъ, который по художественному достоинству могъ смѣло равняться съ историческими повѣстями Пушкина; далѣе рядъ повѣстей, гдѣ гуманное чувство пушкинской поэзіи смѣняется глубокимъ юморомъ и картинными вѣстѣ психологическаго и общественнаго интереса, потрясающими читателя; затѣмъ тотъ же общественный интересъ выступаетъ въ гениальной комедіи и „поэмѣ“. Все это новое содержаніе находится въ тѣсномъ родствѣ съ дѣятельностью Пушкина, но вѣстѣ составляетъ новую ступень въ развитіи общественно-народнаго характера литературы. И внѣшнимъ образомъ Гоголь тѣсно примыкаетъ къ Пушкинскому кругу; здѣсь, и въ кругѣ Бѣлинскаго, Гоголь нашелъ первыя сочувствія и опору противъ рутины, противъ вражды старѣвшаго романтизма, противъ лицемѣрной „благонамѣренности“ и обскурантизма. Съ оборотной стороны преданій Пушкинскаго круга связано и послѣднее направленіе Гоголя: въ „Пере-

пискѣ“ отношеніе къ крѣпостному праву было отрицаніемъ его собственнаго христіанскаго взгляда.

Кромѣ малорусскихъ разсказовъ, Гоголь нигдѣ не изображалъ народнаго русскаго быта прямо, а только косвенно затрогивалъ его въ исторіи „мертвыхъ душъ“. Тѣмъ не менѣе, его вліяніе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ исторіи народныхъ изученій: полное дѣйствіе художественнаго реализма Пушкина явилось только съ его истолкованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ у Гоголя. Послѣ Гоголя, романтическая точка зрѣнія съ ея ложью, художественной и общественной, стала невозможна; послѣ Гоголя возможно было идти только путемъ правдиваго изображенія *дѣйствительности*, и такъ какъ дѣйствительность была слишкомъ далека отъ той картины благополучнаго обстоянія, какую рисовала система официальной народности и лицемѣрившая, или не понимавшая, доля литературы, то новое направленіе, выросшее подъ вліяніемъ Гоголя, уже вскорѣ совпало съ тѣмъ критическимъ анализомъ, который въ то же время развивался въ публицистической дѣятельности круга Бѣлинскаго. Для Бѣлинскаго, — котораго мы опять упомянемъ здѣсь, такъ какъ въ то время не было болѣе чуткаго критика и челоуѣка, болѣе преданно и ревниво искавшаго успѣховъ русской литературѣ, — Гоголь былъ предметомъ величайшихъ надеждъ. Трудно сказать, кого Бѣлинскій цѣнилъ больше — Пушкина или Гоголя: первый былъ для него образцомъ художественнаго совершенства, второй (въ его произведеніяхъ до „Переписки“) — дорогимъ союзникомъ въ защитѣ его общественныхъ идей. Самъ Гоголь, подъ вліяніемъ болѣзненнаго душевнаго процесса отрешившись отъ своихъ произведеній, былъ потерянъ для дѣла, которому такъ много послужилъ, но движеніе не остановилось; напротивъ, оно шло быстро и, въ связи съ другими сторонами литературы и идеями, бросавшими корень въ общество, выразилось яснымъ стремленіемъ къ изученію народа общественно-политическому.

Хронологическія цифры этого движенія были таковы:

1837—Смерть Пушкина (передъ тѣмъ, 1836 — появленіе „Ревизора“).

1838—Сочиненія Пушкина, т. I—VIII.

1841—томы IX—XI. Смерть Лермонтова.

1842—„Мертвыя Души“.

1845—Валуевскій „Сборникъ“.

1846—Первый „Московскій Сборникъ“ и полемика славянофиловъ и западниковъ.

1847—„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Письмо къ Гоголю, Бѣлинскаго. Цераме „Разказы Охотника“, Тургенева.

1848—„Запутанное дѣло“, Салтыкова.

Если обратить вниманіе на то, что только въ 1841 г. закончилось первое полное изданіе Пушкина, и въ 1842—явились „Мертвыя Души“, то нельзя не признать чрезвычайно быстрымъ движеніе, которое въ такое короткое время перешло отъ нихъ къ „Запискамъ Охотника“. Какимъ многозначительнымъ событіемъ въ исторіи нашей литературы и общественности были „Записки Охотника“, извѣстно. Сдѣланъ былъ большой шагъ не только въ области художества, но и въ понятіяхъ общественныхъ: Гоголь далъ поражающую картину бытовыхъ условій и вызывалъ къ ихъ дальнѣйшему изслѣдованію; Тургеневъ направилъ это изслѣдованіе прямо на крѣпостную бытъ, и указалъ съ одной стороны развращающее вліяніе крѣпостного права на рабовладѣльцевъ, съ другой—гнусное насиліе надъ человѣческой личностью, испытываемое рабами, на сторонѣ которыхъ остается нравственное достоинство. Какъ появленіе Гоголя раскрывало весь смыслъ Пушкина, нравственно-общественные задатки его поэзіи, такъ значеніе Гоголя становится вполнѣ понятнымъ въ группѣ его преемниковъ. Стремленія литературы выяснились. Народная стихія, которая являлась у Пушкина какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, а въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ, затѣмъ у Гоголя укрѣпляется въ могущественномъ реализмѣ,—у преемниковъ его выражается въ любящемъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка.

Тургеневъ указанъ нами какъ основной представитель этого періода. Цѣлый рядъ писателей, съ различными оттѣнками главнаго направленія, болѣе или менѣе воспитавшимися въ школѣ Гоголя, открываетъ новую полосу реального изображенія русской жизни—въ быту помѣщика, чиновника, купца, крестьянина. Некрасовъ съ своими стихотвореніями, Григоровичъ съ „Деревней“ и „Антономъ Горемыкой“, Писемскій, Потѣхинъ, Печерскій, Островскій съ комедіей купеческой и драмой изъ народнаго быта, и другіе служили этому дѣлу общественнаго самосознанія, высказывали народныя сочувствія, созрѣвшія въ образованнѣйшей части общества, и воспитывали его массу для лучшаго пониманія гражданскаго быта и національнаго достоинства.

Какъ для историка, по словамъ г. Ключевскаго, большая находка, если между собой и непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ онъ встрѣчаетъ художника, такъ для русскаго этнографа не лишено было важности между собой и предметомъ этнографическаго наблю-

денія встрѣтить писателей какъ Пушкинъ, Гоголь и Тургеневъ. Одна научная критика была бы суха и безстрастна; народъ, предметъ наблюденія, былъ безправенъ и угнетенъ, и не легко доступенъ для пониманія; нормальность его быта была нарушена учрежденіями. Чтобы получилась для этнографіи первая правильная исходная точка, нужно было, чтобы изъ-подъ гнета тягостныхъ условій современнаго быта, искажавшихъ народную природу, выдѣлилась и проявилась основная, идеальная личность народа, чтобы наблюдатель, приступая къ ея изученію, освободился отъ господствовавшаго сословнаго и административнаго предрасудка и притязанія. Для этого-то раскрытія народной личности и поработала много поэтическая литература. Задолго до правительственнаго плана освобожденія крестьянъ, она заявила необходимость этой государственной и общественной реформы и впервые отнеслась къ народу съ уваженіемъ, какъ дѣйствительной основѣ націи, и съ сочувствіемъ къ его необходимой и призываемой гражданской равноправности.

Литературное развитіе идетъ вообще сложными путями; одинъ фактъ складывается изъ нѣсколькихъ источниковъ, и въ свою очередь оказываетъ вліяніе въ разныхъ направленіяхъ. Художественное творчество дѣйствуетъ не по однимъ эстетическимъ возбужденіямъ, но и подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій общественности; и рядомъ съ нимъ, подъ такимъ же дѣйствіемъ цѣлаго хода вещей, совершалась однородная работа въ другихъ областяхъ литературы: исторія, археологія, языкованіе, изученія экономическія и т. д. вели къ тому же изслѣдованію народнаго быта въ его историческихъ источникахъ, и въ его этнографическомъ и социальномъ настоящемъ. Общественная мысль съ разныхъ сторонъ подготовлялась къ его уразумѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ художественная литература овладѣваетъ реально-правдивымъ изображеніемъ народной жизни, этнографія впервые выступаетъ на правильную научную дорогу.

Исторически, не случайно художественное творчество и наука совпали въ требованіи уваженія къ народной личности.